

Юрий Мухин

Антироссийская подлость

Аннотация

Чтобы сплотить Европу в вооруженной борьбе с наступающей Красной Армией, Гитлер в 1943 г. приказал разрыть могилы с расстрелянными в 1941 г. немцами под Смоленском польскими офицерами и сообщить миру, что они, якобы, убиты в 1940 г. НКВД СССР по приказу `московских евреев`. Сидевшее в Лондоне и предавшее союзников польское правительство в эмиграции подключилось к этой гитлеровской провокации, и в результате возросшего ожесточения в ходе Второй мировой войны были дополнительно убиты на фронтах миллионы советских, британских, американских, немецких солдат и солдат союзников обеих противоборствующих сторон.

С целью лишить Россию союзников и подтолкнуть страны Восточной Европы в НАТО, в 80-х годах эту провокацию реанимировали подонки из ЦК КПСС, Генпрокуратуры СССР и России, Академии наук РФ.

Для студентов юридических специальностей и всех, для кого Россия является Родиной.

Юрий Мухин

Антироссийская подлость

Предисловие

Почему они так боятся суда?

1. О Катынском деле — о поиске того, кто казнил около 12 тыс. польских офицеров, сдавшихся в плен в войне 1939 г., — вряд ли в России кто-либо не слышал вообще ничего, но вряд ли многие знают, почему этот эпизод Второй мировой войны раздут в Польше до масштабов всемирного потопа.

Многие ли в России понимают, что даже не итог расследования этого дела, т.е. не судебный установленный факт того, кто же именно расстрелял пленных, а всего лишь тенденциозно подобранные сообщения, документы и фальшивки, поставляемые сначала советской, а затем российской генпрокуратурами антирусски настроенным полякам в Варшаве, привели к тому, что бывший, почти 40-летний военный союзник СССР ныне стал потенциальным врагом России — членом НАТО? Многие ли понимают, что как только в этом деле будет поставлена вожаемая поляками и

отечественными негодями точка, нынешние граждане России будут платить нынешним гражданам враждебной Польши денежную «компенсацию»?

2. В 1995 г. я написал небольшую книгу, скорее брошюру, «Катынский детектив» [1], в которой показал, что та подлость, с которой Катынское дело фабрикуется Генеральной прокуратурой России и продажной прессой, была немыслима даже для прожженных следователей Н. Ежова в 1937-1938 гг., которые, кстати, в подавляющем большинстве были расстреляны уже в 1939-1940 гг., когда НКВД возглавил Л. П. Берия. И хотя моя книга продавалась фактически в единственном киоске в Москве, а я работал в то время в Казахстане, бывая в Москве очень редко, меня разыскало во время одной из командировок в Москву польское посольство и попросило о встрече по поводу «Катынского детектива». Польша еще не была в НАТО, теоретически среди поляков могли быть порядочные и здравомыслящие люди, поэтому я охотно приехал на встречу. Принимал меня консул Польши в России и одновременно первый секретарь посольства Ежи Ольшевский (Jerzy Olszewski), видный деятель в этом вопросе М. Журавский, и, как говорится, другие официальные лица. Интересовало их несколько вопросов, возможно, главный — кто за мной стоит? Были и другие вопросы, на которых я остановлюсь в книге. От них же я узнал, что «Катынский детектив» уже обсуждался в польском Сейме (высшем законодательном органе) и что в Польше 800 тысяч «близких родственников» расстрелянных польских офицеров уже держат карманы шире в ожидании, когда же Россия начнет набивать эти карманы долларами. Я не стал реагировать на наглость такой постановки вопроса и предложил примерно следующее.

Панове! Кто бы ни убил тех офицеров, сам по себе этот факт является преступлением. Это убийство уже семь лет (на тот момент) расследует Генпрокуратура России. Требуйте от нее, чтобы она побыстрее подписывала обвинительное заключение и передавала дело в суд, поскольку по конституциям как России, так и Польши признать кого-либо преступником может только он. Никаким прокурорам, журналистам, депутатам и послам этого права не дано. Только после того, как суд рассмотрит Катынское дело, выслушав обвинителей, адвокатов, рассмотрев все доказательства и вынеся приговор, можно будет говорить об иске граждан Польши к гражданам России.

Как мне помнится, от самой мысли о суде по Катынскому делу поляки даже побелели: это невозможно!! Мертвых нельзя судить!

Этикет не позволил мне по этому поводу высказать им то, что я о них думаю, тем более в нужных словах. А чем же они сами занимаются? Они, избегая публичного рассмотрения этого дела, уже осудили Россию! Осудили на основании только того, что какие-то лица в прессе и в Генпрокуратуре России болтают о том, что поляков, дескать, расстреляло НКВД. И эта идея — признать СССР преступником как-нибудь без суда — идет от Генпрокуратуры России неспроста. Катынское дело сегодня насквозь сфальсифицировано. причастные к нему работники Генпрокуратуры — совершили преступление и страшно боятся публичного разоблачения его в суде. По сей день они ищут способ, чтобы от этого дела избавиться незаконно.

3. В книге «Катынский синдром», написанной в соавторстве одним из следователей, ведших это дело, А. Ю. Яблоковым, к примеру, написано: "В подготовленном и вынесенном старшим военным прокурором ГВП Яблоковым постановлении о прекращении уголовного дела Сталин и приближенные к нему члены Политбюро ЦК ВКП(б) Молотов, Ворошилов, Каганович, Микоян и Берия, руководители НКВД/НКГБ/МГБ СССР и исполнители расстрелов на местах признавались виновными в совершении преступлений, предусмотренных статьей 6 пункты "а", "б", "в" Устава Международного военного трибунала (МВТ) в Нюрнберге (преступления против мира, человечества, военные преступления) и геноциде польских граждан. Вынося постановление, Яблоков руководствовался тем, что катынское преступление уже имело свою квалификацию, которую дало государство (СССР) в лице высших правоохранительных органов в МВТ. Согласно Конституции СССР, а затем и РФ провозглашался приоритет международного права над внутренним законодательством, а по признанному СССР международному праву катынское преступление подпадало под все признаки статьи 6 Устава МВТ в Нюрнберге. На эти преступления не распространялись сроки давности, применялась обратная сила закона. В постановлении прокурора было признано также, что совершили различные преступления, предусмотренные статьями УК РСФСР в редакции 1926 г., участники фальсификации выводов Специальной комиссии под руководством Бурденко (1944г.), фальсификации в МВТ в Нюрнберге (1946 г.) и другие лица, скрывавшие тайну в последующие годы. В постановлении также был решен вопрос об ответственности исполнителей явно незаконных приказов о расстреле поляков. Уголовное дело прекращалось на основании статьи 5 пункта 8 Уголовно-процессуального кодекса (УПК) РСФСР за смертью виновных...

...В соответствии же с новой Конституцией РФ обвиняемых виновными в преступлениях может признать только суд (статья 49). Если учитывать реальные масштабы и последствия этого преступления, следует признать, что оценку содеянному мог бы дать как минимум только суд. Но суд, как и прокуратура, не рассматривает дела в отношении умерших (статья 5 пункт 8 УПК РСФСР)...

...Начиная с 1994 г. отношение руководства ГВП к Катинскому делу претерпело значительные изменения, связанные с осознанием необходимости принятия непопулярного решения о квалификации действий виновных по статье 6 Устава МВТ в Нюрнберге, о чем руководству неоднократно докладывал следователь. С подобной квалификацией во время консультаций соглашались С. Снежко и М. Журавский, но резко возражали против нее надзиравшие за расследованием дела прокуроры — генералы П. Л. Анисимов, В. И. Купец, а затем и первый заместитель Главного военного прокурора Г.Н. Носов. Начальник Управления ГВП Н.Л. Анисимов сначала в устной, а затем и в форме 2-х письменных обязательных для исполнения указаний потребовал прекращения уголовного дела в течение месяца..." [2]. И т.д. и т.п.

4. Сначала немного о персоналиях. С. Снежко — заместитель генерального прокурора Польши, а Н. Анисимов — тот самый первый следователь Главной военной прокуратуры СССР, который начал фальсификацию этого дела и стал за эти заслуги генералом.

Обратите внимание на наглость: эти лица без суда уже признали умерших государственных деятелей СССР виновными по статье 6 Устава Международного военного трибунала в Нюрнберге. А почему не по уставу суда святой инквизиции? Дело в том, что МВТ в Нюрнберге был создан для суда над очень узким кругом лиц. Статья 6 Устава, на которую ссылаются эти фальсификаторы Катинского дела, гласит (выделено мною): «Трибунал, -учрежденный Соглашением, упомянутым в статье 1 настоящего Устава для суда и наказания главных военных преступников европейских стран оси, имеет право судить и наказывать лиц, которые, действуя в интересах европейских стран оси, индивидуально или в качестве членов организации совершили любое из следующих преступлений»[3]. (Далее следует перечисление трех групп преступлений: а) против мира; в) военные преступления; с) против человечности).

«Страны оси» -это страны, примкнувшие к договору 1934 г. между Берлином и Римом, который назывался «ось Берлин-Рим», впоследствии к этой оси примкнула и Япония, после чего ось стала называться «Берлин-Рим-Токио».

Но Нюрнбергский трибунал судил преступников не всех стран оси, а только европейских. Азиатских судил другой такой же трибунал, но с несколько отличным уставом, — Токийский. СССР скорее азиатская страна, нежели европейская, почему же его лидеров не судить по Уставу Токийского трибунала? Но главное даже не в том, что этим трибуналам был неподсуден никто, кроме военных преступников стран оси, а в том, что сама эта ось была военно-политической организацией, направленной против СССР! А в случае с Польшей дело вообще выглядит издевательски: ведь военные преступники наказывались и за агрессию против Чехословакии в 1938 г., а самым дерзким агрессором в этом нападении выступала Польша! Так что лидеров поляков по этому Уставу обвинить еще как-то можно, но лидеров СССР?! Вот этот юридический маразм показывает, что фальсификаторы готовы даже в ущерб своему профессиональному достоинству городить что угодно, лишь бы не допустить открытого суда по Катинскому делу.

5. К этому страху относится и их ссылка на пункт 8 статьи 5 УПК РСФСР. В данном случае закон гласит: «Уголовное дело поможет быть возбуждено, а возбужденное дело подлежит прекращению... в отношении умершего, за исключением случаев, когда производство по делу необходимо для реабилитации умершего или возобновления дела в отношении других лиц по вновь открывшимся обстоятельствам»[5]. А официальный комментарий к этим статьям и пункту разъясняет: «33. Производство в отношении умершего может быть продолжено только в интересах его реабилитации, т.е. в случаях, когда имеющиеся в деле данные дают основание считать, что в действиях лица, которое привлекалось к уголовной ответственности, не было состава преступления, что отсутствовало событие преступления или что при рассмотрении дела в суде была допущена ошибка, исправление которой может повлечь отмену или изменение вынесенного приговора». [6]

За расстрел польских офицеров ранее привлекался к уголовной ответственности Гитлер и его окружение, на Нюрнбергском трибунале они официально не были оправданы и считаются преступниками до сих пор. Сегодня же получается, что Главная Военная Прокуратура нынешней России выяснила, что в действиях Гитлера в Катини «не было состава преступления», следовательно, пора России Гитлера реабилитировать, следовательно, нужен суд! Еще Хрущев подобрал такой состав судей Верховного суда СССР, перешедших в Верховный суд нынешней России, который рассмотрел

дела и реабилитировал сотни тысяч казненных откровеннейших преступников, почему же он не может рассмотреть и Катынское дело? То есть, никаких законных препятствий суда по Катынскому делу нет, тогда почему же этого суда так боятся и поляки, и Генпрокуратура России?

6. Они ведь что выдумали: «Учитывая, что Государственная дума РФ заменила собой Съезд народных депутатов СССР, который 24 декабря 1989г. рассмотрел вопрос о пакте Молотова-Риббентропа и принял постановление „О политической и правовой оценке советско-германского договора о ненападении от 1939 года“, логично предположить, что именно она, как высший законодательный орган, может и должна дать оценку одному из наиболее тяжких последствий этого договора. К этому же предположению подводят многочисленные публикации в средствах массовой информации как внутри страны, так и за рубежом» [7].

То есть, не судьи, которым платят за то, чтобы они рассматривали такие дела, и которым полагается до 10 лет лишения свободы, если они вынесут заведомо неправосудный приговор, а безответственные депутаты, которые заведомо не рассмотрят ни одного доказательства, поскольку не обязаны этого делать, должны признать СССР и Россию виновными в этом деле. (Наши нынешние безответственные депутаты признают, конечно, что угодно и дорого за это не возьмут, и если они почему-то до сих пор колеблются, то только потому, что им хватает доходов и от ежегодного дележа бюджета). А вопрос остается — почему фальсификаторы так боятся суда, что готовы на что угодно, лишь бы не суд? Ведь сами признают, что «оценку содеянному мог бы дать только суд», так почему же такой страх?

Тем более, что нынешний состав Верховного Суда России таков, что легко плюнет и на законы России, и на саму Россию и вынесет такой приговор, какой прикажет режим. Чего его бояться?

7. Да, сами судьи Верховного Суда фальсификаторам не страшны, им страшно само действие, сам процесс суда — публичное разбирательство тех фальшивок, которые они насобирали в дело за все эти годы. Ведь такое громкое дело (материалы которого уже известны) тайно (закрытым судом) провести нельзя. Судебное следствие должно быть публичным. И фальсификаторам страшны не судьи, а страшна публика, т.е. вы — читатели этой книги. От вас все скрывается.

Возьмите такой пример. Когда я в 1995 г. написал книгу «Катынский детектив», то чтобы никого не уговаривать, издал ее за свой счет. Денег у меня не много, поэтому я издал ее в мягкой бумажной обложке и напечатана она на газетной (самой дешевой) бумаге. Но я издал ее тиражом 10 тыс. экземпляров. Я не боюсь, что вы ее прочтете и узнаете результат моей работы.

А мои оппоненты, доказывающие, что поляков расстреляли по приказу Сталина, потратив из бюджета

СССР, России и Польши десятки миллионов долларов на исследования в архивах, на раскопку кладбищ, на журналистов и телепрограммы, на командировки и халявную выпивку со жратвой на бесчисленных встречах, заседаниях за круглым столом и презентациях, итоговые результаты своей работы публикуют тиражом 1,5-2,0 тыс. экземпляров и жалуются, что у них нет денег. Перекопать все кладбища под Смоленском, Харьковом и Тверью деньги были, а сообщить гражданам России, что же там за их деньги нашли — денег нет. Ну что же, раз уж у них нет денег и раз уж они никак не знают, как им Катынское дело представить на суд, то я им в этом помогу данной книгой.

Издателей я найду, а судьями будете вы. Ведь по существующему законодательству каждый гражданин России может быть вызван в суд в качестве присяжного, т.е. судьи, который определяет, виновен подсудимый или нет. Соответственно, у каждого читателя есть право самому рассмотреть все доказательства по этому делу и самому решить, кто же расстрелял тех поляков — немцы или НКВД.

(Напоминаю, что маленькими цифрами в тексте обозначен номер источника фактов для каждой главы из списка, помещенного в конце книги, а цифрой в круглых скобках будет дана ссылка на эпизод из этой книги).

Две бригады

8. Официальных незаинтересованных органов, расследующих Катынское дело, практически нет и не было. После того, как немцы в 1943 году открыли могилы с телами расстрелянных польских офицеров, правительственные органы Германии и СССР стали главными подозреваемыми в убийстве, правительство Польши того времени было чрезвычайно заинтересовано в совершенно определенных выводах следствия, а правительства западных стран стремились урвать с этого дела как можно больше политических выгод. В 80-х годах у СССР уже не было государственных деятелей, способных лично

что-либо анализировать, но зато было полно таких, кто стремился понравиться «цивилизованным странам», не стесняясь брать с последних не только нобелевские премии, но и просто денежные подачки. С тех пор наши профессиональные «исследователи» и должностные лица, которые занялись Катынским делом, прямо купаются в собственном хамстве, любят и гордятся им. И в этом своем вожделении плюют на могилы своих отцов с остервенением, переходящим границы маразма.

9. Вот, к примеру, работа таких исследователей. Г. Жаворонков выехал в Харьков на «исследования» [8] и поделился результатами. Они таковы. Есть в Харькове захоронения. Документов или каких-либо фактов, что там расстреляны польские офицеры — нет. Есть мужик, который перед войной слышал от другого мужика, что тот возил трупы расстрелянных из тюрьмы на кладбище и среди этих трупов были и трупы в польской форме. Есть пацан, который говорит, что другие пацаны раскапывали в этих захоронениях польские ордена. Этим пацанов Жаворонков искать не стал, на захоронения не съездил и поэтому делает твердый вывод, что тысячи польских офицеров расстреляны в Харькове НКВД. Жаворонкову вторит А. Клева [9]. Он (или она) установил, что в захоронениях в Харькове находятся расстрелянные преступники — советские граждане, умершие от тифа немецкие военнопленные из инфекционного лагеря, расстрелянные полицаи и предатели, а также расстрелянные по приговору трибунала «300 перебежчиков из довоенной Польши», то есть пытавшиеся перебежать из СССР через границу члены банд, действовавших на Украине и Белоруссии, и их польские пособники. Отсюда делается вывод, что «преступники в форме НКВД убили в Харькове 3 891 пленного поляка». Ни первый, ни второй «исследователи» ничего еще не установили, но прямо дрожат от нетерпения плеснуть помоями в отцов.

10. Уже полвека по факту в этом деле сложились две следственные бригады — одна добывает доказательства того, что поляков убили русские, другая — немцы. Причем, первая бригада безапелляционно утверждает, что все факты, добытые второй бригадой — ложные, так как они добыты под угрозой расправы со стороны НКВД. Отвергается все и без какого-либо рассмотрения. Если вы принесете из архива 1941 года фотографию, на которой немецкий солдат вгоняет штык в польского офицера, то первая бригада вам объявит, что эта фотография поддельна, так как она из НКВД; немецкий солдат на ней — это переодетый генерал НКВД Меркулов; немецкий солдат на ней на самом деле не вгоняет штык в польского офицера, а наоборот — вытаскивает, а вогнал его стоящий за кадром Берия. Читатели могут подумать, что я сгущаю краски. Отнюдь! Чтобы доказать это, мне придется несколько забегая вперед дать пару примеров, напомним, что подобные извращения фактов следователями ГВП делаются за счет, как говорят американцы, налогоплательщиков России, т.е. за счет каждого из нас.

11. Когда наши войска освободили Смоленск в 1943 г. и сотрудники НКГБ начали выяснять, кто убил поляков (а кому еще этим заниматься?), то они в ходе следствия допросили крестьянина Киселева, который при немцах говорил, что поляков убило НКВД, но который (в отличие от других таких же «свидетелей») с немцами не сбежал. Киселев тогда показал:

«Осенью 1942 года ко мне домой пришли два полицейских и предложили явиться в гестапо на станцию Гнездово. В тот же день я пошел в гестапо, которое помещалось в двухэтажном доме рядом с железнодорожной станцией. В комнате, куда я зашел, находились немецкий офицер и переводчик. Немецкий офицер, через переводчика, стал расспрашивать меня — давно ли я проживаю в этом районе, чем занимаюсь и каково мое материальное положение. Я рассказал ему, что проживаю на хуторе в районе „Козьих Гор“ с 1907 года и работаю в своем хозяйстве. О своем материальном положении я сказал, что приходится испытывать трудности, так как сам я в преклонном возрасте, а сыновья на войне. После непродолжительного разговора на эту тему офицер заявил, что, по имеющимся в гестапо сведениям, сотрудники НКВД в 1940 году в Катынском лесу на участке „Козьих Гор“ расстреляли польских офицеров, и спросил меня — какие я могу дать по этому вопросу показания. Я ответил, что вообще никогда не слышал, чтобы НКВД производило расстрелы в „Козьих Горах“, да и вряд ли это возможно, объяснил я офицеру, так как „Козьи Горы“ совершенно открытое многолюдное место и если бы там расстреливали, то об этом бы знало все население близлежащих деревень. Офицер ответил мне, что я все же должен дать такие показания, так как это, якобы, имело место. За эти показания мне было обещано большое вознаграждение. Я снова заявил офицеру, что ничего о расстрелах не знаю и что этого вообще не могло быть до войны в нашей местности. Несмотря на это, офицер упорно настаивал, чтобы я дал ложные показания. После первого разговора, о котором я уже показал, я был вторично вызван в гестапо лишь в феврале 1943 года. К этому времени мне было известно о том, что в гестапо вызывались и другие жители окрестных деревень и что от них также требовали такие показания, как и от меня. В гестапо тот же офицер и переводчик, у которых я был на первом допросе, опять требовали от меня, чтобы я дал показания о том, что являлся очевидцем расстрела польских офицеров,

произведенного, якобы, НКВД в 1940 г. Я снова заявил офицеру гестапо, что это ложь, так как до войны ни о каких расстрелах ничего не слышал и что 'южных показаний давать не стану. Но переводчик не стал меня слушать, взял со стола написанный от руки документ и прочитал его. В нем было сказано, что я, Киселев, проживая на хуторе в районе „Козьих Гор“, сам видел, как в 1940 году сотрудники НКВД расстреливали польских офицеров. Прочитав этот документ, переводчик предложил мне его подписать. Я отказался это сделать. Тогда переводчик стал понуждать меня к этому бранью и угрозами. Под конец он заявил: „Или вы сейчас же подпишите, или мы вас уничтожим. Выбирайте!“ Испугавшись угрозы, я подписал этот документ, решив, что на этом дело кончится».

«В действительности получилось не так. Весной 1943 года немцы оповестили о том, что ими в Катинском лесу в районе „Козьих Гор“ обнаружены могилы польских офицеров, якобы расстрелянных органами НКВД в 1940 году. Вскоре после этого ко мне в дом пришел переводчик гестапо и повел меня в лес в район „Козьих Гор“. Когда мы вышли из дома и остались вдвоем, переводчик предупредил меня, что я должен сейчас рассказать присутствующим в лесу людям все в точности, как было изложено в подписанном мною в гестапо документе. Придя в лес, я увидел разрытые могилы и группу неизвестных мне лиц. Переводчик сказал мне, что это „польские делегаты“, прибывшие для осмотра могил. Когда мы подошли к могилам, „делегаты“ на русском языке стали задавать мне различные вопросы по поводу расстрела поляков. Но так как со времени моего вызова в гестапо прошло более месяца, я забыл все, что было в подписанном мною документе, и стал путаться, а под конец сказал, что ничего о расстреле польских офицеров не знаю. Немецкий офицер очень разозлился, а переводчик грубо оттащил меня от „делегации“ и прогнал. На следующий день, утром, к моему двору подъехала машина, в которой был офицер гестапо. Разыскав меня во дворе, он объявил, что я арестован, посадил в машину и увез в Смоленскую тюрьму... После моего ареста я много раз вызывался на допросы, но меня больше били, чем допрашивали. Первый раз вызвали, сильно избили и обругали, заявляя, что я их подвел, и потом отправили в камеру. При следующем вызове мне сказали, что я должен публично заявлять о том, что являюсь очевидцем расстрела польских офицеров большевиками и что до тех пор, пока гестапо не убедится, что я это буду добросовестно делать, я не буду освобожден из тюрьмы. Я заявил офицеру, что лучше буду сидеть в тюрьме, чем говорить людям в глаза ложь. После этого меня сильно избили».

«Примерно через месяц после моего ареста немецкий офицер вызвал меня и сказал: „Вот видите, Киселев, к чему привело ваше упрямство. Мы решили казнить вас. Утром повезем в Катинский лес и повесим“. Я просил офицера не делать этого, стал убеждать его, что я не подхожу для роли „очевидца“ расстрела, так как вообще врать не умею и поэтому снова что-нибудь напутаю. Офицер настаивал на своем. Через несколько минут в кабинет вошли солдаты и начали избивать меня резиновыми дубинками. Не выдержав побоев и истязаний, я дал согласие выступать публично с вымышленным рассказом о расстреле поляков большевиками. После этого я был освобожден из тюрьмы с условием — по первому требованию немцев выступать перед „делегациями“ в Катинском лесу... В каждом случае перед тем, как вести меня в лес к раскопкам могил, переводчик приходил ко мне домой, вызывал во двор, отводил в сторону, чтобы никто не слышал, и в течение получаса заставлял заучивать наизусть все, что мне нужно будет говорить о якобы имевшем место расстреле НКВД польских офицеров в 1940 году. Я вспоминаю, что переводчик говорил мне примерно следующее: „Я живу на хуторе в районе „Козьих Гор“ недалеко от дачи НКВД. Весной 1940 г. я видел, как свозили в лес поляков и по ночам их там расстреливали“. И обязательно нужно было дословно заявить, что „это дело рук НКВД“. После того, как я заучивал то, что мне говорил переводчик, он отводил меня в лес к разрытым могилам и заставлял повторять все это в присутствии прибывших „делегаций“. Мои рассказы строго контролировались и направлялись переводчиком гестапо. Однажды я выступал перед какой-то „делегацией“, и мне задали вопрос: „Видел ли я лично этих поляков до расстрела их большевиками“. Я не был подготовлен к такому вопросу и ответил, как было в действительности, т.е. что видел польских военнопленных до начала войны, так как они работали на дорогах. Тогда переводчик грубо оттащил меня в сторону и прогнал домой. Прошу мне верить, что меня все время мучила совесть. так как я знал, что в действительности расстрел польских офицеров производился немцами в 1941 году, но у меня другого выхода не было, так как я постоянно находился под страхом повторного ареста и пыток» [10].

Показания Киселева П. Г. о его вызове в гестапо, последующем аресте и избиениях были подтверждены проживающими вместе с ним его женой Киселевой Аксиной, 1870 года рождения, его сыном Киселевым Василием, 1911 года рождения, и невесткой Киселевой Марией, 1918 года рождения, а также занимающим у Киселева на хуторе комнату дорожным мастером Сергеевым Тимофеем Ивановичем, 1901 года рождения. Увечья, причиненные Киселеву в гестапо (повреждение плеча, значительная потеря слуха), подтверждены актом врачебно-медицинского обследования.

Поскольку Киселев мог быть добровольным пособником немцев, т.е. врать в НКГБ о том, что его избивали в гестапо, председатель советской Специальной комиссии по расследованию этого дела академик Н.Н. Бурденко в протоколе данного допроса Киселева в 1943 г. записал: «Я настаиваю на экспертизе психики и слуха Киселева. Он не знает, какой врач его лечил, а это усложняет дело. Никто не сомневается в правильности его показаний, но нужно уточнить» [11]. Как видите, уточнили и выяснили — да, у Киселева была повреждена рука и он оглох на одно ухо.

12. Давайте посмотрим сами, есть ли противоречия в показаниях Киселева, данных НКГБ и Специальной комиссии, возглавляемой президентом академии медицинских наук академиком Бурденко. Гестапо — это следственный и дознавательный орган, а в этих органах во время войны с противником никто не церемонится ни в одной стране. Так что могли избить, и очень сильно. Немцы начали раскапывать могилы в феврале, а закончили в конце июня, т.е. шоу с показом трупов поляков различным делегациям длилось 4 месяца. За это время Киселева могли представить какой-то экскурсии, перед которой он с поручением не справился, затем подержать полтора месяца в гестапо, после чего подлечить и еще два месяца пичкать любопытных его рассказами. Противоречий не видно, а то, что Бурденко засомневался в его психическом состоянии и послал на экспертизу, говорит, что в НКГБ Киселева по написанному тексту никто говорить не заставлял.

13. Но вот прошло почти полвека, и следователи ГВП, вновь «расследуя», кто же убил поляков, вернулись к показаниям Киселева. Один из следователей ГВП А.Ю. Яблоков, непрерывно ссылаясь на листы уголовного дела № 159, пишет:

"Так, в немецком «Официальном материале о массовом Катынском убийстве» содержались показания П. Г. Киселева, подсобного рабочего — сторожа дачи НКВД до начала войны, свидетеля того, как весной 1940 г. на железнодорожной станции Гнездово почти ежедневно из вагонов выводили мужчин, сажали в грузовики и отвозили в Катынский лес, откуда затем слышались крики и выстрелы. На протяжении 4-5 недель в Катынский лес привозили по 3-4 таких машины. Он обнаружил в лесу несколько свежих холмов и после прихода немцев показал группе рабочих-поляков эти холмы, дал лопаты для раскопок и знает, что поляки нашли там трупы своих сограждан. Это были принципиально важные показания. Поэтому выяснение дальнейшей судьбы Киселева для проверки этих показаний стало одной из первых задач прокуроров.

Из хранившегося в УКГБ по Смоленской области секретного уголовного дела по обвинению П. Г. Киселева и его сына В. П. Киселева в сотрудничестве с оккупантами (которое, несмотря на тяжелые обвинения, впоследствии было прекращено) из протоколов допросов П. Г. Киселева и его сына, а также А.М. Субботкина и Т. И. Сергеева следует, что эти показания были даны сотрудникам НКГБ практически сразу после освобождения, но затем тщательно скрывались. При этом П. Г. Киселев не только полностью подтвердил данные во время оккупации показания, но и конкретизировал их в том, что, говоря о расстрелянных, имел в виду поляков. Протоколами допросов Киселева, Субботина, Сергеева из того дела подтверждается: показания Киселевым были даны немцам добровольно и соответствовали тому, что он действительно видел.

Когда после освобождения Смоленска предпринимался ряд мер для ликвидации «советского следа» в Катынском лесу, в ходе «предварительного расследования» там работала комиссия из представителей центрального аппарата НКГБ СССР, которая передопросила всех перечисленных свидетелей. Все они коренным образом изменили свои показания. Теперь Киселев-старший показал, что якобы немцы избиениями и угрозами вынудили его утверждать, что поляков расстреляли в 1940 г. органы НКВД, и неоднократно заставляли выступать с этим сообщением перед различными делегациями в Катынском лесу. В действительности же Катынский лес всегда был излюбленным местом массовых гуляний населения. И только с момента оккупации район дачи НКВД огородили и запретили туда заходить под страхом смерти. В августе — сентябре 1941 г. немцы стали завозить на грузовиках и гнать колоннами польских военнопленных в Катынский лес, откуда затем были слышны выстрелы.

Аналогичные показания П. Г. Киселев дал на заседании комиссии Бурденко, на пресс-конференции по итогам работы этой комиссии. В таком же виде они были закреплены в официальном сообщении. Аналогично и соответственно показаниям Киселева были изменены и показания его сына и Сергеева.

Более того, в сообщении утверждалось, что в результате избиений в гестапо Киселеву-старшему якобы были причинены увечья, что подтверждалось актом врачебного обследования, а из показаний Сергеева следовало, что от избиений в гестапо у П. Г. Киселева отказала правая рука. Но Киселев в своих первых показаниях ничего об этом не говорил, в акте не выяснялся вопрос о времени и механизме

получения травмы плеча, а на подлинных фотографиях, сделанных немцами в 1943 г., Киселев во время выступления перед врачами международной комиссии свободно держит в правой руке микрофон. Поэтому следствие пришло к выводу, что травмы руки у П. Г. Киселева не было" [12].

Оказывается, в уголовном деле на Киселева были подшиты какие-то первичные показания, которые противоречили окончательным показаниям, но из этого дела тогдашними следователями УКГБ Смоленска почему-то не были удалены, а «тщательно» в этом деле скрывались. Как, интересно? Когда прокурор это дело читал, следователи Смоленского УКГБ на эти страницы грудью ложились? Ну ладно, поверим в эту галиматью и вдумаемся в те показания Киселева немцам, которые, по уверениям ГВП России, «соответствовали тому, что он видел».

14. Итак, Киселев живет на хуторе близ места расстрела, работает сторожем и подсобным рабочим в доме отдыха НКВД, возле которого поляки и закопаны. Но по геббельсовской легенде, НКВД еще в 1934 г. окружил будущее место расстрела поляков колючей проволокой и никого туда не пускал. Как же Киселев туда ночью пробирался, чтобы обнаружить «свежие холмики» могил? Под пулями энкаведистов, охранявших место расстрела? Затем он, рабочий дома отдыха НКВД, месяц сидит на станции Гнездово в 5 км от своего места жительства и места работы и наблюдает, как поляков из вагонов сажают в грузовики. А кто же за него на даче НКВД ворота открывал и картошку чистил? Еще, из Гнездово в 1940 г. поляки перевозились в лагеря на автобусах с покрашенными окнами, причем днем, а не ночью. Гестапо этого не знало, соответственно и Киселев врал про «грузовики» и «ночь». Что ни строчка, то и противоречие, а ГВП за наши деньги нам же и впаривает — вот святая правда! И смотрите, какие нынешние прокуроры тонкие аналитики: раз на фото у Киселева в правой руке микрофон, то значит его в гестапо не били. Неужели в гестапо работали такие идиоты, чтобы представлять иностранным комиссиям Киселева в избитом виде? Да и сколько весит микрофон, чтобы его не удержать даже больной рукой? (На самом деле с микрофоном все еще смешнее, но об этом позже).

15. То есть, по мнению ГВП, верить нужно только тем, кто работал на гестапо, и только тогда, когда они на него работали. И упаси Господь, если этот человек на гестапо не работал, тогда, по мнению ГВП, верить ему абсолютно нельзя. Подтверждений этих слов в «расследованиях» ГВП полно, к примеру, то, что следователи ГВП сотворили с дневником Меньшагина, бургомистра Смоленска во время оккупации его немцами. Предыстория тут такая.

Когда наши войска подошли к Смоленску, Меньшагин удрал с немцами и был пойман только в 1945 г., когда комиссия Бурденко следствие уже закончила. Меньшагин получил 25 лет, выйдя из тюрьмы был устроен в дом престарелых и там за деньги надиктовал на пленку и отправил на Запад свои воспоминания [13]. А его заместитель, профессор Базилевский, с немцами не удрал, сам в 1943 г. явился в НКГБ и сам рассказал все, что знал об этом деле. К этому времени НКГБ в архивах смоленской управы нашли записную книжку Меньшагина, где были такие записи, адресованные начальнику русской полиции в Смоленске Умнову: «Всех бежавших поляков военнопленных задерживать и доставлять в комендатуру... Ходят ли среди населения слухи о расстреле польских военнопленных в Козьих Горах (Умнову)» [14]. Базилевский, хорошо знавший почерк шефа, подтвердил, что это почерк Меньшагина, кроме этого, тогда же НКГБ провела графологическую экспертизу, что было нетрудно сделать, поскольку до войны Меньшагин был известнейшим адвокатом Смоленска и написанные им ходатайства хранились в судебных архивах всех судебных инстанций СССР.

16. Однако сегодня следователи ГВП по этому эпизоду пишут следующее:

«Фабриковались и другие фальшивые документы, подтверждающие показания лжесвидетелей. В частности, сотрудниками оперативно-следственной группы НКВД был „найден“ так называемый блокнот бывшего бургомистра Смоленска Б. Г. Меньшагина, в котором имелись записи о расстреле польских военнопленных. Эксперты НКГБ СССР дали заключение, что все записи в блокноте были сделаны Меньшагиным. В сообщении комиссии Бурденко и на Нюрнбергском процессе советским обвинением делались ссылки на Меньшагина и на записи в его блокноте. Как видно из книги Меньшагина „Воспоминания“, изданной в Париже, он никогда не приписывал расстрела поляков немцам и не делал никаких записей об этом в блокноте. После освобождения Меньшагина из тюрьмы (после 25 лет заключения) и его ознакомления с показаниями „опознавшего“ блокнот Базилевского, в своих „Воспоминаниях“ он написал, что они „совершенно не соответствуют действительности“ и ничего подобного не было. Все это легко можно было бы проверить, взяв непосредственно у Меньшагина образцы почерка для исследования. Однако этого сделано не было: работавшие с вещественными доказательствами оперативники были заинтересованы отнюдь не в установлении истины. Выводы экспертизы почерка Меньшагина нельзя считать обоснованными и объективными.

Объективно в них только то, что почерк в блокноте и на четырех образцах почерка, представленных на исследование, идентичен, но кому он принадлежит, неизвестно. Утверждение Базилевского, что это почерк Меньшагина, не может приниматься во внимание, поскольку он сотрудничал с НКВД. С учетом всех этих обстоятельств, а также того, что самого Меньшагина скрывали в Московской, а затем Владимирской тюрьме и не взяли у него подлинных образцов для сравнительного исследования, следует признать, что „блокнот Меньшагина“ — фальшивка, сфабрикованная в НКВД».15

Тоже текст не для слабого ума. Меньшагин переслал свою надиктовку на Запад в 80-х годах, когда никакого следствия по Катынскому делу не велось и никому делать графологическую экспертизу не требовалось. А изданы его «Воспоминания» были через четыре года после его смерти. Да и зачем делать эту экспертизу, если, как признает сама ГВП, она уже была сделана в 1944 г.? Но обратите внимание на другое: Базилевскому в ГВП веры нет, поскольку он, в отличие от Меньшагина, сотрудничал не с немцами, а с НКВД, т.е. сам пришел туда, чтобы сообщить о злодеяниях тогдашних братьев Главной Военной прокуратуры РФ по уму, совести и чести.

17. Когда в 1943 г. начало раскручиваться это дело, то непосредственно руководил им в Германии Йозеф Геббельс. Его можно и нужно ненавидеть, но необходимо относиться к нему и с пониманием: он ведь возглавлял пропагандистские войска Германии. И каждая его пропагандистская битва, а Катынское дело — именно такое сражение, спасала жизнь немецких солдат и наносила потери противникам Германии. Он был солдатом и делал все для блага своей Родины, такой, как он ее понимал и хотел видеть.

В «Катынском детективе» я отнес всех, кто фабрикует дело в духе Геббельса, к его бригаде, назвав их «следователями бригады Геббельса». Не думаю, чтобы патриот Геббельс был в восторге от этаких «общечеловеков», но пусть терпит — он при жизни использовал подонков, пусть принимает их компанию и после смерти. Это же название я оставляю и в настоящей книге, перечислять я их не буду, они сами всплывут по тексту, а кого пропущу, тех в свое время разыщут.

Тех же, кто отстаивает версию СССР, т.е. то, что пленных поляков расстреляли немцы, я назвал «бригадой Сталина» и для этой книги данное название оставляю в силе.

Итак, уважаемые судьи, садитесь поудобнее и начинайте анализировать те доказательства, которые начнут представлять вам для рассмотрения обе эти бригады.

Часть I. По Нюрнбергскому счету

*Вот уже 500 лет Польша причиняет постоянную головную боль Европе.
Пора, наконец, поставить в этой теме точку.*

Ф.Д. Рузвельт, 1945

Глава 1. Польша под пятой шляхты

Называть вещи своими именами

18. По своему опыту знаю, что многие читатели будут категорически мною недовольны за то, что я употребляю слова «подлецы, подонки, мерзавцы, негодяи», а слово «идиот» у меня будет встречаться чуть ли не в каждом абзаце. Поясню, зачем я это делаю.

19. Когда речь идет о твоей Родине, то беспристрастным к ней может быть только подонки, а нормальные люди к своей Родине пристрастны. А я нормальный гражданин Советского Союза. Более того, и в любом ином деле мы остаемся беспристрастными или бесстрастными только тогда, когда это дело или эти люди нам безразличны. А мне Катынское дело и бригада Геббельса очень безразличны, и я мог бы вам это долго и безуспешно доказывать, но вместо этого я употребляю все вышеозначенные слова и вам все будет понятно и без моих объяснений. Неприлично быть беспристрастным по отношению к врагам своей Родины, а они враги, и я им не «беспристрастный исследователь», а враг.

20. Есть еще один момент, о котором читатели могут не догадываться. Как только «историк» или «ученый» начнет убеждать вас, что он беспристрастен, или начнет делать вид беспристрастности, то

вам следует ожидать, что он вас сейчас обманет. Вспомните, что самую бесстрастную физиономию всегда имеет карточный шулер. Вот вы уже прочли немного текстов бригады Геббельса. Разве эти тексты не беспристрастны? Да они сама академическая честность! А разве это помешало им жутьнически не сообщить вам, что по Уставу МВТ можно судить только пособников антикоминтерновского пакта? И обратите внимание, в это время у бригады Геббельса глаза были честные-честные и лица беспристрастные.

21. Это судьи обязаны рассматривать дело беспристрастно, а судьи — вы, вот и будьте беспристрастными, а я «сторона процесса» и могу позволить себе презирать этих подонков. Не скрою, когда 8 лет назад я сел писать «Катынский детектив», то был болен — на поляков смотрел как на братьев, а к бригаде Геббельса старался быть беспристрастным. Но за это время поляки меня вылечили, а бригада Геббельса достала. И терапевтические приемы у них были одинаковы — рвотные пилюли подлости и вонючие припарки наглости. Так что спасибо им, теперь я здоров.

22. Читатели могут сказать, если Мухин не беспристрастен, то как же верить тому, что он пишет? Он же может извратить факты! Наверное, могу, пока не пробовал — не было необходимости. Но даже если я их и извращу, то ведь я даю в книге слово бригаде Геббельса — перепечатаваю все их суммарные доказательства по Катынскому делу, хотя это и удорожает издание книги. И у читателя нет необходимости верить мне. Сравните то, что дает бригада Геббельса, с тем, что даю я, оценивайте логику и будьте беспристрастными. А мне-то перед Польшей бисер метать ни к чему, а перед бригадой Геббельса — просто недостойно. Россия сегодня в такой ситуации, что нам пора называть вещи своими именами.

Загадки польского менталитета

23. Итак, мы видим и увидим дальше, что эксперты и специалисты бригады Геббельса «убедительно доказали», по крайней мере себе, что юную невинную девушку Польшу изнасиловали противоестественным способом два злых сатира — Германия и СССР, — а потому эти насильники безусловные преступники и подлежат суду. Надо сказать, что когда историки исследуют этот период, то они, вне зависимости от взглядов, основное внимание уделяют Германии и СССР, их лидерам Гитлеру и Сталину, а лидеры Польши остаются в тени, в лучшем случае их если и упрекают, то в некоей неосмотрительности или неосторожности. Борьба в исторической науке идет между теми, кто доказывает, что Сталин поступил с Польшей как сумасшедший негодяй, и между теми, кто доказывает, что у Сталина не было иного выбора. Польша же в любом случае остается кем-то вроде жены Цезаря, которая вне подозрений.

Давайте ради разнообразия посмотрим в данном вопросе не столько на насильников, сколько на жертву изнасилования и на то, таким ли уж противоестественным для Польши способом насиловали эту белокурую и голубоглазую девственницу.

24. Однако прежде следует понять для себя, кто такая эта Польша, кого мы будем иметь в виду, когда употребляем это понятие. В любой стране носителями национальных, государственных и политических идей является относительно небольшая группа людей, которых иногда называют правящим классом, что, на мой взгляд, некорректно, а сами себя они называют элитой, что еще более сомнительно. Это члены правительства, депутаты, журналисты и вообще любой, кого эти вопросы интересуют и кто способен свои идеи распространять среди обывателя, который сам над идеями государственности думать не желает. Любая нация хранит традиции и, соответственно, элита разных стран имеет свои традиционные особенности, которые если и изживаются, то очень долго и трудно. Соответственно, ни одна страна не договорится с другой, если в основе договора будет лежать нечто, что противоречит особенностям данной элиты.

К примеру, ни одна христианская страна не заключит договор с мусульманской, если в его основу положит требование прекращения многоженства, как бы это ни было выгодно простому человеку данной мусульманской страны. Можно убеждать мусульман, что мальчиков и девочек рождается примерно одинаковое количество, более того, в гаремах мальчиков рождается больше, чем девочек, следовательно, если в данной стране есть богатые люди, имеющие 4-х жен, то есть и простые, которые ни одной не имеют. А это, ведь, несправедливо. Но это все логика, а особенности национальной элиты — это традиция, которая логике может быть и неподвластна.

Еще пример. Главным кредо еврейской элиты является то, что жить нужно только в той стране, в которой это материально выгодно, и без сожаления бросать ее, если становится выгодно жить в другой

стране. Мысль эта привлекательна для элиты многих стран, но совершенно противоречит самурайскому духу элиты Японии, согласно которому жизнь нужно посвящать служению обществу. В результате, если христианская элита охотно идет на договор с еврейской элитой и сегодня почти все развитые страны имеют укомплектованные евреями банковскую систему и средства массовой информации, то в Японии еврейской элиты нет совершенно, хотя нет в Японии и ни единого закона, который евреи могли бы объявить антисемитским.

А в Польше элита и народ настолько различны, что это не видно только полякам. Вот, скажем, учебник «География России» для средних учебных заведений, выпущенный 2-м изданием товарищества Сытина в 1914г., описывает физические типы многонационального населения Российской империи и в том числе поляков: "Физический тип поляка привлекателен: он строен, красив, ловок и силен. Характером поляк обладает твердым, настойчивым, но вместе с тем подвижным, предприимчивым, легко возбуждающимся. Кроме того, поляка отличает приветливость в общении, веселость, кажущаяся на первый взгляд даже легкомыслием, и склонность к поэзии и музыке: почти всегда он напевает песни и при всяком удобном случае пускается в пляс (польские танцы — мазурка, краковяк и др. прославились повсеместно); по деревням бродит много певцов и музыкантов. Однако многовековое крепостное право наложило на народ свою печать, выражающуюся в показной приниженности и раболепности перед имеющими власть и силу.

Ни у одного народа, пожалуй, не были так велики сословные различия, как у поляков. Дворянство всегда стояло особняком от народа (хлопов), и в нем выработались совершенно отличные черты характера. Богатство, праздность (благодаря крепостному труду), сопровождаемые непрерывными развлечениями, придали высшему сословию черты легкомыслия, тщеславия и любви к роскоши и блеску, доведшие государство до гибели. Но вместе с тем природная одаренность, развившаяся от общения с европейской культурой, дала прекрасные плоды: в области изящной литературы, науки, живописи, скульптуры и музыки поляки выдвинули ряд известных всему миру деятелей (Коперник, Шопен, Мицкевич, Семирадский, Сенкевичи др.)".

Как видите, даже авторский коллектив, безмерно восхищенный «культурой» поляков, не смог обойти вниманием вопрос о том, что в Польше живут как бы два различных народа: хлопы и шляхта.

25. Второй мировой войне предшествовали годы контактов различных стран друг с другом, десятки их договоров между собой. Но война началась, значит все это не сработало, значит нужных договоренностей страны (их элиты) достичь не смогли. Практически все историки сходятся во мнении, что если бы Польша заключила договор о взаимопомощи с СССР, то немцы не посмели бы на нее напасть и, следовательно, не было бы и Второй мировой войны. Советский Союз десятки лет до самого начала войны бился об Польшу, как об лед, пытаясь заключить с ней этот договор, но не смог. Шляхта предпочла отдать народ Польши на растерзание немцам, но договор с СССР не заключила. Почему?

Очевидно, потому, что элита Польши имела особенности, которые позволили ей так поступить. Эти особенности всем бросаются в глаза, но логически понять их невозможно. Скажем, люди старательно обливают керосином свой прекрасный дом, поджигают его, а затем бегут проситься на квартиру к другим. Можете ли вы в здравом смысле отыскать хотя бы одну причину, почему так надо поступать? В плане антисоветской пропаганды какое-то здравое объяснение поведению поляков пытаются найти многие, но получается неубедительно, а чаще — просто глупо. И даже когда историк пытается подойти к этой проблеме объективно, нормальной логикой поведение поляков описать трудно. Вот, к примеру, непонятное поведение Польши пытается объяснить польский публицист Збигнев Залусский.

26. "Рижская граница* разделила не только земли. Эта кровотокающая линия фронта по состоянию на осень 1920 года, в соответствии с которой была проведена новая граница, надолго разделила народы, а не только правительства. Пилсудский позднее писал, что его целью было отделить Польшу от революционной России по возможности более широким пространством...

...Легенда 1920 года, базирующаяся на этом реальном опыте, развиваемая и цементируемая сознательно и умело «воспитательными силами» Второй Республики, стала основой повседневного, бесспорно небогатого, но прочного мировоззрения значительной части по крайней мере двух поколений поляков.

В этой легенде содержались две, правда, противоречащие друг другу, но настойчиво внушаемые людям идеи.

Одну из них я бы выразил словами «мы сами». Битва за Варшаву была первой на протяжении двухсот с лишним лет выигранной поляками крупной битвой, а польско-советская война — первой за тот же период выигранной войной. Поддержка со стороны Петлюры или скоординированное по

времени наступление Врангеля не оставили заметного следа в общественном сознании. Пилсудчики тоже хорошо доработали, подчеркивая свои заслуги в этой победе. В результате возобладали уверенность, что мы сами, собственными силами отразили большевистское нашествие, победили Россию — одну из самых крупных европейских держав. Значит, мы сами являемся державой, значит, мы многое можем, если только захотим, если напряжем свои силы. Эта уверенность, которую чаще разделяли простые люди, чем руководители государства, лучше сориентированные в подлинном характере этой победы, наложила свой отпечаток на политику и идеологию Польши межвоенных лет и периода второй мировой войны. Бесспорно, если бы поляки подошли более критически к оценке своих сил, труднее было бы ставить перед Польшей задачи, превышающие ее возможности, не укоренилась бы чрезмерная вера в собственные возможности, не было бы позже столько разочарований и обид.

Вторая идея — «Европа не даст нам погибнуть». В общественном сознании сохранились отголоски заинтересованности Запада, особенно Франции, в судьбе Польши в 1920 году. Эскадра имени Костюшко, американские и итальянские летчики-добровольцы, французские инструкторы, генерал Вейган за штабным столом Маршала Пилсудского, позднейшие визиты Фоша, которому присвоили звание Маршала Польши. Это укрепляло уверенность, что мы нужны Западу, что в критический момент он не даст нам погибнуть. До человеческого сознания не доходили близорукость и ограниченность этой заинтересованности. Не помнили о горечи визита польской делегации в Сна, где союзники вынудили Польшу согласиться на исключительно неблагоприятные для нас решения на севере, западе и юге взамен на обещание иллюзорной интервенции в пользу Польши в Москве, интервенции, которая, впрочем, не принесла никаких результатов. Не знали, что, когда шло сражение под Радзымином и когда в польский штаб явился генерал Вейган, Пилсудский спросил его: «Сколько дивизий Вы привели с собой?» А на ответ, что ни одной, Пилсудский жестко прореагировал: «Тогда зачем Вы вообще приехали?» Зато знали сладкие слова и помнили их.

Подлинный опыт и ложные выводы из этой самой большой польской войны 1920 года оказывали немалое влияние на политику всей Второй Республики и на национальное самосознание вплоть до последних дней последнего из активных участников тех событий"[1].

Польша — во все века Польша

27. Нет нужды оспаривать те особенности менталитета польской элиты, на которые указал Залусский и которые видны всем. Это, во-первых, невероятные спесь и гонор, которые Залусский деликатно называет или в самом деле считает необоснованной уверенностью в собственные силы, и, одновременно, желание переложить последствия этой спеси на кого-то другого, уверенность, что «заграница нам поможет».

Но Залусский не указал на третью, бросающуюся в глаза особенность менталитета польской элиты — исключительное презрение к своему народу. Ведь польская элита, как, впрочем, и элита остальных стран, в подавляющем своем числе кормится из налогов, собираемых с населения. Ну хотя бы с этой, корыстной точки зрения польская элита могла учесть интересы польского народа? Ведь в 1939 г. польская элита отдала Польшу немцам — неприкрытым расистам, не считавшим основную массу поляков за людей, а Польшу — за государство.

И, наконец, четвертая особенность менталитета польской элиты — исключительная алчность и продажность. Если говорить о поляках образца 30-х годов, то к месту будет вспомнить мнение маршала Польши Юзефа Пилсудского о войне 1920 г.: "...я же постоянно вынужден был следить за тем, чтобы не произошло предательства. Такая угроза существовала и в Генеральном штабе, и среди генералов, и в Сейме, и в Министерстве иностранных дел...Я победил вопреки полякам — с такими полячишками я вынужден был постоянно бороться.

...Правительству я доверять не мог, потому что оно крало еще беззастенчивее. У меня не было никакого доверия к Сейму и правительству.

...В Генеральном штабе каждый иностранец мог читать все, что хотел, военные тайны проникали к немцам и большевикам. Никаких секретов, по существу, не было.

...В верховном командовании творились огромные злоупотребления. Вероятно, и многие депутаты Сейма были в них замешаны: не одно депутатское состояние было сколочено в результате злоупотреблений в военном хозяйстве, особенно грязным было дело о разворованных трофеях, взятых у немцев.

...Я одерживал победы тогда, когда бросал к черту другие дела, брался за главное —

командование и побеждал. Победы одерживались с помощью моего кнута".[2]

28. Дополнив Залесского, я все же не могу с ним согласиться по двум причинам. В 1939 г. речь шла о спасении, а когда ты тонешь и тебе подает руку пусть даже тот, кого ты сильно обидел раньше, разве ты не возьмешь эту руку, даже если это рука москаля? Нет, в 1939 г. вопрос был в том, что польская элита вообще была не способна понять, что она тонет.

И второе. Залесский считает, что это от войны 1920 г., от победы в ней мозги польской элиты встали набекрень, шарики закатились за ролики и винтики из головы повыпадали. А разве раньше в истории Польши было по-другому?

29. Возьмем в качестве эксперта русского историка XIX века С. М. Соловьева. Более чем за 200 лет до Второй мировой войны Польша была суверенна. 1 февраля 1733 года умер польский король Август II. Предстояли выборы нового короля.

Россию по-прежнему терзали набегами крымские татары — вассалы Турции. Органическим врагом Турции была Австрия. Враг моего врага — мой друг. Так надолго Австрия стала пусть и неверным, но союзником России. Но соперником Австрии на континенте была Франция, по тем же причинам для нее любой враг Австрии и России был другом. В Швеции нарастали силы, жаждавшие реванша за поражения-, нанесенные ей Россией в Тридцатилетней войне. Пруссия спокойно выжидала в нейтралитете, чтобы отхватить в этой драке куски пожирнее.

Европа разделилась на два лагеря — в одном Россия с Австрией и лишь потенциально Англия — традиционная противница Франции. В другом — Франция, Турция, Швеция. Оба лагеря бросились в Польшу с тем, чтобы обеспечить там короля, лояльного к своему союзу. Франция боролась за Станислава Лещинского, Россия — за курфюрста саксонского Августа.

22 февраля 1773 года российская императрица собрала министров и генералитет, которые постановили:

"1) По русским интересам Лещинского и других, которые зависят от Короны Французской и Шведской и, следовательно, от Турецкой, до Короны Польской допустить никак нельзя.

2) Для того отправляемые в Польшу министры должны усиленно стараться денежные и другие пристойные способы употреблять сообща с министрами союзников, чтобы поляков от избрания Лещинского и других подобных ему отвратить, для того этих министров надобно снабдить денежными суммами.

3) А так как может случиться, что вышеозначенные способы для отвращения таких вредных русскому государству предприятий окажутся недостаточными,.. без упущения времени на самих границах поставить 18 полков пехоты и 10 полков конницы... донских казаков 2000, гусар украинских сколько есть, из слободских полков 1000, из Малороссии 10 000, Чугуевских калмыков 150 да волжских тысячи 3".

Как в воду глядели: «пристойных способов» оказалось недостаточно. Пока из Вены в Варшаву шло 100 000 червонных, а посланник саксонский давал ежедневные обеды всего на 40 человек, пока русские везли туда «денежные суммы», шустрые французы сунули польской элите более миллиона ливров и та проголосовала за Станислава Лещинского.

Но подспели деньги австрийские и русские. Ничего. Польская элита и их взяла и еще раз проголосовала. Теперь за курфюрста саксонского. В Польше оказалось два «законных» короля — один профранцузский, другой — прорусский. Россия двинула в Польшу войска.

Лещинский стал собирать вокруг себя верных шляхтичей. Казалось, в патриотическом подъеме гордые поляки должны были дать мощный отпор интервентам. Куда там! Историк Соловьев эти события описывает так.

«...русские беспрепятственно били приверженцев Станислава в Польше и Литве. Мы видели, что этих приверженцев было много, но вместо того, чтобы вести войну с русскими, они занимались усобицею, опустошением земель своих противников, приверженцев Августа. Они вредили русским войскам только тем, что утомляли их бесполезными переходами. Иногда большие массы поляков приближались к русскому отряду, распуская слух, что хотят дать сражение: но не успеют русские дать два пушечных выстрела, как уже поляки бегут; никогда русский отряд в 300 человек не сворачивал с дороги для избежания 3000 поляков, потому что русские привыкли бить их при встречах».

Лещинский сбежал в Данциг — сильную крепость, к тому же усиленную 2000 присланных Францией солдат. Европа помогла! К Данцигу подошла русская пехота. Однако король Пруссии не давал подвезти через свою территорию осадную артиллерию. Пока российский фельдмаршал Миних с ним по этому поводу торговался, пехота взяла укрепленное предместье Данцига, разумеется, с польскими пушками и боеприпасом. С помощью этих пушек блокировала Данциг и вела его

бомбардировку. Наконец, подтянули осадную артиллерию, и Данциг сдался вместе с французами. Лещинский снова бежал.

А в Польше в это время русские министры продолжают тратить «денежные суммы», пытаюсь «пристойным способом» утихомирить расхолодившуюся польскую элиту. Страницы истории, посвященные этому периоду, напоминают бухгалтерские книги: «Теще коронного гетмана 1500 и 20 000, дочери его — 1300, литовскому гетману — 800, жене его — 2500, примасу — 3166 (ежегодно), духовнику его — 100, сеймовому маршалу на сейме 1738 года — 1000, депутатам — 33 000 и т.д.» [3]

Чем польская элита XVIII века отличалась от польской элиты XX века? Та же спесь и тот же трусливый драп от малейшей опасности, то же презрение к интересам народа, та же надежда на «заграницу» и та же продажность, на которую сетовал Пилсудский.

30. Можете сказать, что этот эксперт — Соловьев -сторонник русской империи и потому так плохо пишет о свободолюбивых поляках. Но вот абсолютный сторонник польской свободы анархист Петр Кропоткин. Он описывает историю польского восстания 1863 г. Это восстание имело огромную поддержку среди русской, так сказать, интеллигенции, влиятельной части тогдашней элиты России. Кропоткин пишет: "Никогда раньше польскому делу так много не сочувствовали в России, как тогда. Я не говорю о революционерах. Даже многие умеренные люди открыто высказывались в те годы, что России выгодно иметь Польшу хорошим соседом, чем враждебно настроенной подчиненной страной...Когда началась революция 1863 года, несколько русских офицеров отказались идти против поляков, а некоторые даже открыто присоединились к ним и умерли или на эшафоте, или на поле битвы. Деньги на восстание собирались по всей России, а в Сибири даже открыто. В университетах студенты снаряжали тех товарищей, которые отправлялись к повстанцам. [4]

...Революция имела такой серьезный характер, что против поляков двинули из Петербурга даже гвардию. Теперь известно, что, когда Михаила Муравьева посылали в Литву и он пришел проститься с императрицей Марией Александровной, она сказала ему:

— Спасите хоть Литву!

Польша считалась уже утерянной"[5].

Давайте себе представим, что это мы, читатели этой книги, и есть польские революционеры 1863 г. Мы подняли восстание против России. Что бы мы сделали в первую очередь?

1. Мы бы постарались не сильно раздражать русское общество, чтобы иметь в нем поддержку изнутри.

2. Мы постарались бы прочно закрепиться хоть на каком-нибудь клочке Польши и добиться на нем своего признания своим главным врагом — Россией. Остальные земли с поляками мы присоединим потом, когда станем сильнее. Ведь Ленин в 1918г. отдал немцам Украину, полякам в 1920 г. отдал часть Белоруссии и Украины, Бессарабию отдал румынам. И ничего — потом все вернулось.

3. Нам будут нужны солдаты, а это крестьяне. Следовательно, мы бы сделали все, чтобы расположить к себе их, расположить к себе народ. Большевики — партия рабочих, тем не менее, как только они пришли к власти, они тут же отдали крестьянам всю помещичью землю. Это тем более требовалось сделать в Польше в 1863 г., поскольку освобождение крестьян в 1861 г. от крепостной зависимости там было проведено с гораздо большими тяготами для крестьян, чем даже в России.

Так бы сделали мы — русские — на польском месте. А вот что сделали реальные поляки в 1863 г. Кропоткин продолжает:

"Но вот среди общего возбуждения распространилось известие, что в ночь на 10 января повстанцы напали на солдат, квартировавших по деревням, и перерезали сонных, хотя накануне казалось, что отношения между населением и войсками дружеские. Происшествие было несколько преувеличено, но, к сожалению, в этом известии была и доля правды. Оно произвело, конечно, самое удручающее впечатление на общество. Снова между двумя народами, столь сродными по происхождению, но столь различными по национальному характеру, воскресла старая вражда.

Постепенно дурное впечатление изгладилось до известной степени. Доблестная борьба всегда отличавшихся храбростью поляков, неослабная энергия, с которой они сопротивлялись громадной армии, скоро вновь пробудили симпатию к этому героическому народу. Но в то же время стало известно, что революционный комитет требует восстановления Польши в старых границах, со включением Украины, православное население которой ненавидит панов и не раз в течение трех последних веков начинало восстание против них кровавой резней.

Кроме того. Наполеон III и Англия стали угрожать России новой войной, и эта пустая угроза принесла полякам более вреда, чем все остальные причины, взятые вместе. Наконец, радикальная часть русского общества с сожалением убедилась, что в Польше берут верх чисто националистические

стремления. Революционное правительство меньше всего думало о наделении крепостных земель, и этой ошибкой русское правительство не преминуло воспользоваться, чтобы выступить в роли защитника хлопов против польских панов. [6]

Александр II послал Н. Милютину в Польшу с полномочием освободить крестьян по тому плану, который последний думал осуществить в России, не считаясь с тем, разорит ли такое освобождение помещиков или нет.

— Поезжайте в Польшу и там примените против помещиков вашу красную программу, — сказал Александр II Милютину.

И Милютин вместе с князем Черкасским и многими другими действительно сделал все возможное, чтобы отнять землю у помещиков и дать крестьянам большие наделы". [7]

А вот результат.

«Вооруженные банды повстанцев держали весь край, — рассказывал мой двоюродный брат. — Мы не могли не только разбить, но и найти их. Банды нападали беспрестанно на наши небольшие отряды; а так как повстанцы сражались превосходно, отлично знали местность и находили поддержку в населении, то они оставались победителями в таких случаях. Поэтому мы вынуждены были ходить всегда большими колоннами. И вот мы ходили все время по всему краю, взад и вперед, среди лесов, а конца восстанию не предвиделось. Пока мы пересекали какую-нибудь местность, мы не встречали никакого следа повстанцев. Но как только мы возвращались, то узнавали, что банды опять появлялись в тылу и собирали патриотическую подать. И если какой-нибудь крестьянин оказал услуги нашим войскам, мы находили его повешенным повстанцами. Так дело тянулось несколько месяцев, без всякой надежды на скорый конец, покуда не прибыли Милютин и Черкасский. Как только они освободили крестьян и дали им землю, все сразу изменилось. Крестьяне перешли на нашу сторону и стали помогать нам ловить повстанцев. Революция кончилась». [8]

Вот и сравните эту историю с поведением поляков в 1939 г. — в чем разница? Уже и царь был готов сделать Польшу суверенной, и русское общество за поляков переживало и всячески им помогало, но польская элита сделала все, чтобы освобождения не произошло. Причем ее действия какие-то до предела бессмысленные. Зачем, скажем, не укрепившись ни в одном польском воеводстве, объявлять, что цель повстанцев захватить и оторвать от России Украину?

31. Вот мнение человека незаурядного, яркого представителя противников коммунизма, инициатора «холодной войны», который к тому же прекрасно знал лично всю головку польской элиты тех времен. Уинстон Черчилль, политик, прекрасный художник и выдающийся историк, ставший за свои исторические труды лауреатом Нобелевской премии. В 1940-1945 гг. был премьер-министром Великобритании, т.е. по долгу службы общался с правительством Польши в изгнании — с теми, кто предопределил разгром Польши немцами в 1939 г. В своем капитальном труде «Вторая мировая война» сэр Уинстон изворачивается, как вьюн, чтобы о Катынском деле и правды не сказать в разгар «холодной войны», и не врать явно, но в целом от этого раздела остается явное впечатление, что в Катыни поляков расстреляли русские. Так что поляки к его труду должны относиться с полным доверием. В том числе и к тем местам книги, в которых он пишет о Польше: «Нужно считать тайной и трагедией европейской истории тот факт, что народ, способный на любой героизм, отдельные представители которого талантливы, добродетельны, обаятельны, постоянно проявляет такие огромные недостатки почти во всех аспектах своей государственной жизни. Слава в периоды мятежей и горя; гнусность и позор в периоды триумфа. Храбрейшими из храбрых слишком часто руководили гнуснейшие из гнусных! И все же всегда существовали две Польши: одна из них боролась за правду, а другая пресмыкалась в подлости». [9]

32. А вот мнение о польской элите еще одного незаурядного человека, тоже яркого противника СССР, прекрасного полководца, которого даже немцы, в этом деле небесталанные, хотели видеть главнокомандующим немецко-польскими армиями в войне с СССР, фактического основателя довоенной Польши Юзефа Пилсудского. Уже в 1927 г. на съезде легионеров в Калише он сказал:

«Я выдумал множество красивых слов и определений, которые будут жить и после моей смерти и которые заносят польский народ в разряд идиотов». [10] Когда Пилсудский тяжело заболел и понимал, что скоро умрет, эта мысль становится навязчивой: «Я не раз думал о том, — говорил он в разговоре со Сливинским, — что, умирая, я прокляну Польшу. Сегодня я осознал, что так не поступлю. Когда я после смерти предстану перед Богом, я буду его просить, чтобы он не посылал Польше великих людей». [10]

Адъютант Пилсудского, капитан М. Лепецкий, вспоминал, что однажды, выведя Пилсудского из задумчивости своим появлением, услышал: «Дурость, абсолютная дурость. Где это видано —

руководить таким народом двадцать лет, мучится с вами». [11] Один из премьер-министров тогдашней Польши Енджеевич отмечал в воспоминаниях, что за два дня до своего ухода с поста в мае 1934 года он навестил Маршала и в конце визита пережил момент, который никогда не мог забыть. «Я встал, желая проститься. Но он задержал меня, указав на стул. Я сел. Лицо Маршала, до этого спокойное и приветливое, вмиг изменилось. Черты осунулись, густая сеть морщин стала более выразительной, из-под кустистых насупленных бровей смотрели на меня глаза, уставшие от тревоги и забот. Глаза страдающего от болезни человека. Это не горечь, не жалость, а неуверенность и опасение глядело из-под бровей. До конца жизни буду помнить выражение этого страдальческого и усталого лица, которое было в тот момент передо мной. После долгого молчания я услышал шепот: „Ах, уж эти мои генералы, что они сделают с Польшей после моей смерти?“ Он повторил эти слова во второй и в третий раз... Дальнейших слов Маршала не могу повторить. Я сидел ошеломленный и подавленный...» [12]

33. Таким образом, накануне Второй мировой войны правительству СССР пришлось иметь дело, словами Черчилля и Пилсудского, с гнусными идиотами во главе Польши. Причем, как отмечал и Черчилль, это не случайность, а польская традиция. Можно даже сказать, что сажать себе на шею гнусных идиотов, — это польский национальный вид спорта. Жаль, конечно, что в этом виде спорта нынешняя Россия все чаще и чаще завоевывает золотые медали на мировых первенствах. При таких достоинствах польской элиты всему миру было бы хорошо, если бы вся Польша вместе со всей своей элитой переехала куда-нибудь в Канаду или Мексику, но накануне Второй мировой, к несчастью всех стран, Польша была соседкой СССР. И это все определило.

Начало суверенитета Польши

34. Суверенной соседкой СССР (тогда РСФСР) Польша стала в результате Первой мировой войны. До нее поляки жили на территории трех империй: Германской, Австро-Венгерской и Российской. Первые две проиграли войну, а с Россией дело было еще хуже — из-за своего коммунистического правительства она стала мировым изгоем. Поэтому наделил поляков землей под вновь испеченное государство союз стран-победительниц в Первой мировой — Антанта, — который с Россией не стал и советоваться. Границы Польши проводились так, чтобы районы с преобладанием польского населения включались в Польшу, а те, где поляков меньшинство, — оставались в составе соседних с ней стран. Восточная граница Польши (так называемая «линия Керзона») проходила примерно там, где она существует и ныне.

Думаю, что элита любого другого народа, получив независимость, стала бы, как, к примеру, чехи, обустривать свою страну, доказывая населению, что суверенитет себя оправдывает и в материальном плане. Но это элита любого другого народа, а мы имели дело с поляками.

35. Пользуясь послевоенной слабостью соседей, раздираемых к тому же гражданскими войнами и конфликтами, Польша отхватила у них территории за границами, определенными Антантой. Отхватила практически у всех, никого не забыла. Причем Польша вела себя чисто по-польски — нагло до предела. К примеру, у буржуазной Литвы отхватила Виленскую область вместе со столицей Литвы Вильнюсом. А когда Антанта потребовала эту область вернуть Литве, то поляки заявили, что польские войска, захватившие Виленщину, взбунтовались и не хотят уходить [13], а польское правительство с этими своими войсками ну ничего поделать не в состоянии. Целый год уговаривали свои войска уйти из Литвы, уговаривали, а уговорить так и не сумели. И Антанта в 1923 г. согласилась с этой польской наглостью [14]. По этой причине Литва, само собой, дипломатических отношений с Польшей не устанавливала.

36. Отхватила Польша и кусок территории, отписанной Антантой Чехословакии, отхватила не полагавшиеся ей территории Германии, но особенно поживилась за счет раздираемой гражданской войной РСФСР. Украину и Белоруссию обкарнала немного не наполовину. До заключения с Польшей пакта о ненападении Украина даже столицу перенесла в Харьков, поскольку Киев был чуть ли не пограничным городом. Естественно, что все соседи Польшу дружно ненавидели и, чего тут греха таить, особенно ее ненавидел СССР. И даже не столько за захват и порабощение единокровных народов (ведь большевики надеялись на скорую победу пролетариата во всем мире), а за то, что Польша, объявив себя оплотом Запада против большевизма, содержала на своей территории банды, которые вторгались в СССР, убивали советских людей, а затем удирали в Польшу. И банды немалые. Скажем, осенью 1921 г. на Украину вторглась банда Паляя в составе 2-х тысяч человек, месяц она грабила Украину, а когда советские войска ее прижали, спокойно отступила в Польшу [15]. То же продолжалось и в дальнейшем.

Я хотел бы остановиться на истории отношений СССР и Польши в принципе, не вдаваясь в подробности, отвлекающие от темы. Кого эти подробности заинтересовали, тому рекомендую очень основательную работу М. Мельтюхова «Советско-польские войны».

37. Итак, в СССР Польшу безусловно ненавидели и было за что, но если Германия или даже Литва могли себе позволить соответствующее своей ненависти поведение, то Советский Союз был в этом вопросе связан: он был изгоем, против которого ополчился весь буржуазный мир, и ему как никому важно было иметь на границах мирных соседей. Поэтому СССР искал дружбы даже с такой Польшей.

Скажем, как ни был ненавистен народу Советского Союза Ю. Пилсудский, главнокомандующий польскими войсками, победившими в 1920 г. Красную Армию, но когда он умер, то в СССР был объявлен траур [16]. С 1926 г. дипломаты СССР настойчиво добивались от Польши заключения пакта о ненападении и добились этого только в 1932 г., причем поляки согласовали срок действия пакта аж на целых три года. Между тем в это время сами поляки хотели заключить пакт о ненападении с Германией, но до прихода Гитлера к власти им этого сделать не удалось — догитлеровские немцы захват своих земель Польше не прощали.

38. И чем больше СССР «стелился» под Польшу, чем больше пытался установить с ней дружеские отношения, тем более нагло вели себя поляки, особенно после того, как к власти в Германии пришел Гитлер.

14 декабря 1933 г. Советское правительство в связи с агрессивными планами Германии в отношении Прибалтики предложило польскому правительству опубликовать совместную советско-польскую декларацию (Балтийская декларация), в которой указывалось бы, что обе страны заявляют о твердой решимости защищать мир в Восточной Европе и что в случае угрозы Прибалтийским странам они обсудят создавшееся положение. Опубликование этой декларации могло иметь существенное значение в деле сохранения мира в Прибалтике.

19 декабря 1933 г. польское правительство, с одной стороны, сообщило, что оно в принципе принимает советское предложение, но, с другой стороны, вело одновременно секретные переговоры с гитлеровской Германией. После того, как 26 января 1934 г. была подписана польско-германская декларация о дружбе и ненападении, польское правительство заявило правительству СССР, что оно считает вопрос о советско-польской декларации отпавшим.

По инициативе французского министра иностранных дел Леона Барту 28 декабря 1933 г. Советское правительство выдвинуло предложение о заключении регионального соглашения о взаимной защите от агрессии со стороны Германии, в котором приняли бы участие СССР, Франция, Чехословакия, Польша, Литва, Латвия, Эстония, Финляндия и Бельгия. Впоследствии было решено (по предложению Англии) пригласить к участию в соглашении также и Германию. Заключение этого соглашения (Восточного пакта) могло явиться важнейшей мерой по обеспечению мира и безопасности в Европе.

Германия выступила, однако, против заключения Восточного пакта, не без основания считая, что он будет препятствовать осуществлению ее агрессивных планов. Восточный пакт мог бы быть, правда, заключен и без участия Германии, как это с самого начала и предлагало Советское правительство. Однако Польша заявила 27 сентября 1934 г., что она не может принять участие в Восточном пакте, если в нем не будет участвовать Германия [17, 18].

Правящие круги Польши неоднократно выступали с требованиями о предоставлении Польше колоний. В этом вопросе, как и во многих других, политика ее правящих кругов шла в русле политики фашистской Германии. Польская дипломатия добровольно взяла на себя защиту интересов гитлеровской Германии в Лиге наций, которую Германия демонстративно покинула в 1933 г. С трибуны Лиги наций польские дипломаты оправдывали наглые нарушения Гитлером Версальского и Локарн-ского договоров: введение в Германии всеобщей воинской повинности, отмену военных ограничений, вступление гитлеровских войск в демилитаризованную Рейнскую зону в 1936 г. и др. Польское правительство занимало благоприятную по отношению к агрессивным государствам позицию во всех крупных международных конфликтах в предвоенный период, будь то захват Италией Эфиопии, гражданская война в Испании, нападение Японии на Китай, захват Германией Австрии или расчленение Чехословакии. Польские колониальные требования, естественно, находили поддержку со стороны фашистской Германии, поскольку они служили дополнительным обоснованием «справедливости» немецких колониальных притязаний [19].

39. Но дело даже не в колониях, а в том, что элита Польши поставила себе целью иметь Польшу в границах 1772 г. и, соответственно, захват Украины и создание Польши от «моря до моря», т.е. от Балтики до Черного моря. Элиту Польши не смущало, что уже на тот момент в Польше поляков было

всего около 60%, не останавливало и то, что нигде по Украине не ходят толпы украинцев с плакатами «Хотим присоединиться к Польше!» «Гнуснейшим из гнусных» хотелось Украины, и все тут!

40. Правда, поляки понимали, что сами они Украину не отвоюют, но тут, на их счастье, к власти в Германии приходит Гитлер и в «Майн Кампф» открыто заявляет:

"Мы, национал-социалисты, сознательно подводим черту под внешней политикой Германии довоенного времени. Мы начинаем там, где Германия кончила шестьсот лет назад. Мы кладем предел вечному движению германцев на юг и на запад Европы и обращаем взор к землям на Востоке. Мы прекращаем, наконец, колониальную и торговую политику довоенного времени и переходим к политике будущего — к политике территориальных завоеваний.

Но когда мы в настоящее время говорим о новых землях в Европе, то мы можем в первую очередь иметь в виду лишь Россию и подвластные ей окраинные государства. Сама судьба как бы указывает нам путь.

...Наша задача, наша миссия должна заключаться прежде всего в том, чтобы убедить наш народ: наши будущие цели состоят не в повторении какого-либо эффективного похода Александра, а в том, чтобы открыть себе возможности прилежного труда на новых землях, которые завоеует нам немецкий меч" [20].

В связи с такой разговорчивостью, как только нацисты пришли к власти в Германии, советское правительство официально поставило перед Гитлером вопрос, остается ли в силе его заявление об экспансии на Восток, сделанное им в «Майн кампф». Ответа не последовало, и Советское правительство было вынуждено констатировать: «По-видимому, это заявление остается в силе, ибо только при этом предположении становится понятным многое в теперешних отношениях Германского правительства с Советским Союзом» [21].

Гитлер и «гнуснейшие из гнусных» стали искренними союзниками в вопросе расчленения СССР, и если этого не учитывать, то трудно понять, что же произошло в 1939г.

Польша "А" и Польша "Б"

41. Но сначала давайте дорассмотрим до конца, что из себя представляла довоенная Польша. Я снова дам высказаться по этому поводу польскому публицисту и историку Збигневу Залусскому.

"Несмотря на одержанные Польшей военные успехи, Рижский договор не носил колониального характера, как польский проект начала 1920 года. Но все же он был военным диктатом. Граница, которую он определил, проходила не по какой-то рациональной линии, которую можно обосновать исторически, географически, этнографически или политически, а в основном в соответствии с довольно случайной конфигурацией линии фронта, достигнутой польскими войсками во время осенней кампании.

...Договор, результат победоносных сражений, зафиксировал политическое поражение мнимого победителя, маршала Пилсудского. Ему пришлось отказаться от идеи создания Над днепровской Украины, бросить на произвол судьбы своих союзников — Петлюру на Украине, Булак-Балаховича — в Белоруссии. Того, что завоевала Польша из восточных земель, не хватало уже ни на какую федерацию, ни на какое буферное государство. Последняя попытка этой политики — переворот Желиговского в Вильно и образование Центральной Литвы — провалилась из-за негативного отношения к идее федерации как со стороны литовцев, так и белорусов. Провалилась, впрочем, без какого бы то ни было влияния Советской России и Красной Армии.

...Польша была создана точно по рецепту Дмовского как единое польское государство, государство польского народа, с которым были формально полностью интегрированы восточные окраины, без каких-либо несбыточных мечтаний о полу самостоятельности, автономии, самоуправлении или других правах и особенностях.

Польша формально единая, а по существу многонациональная. Владение восточными землями стало фактором постепенного регресса Польши.

Польша Пилсудского во внутренней политике руководствовалась националистическими канонами Дмовского. Вначале созданный генералом Желиговским сейм Центральной Литвы отверг все концепции самостоятельности или автономии литовско-белорусских земель и потребовал полной интеграции Вильно с Варшавой. Позднее тех, кто в принадлежащей до этого России части Польши записался как «местные», окрестили поляками. Еще позже некогда униатские, а более ста лет православные церкви на Волыни были превращены в католические костелы и целые деревни стали польскими. Только на Волыни в 1938 году были превращены в костелы 139 церквей и уничтожено 189, осталось лишь 151.

Итак, в бывшей Восточной Галиции шаг за шагом ликвидировались украинские культурные и

экономические организации, закрывались школы. Опять же на Волыни — в деревне, где 80 процентов населения составляли украинские крестьяне — из 2000 начальных школ было только 8 украинских.

Но результаты полонизации этих земель были ничтожными. За 18 лет польского правления численность польского населения на Волыни выросла с 7,5 до 15 процентов, с учетом наплыва служащих, железнодорожников и сотрудников государственного и административного аппарата. Похожая ситуация была и в других восточных воеводствах.

Не увенчалась успехом попытка полонизации «местных элементов». Под влиянием давления на них ширился и углублялся процесс национального самосознания, особенно в деревне. Войско «усмиряло» беспокойные украинские деревни в Тарнопольском воеводстве, расстреливало крестьянские демонстрации на Волыни. В тюрьмах в Березе Картузской* полиция издевалась над арестованными украинцами, в ответ гибли от пуль террористов и министр санационного правительства, и школьный куратор, и невинные простые люди. Росли напряженность и враждебность. Презрение правящих рождает ненависть угнетаемых.

Никогда межвоенная Польша не была по существу интегрированной страной. Всегда в ней была Польша А и Польша Б. Это касалось не только экономической политики государства, но и позиций всех политических сил. Все они игнорировали в своей деятельности восточные окраины. Сознательно не вовлекала их в борьбу с диктатурой Пилсудского парламентская оппозиция, их не затронули ни массовые забастовки, организованные главным образом ППС в 1936 году, ни манифестации людовцев 1937 года. Служащих государственной администрации отправляли на восточные окраины, как на ссылку в Сибирь.

18 лет использования созданных Рижским договором условий для реализации инкорпорационной концепции не принесли результатов. В экономическом смысле Польша Б не стала золотым прииском. Крестьянская нищета отрицательно сказывалась на экономическом балансе страны. Колонизация этих земель не удалась, и они не способствовали ликвидации земельного голода в масштабах страны. Более того, эти земли — чуждые, бунтарские, требовали больших инвестиций, чем коренные польские. Жители восточных окраин оказались в худшей ситуации, чем поляки в период разделов Польши под чужим господством.

Вопреки надеждам Дмовского Польша оказалась неспособной привлечь на свою сторону и ассимилировать национальные меньшинства на Востоке — ни в национальном, ни в культурном, ни в экономическом смысле. В то же время своей политикой, своим присутствием она способствовала развитию националистических извращений в освободительном движении этих народов, взаимной ненависти.

...Этому не способствовали, разумеется, мелкие «укусы» в отношении СССР — поддержка различных антисоветских акций, осуществляемых с территории Польши, как, например, деятельность террористов Бориса Савинкова, вылазки Булаховича на Белоруссию и атамана Тютюнника на Украину. Советский Союз раздражало также создание в Польше организаций, объединяющих националистических деятелей Белоруссии, Украины, крымских и казанских татар, Грузии и Азербайджана, калмыков, таджиков и даже кубанских казаков.

Однако главным для польских правящих кругов было опасение какого бы то ни было политического сближения с СССР, которое могло усилить привлекательность и влияние Советской Украины и Советской Белоруссии на население польских окраин. На этих территориях долго еще после заключения Рижского мира тлела крестьянско-национальная и белорусско-украинская советская подпольная война, поддерживаемая из-за кордона минскими и киевскими коммунистами.

Эти опасения за восточные земли определяли в значительной мере сохраняемую изоляцию и подогреваемую неприязнь Польши к Советскому Союзу. Даже перед лицом угрозы гитлеровского нашествия и рассматриваемой возможности получения советской военной помощи. Ибо эта помощь означала практически вступление советских войск в Западную Белоруссию и Западную Украину. Вступление — как считали в Варшаве — с непредсказуемыми последствиями для судеб польской власти на этих землях" [22].

42. Залусский поляк, и он либо не понимает того, о чем надо было бы написать, либо не хочет об этом говорить. К примеру, как вы увидите ниже, поляки в августе 1939 г. совершенно не боялись, что вхождение на их территорию советских войск отторгнет от них украинские и белорусские земли. Но пока не об этом.

То, что советские войска освобождали украинцев и белорусов от польского расизма, было основанием радости для этих народов, но это еще не было основанием их единодушного решения войти в состав СССР. Ведь среди украинского и белорусского населения были сильны националистические

организации, имевшие целью суверенитет, а сионистские организации польская армия на свою голову даже обучала военному делу [23]. Националистов вхождение в Советский Союз не радовало. Ведь СССР этим националистам не подыгрывал ни в малейшей мере и беспощадно боролся с ними [24]. Почему же когда СССР организовал голосование по решению вопросов: «1. Утвердить передачу помещичьих земель крестьянским комитетам; 2. Решить вопрос о характере власти, т.е. должна ли быть эта власть советская, или буржуазная; 3. Решить вопрос о вхождении в состав СССР, т.е. о вхождении Украинских областей в состав УССР, о вхождении Белорусских областей в состав БССР; 4. Решить вопрос о национализации банков и крупной промышленности» [25] — то на выборы депутатов, которые должны были положительно ответить на эти вопросы, из 7 538 ы586 избирателей пришло 94,8%, из которых «за» проголосовало 90,8%, а «против» — 9,2%? [26]

43. У бригады Геббельса и их братьев по разуму на этот вопрос ответ готов: потому, что работники НКВД всем тыкали маузером в зубы и угрозой смерти заставляли голосовать именно так. Умственно недоразвитых такой ответ вполне устраивает, а у остальных возникают вопросы.

Для того, чтобы силой заставить население определенным образом проголосовать, нужно репрессиями запугать народ, что при тайном голосовании вообще-то нереально, или нужно во все избиркомы (а их была масса — избирался один депутат на 5000 населения, т.е. около 1500 депутатов) подобрать своих людей для подтасовки выборов, а всех кандидатов соответственно обработать. А вот для этого нужно время даже НКВД, поскольку ее работникам нужно сначала создать агентурную сеть, выявить противников, арестовать их, выявить покладистых, рекомендовать их в избирательные комиссии, заставить собрания за них проголосовать, подобрать нужных депутатов, обеспечить их выдвижение и т.д. и т.п. Такое теоретически возможно, но для этого, повторяю, нужно очень много времени. К примеру, в СССР проститутки были не в почете, и их выслали в отдаленные области СССР, избавляясь от специалисток ненужной профессии. И проститутки из западных областей УССР и БССР тоже были выселены, но только через 7 месяцев после присоединения [27]. Оцените, сколько времени потребовалось НКВД, чтобы выявить проституток и составить список этих особ, действовавших легально.

А с присоединением западных областей дело происходило в таком темпе: 17 сентября 1939 г. Красная Армия с небольшими боями стала входить в эти области, беря в плен польские армию, полицию и жандармов, 1 октября СССР перед народом этих областей поставил перечисленные выше вопросы, а 22 октября этого же 1939 г. избиратели проголосовали [28]. Ну как за три недели в стране, в которой по лесам еще слонялись неразоруженные войска Польши, НКВД мог успеть организовать и провести работу по запугиванию населения?

44. Теперь о реальных репрессиях по запугиванию избирателей. За три с половиной месяца (сентябрь-декабрь 1939 г.) НКВД арестовало 19832 человека, из которых 72,1% были арестованы за уголовные преступления и за нелегальный переход границы [29]. Но положим, что все они были арестованы до 22 октября и с целью запугать население перед выборами. Много это или мало? Из расчета 7,5 млн. избирателей это один арестованный на 375 человек. А в нынешней России в тюрьмах сидит более миллиона заключенных при примерно 100 млн. избирателей, а это один репрессированный на 100 человек. И никто не боится, и все считают нынешнюю Россию самой демократической страной в ее истории.

В 1939 г. население западных областей УССР и БССР совершенно добровольно проголосовало за советскую власть и включение его в СССР. И тут не может быть никакой политики, поскольку основная масса населения — это аполитичный обыватель, которому все равно, какая власть и как называется государство, лишь бы была еда и баракло. Он-то почему голосовал за СССР?

Немного об экономике

45. Социалистический СССР был государством, построенным на идеях справедливости, поэтому окружавшие его капиталистические государства в идейной борьбе не могли ему ничего противопоставить. Оставалось лишь одно — утверждать, что это очень нищая страна, которую грабят комиссары и евреи. Справедливости ради следует сказать, что первые лет 15 после революции были основания обвинять СССР в нищете.

Какая страна является богатой материально? Если страну не грабят, то та, в которой производится много товаров. А что нужно, чтобы промышленность данной страны производила много товаров? Нужен рынок, нужны люди с деньгами, которые могли бы купить товары данной страны. Ведь если

товар не покупается, то его и не производят. Так вот, до начала 30-х годов прошлого века большевики в СССР искусственно ограничивали внутренний рынок СССР с тем, чтобы создать тяжелую промышленность — основу промышленности для производства товаров народного потребления. Поскольку сама тяжелая промышленность товаров для народа не дает, приходилось их потребление искусственно ограничивать. Делалось это так.

В 1917г. население России на 85% состояло из крестьян, причем в собственно России даже больше. То есть, главными покупателями страны, главным рынком товаров промышленности в России были они. Но им, чтобы купить, нужно продать свою продукцию — хлеб, мясо, молоко, пеньку, лен и т.д. Придя к власти, большевики до начала 30-х годов удерживали цены на хлеб и остальные товары сельского хозяйства на уровне мировых цен, на уровне цен, которые были в России при царе. А так как Россия страна с суровым климатом, то мировые цены — это цены, которые не дают крестьянину практически никакого дохода. Именно по этим низким ценам большевики скупали хлеб у крестьян и изымали его налогами, продавая за рубеж. На выручку закупали электростанции и металлургические заводы, заводы тяжелого машиностроения и тракторные. Их продукцию продать населению было нельзя, поэтому рынок СССР и держался в сжатом по деньгам состоянии — большевики не давали народу деньги для покупки товаров.

46. Но к началу 30-х годов тяжелая промышленность СССР стала производить станки, оборудование и сырье для производства товаров народного потребления и эти товары стали поступать на рынок СССР. И большевики резко развили свой рынок, т. е. в течение нескольких лет предоставили народу огромные деньги для покупки товаров промышленности СССР. Сделано это было так.

Началась коллективизация сельского хозяйства, и хотя она происходила с эксцессами, но за счет коллективной обработки земли и за счет механизации этой обработки себестоимость продукции сельского хозяйства резко упала. Казалось бы, что в этом случае большевики могли снизить цены на нее еще больше. Но они сделали прямо противоположное — с 1929 по 1934 г. они внутренние цены на сельхозпродукцию подняли в 10-13 раз по сравнению с мировыми. Соответственно поднялась и зарплата рабочих в промышленности и цены на промышленные товары, но не сильно, поскольку затраты на еду не составляют 100% зарплаты промышленного рабочего. Если при царе хлеб стоил 8-10 коп. за килограмм, то к концу 30-х он стал стоить 90 копеек, но шерстяной мужской костюм, стоивший при царе 40 рублей, стал стоить всего 75. И хотя в это время крестьяне организованно уходили на работу в города (к 1940 г. сельского населения оставалось 58%), они все же составляли большинство населения и у этого населения появились большие деньги. Товары промышленности СССР буквально расхватывались, а сама она наращивала производство никогда ранее в мире не виданными темпами.

47. В царской России перед Первой мировой войной проживало 9% населения мира, а производила эта Россия всего чуть более 4% мировой промышленной продукции, т.е. в два раза меньше среднемирового уровня, включая сюда малоразвитые страны Азии и Африки [30]. А уже в 1937 г. СССР производил 13,7% мировой промышленной продукции, хотя его население составляло всего 8% от общемирового [31]. По производству промышленной продукции СССР поднялся с четвертого на первое место в Европе и с пятого на второе место в мире, уступая лишь США [32]. Если страна производит много товаров, а ее никто не грабит ни процентами по займам, ни путем вывоза дивидендов на инвестированный капитал, то как бы ни распределялись эти товары — прямо ли, либо через бесплатное медицинское обслуживание, бесплатные квартиры, бесплатное обучение, бесплатный отдых, — но они все равно доходят до народа и этот народ становится богаче. Со второй половины 30-х годов народ СССР начал богатеть невиданными темпами, и даже в 60-х годах люди, сравнивая свою жизнь, говорили, что они никогда так хорошо не жили, как до войны.

48. А как же западные соседи СССР? Ведь нам сегодня твердят, что нищий, ободранный и голодный СССР напал с целью грабежа на богатенькую Польшу и богатейшие Прибалтийские страны.

До революции все эти государства были составными частями Российской империи, и за счет развития путей сообщения и выхода ряда этих имперских территорий к морю в них развивалась промышленность на российском сырье и для российского рынка. И с сельским хозяйством не было проблем: климат в этих частях империи был мягче, чем на большинстве остальных территорий, себестоимость молока, хлеба и мяса соответственно была ниже, а близость Петербургского района позволяла сбывать продукцию по хорошим ценам. Но вот эти страны стали суверенными, что не беда, ведь большевики сами отпустили их из империи. Беда в том, что они немедленно стали враждебны к СССР, предоставляя свои территории для интервенции против него, а Польша и прямо вела войну. Эта политика «суверенов» в Прибалтике привела к тому, что СССР потерянные там производства отстроил на своей территории и поставляемое в Прибалтику сырье стал перерабатывать сам, сам же заполняя

свой рынок товарами этих производств. И, как и сегодня, промышленность в Прибалтике пришла в упадок, скажем, в Эстонии количество работающих в промышленности упало с 36 тыс. при царе, до 17 тыс. при «демократии» [33]. Кроме леса, никакого путевого сырья ко всей Прибалтике нет, и у прибалтов остался один путь — развивать сельское хозяйство. Но ведь и для него нужен рынок, а производство сельхозпродукции во всей остальной Европе дешевле, чем в Прибалтике. Приходилось продавать в Европу масло и свинину по ценам, которые оставляли прибалтийским крестьянам мизер для полунисщенского существования. Эстония, к примеру, была в Европе на одном из последних мест по уровню жизни. Пока в соседнем СССР люди тоже жили крайне бедно, прибалтийские режимы еще могли контролировать ситуацию, но как только жизнь людей в СССР стала резко улучшаться, то уже никакие фашистские диктатуры помочь не могли.

49. С распадом Российской империи границы разделили не только один народ, но и миллионы семей. Люди переписывались друг с другом. И когда один брат из-под Минска или Кривого Рога писал другому брату подо Львов, Каунас или Тарту, жалуясь по русскому национальному обычаю, что его загнали в колхоз, что оставили только корову и десяток овец, то все это полбеда. Но когда он начинал писать, что его старший сын командует батальоном в Красной Армии, а второй сын заканчивает университет в Москве, а дочь учится в мединституте в Харькове, а большую жену бесплатно возили на операцию в Киев, а младшие дети бесплатно отдыхали в Крыму, то как должен был себя чувствовать обыватель в Польше или Прибалтике? Обыватель, который со своей земли с трудом мог прокормить семью, а семьи своих детей кормить уже было нечем; обыватель, который считал за счастье устроить сына матросом на иностранное судно в надежде, что когда-нибудь лет через 5 это судно вновь зайдет в Ревель.

Да, в этих странах в городах было несколько магазинов, чьи витрины блистали богатством товаров со всего мира, и был какой-то процент населения, который мог в этих магазинах что-то покупать. И этот процент голосовал против присоединения к СССР, но что эти действительно враги народа могли сделать против толп обывателя, который стремился в СССР и был абсолютно прав в своем стремлении? Президент Литвы Бразаускас, когда еще был первым секретарем ЦК компартии Литвы, на Съезде советов СССР рассказывал про то, что он видел в Литве в 1940 г. Он говорил, что в его районе крестьяне всех хуторов без колебаний проголосовали за советскую власть и за присоединение к СССР, а в это время в этом районе еще не было ни одного советского солдата, но никто еще и не видел ни одного советского человека.

50. Но я в данном случае веду речь о политике Польши и подбираю факты, подтверждающие мнение о поляках экспертов бригады Сталина-Черчилля и Пилсудско-го. Дело в том, что у Польши не было никаких экономических оснований иметь то жалкое состояние, которое имели прибалты. На территории Польши достаточно полезных ископаемых: были железные и цинковые руды, нефть, по запасам каменного угля она занимала третье место в Европе. Прекрасно развита водная система, обширная сеть железных и автомобильных дорог и, главное, мощная промышленность, доставшаяся Польше в наследство от трех бывших империй. Однако, при мощностях добычи каменного угля в 60 млн. т. его добывалось около 36 млн. т, при мощностях по производству чугуна в 1 млн. т, его выплавляли 0,7 млн. т, при мощностях по производству стали в 1,7 млн. т ее производили 1,5 млн. т, даже такого ликвидного товара, как нефть производили 0,5 млн. т, хотя в 1913 г. ее качали 1,1 млн. т. До самой войны Польша ни разу не достигла уровня производства 1913 г., и при населении, равном 1,6% от мирового, производила всего 0,7% промышленной продукции мира [36]. При этом при годовом предвоенном бюджете в 2,5 млрд. злотых Польша имела государственных долгов 4,7 млрд. [37] и по 400 млн. злотых ежегодно вывозилось из страны в качестве процентов по займам и дивидендов [38].

Чтобы понять, насколько СССР был богаче Польши, давайте сравним их бюджеты в расчете на душу населения. Рубль стоил 0,774 г. золота и уже к 1925 г. котировался на валютных биржах Стамбула, Милана и Стокгольма [39], в Москве он продавался выше номинала: за 10-ти рублевую золотую монету давали 9 руб. 60 коп. купюрами [40]. В 1937 г. немцы за доказательства организации заговора генералов во главе с Тухачевским запросили 3 млн. рублей золотом. СССР выплатил банковскими купюрами, и немцы взяли их без сомнения в их золотой стоимости.

Номинал польского злотого был 0,169 г [41]. При населении Польши в 35 млн. человек из ее бюджета на 1938/1939 финансовые годы (2,5 млрд. злотых) в расчете на одного польского гражданина приходилось 12 г. золота. В 1938 г. бюджет СССР составлял 124 млрд. руб. [42], при населении в 170 млн. человек на одного советского человека приходилось 564 г. золота — в 47 раз больше, чем в Польше! У СССР даже в 1928 г. бюджет на душу населения был уже в два раза больше, чем у Польши в 1938 г. На 1937 г. в бюджете Литвы на одного человека приходилось 16 г. золота [43], Латвии — 13 г

[44].

51. Но если никаких экономических оснований быть нищей у Польши не было, то почему же она была нищей? Тут никакой экономики, тут чистая политика. Как я уже писал, чтобы развить свою промышленность, нужно найти для нее рынки сбыта. Польша все же небольшая страна, автаркия (самообеспечение) для нее тяжела, ее промышленность должна была работать на мировом рынке. А выгоднее всего торговать с соседями — меньше затрат на перевозку. Так вот, с соседями положение было такое.

52. Начнем рассматривать их с Латвии и Литвы против часовой стрелки. У Литвы Польша оттяпала Виленщину вместе со столицей Литвы Вильнюсом, и Литва знаться с Польшей не хотела, кроме того, у самой Литвы, как и у Латвии, торговать-то было особо нечем. Боясь Польши, Литва жалась к СССР, и мы кое-что у нее покупали — свинину, кожи, лен. Но ведь все это было и в Польше экспортным товаром. У Германии Польша оттяпала достаточно земель, чтобы грубые немцы до прихода Гитлера к власти просто выкидывали поляков со своего рынка. У чехов Польша тоже хотела оттяпать часть территории, чехи это знали и им это не нравилось, кроме этого, Чехословакия была неизмеримо более развита, нежели Польша, она, к примеру, до войны была мировым экспортером оружия. Что-то более современное она могла купить, скажем, до войны Чехословакия закупала в СССР бомбардировщики СБ и производила их по советской лицензии под маркой В-71 [63]. А Польша, при ее неразвитости, чем могла чехов соблазнить? Лошадиными подковами? С румынами можно было торговать, но что румыны могли поставить в ответ? Продукцию сельского хозяйства, которая и в Польше была, и нефть, которую и Польша не знала, куда деть?

53. Оставался Советский Союз — огромный рынок, на котором могли развить свою промышленность три таких Польши. Так вот, с 1921 г., сразу же после заключения мирного договора, СССР всеми силами добивался, чтобы Польша заключила с ним торговый договор [45]. Применял даже некорректные методы, к примеру, СССР как проигравший войну, должен был платить Польше репарации. СССР срывал выплаты, мотивируя это тем, что репарации — это деньги, а деньги можно получить только торговлей, а Польша с ним торговать не хочет [46]. Поляки терпели, но договор не заключали. Более того, они даже транзиту советских товаров через Польшу препятствовали. Смиловитивились они и заключили злосчастный торговый договор за семь месяцев до упразднения Польши немцами — в январе 1939 г [47]. Историки это отмечают, но никто не пытается объяснить это дикое, во вред себе, поведение поляков. А ведь даже у идиотского поведения должно быть пусть даже идиотское, но объяснение. С СССР торговали уже все: и фашистская Италия, и сверхдемократичные США. Гитлер, придя к власти, прервал торговые отношения, но ведь он и не скрывал, что собирается воевать с СССР. А Польше какого рожна надо было?

54. Другого ответа нет — по польским идейным установкам. прежде чем захватить у СССР всю Украину, нужно было ослабить СССР. Вот нищая Польша и ослабляла богатеющий на глазах Советский Союз. Когда Пилсудский утверждал, что поляки идиоты, это была не просто обиженная болтовня ополчившегося литовца -у Пилсудского были кое-какие основания для такого вывода. Доход миллионов тружеников был 1 злотый в день, не имея работы, с 1919 по 1935 г. из Польши эмигрировало 1,7 млн. человек [48], а полякам позарез нужна была еще и Украина, в связи с чем они старательно «ослабляли экономически» восточного соседа.

Государство расистов

55. И, наконец, по моему мнению, Збигнев Залуский уж больно мягко охарактеризовал отношения поляков к остальным народам Польши. В Польше был установлен польский расизм, причем в его наиподлейшей форме -неофициальный. Немцы были в этом плане гораздо честнее: они открыто объявили, что арийцы это все, а неарийцы — ничто. Немцы в Германии — граждане, а евреи -только подданные и на выборы им ходить нельзя, хотя и в армии служить тоже не надо. Но при этом они ввели понятие «полезный еврей» и на национальность таковых не обращали внимания, в связи с чем и один из идеологов Рейха, главный редактор газеты «Штурмовик» Штрайхер, был евреем (повешен в Нюрнберге), и фельдмаршал Люфтваффе Мильх был евреем [49]. В то же время немцы целый ряд народов считали своими, скажем, в войсках СС служили 460 тысяч датчан, голландцев, норвежцев и шведов и даже немецким офицерам не возбранялось брать в жены девушек из этих стран. Они ведь даже поляков делили — отбирали из них наиболее похожие (в их представлении) на арийцев типы поляков и онемечивали их.

56. В Польше же официально было равенство всех народов, кроме того, ведь поляки, белорусы и украинцы -это славяне. Но вот посмотрите, как реально обстояло в

Польше дело с национальным вопросом. Бригада Геббельса опубликовала сводку о национальном составе офицеров польской армии, находившихся в Старобельском и Козельском лагерях СССР, а там содержались не жандармы или полицейские, а простые армейские и флотские офицеры. Выборка очень велика — 8394 человека [50]. Давайте сравним процентный состав разных национальностей в среде офицерства с процентом этих национальностей в составе населения довоенной Польши [51].

Национальность	
Процентный состав	
Поляки	
Население 60,0	
Офицеры 97,4	
Украинцы	
Население 21,0	
Офицеры 0,1	
Евреи	
Население 9,0	
Офицеры 1,9	
Белорусы	
Население 6,0	
Офицеры 0,3	
Немцы	
Население 3,0	
Офицеры 0,1	
Остальные	
Население 1,0	
Офицеры 0,2	

57. Ну и какие могут быть комментарии к этой таблице? Да, польские офицеры действительно были польскими, но силы польской армии это не прибавило, впрочем, об этом в свое время. И стоит ли, в конечном счете, удивляться таким вот воспоминаниям пленного польского офицера Генриха Гожеховского о том времени, когда в сентябре 1939 г. советские солдаты конвоировали его в колонне других пленных в лагерь: "Потом нас погнали пешком в Ровно. Как сейчас помню: когда мы проходили по городу, во многих местах, в основном на еврейских лавчонках, висели узкие красные флаги. Было ясно видно, что это польские флаги, от которых оторвана верхняя часть. Еврейки и украинки выплескивали на нас нечистоты, крича: «Конец вашему польскому государству» [52].

Уже 20 сентября в своем донесении Сталину из войск начальник Политуправления РККА Л. З. Мехлис отмечал: «польские офицеры, кроме отдельных групп, потеряв армию и перспективу убежать в Румынию, стараются сдаться нам по двум мотивам: 1) Они опасаются попасть в плен к немцам и 2) Как огня боятся украинских крестьян и населения, которые активизировались с приходом Красной армии и расправляются с польскими офицерами. Дошло до того, что в Бурштыне польские офицеры, отправленные корпусом в школу и охраняемые незначительным караулом, просили увеличить число охраняющих их как пленных бойцов, чтобы избежать возможной расправы с ними населения» [53]. Тоже ведь нарочно не придумаешь — в плену у противника спастись от собственных граждан.

О простом, житейском

58. Тяга соседей к Советскому Союзу накануне Второй мировой войны была огромна. Что говорить о нищей Польше, посмотрите, как описывают венгерские историки состояние общества в общем-то не бедной по европейским меркам Венгрии. Власти в Венгрии ненавидели СССР не меньше, чем шляхта, достаточно сказать, что в начале 1939 г. Венгрия официально примкнула к антикоминтерновскому пакту — странам оси. Венгерские коммунисты были посажены в тюрьмы. (Чтобы освободить лидера венгерских коммунистов М. Ракоши, Советский Союз обменял его на хранящиеся в музеях знамена венгерских гонимых полков, которые русские полки взяли трофеями в походе 1848-1849 гг.). Таким образом, пропаганда собственно коммунистических идей в Венгрии была ослаблена до предела. Кроме того, венгры, как старая имперская нация, умели вести себя с входящими в

состав государства народами и межнациональные конфликты в Венгрии были редкостью.

Тем не менее: «В конце 30-х — начале 40-х гг. в Закарпатье существовала Русская национальная партия. Ее лидером был депутат парламента Венгрии С. Фенцик. Он выступал за утверждение русского языка для закарпатских русин. Фенцик считал, что в будущем русины, или карпаторусы, должны войти в состав России. Правда, среди историков есть мнение, что позиция лидера Русской национальной партии объяснялась „практическими соображениями“. Она позволяла ему получать финансовую поддержку». Тут бы венгерским историкам написать, что это Коминтерн проплачивал Фенцика, но подло врать, как бригада Геббельса, они еще не научились, поэтому стараются выкрутиться по-другому: "Поддержка шла не от русских из СССР, а от самих венгров, живущих в Закарпатье. Тех, которые считали для себя ориентацию на русских менее опасной, чем «непосредственное украинское соседство»».

При чем здесь «украинское соседство» и о какой-то такой Украине речь идет, ведь никакой другой Украины, кроме Советской, не было? Историкам очень неудобно признавать, что вместе с русинами хотели войти в СССР и венгры, причем, судя по тому, что они давали деньги Фенцику, и не обязательно нищие. А когда Польша развалилась и граница СССР приблизилась к Венгрии, то до весны 1941 г. «уже около 20 тысяч жителей Закарпатья перешли границу и осели в СССР. Те же, кто не решался на такой смелый шаг*, но верили, что жить при советском строе лучше, собирались большими группами в отдельных местах Закарпатья и ждали прихода русских солдат. В надежде на то же в Закарпатье перешла и часть населения Северной Трансильвании. Кроме того, в руководимое Шароновым полпредство поступило большое количество заявлений от подданных Венгрии с просьбой принять их в советское гражданство...» [54].

59. Знаете, я не верю, что эти толпы людей гнали в СССР их коммунистические убеждения. Здесь что-то попоще.

Вот активный член бригады Геббельса В. Парсаданова описывает, как СССР устраивал у себя пленных поляков рядового и сержантского состава — тех, кто по Женевской конвенции не могли отказываться от предлагаемой им работы.

"На основе соглашения между Наркомчерметом и НКВД для жителей Западной Украины и Западной Белоруссии предусматривалась возможность перевода интернированных в вольнонаемные рабочие по договору. Но эта тенденция развития не получила, хотя этим людям сулили ссуды на строительство индивидуальных домов, выдачу советского паспорта, приезд семьи. Заключение договора обязывало предоставить человеку жилье, резервов которого у предприятия было мало, у интернированных отсутствовали профессиональные навыки, а главное — желание работать.

Часть интернированных отказалась работать. Тогда их стали «стимулировать» различиями в нормах питания. Оплата труда определялась нормой выработки. Сведения о выполнении норм крайне противоречивые. Более близки к истине сообщения о том, что только 10-15 процентов работавших выполняли и перевыполняли нормы. Это были белорусы и украинцы, «желавшие закрепиться за данным предприятием». Формально заработная плата должна была соответствовать оплате труда советских вольнонаемных рабочих, но ее размер могли определить и органы НКВД. Часть денег можно было пересылать семьям. Из зарплаты вычиталась стоимость содержания, жилья. В итоге она колебалась от 20-30 копеек до 40-50 рублей в день. Так что материальный достаток и резервы для помощи семьям маловероятны" [55].

Однако я, прежде чем присоединиться к этому горестному бабьему всхлипыванию о несчастной доле поляков в СССР и оросить эту страницу скупой мужской слезой, хочу сделать кое-какие расчеты и понять для себя, что означает зарплата 50 рублей в день в том СССР.

В те годы нарком внутренних дел, по своему званию равный маршалу СССР, Л. П. Берия получал 3500 рублей в месяц [56], генерал, командир дивизии Красной Армии — 2200; командир полка — 1800; командир батальона -850; учитель от 250 до 750; стипендия студента — 170; библиотекарь — 150; завсклада — 120. Хлеб стоил 90 коп.; мясо — 7 руб.; сахар — 4,50; водка — 6 руб.; мужской костюм — 75 [57]. Солдаты конвоя (вахтеры), охранявшие пленных, получали 275 руб. в месяц [58]. Средняя зарплата по стране в 1940 г. — 339 руб. в месяц [59], прожиточный минимум — 5 руб. в день [60]. Итак, хорошо работающий пленный получал 1300 руб. в месяц — больше командира батальона, взявшего его в плен, вчетверо выше средней зарплаты по стране, в десять раз выше прожиточного минимума, в пять раз больше, чем его конвоир. И еще ему давали беспроцентную ссуду, чтобы он построил себе дом. А на Западе вопили, что СССР — это тюрьма, один сплошной ГУЛАГ. Это для подлых и тупых бездельников СССР был тюрьмой, а для трудящихся сталинский Советский Союз был родным. Вот труженики в него и ломались.

Адъютант Пилсудского капитан М. Лепецкий в своих воспоминаниях описывает такой эпизод:

"Министр Идеи прибыл в сопровождении посла Х. Кеннарда и еще двух человек. Министр Бек приехал перед ним. Следовало признать, что оба государственных деятеля своим внешним видом делали честь народам, которые представляли. Однако мы с удовлетворением отмечали, что не обменяли бы Бека на Идена.

Английский министр иностранных дел любил подчеркивать, что был офицером, капитаном. Может быть, поэтому он держался просто и во внешности имел что-то рыцарское. Высокий, худощавый, с коротко подстриженными усами и милой улыбкой, он вызывал симпатию. С особым интересом мы, адъютанты, разглядывали его безукоризненно скроенное представительское обмундирование, а кто-то из бельведерских вахмистров заметил позднее:

— Такой костюмчик как пить дать злотых четыреста стоит" [61].

Тут хорошо показаны и круг интересов польской шляхты, и то вождение, которое представляли для этой шляхты 400 злотых. Но ведь 400 злотых это всего-навсего 87 рублей — то, что оставалось у хорошего трудяги-пленного от зарплаты за два дня работы на советском заводе даже после вычета прожиточного минимума. Еще раз подчеркну — на заводе сталинского СССР.

60. Еще один эпизод к данной теме. 17 сентября 1939 г. войска Красной Армии перешли границу и вошли на территорию бывшего польского государства. Исполняющий обязанности начальника погранвойск Киевского округа вечером пишет донесение о том, что польская авиация атаковала и пыталась штурмовать территорию СССР (один самолет сбит артиллерией), о том, что одна наша погранзаезда по ошибке открыла огонь по своей же кавалерии (один красноармеец убит, трое ранено и ранено две лошади) и т.д. Однако в конце донесения он информирует о том, что может стать экономической проблемой (выделено мною): «Население польских сел повсеместно приветствует наши части, оказывая содействие в переправе через реки, продвижению обоза, вплоть до разрушения укреплений поляков. Зарегистрированы попытки группового перехода на нашу сторону с целью свидания с родственниками и покупок разных предметов и продуктов в кооперативах наших погрансел» [62]. Война, кровь, а обыватель ринулся в магазины Советского Союза за покупками.

61. «Мы никогда так хорошо не жили, как перед войной» — говорили наши старики еще в 70-х. «Мой милый, если б не было войны» — вздыхается в грустной советской песне. Но война была.

И разожгла эту войну в том числе и Польша.

Глава 2. Бригада Геббельса о Польше в предвоенный период и во Второй мировой войне

Необходимый комментарий

62. Бригада Геббельса хотя и издает свои труды в России очень скромными тиражами, зато она многолюдна — урвать с поляков свежую копейку в России хочется многим, поэтому публикаций, доказывающих, что польских офицеров расстрелял НКВД СССР, полно. Члены бригады Геббельса уже даже дерутся между собой за катынскую обглоданную кость. Представители бригады Геббельса из ГВП РФ, к примеру, обиженно пишут о заслуженном ветеране бригады Геббельса Н. С. Лебедевой:

«После первых публикаций Н. С. Лебедевой прокуратуры пытались привлечь ее к поисковым работам в архивах, обеспечив ей более широкий доступ к документам. Взаимодействие оказалось односторонним. Юристы помогли ей сориентироваться в правовой стороне дела. Однако она была озабочена прежде всего подкреплением своего „приоритета“ и отнюдь не торопилась способствовать комплектованию корпуса необходимыми следствию документами, более того, не остановилась даже перед торможением расследования, поставив на первое место свои личные планы. От помощи Лебедевой пришлось отказаться» [1].

Из этого текста ясно, что члены бригады Геббельса что-то не поделили, как часто бывает в среде преступников, но мне от этого не легче, поскольку придется давать в этой книге писания обеих конкурирующих группировок, хотя в целом они и идентичны. В противном случае, если вы их доводы признаете неубедительными, эти группировки будут обвинять меня и друг друга в некомпетентности.

За основу я возьму все же официоз — заключение «экспертов» той части бригады Геббельса, которая работала с прокуратурой. А дополнять буду пояснениями к документам по Катынскому делу, которые были даны коллективом авторов во главе с Н. С. Лебедевой и под руководством еще большего

количества редакторов с российской и с польской стороны.

Сначала дадим слово «экспертам».

Прокурорская часть бригады Геббельса

ЗАКЛЮЧЕНИЕ комиссии экспертов Главной военной прокуратуры по уголовному делу № 159 о расстреле польских военнопленных из Козельского, Осташковского и Старобельского спецлагерей НКВД в апреле-мае 1940 г., 2 августа 1993 года, г. Москва

"В период с 17 марта 1992 г. по 2 августа 1993 г. на основании постановления старшего военного прокурора Отдела Управления Главной военной прокуратуры подполковника юстиции Яблокова А.Ю. от 17 марта 1992 г. комиссия экспертов в составе:

— директора Института государства и права Российской академии наук академика Топорнина Бориса Николаевича;

— заведующего сектором уголовного права и криминологии Института государства и права Российской академии наук доктора юридических наук, профессора Яковлева Александра Максимовича;

— главного научного сотрудника Института сравнительной политологии Российской академии наук доктора исторических наук, профессора Яжборовской Инессы Сергеевны;

— ведущего научного сотрудника Института славяноведения и балканистики Российской академии наук доктора исторических наук Парсадановой Валентины Сергеевны;

— доцента кафедры спецдисциплин Военной академии Советской Армии, кандидата военных наук Зори Юрия Николаевича;

— старшего эксперта отдела судебно-медицинской экспертизы Центральной судебно-медицинской лаборатории МО РФ подполковника медицинской службы кандидата медицинских наук Беляева Льва Валерьевича

провела комиссионную экспертизу по материалам уголовного дела № 159 о расстреле польских военнопленных.

На разрешение комиссии экспертов поставлены следующие вопросы:

1. Определить: какие из приведенных в описательной части постановления о назначении экспертизы документы с точки зрения юридической, исторической и медицинской науки могут быть признаны доброкачественными документами, а выводы, которые в них содержатся, научными и обоснованными?

2. С этих же позиций проанализировать с учетом собранных документов польскую «Экспертизу Сообщения Специальной комиссии по установлению и расследованию обстоятельств расстрела немецко-фашистскими захватчиками в Катынском лесу военнопленных польских офицеров» и установить: заслуживают ли доверия выводы этого акта как научно обоснованного документа?

3. С учетом всех перечисленных в постановлении документов, выводов польской «Экспертизы», собранных в ходе следствия документов и свидетельских материалов проанализировать с научно-юридической, исторической и медицинской точек зрения обоснованность и состоятельность выводов «Сообщения Специальной комиссии по установлению и расследованию обстоятельств расстрела немецко-фашистскими захватчиками в Катынском лесу военнопленных польских офицеров» под руководством Н.Н.Бурденко.

4. К каким новым выводам о сроках, причинах, мотивах, обстоятельствах и последствиях расстрела польских военнопленных в Смоленске, Катынском лесу, Харькове и Калинин, а также других польских граждан, содержащихся в тюрьмах Западной Белоруссии и Западной Украины, с точки зрения юридической, исторической, медицинской науки и права приводят собранные в ходе следствия доказательства?

Обстоятельства дела. В сентябре-декабре 1939 г. были интернированы, частично взяты в плен, задержаны органами НКВД при регистрации населения на территории Западной Белоруссии и Западной Украины более 230 тыс. польских граждан. Из них более 15 тыс. человек — офицеры, служащие различных уровней администрации и управления — были сосредоточены в Козельском, Старобельском и Осташковском лагерях НКВД для военнопленных, по состоянию на начало марта 1940 г. В это же время в тюрьмах западных областей Белоруссии и Украины содержалось более 18 тыс. арестованных, из которых 11 тыс. составляли поляки. В феврале-апреле 1943 г. польские военнопленные из Козельско-го лагеря были обнаружены в массовых захоронениях в Катынском лесу Смоленской области. Причину смерти, даты расстрела и захоронения, виновных в гибели этих военнопленных устанавливали в 1943 г. немецкие эксперты, Техническая комиссия Польского Красного Креста (проведшая основные работы по эксгумации и идентификации погибших) и международная комиссия судебно-медицинских экспертов, в 1944 г. — Специальная комиссия по установлению и расследованию

обстоятельств расстрела немецко-фашистскими захватчиками в Катынском лесу военнопленных польских офицеров под руководством академика Н.Н.Бурденко. В 1946 г. вопрос о Катынском деле был вынесен в Нюрнбергский Международный военный трибунал. В 1952 г. его рассматривала специальная комиссия Палаты представителей Конгресса США под председательством Р.Дж.Мэддена. В 1987-1989 гг. к нему обращалась смешанная советско-польская комиссия по ликвидации так называемых «белых пятен» в отношениях между двумя странами, создав под конец своей деятельности подкомиссию по вопросу о судьбах польских военнопленных и обнаружив в Особом архиве документы НКВД.

По основным вопросам «катынской проблемы», и прежде всего при определении сроков и виновников преступления, эти комиссии пришли к различным выводам. Экспертиза польской части советско-польской комиссии обоснованно поставила под сомнение выводы комиссии под руководством Н.Н.Бурденко. Советской частью комиссии, еще не располагавшей документами НКВД СССР, было признано, что сообщение комиссии Н.Н.Бурденко дает основание для его критики.

Весной 1989 г. в Особом архиве ГАУ при СМ СССР были обнаружены документы НКВД СССР, свидетельствующие о том, что массовые расстрелы поляков были делом НКВД СССР. Это явилось поворотным пунктом в раскрытии подлинных обстоятельств этого злодеяния, открывало возможности его объективного расследования и дачи ему правдивой политической оценки. В апреле 1990 г. во время переговоров между Президентами СССР и РП В.Ярузельскому была передана часть этих документов, включая списки военнопленных, расстрелянных в Катынском лесу, в Смоленске, в Калинин, а также содержащихся до расстрела в Старобельском лагере.

В мае 1990 г. двусторонняя комиссия прекратила свое существование. В сентябре 1990 г. расследование дела по факту расстрела польских военнопленных поручено Главной военной прокуратуре.

Исследование. Изучив материалы уголовного дела № 159, собранные документы, комиссия считает, что для установления причин, мотивов и обстоятельств расстрела польских военнопленных, содержащихся весной 1940 г. в трех указанных лагерях, а также разных категорий поляков, находившихся в тюрьмах западных областей Белоруссии и Украины, для определения причастных сторон и виновных в этом преступлении необходимо рассмотреть не только названные документы, но и международно-правовые аспекты, в том числе связанные с развитием советско-польско-германских отношений.

Советско-польские отношения регулировались Рижским мирным договором, заключенным 18 марта 1921 г. Подписанный РСФСР и УССР, с одной стороны, и Польской Республикой — с другой, он установил границы и заявлял о гарантировании суверенитета и невмешательстве в дела друг друга, исключении всякого рода интервенции, нарушения территориальной целостности или подготовки насильственного свержения государственного или общественного строя. 25 июля 1932 г. между СССР и Польской Республикой был заключен договор о ненападении, в котором признавалось, что Рижский мирный договор от 1921 г. лежит в основе взаимоотношений и обязательств между двумя государствами, подтверждались его основные положения (Документы и материалы по истории советско-польских отношений. Т. III. М., 1965. С. 524—525; Т. V. М., 1967. С. 533).

В июле 1933 г. СССР, Польша и другие государства по инициативе СССР подписали конвенцию об определении агрессии, в пункте 2 статьи 2 которой нападающей стороной в международном конфликте признавалось государство, совершившее вторжение вооруженных сил, хотя бы и без объявления войны, на территорию другого государства.

Советско-польские отношения развивались трудно, однако ошибочно было бы приписывать польской стороне прогерманский, прогитлеровский курс. Ю. Бек, польский министр иностранных дел, действовал в соответствии с позицией «равной удаленности» от Германии и России — «двух врагов». Начиная с 1936 г., Германия пыталась склонить Польшу к совместным действиям против СССР. Однако 25 ноября 1936 г. польское правительство отвергло предложение Гитлера присоединиться к Антикоминтерновскому пакту. В 1939 г. во время переговоров Ю. Бека с руководством фашистской Германии немецкая сторона дважды пыталась склонить польскую к сотрудничеству, направленному против СССР, но Бек не согласился участвовать в этой акции.

Не добившись результатов, Германия изменила тактику и вступила в переговорный процесс с СССР, направленный, в частности, против Польши. Сталин рассчитывал, что путем сделки с Германией, нейтрализовав ее агрессию против СССР ценой раздела Польши, удастся ее «переиграть» — потянуть время и столкнуть Гитлера с «оплотом западного империализма» — Англией и Францией. 23 августа 1939 г. был подписан советско-германский договор о ненападении. Статья 2 секретного дополнительного протокола к нему гласила: «В случае территориально-политического переустройства

областей, входящих в состав Польского государства, граница сфер интересов Германии и СССР будет приблизительно проходить по линии рек Нарев, Висла и Сан. Вопрос, является ли в обоюдных интересах желательным сохранение независимого Польского государства и каковы будут границы этого государства, может быть исключительно выяснен только в течение дальнейшего политического развития. Во всяком случае оба правительства будут решать этот вопрос в порядке дружественного обоюдного согласия».

В постановлении II Съезда народных депутатов СССР от 24 декабря 1989 г. «О политической и правовой оценке советско-германского договора о ненападении от 1939 года» (пункт 5) указывается, что разграничение сфер интересов СССР и Германии находилось с юридической точки зрения в противоречии с суверенитетом и независимостью ряда третьих стран. Пункт 7 постановления констатирует, что «эти протоколы использовались СССР для предъявления ультиматумов и силового давления на другие государства и нарушения взятых перед ними правовых обязательств». Съезд признал, что при заключении названного договора и его ратификации (31 августа 1939 г.) факт подписания секретного дополнительного протокола был утаен от советского народа и верховных органов государства.

Таким образом, на рубеже Второй мировой войны Сталин лично, в опоре на верхушку партийно-государственного аппарата, навязал стране пагубное волюнтаристское решение по одному из узловых вопросов внешней политики, реализуя монополию на власть, на внешнеполитическую деятельность и встав на путь прямого нарушения международного права. Договор с Германией и его органическая часть — секретный дополнительный протокол с юридической точки зрения находились в противоречии с международными конвенциями и установлениями Лиги Наций, с суверенитетом и независимостью Польши, нарушали взаимные обязательства СССР и Польши при всех обстоятельствах уважать суверенитет, территориальную целостность и неприкосновенность друг друга. Более того, они оформляли сговор, направленный на решение судеб Польского государства путем его раздела, позволили фашистскому командованию беспрепятственно разгромить Польшу (а затем обрушиться на Францию и обезопасить свой тыл для войны с СССР).

После нападения гитлеровской Германии на Польшу 1 сентября 1939 г. немецкая дипломатия торопила советское руководство с выполнением вытекающих из подписанных документов обязательств. После продвижения немецких войск дальше предварительно установленной линии Красная Армия 17 сентября 1939 г. перешла советско-польскую границу на всем ее протяжении. Этому предшествовало заявление советского правительства, что Польское государство якобы пере-

стало существовать, а польское правительство покинуло территорию своей страны. Тем самым создавалась видимость снятия договорных обязательств в отношении Польши. Мотивировавшая вступление советских войск на польскую территорию утверждением о прекращении существования Польского государства нота советского правительства была вручена польскому послу, который ее не принял, в ночь на 17 сентября 1939 года в момент нахождения польского правительства на польской территории. Содержание этой ноты признано противоречащим нормам международного права. (См.: Канун и начало Второй мировой войны // Правда. 25 мая 1989 г.) С юридической точки зрения даже полная оккупация страны не перечеркивает существования государства как субъекта международного права.

Красная Армия развернула боевые действия без объявления войны, в условиях, когда польские вооруженные силы продолжали оказывать сопротивление немецко-фашистским войскам, а правительство Польши находилось на своей территории. Это означало нарушение действующих договоров с Польшей и целого ряда обязывающих оба государства международных договоров. Война этой страны с гитлеровской Германией носила справедливый, освободительный характер, что было официально подтверждено и смешанной советско-польской комиссией по ликвидации так называемых «белых пятен». Совместные действия Германии и СССР, ведущего наступательные военные действия и превратившегося в соучастника агрессии, боевое взаимодействие двух армий, направленное против польского государства и его территориальной целостности, подтверждаются многочисленными фактами, материалами, собранными в уголовном деле. Перед войсками Белорусского и Украинского фронтов была поставлена задача «молниеносным, сокрушительным ударом» разгромить «панско-буржуазные польские войска», «уничтожить и пленить вооруженные силы Польши» (т. 2/15. Л.д. 15, 37, 91 и др.). В приказе Военного совета Белорусского фронта № 005 от 16 сентября 1939 г. и в других документах говорилось о выполнении договорных обязательств в отношении Германии (там же. Л.д. 2), а польская сторона обвинялась в развязывании войны против нее (там же. Л.д. 15, 37).

В приказе наркома обороны СССР К. Е. Ворошилова от 7 ноября 1939 г. давалась следующая

общая оценка действий Красной Армии и их итогов: «...Польское государство при первом же серьезном военном столкновении разлетелось, как старая и сгнившая телега. За какие-нибудь 15 дней войны с Германией панская Польша как государство перестала существовать, а его правительство и верховное командование польской армии позорно сбежало за границу. В силу распоряжения советского правительства войска Украинского и Белорусского фронтов, выполняя приказ Главного командования, 17 сентября перешли границу бывшего Польского государства... стремительным натиском части Красной Армии разгромили польские войска...» (там же. Л.д. 8-12).

«Красная звезда» 17 сентября 1940 г. в редакционной статье, посвященной первой годовщине войны с Польшей, аналогичным образом изображала военные действия и пленение сил противника, отмечая «удар по врагу под Барановичами, Дубной, Тернополем, прорыв и сокрушение укрепрайона Сарны», победу под Гродно и Львовом и в других местах: «Неудержимой лавиной хлынули танковые войска, поддержанные авиацией, артиллерией и мотопехотой. В течение 12-15 дней враг был полностью разбит и уничтожен. В это время одной лишь группой войск Украинского фронта в битвах и маневрах из числа окруженных взято в плен 10 генералов, 52 полковника, 72 подполковника, 5131 офицер, 4096 младших командиров и 181 тысяча 223 рядовых польской армии».

Для обоснования наступательных вооруженных действий Красной Армии применялись аргументы «освободительного похода», освобождения украинских, белорусских и польских трудящихся от гнета и эксплуатации польских имущих классов, а также защиты братских народов Западной Белоруссии и Западной Украины от гитлеровской агрессии.

Германские и польские войска трактовались в приказах различно. В боевом приказе штаба Белорусского фронта от 15 сентября в директивах авиации подчеркивалось: «С авиацией Германской армии в бой не вступать». В отношении польской армии рекомендовалось: «Действия авиации направлять на уничтожение живой силы, технических средств и авиации противника» (там же. Л.д. 17). В приказе № 05 Белорусского фронта от 22 сентября 1939 г. говорилось: «Во избежание возможных провокаций от польских банд, Германское командование принимает необходимые меры в городах и местечках, которые переходят к частям Красной Армии, к их сохранности». В этом же приказе, как и в приказах командующего Белорусского фронта БП № 01 от 15 сентября 1939 г. и № 04 от 20 сентября 1939 г. речь идет о выдвигании «к разграничительной (демаркационной) линии между войсками» к определенным датам. Этим подтверждается совместный характер действий Германии и СССР согласно секретному дополнительному протоколу. В приказе № 05 представителям Красной Армии предписывалось "связаться с делегатами отводимых германских частей и регулировать все возникающие вопросы...делегатов назначить первоначально Военным советам армий, проинструктировать и фамилии их сообщить мне (командующему Белорусского фронта) для доклада народному комиссару.

При обращении германских представителей к частям Красной Армии об оказании помощи в деле уничтожения польских частей или банд, стоящих на пути движения мелких частей германской армии, командование Красной Армии (начальники колонн) в случае необходимости — выделяют необходимые силы, обеспечивающие уничтожение препятствий, лежащих на пути движения" (там же. Л.д. 46). Сблизившиеся советские и немецкие части передислоцировались до 12 октября согласно демаркационной линии, установленной секретным протоколом 21 сентября, а затем — новому советско-германскому договору «о дружбе и границе» от 28 сентября 1939 г. (там же. Л.д. 43, 44, 46).

С польской стороны активные, организованные оборонительные действия велись преимущественно против наступавших немецких войск. Концентрация частей Красной Армии на границе оценивалась как вызванная продвижением германской армии и объективно способствовавшая интересам Польского государства. В советской ноте о вступлении на территорию Польши от 17 сентября 1939 г. не было речи о ведении войны с Польшей — самостоятельно или совместно с Германией.

17 сентября польские пограничные патрули оказывали сопротивление Красной Армии. Верховный главнокомандующий польскими войсками маршал Э. Рыдз-Смиглы дал войскам директиву продолжать сражаться с немцами, не разворачивать боев с «Советами», вести с ними переговоры о выводе польских гарнизонов в Румынию и Венгрию, оказывать сопротивление частям Красной Армии только в случаях их нападения и попыток разоружить польские части. Невозможность довести до сведения всех частей приказа Рыдза-Смиглого, а прежде всего наступательные действия Красной Армии, направленные на ликвидацию польской армии, привели к ожесточенному, более чем двухнедельному противодействию части польских войск. Другие сложили оружие, тем более что на восточных территориях в основном были лагеря по обучению офицеров запаса или комплектованию частей. Командовавший обороной

Львова генерал В. Лянгнер передал город Красной Армии на основе соглашения. Многие офицеры, полицейские, солдаты корпуса охраны пограничья были после взятия в плен расстреляны на месте, что являлось нарушением норм международного военного права.

Советское руководство, формально не объявляя Польше войны, на деле исходило из факта ее ведения и ликвидации Польского государства. Это отразилось в действиях СНК СССР и наркоматов. Еще в августе приказом Л.П. Берии за № 00931 был определен порядок оформления арестов военнопленных. В разгар военных действий, 19 сентября, аналогичным приказом за № 0308 было введено в действие Положение об управлении делами военнопленных при НКВД СССР, а 20 сентября 1939 г. Экономсоветом при СНК СССР было принято Положение о военнопленных. Оно четко определяло, что «военнопленными признаются лица, принадлежащие к составу вооруженных сил государств, находящихся в состоянии войны с СССР, захваченные при военных действиях, интернированные на территории СССР...».

Вопрос о судьбах Польского государства решался на двухсторонней советско-германской основе. Перед нападением на Польшу Гитлер предполагал после раздела ее территории создать в качестве буфера «остаточное Польское государство». Однако Сталин после вступления в военные действия решительно отвел эту идею — сначала, 20 и 25 сентября, через Т.Т. Туленбурга, а затем в ходе переговоров 28 сентября 1939 г., заявив, что это неизбежно вызовет стремление польского народа «те национальному единству, что может привести к трениям между СССР и Германией». Гитлер отказался от этой мысли (см.: ADAP. Serie D. Band VIII. S. 81-82, 101, 124).

28 сентября 1939 г. был заключен договор о дружбе и границе между СССР и Германией, к которому прилагались один конфиденциальный и два секретных протокола. Договор закрепил раздел территории Польши, ликвидацию Польского государства и его армии. Были определены, в частности, взаимные обязательства по недопущению обеими сторонами «польской агитации, направленной на территорию другой стороны», принятие «соответствующих мер» и взаимное информирование о принятых мерах.

Советская оценка событий 17 сентября 1939 г. сочетала в то время декларирование «освободительного похода Красной Армии» с целью защиты братского украинского и белорусского народов от немецкой агрессии и фактическое признание боевого взаимодействия с немецкими войсками. В заявлении В. М. Молотова на заседании Верховного Совета 31 октября 1939 г. говорилось: «...надо указать такой факт как военный разгром Польши и распад Польского государства. Правящие круги Польши немало кичились „прочностью“ своего государства и „мощью“ своей армии. Однако оказалось достаточно короткого удара со стороны германской армии, а затем Красной Армии, чтобы ничего не осталось от этого уродливого детища Версальского договора...»

Изложенные обстоятельства убедительно свидетельствуют, что сталинское руководство грубо нарушило Рижский мирный договор и договор о ненападении между СССР и Польшей 1932 г. Оно ввергло СССР в действия, которые подпадают под определение агрессии согласно конвенции об определении агрессии от 1933 г. Тем самым принципиально важные вопросы внешней политики СССР решались с прямым нарушением международного права. Это непосредственно отразилось на судьбах различных социальных групп польского общества. Действия в отношении польской армии и так называемых «польских военнопленных» были воплощением политики, выраженной в заявлении В. М. Молотова о советско-германских отношениях как о «дружбе, скрепленной кровью».

Все захваченные в ходе военных действий, защищавшие независимость своей страны, взятые с оружием в руках или безоружными, а также задержанные в результате проведенной органами НКВД регистрации офицеры, солдаты, сотрудники администрации и управления различного уровня, в том числе полицейские, пограничники, таможенники, судьи, прокуроры и другие, как взятые в плен, так и интернированные, были признаны военнопленными, что соответствовало фактическому признанию состояния войны.

Гагская конвенция «О законах и обычаях сухопутной войны» от 18 октября 1907 г., принятая по инициативе России и ратифицированная ею, содержит определяющие положения о том, кто признается воюющим, и о военнопленных: "Военные законы, права и обязанности применяются не только к армии, но также к ополчению и добровольческим отрядам, если они -

- 1) имеют во главе лицо, ответственное за своих подчиненных;
- 2) имеют определенный и явственно видимый издали отличительный знак; 3) открыто носят оружие и 4) соблюдают в своих действиях законы и обычаи войны. Также можно признать воюющим и население, которое берется за оружие при приближении неприятеля и соблюдает законы и обычаи войны... Вооруженные силы могут состоять как из сражающихся, так и несражающихся, и в случае

захвата неприятелем как те, так и другие пользуются правами военнопленных".

Правительство РСФСР заявило в 1918 г., не называя прямо Гаагской конвенции, что будет соблюдать Женевскую конвенцию 1864 г. во всех ее позднейших редакциях, а также все другие международные конвенции, касающиеся Красного Креста и признанные Россией до октября 1917 г. Правительство СССР впоследствии это неоднократно подтверждало (в 1925, 1927, 1931 гг.), неоднократно заявляло о признании конвенции 1929 г.

В статье 13 Приложения к Гаагской конвенции «Положение о законах и обычаях сухопутной войны» говорится: «Лица, сопровождающие армию, но не принадлежащие собственно к ее составу, как-то: газетные корреспонденты и редакторы, маркитанты, поставщики, когда они захвачены неприятелем и когда последний сочтет полезным задержать их, пользуются правами военнопленных...» Формулировка о полезности задержания определенных категорий гражданского населения позволила органам НКВД значительно расширить круг гражданских лиц, задержанных в связи с ведением военных действий в Польше и после них, признать этих лиц военнопленными и содержать в лагерях для военнопленных и в тюрьмах.

Согласно армейским приказам военнопленными считались все офицеры польской армии. Их предписывалось направлять в лагеря на территорию СССР, как гласила статья 3 приказа № 5 от 21 сентября 1939 г. командующего войсками Белорусского фронта. В статьях 4 и 5 этого приказа предлагалось направлять в лагеря военнопленных также всех обнаруженных в городах и сельской местности солдат бывшей польской армии, независимо от того, оказывали ли они сопротивление Красной Армии и имели ли при себе оружие. Об этом говорится в приказе командующего войсками Белорусского фронта № 6 от 21 сентября 1939 г. и др. В результате военнопленными стали не только интернированные, сложившие оружие по соглашению, предусматривавшему освобождение (например, гарнизон и защитники Львова), но и проходившие обучение, частично еще не вооруженные резервисты — запасники и даже отставники, в том числе инвалиды.

Принятое 20 сентября Положение о военнопленных предусматривало, что распоряжением Главного военного командования военнопленными могли быть признаны различные гражданские лица, «захваченные при военных действиях». Это положение противоречило Гаагской конвенции, значительно расширяя круг лиц, признаваемых военнопленными, а также ужесточало их содержание, ограничивало права военнопленных. В нарушение Гаагской конвенции могло быть задержано и признано военнопленным любое гражданское лицо. Согласно духу конвенции, на гражданских лиц не должны распространяться вытекающие из отнесения к категории военнопленных ограничения и обязанности. Эти гражданские лица должны наделяться только правами военнопленных. Между тем они оказались в лагерях НКВД.

В нарушение статьи 4 названного Приложения к Гаагской конвенции в статьях 16 и 17 Положения о военнопленных ограничивались суммы наличных денег, которые военнопленный мог иметь на руках. По решению администрации лагерей излишек изымался и сдавался в сберкассы, а в дальнейшем выдавался по решению администрации. Статья 21 Положения о военнопленных в нарушение статьи 6 Приложения к Гаагской конвенции предусматривала привлечение военнопленных офицеров к работам.

В статьях 8, 12 Положения Гаагской конвенции говорилось, что военнопленные обязаны подчиняться законам, уставам и распоряжениям, действующим в армии государства, во власти которого они находятся. Всякое неповиновение с их стороны давало право на применение к ним «необходимых мер строгости». Лица же, бежавшие из плена, могли быть даже подвергнуты дисциплинарным взысканиям. Судебная ответственность предусматривалась в единственном случае — если военнопленный, отпущенный из плена под честное слово, снова брал в руки оружие и воевал против правительства, «перед коим он обязался честью, или против союзников последнего». Он терял права, предоставленные пленным, и мог быть предан суду. Таким образом, статус военнопленного по Гаагской конвенции предусматривал уголовную ответственность только в исключительном случае. В нарушение этих положений конвенции советское Положение о военнопленных предусматривало в статьях 27, 29, 30 уголовную ответственность за все воинские преступления, общеуголовные преступления, включая и исключительную меру наказания — смертную казнь.

Положение военнопленных регулировалось не армией, а НКВД. Установление правовых основ их содержания и дальнейшее решение их судеб изначально определялось при помощи нормативных актов НКВД. Уже с 17 сентября задача охраны и конвоирования польских военнопленных, принимаемых от армейских частей, была возложена на конвойные войска НКВД. С 22 сентября была развернута система лагерей..." [2].

От автора. На этом я прерву экспертов ГВП, поскольку они по политическим аспектам появления

в СССР польских военнопленных сказали все.

Сейчас я по этому же вопросу дам слово второй части бригады Геббельса.

Академическая часть бригады Геббельса

Уничтожение на территории СССР более 20 тысяч поляков в начале второй мировой войны — расстрел польских военнопленных — создал барьер враждебности и недоверия в душе польского общества, преодолеть который можно лишь раскрытием всей правды об этом злодеянии.

Мир готовился к войне. Стремление обеспечить безопасность лишь своей собственной страны было присуще руководителям всех государств складывавшихся коалиций. Однако в век мировых войн невозможно обеспечить безопасность отдельно взятой страны. Недальновидность политических лидеров обернулась ценой десятков миллионов человеческих жизней. И все же главную ответственность за развязывание второй мировой войны несет гитлеровская Германия, добивавшаяся мирового господства.

Советско-германский диалог, начало которому было положено Гитлером во время новогоднего, 1939 г. приема и Сталиным в его выступлении на XVIII съезде ВКП(б) в марте того же года, имел серьезные последствия для всей мировой ситуации.

Затем через дипломатическую переписку, а также через непосредственные переговоры между послом Третьего рейха в Москве Ф. фон Шуленбургом и главой Советского правительства В. М. Молотовым согласовывались условия гитлеровско-сталинского союза.

21 августа 1939 г. в 21.30 личной телеграммой Сталин уведомил Гитлера о готовности подписать двусторонний пакт о ненападении, а также дополнительный секретный протокол. Советский вождь ожидал прибытия в Москву министра иностранных дел Третьего рейха И. фон Риббентропа. Прочитав телеграмму, Гитлер воскликнул: «Теперь у меня весь мир в кармане!»

23 августа Риббентроп и Молотов подписали советско-германский пакт о ненападении, а также дополнительный секретный протокол. Непосредственно Республики Польши касался второй пункт протокола, предreshавший ее раздел.

Несмотря на то, что информация о заключении секретного протокола почти сразу же просочилась на Запад, ее конкретное содержание было известно сверхограниченному кругу лиц, а в Польшу она не попала вообще. Поэтому перемены, происшедшие в советско-германских отношениях, не вызвали никакой реакции министра иностранных дел РП Ю. Бека. Полагаясь на заключенный 25 августа 1939 г. польско-английский договор, польское верховное командование не могло предположить, что может начаться вооруженный конфликт с Германией и Россией.

1 сентября 1939 г. нацистская Германия напала на Польшу. Через два дня Великобритания и Франция объявили войну Третьему рейху. Польско-германский конфликт, таким образом, перерос в общеевропейскую войну, покончив с так называемой политикой умиротворения.

3 сентября руководители Третьего рейха предложили советскому правительству выступить против польских войск и оккупировать часть территории РП, представляющую сферу советских интересов. Молотов ответил, что такие действия будут предприняты, но несколько позже.

Непосредственная же подготовка к ним началась уже 7 сентября. К 13 сентября многие части Красной Армии были подтянуты к исходным рубежам. По заданию Политбюро ЦК ВКП(б) Наркоматы внутренних и иностранных дел представили А. А. Жданову записки, систематизировавшие сведения о государственном устройстве Польши, ее национальном составе, экономике, вооруженных силах, транспорте, политических партиях и т. д.

Материалы о Западной Украине и Западной Белоруссии было поручено подготовить и Коминтерну. Компартиям, которые до получения инструкций из Москвы единодушно высказывались за противодействие агрессору и оказание поддержки его жертве — Польше, были даны совершенно иные указания. Сталин, пригласив к себе 7 сентября генерального секретаря Исполкома Коминтерна (ИККИ) Г.М. Димитрова, заявил ему: «Война идет между двумя группами капиталистических стран... за передел мира, за господство над миром! Мы не прочь, чтобы они подрались хорошенько и ослабили друг друга».

Охарактеризовав Польшу как фашистское государство, которое угнетает украинцев, белорусов и т.д., он, по свидетельству Г. М. Димитрова, подчеркнул: «Уничтожение этого государства в нынешних условиях означало бы одним буржуазным фашистским государством меньше! Что плохого было бы, если в результате разгрома Польши мы распространим социалистическую систему на новые территории и население».

В директиве компартиям, составленной Димитровым 8 сентября, указывалось: «Международный пролетариат не может ни в коем случае защищать фашистскую Польшу, отвергнувшую помощь

Советского Союза, угнетающую национальности». 15 сентября Секретариат ИККИ принял постановление «О национальных легионах», запрещающее коммунистам и революционным элементам добровольно вступать в них.

Однако в начале польско-германской войны сохранялась видимость доброжелательного нейтралитета. Как записал министр иностранных дел РП Ю.Бек, «поведение советского посла (Н.Шаронова. — Авт.) не оставляло желать лучшего, он даже проявлял желание переговоров о возможности транзита ряда товаров через СССР. Я порекомендовал послу В.Гжибовскому прозондировать у Молотова, какие поставки через Советы могли бы быть приняты во внимание, а также ожидал от него действий по обеспечению нам транзита от союзных государств». 11 сентября Шаронов перед отъездом из Польши, сославшись на плохую связь с Москвой, заверил министра Бека, что «вопросы различных поставок актуальны... и выразил свой оптимизм в отношении расширения советских поставок в Польшу». Действительно, из Москвы около 10 сентября от посла В.Гжибовского была получена информация о мобилизации нескольких призывных контингентов в западных областях СССР, указывающая на возможность активного включения Красной Армии в польско-германский конфликт. Однако сам посол признал масштаб этой подготовки недостаточным «для серьезного военного участия».

9 сентября в связи с переданной из Берлина дезинформацией о занятии немецкими войсками Варшавы Молотов направил «приветствия и поздравления правительству немецкой империи» и передал Шуленбургу, что «советские военные действия начнутся в ближайшие несколько дней». В тот же день был подготовлен и подписан приказ наркома обороны К. Е. Ворошилова и начальника Генштаба РККА Б. М. Шапошникова о скрытном сосредоточении к 11 сентября войск Белорусского и Киевского особых военных округов (БОВО и КОВО) и переходе в ночь с 12 на 13 сентября в решительное наступление с целью молниеносным ударом разгромить противостоящие войска. Убедившись, что Варшава сражается, сталинское руководство, видимо, сочло необходимым повременить.

11 сентября на базе БОВО (Смоленск, командующий — командарм 2-го ранга М.П.Ковалев) и КОВО (Киев, командующий — командарм 1-го ранга С.К.Тимошенко) были созданы два фронта — Белорусский и Украинский,

Белорусский фронт под командованием М.П.Ковалева состоял из четырех общевойсковых армий (3-й армии под командованием комкора В.И.Кузнецова, 11-й армии под командованием комдива Н.В.Медведева, 10-й армии под командованием комкора И.Г.Захаркина, 4-й армии под командованием комдива В.И.Чуйкова), кавалерийско-механизированной группировки под командованием комкора И.В.Болдина и 23-го самостоятельного стрелкового пехотного корпуса, приданного в распоряжение командующего фронтом. В Военный совет фронта наряду с Ковалевым входили первый секретарь ЦК КП(б) Белоруссии П.К.Пономаренко, комиссар корпуса И.З.Сусайков и начальник штаба фронта комкор М.А.Пуркаев.

Во главе Украинского фронта был поставлен С.К.Тимошенко, под командованием которого оказались три общевойсковые армии (5-я армия под командованием комдива И.Г.Советникова, 6-я армия под командованием Ф.И.Голикова и 12-я армия под командованием командарма 2-го ранга И.В.Тюленева), а также отдельный корпус пехоты. В рамках фронта оказались три кавалерийских корпуса, 1-й танковый корпус и 5 танковых бригад, а также подразделения воздушной поддержки. В состав Военного совета фронта, кроме Тимошенко, вошли первый секретарь ЦК КП(б) Украины Н.С.Хрущев, комкор В.Н.Борисов и начальник штаба фронта комдив Н.Ф.Ватутин.

14 сентября был подписан и передан командующему войсками Белорусского фронта Ковалеву и заместителю наркома обороны Г.И.Кулику для войск Украинского фронта окончательный вариант приказа о начале военных действий против польских вооруженных сил. К исходу 16 сентября предписывалось скрытно сосредоточить войска округа и быть готовым к решительному наступлению «с целью молниеносным ударом разгромить противостоящие войска противника». Приказывалось начать наступление «с перехода государственной границы» на рассвете 17 сентября.

В 4 часа утра 15 сентября Ковалевым и другими членами Военного совета БОВО в свою очередь был подписан приказ по войскам Белорусского фронта. В нем, в отличие от приказа наркома обороны, содержалась и политическая мотивировка перехода границы: необходимость прекратить кровавую бойню, якобы затеянную «правлящей кликой» Польши против Германии, помочь якобы восставшим рабочим и крестьянам Белоруссии, Украины и Польши не допустить захвата территории Западной Белоруссии Германией. Последний тезис первоначально присутствовал и в ноте Советского правительства, которую намеревались вручить послу Польши в СССР, однако по настоянию германской стороны он был устранил из данного документа.

17 сентября утром в Берлине получили следующую телеграмму от Шуленбурга: «Сталин в сопровождении Молотова и Ворошилова принял меня в два часа ночи и проинформировал, что Красная Армия перейдет в 6 часов утра советскую границу на всей ее протяженности от Полоцка до Каменец-Подольского. Во избежание инцидентов срочно просит позаботиться, чтобы немецкие самолеты, начиная с сегодняшнего дня, не летали восточной линии Белосток — Брест-Литовск — Лемберг (Львов). Начиная с сегодняшнего дня советские самолеты начнут бомбардировать район восточной Лемберга».

На границе с Польшей было сконцентрировано около миллиона солдат, отборные танковые части, авиация. Это лишний раз свидетельствовало о том, что начавшееся наступление отнюдь не являлось «обеспечивающим безопасность» или «действиями по защите братского белорусского и украинского народа», — но военными действиями, рассчитанными на уничтожение регулярных частей Польской армии и пограничных сил. Об этом свидетельствует и директива Военного совета Украинского фронта командующему пограничными войсками НКВД Киевского военного округа комдиву В.В.Осокину, потребовавшая закрыть польско-румынскую границу и «не допустить ни в коем случае ухода польских солдат и офицеров из Польши в Румынию».

Ранним утром 17 сентября заместитель наркома иностранных дел СССР В.П.Потемкин вызвал В.Гжибовского и попытался вручить ему подписанную Молотовым ноту с обоснованием правомерности советских действий. Вступление советских войск на территорию Республики Польша обосновывалось в ноте как реакция на то, что «польское государство и его правительство фактически перестали существовать». Приводился и аргумент о защите якобы оказавшихся в опасности в связи с распадом Польши «братьев украинцев и белорусов».

Данное заявление находилось в явном противоречии с реальным положением дел на территории Польши. Капитуляция Варшавы была подписана только 28 сентября. Польский президент, правительство и Верховное командование РП покинули страну лишь в ночь с 17 на 18 сентября. Еще утром 17 сентября главнокомандующий пытался провести перегруппировку войск, что было сведено на нет, как признавал начальник штаба КОВО Н.Ф.Ватутин, советским наступлением.

Гжибовский категорически отказался принять прочитанную ему Потемкиным ноту, заявив, что «ни один из аргументов, использованных для превращения договоров (польско-советских и многосторонних. — Авт.) в клочок бумаги, не выдерживает критики. Глава государства и правительство находятся на территории Польши... солдаты регулярной армии сражаются».

Двойная игра закончилась. 17 сентября между 3 и 6 часами утра войска обоих советских фронтов вторглись на территорию Республики Польша по всей линии границы. Армии получили приказ как можно быстрее захватить важные военные объекты в глубине польской территории посредством концентрированных рассекающих ударов.

В ночь на 15 сентября появились и боевые приказы, определившие ближайшие задачи Белорусского и Украинского фронтов. Белорусский фронт должен был обеспечить «уничтожение и пленение вооруженных сил Польши восточной Литовской границы и линии Гродно — Кобрин».

Из документов следует, что перед войсками ставилась задача не освобождения украинского и белорусского населения, для чего было достаточно оттеснить польские войска на территорию Венгрии и Румынии, а разгрома Польской армии, ликвидации Польши как государства, в котором сталинское руководство на протяжении 20 — 30-х гг. видело одного из главных своих противников.

Накануне советского наступления Войско Польское насчитывало лишь 50% основного состава. Половина этих сил сражалась на запад от Вислы.

Первая информация о нападении Красной Армии на Польшу была получена руководством страны и главнокомандующим около 6 часов утра 17 сентября 1939г. Донесения носили путанный характер. Вначале рассматривалась альтернатива: вступать в бой или дать символический залп, чтобы продемонстрировать готовность отразить советское нападение. Как вспоминал министр Ю. Бек, «маршал колебался, какие ему отдать приказы войскам в отношении борьбы с советскими частями», но, обдумав положение, «скорее склонен был не принимать боевых действий». Война на два фронта грозила полным уничтожением Польской армии.

В этот же день после 14 часов главнокомандующий маршал Э. Рыдз-Смиглы направил всем войскам приказ, чтобы они не оказывали сопротивления Красной Армии, кроме возможных случаев атак или попыток их разоружения.

Директива главнокомандующего Польской армии из-за плохой связи не дошла до ряда частей. Но даже там, куда она поступила, порой вызывала сомнения и трактовалась как советская провокация. Сомнения усиливали и противоречивые пропагандистские заявления политорганов Красной Армии и

оперативников НКВД, когда некоторые советские командиры представлялись как союзники поляков в совместной борьбе с немцами, другие обращались к «польским солдатам», предлагая им повернуть оружие против собственных командиров и присоединиться к братьям по классу. Ясность внесло переданное 18 сентября по радио из Берлина советско-германское коммюнике, в котором говорилось: «Чтобы избежать каких-либо беспочвенных спекуляций относительно задач немецких и советских войск, действующих в Польше, правительство Рейха, а также правительство Советского Союза заявляют, что эти действия не имеют целей, которые противоречили бы интересам Германии или Советского Союза или же входили в противоречие с духом заключенного между Германией и Советским Союзом пакта о ненападении».

В тот же день германская армия и Красная Армия впервые вошли в соприкосновение в районе Бреста.

Серьезные бои польских войск с Красной Армией происходили лишь в северном районе фронта. Прорыв оттуда в Венгрию и Румынию был невозможен; речь могла идти только о прорыве в Литву и Латвию, что и было сделано рядом польских частей. Упорные оборонительные бои вела в Полесье и Волыни, а затем в районе Люблина группа из частей КОП во главе с командиром корпуса генералом В. Орликом-Рюкеманном.

Оборона Гродно, в которой приняла участие школьная молодежь, длилась два дня. Захватившие город расстреляли на месте около 300 его защитников, а также плененного командира корпуса № 3 Й. Ольшину-Вильчинского и его адъютанта. Расстрелу без суда подверглись также в Полесье 150 офицеров. Расстрелы имели место в Августовце, Боярах, Малых и Больших Бжостовицах, Хородове, Добровицах, Гайях, Грабове, Комарове, Полеском Косове, Львове, Молодечно, Ошмянах, Роханыне, Свислочи, Волковыске и Злочове.

Через два часа после перехода Красной Армией советско-польской границы немецкие войска получили приказ «остановиться на линии Сколе — Львов — Владимир-Волынский — Белосток».

21 сентября между Германией и СССР был подписан протокол, зафиксировавший порядок и временные параметры отхода немецких войск на запад до установленной днем раньше демаркационной линии по рекам Писса, Нарев, Висла, Сан. Во исполнение его в этот же день советским войскам был передан приказ наркома обороны, предусматривавший, в частности: «При обращении германских представителей к командованию Красной Армии об оказании помощи в деле уничтожения польских частей или банд, стоящих на пути движения мелких частей германских войск, командование Красной Армии, начальники колонн, в случае необходимости, выделяют необходимые силы, обеспечивающие уничтожение препятствий, лежащих на их пути движения». Несмотря на то, что отдельных инцидентов избежать не удалось, в целом отношения между командованием немецких и советских частей были четко отлажены. Например, начальник штаба Восточной армейской группы Савинов и военком Детухин сообщали Ватутину, что ими согласованы с немцами рубежи движения с целью предотвратить новые инциденты. Они подчеркнули, что «вообще их (т. е. немцев. — Авт.) поведение вежливо-назойливое».

Были случаи боевого взаимодействия советских и германских частей с целью разгрома крупных группировок польских войск, в частности грубешовской группировки, новогрудской бригады генерала В. Андерса. В результате этого был прегражден отход к румынской границе частей полковника Й. Зеленецкого.

В целом в течение двенадцати дней боевых действий Красная Армия преодолела линию на глубину от 250 до 350 км, заняв территорию общей площадью 190 тысяч кв. км, с населением в 12 миллионов человек. В советско-польских боях погибло с польской стороны около 3,5 тысячи военных и гражданских лиц, около 20 тысяч были ранены или пропали без вести. Советская сторона официально объявила о 737 убитых и 1862 раненых со своей стороны, о чем было сказано в выступлении Молотова 31 октября 1939 г.

Недостаточно четкий приказ главнокомандующего Польской армии, а также отсутствие единой линии по отношению к советским частям там, где этот приказ не был получен, привели к массовому захвату в плен польских солдат и офицеров. Они не находились под охраной Женевской конвенции о военнопленных, поскольку СССР ее не подписывал.

Согласно военным сводкам Красной Армии, публиковавшимся во время «освободительного похода», в первые три дня кампании было взято в плен около 60 тысяч польских солдат и офицеров. Согласно другим, тоже неполным данным, до 21 сентября в руках Красной Армии и НКВД оказалось около 120 тысяч солдат и офицеров Войска Польского. Больше всего солдат и офицеров Войска Польского попали в плен в районе Бреста над Бугом, а также под Владимиром-Волынским, Дубно, Ровно, Сарнами, Таногродом, Тарнополем, Ушчилугем и Задзишками. Во Львове командование РККА,

нарушив подписанные с польским генералом В. Лянгнером условия сдачи города, разоружило и направило в лагеря НКВД для военнопленных его защитников. Из советско-германского кольца пробились в Литву около 18 тысяч польских военных, а в Румынию и Венгрию — свыше 70 тысяч.

Объявленное 2 ноября 1939 г. советской стороной число захваченных в плен польских солдат и офицеров в 300 тысяч представляется завышенным. По данным советских архивов, в плен были взяты 240 — 250 тысяч, в том числе около 10 тысяч офицеров. Так, в обзоре, подводившем итоги похода в Западную Украину с 17 по 30 сентября, указывалось, что 5-я армия под командованием И. Советникова захватила в плен 190 584 человека, в том числе 10 генералов, 52 полковника, 72 подполковника, 5131 других офицеров, 4096 унтер-офицеров и 181 223 рядовых. Войска же Белорусского фронта с 17 по 28 сентября 1939 г., по данным другого отчета, захватили в плен 57 892 польских военнослужащих, в том числе 2193 офицера.

С первых дней советского наступления Берлин и Москва обсуждали и вопросы о политическом сотрудничестве. 18 сентября в совместном коммюнике в качестве общей цели называлось восстановление порядка и спокойствия в Польше и переустройство условий ее государственного существования. Под этим подразумевалась ликвидация Республики Польши как суверенного государства. Именно на этом настаивал Сталин в беседах с Шуленбургом 20 и 25 сентября, а также с Риббентропом во время его сентябрьского визита в Москву.

После пересмотра установленной 21 августа разграничительной линии и обмена Люблинского района на Литву, включенную в сферу интересов СССР, 28 сентября в Москве был подписан «Советско-германский договор о дружбе и границе», а также приложенные к нему два секретных и один доверительный протоколы. Тем самым были окончательно уточнены границы сфер интересов обеих стран на территории «бывшего Польского государства», а предпринятый четвертый раздел Польши был признан за «надежный фундамент для дальнейшего развития дружественных отношений между советским и германским народами».

Союзники обязались проводить борьбу со всеми проявлениями польского сопротивления на занятых ими территориях, а также информировать друг друга «о целесообразных для этого мероприятиях». Нельзя исключить, что убийство в апреле — мае 1940 г. около 22 тысяч поляков, находившихся в лагерях и тюрьмах на территории СССР, было скоординировано с проводившейся в то время гитлеровской «акцией АБ».

Над этим текстом трудились: Н.С. Лебедева, Н.А. Петро-сова, Б. Вошинский, В. Матерский.

Под управлением редакционной коллегии: с российской стороны — Р.Г. Пихоя (председатель), В.П. Козлов (зам. председателя), В.К. Волков, В.П. Гусаченко, Л.В. Двойных, В.А. Золотарев, А.А. Краюшкин, Н.С. Лебедева (отв. составитель), С.В. Мироненко, М.М. Мухамеджанов, Т.Ф. Павлова, А.Д. Чернев, А.О. Чубарьян; с польской стороны — А. Гейштор (председатель), Е. Сковронек (зам. председателя), Б. Вошинский, Б. Кролл, Б. Лоек, Ч. Мадайчик, В. Матерский, К. Мацала, Я. Пента, А. Пржевозняк, С. Снежко, М. Тарчинский, Е. Тухольский, Э. Фронцкий; под наблюдением редакционного совета: А.Н. Яковлев (председатель), Е.Т. Гайдар, А.А. Дмитриев, В.П. Козлов, С.В. Мироненко, В.П. Наумов, Р.Г. Пихоя (заместитель председателя), Е.М. Примаков, Г.Н. Севостьянов, С.А. Филатов; под общей редакцией академика А.Н. Яковлева [3].

Прокурорская часть бригады Геббельса. Оценка агрессии СССР по отношению к несчастной Польше

...Какова должна быть правовая оценка этих действий и ответственность лиц, организовавших и совершивших это преступление?

В статьях 28, 32 действующей Конституции РСФСР; статьях 10, 14 Декларации Верховного Совета РСФСР от 12 июня 1990 г. «О государственном суверенитете РСФСР»; статье 1 «Декларации прав и свобод человека и гражданина», принятой Верховным Советом РСФСР 22 ноября 1991 г., были провозглашены приверженность РСФСР общепризнанным нормам международного права и приоритет международных норм, относящихся к правам человека, перед законами Российской Федерации.

Скрыв при подписании советско-германского договора о ненападении от 23 августа 1939 г. факт и содержание секретного дополнительного протокола к нему от советского народа и верховных органов государства, И. В. Сталин и приближенные к нему члены руководства нарушили взаимные обязательства СССР и Польши, осуществили сговор, направленный на раздел Польского государства, встали на путь прямого нарушения международного права. Переданная в ночь на 17 сентября 1939 г. польскому послу нота с формальным уклонением от объявления войны противоречила нормам международного права. Реализуя вытекавшую из советско-германского договора с секретным дополнительным протоколом договоренность, Красная Армия без объявления войны развернула

наступательные действия, стремясь уничтожить и взять в плен вооруженные силы Польши. Советское руководство исходило из факта ведения войны и ликвидации Польского государства. Между тем это государство вело справедливую войну против гитлеровского агрессора. Этого не меняет объявление «освободительного похода» в защиту трудящихся Западной Белоруссии и Западной Украины.

В советско-германском Договоре о дружбе и границах от 28 сентября 1939 г., с конфиденциальным и двумя секретными протоколами к нему, был закреплен раздел Польши, ликвидация польской государственности и польской армии, определены взаимные обязательства по недопущению изменения этого положения.

Из всех существующих правовых норм как внутреннего, так и международного права эти действия подпадают под определения, изложенные в Уставе Нюрнбергского международного военного трибунала от 8 августа 1945 г. В частности, в статье 6, пункте "а" преступлениями против мира признаются: «планирование, подготовка, развязывание или ведение агрессивной войны или войны в нарушение международных договоров, соглашений или заверений, или участие в общем плане или заговоре, направленных к осуществлению любого из вышеуказанных действий».

Акции И. В. Сталина, В. М. Молотова и других членов сталинского руководства в нарушение действующих мирных договоров с Польшей, по договоренности с Германией спровоцировавшие вступление СССР в войну против Польши, в соответствии с названной статьей являются преступлением против мира, что влечет за собой уголовную ответственность. Б. Н. Топорин, А. М. Яковлев, И. С. Яжборовская, В. С. Парсаданова, Ю. Н. Зоря, Л. В. Беляев [4].

Глава 3. Польша как «гиена поля боя»

Первые предательства Франции

63. Согласно обвинительному заключению Нюрнбергского международного военного трибунала, первыми агрессиями Германии в Европе был захват Австрии и Чехословакии [1]. Но историки почему-то в упор не видят бросающихся в глаза «совпадений». Все хором попрекают Францию и Англию, что они немедленно не приняли мер и не освободили Австрию хотя бы с помощью Лиги наций. Но никто не рассматривает вопрос, а до Австрии ли было Франции?

План захвата Австрии, «план Отто», Гитлер утвердил еще 24 июня 1937 г. и по этому плану накалил события в Австрии и ввел туда войска 12 марта 1938 г [2]. Казалось бы, Франция и Англия должны были прореагировать, но дело в том, что накануне, 10 марта, на польско-литовской границе кем-то был убит польский солдат. Польша отклонила попытки Литвы создать совместную комиссию, тут же выдвинула ей ультиматум, развернула в прессе кампанию с призывом похода на Каунас и начала готовиться к захвату Литвы [3]. Германия согласовала Польше захват всей Литвы и лишь заявила, что ее в Литве интересует только Клайпеда [4]. Советскому Союзу стало не до Австрии, и ввиду угрозы польско-литовской войны нарком иностранных дел СССР 16 и 18 марта вызвал польского посла и ласково разъяснил, что маленьких обижать нехорошо и что хотя у СССР нет военного договора с Литвой, но он ведь может и появиться уже в ходе войны [5].

И что было делать Франции? В одном конце Европы союзница-Польша ввязывается в войну в перспективе даже не с Литвой, а с СССР, а в другом немцы нагло лезут в Австрию. С самого начала Франция попросила Польшу утихомириться, но вы посмотрите, как через губу посол Польши в Париже Лукаевич разговаривал 26 мая 1938 г. с министром иностранных дел Франции. Лукаевич докладывал об этом разговоре в Варшаву:

"Я заметил, что в польском обществе еще живы досадные воспоминания о недоброжелательном отношении к нам всей французской прессы в момент больших трудностей, которые испытывала Польша во время инцидента с Литвой. Я помню неслыханное поведение французской дипломатии при разрешении столь важной и жизненной для Польши проблемы. У нас хорошо сохранилось в памяти впечатление о том, что в тот важный для Польши момент Франция не только не была рядом с нами, а, наоборот, пренебрегая нашими интересами, она была поглощена вопросом о возможном проходе советских войск через чужие территории в случае войны с Германией. В этих условиях какие-либо новые атаки французской прессы были бы более чем нежелательны.

В этом месте беседы министр Боннэ попытался меня уверить, что Франция, однако же, советовала Литве примириться с нами, на что я ответил, что я не желал бы начинать дискуссию на эту тему, потому

что это было бы слишком тяжело, и я хотел бы иметь возможность забыть об этом деле" [6].

64. Соединим исходные данные. Германия захватывает Австрию, Франция боится этого усиления Германии и не хочет допустить его, для чего пытается привлечь в случае войны с Германией из-за Австрии Советский Союз, который тоже боится усиления Германии. И в это время «союзница» Франции Польша с благословения Германии готовит захват Литвы! И еще и попрекает Францию, что та не поддержала ее. В результате, не дав решить вопрос с пропуском советских войск через свою территорию, Польша обессилила Францию и позволила Германии обосноваться в Австрии беспрепятственно — фактически помогла Германии совершить первую агрессию в Европе.

Если бы этот случай совместных действий Польши и Германии был последним, то его можно было бы считать совпадением, но это польское пособничество Германии в агрессии против Австрии было только началом.

65. Напомню, что бригада Геббельса обвиняет руководителей предвоенного СССР в преступлениях, предусмотренных Уставом МВТ, а у обвинителей этого трибунала были большие проблемы в части определения второй агрессии стран оси в Европе. Дело в том, что хотя страны-победительницы, создавшие Трибунал, уже назначили в качестве преступников не истинных разжигателей войны и их соучастников, а того, кого они хотели, но второй агрессией стран оси в Европе был захват Чехословакии в 1938 г. Для обвинителей МВТ от Англии и Франции проблема была в том, что Чехословакию заставила сдать немцам не Германия, а Германия, Италия, Великобритания и Франция. То есть, последние две страны, согласно статье 6 Устава МВТ, действовали «в интересах европейских стран оси» и их тогдашние руководители также подлежали суду, чего эти страны, само собой, не могли допустить. Но нас интересует Польша, и я напомню, как в 1938 г. обстояло дело с ней.

66. Чехословакия имела военный союз с Францией, заключенный с целью обороны именно от немецкого нападения. Франция имела такой же военный союз и с Польшей. Когда в 1938 г. Германия предъявила претензии чехам, в интересах Франции было, чтобы Польша и Чехословакия заключили и между собой военный союз, но Польша категорически воспротивилась этому. Дело дошло до того, что Франция попыталась воздействовать на поляков, чтобы они убрали с поста министра иностранных дел Ю. Бека, который руководил международными связями Польши [7]. Поляки не убрали Бека и военного союза с чехами не заключили. Почему? Поскольку такая же ситуация возникла и в 1939 г., когда Польша отказалась заключать оборонительный союз против немцев с СССР, то ответ на этот вопрос очень важен, тем более, что дальнейшее развитие событий этот ответ высветило и показало, чего именно добиваются поляки.

67. Напомню, что Франция в 1935 г. вынуждена была заключить военное соглашение с СССР о защите от немцев Чехословакии. Для Советского Союза это были два договора: с Францией и с Чехословакией. Причем, по ним Советский Союз обязывался помочь Чехословакии, если ей окажет помощь «старый союзник», т.е. Франция.

В 1938 г. Германия, угрожая Чехословакии войной, требует от нее часть территории. Теперь союзник Чехословакии Франция, в случае реального нападения немцев на чехов, должна будет объявить Германии войну и ударить по ней. И вот в этот момент второй союзник Франции, Польша, нагло заявляет французам, что она не объявит войну Германии, поскольку в этом случае не Германия нападает на Францию, а Франция на Германию [8], более того, она и не пропустит советские войска в Чехословакию [9]. А если бы СССР попытался пройти в Чехословакию через территорию Польши силой, то кроме Польши ему объявила бы войну и Румыния, с которой Польша имела военный союз, направленный против СССР. Причем, еще в 1932 г. Польша обязалась в случае войны с СССР выставить 60 дивизий [10]. (Запомните это число.) Этим отказом помочь французам в защите чехов поляки начисто обезоружили или обескуражили Францию, подорвали в ней стремление к сопротивлению. Франция побоялась одна вступить за Чехословакию и вынуждена была сдать немцам этого своего очень сильного союзника.

68. В этот момент открыто и внятно заявил о своей готовности сражаться с агрессором только Советский Союз: за 6 месяцев, предшествовавших захвату немцами Судетской области Чехословакии, он 10 раз официально заявил, что свой договор с ней исполнит, кроме этого, 4 раза СССР конфиденциально сообщил об этом Франции, 4 — Чехословакии и 3 — Англии [11]. Более того, он заявил, что исполнит этот договор, даже если Франция от него откажется, т.е. если с Германией, Польшей и Румынией ему придется воевать только в союзе с Чехословакией. Но сами чехи сдались немцам. И сдались по следующим причинам.

Мюнхенский сговор

69. 29 сентября 1938 г. в Мюнхене собрались главы четырех европейских государств и подписали между собой следующее соглашение.

Германия, Соединенное Королевство, Франция и Италия согласно уже принципиально достигнутому соглашению относительно уступки Судето-немецкой области договорились о следующих условиях и формах этой уступки, а также о необходимых для этого мероприятиях и объявляют себя в силу этого соглашения ответственными каждая в отдельности за обеспечение мероприятий, необходимых для его выполнения.

1. Эвакуация начинается с 1 октября.

2. Соединенное Королевство, Франция и Италия согласились о том, что эвакуация территории будет закончена к 10 октября, причем не будет произведено никаких разрушений имеющихся сооружений, и что чехословацкое правительство несет ответственность за то, что эвакуация области будет произведена без повреждения указанных сооружений..." [12].

Далее следуют даты этапов вывода из Судет чехословацких войск и населения. Подписали это Соглашение канцлер Германии А. Гитлер, премьер-министр Франции Э. Деладье, вождь Италии Б. Муссолини и премьер-министр Великобритании Н. Чемберлен. Советский Союз по понятным причинам не пригласили, а мнение чехов никого не интересовало. Заметьте, что в Соглашении ни в малейшей мере не мотивируется, по какой причине Чехословакия обязана отдать немцам свою территорию, поскольку никаких разумных мотивов не было — так захотели агрессоры. Этого достаточно.

70. Поэтому и мучились обвинители на Нюрнбергском процессе, пытаясь этот гнусный сговор в обвинительном заключении представить так, как будто это только Германия была агрессором. В конце концов они придумали следующую формулу обвинения: «После того, как нацистские заговорщики угрожали войной, Соединенное Королевство и Франция 29 сентября 1938 г. в Мюнхене заключили соглашения с Германией и Италией, предусматривающее уступку Судетской области Германии. От Чехословакии потребовали согласиться с этим. 1 октября 1938 г. немецкие войска оккупировали Судетскую область» [13].

Понимаете, в чем дело? Оказывается Германия, имевшая 70 млн. человек населения, напугала войной Британскую империю, в которой жил каждый четвертый человек мира и имевшую вместе с метрополией 532 млн. человек [14], и Французскую колониальную империю, имевшую 109 млн. человек [15]. Напугала настолько, что эти империи отказались от помощи 170 млн. человек Советского Союза.

71. Вот из-за этих трудностей обвинителей на скамьях подсудимых в Нюрнберге сидели не все из тех, кто начал Вторую мировую войну. А в первую очередь на этой скамье должна была сначала сидеть, а потом на виселице висеть довоенная польская элита. И вот почему. Вместе с Германией в октябре 1938 г. напала на Чехословакию и Польша, отхватив у чехословаков Тешинскую область, в которой на тот момент проживало 156 тысяч чехов и всего 77 тысяч поляков [16]. Причем эти поляки, в отличие от украинцев и белорусов в Польше, не испытывали в Чехословакии никакого культурного или экономического гнета и не собирались присоединиться к Польше. Но что самое примечательное — Польша напала на Чехословакию безо всякого разрешения Англии и Франции — абсолютно самостоятельно! Когда Германия потребовала у Чехословакии Судеты, то и поляки с венграми начали канючить свои доли, но в Мюнхенском сговоре их отодвинули в четвертое, последнее дополнение к Соглашению и ничего не разрешили. В нем было написано так:

«Главы правительств четырех держав заявляют, что если в течение ближайших трех месяцев проблема польского и венгерского национальных меньшинств в Чехословакии не будет урегулирована между заинтересованными правительствами путем соглашения, то эта проблема станет предметом дальнейшего обсуждения следующего совещания глав правительств четырех держав, присутствующих здесь» [17].

Никаких трех месяцев поляки не ждали и никаких соглашений с чехами не заключали — они выдвинули Чехословакии ультиматум [18] и напали на нее. Таким образом, если на Нюрнбергском процессе у Германии было оправдание своей агрессии в том, что она действовала с согласия двух стран, будущих победителей, то у поляков не было ни малейшего оправдания — по Уставу МВТ Польша была агрессором в чистом виде! И эта мысль достойна того, чтобы ее выделить шрифтом.

Польша является агрессором, начавшим Вторую мировую войну в Европе.
И этот вывод бригада Геббельса может только замолчать, поскольку оспорить его невозможно.

Государство особой наглости

72. Конечно, Германия была не против, чтобы в разделе Чехословакии как-то поучаствовали и Польша с Венгрией, поскольку это придавало этой агрессии вид некой миротворческой акции, получалось что-то вроде того, как НАТО бомбило Югославию, «спасая» албанские меньшинства в Косово. Но наглость поляков уже тогда озадачила немцев и заставила принимать против них кое-какие шаги. По настоянию поляков немцы передали им город Богумин в Тешинской области, но когда 15 марта 1939 г. немцы начали оккупацию оставшейся части Чехословакии, то вынуждены были принять против поляков отдельные меры. Немецкий фельдмаршал Кейтель вспоминал: «Еще вечером 14 марта личный полк СС Гитлера вторгся в Моравско-Островский выступ, чтобы заранее обезопасить витковицкие металлургические заводы от захвата поляками» [19].

Между тем Польша не имела с Германией никаких явных официальных союзных договоров, а, как видите, норвила хапнуть впереди нее. Вот за это современники назвали Польшу гиеной. В немецком МИДе ее называли «гиеной поля боя», а У. Черчилль, к примеру, писал в своем труде: «И вот теперь, когда все эти преимущества и вся эта помощь были потеряны и отброшены, Англия, ведя за собой Францию, предлагает гарантировать целостность Польши — той самой Польши, которая всего полгода назад с жадностью гиены приняла участие в ограблении и уничтожении чехословацкого государства» [20].

Причем, характеризуя Польшу как гиену, Черчилль ни в коей мере не пытался ее унижить. Когда он писал свою «Вторую мировую войну», то уже объявил в Фултоне крестовый поход коммунизму. В книге он воспекает героизм поляков, не подкрепляя, впрочем, его конкретными примерами. Он уже представляет Польшу жертвой СССР. Но когда ему приходится объяснять то или иное событие, т. е. отвлечься от целей антисоветской пропаганды, то у него проскакивают очень четкие определения.

73. Дело в том, что историки всех стран, описывая Польшу, совершают ошибку: они ставят себя на место поляков и пытаются понять, почему поляки поступили так или иначе. В результате польская элита получает у историков какие угодно мотивы действий, но только не свои, польские. Русские приписывают Польше мотивы медведя, англичане — льва, французы — бойцовского петуха, немцы — мужественного орла. А на самом деле, чтобы понять поляков, нужно представить себя гиеной.

Чтобы вы поняли, о чем речь, немного отвлекусь. Мне приходилось в Южной Африке наблюдать жизнь львов и гиен. В живом мире нередко случается союз двух видов, питающихся из одного источника. К примеру, союз муравьев и тлей. Они питаются одним и тем же — соком листьев. Муравьи ухаживают за тлями, укрывают их на зиму в муравейниках, переносят на самые свежие листочки. Тля сосет из листьев сок, а ее экскременты, богатые сахарами, ест муравей. Точно так же львы и гиены едят одних и тех же животных. Лев очень мощный, но не выносливый, он не может долго преследовать добычу, как это, к примеру, делает волк. Поэтому львы очень долго и скрытно приближаются к жертве, порою ползут на брюхе, чтобы выйти на позицию, с которой можно броситься и догнать антилопу. Охота львов не безопасна, быки таких антилоп, как буффало, весят более 600 кг, и если лев попадет в пределы досягаемости рогов и копыт быка, ему не поздоровится — бык его втопчет в землю. Казалось бы, львы и гиены могли бы создать союз — гиены могли бы загонять добычу на засаду львов. Не тут-то было! Это уже были бы не гиены. Гиена риска охоты не приемлет. Лев убивает жертву, и когда он и его семья наедаются до отвала и отползают в тень отдыхать и переваривать пищу, то только тогда на добычу набрасываются гиены. Причем чем старше лев, тем наглее гиены, и их наглость определяет пригодность льва. Если он уже не способен догнать самку-вожака гиен и убить ее, то должен уступить место молодому льву.

Теперь вернемся к Польше и поставленному ранее вопросу. Напомню. Ее союзник Франция настаивает, чтобы Польша заключила союз со вторым союзником Франции — Чехословакией. Польша категорически отказывается. Почему? Если бы она согласилась, то вокруг Германии образовался бы союз трех достаточно нехилых стран и Германия не рискнула бы напасть на Чехословакию. Но если бы германский орел не напал на Чехословакию и не убил ее, то как бы гиена-Польша — урвала свою долю? В союзе с Германией? Но ведь это уже самостоятельная охота, это риск, это не для гиены. Кто-то другой должен убить жертву, а она оставляет себе право схватить понравившийся кусок. Поэтому Польша и развязывала войну, но так, чтобы официально она была в стороне.

Второе предательство союзных Франции и Англии

74. Был еще один договор, который уже забыли и на который историки совершенно не обращают внимания, — союзный договор Польши и Румынии против СССР.

По этому договору, если СССР нападет на какую-либо из этих стран, то вторая объявляет СССР войну. Но вот 1939 г., немцы выдвигают Польше ультиматум с требованием вернуть Данциг и предоставить коридор к Восточной Пруссии, Польша в ответ объявляет мобилизацию. Казалось бы, что ввиду такой угрозы войны ей нужны союзники и никакой лишней союзник не помешает. Великобритания и СССР предлагают Польше и Румынии расширить действие своего союза, направить его на отражение и германской агрессии. Польша категорически отказывается [21]. Почему? Потому, что гиена ждет очередной жертвы. У нее договор с Францией и гарантии Великобритании. Она уверена, что Гитлер в конце концов погрозит-погрозит, но напасть побоится, а нападет на СССР. Но как Гитлеру напасть на Советский Союз, если Польша официально не будет его союзником?

Только через прибалтов и... Румынию. То есть, поляки сдавали немцам и своего союзника Румынию, отказываясь нацелить свой союз с румынами и против немцев. Теперь, если немцы нападут на Румынию, поляки отхватят и от этого своего союзника кусок, как отхватили от Чехословакии, а далее, когда Гитлер нападет через Румынию на СССР, то поляки отхватят у СССР Украину. Типичная гиена, и вот уже эти два факта отказа Польши от заключения договоров, казалось бы, во свое спасение доказывают хищную и крайне подлую суть польской элиты. Уже эти два отказа поясняют, почему Черчилль называл польскую элиту «гнуснейшими из гнусных». Польша нагло и упорно разжигала Вторую мировую войну, не давая Европе создать фронт против немцев.

Дружба шляхты и нацистов

75. До прихода Гитлера к власти в 1933 г. отношение немцев к Польше было очень плохое, как я уже писал, из-за захвата поляками немецких земель. Уж на что Польша ненавидела СССР, но все же заключила с ним пакт о ненападении в 1932 г. (аж на целых три года!)*, а с немцами у нее и этого не было. Но вот к власти в Германии пришли нацисты, и положение кардинально изменилось — польская элита стала близкими, хотя и неофициальными, друзьями Рейха. С первого взгляда это трудно понять, хотя бы потому, что уже в ходе Второй мировой войны эти главари стали считать поляков недочеловеками. Однако это презрение пришло потом, вначале же симпатии были искренними и базировались они на органической ненависти нацистов к коммунистам, а польской элиты — к русским, что тогда, как вы понимаете, было одним и тем же. При этом напряженность между Польшей и Германией сглаживалась тем, что Гитлер (как он писал в «Майн Кампф») был противником мелкого собирания немецких земель, он призывал решить вопрос о жизненном пространстве Германии сразу и по-крупному.

Вот соответствующие места из интимного дневника Геббельса (выделено им):

"18 августа 1935 г...Фюрер счастлив. Рассказал мне о своих внешнеполитических планах: вечный союз с Англией. Хорошие отношения с Польшей. Зато расширение на Востоке...

29 декабря 1935 г. Воспоминания Пилсудского. Жизнь бойца! Что за время, в котором живут такие люди! Я прямо горд, что я современник этого великого человека.

9 июня 1936 г. Фюрер предвидит конфликт на Дальнем Востоке. Япония разгромит Россию. Этот колосс рухнет. Тогда настанет и наш великий час. Тогда мы запасемся землей на сто лет вперед" [22].

Когда в сентябре 1938 г поляки стали сосредоточивать войска у границ Чехословакии, то СССР внятно предупредил Польшу, что если она вздумает напасть на чехов, то Советский Союз разорвет пакт о ненападении с ней без особого уведомления [23]. Гиена поджала хвост, но бросилась не в Лигу наций и не к своему военному союзнику — Франции, а к главарям Рейха. Посол Польши в Германии 1 октября 1938 г. сообщал в Варшаву, что был принят сначала министром иностранных дел Германии Риббентропом:

"Затем он изложил позицию правительства рейха. В связи с Вашей, г-н министр, беседой с фон Мольтке он заявляет следующее:

1. В случае польско-чешского вооруженного конфликта правительство Германии сохранит по отношению к Польше доброжелательную позицию.

2. В случае польско-советского конфликта правительство Германии займет по отношению к Польше позицию более чем доброжелательную. При этом он дал ясно понять, что правительство Германии оказало бы помощь.

Затем я был приглашен к генерал-фельдмаршалу Герингу... и это он особо подчеркнул, в случае советско-польского конфликта польское правительство могло бы рассчитывать на помощь со стороны германского правительства. Совершенно невероятно, чтобы рейх мог не помочь Польше в ее борьбе с

Советами.

...Во второй половине дня Риббентроп сообщил мне, что канцлер сегодня во время завтрака в своем окружении дал высокую оценку политике Польши.

Я должен отметить, что наш шаг был признан здесь как выражение большой силы и самостоятельных действий, что является верной гарантией наших хороших отношений с правительством рейха" [24] — радостно сообщил посол, тем более, что в связи с отказом Праги от борьбы СССР не смог в 1938 г. испортить Польше радость от удачной агрессии.

76. Эксперты бригады Геббельса из Главной военной прокуратуры РФ в своем Заключении, помещенном в этой книге, авторитетно заявляют: «В 1939 г. во время переговоров Ю. Бека с руководством фашистской Германии немецкая сторона дважды пыталась склонить польскую к сотрудничеству, направленному против СССР, но Бек не согласился участвовать в этой акции» — и из этого текста однозначно получается, что в 1939 г. нацистские развратники сделали девственнице Польше гнусное предложение, а нежные девичьи губки в ответ заявили: «Никогда! У меня пакт о ненападении с СССР, и я его первая не разорву!» Давайте усомнимся в порядочности экспертов бригады Геббельса и сами прочтем из сделанных Риббентропом записей бесед с Беком в 1939 г., что именно шептали нежные девичьи губки Польши немецким соблазнителям.

"6 января 1939 г. Мюнхен

...Я заверил Бека в том, что мы заинтересованы в Советской Украине лишь постольку, поскольку мы всюду, где только можем, чинили русским ущерб, так же как и они нам, поэтому, естественно, мы поддерживаем постоянные контакты с русской Украиной. Никогда мы не имели никаких дел с польскими украинцами, напротив, это строжайше избегалось. Фюрер ведь уже изложил нашу отрицательную позицию в отношении Великой Украины. Все зло, как мне кажется, в том, что антирусская агитация на Украине всегда оказывает, разумеется, некоторое обратное воздействие на польские нацменьшинства и украинцев в Карпатской Руси. Но это, по моему мнению, можно изменить только при условии, если Польша и мы будем во всех отношениях сотрудничать в украинском вопросе. Сказал Беку, что, как мне кажется, при общем широком урегулировании всех проблем между Польшей и нами можно было бы вполне договориться, чтобы рассматривать украинский вопрос как привилегию Польши и всячески поддерживать ее при рассмотрении этого вопроса. Это опять-таки имеет предпосылкой все более явную антирусскую позицию Польши, иначе вряд ли могут быть общие интересы.

В этой связи сказал Беку, не намерен ли он в один прекрасный день присоединиться к антикоминтерновскому пакту.

Бек разъяснил, что сейчас это невозможно, деятельность Коминтерна подвергается в Польше судебному преследованию, и эти вопросы всегда строго разделяли от государственных отношений с Россией. Польша, по словам Бека, делает все, чтобы сотрудничать с нами против Коминтерна в области полицейских мер, но если она заключит по этому вопросу политический договор с Германией, то она не сможет поддерживать мирные добрососедские отношения с Россией, необходимые Польше для ее спокойствия. Тем не менее Бек пообещал, что польская политика в будущем, пожалуй, сможет развиваться в этом отношении в желаемом нами направлении.

Я спросил Бека, не отказались ли они от честолюбивых устремлений маршала Пилсудского в этом направлении, то есть от претензий на Украину. На это он, улыбаясь, ответил мне, что они уже были в самом Киеве и что эти устремления, несомненно, все еще живы и сегодня.

Затем я поблагодарил господина Бека за его приглашение посетить Варшаву. Дату еще не установили. Договорились, что господин Бек и я еще раз тщательно продумаем весь комплекс возможного договора между Польшей и нами". [25]

"26 января 1939 г. Варшава

...Затем я еще раз говорил с г. Беком о политике Польши и Германии по отношению к Советскому Союзу и в этой связи также по вопросу о Великой Украине; я снова предложил сотрудничество между Польшей и Германией в этой области.

Г-н Бек не скрывал, что Польша претендует на Советскую Украину и на выход к Черному морю; он тут же указал на якобы существующие опасности, которые, по мнению польской стороны, повлечет за собою для Польши договор с Германией, направленный против Советского Союза. Впрочем, он, говоря о будущем Советского Союза, высказал мнение, что Советской Союз либо развалится вследствие внутреннего распада, либо, чтобы избежать этой участи, заранее соберет в кулак все свои силы и нанесет удар.

Я указал г. Беку на пассивный характер его позиции и заявил, что было бы целесообразней

предупредить развитие, которое он предсказывает, и выступить против Советского Союза в пропагандистском плане. По моему мнению, сказал я, присоединение Польши к антикоминтерновским державам ничем бы ей не грозило, напротив, безопасность Польши только выиграла бы оттого, что Польша оказалась бы с нами в одной лодке.

Г-н Бек сказал, что и этот вопрос он серьезно продумает" [26].

Ну и как же из этих переговоров следует, что Польша отказалась от сотрудничества с нацистами? Заявление Бека, что Польша «делает все, чтобы сотрудничать с нами против Коминтерна в области полицейских мер» — это что, отказ от сотрудничества? «Г-н Бек не скрывает, что Польша претендует на Советскую Украину и на выход к Черному морю» — это что, образец миролюбивой политики по отношению к СССР? Польская гиена аж дрожала от алчности, но открыто идти на охоту все еще не решалась. Возможно, через полгода она и стала бы волком, но не успела — Гитлер в апреле 1939 г. разорвал с Польшей пакт о ненападении и распорядился готовить удар по самой гиене.

Предпоследнее предательство

77. Итак, весной 1939 г. нежная дружба между нацистами и польской элитой внезапно треснула. 4 апреля того года польский посол в Москве Б. Гжибовский попросил встречи у наркома иностранных дел СССР М.М. Литвинова, на которой сообщил «о предъявлении Германией Польше трех требований: 1) о Данциге, 2) о постройке автострады через „коридор“, 3) о присоединении Польши к антикоминтерновскому пакту, — каковы требования Польшей отклонены». На вопрос Литвинова, каков же был ответ Польши на германские требования, «Гжибовский сказал, что ответом была мобилизация в Польше и что Польша отказалась даже вести переговоры по этим требованиям». На замечания Литвинова о том, что «Польша не желает примкнуть к каким-либо комбинациям, в которых участвует СССР», Гжибовский довольно нагло заявил, что «когда нужно будет, Польша обратится за помощью к СССР». Эта наглость вынудила Литвинова заметить: «что она может обратиться, когда будет уже поздно, и что для нас (СССР — Ю.М.) вряд ли приемлемо положение общего автоматического резерва» [27]. Начиная с этого времени СССР предпринимает колоссальные усилия, чтобы создать военный союз; с Францией и Великобританией (союзницами Польши), чтобы предотвратить войну в Европе и, по сути, предотвратить нападение Германии на Польшу. Сама же Польша от какого-либо военного союза или соглашения с СССР отказывалась категорически, даже в таком замаскированном виде, в котором было ее участие в антикоминтерновском пакте.

78. Об усилиях СССР по сохранению мира в Европе хорошо сказал глава СССР В.М. Молотов на сессии Верховного Совета СССР 31 августа 1939 г. Это публичная речь, и ее на Западе никто и не пытался оспорить. Молотов говорил:

"...мне придется предварительно остановиться на тех переговорах, которые в последние месяцы велись в Москве с представителями Англии и Франции.

Вы знаете, что англо-франко-советские переговоры о заключении пакта взаимопомощи против агрессии в Европе начались еще в апреле месяце. Правда, первые предложения английского правительства были, как известно, совершенно неприемлемы. Они игнорировали основные предпосылки таких переговоров — игнорировали принцип взаимности и равных обязательств. Несмотря на это, Советское правительство не отказалось от переговоров и в свою очередь выдвинуло свои предложения. Мы считались с тем, что правительствам Англии и Франции трудно было круто поворачивать курс своей политики от недружелюбного отношения к Советскому Союзу, как это было еще совсем недавно, к серьезным переговорам с СССР на условиях равных обязательств. Однако последующие переговоры не оправдали себя.

Англо-франко-советские переговоры продолжались в течение четырех месяцев. Они помогли выяснить ряд вопросов. Они вместе с тем показали представителям Англии и Франции, что в международных делах с Советским Союзом нужно серьезно считаться. Но эти переговоры натолкнулись на непреодолимые препятствия. Дело, разумеется, не в отдельных «формулировках» и не в тех или иных пунктах проекта договора (пакта). Нет, дело заключалось в более существенных вещах.

Заключение пакта взаимопомощи против агрессии имело смысл только в том случае, если бы Англия, Франция и Советский Союз договорились об определенных военных мерах против нападения агрессора. Поэтому в течение определенного срока в Москве происходили не только политические, но и военные переговоры с представителями английской и французской армий. Однако из военных переговоров ничего не вышло. Эти переговоры натолкнулись на то, что Польша, которую должны были совместно гарантировать Англия, Франция и СССР, отказалась от военной помощи со стороны Советского Союза. Преодолеть эти возражения Польши так и не удалось. Больше того, переговоры показали, что Англия и не стремится преодолеть эти возражения Польши, а, наоборот, поддерживает

их. Понятно, что при такой позиции польского правительства и его главного союзника к делу оказания военной помощи со стороны Советского Союза на случай агрессии, англо-франко-советские переговоры не могли дать хороших результатов. После этого нам стало ясно, что англо-франко-советские переговоры обречены на провал.

Что показали переговоры с Англией и Францией?

Англо-франко-советские переговоры показали, что позиция Англии и Франции пронизана насквозь вопиющими противоречиями.

Судите сами.

С одной стороны, Англия и Франция требовали от СССР военной помощи против агрессии для Польши. СССР, как известно, был готов пойти этому навстречу при условии получения соответствующей помощи для себя от Англии и Франции. С другой стороны, те же Англия и Франция тут же выпускали на сцену Польшу, которая решительно отказывалась от военной помощи со стороны СССР. Попробуйте-ка при этих условиях договориться о взаимопомощи, когда помощь со стороны СССР заранее объявляется ненужной и навязанной.

Далее. С одной стороны, Англия и Франция гарантировали Советскому Союзу военную помощь против агрессии в обмен на соответствующую помощь со стороны СССР. С другой стороны, они обставляли свою помощь такими оговорками насчет косвенной агрессии, которые могли превратить эту помощь в фикцию и давали им формально-юридическое основание увильнуть от оказания помощи и поставить СССР в состояние изоляции перед лицом агрессора. Попробуйте-ка отличить подобный «пакт взаимопомощи» от пакта более или менее замаскированного надувательства.

Дальше. С одной стороны, Англия и Франция подчеркивали важность и серьезность переговоров о пакте взаимопомощи, требуя от СССР серьезнейшего отношения к этому делу и быстрейшего разрешения вопросов, связанных с пактом. С другой стороны, они сами проявляли крайнюю медлительность и совершенно несерьезное отношение к переговорам, поручая это дело второстепенным лицам, не облеченным достаточными полномочиями. Достаточно сказать, что военные миссии Англии и Франции прибыли в Москву без определенных полномочий и без права подписания какой-либо военной конвенции. Больше того, военная миссия Англии прибыла в Москву вообще без всякого мандата, и лишь по требованию нашей военной миссии она, уже перед самым перерывом переговоров, представила свои письменные полномочия. Но и это были полномочия только самого неопределенного характера, то есть не полновесные полномочия. Попробуйте-ка отличить подобное несерьезное отношение к переговорам со стороны Англии и Франции от легкомысленной игры в переговоры, рассчитанной на дискредитацию дела переговоров.

Таковы внутренние противоречия позиции Англии и Франции в переговорах с СССР, приведшие к срыву переговоров.

Где же корень этих противоречий в позиции Англии и Франции?

В немногих словах дело заключается в следующем. С одной стороны, английское и французское правительства боятся агрессии и ввиду этого хотели бы иметь пакт взаимопомощи с Советским Союзом, поскольку это усиливает их самих, поскольку это усиливает Англию и Францию. Но, с другой стороны, английское и французское правительства имеют опасения, что заключение серьезного пакта взаимопомощи с СССР может усилить нашу страну, может усилить Советский Союз, что, оказывается, не отвечает их позиции. Приходится признать, что эти опасения у них взяли верх над другими соображениями. Только в этой связи и можно понять позицию Польши, действующей по указаниям Англии и Франции" [28]

79. В комментарии к сказанному Молотовым следует добавить, что он либо еще не все знал, либо сознательно перегибал палку, ставя на одну доску Англию и Францию. В действительности же категорически против военного союза с СССР была только тогдашняя Англия, которая стремилась использовать стремление СССР к военному союзу с нею для того, чтобы вынудить Гитлера учитывать имперские амбиции Великобритании. Во главе ее в то время находились консерваторы: премьер-министром был Н. Чемберлен, а внешней политикой руководил лорд Галифакс. Лозунг консерваторов в то время был: «Чтобы жила Британия, большевизм должен умереть» [29]. Когда Гитлеру сдавали Чехословакию, Галифакс ему объяснил позицию Великобритании: «...исходя из того, что Германия и Англия являются двумя столпами европейского мира и главными опорами против коммунизма и поэтому необходимо мирным путем преодолеть наши нынешние трудности... Наверное, можно будет найти решение, приемлемое для всех, кроме России» [30]. Такое решение, как вы помните, было найдено — сдали немцам чехов.

80. Однако и в Англии не все было так просто, там в оппозиции находился Черчилль, Иден и масса

других политиков, боявшихся Гитлера больше, чем ненавистных большевиков. 4 мая 1939 г., комментируя предложение о союзе, сделанное СССР англичанам, Черчилль писал:

"Самое главное — нельзя терять времени. Прошло уже десять или двенадцать дней с тех пор, как было сделано русское предложение. Английский народ, который, пожертвовав достойным, глубоко укоренившимся обычаем, принял теперь принцип воинской повинности, имеет право совместно с Французской Республикой призвать Польшу не ставить препятствий на пути к достижению общей цели. Нужно не только согласиться на полное сотрудничество России, но и включить в союз три Прибалтийских государства — Литву, Латвию и Эстонию. Этим трем государствам с воинственными народами, которые 'располагают совместно армиями, насчитывающими, вероятно, двадцать дивизий мужественных солдат, абсолютно необходима дружественная Россия, которая дала бы им оружие и оказала другую помощь.

Нет никакой возможности удержать Восточный фронт против нацистской агрессии без активного содействия России. Россия глубоко заинтересована в том, чтобы помешать замыслам Гитлера в Восточной Европе. Пока еще может существовать возможность сплотить все государства и народы от Балтики до Черного моря в единый прочный фронт против нового преступления или вторжения. Если подобный фронт был бы создан со всей искренностью при помощи решительных и действенных военных соглашений, то, в сочетании с мощью западных держав, он мог бы противопоставить Гитлеру, Герингу, Гиммлеру, Риббентропу, Геббельсу и компании такие силы, которым германский народ не захочет бросить вызов" [31].

81. Требовали заключить военный союз с СССР и британские генералы. 16 мая 1939 г. начальники штабов трех видов вооруженных сил Англии предоставили правительству меморандум, в котором говорилось, что соглашения о взаимной помощи между Великобританией, Францией и Советским Союзом «будут представлять собой солидный фронт внушительной силы против агрессии». Если же такие соглашения не будут заключены, то это окажется «дипломатическим поражением, которое повлечет за собой серьезные военные последствия». Если бы, отвергая союз с Россией, подчеркивалось в меморандуме, Великобритания толкнула ее на соглашение с Германией, «то мы совершили бы огромную ошибку жизненной важности».

82. Однако лорд Галифакс заявил на этом заседании, что политические аргументы против пакта с СССР более существенны, чем военные соображения в пользу пакта. Н. Чемберлен сказал, что он «скорее подаст в отставку, чем подпишет союз с Советами».

Было все же признано целесообразным для противодействия нормализации отношений между Германией и СССР «какое-то время продолжать поддерживать переговоры» с Советским Союзом, т.е. пытаться обмануть СССР.

Установка на «переговоры ради переговоров» не изменилась и после того, как с середины июня они были сосредоточены в Москве. Советскую сторону представлял в переговорах Председатель Совнаркома и нарком иностранных дел СССР В.М. Молотов. Советское руководство пригласило для участия в переговорах Галифакса, но это было отклонено с ремаркой Н. Чемберлена: визит в Москву британского министра «был бы унижительным» [32]. Заметим, что не только Галифакс, но и сам Чемберлен трижды летал в Германию на встречу с Гитлером [33].

83. Но у Франции положение было другим. Если возглавляемые консерваторами британцы надеялись в случае войны отсидеться на своих островах, то гибель Польши означала, что у Франции на континенте больше нет союзников и она остается один на один с немцами. Поэтому французы искренне пытались спасти Польшу, чтобы спасти себя. И, главное, они были вправе надеяться на взаимность и даже требовать ее. Ведь это они помогали Польше во всех ее захватах после Первой мировой войны. К весне 1920 г., накануне нападения Польши на РСФСР, Франция прислала своих генералов и обеспечила поставки в Польшу 1494 орудий, 2800 пулеметов, 385,5 тыс. винтовок, 42 тыс. револьверов, около 700 самолетов, 10 млн. снарядов, 4,5 тыс. повозок, 3 млн. комплектов обмундирования, 4 млн. пар обуви, средства связи и медикаменты [34].

Наконец, именно благодаря своему военному союзу с Францией Польша могла захватить и удерживать немецкие земли. А в ответ Польша предаст французов, отказавшись заключить союз со вторым союзником Франции, Чехословакией, да еще и напав на нее. Не заключив с румынами союз против нападения Германии, Польша во второй раз предаст Францию. И теперь, отказываясь от союза с СССР в любой форме, Польша предавала французов в третий раз.

84. Причем понимая, что за «гнуснейшие из гнусных» стоят во главе Польши, ни Советский Союз, ни Франция уже и не требовали от поляков полноценного военного союза с СССР. Речь шла о том, что в случае, если немцы нападут на Польшу, в связи с чем Франция по отдельному договору с Польшей

объявит войну немцам, Польша предоставит союзнику Франции — Красной Армии — узкий коридор, чтобы Красная Армия могла войти в боевое соприкосновение с немцами и тем самым помогла Польше и Франции. Поляки категорически отказывались от этого. Истинную причину этого отказа мы уже оговорили: «гнуснейшие из гнусных» были уверены, что Германия блефует и не посмеет напасть на отбомбленную Польшу в союзе с Францией и Великобританией. После чего немцам ничего не останется, как напасть на СССР через Прибалтику и Румынию.

85. Сейчас, когда после Второй мировой войны прошло уже много лет и стала ясна послевоенная расстановка сил, историки хором авторитетно утверждают, что поляки, не соглашаясь впускать на свою территорию советские войска, дескать, боялись, что эти войска не уйдут после победы над немцами и установят в Польше советскую власть либо отторгнут у Польши ранее захваченные ею у Украины и Белоруссии территории. Это чепуха! Это послевоенная пропаганда!

86. До войны поляки даже не заикались об этой причине, нет ни единого документа, который бы свидетельствовал, что правительство Польши это волновало. Даже Черчилль не рискнул написать эту пропагандистскую фальшивку прямо, а дипломатично процитировал объяснения «гнуснейших из гнусных»:

"Позиция Польши была такова: «С немцами мы рискуем потерять свободу, а с русскими — нашу душу» [35]. Черчилль этой сентенции не комментирует, да ему это и невозможно сделать. Немцы топчут землю Польши, уничтожают ее жителей, а шляхта болтает о душе!? С другой стороны, если обратить внимание на смысл этого шляхетного маразма мысли, то получается, что у славян-поляков душа диаметрально противоположна душе славян-русских, но идентична душе германцев. (Скажи немцу, что у него душа похожа на душу поляка, так еще и в морду получишь...)

87. До войны поляки не смели заикаться о том, что СССР, дескать, введя в Польшу войска, их потом не выведет, по той причине, что французы с самого начала этот вопрос сняли. 18 августа 1939 г. премьер-министр Франции Деладье через посла США в Париже Буллита информировал о положении дел правительство США. Буллит телеграммой сообщал о позиции Деладье:

"Он считает величайшей глупостью со стороны поляков отвергать русское предложение о действенной военной помощи. Он понимает нежелание поляков, чтобы Красная Армия вступила на территорию Польши, но как только в Польшу вторгнутся германские армии, польское правительство, конечно, будет радо получить помощь от всякого, кто может предоставить помощь.

Он будет рад послать две французские дивизии в Польшу и уверен, что может также получить английскую дивизию для Польши так, чтобы поддержка не была бы исключительно русской, а международной.

Более того, он может получить от Советского правительства самые абсолютные гарантии об эвакуации впоследствии с польской территории, а Франция и Великобритания дадут абсолютные гарантии этих гарантий.

Ворошилов затронул существо вопроса, когда сказал англичанам и французам, участвующим в переговорах, что Советская Армия готова выступить против Германии, но что единственные практические линии прохода лежат через Вильно против Восточной Пруссии и через Львов (Лемберг) на юг.

Советское правительство не пошлет самолеты и танки без сопровождения других войск на помощь Польше. Он, Деладье, считает советскую позицию благоразумной" [36].

88. Тогда чем же «гнуснейшие из гнусных» мотивировали причину, по которой они, даже в виду явной угрозы нападения Германии, не хотели принять помощь Советского Союза и тем самым не дали своей союзнице Франции заключить военный союз и с СССР? Прежде чем об этом сказать, немного отвлекусь.

В американских анекдотах героями являются все национальности США со своей спецификой: евреи — хитры, негры — ленивы, итальянцы — прожорливы, а поляки — тупы. На мой взгляд, это — крайне необъективно (хотя я знаю только советских поляков), ведь и для американцев не может быть секретом, что, к примеру, их авиационной промышленности дал мощный толчок русский поляк И. Сикорский*. Тем не менее, в американских анекдотах именно поляк играет роль крайнего идиота. Вот пара анекдотов в качестве примера.

На поляка на пляже девушки не обращают внимания, а возле француза толпятся. Поляк спрашивает француза, что ему делать, чтобы и на него девушки обратили внимание. Француз советует купить крупную картофелину и засунуть ее в плавки. На другой день поляк так и сделал, но девушки начали его сторониться еще больше. Обиженный поляк пошел к французу с претензиями, на что тот ему

ответил, что картофелину нужно было засунуть в плавки спереди, а не сзади. Или такой анекдот. Поляк-моряк перед смертью завещал своим сыновьям похоронить его в открытом море. Оба сына утонули, копая отцу могилу**. Повторяю, я не знаю, почему в глазах американцев поляки являются идиотами. Возможно, эти анекдоты сочиняют евреи, которые после изгнания из Польши смотрят на поляков как на врагов. А возможно, виной тому сама польская история.

89. Итак, о том, чем поляки мотивировали свой отказ от военного соглашения с СССР. Посол Франции в Варшаве 19 августа 1939 г. сообщал в Париж, что министр иностранных дел Польши Ю. Бек, по сути, не захотел с ним и разговаривать на эту тему: «Для нас это, — сказал он мне, — принципиальный вопрос: у нас нет договора с СССР; мы не хотим его иметь». А в попытке воздействовать на правительство Польши через военных — через начальника Генштаба Польши генерала Стахевица, выяснил и «причины», по которой поляки не хотят иметь договор с СССР. Посол телеграфировал:

"Сегодня утром в ходе продолжавшейся несколько часов беседы генерал Мюссе и британский атташе пытались опровергнуть возражения генерала Стахевица, найти с ним компромиссное решение и наконец добиться по крайней мере того, чтобы польский генеральный штаб согласился считать, что вопрос остается нерешенным.

Все их усилия были тщетны; генерал Стахевиц неустанно упоминал одну из заповедей, оставленных Пилсудским, другими словами, догму: Польша не может согласиться, что иностранные войска вступят на ее территорию" [37].

90. Довод смехотворный: ведь немцы все равно с началом войны вступят на территорию Польши, почему же вы, поляки, не соглашаетесь, чтобы после того, как в Польшу вступят немцы, в нее вступили бы русские, чтобы драться с немцами?

Как видите, ответ прост — шляхта не согласилась потому, что ей так завещал Пилсудский, умирая в 1935 г. Ну чем не анекдот: Пилсудский ей, видите ли, так завещал, и она его завещание сунула себе в плавки, но сзади. Тем не менее, завещание Пилсудского — это и есть «официальная причина», по которой Польша не приняла помощь СССР.

91. Тут следует обратить внимание на наглость, которой трудно найти эпитет, кроме эпитета «шляхетная». С этой наглостью, кстати, сегодня поляки раскручивают и Катинское дело, в чем вы позже убедитесь. Вот вдумайтесь, ну что представляла из себя нищая Польша со своими 35 млн. населения, из которых 40% ненавидели 60, по сравнению с Францией и Великобританией? Но оцените, как министр иностранных дел Ю. Бек вел себя по отношению к послам этих стран. Возмущенный Черчилль, касаясь обстоятельств Мюнхенского сговора, писал: «В момент кризиса для английского и французского послов были закрыты все двери (в Варшаве — Ю.М.). Их не допускали даже к польскому министру иностранных дел» [38].

92. И посмотрев вот так на Польшу и Англию, Советский Союз объявил, что он сделает то, что уже сделали и Великобритания, и Франция, и даже все государства Прибалтики. Он сделает то, что Польша сделала еще в 1939 г., — он заключит с немцами договор о нейтралитете и ненападении.

93. Французов охватил ужас, они-то поняли, что Польша упорно развязывает войну, что они в свою очередь не смогут не объявить войну Германии и в конце концов останутся с ней один на один. Министр иностранных дел Франции завопил 22 августа 1939 г. в Варшаву послу Франции, что тому необходимо "попробовать предпринять в самом срочном порядке новые усилия перед маршалом Рыдз-Смиглы с целью устранить, пока еще есть время, единственное препятствие, которое вместе с тем мешает заключению трехсторонних соглашений в Москве.

...любая возможность договориться с Советским правительством, что может еще быть обеспечено положительным ответом польского правительства, позволила бы нам ограничить как по духу, так и по букве значение будущего германо-русского соглашения, ставя, по крайней мере, вопрос о его совместимости с обязательствами, взятыми в то же время СССР по отношению к Франции и Великобритании.

Соблаговолите особо настаивать на этом, подчеркивая самым решительным образом, что Польша ни морально, ни политически не может отказаться испытать этот последний шанс спасти мир.

В заключение твердо напомните, что Франция, которая постоянно проявляла дружбу в отношении Польши, предоставила ей значительные кредиты, направила военную технику, оказывала самую разнообразную помощь, сегодня имеет право требовать от нее взвесить всю серьезность отказа" [39].

Поляки взвесили... и предали Францию еще раз. И надо ли попрекать премьер-министра Франции Эдуарда Деладье, который три раза повторил послу США: «...если поляки отвергнут это предложение русской помощи, он не пошлет ни одного французского крестьянина защищать Польшу» [40].

СССР в окружении хищников

94. Если посмотреть на европейскую историю с начала весны по конец августа 1939 г., то в этом периоде шла жесточайшая война нервов. Ведь почему Польша и Великобритания отказывались от союза с СССР, хотя не могли не видеть, что начинается Вторая мировая война? На что они рассчитывали в виду того, что Гитлер начал мобилизацию? Когда 22 июня 1941 г. Германия напала на СССР, то проблем уже не было: и Великобритания, и Польша бросились заключать с Советским Союзом военное соглашение. Почему же они не хотели его иметь в 1939 г.?

95. Ответ один — в 1941 г. они уже воевали с Германией, а в 1939 г. еще было неясно, кого именно атакует Гитлер. У Польши и Великобритании была надежда,

что Гитлер все же побоится союза двух великих держав и Польши, что он из-за этого страха нападет сразу на того, на кого обещал в «Майн Кампф» — на СССР. Нападет через Прибалтику и Румынию, предварительно введя их в сферу своего влияния. Эти надежды были очень обоснованы. В 1939 г. Германия еще и близко не имела той армии, которая разгромила в 1940 г. всю Европу, а в 1941-1942 гг. нанесла тяжелейшие поражения Красной Армии. В 1939 г. немецкая армия (начав создаваться в 1934-1935 гг.), была еще очень слаба и численно, и организационно, и в техническом, и в моральном планах. Гитлеру нужно было иметь стальные нервы, чтобы с такой армией начать войну с той коалицией, которая победила гораздо более сильную германскую армию в 1918 г. И уж совершенно немыслимо, чтобы он решился напасть на Польшу в условиях, когда СССР мог примкнуть к данной коалиции в любой удобный для себя момент.

96. В условиях созданного против Германии единого фронта Гитлеру действительно было удобнее напасть на СССР, тем более, что после первых немецких побед над Красной Армией на Советский Союз ринулась бы и европейская гиена — Польша. А если учесть, что военный союзник Германии по Антикоминтерновскому пакту (по оси «Рим-Берлин-Токио») Япония со 2 июля 1939 г. уже фактически воевала с СССР в Монголии у реки Халхин-Гол и наступление японцев в глубь Монголии поначалу было успешным, то нападение Германии на СССР было и наиболее удобным по моменту.

97. И Советский Союз сделал очень точный и верный шаг: оказавшись не в силах предотвратить войну, СССР ставил агрессоров между собой, он заключил договор о ненападении с Германией. Текст этого договора таков.

Договор о ненападении между Германией и Советским Союзом. Правительство СССР и Правительство Германии, руководимые желанием укрепления дела мира между СССР и Германией и исходя из основных положений договора о нейтралитете, заключенного между СССР и Германией в апреле 1926 года, прийти к следующему соглашению:

Статья I. Обе Договаривающиеся Стороны обязуются воздерживаться от всякого насилия, от всякого агрессивного действия и всякого нападения в отношении друг друга как отдельно, так и совместно с другими державами.

Статья II. В случае если одна из Договаривающихся Сторон окажется объектом военных действий со стороны третьей державы, другая Договаривающаяся Сторона не будет поддерживать ни в какой форме эту державу.

Статья III. Правительства обеих Договаривающихся Сторон останутся в будущем в контакте друг с другом для консультации, чтобы информировать друг друга о вопросах, затрагивающих их общие интересы.

Статья IV. Ни одна из Договаривающихся Сторон не будет участвовать в какой-нибудь группировке держав, которая прямо или косвенно направлена против другой стороны.

Статья V. В случае возникновения споров или конфликтов между Договаривающимися Сторонами по вопросам того или иного рода, обе стороны будут разрешать эти споры или конфликты исключительно мирным путем в порядке дружественного обмена мнениями или в нужных случаях путем создания комиссий по урегулированию конфликта.

Статья VI. Настоящий договор заключается сроком на десять лет, с тем что, поскольку одна из Договаривающихся Сторон не денонсирует его за год до истечения срока, срок действия договора будет считаться автоматически продленным на следующие пять лет.

Статья VII. Настоящий договор подлежит ратификации в возможно короткий срок. Обмен ратификационными грамотами должен произойти в Берлине. Договор вступает в силу немедленно после его подписания.

Составлен в двух оригиналах, на немецком и русском языках, в Москве 23 августа 1939 года.

По уполномочию
Правительства СССР
В. Молотов
За Правительство
Германии
И. Риббентроп

Этот договор был ратифицирован: Верховным Советом СССР и рейхстагом Германии 31 августа 1939 г. [41]

98. Этим договором Советский Союз предлагал своему непримиримому врагу и по совместительству главному агрессору Европы (напомню, что присоединение Австрии и захват Чехословакии в 1938-1939 гг. были вменены Германии на Нюрнбергском процессе как акты агрессии) напасть на второго своего врага и второго по размеру, но первого по наглости агрессора Европы Польшу и втянуться аж; войну с будущими союзниками СССР (Англией и Францией), которые в 1939 г. становятся союзниками СССР не хотели..

99. Этого Советский Союз в то время не скрывал, и его глава В.М. Молотов на упомянутой сессии Верховного Совета говорил об этом открыто:

"Советско-германский договор подвергся многочисленным нападкам в англо-французской и американской прессе. Особенно стараются на этот счет некоторые «социалистические» газеты, служащие «своему» национальному капитализму, служащие тем из господ, кто им прилично платит. Понятно, что от таких господ нельзя ждать настоящей правды.

...Доходят, дальше, до того, что ставят нам в вину, что, видите ли, в договоре нет пункта о том, что он денонсируется в случае, если одна из договаривающихся сторон окажется вовлеченной в войну при условиях, которые могут дать кое-кому внешний повод квалифицировать ее нападающей стороной. Но при этом почему-то забывают, что такого пункта и такой оговорки нет ни в польско-германском договоре о ненападении, подписанном в 1934 году и аннулированном Германией в 1939 году вопреки желанию Польши, ни в англо-германской декларации о ненападении, подписанной всего несколько месяцев тому назад. Спрашивается, почему СССР не может позволить себе того, что давно уже позволили себе и Польша, и Англия?

...Разве трудно понять этим господам смысл советско-германского договора о ненападении, в силу которого СССР не обязан втягиваться в войну ни на стороне Англии против Германии, ни на стороне Германии против Англии? Разве трудно понять, что СССР проводит и будет проводить свою собственную, самостоятельную политику, ориентирующуюся на интересы народов СССР, и только на эти интересы? Если у этих господ имеется уж такое неудержимое желание воевать, пусть повоюют сами, без Советского Союза. Мы бы посмотрели, что это за вояки" [42]. (Ждать оставалось два дня. 1 сентября 1939 г. начались смотрины польских вояк).

100. Этот договор никого в правительстве СССР не обманул и особой радости не доставил. Участник переговоров министра иностранных дел Германии Риббентропа с Молотовым и Сталиным руководитель юридического департамента МИД Германии Фридрих Гаус свидетельствует: Риббентроп хотел начать с заранее подготовленной пространной выпендренной речи о том, что «дух братства, который связывал русский и немецкий народы...». Однако Молотов его тут же оборвал: «Между нами не может быть братства. Если хотите, поговорим о деле». В своем докладе Гитлеру Риббентроп писал, что Сталин заявил: «Не может быть нейтралитета с нашей стороны, пока вы сами не перестанете строить агрессивные планы в отношении СССР. Мы не забываем, что вашей конечной целью является нападение на нас» [43] — это при том, что Сталин лично присутствовал при подписании пакта о «ненападении и нейтралитете».

101. Если вы обратили внимание, то согласно ст. 4 этого договора СССР и Германия отказывались от участия в агрессивных группировках друг против друга, но эта статья не распространялась на оборонительные союзы, поэтому СССР предлагал Великобритании и Франции продолжить работу по созданию оборонительного союза против Германии, предлагалась дата 30 августа 1939 г. для возобновления переговоров, но отклика из Лондона и Парижа не последовало [44]. Поэтому 31 августа на сессии Верховного Совета СССР у В.М. Молотова были основания с гневом говорить о позиции Англии и Польши.

102. Поскольку пакт о ненападении очень нужен был не только СССР, но и Германии, то Сталин воспользовался случаем и заставил немцев подписать и протокол к пакту, в котором максимально защитил интересы СССР и максимально затруднил Гитлеру ведение войны. Гитлер, человек безусловно

умный, не мог не понимать, чего хочет Сталин, но Гитлеру в тот момент пакт был очень нужен и он на подписание протокола пошел.

Должен сказать, что тот текст, который ныне публикуется как текст протокола к пакту о ненападении между СССР и Германией, мне не нравится.

Фальшивка Горбачев-Яковлев

103. Текст секретного протокола к договору о ненападении между СССР и Германией— безусловная фальшивка. Чтобы это определить, его можно и не читать.

Во-первых. Когда пишутся секретные документы, то тот, кто их пишет, знает, что документ секретный, поэтому начинает его писать с того, что в правом верхнем углу еще чистого листа бумаги пишет гриф секретности, к примеру: «Для служебного пользования» или «Совершенно секретно». После этого начинает писать название документа, и ему нет никакой необходимости упоминать в названии слово «секретный». Поэтому можете просмотреть горы подлинных документов, но ни в одном не найдете упоминание секретности в названии. Кроме той фальшивки, которую Горбачев-Яковлев явили Съезду Народных депутатов СССР под видом протокола к договору, который они тут же назвали «пактом Молотов-Риббентроп».

104. Второе. Достаточно посмотреть, как геббельсовцы вводили в оборот этот «секретный протокол», который, кстати, этим своим названием должен был вызвать у обывателя впечатление чего-то преступного, дескать, честное дело не засекретили бы.

Текст Договора и все протоколы к нему — это и есть собственно Договор, без протоколов этого договора не существует, поскольку договаривающиеся стороны исполняли его в комплексе всех условий — и открытых, и секретных. Поэтому все подлинники протоколов и подлинный текст Договора должны были быть сшиты между собой и храниться в архиве в одной папке. Это же несложно понять: представьте, что министру иностранных дел вдруг потребовался этот Договор, и что — текст его побегут искать в Архиве внешней политики (АВП), а протокол — в Архиве Политбюро ЦК КПСС (сегодня — в Архиве Президента России (АП))? Но Горбачев и Яковлев объявили съезду и миру, что подлинника протокола к договору о ненападении нет, а в АВП есть только подлинный текст Договора и к нему машинописная копия секретного протокола. Причем у идиотов хватило ума для придания видимости того, что эта «копия» действительно копия протокола, почерком Молотова вверху листа сфальсифицировать: «Тов. Сталину (подпись Молотова)» [45]. Но Сталин никогда в наркомате или министерстве иностранных дел не работал, посему адресованные ему документы никак не могли храниться в Архиве внешней политики. Кроме того, Сталин до буквы знал этот протокол, в его присутствии его подписывали Молотов и Риббентроп, иными словами, на кой овощ Молотов адресовал бы Сталину машинописную копию того, что Сталину и так было прекрасно известно? Кроме этого, сделать копию секретного документа — это штука очень непростая, поскольку тем, кто имеет право его читать, немедленно принесут и покажут подлинник этого документа, тогда для кого делать копии?

105. Но и это не все. До 1993 г. во всех сборниках документов текст секретного протокола фигурировал как «машинописная копия» [46, 47]. А вот в сборнике документов по Катынскому делу академической части бригады Геббельса «Катынь. Пленники необъявленной войны» этот протокол уже фигурирует как подлинник со ссылкой на Архив президента и на «...Документы внешней политики. 1939 г.» Т. XXII. Кн. 1, с. 632 [48].

Что касается второго источника, то в нем подлинник так и не был опубликован, поскольку в примечании к тексту сообщается: «Лечат. По сохранившейся машинописной копии АВП РФ, ф. Об, оп. 1, п. 8, д. 77, л. 1-2». (Лгут, мерзавцы, на каждом шагу!) А что касается Архива Президента, то «просеките фишку», — как говорит сегодня молодежь. В архиве, где этот подлинник должен лежать (АВП), его нет, а лежит «копия», которая (если бы она была мыслима), должна лежать в архиве Политбюро (АП), но она здесь не лежит, зато в архиве Политбюро лежит «подлинник» протокола. От изделий Горбачева-Яковлева фальшивками воняет за версту.

106. Произошло вот что. Когда по заданию Горбачева фабриковался этот «секретный протокол» (после уничтожения, естественно, его подлинника), то были живы еще многие, кто в те годы его видел, скажем, был еще жив Л.М. Каганович, член тогдашнего Политбюро ЦК ВКП(б). Эти люди могли вспомнить, что было написано в подлинном протоколе, и могли уличить подонков. Тогда Горбачев и Яковлев выкрутились бы тем, что это, дескать, машинистка ошиблась, когда копию делала. Прошли годы, свидетели умерли, архивы СССР поступили в распоряжение подлейших негодяев, которые их

уничтожают и изготавливают фальшивки (о чем во второй части), и геббельсовцы наконец «сварганили» «подлинный» протокол, но положить его туда, где он обязан был храниться — к тексту договора в Архиве внешней политики, — они не могли, поскольку сами же объявили, что его там нет. Вот и определили ему место в АП.

107. Теперь немного о фальшивках в общем, поскольку далее нам все чаще и чаще придется заниматься только ими. Фабрикует фальшивки тремя основными способами (и их комбинациями): полуподлым, подлым, и сверхподлым.

По первому способу — академическому или полуподлому — из текста реального документа выбрасываются слова и предложения так, чтобы усеченный текст изменил свой смысл. Скажем, Сталин когда-то реально сказал или написал: «Нацисты — это не хорошие люди». Доктор исторических наук напишет: "Сталин сказал: «Нацисты — это... хорошие люди».

108. По второму способу — журналистскому или подлому — делается примерно то же, только наглее и троеточия не ставятся.

109. По третьему способу — сверхподлому или способу архивистов, спецслужб и прокуроров — фабрикуется членский билет Сталина в НСДАП с личной подписью Гитлера на билете и со всеми необходимыми печатями и штампами. (К примеру, сегодня любую печать или штамп вам изготовят примерно за 80 рублей).

110. Пока общих сведений — достаточно, давайте вернемся к секретному протоколу к договору о ненападении между СССР и Германией.

Безо всяких сомнений, его фабриковали комбинацией второго способа с третьим. То есть, взяли текст подлинного протокола, усекли его так, чтобы изменить смысл, а затем вызвали из КГБ специалистов по подделке почерков и оформили фальшивку. В то время по-другому фальсификаторы поступить не могли. Они, может, и хотели бы полностью сфабриковать текст, но ведь помимо отечественных свидетелей его смысл был прекрасно известен и за рубежом, скажем, Черчилль этот протокол чуть ли не цитирует.

111. Во-вторых, подонки безмозглы, иначе они не были бы подонками. (Не станете же вы меня убеждать, что Горбачев всю жизнь лизал зад своим партийным начальникам только для того, чтобы в конце своей карьеры рекламировать пиццу? Безмозглый идиот и по сей день не понял, почему слетел с поста главы величайшей державы мира). Подонки — это не люди, а скорее организмы, и они инстинктом чувствуют свою безмозглость, поэтому опасаются сильно уж выдумывать исторические тексты, боясь наделать глупостей.

112. И у фирмы Горбачев-Яковлев получилось вот такое изделие:

"Секретный дополнительный протокол к Договору о ненападении между Германией и Советским Союзом. При подписании договора о ненападении между Германией и Союзом Советских Социалистических Республик нижеподписавшиеся уполномоченные обеих сторон обсудили в строго конфиденциальном порядке вопрос о разграничении сфер обоюдных интересов в Восточной Европе. Это обсуждение привело к нижеследующему результату:

1. В случае территориально-политического переустройства областей, входящих в состав Прибалтийских государств (Финляндия, Эстония, Латвия, Литва), северная граница Литвы одновременно является границей сфер интересов Германии и СССР. При этом интересы Литвы по отношению Виленской области признаются обеими сторонами.

2. В случае территориально-политического переустройства областей, входящих в состав Польского государства, граница сфер интересов Германии и СССР будет приблизительно проходить по линии рек Царева, Вислы и Сана.

Вопрос, является ли в обоюдных интересах желательным сохранение независимого Польского государства и каковы будут границы этого государства, может быть окончательно выяснен только в течение дальнейшего политического развития.

Во всяком случае оба правительства будут решать этот вопрос в порядке дружественного обоюдного согласия.

3. Касательно юго-востока Европы с советской стороны подчеркивается интерес СССР к Бессарабии. С германской стороны заявляется о ее полной политической незаинтересованности в этих областях.

4. Этот протокол будет сохраняться обеими сторонами в строгом секрете.

Москва, 23 августа 1939 года

По уполномочию

Правительства СССР

В. Молотов
За Правительство
Германии
И. Риббентроп [49]

113. Для того, чтобы понять, что данный текст фальшивка, вам необходимо напрячь всю свою способность к фантазии и представить себя на месте исполнителя данного документа, скажем, Сталина или Молотова (ведь им надо было его исполнять), или какого-нибудь начальника пограничного отряда, которому нужно указать солдатам, где вкапывать пограничные столбы. И попробуйте мысленно этот протокол исполнить. Если у вас есть хоть немного фантазии, то вы поймете, что эту галиматью исполнить нельзя. И вот почему.

114. Во-первых. Что такое — «сфера интересов»? Могу ли я за границей своей сферы интересов торговать, вести коммунистическую или антикоммунистическую пропаганду? Без разъяснения «сфера интересов» — это слова, не имеющие под собой смысла. Иногда в общих контрактах записывают, что одна сторона продает «товар», а вторая его оплачивает. Но при такой абстрактной формулировке к контракту обязательно подкладывается спецификация, в которой точно указывается: какой товар, его качество, цена, сроки поставок и оплаты. Без такого объяснения контракт с абстрактным товаром это не контракт — его невозможно ни выполнить, ни нарушить. То есть, «секретный протокол» Горбачева-Яковлева после усечения текста в той части, где стороны оговаривали, что такое «сфера интересов», стал беспредметным — этот протокол тоже нельзя ни исполнить, ни нарушить. И это сразу выдает фальшивку, причем понятно и почему Горбачев и Яковлев выбросили эту часть — она явно (а дальше вы это увидите) не соответствовала той цели, которую Горбачев и Яковлев хотели этой фальшивкой достичь — «сфера интересов» не предусматривала захвата поименованных стран ни СССР, ни Германией.

115. Второе. Ответьте на вопрос, в чью сферу интересов по этому «протоколу» входит Литва, а в чью Латвия, Эстония и Финляндия. Не можете? Вот то-то и оно! Ни Сталин, ни Гитлер не были придурками вроде Горбачева, чтобы договариваться о «консенсусе», не оговорив, что это такое.

116. Третье. Предположим, что случилось территориальное переустройство и Польши, и Прибалтики. Где проходит граница сферы интересов в промежутке от угла северной границы Литвы в месте поворота ее на юг и до истоков реки Нарев? Это промежуток около 500 км, где тут вкапывать пограничные столбы? Не знаете? А Сталин и Гитлер знали, поскольку их министры подписывали не ту глупость, что нам подсунули под видом «секретного протокола».

117. Молотов и Риббентроп совершили одну ошибку — они оставили в границе сферы интересов небольшой разрыв — всего в 30 км — не учли, что истоки реки Нарев находятся в Польше, а не в Восточной Пруссии. И уже через 5 дней посол Германии в Москве Шуленберг и Молотов подписали «Разъяснение» к протоколу, в котором этот разрыв закрыли:

"В целях уточнения первого абзаца п. 2 секретного дополнительного протокола от 23 августа 1939 года настоящим разъясняется, что этот абзац следует читать в следующей окончательной редакции, а именно:

2. В случае территориально-политического переустройства областей, входящих в состав Польского государства, граница сфер интересов Германии и СССР будет приблизительно проходить по линии рек Писсы, Наревы, Вислы и Сана. Москва, 28 августа 1939 года" [50].

Получается, что 30 км Сталин и Гитлер поспешили закрыть (Писса текла тогда из Восточной Пруссии и впадает в Нарев), а 500 км так и оставили? Нет, конечно.

118. С 85% вероятности могу сказать, как звучал пункт 1 в подлинном протоколе к договору: «В случае территориально-политического переустройства областей, входящих в состав Прибалтийских государств (Финляндия, Эстония, Латвия, Литва), северная граница Литвы одновременно является границей сфер интересов Германии и СССР, с вхождением суверенного литовского государства в сферу интересов Германии. При этом интересы Литвы по отношению к Виленской области признаются обеими сторонами». Выделенные слова фальсификаторы из текста изъяли, превратив весь этот пункт протокола в глупость.

С моей поправкой все становится на места и граница сфер интересов идет непрерывно: от Балтийского моря по северной границе Литвы, затем по восточной границе Виленской области (тогда еще удерживаемой Польшей), далее по границе Восточной Пруссии до реки Писса, по ней до впадения ее в Нарев, по нему до впадения его в Буг, который через несколько десятков километров впадает в Вислу, по ней до впадения в нее Сана, а по нему до его истоков — до Словакии.

Почему я не уверен на 100%? Потому, что не видел подлинного протокола, и дал бы Бог

Горбачеву и Яковлеву дожить до того времени, когда их допросят.

119. А то, что в выброшенном из текста протокола предложении обязательно подчеркивалась суверенность Литвы, подтверждается вот чем.

Прибалтийские страны — Латвия, Эстония, Финляндия — в те годы были девушки предосудительного поведения и усиленно крутили в виду пока далекого III Рейха теми местами, которые они считали соблазнительными, призывно подмигивая сразу обоими глазами для надежности. Литва тоже была «не против», но она немцев видела вблизи, а за ними клацала зубами Польша. Литва прекрасно понимала, что это не клиенты, а садисты: изнасиловать-то изнасилуют, но ведь потом и убьют особо жестоким способом. Опыт у Литвы был.

Я уже писал о взаимоотношениях Польши и Литвы, а вот немцы 20 марта 1939 г. даже разговаривать с Литвой не стали, а просто приказали ей убраться из Клайпедской области Литвы (бывшей немецкой Мемельской, подаренной Антантой) и дали три дня, пригрозив, что в противном случае оккупируют всю Литву [51]. И Литве пришлось убраться, а ведь она уже так к Клайпедке привыкла, да и сосредоточенно в этой области было 30% всей и так небогатой литовской промышленности.

120. Суверенная Литва была аграрной и нищей, как церковная крыса. Население было около 2,5 млн. человек, армия состояла из 3 дивизий и 8 эскадрилий самолетов. В любой стране три дивизии с корпусными частями — это не менее 60 тыс. человек, а у Литвы все войско насчитывало 17,9 тыс. [52] У соседней Латвии с ее 1,9 млн. населения и то было 4 дивизии и всего войска аж 20 тыс. [53] Ну как Литва могла спорить с Германией?

121. Конечно, Литва вошла в сферу интересов Германии в первую очередь потому, что имела общую границу с Восточной Пруссией, но думаю, что советское правительство сунуло ее немцам еще и потому, что из всех Прибалтийских государств, заискивающих перед немцами, Литва немцев ненавидела больше всех. В принципе, немцы могли оккупировать Литву уже в начале войны с Польшей, войск у немцев хватало, с 10 сентября немцы уже начали их выводить на западный фронт. И поскольку геббельсовцы нас уверяют, что протокол к договору между СССР и Германией предусматривал именно захват перечисленных в нем стран, то естественен вопрос, а почему Германия не тронула Литву, если Литва была в сфере германских интересов?

122. Более того, как только пакт о ненападении был подписан и сферы интересов были определены, Германия сообщила Литве дату нападения на Польшу и начала активно требовать от Литвы заключения с нею военного союза, т.е. Германия с вошедшей в сферу немецких интересов Литвой строила отношения как с суверенной страной. Чтобы закончить тему, расскажу, что было дальше.

Литва, узнав о нападении Германии на Польшу, отмобилизовала армию и двинула все три свои дивизии к польской границе. Немецким фронтовым генералам подробности внешнеполитических усилий известны, конечно, не были, поэтому когда командующий группой немецких армий «Север» фон Бок за три дня до начала войны с Польшей вдруг увидел на своем левом фланге затаившуюся литовскую рать, то запросил генштаб, что ему делать с этим воинством. Гальдер ответил: «Это сделано отнюдь не против нас» [54]. Началась война, и немцы стали уже угрозами требовать от Литвы военного соглашения, но Литва попала в положение «и хочется, и колется, и мама не велит» (с одной стороны, Виленщину у поляков отвоевать было надо, но поляки оставили на литовской границе против трех литовских дивизий две свои, кроме того, СССР всегда поддерживал Литву и Литва знала, что ему ее договор с Германией очень не понравится). Еще 12 сентября Гальдер отметил в дневнике: «Литва: Колеблется» [55]. Так она и проколебалась всю быстротечную войну, хотя и сделала немцам объективно полезное дело — оттянула с их фронта две польские дивизии.

123. Итак, тот факт, что немцы не оккупировали Литву, входящую в сферу их интересов, является доказательством, что по подлинному соглашению Москвы и Берлина Прибалтийские страны должны были оставаться суверенными и это было записано в подлинном протоколе. А раз в протоколе имени Горбачева-Яковлева такого пункта нет, то значит, эта бумага является фальшивкой, как бы красиво она ни выглядела. Дальше я продолжу тему фальшивости, а сейчас уместно вспомнить, почему Горбачев и Яковлев сфальсифицировали этот протокол именно так.

124. Вспомним: задачей кукловодов Горбачева и Яковлева было развалить СССР, а для этого требовалось представить Советский Союз тюрьмой народов, а прибалтов, в частности, такими несчастными жертвами тоталитарного государства. Если бы они опубликовали подлинный протокол, то стало бы ясно, что в протоколе суверенитет этих стран не нарушался, следовательно, отцы и деды нынешних прибалтов примыкали к СССР добровольно и именно потому, что им было это

выгодно. И в начале 90-х, когда прибалтов стали манить из СССР колбасой из США, у некоторых могла проснуться совесть. Вот Горбачев с Яковлевым и добивались своей фальшивкой, чтобы этого не произошло.

Для вас как для судей возникает вопрос — как относиться к этой фальшивке Горбачева-Яковлева? Думаю, что наиболее правильным будет относиться к ней как к документу, у которого утеряна часть текста, поскольку подлинность оставшегося текста в целом подтверждена последовавшими событиями. Теперь, когда с прибалтами мы разобрались, давайте займемся Польшей.

Попытка СССР спасти Польшу

125. Нынешний состав бригады Геббельса в оценке договора и этого протокола единодушен — это сговор о нападении на бедную Польшу и о ее разделе, но геббельсовцы стараются говорить об этом общими словами и подозрительно лапидарны. Эксперты Генпрокуратуры РФ, как вы видели, установили: «Договор с Германией и его органическая часть — секретный дополнительный протокол — с юридической точки зрения находились в противоречии с международными конвенциями и установлениями Лиги Наций, с суверенитетом и независимостью Польши, нарушали взаимные обязательства СССР и Польши при всех обстоятельствах уважать суверенитет, территориальную целостность и неприкосновенность друг друга. Более того, они оформляли сговор, направленный на решение судеб Польского государства путем его раздела, позволили фашистскому командованию беспрепятственно разгромить Польшу».

Думаю, что у читателей к бригаде Геббельса должны возникать вопросы в связи с этим ее заключением.

126. Во-первых. С какими «международными конвенциями и установлениями Лиги Наций» договор и протокол «находились в противоречии»? Ведь все его пункты гипотетичны и их действие предполагалось только «в случае». Если случится территориально-политическое переустройство упомянутых государств, то договоренность действует. Если не случится, то не действует. Но в договоре нет взаимных обязательств насильно или по их согласию переустроить эти государства. Об этом-то СССР и Германия не договариваются, следовательно, никаких «конвенций и установлений Лиги Наций» они не нарушают.

127. Во-вторых. Бригада Геббельса утверждает, что этот протокол нарушал договор между Польшей и СССР. Где в протоколе это записано? Где обязательства СССР напасть на Польшу либо помочь тому, кто на нее нападет? Где здесь хотя бы обязательства СССР потребовать от Польши себе (либо Германии) какой-либо территории Польши, как в Мюнхенском сговоре этого потребовали Великобритания, Франция, Германия и Италия от Чехословакии?

128. В-третьих. Где здесь «сговор» с целью раздела Польши? Раздел сфер интересов, о чем мы уже начали говорить, — это не раздел стран и не договоренность о захвате стран, и только подлые негодяи могут его так трактовать. Протокол был секретным, и Гитлеру со Сталиным совершенно не было необходимости говорить иносказательно и превращать протокол в басню.

129. И нельзя забывать, что это юридический документ, который мог быть использован в суде даже без ратификации его в парламенте. Гитлер его так и использовал: в ноте Германии об объявлении войны СССР нарушения протокола к договору о ненападении явились группой главных поводов к войне. И поскольку никто лучше Германии и СССР не понимал, о чем они заключили соглашение в этом протоколе, то эти поводы являются единственным и самым убедительным разъяснением к протоколу. По интересующему нас вопросу в ноте написано (здесь и далее выделения в тексте сделаны немцами — Ю.М.):

"Таким образом, 23 августа 1939 г [ода] был подписан Пакт о ненападении, а 28 сентября 1939 г [ода] -Договор о дружбе и границах между обоими государствами.

Суть этих договоров состояла в следующем:

1) в обоюдном обязательстве государств не нападать друг на друга и состоять в отношениях добрососедства;

2) в разграничении сфер интересов путем отказа германского рейха от любого влияния в Финляндии, Латвии, Эстонии, Литве и Бессарабии, в то время как территория бывшего Польского государства до линии Нарев — Буг — Сан по желанию Советской России оставлялась за ней*.

Действительно, правительство рейха, заключив с Россией пакт о ненападении, СУЩЕСТВЕННО ИЗМЕНИЛО СВОЮ ПОЛИТИКУ ПО ОТНОШЕНИЮ К СССР и с этого дня заняло дружественную

позицию по отношению к Советскому Союзу. Оно строго следовало букве и духу подписанных с Советским Союзом договоров. Более того, уладило Польшу, а это значит, ценою немецкой крови способствовало достижению Советским Союзом наибольшего внешнеполитического успеха за время его существования".

Не ошибитесь в прочтении, Германия не передавала СССР территории восточной линии Нарев-Буг-Сан, а оставляла на этой территории Польши влияние СССР, как и при нынешней договоренности по линии Нарев-Висла-Сан, а что имелось в виду под интересами, вы увидите ниже.

"Если пропагандистская подрывная деятельность Советского Союза в Германии и в Европе вообще не оставляет никакого сомнения в его позиции по отношению к Германии, то **ВНЕШНЕПОЛИТИЧЕСКАЯ И ВОЕННАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ** Советского правительства после заключения германо-русских договоров носит еще ярче выраженный характер. В Москве во время разграничения сфер влияния правительство Советской России заявило министру иностранных дел рейха, что оно не намеревается занимать, большевизировать или аннексировать входящие в сферу его влияния государства за исключением находящихся в состоянии разложения областей бывшего польского государства. В действительности же, как показал ход событий, политика Советского Союза направлена исключительно на одно, а именно: **В ПРОСТРАНСТВЕ ОТ ЛЕДОВИТОГО ОКЕАНА ДО ЧЕРНОГО МОРЯ ВЕЗДЕ, ГДЕ ТОЛЬКО ВОЗМОЖНО, ВЫДВИНУТЬ ВООРУЖЕННЫЕ СИЛЫ МОСКВЫ НА ЗАПАД И РАСПРОСТРАНИТЬ БОЛЬШЕВИЗАЦИЮ ДАЛЬШЕ В ГЛУБЬ ЕВРОПЫ.**

Развитие этой политики характеризуется следующими этапами:

1. Началом развития этой политики явилось заключение так называемых договоров о взаимопомощи с ЭСТОНИЕЙ, ЛАТВИЕЙ и ЛИТВОЙ в октябре и ноябре 1939 года и возведение военных баз в этих странах.

2. Следующий ход Советской России был сделан по отношению к ФИНЛЯНДИИ. Когда требования Советской России, принятие которых грозило бы потерей суверенитета свободному финскому государству, были отклонены финским правительством. Советское правительство распорядилось о создании коммунистического псевдоправительства Куусинена. И когда финский народ отказался от этого правительства, Финляндии был предъявлен ультиматум и в ноябре 1939 года Красная Армия вошла на территорию Финляндии. В результате «заключенного» в марте финско-русского мира Финляндия вынуждена была уступить часть своих юго-восточных провинций, которые сразу подверглись большевизации.

3. Спустя несколько месяцев, а именно в июле 1940 года, Советский Союз начал принимать меры против ПРИБАЛТИЙСКИХ ГОСУДАРСТВ. Согласно первому Московскому договору Литва относилась к сфере германских

интересов. В интересах сохранения мира, хотя и скрепя сердце, правительство рейха во втором договоре по просьбе Советского Союза отказалось от большей части территории этой страны, оставив часть ее в сфере интересов Германии. После предъявления ультиматума от 15 июня Советский Союз, не уведомив об этом правительство рейха, занял всю Литву, т. е. и находившуюся в сфере влияния Германии часть Литвы, подойдя таким образом непосредственно к границе Восточной Пруссии. Позднее последовало обращение к Германии по этому вопросу, и после трудных переговоров, пойдя еще на одну дружественную уступку, правительство рейха отдало Советскому Союзу и эту часть Литвы*. Затем таким же способом, в нарушение заключенных с этими государствами договоров о помощи, были оккупированы Латвия и Эстония. Таким образом, вся Прибалтика вопреки категорическим заверениям Москвы была большевизирована и спустя несколько недель после оккупации сразу аннексирована. Одновременно с аннексией последовало сосредоточение первых крупных сил Красной Армии во всем северном секторе плацдарма Советской России против Европы.

Между прочим. Советское правительство в одностороннем порядке расторгло экономические соглашения Германии с этими государствами, хотя по Московским договоренностям этим соглашениям не должен был бы наноситься ущерб.

4. По вопросу о разграничении сфер влияния на территории бывшего Польского государства Московскими договорами было ясно согласовано, что о границах сфер влияния не будет вестись никакая политическая агитация, а деятельность обеих оккупационных властей ограничится исключительно лишь вопросами мирного строительства на этих территориях. У правительства рейха имеются неопровержимые доказательства того, что, несмотря на эти соглашения, Советский Союз сразу же после занятия этой территории не только разрешил антигерманскую агитацию в польском генерал-губернаторстве, но и одновременно поддержал ее большевистской пропагандой в губернаторстве. Сразу же после оккупации и на эти территории были переброшены крупные русские

гарнизоны.

5. В то время как германская армия на Западе вела боевые действия против Франции и Англии, последовал удар Советского Союза на БАЛКАНАХ. Тогда как на московских переговорах Советское правительство заявило, что никогда в одностороннем порядке не будет решать бессарабский вопрос, правительство рейха 24 июня 1940 года получило сообщение Советского правительства о том, что оно полно решимости силой решить бессарабский вопрос. Одновременно сообщалось, что советские притязания распространяются и на Буковину, то есть на территорию, которая была старой австрийской коронной землей, никогда России не принадлежала и о которой в свое время в Москве вообще не говорилось. Германский посол в Москве заявил Советскому правительству, что его решение является для правительства рейха совершенно неожиданным и сильно ущемляет германские экономические интересы в Румынии, а также приведет к нарушению жизни крупной местной немецкой колонии и нанесет ущерб немецкой нации в Буковине. На это господин Молотов ответил, что дело исключительной срочности и что Советский Союз в течение 24 часов ожидает ответ правительства рейха. И на этот раз [правительство Германии] во имя сохранения мира и дружбы с Советским Союзом решило вопрос в его пользу.

...Оккупация и большевизация Советским правительством территории Восточной Европы и Балкан, переданных Советскому Союзу правительством рейха в Москве в качестве сферы влияния, полностью ПРОТИВОРЕЧАТ МОСКОВСКИМ ДОГОВОРЕННОСТЯМ" [57].

Обращаю внимание, что текст данной ноты использован немцами как оправдание своей агрессии против СССР, поэтому если бы в немецких доводах было что-то, что противоречило смыслу или букве протокола, то СССР мог бы использовать это для контрпропаганды, и немцы это понимали. Но немцы рассекретили секретный протокол и не боялись, что их уличат во лжи. Единственная ложь — они привели постфактум в качестве договоренности свое разрешение на занятие «находящихся в состоянии разложения областей бывшего польского государства», но и здесь подстраховались, сообщив, что это устная договоренность.

130. Что же получается? Сегодня все вопят, что «пакт Молотов-Риббентроп» это сговор о разделе мира и оккупации суверенных стран, но из текста этого договора и из его трактовки немцами следует, что не только ни о какой оккупации, но даже и о занятии части территории (как в случае с Финляндией) или о военных базах даже речи не шло. Речь шла о запрещении ввода войск договаривающихся сторон в сферу своих интересов (случай с Литвой) и, это важно отметить, речь шла только о запрещении пропаганды в сфере своих интересов и о преимуществах в торговле. В связи с этим снова возникает небольшой вопрос: если опубликованный «секретный протокол» не фальшивка, то почему в нем нет того, о чем говорит Гитлер в ноте?

131. Начиная войну с Польшей, даже немцы под сферой своих интересов совершенно не предполагали ликвидацию Польши как государства. Речь шла об отъеме присоединенных к Польше немецких территорий и о создании в Польше вассального правительства. Это нет необходимости доказывать, поскольку данный факт признает и бригада Геббельса. Главная причина: и Гитлер, и правительство Германии сумасшедшими не были и войны боялись. Ведь даже исключив СССР, они должны были драться с двумя огромными державами и Польшей, которая им отнюдь не казалась слабой сама по себе. Какие оговорки ни делай, но в 1920 г. Польша победила РСФСР, а это и немцам оптимизма не прибавляло. Кроме этого, Польша начала мобилизацию с весны, и немцы не имели права пренебрегать ее военной силой. (То, как реально протекала война, немцам и в голову не могло прийти.)

132. Немцы, высоко ценя свою армию и ее основу — пехоту, не были уверены в их боевом духе, поскольку война с Польшей была первой и армия Германии еще не приобрела ни профессионального опыта, ни моральной уверенности. По мобилизации была сформирована 51 дивизия, в которых кадрового состава было по 5% [58]. И в этой оценке своей армии немцы не ошибались. Уже после победы над Польшей, немецкий генерал фон Бок докладывал в Генштабе сухопутных войск свои впечатления от немецких войск: «Той пехоты, которая была в 1914 году, мы даже приблизительно не имеем. У солдат нет наступательного порыва и не хватает инициативы. Все базируется на командном составе, а отсюда — потери в офицерах. Пулеметы на переднем крае молчат, так как пулеметчики боятся себя обнаружить» [59].

Главнокомандующий сухопутными войсками Германии фельдмаршал Браухич не был доволен войсками и спустя полтора месяца после победы. 5 ноября он в присутствии Гитлера высказал свое суждение о них:

"I. Пехота показала себя в польской войне безразличной и лишенной боевого наступательного духа; ей не хватало именно боевой подготовки и владения наступательной тактикой, также и ввиду

недостаточного умения младших командиров.

2. Дисциплина, к сожалению, очень упала: в настоящее время царит такая же ситуация, как в 1917 г.; это проявилось в алкогольных эксцессах и в распущенном поведении при перебросках по железным дорогам, на вокзалах и т.п. У него (Браухича — Ю.М.) имеются донесения об этом, в том числе и военных комендантов железнодорожных станций, а также ряд судебных дел с приговорами за тяжкие дисциплинарные проступки. Армия нуждается в интенсивном воспитательно-боевом обучении, прежде чем она сможет быть двинута против отдохнувшего и хорошо подготовленного противника на Западе" [60].

133. Гитлер слабость своей армии знал, поэтому даже за три дня до войны, 28 августа 1939 г. он, собрав боссов партии, министров и депутатов рейхстага, сказал, что минимальные требования от Польши: «Данциг, решение вопроса о коридоре» — т.е. минимум, позволяющий Германии сохранить лицо. А максимальные требования — «в зависимости от складывающейся обстановки», т.е. от того, каковы будут успехи в боях. Но он закончил: «Война очень тяжелая, возможно, безнадежная. Но пока я жив, о капитуляции не будет и речи» [61]. Сами понимаете, что начинать войну с мыслями о капитуляции непросто.

134. Поэтому когда 7 сентября поляки предложили немцам перемирие (а их армия уже храбро удирала от немцев на всех фронтах), то и тогда вопрос о ликвидации Польши или о передаче СССР западных областей Украины и Белоруссии и близко не стоял. Гальдер записал в дневнике: «Поляки предлагают начать переговоры. Мы к ним готовы на следующих условиях: разрыв Польши с Англией и Францией; остаток Польши будет сохранен; районы от Нарева с Варшавой — Польше; промышленный район — нам; Краков — Польше; северная окраина Бескидов — нам; области (Западной) Украины — самостоятельны» [62].

Как видите, хотя Западная Украина находилась в сфере интересов СССР, но Гитлер даже 7 сентября намечал ее к самостоятельности, ни мало не беспокоясь, что СССР за это денонсирует договор о ненападении, а это доказывает, что протоколом к пакту занятие СССР этих территорий не предусматривалось, и у СССР не было бы поводов для претензий к Германии. И немцы даже к 7 сентября не предполагали ликвидацию Польши, и хотя они уже заняли Краков, но собирались его вернуть. Почему?

135. Потому, что их штабы пока еще полагали, что поляки бегут за линию Нарев-Висла-Сан, а преодолеть эту линию, по мнению немцев, было непросто. Фельдмаршал Манштейн, генералом участвовавший в разработке плана войны с Польшей, писал: «С другой стороны, у Польши не было недостатка в трезво мыслящих советниках. Как пишет полковник Герман Шнейдер в журнале „Милитер виссен шафтлихе рундшау“ от 1942 года, французский генерал Вейган предложил перенести оборону за линию Неман-Бобр (Бебжа)-Нарев-Висла-Сан. Это предложение с оперативной точки зрения было единственно правильным» [63].

Сам Манштейн с Вейганом был абсолютно согласен, и сам считал, что полякам «...не оставалось ничего иного, как с самого начала перенести оборонительные позиции на линию Бобр (Бебжа) — Нарев-Висла-Сан, а возможно и Дунаец, и вести впереди нее бои лишь с целью выигрыша времени...» [64]. Он писал, что эта линия «представляла собой сильную естественную преграду. Кроме того, бывшие русские укрепления, хотя они и устарели, служили хорошими опорными пунктами» [65]. Действительно, еще цари укрепили эту линию для защиты от немцев крепостями Вильно (Вильнюс), Гродно, Осовец, Лонжа, Остроленка, Рожаны, Пултуск, Загреж, Новогеоргиевск (Модлин), Варшава, Ивангород (Демблин).

Теперь, если вы вспомните, где еще вы читали эти названия — Нарев, Висла, Сан, — то вернетесь к протоколу к пакту о ненападении между СССР и Германией. Да, это линия сферы советских интересов по первой договоренности с Германией. А это означает, что СССР секретным протоколом защитил ту остаточную территорию, на которой могло уцелеть Польское государство при самом плохом военном исходе войны с немцами. Немцам было не только трудно преодолеть эту линию военным путем, но они и не могли пересечь эту линию без обострения отношений с СССР — это была зона его интересов.

136. Можно сказать, что при подписании протокола ошиблись и Сталин, и Гитлер, а можно сказать, что поляки обманули и того, и другого. Гитлер, соглашаясь со сферой влияния СССР в Польше, полагал, что немецкая армия с трудом преодолеет сопротивление поляков до рубежа Нарев-Висла-Сан, а Сталин полагал, что поляки, отступив на эту линию, либо начнут позиционную войну, в ожидании ударов французов и англичан по Германии с запада, либо заключат с немцами перемирие на этой линии.

137. СССР делал все, чтобы помочь Польше удержаться в войне. Вот такой характерный пример. 29 августа, за три дня до войны, посол Германии Шуленбург просил главу Советского Союза его принять. Молотов вынужден был согласиться, и стенографистки зафиксировали повод для встречи.

"Шуленбург сообщил, что сегодня ночью и утром ему лично позвонил Риббентроп и просил передать следующее.

В последнее время в нескольких газетах появились слухи о том, что якобы Советское правительство отводит свои войска с западной границы. Такого рода слухи, служащие агитационным целям, неприятны германскому правительству. Поэтому Риббентроп по поручению Гитлера просит Советское правительство опровергнуть эти слухи в форме, которую оно сочтет удобной. Лучше, если бы это опровержение было сделано в положительной форме, т.е. что Советское правительство не отводит своих войск с границы, а, наоборот, усиливает военные силы на границе. Или желательна такая форма опровержения, в которой было бы указано, что об отводе войск с границы не может быть и речи, так как в такое тревожное время всякое правительство не уменьшает войска на границе, а усиливает их.

Молотов спрашивает, верит ли этим сообщениям германское правительство.

Шуленбург отвечает отрицательно.

Молотов говорит, что он посоветуется, как это сделать, и подчеркивает серьезность, с которой мы относимся к заключенному нами пакту с Германией. Уже один факт появления такого рода слухов показывает серьезность нашего отношения к пакту" [66].

Многие ли читатели поняли, что ночью подняло на ноги Риббентропа и что заставило его позвонить послу в Москву? Поясню. Отвод советских войск от восточной границы Польши означал, что Польша может снимать с нее войска и перебрасывать на запад — навстречу немцам. СССР делал противоположное тому, что делала Литва. И немцы моментально поняли эту угрозу, начав просить, чтобы СССР объявил, что он, наоборот, подтягивает к польской границе войска. Но Молотов был такой человек, на которого где сядешь, там и слезешь*. «Правда» дала опровержение, но какое? Она сообщила, что СССР на советско-польской границе усиливает гарнизоны. Но ведь гарнизоны это не полевые войска, они в наступлении не участвуют. Поляки могли перебрасывать свои соединения на запад...

138. Вопрос: Польша сделала столько гадостей и СССР, и Европе, почему Сталин делал все, чтобы сохранить ее суверенитет? Ответ очень прост, но его мало кто понимает. Дело в том, что гораздо дешевле, чтобы участок твоей границы прикрывало суверенное государство, а не объединяться с ним, тратить деньги на его обустройство и защиту, а затем нести потери от «пятой колонны», какой-нибудь «Солидарности», которая в таком государстве обязательно образуется. Вот Сталин и делал все, чтобы Польша сохранила свою независимость и суверенитет. И Сталин суверенитет Польши сохранил бы, если бы в ней не жила шляхта. Она не дала.

Пакт «Галифакс-Рачинский»

139. 23 августа Сталин в протоколе к Договору о нейтралитете и ненападении между СССР и Германией оговаривает сохранение суверенитета Польши, а 25 августа в Лондоне distinguished виконт (и прочая, прочая, прочая) Галифакс, министр иностранных дел Великобритании, с одной стороны, и посол Польши в Великобритании граф Рачинский, с другой стороны, подписали Соглашение о взаимопомощи Великобритании и Польши, в котором оговорили пути дальнейших территориальных приобретений Польши. Да, именно так. Но поскольку, ввиду очевидных военных приготовлений Германии против Польши, говорить об этом открыто было не совсем удобно, то начали виконт и граф со следующего.

«Статья 1. Если одна из Договаривающихся Сторон окажется вовлеченной в военные действия с европейской державой в результате агрессии последней против этой Договаривающейся Стороны, то другая Договаривающаяся Сторона немедленно окажет Договаривающейся Стороне, вовлеченной в военные действия, всю поддержку и помощь, которая в ее силах» [68].

Вы можете понять, о ком идет речь, — об агрессии какой европейской державы хлопчут графья? Ведь их в Европе было три: Франция, Германия и СССР. Франция союзник, посему отпадает. Кто — СССР или Германия — должен или должна напаять на Договаривающиеся Стороны, чтобы пакт «Галифакса-Рачинского» вступил в действие? Любая из двух? Но тогда почему в статье 1 «европейская держава» стоит в единственном числе?

Это простофили Сталин и Гитлер то, что думают, то и пишут, а Галифакс и Рачинский — это

«умные политики», которые судьбы своих стран решают за столом переговоров, поэтому то, что они записали в Соглашение, не каждому дано понять. Им, впрочем, тоже. Поэтому Галифакс и Рачинский к Соглашению подписали секретный протокол, в котором разъяснили сами себе то, что они записали в доступном публике тексте Соглашения.

"Польское правительство и правительство Соединенного Королевства Великобритании и Северной Ирландии согласились со следующим пониманием соглашения о взаимопомощи, подписанного сегодня, как единственно правильным и имеющим обязательный характер:

а) Под выражением «европейская держава», используемым в соглашении, понимается Германия.

б) В случае, если будет иметь место действия, соответствующее смыслу статей 1 и 2, со стороны европейской державы, иной, нежели Германия, Договаривающиеся Стороны вместе обсудят меры, которые будут совместно приняты". [69]

Итак, «европейская держава» это пока все же Германия, но почему об этом прямо не написать? Ведь война уже была у границ. В день подписания этого Соглашения в Польше были прекращены занятия в школах, реквизированы в пользу армии все легковые автомобили, началась эвакуация из Польши англичан и французов [70]. Зачем темнить?

140. Не знаю, какие мысли по этому поводу могут возникнуть у вас, но я не вижу другого ответа: этим Соглашением Великобритания и Польша хотели надавить на Гитлера (с которым Англия в это время вела закулисные переговоры) с целью заставить его отказаться от планов нападения на Польшу, но одновременно предложить ему напасть на СССР, поскольку пакт Галифакс-Рачинский легко мог быть трансформирован из антигерманского в антисоветский путем подстановки в его текст новой «европейской державы». Тем более, что из дальнейшего текста следует, что этот договор не оборонительный, а наступательный. За открытой публике статьей 1 следовала открытая статья 2:

"Статья 2.1. Положения статьи 1 будут применяться также в случае любого действия европейской державы, которое явно ставит под угрозу, прямо или косвенно, независимость одной из Договаривающихся Сторон, и имеет такой характер, что сторона, которой это касается, сочтет жизненно важным оказать сопротивление своими вооруженными силами.

2.2. Если одна из Договаривающихся Сторон окажется вовлеченной в военные действия с европейской державой в результате действия этой державы, которое ставит под угрозу независимость или нейтралитет другого европейского государства таким образом, что это представляет явную угрозу безопасности этой Договаривающейся Стороны, то положения статьи 1 будут применяться, не нанося, однако, ущерба правам другого европейского государства, которого это касается". [71]

141. Как видите, без секретного протокола понять, что написано в статье 2, тоже невозможно. Но обратите внимание, что согласно статье 2 Польша и Великобритания атакуют «европейскую державу» не после того, как она совершит агрессию против них, а по своему усмотрению, когда либо Великобритания, либо Польша «сочтут это жизненно важным» либо сочтут, что «это представляет явную угрозу безопасности этой Договаривающейся Стороны». Это, заметьте, не какой-то там раздел сфер интересов, по которому нельзя вести пропаганду вне своей сферы. Это прямое соглашение о нападении (причем публике было неизвестно, на кого — на СССР или на Германию) с прямым посягательством на третьи страны. И эти страны перечислены в секретном протоколе к пакту «Галифакс-Рачинский».

"а) Два правительства будут время от времени определять по взаимному соглашению гипотетические случаи действий Германии, подпадающих под действие статьи 2 соглашения.

б) До тех пор, пока два правительства не решат пересмотреть следующие положения этого параграфа, они будут считать: что случай, предусмотренный параграфом 1 статьи 2 соглашения, относится к Вольному городу Данцигу; что случаи, предусмотренные параграфом 2 статьи 2, относятся к Бельгии, Голландии, Литве.

в) Латвия и Эстония будут рассматриваться двумя правительствами как включенные в список стран, предусмотренных параграфом 2 статьи 2, начиная с момента, когда вступит в силу договоренность о взаимопомощи между Соединенным Королевством и третьим государством, которая распространяется на два названных государства.

д) Что касается Румынии, правительство Соединенного Королевства ссылается на гарантию, которую оно предоставило этой стране; а польское правительство ссылается на взаимные обязательства по румыно-польскому союзу, которые Польша никогда не рассматривала как несовместимые с его традиционной дружбой с Венгрией" [72].

142. Думаю, что если бы поименованные здесь страны узнали, что они фигурируют в этом договоре, то они все взвились бы от негодования — ведь это Соглашение прямо попирало их

независимость. Начнем по порядку.

Когда после Первой мировой войны определяли границы Польши, то ей отрезали от Германии «коридор» — полосу земли к Балтийскому морю. Но на побережье этого коридора не было порта, и поэтому от Германии отрезали еще кусок — дельту Вислы с портом и городом Данциг. Но Польше его не передавали! Это была территория вольного, города со своей валютой (гульденом), своим самоуправлением и из 400 тыс. жителей Данцига 95% были немцами. У Польши с Данцигом был таможенный союз, и внешние дела Данциг вел через министерство иностранных дел Польши. (СССР имел с Данцигом дипломатические отношения с 1924 г.) Данциг находился под защитой Лиги наций (тогдашнего ООН), и в нем был Верховный комиссар Лиги наций для решения споров между Данцигом и Польшей [73]. Польша привыкла считать его своей собственностью, имела в Данциге свои военные базы, но ведь город-то оставался немецким. Пока Польша не задействовала на своем побережье порт Гдыню, немцев Данцига такое положение устраивало, поскольку они переваливали весь морской экспорт и импорт Польши (2/3 от всего объема внешней торговли). Но с 1928 г. Польша начала направлять свой экспорт в Гдыню, экономическое положение Данцига резко ухудшилось, Лига наций заставила Польшу выделить Данцигу квоту в грузообороте [74], но уже сам факт того, что Польша в любой момент могла удушить Данциг экономически, поставил вопрос о возвращении его в Германию. Действительно, если у Польши уже был свой порт, то зачем тогда держать Данциг в состоянии вольного города? Доводов в защиту принадлежности Данцига Польше у поляков не было, вот, скажем, Риббентроп докладывал о своем разговоре с Беком 6 января 1939 г.:

"В ответ на это я разъяснил господину Беку следующее:

1. Как фюрер уже сказал, превыше всего для германской стороны ее безусловное стремление к окончательной, широкой и продиктованной великодушием консолидации взаимных отношений.

2. В связи с этим имеют значение три проблемы:

а) Непосредственно германо-польские отношения. Здесь мне представляется следующее решение:

Возвращение Данцига Германии с обеспечением всех экономических интересов Польши в этом районе, причем с наибольшей щедростью. Связь Германии с ее провинцией — Восточной Пруссией через экстерриториальную автостраду и железную дорогу. За это в качестве компенсации со стороны Германии — гарантия коридора и всей польской собственности, то есть окончательное и прочное признание взаимных границ" [75].

И 26 января Риббентроп снова убеждает:

"Г-н Бек, сказал я, должен понять, что пожелания немецкой стороны чрезвычайно умеренны, поскольку отторжение ценнейших частей германской территории и передача их Польше, осуществленные по Версальскому договору, и по сей день воспринимаются каждым немцем как огромная несправедливость, которая была возможна лишь во времена крайнего бессилия Германии. Если опросить 100 англичан или французов, то 99 из них без всякого согласились бы с тем, что возвращение Данцига, а также, как минимум, коридора является само собой разумеющимся требованием немецкой стороны.

На г. Бека мои доводы произвели впечатление, однако он снова сослался на то, что следует ожидать самого сильного политического сопротивления внутри страны, вследствие чего он не может оптимистически расценивать это дело; все же, сказал Бек, в дальнейшем он намерен серьезно обдумать наше предложение.

Я условился с г. Беком, что, если Лига наций прекратит выполнение своих функций в отношении Данцига прежде, чем между Германией и Польшей будет заключен договор, включающий и Данциг, мы установим с ним контакт, чтобы найти решение, позволяющее выйти из этой ситуации" [76].

143. Не мудрено, что Галифакс и Рачинский спрятали Данциг в секретный протокол — как воспринял бы мир известие, что Польша и Великобритания развязали мировую войну из-за того, что им не принадлежало, — из-за Данцига — из-за того, что фактически присвоила себе Польша, проигнорировав Лигу наций? Пойдем далее-

144. Оставим Великобритании Голландию и Бельгию и рассмотрим попавшую в протокол Литву. Литве, конечно, как я уже писал, любить Германию было не за что, но поляков Литва просто ненавидела. Напомню, что поляки в 1920 г. нагло, вопреки требованию Антанты, отобрали у Литвы ее столицу — Вильнюс (тогда Вильно).

Такой вот маленький штрих к польско-литовским отношениям. Маршал Пилсудский любил свою мать и перед своей смертью завещал перенести ее тело с литовской территории в тогда польский Вильно (сердце Пилсудского похоронено в могиле матери, а тело — в Кракове). Поскольку дипломатических отношений не было, то поляки запросили Литву через своего посла в Риге. Литве в

таком вопросе отказать было невозможно, но поехать за телом должны были племянник Пилсудского и адъютант Пилсудского в чине капитана. Поляки догадались спросить, можно ли этому капитану появиться в Литве в польском мундире, и Каунас запретил, поскольку возможна «порча этого мундира людьми, недоброжелательно относящимися к Польше» [77]. Шляхтичи в этом смысле были уникалы — не было ни одного соседа, относящегося к ним хотя бы равнодушно.

145. И вот теперь Польша согласно статье 2 соглашения с Великобританией тайно взялась защищать независимость Литвы без ее согласия на это, да еще и не ту независимости, которую хочет Литва, а ту, которую хочет Польша. Еще раз сравните эту наглость с протоколом о разделе сферы интересов между Германией и СССР, который и близко не посягал на независимость ни одной страны.

Ведь по пакту «Галифакс-Рачинский» Польша могла спокойно наблюдать, как Германия захватывает Литву, чтобы выйти к границам СССР, поскольку могла считать, что это не угрожает ее, Польши, безопасности. Но затем, когда Германия обессилит в войне с СССР, потребовать у Германии Литву себе, угрожая войной с собой и Англией. Потребовать, и этим «восстановить независимость» Литвы таким образом, чтобы это не угрожало Польше. Как иначе истолкуешь §2 статьи 2 пакта «Галифакс-Рачинский»?

146. Что касается желания Великобритании якобы вскоре заключить военный союз с Латвией и Эстонией, отмеченное в секретном протоколе к пакту «Галифакс-Рачинский», то это неприкрытая провокация с целью дать Германии повод оккупировать или подчинить себе эти государства. Ведь за четыре месяца до этого, 17 апреля 1939 г., СССР официально предложил Великобритании создать военный союз, по которому:

"I. Англия, Франция, СССР заключают между собой соглашение сроком на 5-10 лет о взаимном обязательстве оказывать друг другу немедленно всяческую помощь, включая военную, в случае агрессии в Европе против любого из договаривающихся государств.

2. Англия, Франция, СССР обязуются оказывать всяческую, в том числе и военную помощь восточноевропейским государствам, расположенным между Балтийским и Черным морями и граничащим с СССР, в случае агрессии против этих государств" [78].

И именно Великобритания отказалась от этого союза. По предложению СССР Латвии и Эстонии действительно можно было помочь, поскольку в союзе с Англией и Францией это делал бы СССР. Но как без Советского Союза Галифакс собирался оказывать военную помощь прибалтам?

147. И уж крайнюю подлость поляки совершили по отношению к румынам. Они ведь были военными союзниками Польши, пусть и против СССР, но союзниками. Но дело в том, что границы с Румынией немцы не имели и им, чтобы захватить или подчинить себе Румынию как плацдарм для нападения на СССР, нужно было действовать совместно со своей союзницей по Антикоминтерновскому пакту (с которой немцы уже поделили Чехословакию) Венгрией. И заявляя, что «взаимные обязательства по румыно-польскому союзу» Польша похерит во имя «традиционной дружбы с Венгрией», Польша согласовала с Великобританией, что она и пальцем не пошевелит, когда немцы будут насиловать Румынию.

148. Итак. Первоначально Германия планировала атаковать Польшу 26 августа 1939 г. На ее территорию немецкая разведка забросила диверсионные группы для захвата мостов, туннелей, перевалов. Приказ о переносе сроков не до всех дошел, группа обер-лейтенанта Герцнера утром 26 августа захватила перевал Яблунковский и несколько часов с боями удерживала его [79]. Война Германии с Польшей уже шла. В такой ответственный момент Польше и Англии надо было бы обговаривать, сколько Польше нужно держаться без помощи, когда Англия начнет бомбить Германию, когда мобилизуется и т.д. и т.п.

А эти графские польско-британские придурки (виконт — младший сын графа, которому титул не передается), подписывая пакт «Галифакс-Рачинский», размечтались о том, как они стравят Германию с СССР и на этом поживятся.

Из склепа маршала Пилсудского в Кракове несся истошный вопль: «Идиоты!!!»

Глава 4 Война по-польски: защита Польши

Численность польской армии

149. Прежде чем рассмотреть особенности германо-польской войны начала сентября 1939 г.,

войны, которую в Европе считают началом Второй мировой войны, оценим мощь вооруженных сил Польши. Как вы уже увидели по пакту «Галифакс-Рачинский» и увидите ниже, Польша сама воевать не собиралась. Но в своем раже ухватить куски от умирающих соседних стран, тем не менее, мобилизацию армии начала еще весной, как сообщил Литвинову посол Польши в Москве Гжибовский 4 апреля 1939 г.

Разгромленные политики и генералы тщательно преуменьшают свои силы и возможности, что понятно. плюс к этому Польша долго была союзником СССР, поэтому все советские историки со слов поляков утверждают, что Польша не успела отмобилизовать свою армию к 1 сентября 1939 г.

150. В этом плане меня удивляет даже рекомендованный читателю труд Михаила Мельтюхова. Чтобы написать 450 страниц, Мельтюхов почти 900 раз опирался на архивные и документальные источники. Это очень хорошо! Но плохо то, что Мельтюхов им полностью доверяет и не сравнивает между собой. В одном месте он пишет, что в 1932 г. Польша готова была выставить против СССР 60 дивизий [1], это при том, что в 1932 г. у нее были еще очень плохие отношения с Германией, а у СССР хорошие, т.е. Польше надо было бы к этим 60 иметь еще дивизий 30 на западных границах. А затем Мельтюхов из польских источников сообщает, что на 1 сентября 1939 г. у Польши было всего 29 дивизий [2]. А почему так мало, куда они с 1932 г. подевались?

151. Пользуясь польскими данными, историки дружно утверждают, что Польша вообще начала мобилизацию только за два дня до начала войны — 30 августа. Но за мобилизацией во всех странах пристально следил немецкий генштаб, тем более что это такое мероприятие, которое не сильно и укроешь. А начальник генштаба сухопутных войск Германии Гальдер 15 августа сделал в своем дневнике запись: «Последние данные о Польше: Мобилизация в Польше будет закончена 27.08. Следовательно, мы отстанем от поляков с окончанием мобилизации. Чтобы закончить мобилизацию к тому же сроку, мы должны начать ее 21.08. Тогда 27.08 наши дивизии 3-й и 4-й линий также будут готовы» [3].

Поскольку немцы начали мобилизацию только 26 августа и закончили ее уже с началом войны, то, как видите, поляки в осуществлении мобилизационных мероприятий и в развертывании армии сильно опередили немцев.

152. Что касается численности польской армии, которую нам желательно определить хотя бы ориентировочно, то она по указанным выше причинам также занижается до 1 или 1,2 млн. человек. Если взять за основу эти числа, то тогда будет непонятно, откуда взялся тот миллион польских пленных, который работал только в сельском хозяйстве Германии? [4] А откуда взялось 450 тыс. польских пленных у Красной армии? [5] А откуда взялись те, кто драпанул во все сопредельные с Польшей страны, кто, сняв форму, разбежался по домам?

153. С другой стороны, в число, более-менее похожее на реальное, тоже не верится. Любое государство без проблем может направить в армию 10% от численности своего населения. Для Польши это была бы армия в 3,5 млн. Но ведь проблема не в том, чтобы призвать в армию 10% населения, их ведь надо вооружить, одеть, кормить, обучать, снабжать боеприпасами, оружием и техникой. Богатый СССР со своими высокоразвитыми промышленностью и сельским хозяйством мог себе позволить при довоенной численности населения в 190 млн. человек надеть шинели на 34 млн. граждан [6]. Да и это не рекорд. В Первую мировую войну богатые Франция и Германия мобилизовали более 20 % своего населения. Но как голозадая Польша могла иметь такую армию? Тем не менее, посол СССР в Варшаве Н. Шаронов в день начала войны 1 сентября 1939 г. сообщила Москву: «Немецкие войска, там, где они вошли на несколько километров, остановлены, сообщил Арцишевский, и имеется равновесие сил. Говорит, что польская армия уже имеет 3,5 миллиона, что нападения они не ожидали, но в Берлин делегатов посылать не собираются. Намекал, что это похоже на крупную демонстрацию, а не настоящую войну. Сказал, что армии у них достаточно, но что сырье и вооружение они от нас хотели бы иметь, но потом, кто знает, может быть, и Красную армию (в ответ на мое замечание, что для них плохо, что Англия и Франция не заключили договора с нами)» [7].

Кстати, Советский Союз немедленно (3 сентября) продал Польше хлопок [8] — сырье для производства пороха и взрывчатки. Но дело не в этом. Арцишевский — это заместитель министра иностранных дел Польши и будущий премьер правительства Польши в эмиграции. Так что численность польской армии к началу войны в 3,5 млн. человек получается официальной. Как хотите, но я в нее поверить не могу, и дальше буду считать, что польская армия состояла примерно из 2 млн. человек. Ну и, прочтя эту телеграмму Шаронова, взгляните еще раз на этих жалких шляхетных кретинов: немцы уже выбили польские войска из предполья и загнали на заранее подготовленные поляками позиции вдоль границы, а в Варшаве войну все еще считали «демонстрацией».

154. Немцам предстояла война на два фронта: на востоке с Польшей и на западе с Францией и Англией. Хотя

они начали 26 августа мобилизацию, но из-за этой раздвоенности не могли выделить для Польши более 1,5 млн. войск [9]. И, как я уже писал выше, немцы войны боялись. Гитлер все надежды на победу связывал с немецким солдатом и с искусством немецких генералов и офицеров. 22 августа он внушал немецкому военному руководству:

«Проведение операции — твердое и решительное! Не поддаваться никакому чувству жалости! Быстрота. Вера в немецкого солдата, который преодолет любые трудности. Главная задача — глубокий прорыв на юго-востоке до Вислы и на севере до Нарева и Вислы. Быстро использовать вновь складывающуюся обстановку» [10].

Вот эти два удара, которые должны были сойтись у Варшавы, привели бы к окружению и разгрому тех соединений польской армии, которые были расположены к западу от Вислы, а это была основная часть польской армии. После таких потерь польское правительство должно было запросить мира и война в Польше была бы окончена.

За две недели до начала боев Гальдер записал в дневник оптимистическую оценку Гитлером времени, необходимого для победы над Польшей: «Необходимо, чтобы мы в Польше достигли успехов в ближайшее время. Через 8-14 дней всему миру должно быть ясно, что Польша находится под угрозой катастрофы. Сами операции естественно, могут продлиться дольше» (6-8 недель)" [11]. Никаких «6-8 недель» ждать не пришлось, уже 10 сентября Гальдер ломал голову над дневником в поисках эпитета, который бы точно охарактеризовал масштабы немецких побед. И, наконец, записал, выделив шрифтом: «Успехи войск баснословны» [11]. Немцы не разгромили польскую армию, они польскую армию просто разогнали. Не полотенцами, правда, но разогнали.

Нельзя поляков судить по себе

155. В связи с этим нелишне будет понять, почему Сталин и Гитлер так капитально ошиблись в своей оценке «гнуснейших из гнусных». Ведь из текста протокола к договору между СССР и Германией о ненападении и из последующих действий сторон видно, что и Гитлер, и Сталин до последних минут полагали, что им закреплять итоги войны придется с правительством Польши, которому будут подчиняться остатки польской армии, т. е. с маршалом Рыдз-Смиглы, с министром иностранных дел Польши Бекком. Я уже писал, что когда 7 сентября поляки предложили немцам начать переговоры, то немцы в качестве условий мира выдвинули требование создать самостоятельную Западную Украину. И 9 сентября Гальдер у главнокомандующего снова этот вопрос поднимает [13], и 10 сентября вопрос о «независимом украинском государстве» [14] в повестке дня. Но ведь не со Сталиным же немцы собирались решать вопрос о независимой Западной Украине, территориально располагавшейся в сфере интересов СССР! А для того, чтобы заставить правительство Польши предоставить независимость украинцам на захваченных поляками украинских землях, немцам, как минимум, нужно было само это правительство Польши.

156. И Сталин, огораживая границей сферы интересов СССР треугольник Нарев-Висла-Сан, тоже ведь полагал, что в этом треугольнике укроется польское правительство с остатками польской армии и отсюда будет вести переговоры. Для других целей этот участок сферы интересов Советскому Союзу был не нужен, и Сталин немедленно от него отказался, как только стало ясно, что у Польши, по старинной польской традиции, нет ни армии, ни правительства.

157. Надо думать, что Гитлера и Сталина ввели в заблуждение польское государство и польская армия при Пилсудском. Успехи поляков в войне 1920 г. внесли капитальную ошибку в оценку шляхты. Слова же маршала Пилсудского о том, что он заставил поляков победить («Я победил вопреки полякам... Победы одерживались с помощью моего кнута»), и его характеристику полякам как идиотам Сталин и Гитлер, видимо, считали простым хвастовством и последствиями старческого маразма.

Между тем, свою книгу «1920 год» Пилсудский написал еще в 1924 г., когда не был ни стариком, ни диктатором Польши, и события войны 1920 г. еще у всех были свежи в памяти. А ведь в ней он характеризовал польскую элиту как ((мудрствующее бессилие и умничающую трусость" [15]. Когда он метался со своего Южного фронта, где пытался остановить Буденного, на Северный фронт, где пытался остановить удирающие толпы польской армии, эта элита за его спиной послала к советскому правительству делегацию, как он пишет, «с мольбой о мире» [16]. Он и тех, кто был правителями Польши в 1939 и в последующих годах, уже в 1924 г. описывает как откровенных трусов. Пилсудский пишет, что затратил огромные силы, планируя операцию в расчете на заверения генерала Сикорского, что тот удержит Брест 10 дней, но Сикорский удрал из Бреста уже на следующий день после того, как дал обещание [17]. Маршалу в 1939 г., а тогда еще генералу Рыдз-Смиглы Пилсудский дал приказ

нанести «удар по главным силам Буденного около Житомира». Однако трусливый Рыдз-Смиглы «отвел свои войска в северо-западном направлении... как бы старательно избегая возможности столкновения с конницей Буденного» [18].

158. Сталину и Гитлеру для оценки предстоящего поведения Польши надо было брать иные исторические аналогии. Сталину надо было вспомнить Польшу Станислава Лещинского, когда основной боевой тактикой польской армии было бряцание оружием и обещание разорвать противника в клочья с последующим драпом с поля боя после первого же выстрела этого противника. А Гитлеру надо было вспомнить, что эту излюбленную тактику поляки применяли и против Фридриха Вильгельма — отца любимого Гитлером короля Фридриха II. Герцог бранденбургский Фридрих Вильгельм, совместно со шведским королем Карлом X, пришел под Варшаву в июле 1656 г., чтобы отстаивать свое суверенное право на Восточную Пруссию. Их встретила вчетверо превосходящая по силам польско-литовская армия Яна Казимира. Шведы и бранденбургцы разогнали поляков, лишив их артиллерии. По этому поводу польский писатель Генрик Сенкевич в романе «Потоп» пишет: «На Варшавском мосту, который рухнул, были утрачены только пушки, но дух армии был переправлен через Вислу». Само собой. Как же это можно — польская армия, да без духа? Наверное, когда 30 июля бранденбургцы со шведами входили в Варшаву [19], они от этого духа сильно морщились.

При этом Лещинский, заваривший всю эту кашу в XVIII веке, когда дошло дело до личного участия в бою, бросил Польшу, бросил свою шляхту, бросил 2000 присланного Францией войска и удрал за границу. Ян Казимир, который вызвал войну со Швецией и Бранденбургом в XVII веке тем, что потребовал себе шведскую корону, когда дошло дело до личного участия в отстаивании этих претензий, бросил Польшу на разграбление шведам и удрал за границу [20]. Какие были основания считать, что польская элита образца 1939 г. поступит как-то по иному?

159. Сталин и Гитлер ошиблись, равняя поляков по себе. Каким бы ни был Гитлер, но у него и мысли не было бросить немцев и удрать из Берлина в апреле 1945 г. А когда немцы в октябре 1941 г. вплотную подошли к Москве, то в запасную столицу Куйбышев были эвакуированы посольства, министерства, институты, но Сталин и не подумал уезжать из Москвы. Командование оборонявшего Москву Западного фронта тогда запросило у Сталина разрешение отвести штаб фронта на восток за Москву, в Арзамас, а командный пункт фронта отвести в саму Москву — в здание Белорусского вокзала. По свидетельству маршала Голованова, Сталин предупредил командование Западного фронта, что если оно вздумает еще отступать, то Сталин его расстреляет и в командование фронтом вступит сам. Немцы уже бомбили Кремль, в охранявшем его полку были убитые и раненные, но Сталин Кремль не покидал. Поэт Феликс Чуев оставил стихи на эту тему.

Уже послы живут в тылу глубококом,
Уже в Москве наркомов не видать,
И панцирные армии фон Бока
На Химки продолжают наступать.
Решают в штабе Западного фронта -
Поставить штаб восточное Москвы,
И солнце раной русского народа
Горит среди осенней синевы...
Уже в Москве ответственные лица
Не понимают только одного:
Когда же Сам уедет из столицы -
Но как спросить об этом Самого?
Да, как спросить? Вопрос предельно важен,
Такой, что не отложишь на потом:
— Когда отправить полк охраны Вашей
На Куйбышев? Состав уже готов.
Дрожали стекла в грохоте воздушном,
Сверкало в Александровском саду...
Сказал спокойно: — Если будет нужно,
Я этот полк в атаку поведу.

Конечно, здесь возможны поэтические гиперболы, но суть сохранена — то, что немцы Москву взять не сумели, во многом определялось тем, что Сталин готов был умереть, но Москву не сдать.

И есть ли в поведении Сталина что-то удивительное для русских или для немцев? Перед Полтавской битвой Петр I все еще опасался шведов Карла XII и стянул к Полтаве столько войск, что в конце концов выиграл битву только третью их. Тем не менее за русской пехотой он поставил кавалерию и приказал ей рубить всех, кто под натиском шведов побежит с поля боя, а если он сам окажется столь малодушным, что побежит, то рубить и его. «Жизнь Петру не дорога — сказал тогда русский царь, — была бы жива Россия!» В Полтавской битве шведы прострелили Петру I шляпу на голове. А несколько десятилетий спустя точно такое же мужество продемонстрировал в бесчисленных сражениях и прусский король Фридрих II.

160. Конечно, стратегическое значение Москвы для СССР было выше, чем Варшавы для Польши, но ведь есть вещи, равноценные стратегии. Столица — это символ государства, это центр управления, из которого государство управляется, что обеспечивает его единство: столетиями к столице подводятся все виды дорог, она наиболее полно обеспечена всеми видами связи. Но при всем при этом столица остается столицей только до тех пор, пока в ней находится правительство. К описываемому моменту ни Москва, ни Берлин уже несколько столетий не были крепостями. А Варшава была укреплена к Первой мировой войне 1914-1918 г.г. и была русской крепостью, построенной против немцев. Ко Второй мировой значение крепостей было в принципе сведено на нет, но как вы выше видели, даже Манштейн считал их опорными пунктами, которые не просто взять и которые нельзя недооценивать. Поэтому в Польше для польского правительства не было более удобного места на время войны, чем Варшава. Если бы у Польши было правительство, а не подонки у власти.

161. А польские подонки у власти как только поняли, что немцы ничего им не демонстрируют, а по-настоящему наступают, немедленно бросили свой народ, бросили свои обязанности и удрали из Варшавы. Причем, они просто удрали, а не переехали в более удобное место. В СССР во время войны правительство тоже переезжало в Куйбышев частью своего состава, однако там заранее была оборудована запасная столица, т.е. подведена связь не только со Сталиным, остающимся в Кремле, но и со всей страной. Но, повторю, в случае с «гнуснейшими из гнусных» ни о каком переезде в более удобное место речи не шло. Они, напакотив своему народу и всему миру, просто удирали за границу, в этом конкретном случае — в Румынию.

Но ведь государство — это народ и органы власти, возглавляемые правительством. Задача государства, она же задача правительства — организовать население с помощью органов власти на защиту своего народа. Без правительства некому организовывать население, и оно остается беззащитным. Скажем, в районе появилась банда сильнее, чем местная полиция или силы самообороны. Если есть государство, то проблем нет — правительство немедленно даст команды, стянет в район войска или полицию из других районов и уничтожит банду, восстановив защиту своего народа. А если правительства нет или оно неизвестно где и команд дать не может, то как справится с такой бандой? Без правительства народ остается без своего государства — без своей защиты. И польское государство окончилось не тогда, когда «гнуснейшие из гнусных» перебежали мост на румынской границе в Залещиках, а тогда, когда они бросили Варшаву.

Предательство «гнуснейшими из гнусных» армии и народа

162. «Эксперты» бригады Геббельса мудро изрекли: «С юридической точки зрения даже полная оккупация страны не перечеркивает существование государства как субъекта международного права». Я не знаю, сколько «эксперты» ковырялись в носу, прежде чем написать эту глупость, но, видимо, долго, поскольку в обоснование своей мысли они не сослались ни на один юридический документ. Да и не мудрено — где и в каком документе сказано, что правительство страны имеет право бросить свой народ во время войны и удрать за границу? Думаю, что только в одном документе — в секретном протоколе к Конституции Польской Республики.

С юридической точки зрения субъектом права является тот, кто имеет права и несет ответственность. Какие права имел польский народ под оккупацией немцев и с правительством, арестованным в Румынии? Во время оккупации немцами Судет в Чехословакии ее президент Бенеш покинул страну и переехал в Лондон. Впоследствии он (законно избранный чехами и словаками) возглавил правительство Чехословакии в изгнании. А золотой запас Чехословакии в 6 млн. фунтов стерлингов для надежности как раз и хранился в Лондоне. Тем не менее, когда Гитлер оккупировал всю Чехию и потребовал это золото, то Чемберлен в начале апреля 1939 г. отдал его Гитлеру [21], а не Бенешу, и был прав: защиту чехов теперь организовывал Гитлер, следовательно, он имел право и на золото чехов.

На территории Польши по сионистским легендам было уничтожено 6 млн. евреев, но дань за этих якобы убитых евреев Израиль собирает с Германии. Но если оккупированная Польша оставалась

«субъектом международного права», т.е. несла перед другими народами ответственность за то, что творилось на ее территории, то тогда поляки обязаны отвечать за убийство евреев и платить за это Израилю. Бригада Геббельса в попытках обгадить СССР пишет слова, не соображая, к чему они ведут. Но одновременно помалкивает об очевидном — о том, к чему привело то, что правительство Польши сбежало из Польши.

163. Во-первых. Сбежав из Польши, оно бросило народ Польши без защиты и, следовательно, кто-то должен был эту защиту организовать. Правительство Франции, к примеру, имея возможность сбежать в собственные колонии и имея мощный неповрежденный военный флот для этого, тем не менее, из потерпевшей поражение Франции не сбежало: оно подписало капитуляцию, оговорив защищенность французов и в зоне, оккупированной немцами.

164. Во-вторых. А что должна была делать обезглавленная польская армия? Сдаваться? Сражаться? Разбегаться? Польские правительственные негодяи свою шкуру спасли, а польских солдат они на кого бросили? Если бы у Польши было правительство, то оно, даже в случае военного поражения, оговорило бы с победителем обмен пленными и сроки содержания в плену своих пленных. Тех же военнотружущих, которые оказались арестованными (интернированными) в нейтральных странах, оно бы вернуло на родину. А после того, как эти польские мерзавцы сбежали из Польши, что должны были делать Германия с пленными поляками, а Литва, СССР, Венгрия и Румыния — с интернированными? До каких пор содержать их в лагерях военнопленных и интернированных — пожизненно?

Последнее предательство шляхтой Франции и Англии

165. В-третьих. Англия и Франция (особенно Франция) терпели как могли все выбрыки польской шляхты — и отказ заключить союз с Чехословакией, и нападение на нее, и отказ от союза с Румынией против Германии, и отказ от союза с СССР. Кто бы осудил Францию, если бы она за все эти предательства послала поляков подальше и не стала объявлять войну Германии? Но Франция 3 сентября войну немцам объявила. А польские негодяи, втянув Францию в войну, сами тут же сбежали!!!

166. Следует немного остановиться на Франции. Дело в том, что в российскую историю перенесены все клише советской пропаганды в отношении Франции. Польша была в Варшавском договоре, и в советской истории поляки были хорошими ребятами с поправками на буржуазный строй довоенной Польши. А Франция или была членом НАТО или сотрудничала с НАТО, т.е. всегда была «потенциальным противником». Поэтому в советской истории французы это негодяи, предающие Польшу, — только так и не иначе. Смешно, но даже когда все факты свидетельствуют об обратном, советские историки упорно гнут свое. Вот, скажем, комментарий советских историков к дневникам начальника штаба сухопутных войск Германии Ф.Гальдера. К записям в дневнике за 26 августа следует комментарий: «Франция и Англия, гарантировавшие незадолго до начала войны немедленную военную помощь Польше в случае нападения на нее фашистской Германии, безучастно наблюдали потом, как гибла польская армия под ударами вермахта. В начале сентября польское правительство через своих послов в Париже и Лондоне тщетно взывало о помощи»[22]. К записям за 5 сентября 1939 г. тема предательства Франции вновь поднимается: «Командование союзников умышленно распространяло ложную информацию о положении на фронте, чтобы ввести в заблуждение мировую общественность, будто французские войска наступают и оказывают реальную военную помощь Польше. Западная печать подняла большую шумиху, когда французские части продвинулись 9-12 сентября в предполье Западного вала на участке Шпихерн-Хорнбах шириной около 25 км и на глубину до 7-8 км, не встречая сопротивления немцев, которым было приказано уклоняться от боя... Это было еще одно доказательство того, что союзники не думали всерьез помогать Польше» [23]. Но ведь для Франции спасение Польши было спасением самой себя, как же можно писать, что она «не думала всерьез помогать Польше» [24]. Тем более что в комментариях к 14 августа редактор раскрыл технологию (этапность) этой помощи: «В марте 1939 года, вскоре после захвата Гитлером Чехословакии, западные державы начали с Польшей переговоры, которые завершились подписанием 19 мая 1939 года франко-польского секретного военного протокола (4 сентября дополнен политическим соглашением) и 25 августа — англо-польского договора о военных гарантиях. Франция обязывалась в случае германской агрессии против Польши немедленно подвергнуть бомбардировке с воздуха военные объекты Германии и провести ряд наступательных операций с ограниченными целями против немецкого Западного фронта. После 15-го дня мобилизации, когда большая часть германской армии должна была втянуться в боевые действия в Польше, французы должны были организовать широкое наступление основными силами» [24].

Англия и Франция объявили мобилизацию 1 сентября, а 3-го вступили в войну. 5 сентября

Франция, исполняя договоренность с Польшей, провела частную наступательную операцию. Но полякам нужно было продержаться всего 15 дней до момента, пока французы начнут наступление вглубь Германии! Не смогли удержать поляки западных границ — черт с ними! Отходите на рубежи Нарев-Висла-Сан и закрепляйтесь там! Армию отмобилизовали, все было — воюйте! Но это же шляхта...

167. В первый день войны из Варшавы скрылся президент Польши Мосцицкий. 4 сентября начало паковать чемоданы, а 5-го удрало и все правительство [25]. Но этому предшествовала директива, которую дал польской армии сменивший на посту диктатора Польни Пилсудского маршал Рыдз-Смиглы, главнокомандующий польской армией. 3 сентября (на третий день войны, напомним) он приказал Главному штабу: «В связи со сложившейся обстановкой и комплексом проблем, которые поставил ход событий в порядок дня, следует ориентировать ось отхода наших вооруженных сил не просто на восток, в сторону России, связанной пактом с немцами, а на юго-восток, в сторону союзной Румынии и благоприятно относящейся к Польше Венгрии...» [26].

Этот приказ поразителен даже не тем, что всего на третий день войны речь пошла не об уничтожении прорвавшихся немецких колон и даже не об отводе войск на рубеж Нарев-Висла-Сан, а просто о бегстве. Дело в том, что закуток польской территории у «союзной Румынии» (она им была союзная против СССР, а не против Германии!) был шириной едва ли 120 км и не имел ни естественных, ни искусственных рубежей обороны. Речь заведомо шла не о том, чтобы сохранить там остатки государственности, а о том, чтобы удрать. И с военной точки зрения этот приказ поражает. Для того, чтобы с западных границ отвести польские дивизии на юго-восток, им нужно было двигаться вдоль фронта наступающих немецких 10-й и 14-й армий, которые наступали на северо-восток — к Варшаве. А польским дивизиям у Восточной Пруссии надо было отступать на юг — навстречу наступающим немцам. Немцы с первого дня войны посылали авиаразведку в тревоге, не ведутся ли окопные работы на рубеже Нарев-Висла-Сан [27], но, как видите, тревоги их оказались напрасными: поляки сходу начали драп в Румынию. А 11 сентября уже и до немецкого генштаба дошла от румын информация: «Начался переход польских кадровых солдат в Румынию» [28]. И остается вопрос, зачем Рыдз-Смиглы отдал этот идиотский, невыполнимый приказ? Ответ один: ему и правительству нужен был повод к бегству. Если бы войска отходили на рубеж Нарев-Висла-Сан и закреплялись там, а «гнуснейшие из гнусных» удрали бы в Румынию, то как бы это выглядело? А так польская шляхта могла смело драпать за границу под предлогом того, что к Румынии, дескать, вся армия отступает.

168. Приказ Рыдз-Смиглы ушел в войска 5 сентября [29], и французские представители при командовании польской армии могли узнать о нем не сразу. Но 6 сентября угаить замыслы шляхты уже было нельзя. Бригада Геббельса в «Катынском синдроме» пытается этот вопрос извратить так: «Французский посол в Польше Л. Ноэль уже 6 сентября предложил перевести польское правительство во Францию, а 11-го он обсуждал этот вопрос с Беком, одновременно начав переговоры с Румынией, но не о пропуске польского правительства, а об его интернировании. У Ноэля на примете был другой, свой кандидат в премьеры — генерал В. Сикорский» [30].

Как вам это нравится? Франция начала войну и уже проводит частную наступательную операцию на западном фронте Германии, а посол Франции в это время пытается обезглавить союзника Франции и тем вызвать его поражение? А не боялся ли Ноэль, что его за это немедленно отзовут из Польши и сунут его голову под нож гильотины? На самом деле, разумеется, это поляки начали просить французского посла выволить их из Румынии, когда они туда сбегут, поскольку, для того, чтобы сбежать в Румынию, полякам никакой помощи не требовалось (бегают они быстро), но Румыния была нейтральной, следовательно, обязана была интернировать (арестовать) всех поляков до окончания войны. А окончание войны — это соглашение между главами воюющих государств, но поскольку сбежавшее из Польши польское правительство под арестом в Румынии такое соглашение технически не могло заключить, то ему предстояло сидеть под арестом в Румынии всю оставшуюся жизнь. Вот наглая шляхта и начала хлопотать, чтобы Франция их из Румынии вытащила. Понятное дело, что ни румынам, ни венграм это польское добро и даром не требовалось — ведь его нужно было кормить и содержать неизвестно какое время и без каких-либо надежд на компенсацию этих затрат. Поэтому и румыны, и венгры закрыли бы глаза на то, что интернированные поляки разбегаются в другие страны (что они и сделали), но это можно было допустить только тайно. А как тайно отпустить уже интернированных министров Польши? Или генералов, о которых стало известно, что они интернированы? Это уже был бы враждебный акт против Германии. Вот польские негодяи и хотели, чтобы Франция заставила румын поспориться с немцами, отпустив Рыдз-Смиглы, Бека и других министров во Францию.

169. Итак, 5 сентября французы атаковали немцев, а 6-го узнали от Ноэля, что трусливая польская

правительственная сволочь предала Францию окончательно и уже драпает в Румынию. Что было делать? Вторгнуться, как планировалось, 15 сентября в Германию? Но ведь союзницы Польши уже нет, есть только трусливое быдло, разбегающееся кто куда. (Немцы уже 10 сентября начали переброску войск из Польши на запад) [31]. Оставалось одно — собирать силы, ждать войска из Англии, из колоний, а до тех пор сидеть за линией своих укреплений.

И 8 сентября Высший военный совет в Париже принял решение активные действия против Германии прекратить. То же самое решили и главы Великобритании и Франции 12 сентября. И кто их осудит за это? Не они предали Польшу, а трусливая польская шляхта предала их.

170. Бригада Геббельса с целью оправдания этой трусости нагородила наукообразных слов в уверенности, что никто не будет вникать в то, что они написали: «При обсуждении проблемы перехода границы польское правительство руководствовалось бельгийским прецедентом периода Первой мировой войны. Это позволило бы, во-первых, соблюсти конституционную преемственность польской государственности и, во-вторых, продолжить при поддержке союзных держав сопротивление за рубежами страны, то есть не капитулировать, что могло бы послужить основой прекращения действия международных соглашений» [32] — пишется в «Катынском синдроме».

171. Во-первых. В Первую мировую войну бельгийская армия и правительство не сбежали в нейтральную Голландию, до которой было рукой подать, а почти два месяца отчаянно защищались, отойдя сначала во Фландрию, а затем правительство и армия Бельгии отступили вместе с Французской армией на соседнюю территорию союзной Франции и продолжили вместе с ней драться до победы в 1918 г. Не надо оскорблять бельгийцев сравнением с поляками.

172. Во-вторых. Что означают эти «умные» слова «конституционная преемственность польской государственности»? Что, и в новом польском государстве к Конституции должен быть секретный протокол, согласно которому польское правительство имеет право разжечь войну, бросить свой народ на произвол врага и удирать за границу? Что, и в новом польском государстве у власти должно быть только трусливое и тупое шляхетское быдло?

173. И, наконец. Это какие такие «международные соглашения» могли существовать между сидящим в заключении в Румынии польским правительством и остальными государствами?

Если бы правительство Польши осталось в Варшаве и даже капитулировало, отдав немцам часть территории и разорвав договора с Англией и Францией, то оно, во-первых, могло бы выговорить и вернуть в Польшу всех пленных и интернированных, во-вторых, могло бы послать их для войны и в Англию, и во Францию. Скажем, Франция капитулировала, но ведь французы сражались вместе с британцами в рядах «Свободной Франции» Де Голля. Нет, ничего более гнусного чем бегство во время войны от своего сражающегося народа придумать нельзя, и оправдывать это могут только подонки и польская шляхта.

Гнуснейший главнокомандующий

174. 4 сентября советник японского посольства в Варшаве попросил разрешения в посольстве СССР отправить из Варшавы в Японию через Советский Союз 9 женщин и 10 детей. Своих женщин и детей советское посольство отправило на родину 5 сентября [33]. Этот факт должен вселять гордость в сердца поляков, поскольку главнокомандующий польской армии маршал Польши Эдвард Рыдз-Смиглы бросил свой пост на командном пункте и сбежал из Варшавы только в ночь на 7 сентября [34], т.е. чуть ли не на два дня позже, чем посольские дети. Удрал под толстые перекрытия казематов Брестской крепости.

175. Поляки явили миру новый способ управления войсками, и дорого я дал бы, если бы лицензию на него купило НАТО. Во всех странах командующий находится как можно ближе к войскам, чтобы как можно быстрее получать сведения о боевой ситуации и как можно быстрее вмешиваться в нее своими командами, а штабы находятся в тылу. У поляков не так. В Варшаве остался начальник Главного штаба генерал Стахевич, а главнокомандующий Рыдз-Смиглы сидел от него в тылу в 180 км. По приезду в Брест Рыдз-Смиглы выяснил, что крепость не имеет связи. Ни с кем. Начали тянуть линии и через 12 часов установили связь с одной армией. Но поляки не тратили времени даром, готовясь к войне, поэтому у Рыдз-Смиглы была и радиостанция, которая прибыла в Брест на 4-х грузовиках. Правда, когда Рыдз-Смиглы драпал из Варшавы, то успел захватить с собой только самое ценное и нужное. Шифры и коды для переговоров с войсками в этот список не попали, поэтому их отправили из Варшавы в Брест поездом. А когда они приехали в Брест, то немцы отбомбились и радиостанция вышла из строя.

Однако находчивые поляки нашли выход, и Рыдз-Смиглы войсками управлял так.

Генерал Стахевич получал от войск донесения и с помощью мотоциклиста по забитым беженцами дорогам отправлял их в Брест. Здесь Рыдз-Смиглы принимал решения, эти решения отправлялись в штаб Бугской военной флотилии, в котором была радиостанция, с ее помощью донесения передавались в штаб Военно-морского флота в Варшаве, оттуда Стахевичу, а Стахевич передавал их войскам [35]. которым они уже были нужны как зайцу стоп-сигнал.

176. Рыдз-Смиглы был настоящий польский полководец, т.е. твердо знал, что польская армия существует для того, чтобы спасти его, Рыдз-Смиглы, шкуру. Истребительная авиабригада, защищающая небо над Варшавой, и артиллерия ПВО так или иначе боролись с немецкими налетами. К примеру, польские летчики сбили над Варшавой 3 сентября 3 немецких самолета, 5 сентября — 9 и 6-го — 15. Однако с бегством Рыдз-Смиглы и эта авиабригада, и часть артиллерии были сняты и переведены в Брест. Теперь немцы могли бомбить Варшаву без проблем, что они и делали. Всего в Варшаве погибло, в основном от немецких бомбежек, 20 тысяч варшавян, но сравнивать это число со шкурой Рыдз-Смиглы может только русский, поскольку любому шляхтичу ясно, что шкура Рыдз-Смиглы дороже.

177. Но и эта брестская идиллия длилась недолго, уже 10 сентября Рыдз-Смиглы смазал пятки салом и рванул в благословенную Румынию через Владимир-Волынский, Млынов и Коломью. Бригада Геббельса пытается нас убедить, что если польские правительственные негодяи удрали в Румынию 17 августа, то значит до 17 августа существовало «польское государство». Простите, но ни Молотов, ни Сталин на мосту через Днестр в Залещиках не обязаны были стоять и засекаать с секундомером, когда именно мимо них просверкают пятки Бека и Рыдз-Смиглы. Польское правительство прекратило управлять страной и удрало из столицы 5 сентября, и именно 5-го кончилось польское государство. Рыдз-Смиглы прекратил командовать армией 7-го, значит, 7-го польская армия превратилась в толпы вооруженных людей.

Меня могут упрекнуть в том, что я применяю к Рыдз-Смиглы понятия «удрал», «драпал», и сказать, что маршал Польши просто «менял дислокацию». Дело в том, что походная скорость пехоты -основы польской армии — около 20 км в сутки, да еще ей надо через 4-5 дней сделать дневку — дать отдохнуть. С 10 по 17 сентября польские пехотные части, даже если они и не вели арьергардных боев, должны были отойти на расстояние около 140 км. А Рыдз-Смиглы за 7 дней преодолел расстояние от Бреста до Коломьи — около 600 км. Как же польская армия могла за ним угнаться? И какой же мразью надо быть, чтобы бросить вверенные тебе войска!

О славянской солидарности

178. Такой вот момент. Послы всех стран, исполняя свой долг, оставались в Варшаве. Но послы — это те, кто связывают свои правительства с польским. С кем им было связываться, если они не знали, где находится удирающее польское правительство? Или послы должны были за ним гнаться? Так ведь не угонишься: удрав из Варшавы 5-го, оно 9-го уже удрало из Люблина, а 13-го из Кременца в Залещики.

Та часть бригады Геббельса, которой руководит Яковлев, как вы прочли в их тексте, из кожи лезет, чтобы создать видимость, что польское правительство как-то функционировало: "77 сентября Шаронов перед отъездом из Польши, сославшись на плохую связь с Москвой, заверил министра Бека, что «вопросы различных поставок актуальны... и выразил свой оптимизм в отношении расширения советских поставок в Польшу». Действительно, из Москвы около 10 сентября от посла В. Гжибовского была получена информация о мобилизации нескольких призывных контингентов в западных областях СССР, указывающая на возможность активного включения Красной Армии в польско-германский конфликт. Однако сам посол признал масштаб этой подготовки недостаточным «для серьезного военного участия».

Вчитайтесь в то, что здесь написано. Посол СССР в Польше из-за плохой связи выехал из Варшавы в Москву. А в Москве в условиях хорошей связи он при ком должен быть послом СССР? При Сталине? И получается, что его на вокзале в Варшаве 11 сентября провожал Бек, который был очень заинтересован в поставках в Польшу. «Действительно» — пишет бригада Геббельса. А что действительно? А действительно, согласно геббельсовцам, то, что в ответ на запрос о поставках от 11 сентября посол Польши в Москве 10 сентября ответил, что в СССР начата мобилизация. Да, работа кипела. Как видите, бригада Геббельса хочет создать иллюзию, что польское правительство не просто

удирало в Румынию задрав фалды и подмывшись скипидаром, а на ходу принимало послов иностранных государств, получало сообщения от своих послов, т.е. существовало как правительство.

179. В этом плане анекдотично вручение Советским Союзом ноты Польше. Как вы прочли, посол Польши в СССР Гжибовский отказался ее принять. А это как понять? Ведь посол это не король Польши. Это всего лишь представитель своего правительства при правительстве иностранного государства. Не его собачье дело делать выводы по переписке правительства. Он обязан принять ноту и передать. Чего это он королем себя возомнил? На этот вопрос ответим чуть ниже, а сейчас образчик современного польского идиотизма. Не принимая ноту, Гжибовский заявил: «...Суверенность государства существует, пока солдаты регулярной армии сражаются... То, что нота говорит о положении меньшинств, является бессмыслицей. Все меньшинства доказывают действием свою полную солидарность с Польшей в борьбе с германщиной. Вы многократно в наших беседах говорили о славянской солидарности. В настоящий момент не только украинцы и белорусы сражаются рядом с нами против немцев, но и чешские и словацкие легионы. Куда же делась ваша славянская солидарность?... Наполеон вошел в Москву, но, пока существовали армии Кутузова, считалось, что Россия также существует» [37].

180. О том, что польские пленные офицеры боялись без большого конвоя проходить мимо «украинских меньшинств», я уже писал. А с какой германщиной сражалась армия польского суверенного государства в тогда польской части Белоруссии, свидетельствует хроника вхождения наших войск в эти районы: «С утра 19 сентября из танковых батальонов 100-й и 2-й стрелковых дивизий и бронероты разведбатальона 2-й дивизии была сформирована моторизованная группа 16-го стрелкового корпуса под командованием комбрига Розанова... В 7 часов 20 сентября ей была поставлена задача наступать на Гродно. Продвигаясь к городу, мотогруппа у Скиделя столкнулась с польским отрядом (около 200 человек), подавлявшим антипольское выступление местного населения. В этом карательном рейде были убиты 17 местных жителей, из них 2 подростка 13 и 16 лет. Развернувшись, мотогруппа атаковала противника в Скиделе с обоих флангов. Надеюсь остановить танки, поляки подожгли мост, но советские танкисты направили машины через огонь и успели проскочить по горящему мосту, рухнувшему после прохода танков, на другой берег реки Скидель. Южнее плавающие танки самостоятельно форсировали реку. Однако окруженный противник отчаянно сопротивлялся в течении полутора часов и бой завершился лишь к 18 часам» [38].

Как видите, нехорошая Красная Армия не давала полякам убивать белорусских детей, а по Гжибовскому это убийство подростков было отпором «германщине» и «солидарностью меньшинств» с Польшей.

181. Но это еще куда ни шло: по крайней мере это могло быть осмысленной брехней посла. Но дальше интереснее — посол Польши заговорил о «славянской солидарности». Сам участвовал в том, чтобы Польша напала на славян-чехов, сам участвовал в том, чтобы Польша ни в коем случае не заключила союза со славянами СССР. Ну кто кроме наглого идиота мог бы после этого вспоминать о славянской солидарности?

Кроме того, ведь мог Гжибовский вспомнить о битве при Грюнвальде, когда поляки и русские вместе сражались с немцами, а он вспоминает о войне 1812 г., когда поляки вместе с французами жгли и грабили Смоленск и Москву. И вот ведь дегенерат — столько лет сидел послом в Москве и не знает, что в 1812 г. она была просто большим городом России, а столицей России был Петербург. Поразительный идиотизм, правда, еще более поразительным образцом идиотизма является комментарий бригады Геббельса к этому посольскому бреду: «Информация посла была точной, юридическая трактовка ноты — безупречной» [39].

182. Но я вспомнил об отказе Гжибовского принять ноту не поэтому. Яковлевская часть бригады Геббельса начало приведенного выше выступления посла мошеннически и подло «подправляет». Как вы могли прочесть, она написала: "Гжибовский категорически отказался принять прочитанную ему Потемкиным ноту, заявив, что «ни один из аргументов, использованных для превращения договоров (польско-советских — Авт.) в клочок бумаги, не выдерживает критики. Глава государства и правительства находятся на территории Польши... солдаты регулярной армии сражаются». Бригада Геббельса выбросила из речи посла, даже не обозначив купюры троеточием, как это требуется для полуподлой фальсификации, два слова, ключевых для понимания обстановки. Вот этот текст (выброшенные слова выделены мною — Ю. М.): «Ни один из аргументов, использованных для оправдания превращения польско-советских договоров в пустые бумажки, не выдерживает критики. По моей информации, глава государства, правительство находятся на польской территории» [40].

То есть, утром 17 сентября посол не имел представления, где же находится польское

правительство, и не имел с ним даже радиосвязи. А, приняв ноту, он обязан был бы ее передать правительству, но передавать-то было некому! И Гжибовский, используя весь свой идиотизм, отчаянно отбивался от исполнения своих обязанностей — от принятия ноты.

183. Академическая часть бригады Геббельса мошеннически усекла и следующее предложение в речи Гжибовского, выбросив из него слова «Суверенность государства существует, пока...» и оставила только «...солдаты регулярной армии сражаются», превратив тем самым пустопорожнюю болтовню посла в утверждение, которого Гжибовский на самом деле не делал, поскольку, как сражается польская армия, уже всем стало понятно.

184. На самом деле все было не так красиво, как вспоминал Гжибовский. Вручавший ему ноту заместитель наркома иностранных дел Потемкин сообщил, как проходило вручение:

"Я возразил Гжибовскому, что он не может отказываться принять вручаемую ему ноту. Этот документ, исходящий от Правительства СССР, содержит заявления чрезвычайной важности, которые посол обязан немедленно довести до сведения своего правительства. Слишком тяжелая ответственность легла бы на посла перед его страной, если бы он уклонился от выполнения этой первейшей своей обязанности. Решается вопрос о судьбе Польши, Посол не имеет права скрыть от своей страны сообщения, содержащиеся в ноте Советского Правительства, обращенной к правительству Польской республики.

Гжибовский явно не находил, что возразить против приводимых доводов. Он попробовал было сослаться на то, что нашу ноту следовало бы вручить польскому правительству через наше полпредство. На это я ответил, что нашего полпредства в Польше уже нет. Весь его персонал, за исключением, быть может, незначительного числа чисто технических сотрудников, уже находится в СССР.

Тогда Гжибовский заявил, что он не имеет регулярной телеграфной связи с Польшей. Два дня тому назад ему было предложено сноситься с правительством через Бухарест. Сейчас посол не уверен, что и этот путь может быть им использован.

Я осведомился у посла, где находится польский министр иностранных дел. Получив ответ, что, по-видимому, в Кременце, я предложил послу, если он пожелает, обеспечить ему немедленную передачу его телеграфных сообщений по нашим линиям до Кременца.

Гжибовский снова затвердил, что не может принять ноту, ибо это было бы несовместимо с достоинством польского правительства" [41].

Как видите, посол Польши не имел ни малейшего представления, где находится правительство Польши, это равноценно тому, что этого правительства просто не было, поскольку оно уже ни кем не управляло. Судя по всему, правительственные негодяи Польши уже два дня как были в Румынии. Попытка посла соврать, что Бек, де, в Кременце, немедленно провалилась после предложения Потемкина связаться с этим городком. И не мудрено, по сообщению Типпельскирха, польское правительство уже 13 сентября было не в Кременце, а в пограничном городке Залещики на румынской границе и 16 -в Румынии [42].

Но как вам нравится это сочетание: «польское правительство» и «достоинство»? Что-то вроде «проститутка-монашка». Впрочем, о штатских поляках достаточно, поговорим о военных.

Поверим алгеброй гармонию

185. Хотя слова и позволяют выразить мысль, но они же ее могут и запутать. Словами можно до бесконечности спорить о том, что больше — первое или второе? И можно доказывать, что первое более значимое, а второе более героическое — первое более цивилизованное, а второе более прогрессивно и т. д. и т. п. Но когда вместо потоков болтовни начинают применять числа, то все становится на свои места, а если вместо «первого» мы назовем число 2, а вместо «второго» — 8, то как тут спорить, что больше? Поэтому в вопросе о том, как поляки воевали с немцами, лучше опираться на числа, а не на байки о героической польской армии.

186. Германия победила Польшу в сентябре 1939 г., а СССР победил Германию со всеми ее многочисленными союзниками в 1941-1945 г.г. Поскольку с 17 сентября 1939 г. на территорию Польши вошла и Красная Армия, то давайте считать, что Германия победила Польшу сама, а Советский Союз сам победил всю Германию, тем более что и так по западным данным в среднем за войну семь из восьми чисто немецких дивизий находились на Восточном фронте [43]. Для Второй мировой войны Германия мобилизовала на 30 апреля 1945 г. 21,1 млн. человек [44], из которых в ходе войны 2 млн. были возвращены с фронтов в экономику Германии. Итого: 19 млн. Демографические потери Красной Армии (грубо говоря, убито немцами и их союзниками) — 8668,4 тыс. человек [45]. Таким образом. Красная Армия израсходовала одного убитого, чтобы обезвредить (убить или принудить сдаться) чуть

более 2-х немецких военнослужащих.

Немецкая армия потеряла в войне с Польшей 16 тыс. человек убитыми. Если верить официальным данным и считать, что поляки отобилизовали 3,5 млн. человек, то тогда немцы, потеряв 1 человека убитым, обезвреживали 218 польских солдат, а если принять мое предположение, что польская армия насчитывала около 2-х миллионов, то тогда — 125 человек.

Поскольку итог этих армий одинаков — и немецкая, и польская армии в конечном итоге сдались, — то разделим польский показатель (218-125) на немецкий (2). Получим, что как граждане и солдаты по мужеству и доблести немцы превосходят поляков в 110-60 раз. Не на 110-60 %, а в 110-60 раз! Польскую армию образца 1939 г. можно смело заносить в книгу рекордов Гиннеса как самую бесполезную армию мира.

187. Кровавые потери немецкой армии в сентябрьской войне 44 тыс. человек (убитые, раненные, пропавшие без вести) [46]. У меня нет никаких оснований так предполагать, но я все же предположу (чтобы полякам было не так обидно), что для того, чтобы убить или ранить одного немецкого солдата, требовалось, чтобы четыре польских солдата повернулись лицом к наступающим немцам и выстрелили (трое промазали, а один попал). Повторю, у меня нет никаких оснований так предполагать, тем более, что поляки начали мобилизацию и обучение войск за 5 месяцев до войны, а немцы — за 5 дней, но ведь надо же что-то сделать, чтобы спасти честь и достоинство польского воинства. Тогда, с учетом этого предположения, в ходе войны по немцам стреляло примерно 180 тысяч польских солдат из их количества в 2 (3,5) млн. Вычтем отсюда те 0,5 млн., что достались Красной Армии, тогда немцам пытались оказать хоть какое-то сопротивление 12 (6)% польской армии немецкого фронта. Остальные герои просто удирали, да так быстро, что хваленые немецкие танковые дивизии не могли их догнать. И это не гипербола.

188. Ведь первоначальный план немцев был таков. Учитывая очертания немецко-польской границы, которая на обоих флангах (на севере и юге) глубоко уходила на восток, охватывая полукольцом западную половину Польши, немцы планировали ударом с севера вдоль Вислы и ударом с юга западнее Кракова на Варшаву соединить танковые клинья к западу от Варшавы и этим окружить польские армии в западной части Польши [47]. Героические поляки немцам этот план сорвали. Они стали удирать так живо, что уже 5 сентября немцы поняли, что окружить поляков к западу от Варшавы им не удастся, — удерут. Поэтому план пришлось менять на ходу: теперь немецкая группа армий «Север» перешла на восточный берег Вислы и вдоль него двигалась не на Варшаву, а далеко на восток — на Брест, а группа армий «Юг» повернула на восток и через Люблин тоже двигалась к Бресту [48].

Историки с самым серьезным видом подсчитывают преимущества немцев в оружии и технике: насколько они превосходили поляков в количестве танков, пушек, самолетов и т.д. А кому нужны эти подсчеты и что изменилось бы, если бы немцы были вооружены только палками? Ведь для превращения преимущества оружия в победу его нужно применять. А в войне с Польшей немцам, чтобы применить свое оружие, поляков нужно было догнать. Но в беге на длинные дистанции поляки немцев превосходили намного. Иными словами, если победу немцев в той войне обеспечило их превосходство в оружии, то тогда это должно было быть видно по кровавым потерям польской армии.

189. В 1947 году в Варшаве был опубликован «Отчет о потерях и военном ущербе, причиненном Польше в 1939-1945 г.г.» Потери своих войск поляки оценивают в следующих цифрах, тысяч человек: Сентябрьская кампания 1939 года — 66,3. 1-я и 2-я Польские армии на Востоке — 13,9. Польские войска во Франции и Норвегии — 2,1. Польские войска в английской армии — 7,9. Варшавское восстание 1944 года — 13,0. Партизанская война-20,0. Итого: 123,2 [49].

Добавим к потерям убитыми в сентябрьской войне три части раненых и получим ориентировочные кровавые потери в 270 тыс. человек. По отношению ко всей польской армии это 13,5 % по шадящему счету и 7,7 % по официальному. Много это или мало? Давайте сравнивать.

С Красной Армией сравнивать польскую по стойкости просто неприлично. За последние 28 месяцев войны Красная Армия понесла кровавые потери 16 млн. 859 тыс. человек — три свои численности на начало войны [50]. Но войну выиграла.

Сравнить немецкую армию с польской — немцы обидятся до смерти. Скажем, на 1 августа 1942 г. сухопутные войска Германии на Восточном фронте потеряли 44,65 % средней численности [51] и ведь, гады, не только не собирались сдаваться, но и в оборону не становились — наступали всюю!

Сравнивать польскую армию неприлично даже с финской. В том же 1939 г. Финляндия спровоцировала войну с СССР тем, что не давала ему защитить Ленинград с моря — не давала и клочка своей территории, даже одного из многочисленных необитаемых островов в устье Финского залива, чтобы СССР мог построить там базу для прикрытия минных заграждений, которыми планировалось

отгородить Ленинград от немецкого флота (Балтийский флот противостоять немецкому не мог). Вы не поверите, но это действительно так — первую неделю финская армия пыталась атаковать Красную Армию с целью захвата Карелии [52] и установления новой финско-советской границы по линии Нева — Ладожское озеро -

Онежское озеро — Белое море [53]. К марту финны запросили перемирия, но они к этому моменту потеряли 75 % своей пехоты [54]. Финляндия, численностью в десять раз меньше, нежели Польша, потеряла в той войне 250 тысяч, из которых 95 тысяч убитыми [55]. При этом ни барон Маннергейм, ни финское правительство не только не сбежали в Швецию, но даже не покаялись и в 1941 г. драчливые финны снова полезли на СССР и воевали до 1944 г. Ну как их сравнивать с поляками?

Уж на что американская армия труслива (сегодня принято говорить — «бережет своих людей»), но ведь и по ее уставу наступление не останавливается, если потери все еще меньше 10-12 %.

190. Есть еще один критерий стойкости армии — количество солдат, которых приходится убить, чтобы взять в плен одного солдата противника. Считается, что в ходе Великой Отечественной войны в плен попало 4 млн. военнослужащих Красной Армии. Это число — геббельсовская пропаганда, но согласимся с ним. Убито за войну 8,7 млн. советских военнослужащих, т.е. по итогам войны, чтобы взять в плен одного советского военнослужащего, нужно было убить двоих. (В боях 1943-1945 г.г., чтобы взять в плен одного солдата, нужно было убить 10, чтобы взять в плен одного сержанта, нужно было убить 12 сержантов, чтобы взять в плен одного советского офицера, нужно было убить 14 офицеров) [56]. В польской армии соотношение обратное: по шадящему счету достаточно убить одного военнослужащего, чтобы 30 сдалось в плен (по официальному счету сдастся 53).

Уникальная армия, уникальное государство, несчастная Польша!

191. Я уже писал, что немцы боялись войны с Польшей, не были уверены в стойкости своей армии и имели для этого основания. После победы Геббельс, чтобы воздействовать на психику всего мира, завопил о величайшей победе немецкой армии. Более того, и в мемуарах немецких фельдмаршалов восхваляется сила польской армии. К примеру, Манштейн, даже не усмехнувшись, пишет, что поляки «сражались с величайшей храбростью даже в безнадежном положении» [57]. И немецких генералов можно понять — напиши они правду, и их победы обесценятся. Но все это пропаганда.

А на самом деле Гитлер, сам фронтовик, выяснив, что произошло, войну с Польшей за войну не считал, и его очень беспокоило, что немецкая армия в сентябрьской кампании не получила должной закалки перед предстоящей войной с Францией. 27 сентября, в день, когда сдалась Варшава, Гитлер собрал совещание высшего командования вооруженных сил Германии, на котором оценил обстановку. Он говорил: «Можно ли ожидать от войск, что они вновь обретут способность наступать? Большое число частей и соединений еще не выступили. Другие участвовали в боях, которые предъявили к нам смехотворные требования. В первую мировую войну нужно было 10 дней для пополнения частей, потерявших 70 % своего состава. На пополнение затрачивать лишь несколько недель. Война с Польшей — это лучшая подготовка, равная маневрам. Через 10 дней войска должны быть вновь в распоряжении командования» [58].

Таким образом, народ «суверенной» Польши 20 лет кормил на своей шее армейское шляхетское быдло только для того, чтобы оно обеспечило немцам войсковые маневры перед нападением на Францию.

192. В пехоте непосредственно стреляют в противника и принимают на себя его выстрелы солдаты и сержанты. Если армия опытна, солдаты обстреляны и не паникуют, то офицеры должны находиться несколько сзади, чтобы видеть все свое подразделение. Тем не менее, даже в этом случае в звене взвод-батальон офицеры находятся в зоне действия стрелкового оружия и являются основной целью для всех родов войск противника. Если брать за основу советскую организацию, то в этом звене плотность офицеров в стрелковых войсках примерно 1:16. В других войсках — артиллерии, танковых и авиации она еще больше. Скажем, в истребительной авиации бой ведут практически одни офицеры или, по крайней мере, их там очень много. Так что, если армия опытна и обстреляна, патриотизм у рядовых и командиров одинаков, то соотношение убитых в боях солдат и офицеров не должно быть сильно высоким (надо думать, не выше, чем один убитый офицер на 15 убитых солдат), и не должно быть сильно низким — ведь непосредственный бой ведут все-таки солдаты.

Возьмем, к примеру, итоги освобождения Восточной Европы войсками Красной Армии в 1944-1945 годах. В это время советские солдаты и офицеры были и достаточно опытны, и обстреляны. В этих боях были убиты и пропали без вести 1 051 353 советских военнослужащих, из них 92 670 офицеров. Соотношение 1:10,3 [59].

Это при допущении, что солдаты и офицеры патриоты в равной степени. А вот, скажем, в

японо-китайской войне с июля 1937 по декабрь 1938 года было убито 330 тысяч военнослужащих китайской армии, потери офицерами были 1:25.

В это время главным военным советником Чан Кайши был генерал-лейтенант А.И. Черепанов. Он писал о китайских войсках: «Такова была армия, с которой нам пришлось столкнуться — армия с реакционно настроенным офицерством, но в лице лучших своих представителей охваченная патриотическим порывом».

А японское командование характеризовало китайскую армию так: "Центральные войска хороши. Местные войска и новые дивизии тоже сильны. Но авиация и артиллерия слабы, поэтому и боеспособность китайских войск ниже нашей. Характерны отсутствие страха смерти. Руководство со стороны китайских офицеров плохое. Не хватает активности, не хватает стремления к активным действиям...

Отставшие войска, несмотря на то, что главные силы уже отступили, все же до последнего обороняют позиции" [60].

Вы видите, когда цели и патриотизм офицеров и солдат различны, то у офицеров есть возможность сократить свои потери.

193. Но у армий бывают и другие случаи. Когда солдаты не обучены, когда они не обстреляны, когда они паникуют и бегут. В это время профессионалы, люди, которых Родина специально содержала для войны, волей-неволей выдвигаются в боевые линии и начинают гибнуть в непропорциональных количествах. Вспомним генерала Рокоссовского, ходившего в полный рост по передовой в сражении под Москвой, чтобы подбодрить солдат. Вспомним маршала Ворошилова, поднявшего в атаку под Ленинградом батальон морской пехоты и получившего в этом бою пулю в руку.

Летом 1938 года японцы атаковали нашу границу в районе озера Хасан. Нарком обороны СССР маршал Ворошилов 4 сентября дал приказ N 0040, в котором он резко критикует руководство боями маршалом Блюхером и, в частности, пишет: «Причем процент потерь командно-политического состава неестественно велик (40%), что лишний раз подтверждает, что японцы были разбиты и выброшены за пределы нашей границы только благодаря боевому энтузиазму бойцов, младших командиров, среднего и старшего командно-политического состава, готовых жертвовать собой, защищая честь и неприкосновенность территории своей великой социалистической Родины...» [61].

То есть в боях на Хасане на двух убитых офицеров приходилось всего 3 солдата.

И ничего, между прочим, не изменилось и в наше время. В декабре 1994 года Россия ввела в Чечню необстрелянную армию. Цифры здесь такие.

На 1 февраля 1995 года потери Тульской дивизии ВДВ: убитыми 8 офицеров и 28 солдат и сержантов, соотношение 1:3,5; ранеными 38 офицеров и прапорщиков и 120 солдат [62], соотношение 1:3,2. У 8-го гвардейского корпуса: убитыми 36 офицеров и прапорщиков и 104 солдата и сержанта, соотношение 1:2,9; ранеными 134 офицера и прапорщика и 363 солдата и сержанта [63], соотношение 1:2,7.

194. Организация немецкой армии была специфичной. Если в других армиях мира взводом командовал офицер, то в немецкой лейтенант командовал только первым взводом роты, а в остальных взводах командирские должности были унтер-офицерскими. В результате в пехотной роте немцев было всего два офицера (капитан и лейтенант) при численности роты 201 человек [64]. То есть, на поле боя соотношение офицеров и солдат было 1:100. В пехотном батальоне численностью в 860 человек было 13 офицеров [65], соотношение 1:66.

Как вы помните, по итогам польской кампании фельдмаршал Бок жаловался на большую убыль офицеров из-за робости необстрелянных немецких солдат. Такое же положение было и в группе армий «Юг» фельдмаршала Рундштедта. Манштейн приводит потери группы «Юг» в польской войне: убито 505 офицеров и 6049 солдат и унтер-офицеров. Соотношение 1:12.

195. Польский автор Ч. Мадайчик, исследователь катынского дела, оценивает число убитых офицеров в сентябрьской кампании в 1967 человек [66].

Следовательно, соотношение между убитыми офицерами и солдатами в боях за независимость Польши в 1939 году — 1:32,2. Что случилось? Почему такое до дикости нехарактерное соотношение в убитых для еще неопытной армии, защищающей Родину?

196. Могут сказать, что у Польши была какая-нибудь специфическая армия, со специфической организацией. Ничего подобного. Армию Польши создавали французские советники по французскому образцу и французским уставам, как иронизирует Типпельскирх, «с учетом польского темперамента». Сама же французская армия в боях начала лета 1940 года, до того, как Франция капитулировала, потеряла около 100 тысяч человек убитыми и 30% от этого числа были французские офицеры! [67]

Соотношение убитых офицеров и солдат 1:2,3, а не 1:32,2 как у поляков.

Что можно сказать, глядя на эти цифры? Только то, что французские офицеры, пытаясь исполнить свой долг перед Францией, пытались остановить деморализованных французских солдат, а польские офицеры долгов перед Польшей не имели и удирали с поля боя впереди польских солдат, предоставляя последним самим защищать Родину. Одно слово — шляхта, пся крив!

197. Пример польским офицерам подавали польские генералы, которых Польша выносила на своей шее 98 штук [68]. Вот эпизод боев сентябрьской кампании: «К моменту вывода в сражение армия „Прусы“ еще не успела сосредоточиться. 4 сентября в район Петркува прибыли только 19-я и 29-я пехотные дивизии и Виленская кавалерийская бригада. Эти соединения заняли оборону на широком фронте в значительном отрыве друг от друга. Связь со штабом армии „Лодзь“ отсутствовала. Днем 5 сентября немецкая 1-я танковая дивизия вышла на подступы к Петркуву и при поддержке авиации атаковала 19-ю польскую пехотную дивизию. Командир последней, как только начался бой, оставил свой командный пункт и уехал в штаб армии „договариваться о наступлении“. Ночью на одной из дорог он наткнулся на немецкую танковую колонну и был взят в плен. 19-я пехотная дивизия отдельными группами отошла севернее Петркува, преследуемая передовым отрядом 1-й танковой дивизии, который вскоре оказался в тылу армии „Прусы“. Это вызвало панику в войсках, вскоре распространившуюся на весь участок фронта вплоть до Варшавы» [69].

198. В Красной Армии до войны было 994 генерала [70], у разных авторов есть разница в счете их потерь, но небольшая. Боевые потери — 345 человек, общие — 421 [71] (только на территории Смоленской области погибло 17 генералов) [72]. От довоенной численности боевые потери — 34,7%.

199. Немцы в 1941 г. на Восточном фронте потеряли убитыми 10 генералов, в 1942 г. — 20, в 1943 г. — 27 [73]. Причем до Сталинградского окружения 6-й армии немцев Советская Армия не могла взять в плен ни одного немецкого генерала. А возможности, казалось, были. В ноябре 1941 г. маршал Тимошенко под Ростовом разгромил 1-ю танковую армию немцев. О масштабах разгрома свидетельствуют трофеи: немцы каждый свой танк эвакуировали с поля боя и ремонтировали, а тут оставили 154 танка, 8 бронемашин, 244 орудия, 93 миномета и 1455 автомобилей [74]. За этот разгром Гитлер сорвал с фельдмаршала Рундштедта Рыцарский крест и снял его с командования группы армий «Юг», снял командующего 17-й армией генерала пехоты Штюльпнагеля, с главнокомандующим сухопутными войсками Браухичем случился сердечный приступ [75]. Но ни одного немецкого генерала под Ростовом в плен взять не удалось. Под Ельцом в декабре 1941 г. войска Тимошенко окружили 34-й пехотный корпус немцев, захватили штаб, но командир корпуса улетел на самолете связи. Оказавшийся в безвыходном положении командир 134-й пехотной дивизии немцев генерал Кохенхаузен повел дивизию корпуса на прорыв и был убит в неудачной атаке на советских кавалеристов [76]. Да и после Сталинграда взять немецкого генерала в плен было проблемой. В Белорусской операции 1944 г. на 21 взятого в плен генерала пришлось 10 убитых и застрелившихся [77].

200. Стойкость советских и немецких генералов определялась не только их моральным уровнем, но и пониманием руководителей этих стран, что генералы нужны не для того, чтобы в мирное время обжираться свой народ. В ходе войны 20 генералов Красной Армии, не понимавших этого, были расстреляны [78], что не могло не придать остальным боевого энтузиазма. В декабре 1941 г. командир 46-й пехотной дивизии немцев генерал граф Шпонек отвел дивизию с Керченского полуострова без приказа и был приговорен к расстрелу [79]. А как иначе? Это ведь война, а не соревнования по бегу. Впрочем, полякам этого не объяснишь, у них свои критерии.

201. Как подсчитал Ч. Мадайчик: «По некоторым данным, в сентябрьской кампании погибло... 4 генерала» [80]. Как погиб один из них, И. Ольшина-Вильчинский, нам сообщила академическая часть бригады Геббельса — его расстреляли злобные Советы. В память об этом славном польском герое следует несколько подробнее остановиться на деталях его смерти.

202. В 5 часов 22 сентября танко-артиллерийский отряд майора Ф. П. Чувакина перехватил польскую часть, шедшую из города Гродно в гродненскую крепость то ли для того, чтобы в ней закрепиться, то ли для того, чтобы пограбить находящиеся в крепости склады. Поляки приняли бой и дрались храбро: в отряде Чувакина было 11 убитых и 14 раненных, поляки сожгли 4 танка БТ-7. Сожгли бутылками с зажигательной смесью, а это действительно требует храбрости. Из одного загоревшегося танка выскочил экипаж в составе красноармейцев Сатковского, Шиталко и Шатко и сдался полякам в плен, а поляки сдавшихся расстреляли [81]. У меня к этим полякам претензий нет, поскольку по Уставу советские солдаты в плен не сдаются, кроме этого, экипаж танка был свободными людьми и мог свободно выбрать между продолжением боя личным оружием и сдачей в плен. Он выбрал последнее, следовательно, все последующее — это результат его свободного выбора и только. Но это у меня нет

претензий, а у Женевской конвенции такие претензии есть: пленным расстреливать запрещено. Об этом нам подробно поведала прокурорская часть бригады Геббельса. Она сообщила, что главным условием применения законов войны является требование того, что военнослужащие «1) имеют во главе лицо, ответственное за своих подчиненных», — т. е. лицо, несущее наказание, если эти подчиненные нарушают Женевскую конвенцию от 18 декабря 1907 г. И отряду майора Чувакина такое лицо немедленно попало — на отряд выскочила автомашина, на которой удирал в Литву генерал Ольшина-Вильчинский вместе с женой, адъютантом и чемоданами. По приказу комиссара отряда Григоренко жену и чемоданы в Литву пропустили, а генерала с адъютантом расстреляли [82] в полном соответствии с Женевской конвенцией — отвечай, козел, за то, что твои солдаты творят! Правда, поскольку Польша отказалась заключать с СССР военный союз, то Григоренко мог и не оказывать ей услугу по расстрелу ее дезертиров казенными советскими патронами, пусть бы поляки за свой счет его повесили, но вокруг же шастали остатки бывшей польской армии во главе со своими «ответственными лицами», и этим лицам полагалось знать, что с ними шутить не будут, если они не удержат свое воинство в рамках Женевской конвенции.

203. Бригада Геббельса, убеждая вас в своем исключительно тонком понимании Женевской конвенции, как водится, забыла упомянуть о таком предусмотренном конвенцией понятии, как «репрессалии». Конвенцию ведь не дураки писали. Вы исполняете ее, а противник — нет. Что делать? Заставлять его исполнять Женевскую конвенцию мерами, нарушающими ее.

Докладчик Специального комитета по обычным видам оружия на Дипломатической конференции 1974-1977 гг. в Женеве, ведущий специалист в области права вооруженных конфликтов голландец Фриц Кальсховен в своей монографии пишет (выделено мною):

"Репрессалии, или ответные меры воюющих сторон — второе проявление принципа коллективной ответственности. Репрессалии определяются как намеренное нарушение определенной нормы права вооруженного конфликта, совершаемое одной из сторон, находящихся в конфликте, с целью принудить власти противной стороны прекратить политику нарушений той же самой или иной нормы из того же свода законов. (Из этого следует, что такая мера, как репрессалии, должна быть прекращена сразу же, как только противная сторона откажется от проведения политики, вменяемой ей в вину).

Согласно обычному праву вооруженного конфликта, репрессалии, осуществляемые воюющими сторонами, принадлежат к официально признанным мерам по обеспечению соблюдения законности".

Первым на этом месте мысль Кальсховена. 28 февраля 1948 г. газета «Правда» в статье «Есть еще судьи в Нюрнберге» выразила возмущение вот по какому поводу. В феврале того года в Нюрнберге под председательством американского судьи Венерштурма проходил процесс над немецкими генералами, отличившимися в расстреле пленным югославских партизан. «Трибунал констатирован, что партизаны, которые предпринимали нападения на немецкие оккупационные войска, действовали незаконно и не могут рассчитывать ни на какую поддержку со стороны международного права». Заботясь о безопасности бандитов, американский судья Венерштурм писал в приговоре, что «немецкие солдаты были жертвами (!) налетов врага, который не мог бороться против них в открытом бою... большая часть партизанских банд (!) не считалась с международными правилами ведения войны и, таким образом, поставила себя вне закона... Взятые в плен члены этих незаконных (!) групп сопротивления не могли претендовать на обращение с ними как с военнопленными. Поэтому подсудимых нельзя обвинять в том, что, убивая такого рода пленным — членов движения сопротивления — они совершали преступления». Далее в приговоре говорится даже о том, что расстрел заложников якобы не противоречит международному праву, и т.д." — возмущенно писала «Правда». Можно понять ее возмущение по существу, но формально — по законам международного права — американский судья был прав. Поскольку запрет на применение репрессалий к покровительствуемым лицам (пленным и мирному населению) был принят уже после Второй мировой войны. Кальсховен продолжает: «Так, в соответствии с вышесказанным, репрессалии по отношению к покровительствуемым лицам и имуществу недвусмысленно запрещены во всех четырех Женевских конвенциях 1949 г. и в Гаагской конвенции 1954 г. о защите культурных ценностей» [83].

Как видите, отряд Чувакина действовал в полном соответствии с международным законом, применив принцип отрицательной взаимности, чтобы добиться от поляков положительной взаимности.

Должен сказать, что чемоданы в этот эпизод с генералом Ольшиной-Вильчинским я добавил от себя, поскольку в донесении об этом случае о чемоданах не говорится. Но добавил потому, что польские генералы и офицеры если в чем и были специалисты, то это в вопросах сдачи в плен — красиво сдавались, с комфортом. Уже упомянутый Г. Гожеховский, сидевший в лагере для военнопленных Павлицев бор, вспоминает о сидевших с ним полковниках, в частности примечательны

такие его слова о полковнике Букоемском: «К Букоемскому было не подступиться, да и само его появление в лагере с чемоданами, мебелью и серебряными сервизами вызывало недоверие» [84]. Но об этом позже.

Так что погибших за Родину польских генералов остается 3, если они действительно погибли в боях, а не немцы их расстреляли за то же, за что Григоренко расстрелял Ольшину. А у немцев таких оснований было ой как много...

204. Но прежде чем поговорить об этих основаниях, отвлечемся на недавние события в Польше, благо о них тщательно умолчала «свободная» пресса России. Корни этих событий уходят в 1941 г. Тогда на разделительной линии между Германией и СССР на советской территории стоял маленький городок Едвабне с пограничной заставой. Как только немцы 22 июня начали войну с СССР, окрестное польское население начало убивать советских граждан этого городка. «Сначала их убивали поодиночке — палками, камнями — мучили, отрубали головы, оскверняли трупы. Потом 10 июля около полутора тысяч оставшихся в живых были загнаны в овин и сожжены живьем...» — писал польский профессор истории Т. Шарота в «Газете выборча» от 19.10.2000 г. После окончания войны и установления советско-польской границы город Едвабне оказался на польской территории. В 1962 г. поляки в знак нерушимой советско-польской дружбы установили на месте убийства советских граждан памятный камень, на котором с истинно польской честностью и любовью к правде сообщали, что на этом месте «гитлеровские гестапо и жандармерия сожгли живьем 1600 человек 17.07.1941 г.» [85].

И все было бы хорошо, да эти сожженные живьем советские граждане были по национальности евреями. Но и это была бы не проблема, поскольку они были советскими евреями, если бы поляки не покусились на гешефт сионистов. Дело в том, что в немецком концентрационном лагере Освенцим, в котором во время войны в ожидании освобождения Палестины от англичан содержались евреи, работающие на заводах синтетического бензина и каучука, от болезней умерло около 150-170 тысяч человек, но на Нюрнбергском процессе было «установлено», что немцы, дескать, в этом лагере отравили порошком для дезинсекции одежды от вшей целых 4 млн. евреев. А в целом сионисты списали на немцев 6 млн. «замученных» евреев и организовали на этом деле доходный бизнес, сдирая с Германии денежную «компенсацию» за каждого из этих 6 млн. «отравленных». Бизнес процветает и является очень важным для сионизма: "Без массивной помощи извне государство Израиль нежизнеспособно. Главные источники его финансирования: официальная помощь США, поддержка международного еврейства и немецкие «компенсации». К 1992 г. ФРГ выплатила Израилу (а также еврейским организациям), согласно официальной статистике, 85,4 млрд. нем. марок, действительные же цифры значительно выше. Сюда следует еще причислить немецкие бесплатные поставки разных товаров. Наум Гольдман, многолетний председатель Всемирного еврейского конгресса, в книге «Еврейский парадокс» пишет:

«Без немецких компенсаций, которые были выплачены в первые 10 лет после основания Израиля, государство не смогло бы развить и половины существующей инфраструктуры: весь железнодорожный парк, все корабли, все электростанции, а также большая часть промышленности — немецкого происхождения»[86].

205. А поляки в своей бесцеремонности сняли с мемориального комплекса в Освенциме табличку про 4 млн. замученных евреев и заменили эту цифру на 1,5 млн. [87] Получилось нехорошо: деньги с Германии сионисты берут за 6 млн., а итог с этой польской корректировкой всего 3,5 млн. Но международный сионизм — это не бараны-русские, он полякам наглости прощать не собирается. И за год до выборов в польский Сейм, осенью 2000 г., вся пресса мира стала вопить и стонать о бедных мучениках Едвабне, хотя все знали об этой истории всегда. «Так кто же это убил бедных мучеников в Едвабне?» — скорбно вопили сионисты, оскорбленные тем, что поляки портят им так хорошо построенную коммерцию. «Кайтесь, кайтесь» — мерно тыкали сионисты польским фейсом в Едвабну. Поскольку у тех, кто сегодня обворовывает Польшу, так же, как и у тех, кто обворовывает Россию, украденные деньги хранятся в западных банках, то спорить им со всемогущим еврейством не приходится. Естественно, что президент Польши Квасьневский кинулся каяться, но польское общество этому категорически воспротивилось. 22 июня 2001 г. Квасьневский в Едвабне каялся в такой обстановке: «Прекрасная траурная церемония в Едвабне транслировалась по 1 программе польского TV. Ответное выступление президента Квасьневского, красноречивое отсутствие местных жителей, темные пустые места, где должны находиться наши правые политики, шокирующее отсутствие польских католических епископов. И местный священник, запершийся у себя дома» («Жечпосполита») [88]. А на последовавших за этим выборах отказавшиеся каяться правые получили шокирующую поддержку избирателей [89].

206. Как видите, даже сегодняшние поляки свое право убивать беззащитных считают святым (и польская церковь это подтверждает), а уж в те годы убийство женщин и детей считалось польской доблестью и геройством. Часто встречавшийся нам выше один из фактических правителей Польши министр иностранных дел Ю. Бек хвастался о своих подвигах на Украине в 1918 г.: «В деревнях мы убивали всех поголовно, и все сжигали при малейшем подозрении в неискренности. Я собственноручно работал прикладом» [90]. Ну какой бы русский мог о таком похвастаться, даже если бы он это и делал? А шляхтичу — запросто!

По неистребимой тяге к убийству безоружного населения польскую шляхту можно сравнить только с американцами. Вот небольшая статистика хозяйничанья поляков на Украине в 1920 г. "В оккупированных районах Украины захватчики грабили население, сжигали целые деревни, расстреливали и вешали ни в чем не повинных граждан. Пленных красноармейцев подвергали пыткам и издевательствам. В городе Ровно оккупанты расстреляли более 3 тыс. мирных жителей. Грабеж Украины, прикрывавшийся ссылками на договор с Петлюрой о снабжении польских войск, сопровождался террором и насилием: телесные наказания крестьян при реквизициях, аресты и расстрелы советских служащих в городах, конфискации имущества и еврейские погромы. За отказ населения дать оккупантам продовольствия были полностью сожжены деревни Ивановцы, Куча, Собачи, Яблуновка, Новая Гребля, Мельнички, Кирилловка и др. Жителей этих деревень расстреляли из пулеметов. В местечке Тетиево во время еврейского погрома было вырезано 4 тыс. человек. Из-за оперативной важности путей сообщения особенно пострадали местные железнодорожники. Многие из них были арестованы и расстреляны по обвинению в саботаже, а другие — уволены, лишены жилья и имущества.

Украинские газеты писали о жертвах среди гражданского населения. «В Черкассы 4 мая доставлено 290 раненых из городов и местечек, занятых поляками, — говорилось в одном из сообщений, — женщины и дети. Есть дети в возрасте от года до двух лет... Раны нанесены холодным оружием». Правительства РСФСР и Советской Украины 29 мая 1920 г. обратились к правительствам Англии, Франции, США и Италии со специальной нотой, в которой выражали протест против бесчинств польских захватчиков" [91].

Генерал Андерс (о котором ниже) в интимной компании в 1941 г. делился сокровенными мыслями: «Немцев нужно вырезать всех до единого от 7 до 40 лет» [92].

207. Но закончим это отступление о моральном уровне польской шляхты и вернемся в сентябрь 1939 г., к вопросу о том, почему у немцев были претензии к польским генералам. Наступая, немцы 3 сентября взяли польские города Быдгощ (бывший немецкий Бромберг) и Шулитце. И увидели, что улицы и площади этого города усеяны трупами немецких женщин и детей [93] (эти польские города были с немецким населением). Как вы помните, 1 сентября поляки все еще считали, что это не война, а всего лишь немецкая демонстрация на границах, и что Польша сильна, как никогда. Поэтому поляки не стеснясь, как в Едвабне, вырезали немецкое население этих городов. А тут 3 сентября пришли немцы и посмотрели... Может это и совпадение, но именно 3 сентября Рыдз-Смиглы дал армии приказ удирать в Румынию, а не отходить на линию Нарев-Висла-Сан. Как бы то ни было, но резня в Бромберге и Шулитце (немецкий МИД в начале 1940 г. распространил по миру книгу о ней) не могла не придать резвости польскому правительству в его беге к заветной переправе через Днестр. А немецкие части, без сомнения, пытались поймать какого-нибудь польского генерала, чтобы повесить на ближайшем дереве.

Так что неучтенные 3 польских генерала, которые, «по некоторым данным», погибли в той войне, также могли погибнуть от причин, не связанных с боями. В любом случае мизерные потери польских генералов при полной гибели польской армии многое объясняют. Почему же Польше не развязывать войну, если ее генералы имеют право удирать впереди армии, а правительство имеет право бросить свой народ?

208. Однако из фактов, рассмотренных выше, следует еще вывод. Строго говоря, первым случаем военного преступления против мирного населения Второй мировой войны было разрушение испанского города Герника немецкой авиацией. Но Нюрнбергский трибунал начало войны считал с аншлюса Австрии и захвата Чехословакии. И как примеры преступлений против мирного населения на Трибунале были приведены расстрелы населения белорусской Хатыни, чешской Лидице, французского Орадура. Это неправильно, нельзя забирать этой славы у поляков. Они не только развязали Вторую мировую войну, но и совершили первое в той войне зверство против мирного населения — вырезали мирное немецкое население Бромберга и Шулитце.

Более гитлеровцы, чем сам Гитлер

209. И что же должен был делать Советский Союз с такой соседкой? Вы видите, что СССР делал

все возможное, чтобы сохранить Польшу и в том территориальном виде, в котором она была до сентября 1939 г., и с тем же правительством во главе.

Советский Союз чуть ли не унижался, убеждая Польшу заключить с собою военный союз. «Гнуснейшие из гнусных» этот союз отвергли.

Тогда СССР попытался убедить Польшу расширить ее военный союз с Румынией против СССР — реорганизовать его так, чтобы эти страны вместе защищались и против Германии. «Гнуснейшие из гнусных» не согласились.

Тогда СССР принял меры для защиты суверенитета Польши без «гнуснейших из гнусных». Пожертвовал Литвой, чья территория опасным клином вдавалась в территорию СССР, что позволяло немцам ударить из Восточной Пруссии через Минск на Смоленск с заходом в тылы приграничным группировкам советских войск в Белоруссии. Вместо Литвы оговорил с немцами свою сферу влияния по линии старых русских укреплений вдоль рек Нарев-Висла-Сан. Этим СССР создал польской армии защищенный политически тыловой рубеж, на котором польская армия безусловно должна была удержаться и дожидаться удара французов по Германии с запада.

По объявлении немцами мобилизации Советский Союз, вместо мобилизации со своей стороны, распространил слух о том, что он отводит свои войска от польских границ, и в дальнейшем, несмотря на настояние немцев, по сути, этот слух так и не опроверг. Этим он давал полякам снимать дивизии со своей восточной границы и перебрасывать их на запад, навстречу немцам.

Учитывая, что превратности войны могут быть самыми непредсказуемыми (скажем, польская армия не успеет отойти на рубеж Нарев-Висла-Сан), Советский Союз согласовал с немцами, что они вопрос «независимости Польского государства» самостоятельно решать не будут и что мнение СССР по этому вопросу будет равно немецкому.

Советский Союз сделал все, чтобы отстоять Польшу.

210. Бригада Геббельса каких только «экспертов» не привлекала, чтобы доказать агрессивность Советского Союза, — от члена Политбюро ЦК КПСС Яковлева, через депутатов Съезда Советов СССР, до преподавателя вычислительной техники Ю.Зори. Давайте и я для оценки договора между СССР и Германией привлеку злейшего врага СССР Уинстона Черчилля, который прекрасно знал текст секретного протокола, тем более, что Гитлер, как я уже писал, открыто сообщил о нем в ноте о войне с СССР. Черчилль начинает: «Несмотря на все, что было беспристрастно рассказано в данной и предыдущей главах, только тоталитарный деспотизм в обеих странах мог решиться на такой одиозный противоестественный акт» [94].

Здесь сэру Уинстону несколько изменило чувство юмора, — получается, что для всех стран Запада договор с Гитлером о ненападении естественны (жены они ему, что ли?) и только для Сталина такой договор противоестественен. Но по сути Черчилль, конечно, прав. Он продолжает и объясняет причину, которую я выделил в его мысли: "Невозможно сказать, кому он внушал большее отвращение — Гитлеру или Сталину. Оба сознавали, что это могло быть только временной мерой, продиктованной обстоятельствами. Антагонизм между двумя империями и системами был смертельным. Сталин, без сомнения, думал, что Гитлер будет менее опасным врагом для России после года войны против западных держав. Гитлер следовал своему методу «поодиночке». Тот факт, что такое соглашение оказалось возможным, знаменует всю глубину провала английской и французской политики и дипломатии за несколько лет.

В пользу Советов нужно сказать, что Советскому Союзу было жизненно необходимо отодвинуть как можно дальше на запад исходные позиции германских армий, с тем чтобы русские получили время и могли собрать силы со всех концов своей колоссальной империи. В умах русских каленым железом запечатлелись катастрофы, которые потерпели их армии в 1914 году, когда они бросились в наступление на немцев, еще не закончив мобилизации. А теперь их границы были значительно восточнее, чем во время первой войны. Им нужно было силой или обманом оккупировать Прибалтийские государства и большую часть Польши, прежде чем на них нападут. Если их политика и была холодно расчетливой, то она была также в тот момент в высокой степени реалистичной".

Тут Черчилль переделал карты, забежав вперед: секретный протокол в части Польши исполнен не был, поскольку первоначальный его текст не предусматривал ввод советских войск в Польшу и Советский Союз не вышел на предусмотренные протоколом границы сферы своего влияния. Линия раздела между СССР и Германией была установлена позже — 28 сентября 1939 г. — и совершенно не соответствовала линии, оговоренной секретным протоколом к пакту о ненападении. Нам же ценно другое: тогдашнему союзнику Польши и вечному врагу большевизма и в голову не приходит то, что доказывает ныне бригада Геббельса, — Черчилль и близко не называет агрессией оккупацию не только

Польши, но и Прибалтийских стран. Но мы вместе с Черчиллем несколько забежали вперед, поэтому вернемся к 1 сентября 1939 г.

211. На эту дату Советский Союз сделал все, чтобы спасти независимость Польши. Требовалось очень немного, — чтобы вонючая польская шляхта попробовала эту независимость отстоять. Но шляхта, как вы видели выше, осталась верной себе: сначала она не могла поверить в собственную глупость и считала, что немцы ее пугают, в связи с чем устроила резню мирного немецкого населения польских городов, а затем бросилась от немцев удирать.

Посол СССР в Польше, военный и военно-морской атташе могли и не знать, что Рыдз-Смиглы 3 сентября отдал директиву удирать в Румынию и что 5-го она ушла в войска. Но Румыния, получив просьбы поляков пропустить их во Францию, не могла не запросить согласия на этот враждебный Германии акт в Берлине (который, естественно, настоял, чтобы Румыния интернировала правительство Польши). Германия в свою очередь, начиная с 29 августа, приглашала СССР тоже войти в Польшу в свою сферу влияния, но правительство СССР это приглашение отклоняло на том основании, что Германия с Польшей еще могут заключить перемирие. Но когда немцы, которые не могли этого не сообщить СССР, проинформировали, что румыны уже ждут у себя «гнуснейших из гнусных», то стало ясно, что польского государства уже нет, что немцам, даже если бы они и захотели, просто не с кем заключать перемирие. Поэтому только 9 сентября в СССР начали создаваться два фронта для похода в Польшу (сформированы 11 сентября) [95] и только 14 сентября эти фронты получили боевые приказы [96]. Представитель французской армии при польском генштабе 10 сентября доложил в Париж, что «здесь царит полнейший хаос. Главное польское командование почти не имеет связи с воюющими армиями и крупными частями... Не имеет ровно никакой информации о продвижении неприятеля и даже о положении своих собственных войск информировано очень неполно или вовсе не информировано. Генеральный штаб распался на две части... Польская армия собственно была разгромлена в первые же дни» [97].

Так о каком планировании агрессии против Польши может идти речь, если даже первые приказы Красной Армии начали поступать только тогда, когда Польша и ее армия уже не управлялись, т.е. не существовали как государство и как единая военная организация? Что толку, что на эти даты правительство Польши и ее генералы тащили свои чемоданы в Румынию еще по дорогам Польши? Их что, польский народ для этого избирал? Как они могли управлять страной и армией, если даже польские послы в других странах не знали, где они?

212. Ведь почему Черчилль, объявивший в Фултоне в 1946 г. холодную войну СССР, даже в пропагандистском антисоветском угаре конца 40-х, когда в США сажали в тюрьмы не только коммунистов, но любого заподозренного в сочувствии к ним или к СССР, тем не менее не называет поход Красной Армии в Польшу в 1939 г. агрессией? Да потому, что если бы советское правительство не вошло в Польшу, то это было бы подлейшим предательством не только советского народа, но и всей антигитлеровской коалиции. Черчилль писал:

"Но, во всяком случае, они (русские — Ю.М.) не были нам ничем обязаны. Кроме того, в войне не на жизнь, а на смерть чувство гнева должно отступить на задний план перед целью разгрома главного непосредственного врага. Поэтому в меморандуме для военного кабинета, написанном 25 сентября, я холодно отметил:

«Хотя русские повинны в грубейшем вероломстве во время недавних переговоров, однако требование маршала Ворошилова, в соответствии с которым русские армии, если бы они были союзниками Польши, должны были бы занять Вильнюс и Львов, было вполне целесообразным военным требованием. Его отвергла Польша, доводы которой, несмотря на всю их естественность, нельзя считать удовлетворительными в свете настоящих событий. В результате Россия заняла как враг Польши те же самые позиции, какие она могла бы занять как весьма сомнительный и подозреваемый друг. Разница фактически не так велика, как могло показаться. Русские мобилизовали очень большие силы и показали, что они в состоянии быстро и далеко продвинуться от своих довоенных позиций. Сейчас они граничат с Германией, и последняя совершенно лишена возможности обнажить Восточный фронт. Для наблюдения за ним придется оставить крупную германскую армию. Насколько мне известно, генерал Гамелен определяет ее численность по меньшей мере в 20 дивизий, но их вполне может быть 25 и даже больше. Поэтому Восточный фронт потенциально существует».

В выступлении по радио 1 октября я заявил:

"Польша снова подверглась вторжению тех самых двух великих держав, которые держали ее в рабстве на протяжении 150 лет, но не могли подавить дух польского народа. Героическая оборона Варшавы показывает, что душа Польши бессмертна и что Польша снова появится как утес, который

временно оказался захлестнутым сильной волной, но все же остается утесом.

Россия проводит холодную политику собственных интересов. Мы бы предпочли, чтобы русские армии стояли на своих нынешних позициях как друзья и союзники Польши, а не как захватчики. Но для защиты России от нацистской угрозы явно необходимо было, чтобы русские армии стояли на этой линии. Во всяком случае, эта линия существует и, следовательно, создан Восточный фронт, на который нацистская Германия не посмеет напасть...

Я не могу вам предсказать, каковы будут действия России. Это такая загадка, которую чрезвычайно трудно разгадать, однако ключ к ней имеется. Этим ключом являются национальные интересы России. Учитывая соображения безопасности, Россия не может быть заинтересована в том, чтобы Германия обосновалась на берегах Черного моря или чтобы она оккупировала Балканские страны и покорила славянские народы Юго-Восточной Европы. Это противоречило бы исторически сложившимся жизненным интересам России".

Премьер-министр был полностью согласен со мной" [98].

213. Складывается интересная ситуация: обжирающая российский народ Генеральная прокуратура РФ и ее отдел — Главная военная прокуратура — не способны понять, совершил ли Советский Союз 17 сентября 1939 г. агрессию или нет. И нанимает для этой цели «экспертов» — каких-то задрипанных профессоров и доцентов из московских институтов всех профилей. И эти деятели, не несущие никакой ответственности за свой словесный понос, вдруг объявляют СССР агрессором, подлежащим суду Нюрнбергского военного трибунала. А как же тогда быть с мнением действительно ответственных людей и действительно разбирающихся и в международных отношениях, и в международных законах?

Государство, подвергающееся агрессии, объявляет себя в состоянии войны с агрессором. Бригада Геббельса нас уболтала, что на 17 сентября 1939 г. правительство Польши находилось еще не под арестом в Румынии, а на территории Польши. Тогда покажите нам ноту, подписанную президентом Польши Мосцицким и министром иностранных дел Польши Бекком, о том, что они объявляют Польшу в состоянии войны с СССР.

214. Главнокомандующий армии любого государства при вторжении на территорию этого государства войск агрессора дает команду своим войскам отразить эту агрессию. Главнокомандующий польской армии маршал Рыдз-Смиглы, как уверяет нас бригада Геббельса, такую команду дал 17 сентября: «Советы вторглись. Приказываю осуществить отход в Румынию и Венгрию кратчайшими путями. С Советами боевых действий не вести, только в случае попытки с их стороны разоружения наших частей. Задача для Варшавы и [Модлина], которые должны защищаться от немцев, без изменений. [Части], к расположению которых подошли Советы, должны вести с ними переговоры с целью выхода гарнизонов в Румынию или Венгрию. Верховный Главнокомандующий маршал Польши Э. Рыдз-Смиглы» [99].

Я уже не говорю о том, что этот козел свои обязанности переложил на командиров рот и батальонов — это они должны были по его приказу ехать в Москву и договариваться с Ворошиловым о пропуске их в Румынию, поскольку, само собой, никакие другие советские командиры вести подобные переговоры не имели права и не стали бы. Покажите мне в этом приказе, где Рыдз-Смиглы дает команду на отражение «советской агрессии»? Про немцев сказано — вы там в Варшаве и Модлине деритесь, а я побежал в Румынию прятаться, — но где что-либо подобное сказано про Красную Армию?

215. Далее. Румыния была в военном союзе с Польшей именно против СССР. Покажите нам ноту, которой Румыния объявляет войну СССР. Где она?

216. Далее. Франция и Англия, союзники Польши, после нападения на Польшу Германией предъявили последней ультиматум, в котором требовали вывести из Польши немецкие войска, и только после этого 3 сентября объявили Германии войну. Покажите нам ультиматум Франции и Англии СССР, в которых они требуют от Советского Союза вывести свои войска с территории Польши.

217. И кстати. Красная Армия в сентябре 1939 г. вошла в города: Вильнюс, Гродно, Брест, Львов и т.д. Покажите нам на карте сегодняшней Польши, границы которой юридически признаны мировым сообществом, эти города. Или Главная военная прокуратура России вместе со своими академическими придурками уже отделила эти территории от Литвы, Белоруссии и Украины и передала их Польше?

218. Затем. До войны в мире существовал прообраз ООН — Лига наций. Такой же безответственный дурдом, набитый законниками — знатоками международного права. В случае агрессии Лига наций обязана была организовать тогдашних своих членов на отпор агрессии. Однако она Советский Союз агрессором не признала. Согласно ст. 16 Устава Лиги наций все страны обязаны были порвать с СССР торговые и финансовые отношения [100]. Этого никто не сделал.

Мне скажут мудрецы бригады Геббельса, что тогда все очень боялись Советского Союза и

поэтому помалкивали.

Нет, не очень боялись и не молчали. Когда спустя два месяца между СССР и Финляндией возникла война, то Лига наций признала СССР агрессором и исключила его из своих членов несмотря на то, что все соседи Финляндии — скандинавские страны — отказались за такую подлую резолюцию голосовать.

Получается, что тогда, в 1939 г., юристы всех стран были настолько юридически безграмотны и запуганы, что не могли понять, что СССР совершает агрессию, а сегодня, на наше счастье, нашлись-таки бесстрашные умники из бригады Геббельса, которые всем открыли глаза. Причем они такие умные, что умнее самого Гитлера.

219. Уж кому-кому, а Гитлеру перед нападением на СССР, которое он выдавал за предупреждающее, было очень важно признать СССР агрессором, и Гитлер обвиняет Советский Союз в агрессии против Прибалтийских стран, Румынии и Финляндии — СССР «большевизировал» их. Но в отношении Польши даже Гитлер не написал, что СССР «большевизировал» часть Польши. В ноте от 21 июня 1941 г. он пишет, что Германия разрешила СССР «большевизировать» «находящиеся в состоянии разложения области бывшего польского государства». Даже Гитлер не осмелился солгать в этом вопросе и заявить, что к моменту ввода советских войск Польша еще существовала. А бригаде Геббельса, гитлеровским последышам, это запросто. А еще говорят, яблоко от яблони недалеко катиться...

220. Меня могут упрекнуть, что я незаслуженно оскорбляю достойных людей и истинных демократов, называя их гитлеровскими последышами. Мне скажут, что академик А. Н. Яковлев пролез на высшие посты КПСС, чтобы разрушить изнутри ее и СССР и тем самым спасти мировую цивилизацию от смертельной опасности коммунистической империи и расчистить дорогу к подлинному расцвету во всем мире.

И я про это говорю. Когда Гитлер напал на СССР с целью его разрушения, то он в ноте о начале войны сказал не только о том, почему он это делает, но и закончил ноту словами о том, зачем он это делает: ((Немецкий народ осознает, что в предстоящей борьбе он призван не только защитить Родину, но спасти мировую цивилизацию от смертельной опасности большевизма и расчистить дорогу к подлинному расцвету в Европе.

Берлин, 21 июня 1941 года" [101].

На протяжении всей истории любая сволочь, которая разрушала или пыталась разрушить Россию, делала это исключительно с целью спасения мировой цивилизации. Пора бы уже к этому и привыкнуть.

Глава 5 Война по-польски: освобождение Польши

221. Бригада Геббельса, обвиняя СССР в преступлениях, предусмотренных Уставом Нюрнбергского военного трибунала, доказательства агрессии Советского Союза ограничивает соответствующей трактовкой событий по октябрь 1939 г. Мне для доказательства вины Польши в пособничестве Гитлеру этого недостаточно. Поэтому я вынужден рассмотреть и дальнейшую историю Второй мировой войны, оставив пока для специального расследования вопрос, кто именно расстрелял часть пленных польских офицеров в Катинском лесу.

Снова о «гнуснейших из гнусных»

222. Итак, 16 сентября 1939 года правительство Польши и главнокомандующий польской армии, бросив на произвол судьбы народ и сражающуюся армию, удрали в Румынию.

17 сентября Советский Союз начал занимать Красной Армией ту часть своей территории, которая была отнята у него Польшей в 1920 году. На этой территории находились разрозненные войска бывшего польского государства, их разоружали и задерживали, они оказались интернированными на территории СССР. Это будет правильный для данного времени термин. Интернирование — это разоружение и задержание до конца войны военнослужащих воюющих стран. Воевали Германия и Польша, СССР — нет. Он наводил порядок на возвращенной своей территории.

223. Сколько польских военнослужащих были задержаны и разоружены частями Киевского и Белорусского военных округов, никто толком не знает. Типпельскирх считает, что 217 тысяч, другие 250 и 300 тысяч. Украинский и Белорусский фронты Красной Армии отчитались о пленении 454 700 человек [1]. Эта путаница происходит оттого, что сама Красная Армия стала отпускать польских солдат по домам и в срочно организуемые НКВД лагеря для военнопленных и интернированных передала всего 130 242 человека. В том, что армия сдавала интернированных наркомату внутренних дел,

странного ничего нет. Содержание пленных и интернированных — не ее дело. Во многих странах, скажем, в Англии или Италии, именно министерство внутренних дел решало подобные задачи [2].

224. Но считать польских военнослужащих интернированными приходится с оговорками. Они, безусловно, были бы интернированными, если бы правительство Польши не сбежало и само не было бы интернированным. Трусость польской шляхты создало дикий юридический казус. Польши уже нет, а ни мира, ни капитуляции не подписано, т.е. война вроде бы идет, а это значит, что Литва, СССР, Румыния и Венгрия должны содержать поляков под стражей, кормить, одевать, обувать. И до каких пор? Если бы правительство Польши осталось в Польше, то тогда с ним можно было бы заключить соглашение о возмещении убытков и любое следующее правительство Польши автоматически приняло бы на себя обязательства предыдущего. Президент и министры, сбежав из Польши, стали никем, «бывшими». Шляхта, которая сбежала во Францию, организовала «правительство», которое, по крайней мере, представляло готовых подчиниться ему поляков. Сколько таких поляков было — неизвестно, но это правительство хотя бы кого-то представляло. А кого, кроме себя, представляли сидящие под арестом в Румынии Мосцицкий, Рыдз-Смиглы, Бек?

225. Предположим, что Англия и Франция заключают с Германией мир, тем более что с Англией Гитлер его добивался даже после разгрома Франции. С кого СССР, Румынии, Венгрии, Литве и Латвии требовать возмещения убытков от содержания интернированных поляков? С Гитлера? А на хрена они ему нужны? Ему нужна была польская территория, а не поляки. И потом, допустим, Англия и Франция мир заключают, но Польша-то останется в состоянии войны с Германией.

Понимаете, многие варианты были бы лучше бегства из Польши польских подонков. Лучше бы они все попали в плен к немцам, поскольку в этом случае они оставались бы правительством. Отошли бы со сражающейся армией, как бельгийское правительство в Первую мировую войну: уплыли бы в Англию на подводной лодке, тогда ее экипаж можно было бы считать частью сражающихся войск Польши. Но удрать в нейтральную страну, чтобы тебя интернировали — такое может только шляхта.

226. Причем, СССР еще как-то можно попрекать — сам вошел на территорию бывшей Польши. Но на шею румын, венгров, литовцев и латышей поляки сели сами и без приглашения — мы уже тут, а теперь любите нас вечно! Венгрии надо было любить 12 польских генералов и 5400 офицеров не считая денщиков. Румынии надо было любить бывшее польское правительство, 5000 офицеров и еще даже и через год — 11 генералов [3]. И, повторяю, любить вечно.

Румынам и остальным нейтралам в этой войне передать интернированных поляков немцам было нельзя — это было бы нарушением статуса своей нейтральности и недружественным актом по отношению к воюющим союзникам бывшей Польши -Англии и Франции. Отпустить интернированных тоже было нельзя — это опять же нарушение статуса нейтральности страны и недружественный акт теперь уже по отношению к воюющей Германии. Это же какое счастье быть у Польши соседом!

227. Исключая Латвию, которая в то время норовила лизнуть Гитлера в зад как можно глубже, и Литву, которая наверняка приняла поляков злорадно ухмыляясь, остальные соседи Польши, вероятнее всего, закрыли бы глаза и дали бы основной массе поляков разбежаться по всему миру, чтобы хотя бы не кормить их. Видных министров и генералов, о которых было известно Германии, что они сбежали в данную страну, пришлось бы оставить под арестом, чтобы не раздражать Гитлера. А остальные — пусть бегут нахлебники. Благо, когда они появлялись во Франции и Англии, то можно было сваливать их побег друг на друга — эти интернированные, дескать, из другой страны сбежали. (Таким образом, к маю 1940 г. на шею Франции оказалось более 9000 польских офицеров, а после ее разгрома перебрались на острова и сели на шею англичанам 6 тыс. офицеров и 37 генералов [4]).

228. И точно так же поступил бы и Советский Союз, т.е. он точно так же дал бы интернированным на его территории полякам сбежать во Францию и Англию. В этом нет ни малейшего сомнения. Подтверждается это следующим. Как вы уже знаете, в 1938 г. Польша вместе с Гитлером отхватила часть Чехословакии. Перед войной чехи этой области были мобилизованы в польскую армию, в чешский легион. Из него попали к нам 800 военнослужащих. Уже 3 октября 1939 г. Берия предложил Политбюро ЦК КПСС содержать этих чехов отдельно от поляков в Старобельском лагере. Сталин на этом предложении НКВД лично зачеркнул соответствующий пункт и написал над ним: «отпустить, взяв с каждого подписку, что не будут воевать против СССР». И тех чехов, кто хотел уехать и имел, куда уехать, действительно отпустили [5]. И нет никаких сомнений, что со временем, потихоньку, чтобы не раздражать Германию, отпустили бы и поляков. Но, к несчастью той части польских офицеров, которые оказались в сентябре 1939 г. в СССР, в мире появилась новая когорта польских «гнуснейших из гнусных».

229. К уже имеющемуся законному польскому правительству, сидящему под арестом в Румынии*,

добавилось еще одно польское правительство, хотя и незаконное, но зато сидящее у союзников. 30 сентября 1939 г. в городе Анжере на северо-западе Франции союзники собрали ошметки тех польских «гнуснейших из гнусных», кто к этому времени успел к ним добежать, и назвали эту компанию правительством Польши в эмиграции. Возглавил второе правительство польский генерал В. Сикорский. Упрекать союзников не в чем — они воевали, и им каждое лыко было в строку. Было бы преступлением против своих народов с их стороны, если бы они не попытались использовать в войне с немцами хотя бы каких-то поляков.

230. Однако несмотря на то, что у несчастной Польши было теперь уже два правительства, польскому народу от этого стало только хуже. Поскольку второе правительство Польши практически тут же показало союзникам и Польше, как говорил М. Горбачев, «кто есть ху». Поляки в эмиграции, рассмотрев на карте, что Анжер очень далеко от СССР и из него есть, куда удирать дальше, взяли и объявили в ноябре 1939 г. войну Советскому Союзу. Знай наших! Не помогли уговоры Англии и Франции не делать этого, ведь Великобритания сначала 17-го, а затем 27 октября 1939 г. довела до сведения; СССР, что Лондон хочет видеть Польшу скромных размеров и не может быть никакого вопроса о возврате ей Западной Украины и Западной Белоруссии [6], а Советский Союз был признан союзниками невоюющей стороной. Но и сами поляки объявили войну, по всей видимости, не из-за ввода советских войск в Польшу, иначе бы они это сделали сразу же, как только провозгласили себя правительством. А они объявили войну только в ноябре, и это дает основание полагать, что причиной был очень дружественный акт СССР по отношению к буржуазной тогда Литве. СССР передал Литве ее столицу Вильнюс и вильнюсскую область, которые поляки уже привыкли считать собственными. По-видимому, эту обиду «гнуснейшие из гнусных» пережить не смогли.

231. То, что польское правительство в эмиграции объявило войну СССР, бригадой Геббельса тщательно скрывается, поскольку дает естественное для состояния войны объяснение многим фактам, которые бригада Геббельса пытается использовать для «доказательства» своей версии. Когда я был на приеме в посольстве Польши, то это был, по сути, главный вопрос, который явственно вызывал панику у поляков. И консул И. Ольшевский, и присутствовавший тут же М. Журавский с пеной у рта доказывали, что никакой войны поляки в эмиграции СССР не объявляли и не вели. Меня удивила эта наглость, и я спустя некоторое время передал в посольство «редкий» документ — ксерокопию статьи в «Советской исторической энциклопедии». Вот эта статья дословно, соответствующая строка выделена мною: «ПОЛЬСКОЕ ЭМИГРАНТСКОЕ ПРАВИТЕЛЬСТВО — было создано 30 сент. 1939 в Анжере (Франция) из представителей польского монополистич. капитала, пилсудчиков и нек-рых оппозиционных „санационному“ режиму бурж. и мелкобурж. партий. Признавало в качестве легальной основы своей деятельности реакц. конституцию 1935 и проводило антинац. и антисов. политику. П. э. п. создало на терр. Польши свои подпольные воен. орг-ции (Союз вооруж. борьбы, а затем Армию Крайову и др.), рассчитывая, однако, в основном на помощь зап. держав в освобождении Польши от нем.-фашист. оккупантов. В нояб. 1939 П. э. п. объявило состояние войны с Сов. Союзом. В июне 1940 П. э. п. переехало в Лондон. 30 июля 1941, вскоре после нападения гитлеровской Германии на Сов. Союз, пр-во СССР и П. э. п. заключили договор о взаимопомощи, по к-рому на терр. СССР были созданы польские воинские части. Весной и летом 1942 П. э. п. вывело эти части с терр. СССР на Бл. Восток. Вскоре П. э. п. открыто возобновило свои притязания на земли Сов. Украины и Сов. Белоруссии и совершило ряд др. враждебных СССР действий, что вынудило Сов. пр-во 25 апр. 1943 порвать с ним отношения. До июля 1943 пр-во возглавлял В. Сикорский, с июля 1943 по нояб. 1944 — С. Миколайчик, а с нояб. 1944 по июнь 1945 — Т. Арцишевский. После создания в Варшаве в июне 1945 Врем. пр-ва нац. единства пр-ва зап. держав, связанные решениями Крымской конференции 1945, перестали признавать П. э. п. Название П. э. п. впоследствии незаконно использовали мелкие группы реакционных деятелей польск. эмиграции в Лондоне»[7].

232. Между тем, не требуется и этого, чтобы видеть, что поляки вели войну с СССР с ноября 1939 г. силами своего «Союза вооруженной борьбы». Бригада Геббельса дает стенограмму разговора Сталина и Молотова с генералами Сикорским и Андерсом 3 декабря 1941 г. На утверждение последних о том, что еще многие поляки находятся в тюрьмах, Сталин ответил: «Мы освободили всех, даже тех, которые прибыли в СССР с вредительскими заданиями генерала Соснковского» [8]. Генерал К. Соснковский был министром обороны в польском эмигрантском правительстве Сикорского, сидевшего в тот момент перед Сталиным. Сикорский в ответ ничего не возразил и не возмутился и этим подтвердил, что его военный министр действительно организовывал диверсии и теракты против СССР. Причем, в данном случае Сталин из деликатности к собеседнику организатором войны назвал не главное лицо — самого Сикорского, — а второстепенное — Соснковского. А вот в беседе с польским

послом Котом 14 ноября 1941 г. он, по записям самого посла, не стал деликатничать, поэтому посол сам его «поправил». Кот так записал слова Сталина: «Мы освободили всех, даже тех людей, которые были посланы к нам генералом Сикорским взрывать мосты и убивать советских людей. (На самом деле это не генерал Сикорский, который послал их, а его начальник штаба Соснковский)» [9]. Как видите, и посол эмигрантского правительства Польши в Москве тоже ничего Сталину не возразил на обвинение в убийстве советских людей, а лишь постарался «отмазать» от этого дела Сикорского.

233. Да и что можно было возразить, если после объявления польским эмигрантским правительством войны СССР с мест в Москву пошли сообщения типа: "5 декабря 1939 г. Доношу: 3 декабря в 23 часа совершен террористический акт над председателем местного комитета д. Черлены Грудекского уезда Львовской области Трушем Михаилом. В окно дома Труша были брошены две ручные гранаты. Тяжело ранены Труш и его жена. Террористов на месте задержать не удалось. Выброшенной опергруппой арестованы Фалькевич Иосиф, агент полиции, его сыновья Фалькевич Казимир, член фашистской организации, доброволец польской армии, и Фалькевич Войтек, руководитель фашистской организации «Стрельцы».

Пострадавший Труш опознает террористов Фалькевичей. Следствие по делу продолжаем, результат сообщим дополнительно. Начальник УНКВД по Львовской области Краснов" [10].

234. А эта война резко изменила положение шляхты в СССР, как той, что находилась в лагерях военнопленных, так и той, что проживала на западе Украины и Белоруссии. Поляки-труженики, как я писал выше, приняли и советскую власть, и присоединение к СССР в основной своей массе. Так, например, в Народном собрании западных областей Белоруссии, принявшем решение о вступлении в СССР, каждый седьмой был поляком. Поэтому рядовые поляки базой повстанческого и партизанского движения против СССР служить не могли. Правительству Польши в эмиграции в войне с СССР приходилось опираться на шляхту, но и тут Советский Союз быстро принял меры — выслал наиболее одиозную шляхту и их семьи в свои восточные районы. В результате посланный Сикорским и Соснковским организовать войну с СССР командующий польским подпольным «Союзом вооруженной борьбы» полковник Грот (С. Ровецкий) докладывал: «Советы имеют большую помощь местного элемента (украинцев, белорусов, еврейской бедноты), много сторонников среди молодежи, которая получила работу»; «большевики не так склонны к расстрелам людей по любому поводу и без повода, как немцы»; «не отделяются они от поляков, а перенесли борьбу на социальную почву, они смогли завоевать некоторую часть польского общества, в основном среди пролетарской молодежи и некоторой части сломленной морально интеллигенции». Ровецкий признавал «полное безразличие» белорусов и украинцев к польской государственности. Он пришел к выводу, что «широкая работа против большевиков невозможна», тем более что в целях «подрыва базы» СВБ органами НКВД были выселены члены семей «офицеров, фабрикантов, помещиков, крупных чиновников бывшего польского государственного аппарата» [11].

235. Сегодня бригада Геббельса пытается представить дело так, что 17 сентября 1939 на территорию бывшего польского государства ворвались, щелкая зубами, большевики и стали убивать поляков только потому, что они поляки. Сами поляки в это, скорее всего, верят — ведь они же убивали белорусских подростков под Гродно только потому, что те белорусы, убивали жителей Бромберга и Шулитце только потому, что они немцы, убивали советских людей в Едвабне только потому, что они евреи. Рабская психология не позволяет понять, что СССР при Сталине был государством народа — народ был главным в стране. И никакие репрессии против народа были немыслимы, если на то не было достаточных оснований. А польское правительство в эмиграции таких оснований дало предостаточно. И репрессии против шляхты самими поляками наверняка воспринимались если не с одобрением, то, как минимум, с пониманием. Если всю эту шляхту сегодняшней Польши какая-нибудь сила возьмет и выселит (только, ради Бога, не в Россию!), то сколько простых поляков-тружеников будут о ней горевать?

Польские войска в рядах союзников

236. Итак, с ноября 1939 г. по начало войны Германии с СССР Польша вела войну с Советским Союзом, но после того как Великобритания заключила союзный договор с СССР, Польша тоже смилостивилась и польское правительство в эмиграции 30 июля 1941 г. заключило с правительством СССР соглашение «оказывать друг другу всякого рода помощь и поддержку в настоящей войне против гитлеровской Германии». По этому соглашению на территории СССР создавалась польская армия,

которая должна была «под командованием, назначенным Польским Правительством», «действовать в оперативном отношении под руководством Верховного Командования СССР, в составе которого будет состоять представитель польской армии».[12] Таким образом, включенный в состав Ставки Верховного Главнокомандования, польский генерал получал возможность влиять на положение на всем советско-германском фронте. Оцените степень доверия к Польше!

237. Но и это не все. Соглашение началось словами: «Правительство СССР признает советско-германские договоры 1939 года касательно территориальных перемен в Польше утратившими силу». Правда, здесь прямо не сказано, что СССР соглашается на границы 1920 г., но они и не отрицаются. Таким образом, дело осталось за Польшей — за тем, какое влияние окажет создаваемая в СССР польская армия на ход войны.

238. После подписания Соглашения Советский Союз немедленно амнистировал всех поляков на своей территории и из всех имевшихся в СССР польских граждан начал создавать польскую армию, командование над которой принял польский генерал В. Андерс. Шляхта ринулась в армию Андерса, на армейские пайки, стала записывать в качестве солдат свои семьи и захлестнула правительство СССР, схватившегося с немцами под Москвой в смертельной схватке, потоками жалоб: живем в палатках, еда плохая и т.д. В то же время, донесения НКВД о разговорах польской шляхты между собой обнадежить не могли. К примеру, остались в архивах такие высказывания.

Хельман, бывший полицейский: «Вначале мы, поляки, будем воевать против немцев, а затем, когда будем хорошо вооружены, мы повернем против СССР и предъявим требования вплоть до передачи Киева и других территорий. Таковы указания нашего национального руководителя — ксендза Сигмунда. Англия, заключив договор с Россией, пустила пыль в глаза советскому правительству, фактически она за спиной Германии тоже воюет против СССР».

Ковцун, полковник польской армии: «Скоро придет Гитлер, тогда я вам покажу, что из себя представляет польский полковник!»

Ткач, полицейский: «Теперь нас, поляков, хотят освободить и сформировать войска, но мы покажем, как только получим оружие — повернем его против русских».

Майор Гудановский: «Мы, поляки, направим оружие на Советы, отомстим за свои страдания в лагерях. Если только нас возьмут на фронт, свое оружие направим против Красной Армии».

Поручик Корабельский: «Мы вместе с Америкой используем слабость Красной армии и будем господствовать на советской территории».

Капитан Рудковский: «Большевики на краю гибели, мы, поляки, только и ждем, когда нам дадут оружие, тогда мы их прикончим»...

Поручик Лавитский: «Вы, солдаты, не сердитесь пока на Советы. Когда немца разобьем, тогда мы повернем винтовки на СССР и сделаем Польшу, как раньше была».

Поручик Вершковский: «С Советским Союзом против Германии мы воевать не будем. Они нам вместе всадили нож в спину и посадили в концлагеря. За это мы, придет время, отомстим. В этой войне поляки выполняют роль чешской армии в годы гражданской войны»[13].

Полька Пеляцкая, прибывшая в Тоцкие лагеря для поступления в польскую армию, в своем заявлении в НКВД пишет: «В Тонком лагере нет никакого стремления к борьбе. Они довольны, что получили свободу, и при первом случае перейдут на ту сторону против советской власти. Их разговор полон цинизма и злобы к Советскому Союзу» [14].

«Среди польских солдат и офицеров имеют место также и резкие проявления антисемитизма. Генерал Андерс, хотя и принимает евреев — польских граждан — в польскую армию, тем не менее открыто проявляет антисемитские настроения. Командир 6-й п.д. Токажевский затребовал из запасного полка на пополнение дивизии 1000 солдат „римско-католического вероисповедания“. Имел место случай, когда в запасном полку всем солдатам-евреям было предложено выйти из строя для прохождения медосмотра, после которого значительное количество евреев было уволено из армии. Евреи систематически подвергаются оскорблениям со стороны солдат и офицеров польской армии» [15] — докладывал Берия Государственному Комитету Обороны.

239. Справедливости ради следует сказать, что не все поляки, даже офицеры, были одинаковы. Незадолго до бегства армии Андерса из СССР в Иран Берия сообщал ГКО в июле 1942г.:

"По сообщению уполномоченного СНК СССР при штабе польской армии тов. Жукова, поляки приступили к подготовке эвакуации польских частей из СССР.

13/VII т. г. Андерс по этому вопросу провел совещание командиров польских дивизий и отдельных частей.

Решение об эвакуации широко известно в польских частях. В связи с этим снизилась боевая учеба.

Командование некоторых частей дало указание солдатам, чтобы они сдавали советскую валюту, передали польскому гражданскому населению вещи советского происхождения и на складах частей обменяли бы предметы советского обмундирования на английское.

Оперативный отдел штаба польской армии развернул работу по изучению ливийского и египетского театров военных действий. Командование 5-й дивизии приступило к перестройке по штатам английской дивизии семнадцатитысячного состава. В целом, штаб польской армии занят разработкой плана эвакуации.

За обедом у Андерса командиров дивизий на замечание генерала Токажевского, что полякам надо усилить работу против немцев в Варшаве, Андерс резко ответил:

«Нет, задача поляков разбить Роммеля».

Наблюдается стягивание семей военнослужащих и интересующих поляков гражданских лиц в места дислокации польских частей.

С 20 мая на довольствие польских частей дополнительно зачислено 1149 человек, при этом пригодных к военной службе из этого количества только 28 человек, а остальные женщины, старики и дети.

Жуков информировал об этом Андерса и потребовал, чтобы он прекратил самочинные действия командования польских частей, предупредив, что все самовольнодвигающиеся в места дислокации польских частей польские граждане будут арестовываться.

Часть польского командования крещению об эвакуации на Ближний Восток относится отрицательно. В беседе с Жуковым командир 5-й дивизии полковник Окулицкий (бывший начальник штаба польской армии) сообщил, что лично он боится, как бы польские части не превратились в колониальные войска Англии.

Выступая на вечере в честь годовщины Грюнвальдской битвы, Окулицкий, в присутствии Андерса, задал вопрос:

«От имени всех солдат я позволю задать вопрос господину генералу — почему мы до сих пор не на фронте?» Андерс возмутился, но ответа на вопрос Окулицкого не дал.

Начальник штаба польской армии генерал Шишко-Бо-гуш в частной беседе с Жуковым заявил, что "в Египет желают ехать люди, верящие в разгром Красной Армии и разрыв коммуникаций между Советским Союзом и его союзниками на севере и на юге, а так как я верю в силу СССР и его Красной Армии, может быть больше, чем многие из ваших граждан, я не хотел бы уезжать из СССР".

19 июля с Жуковым связался адъютант Андерса ротмистр Климковский и, попросив оставить содержание разговора в тайне от поляков, заявил следующее:

«Польская армия в СССР представляет из себя балаган, а не войско. Андерс мало сделал для того, чтобы подготовить боеспособные части. Это обстоятельство вызвало резкое недовольство со стороны молодых офицеров, которые считают единственной задачей польских войск драться как можно скорее на фронте и притом только на Восточном. Будучи в Англии, Андерс находился под большим воздействием как Сикорского, так и англичан, которые требовали от поляков согласия на эвакуацию войск на ближневосточный театр».

Далее Климковский заявил, что он обращается к Жукову от имени группы молодых офицеров, которая намерена добиться отмены решения об эвакуации, «выгнать из армии всех баб и всякий хлам», обратиться с просьбой к Советскому правительству дать быстрее оружие и направить на фронт.

Ввиду этого Климковский хотел бы выяснить, как Советское правительство смотрит на эвакуацию польских частей из СССР, так как, «если оно в этом не заинтересовано и рассматривает решение об эвакуации внутренним делом самих поляков», — организация молодых офицеров намерена арестовать Андерса, Шишко-Богуша и командира 5-й польской дивизии генерала Раковского, собрать совещание командиров частей, радировать в Лондон, что польская армия из СССР выезжать отказывается, потребовать от Лондона назначения нового командующего и обратиться к советскому правительству с просьбой вооружить польские части и направить быстрее на Восточный фронт.

На вопрос Жукова, что из себя представляет организация молодых офицеров и кто к ней относится, Климковский с некоторой неохотой назвал полковника Окулицкого, зам. нач[альника] штаба армии подполковника Весньковского, начальника учебного центра полковника Сулик—Сорновского и начальника контрразведывательного отдела штаба армии подполковника Бонкевича. Точку зрения молодых офицеров, по словам Климковского, целиком разделяет прибывший недавно из Лондона епископ польской армии Гавлина.

Под влиянием названных лиц, как утверждает Климковский, находится половина офицерского

корпуса. Жуков ответил, что все это он считает несерьезной затеей, и рекомендовал ему ждать решения своего командования" [16].

240. Пылкий Климовский выдавал желаемое за действительное — откуда могла взяться половина польских офицеров, желающих драться с немцами? А Сталин, видимо, еще в декабре 1941 г. понял, что ему не удастся сблизить польское воинство с немецкой армией, и, судя по всему, еще тогда махнул на него рукой, предоставив Черчиллю попытку подогнать поляков к фронту. Между Сталиным и поляками тогда состоялся следующий обмен репликами, записанный стенографистом.

"Тов. Сталин спрашивает, как же будет с советски' польским договором, если польская армия уйдет в Иран, Скрыть этого не удастся. В этом случае договор падает.

Андерс говорит, что война против немцев все равно продолжается, и ему непонятно, почему договор падает.

— Война платоническая, — говорит тов. Сталин и указывает, что польские дивизии, находящиеся в СССР, смогут через месяц-два драться на фронте. Сейчас имеются две польские дивизии, можно образовать третью и налицо будет польский корпус.

Андерс указывает, что у него много необученных солдат.

— Но ведь у Вас есть резервисты, — говорит тов. Сталин.

— Резервистов у меня 60%, — отвечает Андерс. ~ У Вас 60% резервистов, и Вы решили, что нельзя ничего сделать. Не дали досок, и Вам кажется, что все пропало! Мы возьмем Польшу и передадим ее вам через полгода. У нас войска хватит, без вас обойдемся. Но что скажут тогда люди, которые узнают об этом?" [17] — пытался ударить Сталин по совести Сикорского и Андерса, но его удар пришелся в пустоту.

241. Итак, Советский Союз одел, обул и вооружил по разным данным от 75 до 90 тысяч польских солдат и офицеров. Да ведь когда вооружил! В 1941 году! Тогда, когда собственные солдаты шли в бой в гражданской одежде с учебными винтовками. Когда 7 ноября 1941 года на параде в Москве провозили пушки, взятые из музеев, а московское ополчение вооружали трофейными японскими винтовками, взятыми в войне 1904 года.

242. Но Андерс начал с того, что отправил в Англию из Советского Союза 200 польских летчиков и моряков, а в декабре уже начал требовать отправки его армии в Иран. Кончилось тем, что в разгар Сталинградского сражения, когда был дорог каждый человек и каждый автомат, армия Андерса в количестве 114 тысяч человек (вместе с семьями) сбежала через Каспийское море на Средний Восток, где англичане поставили их охранять нефтепромыслы. Вспомним, что в это время в Советский Союз (в ноябре 1942 года) стекались французские летчики, недовольные тем, что им не дают на Западе бить немцев. И эти летчики с 1943 года немцев начали бить. Они совершили 5 240 боевых вылетов, в бою погибли 42 из них, но они все-таки за войну сбили 273 и подбили 80 немецких самолетов [18]. А поляки Андерса в это время давали понять Черчиллю, что нет силы, которая могла бы их заставить приблизиться к немцам на пушечный выстрел. По этой причине в советской историографии об армии Андерса говорится крайне скупно, только упоминается, что в 1944 году она участвовала в Италии в боях под Монтекассино.

243. Уже упоминавшийся гитлеровский генерал Типпельскирх, который в начале 50-х написал «Историю второй мировой войны», боям на Восточном фронте уделил до смешного мало внимания (хотя на этом фронте, даже по искаженным немецким данным, погибло 83% всей немецкой армии), но зато подробно описал самые мелкие операции в Африке и Италии. Например, главку «Последняя наступательная операция на Востоке», в которой он упомянул о битве на Курской дуге, которую, кстати, начали 900 тысяч немцев и где их общие потери составили 500 тысяч человек, он написал в объеме 3,5 страниц. Даже не упомянул о самом большом за всю историю танковом сражении под Прохоровкой, где в один день было уничтожено 10 тысяч немцев и 400 их танков - две танковые дивизии в полном составе. Это при том, что Гудериан операцию «Цитадель» (Битву на Курской дуге) оценил так: «В результате провала наступления „Цитадель“ мы потерпели решительное поражение. Бронетанковые войска, пополненные с таким большим трудом, из-за больших потерь в людях и технике на долгое время были выведены из строя. Их своевременное восстановление для ведения оборонительных действий на Восточном фронте, а также для организации обороны на западе на случай десанта, который союзники грозились высадить следующей весной, было поставлено под вопрос. Само собой разумеется, русские поспешили использовать свой успех. И уже больше на Восточном фронте не было спокойных дней. Инициатива полностью перешла к противнику» [19].

А вот о высадке союзников в Сицилии, где с немецкой стороны участвовали сначала две, а потом четыре дивизии, в том числе и одна танковая, Типпельскирх написал 6,5 страниц.

244. Естественно, у такого историка должны быть подробно описаны и бои у Кассино. Действительно, он подробно описывает, как одна немецкая армия, растянувшаяся поперек Италии, полгода сдерживала наступление союзников, в том числе и в том месте, где они хотели прорваться к Риму — у города и монастыря Кассино. Есть тут и про поляков. Причем аж два раза! Сначала он пишет:

«Справа к ней примыкал один корпус 8-й английской армии, который должен был наступать по долине реки Лири и у высот Кассино, а рядом с ним занял исходное положение польский корпус, получивший задачу продвигаться севернее Кассино». (Убедил таки Черчилль поляков Андерса повоевать). И далее: «Так как польскому корпусу прорваться севернее Кассино не удалось, обстановка на этом участке оставалась сносной. Американцы же и французы, тем временем, с исключительным упорством продолжали развивать наступление в горах Ленины превосходящими силами в северо-западном направлении, выйдя благодаря этому не только глубоко во фланг 10-й армии, но одновременно и в тыл 14-й армии, удерживавшей оборону вокруг плацдарма» [20]. Больше о поляках не упоминается.

Таким образом, генерал Андерс со своими отличниками патрульно-сторожевой службы у Кассино обеспечивал немцам «сносную» обстановку, видимо, по-прежнему пытаясь удержать соотношение убитых офицеров и солдат не менее 1:30.

245. Правда, существует мнение, что все дело в трусости самого Андерса. Где-то в 50-х годах польский эмигрант в Англии Ромуальд Святек вернулся в Польшу, был арестован советскими властями, получил 25 лет лагерей, семь из них провел в Сибири, два года в ссылке и снова вернулся в Лондон. Там он написал интересную книгу «Катынский лес», и пару оценок действующих лиц того периода нельзя не дать.

"Здесь я должен добавить, — пишет он — что назначение генерала Андерса главнокомандующим польской армией в России было одной из крупнейших ошибок и продемонстрировало неспособность генерала Сикорского найти на эту должность достойного человека. Будь вместо Андерса главнокомандующим генерал Борута-Спехович, я уверен, что он не побоялся бы сражаться на Восточном фронте. Его бы не раздражал русский ржаной хлеб и сон на соломенном матрасе. Он бы знал, как взглянуть в будущее, и был бы во главе польской армии, входящей в освобожденную Варшаву. Мы знаем, что генерал Андерс не мог забыть то унижительное время, проведенное в тюрьме, и дышал ненавистью и презрением к России и русскому народу, и с самого начала делал все, что было в его силах, для создания максимально плохих отношений между русским и польским командованием. Любым своим шагом он проявлял огромное нежелание, граничащее со страхом, как только поднимался вопрос об участии польской армии в боевых действиях на Восточном фронте.

С самого начала он маневрировал с целью вывести польскую армию из России на Средний Восток. Вместе с польским послом Котом они не понимали, что выполняют чрезвычайно важные функции в единственной своего рода системе, и поступили столь эгоистично, словно находились в своем собственном доме, нанося таким поведением громадный вред полякам и Польше" [21].

246. Нет, не убедительно пишет Святек, он хочет оправдать трусостью Андерса трусость тысяч польских офицеров его армии. Если бы они хотели драться с немцами, то нашли бы способ повлиять на Сикорского.

Разве в том, что французские летчики дрались с немцами в России, заслуга только майора Ж. Тюлана? В битве под Курском майор Тюлан принял смерть, но это никак не повлияло на французов. Полк «Нормандия» принял майор Дельфино, а не было бы его, был бы другой, и французы дрались бы с немцами так же храбро.

247. В «Бозе почившая» Британская империя должна была молиться на Черчилля. Каких только войск он не собрал для ее защиты! В Африке и Италии с немцами и итальянцами дрались на стороне англичан индийские, новозеландские, канадские, южноафриканские, французские, марокканские, алжирские дивизии и многочисленные бригады чуть ли не со всего мира. Под Монтекассино наконец-то появились и две польские дивизии. Оцените сроки — они ведь тоже для книги рекордов Гиннеса — дивизии были сформированы уже к декабрю 1941 г., а в первый бой вступили аж в марте 1944 г [22]. Больше двух лет от немцев прятались!

248. Но упаси Господь думать, что поляки плохие солдаты — нет! Все дело в том вонючем шляхетском климате трусости, подлости и паразитизма, который так бережно сохраняет Польша как свой «дух». Разве маршал Рокоссовский не поляк? А ведь он один из лучших маршалов той войны. Среди фамилий польских генералов мелькают немецкие. А что толку? А вот среди немецких генералов, взятых в плен Красной Армией, пятеро — поляки [23].

249. И ведь и не все польские офицеры ушли из СССР с Андерсом. Остался полковник Берлинг,

возглавивший сначала польскую дивизию патриотов в составе Красной Армии, затем корпус. При вхождении в Польшу и получении возможности призыва на службу поляков эти части выросли в две польские армии — Войско Польское, которые к Берлинской операции уже имели численность 400 тысяч человек. Эти поляки действительно дрались с немцами, а не обеспечивали им «сносную обстановку» на фронте. И это видно по потерям.

Начав бои 12-13 октября 1943 г. у поселка Ленино, эти польские войска с боями прошли через Варшаву до Берлина. Как видно из приведенных выше данных польских потерь, это действительно были бои. Если все польские войска вне СССР в составе французской и английской армий с 1940 по 1945 год в сухопутных, морских и воздушных боях потеряли 10 тысяч человек, то Войско Польское за два года — 13,9. И о каком бы военном искусстве ни говорили, но потери при равном противнике — это и показатель жестокости боев с ним.

250. Правда, по советским данным, Войско Польское потеряло в боях с немцами на Восточном фронте 25 тысяч человек [24].

Тут вот в чем дело. Сталин был не их тех, кто дважды наступает на одни и те же грабли. Войско Польское не было чисто польским. Туда в большом количестве посылались для службы советские солдаты и офицеры. Только офицеров и генералов Советской Армии было направлено 20 тысяч человек. Официально, по-видимому, считалось, что они имеют фронтовой опыт, в отличие от польских офицеров, но, надо думать, советское правительство не желало повторять таких экспериментов, как с армией Андерса, предавшей общее дело в самый тяжелый момент.

Мой отец рассказывал, что в то время из их части отправили в Войско Польское всех, у кого фамилия была похожа на польскую — оканчивалась на «...ский». Вспоминал фронтовой анекдот. Перед боем в польском полку идет молебен. Ксендз проходит вдоль строя солдат давая поцеловать им распятие. Один солдат отказывается — «Не могу, я комсомолец». — «Целуй — шипит ксендз, — я сам коммунист».

Так что расхождения в этих цифрах нет, советская энциклопедия дает сумму погибших, а польский источник дает только число убитых поляков.

Гнуснейший из гнусных союзников

251. В качестве образчика шляхетского идиотизма любопытен такой пример. Когда армия Андерса в разгар сражений на Кавказе, под Ржевом и под Сталинградом удирала в Иран, то на причале в Красноводске, где поляки садились на суда, оказался и советский поэт Б. Слуцкий. И этого интеллигента восхитил жест, который на прощание продемонстрировали Советскому Союзу гордые шляхтичи:

"Мне видится и сегодня
То, что я видел вчера:
Вот восходят на сходни
Худые офицерА,
Выхватывают из кармана
Тридцатки и тут же рвут,
И розовые за кормами
Тридцатки плывут, плывут" [25].

То есть, отплывая в Иран, шляхта рвала и бросала в воду советские деньги — банковские билеты в три червонца — они имели розовый цвет и фигуру сеятеля на купюре. Жест понятен: «Вы, русские, думаете, что можете презирать нас за трусость, а на самом деле это мы вас презираем». Но интересно исполнение.

Во-первых. Чуть выше вы прочли, что эти же «офицерА» требовали от польских солдат «сдать советскую валюту, передать польскому гражданскому населению вещи советского происхождения». Это надо было сделать потому, что в СССР оставалась еще масса польских граждан, которым оказывали помощь десятки представительств Польши в СССР. Оказывали эту помощь деньгами и вещами. Шляхта солдат заставила деньги сдать, а себе оставила их на этакое шоу.

Во-вторых. Если бы на причале в это время стоял нарком (министр) финансов СССР А. Г. Зверев, то он аплодировал бы шляхте громче всех по двум причинам.

У него появлялась возможность произвести эмиссию рублей на сумму уничтоженной денежной массы и заплатить деньгами этой эмиссии за производство оружия без обесценивания рубля. Шляхта помогала СССР удержать рубль от уже начавшейся инфляции.

И затем. Шляхта рвала не обесценивающиеся рубли, а довольно твердые американские доллары, поскольку ГКО заключило с поляками такое соглашение:

"... 7. На расходы, связанные с содержанием на территории Союза ССР польской армии по 1 января 1942 г., предоставить Польскому правительству беспроцентный кредит в сумме 65 млн. рублей.

Фактически произведенные расходы на содержание польской армии по 1 ноября 1941 г. в сумме 39,3 млн. рублей погашаются за счет предоставленного правительству Польской республики кредита.

8. Погашение предоставленной суммы кредита правительством Польской республики производится американскими долларами, золотом или товарными поставками в течении десяти лет по окончании войны" [26].

А ведь эта шляхта могла деньги сдать польскому консулу, сесть на суда, снять пошитые в СССР бриджи и подштанники и показать советскому берегу голые дупы. Это ведь тоже было бы абсолютно по-польски, да и ошивающийся в тылу поэт обязательно нашелся бы, чтобы потом написать про розовые задницы высокохудожественные стихи, но зато такое шоу не выглядело бы столь идиотски.

252. Славные ребята эта шляхта. Главное только не вступать с ними ни в какие тесные связи — продадут и дорого не возьмут ввиду врожденного кретинизма. Когда выживший из ума Чемберлен весной 1939 г. предоставил Польше английские гарантии от агрессии, это поразило не только Черчилля, но и массу людей, знающих поляков не понаслышке. Английский историк Д. Фуллер писал: "Я был в Берлине вскоре после предоставления гарантий и спросил известного американского журналиста, что он думал о них. Вот его ответ: «Я считаю, что ваш премьер-министр совершил грубейшую ошибку со времени принятия закона о гербовом сборе». (Имеется в виду закон, принятый английским парламентом в 1765 г.).

Далее он сказал (а он знает Польшу 30 лет): «Вполне можно застраховать пороховой завод, если на нем соблюдаются правила безопасности, однако страховать завод, полный сумасшедших, немного опасно» [27].

То, что польская армия так «воевала» за освобождение Польши, определялось в первую очередь польским правительством в эмиграции, которое тогда возглавлял упомянутый генерал Сикорский. На подвигах этого правительства следует остановиться подробнее.

253. Еще раз напомню, что это правительство объявило войну СССР в ноябре 1939 г. и пыталось воевать, воевало оно в тот момент и против Германии (иначе англичане перестали бы его кормить). Но как только это правительство подписало союзный договор с СССР, генерал Сикорский 22 августа 1941 г. дал телеграмму генералу Андерсу, начавшему формировать польскую армию в СССР, и генералу Ровецкому, возглавлявшему партизанские отряды в Польше: «Я не могу допустить, чтобы в результате преждевременных диверсионных или партизанских действий против немцев поставить под угрозу организацию, значение которой состоит прежде всего в том, чтобы поднять восстание в соответствующий момент» [28]. При этом и отечественные, и иностранные историки, отмечая подлость и цинизм Сикорского, все же считают его умным человеком, который войну хотел выиграть руками англичан и «москалей», а польскую армию сбересть для решающего удара по захвату власти в Польше.

254. Однако все эти историки допускают одну капитальную ошибку — они оценивают поведение Сикорского так, как будто бы он знал, чем война закончится. Между тем, в 1941 г. ни англичане, ни американцы не сомневались, что немцы войну выиграют. Сталин перевел столицу в Куйбышев, поскольку угроза потери Москвы, а с нею и расчленения России на малосвязанные между собой регионы, была реальной. Получается, что Сикорский был умнее Сталина, Черчилля и Рузвельта, но только в этом вопросе, а вот по решению им других вопросов о нем так не подумаешь.

Поэтому я выдвину и обосную другую версию, которая будет очень уместна именно в связи с расследованием Катинского дела. Она такова: Сикорский предал союзников, поскольку не надеялся на их победу, и вступил в сговор с Гитлером. О чем они договаривались, вероятно, навсегда останется тайной, но можно предположить, что Гиммлер или Риббентроп пообещали «гнуснейшим из гнусных», что после победы Рейха им найдут несколько сотен польских шей, на которые те усядутся паразитировать. Но как бы то ни было, факт того, что в самый критический момент войны Сикорский увел с самого важного фронта польские войска и дал команду польскому сопротивлению прекратить антинемецкие акции, является фактом откровенного предательства поляками своих союзников. Именно так, и в данном случае я бы не стал списывать эти действия польского правительства в эмиграции на его обычный идиотизм.

255. Весной 1943 г. немцы сообщили миру, что они отрыли под Смоленском в Катини захоронения польских офицеров войны 1939 г. и «установили», что эти офицеры убиты советскими евреями. Именно евреями. С того времени и по сей день Катынское дело никогда не было предметом уголовного или исторического расследования, оно всегда было акцией пропагандистской войны. В 1943 г. это было понятно всем, да немцы и не скрывали, что это удар их пропаганды по союзникам. И в этот момент правительство Сикорского вновь предаёт союзников и смыкается с гитлеровцами в этой пропагандистской кампании. А для немцев это была необычайно ценная услуга Сикорского. Чтобы пояснить ее ценность, придется сделать ряд пространственных отступлений в историю того времени.

256. До конца 1942 г. союзники (Красная Армия и британцы) дрались отчаянно, но надежды на победу им заменяло упорство.

И до этого же времени у немцев не было никаких сомнений в своей победе. Первый звонок для немцев прозвенел в начале 1943 г. под Сталинградом. И дело было не в том, что немцы потеряли в окружении 300 тысяч человек. Немцы это не американцы, их потерями не смутишь. Дело было в другом.

257. Основная тактическая идея немцев той войны заключалась в уничтожении противника огнем оружия, т.е. издали. Они свою пехоту даже штыковому бою не учили. Соответственно, немцы продумали все оружие, оснащение и обучение своих войск под эту тактику. Но эта тактика давала блестящие результаты только в поле — тогда, когда противника можно увидеть издали. Когда расстояние между противниками уменьшалось до удара штыком, советский солдат начинал превосходить немецкого, и не столько за счет штыка, сколько за счет достаточно порочной идеи советской армии, что точку в атаке ставит сближение с противником вплотную. И хотя Красная Армия до осени 1942 г. практически только и делала, что отступала, но в случаях, когда немцы по каким-либо обстоятельствам не могли достать наших солдат огнем и вынуждены были сближаться, советские солдаты получали преимущества и били немцев очень эффективно: в лесу, в городах, на сильно пересеченной местности. Смешно говорить, но советская кавалерия наносила исключительно эффективные сабельные удары, если немцы не успевали сосредоточить по атакующей лаве огонь. По этой, кстати, причине, немцы отказались брать Ленинград, поскольку заведомо знали, что потеряют при штурме очень много.

258. Поле, простор нужны были немцам и для внедрения в боях главной оперативной идеи. Главная сила немцев — сухопутные войска — включали в себя пехоту просто и очень сильно вооруженную и защищенную пехоту — танковые войска. Их задача проломить оборону, впустить в прорыв обычную пехоту, а самим броситься уничтожать противника в преследовании, бить его тылы, захватывать неготовые к обороне опорные пункты и стремиться окружить врага. А входящая в прорыв простая пехота занимала оборону по внешнему и внутреннему кольцам окружения, предоставляя противнику себя атаковать и нести в этих атаках тяжелые потери. Но противник мог создать в данном месте такую оборону, что и танковые войска без огромных потерь не могли бы ее прорвать. Тогда немцы, используя подвижность танковых дивизий, отскакивали, искали другое место, более слабое, и снова били. Но для этого опять-таки нужен был простор. Если наступление идет по ущелью в горах, то в какое место отскочишь, куда еще ударишь?

То есть, немцы были исключительно сильны в поле и были уверены, что в поле им нет и не будет равных.

259. После тяжелого и неожиданного для Генштаба РККА поражения советских войск под Харьковом в мае 1942 г. Сталин воспользовался ситуацией и стал заманивать немцев к Волге и предгорьям Кавказского хребта на заранее подготовленную там оборону. Немцы чрезвычайно растянули свой фронт, подвесив все южное крыло на единственную нитку снабжения через единственный мост через Днепр в Днепропетровске. А в результате они уперлись в развалины Сталинграда, тянущиеся на 70 км вдоль Волги, и в перевалы Кавказских гор. Их коронную тактику негде было применить, их оружие (главным образом артиллерия) потеряло эффективность, они вынуждены были сближаться с советскими солдатами и несли большие потери, понимая, что это «не их война». (Точно так же и фельдмаршал Роммель в Африке одерживал блестящие победы над британцами, пока те не отступили в теснину Аль-Аламейна, в которой Роммель уже не способен был применить ни немецкую тактику, ни немецкое оперативное искусство. Где немцы должны были не уничтожать англичан издали, а бросаться на них. А англичане, кстати, тоже гордятся стойкостью своих войск в штыковой атаке).

260. Но вот в ноябре 1942 г. советские войска вышли из укреплений своей обороны в чистое поле

и окружили под Сталинградом 6-ю армию немцев. Немцам показалось, что это подарок судьбы — советские войска оказались в чистом поле. И немцы (Гитлер и фельдмаршал Манштейн) разрабатывают операцию «Зимняя гроза», согласно которой совместными ударами танковой армии Гота с юга, группы Голидта с запада, 6-й армии на Калач и вспомогательного удара с Нижнечирской на Калач немецкие войска должны были окружить и уничтожить все войска Красной Армии в этом районе. И вот это у немцев не получилось. В боях в чистом поле Красная Армия и маневрировала соответственно, и ее артиллеристы перестали уступать немецким, и авиация превосходство немцев в воздухе пресекла. И не потеря 6-й армии, а вот этот факт потери превосходства в боях в поле и стал для немцев первым тревожным звонком. Надежды выиграть войну немцы не теряли, но для них пришло время и подумать, как отстоять то, что они завоевали в Европе.

261. А для этого необходимо было сплотить Европу против СССР. Надо сказать, что и до этого Европа в стороне не стояла, достаточно посмотреть на национальность тех пленных, которых взяла Красная Армия в ходе Второй мировой войны.

Национальный состав военнопленных в СССР

в период с 22.06.1941 г. по 2.09.1945 г.29

Национальность военнопленных

Общее количество, чел.

Немцы 2 389 560

Японцы 639 635

Венгры 513 767

Румыны 187 370

Австрийцы 156 682

Чехословаки 69 977

Поляки 60 280

Итальянцы 48 957

Французы 23 136

Югославы 21 822

Молдаване 14 129

Китайцы 12 928

Евреи 10 173

Корейцы 7 785

Голландцы 4 729

Монголы 3 608

Финны 2 377

Бельгийцы 2 010

Люксембуржцы 1 652

Датчане 457

Испанцы 452

Цыгане 383

Норвежцы 101

Шведы 72

За годы войны только в составе вермахта и войск СС воевало 1800 тыс. граждан со всех стран Европы [30], и это не считая войск официальных союзников Германии.

Но для сплочения Европы в этот монолит угроз было мало — опасно угрозами загонять человека в армию и там давать ему оружие. Для сплочения Европы нужна была идея: сплочение Европы было задачей пропаганды, а не гестапо.

262. О том, что пропаганда это сильнейший род войск, первыми догадались британцы, по крайней мере Гитлер в «Майн кампф» по использованию пропаганды в Первой мировой им отдает пальму первенства в этом вопросе: "Английская пропаганда прекрасно поняла примитивность чувствования широкой массы, блестящим свидетельством этого служит английская пропаганда по поводу «немецких ужасов». Этим путем англичане просто гениально создавали предпосылку для стойкости их войск на фронтах даже в моменты самых тяжелых английских поражений. Столь же превосходных для себя результатов достигали англичане своей неустанной пропагандой той мысли, что одни немцы являются виновниками войны. Чтобы этой наглой лжи поверили, необходимо было ее пропагандировать именно самым односторонним, грубым, настойчивым образом. Только так можно было воздействовать на чувство широких масс народа и только так англичане могли добиться того, что в эту ложь поверили.

Насколько действенной оказалась эта пропаганда, видно из того, что мнение это не только целых четыре года удержалось в лагере противника, но и проникло в среду нашего собственного народа.

...В Англии пропаганда считалась орудием первого ранга. Между тем у нас в Германии пропаганда стала занятием для безработных политиков и для всех тех рыцарей печального образа, которые искали теплых местечек в тылу.

Вот чем объясняется тот факт, что и результаты нашей военной пропаганды равнялись нулю" [31].

Гитлер, на нашу беду, исправил эту ошибку кайзеровской Германии и сделал пропаганду оружием «первого ранга». Английский историк Д. Фуллер отдает Гитлеру должное: "Его тактика основывалась на использовании пропагандистского наступления и последующего молниеносного удара. Гитлер пересмотрел теорию Дуэ с точки зрения последовательности действий: нужно подорвать моральное состояние мирного населения противника до, а не после начала военных действий, не физически, а интеллектуально. Гитлер говорил: «Что такое война, как не использование хитрости, обмана, заблуждений, ударов и неожиданностей?.. Есть более глубокая стратегия, — война интеллектуальным оружием... Зачем мне деморализовать его [противника] военными средствами, когда я могу достичь того же самого лучше и дешевле другими путями» [32].

263. Но, повторяю, понимание важности пропаганды как рода войск у гитлеровцев было, теперь осталось найти идею, которую надо было пропагандой вложить в головы европейцев и этим сплотить их вокруг Германии. Для немцев такая идея была жизненно необходима, тем более что выбор у них был очень ограничен.

Союзникам было проще. Их главная пропагандистская идея — освобождение Европы от немцев. Теперь бери и обосновывай ее зверствами немцев, смертью европейцев в войне, ухудшением их материального состояния и т.д. Вид командующего тобой чужеземца никому радости не доставляет, поэтому основная пропагандистская идея союзников была идеальной.

264. А вот теперь давайте встанем на место немцев. Что они могли предложить Европе?

Идеи национал-социализма были расистскими и предназначались только для германских арийцев, а большая часть Европы не имела чести входить в этот узкий круг избранных.

Попробовать сплотить Европу страхом перед Коммунистическим интернационалом? Мысль интересная, но время ушло. Ведь Сталин заставил Гитлера два года громить противников Коминтерна — капиталистические страны — и Гитлер в этом деле здорово преуспел — всю Европу погромил. Поди теперь докажи, что Германия боролась с Коминтерном таким оригинальным способом. Кроме того, страх перед коммунистами непросто привить основной массе населения — ведь коммунисты были во всех странах, и трудящиеся видели, что это их защитники. А ведь именно эти трудящиеся должны стать солдатами армии III Рейха. Да и как быть с Англией и США — они ведь союзники коммунистической России.

Страх Европы перед русскими, которые, войдя в Европу, всех поубивают и все разграбят? Мысль, в общем, неплохая. Но дело в том, что Европа и Россия живут рядом много веков и армии царской России случалось хаживать и в Европу. Да, в XVIII, когда брали Берлин, то казачки, башкиры и калмыки окрестности, само собой, пограбили. Но какая армия тогда не грабила? Зато в 1813, когда ходили в Париж, даже казаки мешка овса не брали без оплаты. Кроме того, от Первой мировой войны остались миллионы ветеранов, сражавшихся с русскими, и сотни тысяч бывших в России в плену и переживших там революцию. То есть, пропаганда об ужасах русского нашествия наткнулась бы на контрпропаганду ветеранов и вызвала бы недоверие вообще ко всему тому, что вещает ведомство доктора Геббельса.

Таким образом, из видимых идей, которые можно было бы положить в основу сплочения Европы вокруг Германии, не было ни одной достойной.

265. Оставалась старая и хорошо себя зарекомендовавшая идея, о которой сегодня все историки молчат и о которой, по сути, впервые заговорил А. К. Дмитриев [33]. Это идея борьбы с еврейским засильем Европы. Эта идея хороша по всем параметрам. Коммунистический интернационал, и верхушка СССР были во многом представлены евреями, а то, что в Англии еврейское лобби всесильно, а в США оно, по сути, правит Америкой (президент Рузвельт был, как говорят сегодня, «демократической» национальности), было всем известно. Под эту идею союз СССР, США и Великобритании легко было представить сплочением еврейских сил, а Коминтерн — органом этого союза.

Сегодняшнему читателю, воспитанному сегодняшними СМИ, сама постановка этого вопроса может показаться нелепой и дикой. Ведь известно, что европейцы, после самих евреев, это самые цивилизованные люди. А цивилизованные люди никогда не бывают антисемитами и искренне любят евреев. Как же можно было Европу сплотить под идею антисемитизма?

266. Но сегодня почти все в мире находятся под воздействием подконтрольных евреям СМИ, и, соответственно, многие полагают, что так, как внушают эти СМИ, думают все европейцы. Возьмем, к примеру, информационную европейскую телепрограмму «EuroNews». По идее эта программа должна давать новости, которые интересны жителям европейских стран. Но можно месяцами смотреть эту программу и ни разу не услышать даже напоминание о таких странах как Португалия, Норвегия, Словения, Хорватия, не говоря уже о какой-нибудь Литве или Эстонии. Но нет дня, чтобы европейцам не напомнили о евреях либо прямым репортажем из Израиля, который европейской страной не является, либо возмущенным репортажем о том, что где-то в Европе на такой-то синагоге свастику нарисовали или какой-то политик проявил в своих высказываниях антисемитизм и т.д. и т.п. Естественно, что у потребителя такой информации со временем сложится мнение, что все европейцы по утрам просыпаются с единственной мыслью: как там евреи? никто их не обижает? Тем не менее, даже при такой тотальной подконтрольности евреям всех главных СМИ Европы антиеврейское высказывание или действие политика может резко повлиять на результаты голосования на выборах, причем в его пользу.

Вспомним Хайдера в Австрии, который в предвыборной гонке лишь безобидно покритиковал евреев, показав, что интересы Австрии для него важнее еврейских, и его партия «Свободы» неожиданно для себя получила пятую часть голосов всех австрийцев, до этого, казалось бы, молчаливо соглашавшихся с существующим положением дел. Или вспомним выборы 2002 года в Германии. Правые, которые устроили торжественное аутодафе и изгнали из своих рядов «антисемита», осмелившегося сказать, что Израилю надо бы вести себя поприличнее, получили вдвое меньше голосов, чем на предыдущих выборах, на которых они не клялись в своей верности евреям. А социал-демократы, которые до самых выборов не стали изгонять не только из партии, но и с поста министра юстиции женщину, назвавшую Буша Гитлером, победили. Победили несмотря на то, что по итогам своего жалкого правления страной должны были эти выборы проиграть. То есть, даже сегодня нельзя сказать, кто из европейцев и что думает по еврейскому вопросу.

267. А в те годы в европейских СМИ была еще масса чисто национальных изданий и радиостанций, европейцы были еще не так забиты своим «комплексом вины» перед «несчастливыми евреями». Вот такой пример предвоенных лет.

Гитлер принял в Германии комплекс законодательных мер, ограничивающих право евреев по занятию профессий, особо ими любимых. Кроме этого, настойчивой антиеврейской пропагандой евреи стимулировались к выезду, причем к выезду в Палестину. Англичане согласились принимать в Палестине по 1500 очень бедных евреев в месяц и неограниченное число евреев с 1000 фунтов стерлингов. По расчетам немцев, выехать должно было всего-навсего 200 тыс. человек, и эти евреи хотели выехать, но хоть с деньгами, хоть без них, они ни в коем случае не хотели выезжать в Палестину, где им предстояло заниматься производительным трудом. А другие страны наотрез отказывались их принимать. Представители, как считается, самой гуманной профессии — английские медики — предупредили правительство, что объявят забастовку, если оно впустит в страну хотя бы одного еврея [34].

Наконец, по этому пустячному вопросу (напомню, что в это же время эмиграция из Польши почти 2 млн. поляков не встретила в мире никакого протеста) США собрали во Франции конференцию 32 стран летом 1938 г. Много дней дипломаты рассказывали друг другу историю своих стран, заканчивая выступления отказом от приема евреев. Отказывались не только европейские страны, отказывались даже те страны, которые в это время активно принимали эмигрантов со всего мира, скажем, Австралия или сами инициаторы конференции — США. Причем, не было ни грамма антисемитизма, т.е. никто не был против евреев из-за их внешнего вида, обычаев или религии. Наиболее точно причину сформулировали представители Коста-Рики, Гондураса, Никарагуа и Панамы в своем совместном заявлении: «Ни одно из четырех государств не может взять на себя финансовую заботу об устройстве хотя бы одного беженца. Коммерсантов и интеллектуалов у нас и так уже сверх меры, для нас это нежелательные элементы» [35]. (Хотел бы я посмотреть сегодня на страну, которая заявила бы, что ей не нужны еврейские коммерсанты и интеллектуалы. Наверное, уже через неделю ее бомбили бы США как «ось зла»). Но отсюда, между прочим, и следовало, что Европа, сурово поступая с еврейскими «коммерсантами и интеллектуалами», должна была опасаться их, когда те ворвутся в Европу вслед за русскими казаками и индийским сипаями.

268. Кроме того, консолидация сил для защиты от еврейского нашествия была не просто идеей, не пустым теоретизированием, а хорошо зарекомендовавшим себя оружием в битвах психологической войны. Поясню.

После советско-польской войны, когда Красная Армия потерпела от поляков жестокое поражение на своем Западном фронте, командовавшая этим фронтом военная бездарность Тухачевский издал цикл своих лекций, в которых оправдывался и, в частности, заявлял, что красным не хватило немного времени, чтобы по всей Польше поднялось восстание крестьян и пролетариата против войск Пилсудского. Действительно, Красная Армия передавала помещичью землю крестьянам, национализировала банки, предприятия. Логично было ожидать, что трудящиеся Польши дружно поддержат Красную Армию. Но эта логика была кажущейся, и нужного результата получено не было.

Пилсудский в ответ на брошюру Тухачевского издал свой небольшой труд под названием «1920 год», в котором ехидно высмеял Тухачевского, в том числе и за наивность в этом вопросе. «Что же касается меня, то я, — писал Пилсудский — утверждаю, что, осуществляя свою цель — отделить Варшаву от Советов возможно большим пространством, -я действовал как человек, который настолько хорошо знал театр военных действий, что как на самой местности, так и для каждого живущего на ней человека я был своим, а не чужим, и говорили со мной на совершенно понятном для меня языке. Поэтому я отлично видел, что громадное, подавляющее большинство населения относилось с глубоким недоверием, а зачастую и с явным недоброжелательством к Советам и к их государству, усматривая в них — справедливо или несправедливо, это также для стратегии безразлично — господство невыносимого террора, получившего название „еврейского“. Поэтому-то я в течение всей войны никогда не боялся, что буду иметь с своим тылу какое-либо восстание».

То есть, на все комбинации большевиков с пролетарским единством и экспропрированными коврижками поляки Пилсудского ответили очень просто — они убеждали население, что на Польшу идут толпы москалей, возглавляемые жидами, и эти жиды будут беспощадно вырезать поляков. И эта простая идея пересилила лозунг «Пролетарии всех стран, объединяйтесь!»

269. Таким образом, пропагандистская идея у немцев была очень недурна, а ценность ее особенно повышалась тем, что никакой другой идеи просто не было. Осталось подыскать подходящее еврейское злодейство, такое злодейство, которое бы потрясло Европу и заставило каждого европейца дрожать за свою жизнь. Поэтому весной 1943 г. немцы начинают раскапывать специально подготовленные могилы ими же расстрелянных в 1941 г. польских офицеров и начинают вопить на весь мир, приглашая желающих взглянуть на эти еврейские зверства. Ввиду исключительной важности этой пропагандистской кампании для судьбы Германии, Геббельс лично и непрерывно руководил немецкой и вассальной прессой в деле Катыни, и на его инструктажах евреи с его уст не сходили. Начиная с 6 по 30 апреля Геббельс дал по катынскому делу нацистской прессе обширные инструкции, примерно на 40 машинописных страницах. В них он лишь один раз упоминает Сталина. Зато евреи у него именинники:

"...прежде всего, заклеим цинизм английских евреев, советские союзники которых способны на отвратительные поступки...

...чтобы эти еврейские негодяи, заключившие совместный сговор между Лондоном и Москвой...

...За каких дураков эти нахальные еврейские болваны считают европейскую интеллигенцию...

...Более глупого тупые евреи в Москве действительно ничего не могли придумать...

...Под тяжестью этих обвинений евреи могут произносить лишь бессвязный лепет...

...Наряду с ТА ССовскими евреями и англичане придумали махинацию...

...В прессе следует прежде всего показать, как в данном случае действовали евреи...

... Такого идеального случая соединения еврейского зверства с отвратительной еврейской лживостью мы еще не знали во всей военной истории...

...Было бы совершенно неправильно предполагать, что мы подавляли нашу заграничную пропаганду тем, что внутри страны включаем еврейский вопрос в катынское дело. И фюрер придает значение тому, чтобы еврейский вопрос был связан с катынским делом. Соответствующее указание для прессы было дано уже вчера в дневном пароле.

...Если евреи в Кремле выдумывают такую сказку, то это знаменательно для того душевного состояния, в котором сейчас находятся советские властители...

Здесь нам снова предоставляется случай направить внимание немецкой и мировой общественности на евреев, высказав следующее:

«Теперь евреи снова придумали махинацию! Снова они действуют своими давно известными методами: замалчивать вещи, которые им не подходят. Еврейское агентство прессы, придумавшее эту махинацию, довольно дерзко и нагло, в открытую признает намерение евреев убить молчанием и похоронить без шума катынское дело, после того, как уже было разбито столько фарфора. Это чисто по-еврейски. Таким путем думают затушевать исчезновение 12 тыс. польских офицеров». Соответствующий пункт должен быть включен сегодня в лозунг дня..."

И наконец:

"...Глубокое впечатление, которое произвело все это дело на польский народ, необходимо изображать снова и снова..." [36].

270. По поводу последней мысли Геббельса следует сказать, что уже после войны специалисты по рекламе нашли, что для реального воздействия на покупателя необходимо, чтобы он услышал или увидел рекламу не менее 70 раз. Геббельс это прекрасно знал из анализа методов действия еврейской прессы, поэтому он сам ищет и дает указания журналистам искать поводы говорить и говорить об «убийстве евреями поляков» в Катыни. Чтобы вся Европа запомнила это навсегда.

«Министр рекомендует всю полемику, включая и внутри страны, с целью заинтересовать немецкую общественность, направить на эту тему и вести ее так тщательно, как это делали раньше евреи во время казни Якубовского, во время процесса над ложно обвиненным в государственной измене Беллерьяном и т.д., когда они месяцами скакали вокруг этих дел» — передает указание Геббельса его заместитель, а уже сам Геббельс учит: «В продолжительных рассуждениях лондонского радио на польском языке, например, между прочим, говорится: „Битва, которую ведет немецкая пропаганда в Катынском лесу и на весы которой она бросает свыше 10 тыс. убитых, может иметь большое значение для исхода войны, как какая-нибудь битва, в которой участвуют тысячи живых. Нельзя допустить, чтобы немцы выиграли эту битву. Этим мы не хотим сказать, что эту битву не следует вести и что в ее течение не следует вмешиваться. Для этого вмешательства имеется только один путь: цепь немецкой лжи может быть разбита только правдой“. Это именно то, чего мы хотим! Мы заставили врага болтать и должны поддерживать эту болтовню путем выдвижения все новых утверждений» [31].

271. Одновременно немцы принимают ряд ужесточающих мер к европейским евреям, особенно это коснулось тех, кто проживал в Польше. До 1943 г. евреи жили в гетто. Чем были эти гетто на самом деле, сегодня сказать трудно, поскольку сегодня сионистской пропагандой они превращены в некие тюрьмы. Однако по пробивающимся сообщениям о том, что в еврейских гетто было свое управление, своя полиция, своя денежная система, в них функционировали рестораны, публичные дома и казино, возникают сомнения в том, были ли эти гетто действительно похожи на тюрьмы, или они были похожи на те «гетто», которые сегодня настроили «новые русские» вокруг Москвы и в престижных районах столицы. К этой мысли приводит тот факт, что еврейские гетто организовывались в центрах польских городов и полякам вход в эти гетто был воспрещен, хотя евреи могли свободно их покидать. Но в 1943 г. гетто были упразднены, а евреев из них переселили в трудовые лагеря, в которых заставили работать на Рейх. Если учесть, что гитлеровской армии служило 150 тысяч тех, кому Израиль сегодня без проблем присвоил бы израильское гражданство [38], то такое переселение возможно и не было для Гитлера простым вопросом, но куда денешься — Европе надо было показать строгость к евреям в ответ на их зверства в Катыни. Между прочим, именно в тот момент, когда Геббельс раскручивал Катынское дело, в Варшавском гетто вспыхнуло восстание переселяемых в Освенцим евреев. Восстание подняли коммунистически настроенные евреи при поддержке таких же поляков. Немцы при помощи польских жандармов утопили это восстание в крови, и сведения об этом поступили в Лондон к правительству Польши в эмиграции одновременно с первыми сообщениями немецкой пропаганды о Катынском деле.

272. Для союзников гитлеровская антисоветско-антисемитская кампания не была чем-то неожиданным, поскольку, как я уже сказал, немцам больше просто не чем было сплотить Европу. Прекрасно это понимали и руководители СССР: если не поляки, то нашлись бы еще какие-нибудь «убитые советскими евреями» европейцы, о которых Геббельс начал бы вопить: «Центр тяжести нашей пропаганды в ближайшие дни и далее будет сосредоточен на двух темах: атлантический вал и большевистское гнусное убийство. Миру нужно показать на эти советские зверства путем непрерывной подачи все новых фактов. В особенности в комментариях надо, как это частично уже было, показать: это те же самые большевики, о которых англичане и американцы утверждают, что они якобы изменились и поменяли свои политические убеждения. Это те же самые большевики, за которых молятся в так называемых демократиях и которых благословляют в торжественном церемониале английские епископы. Это те же самые большевики, которые уже получили от англичан абсолютные полномочия на господство и большевистское проникновение в Европу» [39].

273. Участвовать в дискуссиях по Катынскому делу союзникам было нельзя — это означало игру на руку Геббельсу: пока он говорил сам, то это для многих в Европе было очевидной пропагандой, но когда он оспаривал какие-либо утверждения прессы союзников, то наличие пропаганды становилось малозаметным. Даже простое и очевидное утверждение о том, что немцы Катынским делом преследуют только пропагандистские цели, давали немцам повод снова обрушить на европейцев поток грязных помоев министерства пропаганды Рейха.

"По поводу вражеской клеветы, что наши данные о преступлении в Катыни являются пропагандистской битвой, нужно сказать следующее:

"Это не пропагандистская битва, а фанатичная жажда правды. Для нас, конечно, эти польские офицеры не являются вопросом главным и национальным. Нас касается только тот факт, что большевики не изменились, что об обновлении большевизма вообще не может быть никакой речи, что это те же кровожадные псы, которые набросились на русское дворянство, которые убили латвийское дворянство и латвийскую буржуазию — латвийских врачей, адвокатов и т.д., которые так страшно свирепствовали в Бессарабии, которые точно так же хотели свирепствовать в Финляндии — поэтому и поднялся этот маленький 2,5-миллионный народ, которые и в других частях Европы стали бы так же свирепствовать.

Первое, что бы они сделали, устранили бы выстрелом в затылок тех, кто хоть немного имеет в голове мозга, так, как это случилось с теми 12 тыс. польских офицеров и молоденьких прапорщиков".

Вообще нам нужно чаще говорить о 17-18-летних прапорщиках, которые перед расстрелом еще просили разрешить послать домой письмо и т.д., т.к. это действует особенно потрясающе" [40] — требовал от своей бригады доктор Геббельс.

274. Между тем, немцы и поляки, чтобы раскрутить пропагандистский маховик посильнее, обратились в Международный Красный Крест с целью послать в Катынь независимую экспертную комиссию, которая бы установила, кто именно убил польских офицеров. МКК ответил, что он пошлет комиссию только в том случае, если аналогичную просьбу направит и СССР. У СССР появилась теоретическая возможность включить в состав комиссии своих специалистов, которые бы еще тогда, в 1943 г., разоблачили бы немецкую ложь. Немцы немедленно эту возможность пресекли: "По вопросу ответа Международному Красному Кресту господин министр желает, чтобы действия были согласованы с фюрером. По предложению господина министра следует сказать, что передачу телеграммы с ответом рекомендуется дать не полным текстом, а только краткими выдержками в косвенной речи. Так же в косвенной речи следовало бы затем дать официальное весьма краткое изложение в комментарии. Последняя фраза этого комментария должна была бы примерно звучать так: не годится большевиков привлекать в качестве экспертов, т.к. это примерно означало бы, что уличенного убийцу привлекают в качестве эксперта на совещании при вынесении ему приговора.

Таким образом, участие Советов может быть допущено только в роли обвиняемого" [41].

Что тут скажешь — Геббельс был прекрасным специалистом и черновой работы не избегал: все выдал прессе — и что ей писать, и как, и чем писания закончить.

275. В этих условиях Советскому Союзу предстояло доказать Европе, что большевики это не те, словами Геббельса, «кровожадные псы, которые набросились на русское дворянство» и т.д. и т.п. СССР нужно было показать, что у него совсем другая армия — дисциплинированная, не убивающая ни пленных, ни мирных жителей. Более того, Советскому Союзу нужно было показать, что он и сам по себе государство, как и остальные, а не пусть и крупная, но всего лишь фигура в Коммунистическом (для Европы — еврейском) Интернационале.

Для уменьшения потерь в войне СССР приходилось наступать на горло собственной песне, причем и в полном смысле этого слова. Гордостью Красной Армии было то, что она в Гражданскую войну разгромила золотопогонное офицерье. Но офицеры — это признак регулярной, дисциплинированной армии, их отсутствие — это признак банды, в лучшем случае — партизанского отряда. На этот деликатный шаг Сталин не мог решиться сразу. Сначала, еще до Катынского дела, в январе 1943 г., в Красной Армии ввели погоны, но офицеров еще не было, погоны носили командиры. Катынское дело подстегнуло — летом носящих погоны от младшего лейтенанта до полковника назвали, наконец, офицерами официально.

276. В мае 1943 г. был упразднен Коминтерн — то, против чего сплывались страны антикоминтерновского пакта. Советский Союз этим самым заявил, что он государство само по себе и как государство никому ничего не должен.

277. Одновременно начали снимать евреев с витрины СССР, вернее, не снимать, а маскировать их там. А.К. Дмитриев по этому поводу пишет:

"В июле 1943 г. генерала Давида Ортенберга удаляют с поста главного редактора «Красной звезды». К. Симонов в своих дневниках этот факт сопровождает оценкой, граничащей с осуждением: «неожиданно», «необъяснимо». Этот эпизод он описывает как трагедию, сопоставимую с неудачей на фронте. Сам Д. Ортенберг в своих воспоминаниях пишет: "В июле 1943 г. меня вызвал тов. Щербаков, что есть решение ЦК о моем освобождении от обязанностей редактора «Красной звезды». На мой вопрос: по каким мотивам? — тов. Щербаков ответил:

«Без мотивировки». (Д. Ортенберг, «Сталин, Щербаков, Мехлис и другие», М, 1995 г., стр. 191).

Мехлис, Симонов, Эренбург в один голос заявили: это очередная антисемитская выходка Сталина (Д. Ортенберг маленькую главку в своей книге так и назвал «Благодари бога, что этим все кончилось»).

Еврейские авторы только в этом ключе и ведут рассуждения; так начинается фальсификация истории. Ортенбергу до его отставки было сказано: впредь «подписывать газету будете Вадимовым». Позже Мехлис объяснял Ортенбергу: «Сталин сказал тогда, что не надо дразнить... Гитлера».

Как выясняется, Сталин не хотел «дразнить Гитлера» не только фамилией Ортенберга. Последний признается:

«Затем вижу, сменились подписи и других собкоров „Правды“. Исчезли со страниц газеты „берг“, „майн“ /.../Появились вместо них псевдонимы на „ов“ и т.п. Такая же история произошла в „Известиях“, „Комсомольской правде“ и других центральных газетах» (там же, стр. 21).

Чтобы представить себе, насколько эти центральные редакции были еврейскими и, таким образом, были фактически наглядным пособием для геббельсовской пропаганды, приведем для справки неполный состав редакции «Красной звезды», которой командовал обиженный Д. Ортенберг:

О. Кнорич, Е. Гехман, Б. Галин, Лев Славин, Яков Халип, В. Гроссман, А. Шуэр, Б. Абрамов, Б. Лапин, К. Симонов, Я. Сиславский, З. Хацревин, С. Сапиго, Г. Шифрин, Е. Габрилович, З. Херен и др." [42]

278. У СССР как у государства к тому времени не было своего гимна, гимном СССР был гимн коммунистов Коминтерна — «Интернационал». А это произведение гимном, т.е. торжественной песней — общественной молитвой, было условно. Со словами «весь мир насилья мы разрушим» вполне могли и варвары идти на Рим, т.е. эта боевая песня пролетариата для мирного в своей идее государства была избыточно боевой. Сталин лично занялся новым гимном, к концу года гимн был готов и Сталин немедленно отправил его ноты Черчиллю, ни о чем не прося, а всего лишь с шутливой запиской, в которой было пожелание: «изучить новую мелодию и насвистывать ее членам консервативной партии». Но поскольку война была общей проблемой, то Черчилль понял Сталина без слов: он немедленно передал ноты на радиостанцию BBC, вещавшую на всю Европу, и распорядился, чтобы оркестр BBC предварял мелодией нового гимна СССР любые сообщения из СССР [43]. Европа обязана была привыкнуть к мысли, что «Интернационал» — это уже не главная песня Советского Союза.

Как видите, провокация немцев в Катюни была величайшим сражением боевой пропаганды Германии с пропагандой союзников. Поэтому я прервусь и дам по этому вопросу слово своим противникам из бригады Геббельса.

Прокурорская часть бригады Геббельса

В СССР было объявлено об амнистировании польских граждан. Немедленно встал вопрос о местонахождении польских офицеров. Польское правительство в изгнании генерала Вл. Сикорского настойчиво пыталось вести их поиск. В Москву были переданы списки на 8 300 офицеров и 7 тыс. других польских граждан с просьбой освободить их. В течение ноября 1941 г. неоднократно возобновлялись беседы представителей польского правительства со И.В. Сталиным, В.М. Молотовым и его заместителем А.Я. Вышинским, но советское руководство отрицало существование проблемы польских военнопленных. 3 декабря 1941 г. Сикорский передал Сталину в Москве составленный товарищами по плену список на 3.843 польских офицера с указанием конкретных лагерей, где они содержались, и с новой просьбой об их освобождении. В январе 1942 г. польское правительство вновь повторило свою просьбу. На все обращения оно получало ответ, что все польские военнопленные отпущены по амнистии и их местонахождение неизвестно. В беседах с Сикорским и Андерсом Сталин высказал предположение, что они бежали в Маньчжурию. Эти отговорки невозможно было признать убедительными, и польское правительство в январе 1943 г. направило в Москву специальную комиссию, но и ей не удалось найти следы своих соотечественников.

Первыми о захоронениях польских офицеров в Катюинском лесу Смоленской области узнали от местных жителей летом 1942 г. польские рабочие из команды «Тодт», занимавшиеся ремонтом железнодорожных путей. Они установили на этом месте два березовых креста. В феврале 1943 г. могилами заинтересовалась немецкая тайная полиция. 13 апреля 1943 г. радиостанции германского рейха передали в эфир сообщение об «обнаружении в окрестностях Смоленска могил польских офицеров, убитых ГПУ».

16 апреля 1943 г. Совинформбюро опубликовало опровержение. В нем сообщалось, что якобы

польские военнопленные, которые находились на строительных работах западнее Смоленска, летом 1941 г. попали в руки к немцам и были ими расстреляны. Эта версия стала официальной, хотя время расстрела называлось по-разному.

17 апреля 1943 г. польское правительство в изгнании обратилось к Международному комитету Красного Креста с просьбой о посылке делегации под Смоленск для эксгумации трупов из захоронений. С аналогичным обращением выступило правительство Германии. МККК согласился содействовать в установлении истины при условии, что к нему обратятся все заинтересованные стороны, то есть и СССР. Однако сталинское руководство отказалось сделать это, обвинило Польшу в пособничестве фашистской Германии и расторгло дипломатические отношения с польским правительством. Б.А. Топорнин, А.М. Яковлев, И.С. Ямборовская, В.С. Парсаданова, Ю.Н. Зоря, Л.В. Беляев. [43]

Академическая часть бригады Геббельса

13 апреля 1943 г. берлинское радио сообщило об обнаружении в Катынском лесу под Смоленском массовых захоронений польских офицеров. Впервые германским властям стало известно о расстреле поляков под Смоленском из показаний военнопленного Меркулова еще 2 августа 1941 г. После захвата Смоленска и его окрестностей войсками Ф. Бока не было попыток проверить эти показания. Однако с 6 января 1942 г. в районе Козьих Гор в течение трех месяцев дислоцировался строительный батальон № 2005, в котором работали поляки. В конце своего пребывания в Гнездове польские рабочие узнали от населения окрестных деревень о месте расстрела польских офицеров. В Катынском лесу они раскопали могилы, в которых нашли тела в польской военной форме, и поставили на них березовые кресты.

Об этом были проинформированы немцы, но тогда эти захоронения их не заинтересовали. Вермахт рвался к Волге, после ожидавшегося вскоре падения Сталинграда должна была, по их расчетам, сдать и Москва. Капитуляция армии Ф. Паулюса и последующее наступление Красной Армии изменили ситуацию в пользу антигитлеровской коалиции. Ширилось движение Сопротивления. В новой обстановке секретная полевая полиция энергично взялась за расследование гибели захороненных в Катынском лесу поляков. Проведенные 18 февраля 1943 г. частичные раскопки позволили обнаружить несколько общих могил польских офицеров. 28 февраля были допрошены местные жители, в частности Иван Андреев и Федор Куфтиков. В этот же день командование группы армии «Центр» направило Главному командованию сухопутных сил вермахта (ОКХ) соответствующее донесение начальника местной полевой полиции. Все материалы вскоре попали к начальнику оперативного отдела ОКБ А. Йодлю и были переданы им профессору Герхарду Бутцу, специалисту в области судебной медицины, который в дальнейшем возглавил работы по эксгумации. 29 марта ОКХ распорядилось вскрыть могилы, установить число жертв и обстоятельства смерти.

По распоряжению Гитлера было решено придать делу всемирную огласку. В Катынь были направлены журналисты из Швеции, Швейцарии, Испании и ряда стран-сателлитов Германии. 11 апреля туда же прибыла первая делегация поляков из Генерал-губернаторства. 13 апреля заявлением берлинского радио было положено начало шумной пропагандистской кампании с использованием прессы и радио, направлением в Катынь многочисленных групп поляков, журналистов из разных стран, местных жителей, союзных военнопленных и т.д.

17 апреля И. Геббельс записал в своем дневнике: «Катынь-ское дело становится колоссальной политической бомбой, которая в определенных условиях еще вызовет не одну взрывную волну. И мы используем ее по всем правилам искусства. Те 10-12 тыс. польских офицеров, которые уже раз заплатили своей жизнью за истинный, быть может, грех, ибо они были поджигателями войны, еще послужат нам для того, чтобы открыть народам Европы глаза на большевизм».

16 апреля Совинформбюро обвинило в убийстве польских офицеров гитлеровцев, объявив, что поляки работали под Смоленском, где и попали в германский плен. И в передаче Московского радио, и в статье, появившейся в «Правде» 16 апреля, деревня «Гнездовая» характеризовалась как место археологических раскопок исторического «Гнездовского могильника». В убийстве же польских офицеров обвинялись немцы, которые якобы захватили в плен польских офицеров летом 1941 г. при вступлении соединений вермахта в район Смоленска.

Правда была нежелательна не только сталинскому руководству, но и демократическим союзникам СССР по антигитлеровской коалиции. У. Черчилль и Ф. Рузвельт понимали цели Берлина и сделали все, чтобы ограничить политический резонанс катынского дела, предотвратить раскол коалиции. Общие интересы союзников для них в то время были важнее выяснения истины. Об этом свидетельствуют и

переписка У. Черчилля и Ф. Рузвельта с И.В. Сталиным, и переговоры британского премьера с польскими государственными деятелями.

15 апреля премьер-министр РП В. Сикорский и министр иностранных дел РП Э. Рачинский завтракали с У. Черчиллем и постоянным заместителем министра иностранных дел Великобритании А. Кадоганом. Сикорский проинформировал британского премьера о советско-польских отношениях и судьбе поляков в Советском Союзе; Рачинский передал англичанам докладную записку о пропавших без вести в СССР польских офицерах и полицейских. Британский премьер понимал, что германская пропаганда стремится внести раздор среди союзников по антигитлеровской коалиции. Он предостерег польских государственных деятелей, чтобы они не поддались на эту провокацию. В заключение У. Черчилль сказал: «Итак, к сожалению, немецкая информация может подтвердиться. Я знаю, на что способны большевики и какими они могут быть жестокими; все это мне известно... Но другая политика невозможна. Ибо наша обязанность — вести себя так, чтобы спасти поставленные нами главные цели и эффективно служить им». Премьер сказал, что британский кабинет уже принял решение по этому вопросу и еще раз подчеркнул: «Есть вещи, которые, хотя и достоверные, не годятся, чтобы говорить о них публично. Нарушить этот принцип — значит допустить серьезную ошибку». В. Сикорский тем не менее ответил, что польское правительство будет вынуждено занять ясную и четкую позицию в отношении немецкого заявления, и она отнюдь не будет благоприятной для Советов.

Министр иностранных дел Великобритании А. Идеи, в свою очередь, 19 апреля беседовал со своим польским коллегой о катынском деле. В тот же день он проинформировал британский кабинет о сильнейшей обеспокоенности, охватившей поляков. А. Идеи подчеркнул, что хочет убедить их рассматривать катынское дело как результат германской пропаганды, что, однако, не должно означать, что это неправда.

Члены британского правительства согласились с У. Черчиллем и А. Иденом в том, что катынское дело не должно отвлекать внимание поляков от усилий, направленных на получение разрешения русских на выезд оставшихся в СССР польских военнослужащих и их семей на Ближний Восток. Попытки посла Великобритании при польском правительстве Оуэна О'Малли доказать причастность НКВД к расстрелу польских офицеров вызвали лишь раздражение в английском кабинете. А. Иден заявил в палате общин, что британское правительство не верит немцам, будет противодействовать их циничным попыткам расколоть коалицию, что оно не может оттолкнуть такого сильного союзника, как СССР.

Правительство Великобритании координировало свою позицию в катынском вопросе с администрацией США. В телеграмме А. Идена в Вашингтон указывалось: «Польско-советские отношения недавно подверглись суровому испытанию. Существует реальная опасность возникновения серьезной обеспокоенности среди польских военнослужащих за границей, особенно среди тех, кто был вывезен на Средний Восток из СССР в прошлом году. Польское правительство полагает, что оно, возможно, даже будет вынуждено отозвать своего посла из Москвы».

Американские дипломаты в Европе, в свою очередь, не питали иллюзий относительно целей катынской акции немцев. Ф. Рузвельт поддержал позицию У. Черчилля: единство коалиции являлось неременным условием разгрома стран оси; все остальное должно было отступить на задний план. Американскому полковнику Д. Ван Влиту, побывавшему в Катыни в период пребывания в германском плену, было запрещено делиться своими впечатлениями и выводами, которые были явно не в пользу советских властей. Полковника Г. Шиманского, являвшегося офицером связи при Польском корпусе на Ближнем Востоке, наказали за распространение сведений о катынском преступлении. По прямому указанию Ф. Рузвельта должен был отказаться от публикации своих материалов по катынскому делу специальный представитель США на Балканах Дж. Эрл.

У поляков же германское сообщение вызвало буквально шок. 16 апреля министр обороны Польши генерал М. Кукель сделал заявление в связи с расстрелом офицеров ВП и потребовал проведения следствия. Генерал В. Андерс приказал отслужить мессы по душам военнопленных, узников тюрем, депортированных, погибших на территории СССР и тех, кто сложил головы в боях с вермахтом. 17 апреля польское правительство обратилось в Международный Красный Крест с просьбой расследовать гибель офицеров в Катыни. В тот же день к МКК обратилась и германская сторона. Сталинское руководство, воспользовавшись этим одновременным обращением, обвинило правительство Сикорского в сговоре с нацистским руководством Германии.

19 апреля в «Правде» была опубликована статья «Польские сотрудники Гитлера». Наряду с обвинениями в адрес польского правительства в потворстве геббельсовской провокации, орган ЦК ВКП(б) изложил советскую версию событий. Указывалось, что немцы зверски убили бывших польских

военнопленных и многих советских людей, а теперь хотят замести следы своих преступлений. Авторы передовицы воспользовались допущенными немцами антисемитскими измышлениями о еврейских комиссарах, якобы участвовавших в организации расстрела, чтобы поставить под сомнение все немецкие обвинения. Действительно, комиссаров-евреев: Льва Рыбака, Авраама Борисовича, Павла Бродинского и Хаима Финберга не было ни в УНКВД по Смоленской области, ни в центральном аппарате НКВД СССР.

21 апреля ТАСС опубликовало заявление, в котором подчеркивалось, что статья «Польские сотрудники Гитлера» полностью отражает позицию руководящих советских кругов в данном вопросе. «Появившееся 18 апреля заявление правительства г. Сикорского на ту же тему не улучшает, а ухудшает дело, так как оно солидаризируется с вышеупомянутым коммюнике польского министерства национальной обороны и помогает тем самым немецким оккупантам прикрывать свои преступления против русского и польского народов», — указывалось в нем.

В тот же день И.В. Сталин направил послания Ф. Рузвельту и У. Черчиллю с изложением своей позиции по «катынскому делу» и сообщением о намерении разорвать отношения с правительством В. Сикорского.

Коминтерн, со своей стороны, дал указание руководству Польской рабочей партии, действовавшему в подполье, провести самую энергичную разоблачительную кампанию по поводу «смоленской провокации» гитлеровцев и позиции правительства Сикорского. Выполняя это поручение, ПРП 1 мая выпустила специальное обращение по поводу «гитлеровской расправы» с польскими офицерами. В то время как сражавшиеся в подконтрольной Москве Армии Людовой поляки в своем большинстве считали виновными в катынском расстреле нацистов, бойцы Армии Крайовой, руководимые из Лондона, были уверены, что это дело рук сталинских палачей.

24 апреля У. Черчилль в послании И.В. Сталину поставил под сомнение утверждение советского лидера о взаимодействии поляков с гитлеровцами и заверил его, что Великобритания всеми силами будет противодействовать расследованию катынского преступления Международным Красным Крестом или каким-либо другим органом на контролируемой Германией территории. Ф. Рузвельт в свою очередь заявил об ошибочности обращения к международным организациям, но и он не верил в сговор правительства Сикорского с Берлином.

Тем не менее 25 апреля 1943 г. польский посол Т. Ромер был вызван в Наркоминдел, где В.М. Молотов зачитал ему ноту о разрыве отношений с польским правительством. В ней на польскую сторону была возложена ответственность за нарушение всех правил и норм во взаимоотношениях двух союзных государств, в подхватывании и распространении немецкой провокации, в контактах и сговоре с Гитлером.

Хотя И.В. Сталин пренебрег рекомендациями У. Черчилля и Ф. Рузвельта воздержаться от разрыва отношений с кабинетом В. Сикорского, лидеры США и Великобритании и в дальнейшем делали все возможное, чтобы помешать обсуждению катынской темы в польской и британской прессе. 28 апреля У. Черчилль писал А. Идену: «Не следует патологически кружить вокруг могил трехлетней давности под Смоленском». Тем не менее в послании Сталину от 30 апреля британский премьер предупредил советского лидера, что его страна и, скорее всего, США не признают организованного на русской земле польского правительства и будут продолжать поддерживать кабинет Сикорского. О том, что такие попытки предпринимались в СССР, свидетельствует письмо председателя Союза польских патриотов (СПП) В. Василевской, направленное И.В. Сталину 9 ноября 1943 г., относительно состава Национального Комитета Свободной Польши — прообраза будущего просоветского правительства.

Чтобы сгладить негативное впечатление от разрыва отношений с одним из активных участников антигитлеровской коалиции, И.В. Сталин 4 мая ответил положительно на вопрос корреспондента г. «Нью-Йорк Тайме» и «Тайме» Р. Паркера, желает ли Правительство СССР видеть сильную и независимую Польшу после поражения гитлеровской Германии. Отвечая на второй вопрос: на каких основах должны базироваться отношения между двумя странами после войны, советский лидер сказал: «На основе прочных добрососедских отношений и взаимного уважения, или, если этого пожелает польский народ, — на основе союза по взаимной помощи против немцев как главных врагов Советского Союза и Польши».

6 мая было опубликовано пространное заявление А.Я. Вышинского представителям англо-американской печати в Москве относительно советско-польских отношений. В нем зам. наркома иностранных дел остановился на проблеме формирования на территории СССР польских воинских частей. Он коснулся темы помощи польским семьям, эвакуированным на восток (в действительности депортированным в 1940-1941 гг. органами НКВД), а также осветил вопрос о разведывательной

деятельности польских представительств на территории СССР. Вышинский утверждал, что «советское правительство сделало все необходимое» для «объединения усилий советского и польского народов в совместной борьбе против гитлеровских разбойников и оккупантов». Правительство же Сикорского, по его словам, пошло по другому пути, не захотело направить свои дивизии на советско-германский фронт, уклонилось от принятых на себя обязательств. Заместитель наркома напомнил, что польскому посольству было позволено создать по всей стране широкую сеть своих представительств, доверенных лиц, благотворительных учреждений для оказания помощи полякам. Он обвинил сотрудников посольства и польских представительств во враждебной СССР разведывательной деятельности, напомнил о высылке из СССР главы военной миссии генерала Воликовского, первых секретарей посольства Арлета и Заленского, вторых секретарей Груя и Глогговского и т.д. Именно этой деятельностью Вышинский объяснял решение советских властей о ликвидации института польских представительств как не оправдавшего себя.

В этот же день, 6 мая, было принято постановление Государственного Комитета Обороны (ГКО) о формировании на территории СССР польской стрелковой дивизии, 10 августа — о польском корпусе, командиром которых назначался З. Берлинг.

В мае 1943 г., в преддверии Вашингтонской конференции, на которой Ф. Рузвельт и У. Черчилль должны были решать вопрос об открытии второго фронта, И.В. Сталин, стремясь сгладить негативную реакцию на разрыв отношений с Польским правительством, пошел на беспрецедентный шаг — роспуск Коминтерна. [44]

Над этим текстом трудились: Н.С.Лебедева, Н.А.Петросова, Б.Вошинский, В.Матерский, Э.Росовска, под управлением редакционной коллегии: с российской стороны — В.П.Козлов (председатель), В.К.Волков, В.А.Золотарев, Н.С.Лебедева (ответственный составитель), Я.Ф.Погоний, А.О.Чубарьян; с польской стороны — Д.Наленч (председатель), Б.Вошинский, Б.Лоек, Ч.Мадайчик, В.Матерский, А.Пшевожник, С.Снежко, М.Тарчинский, Е.Тухольский.

Смертельное любого оружия

279. Как видите, прокурорская часть бригады Геббельса вообще делает вид, что ничего особенного весной 1943 г. не случилось, а академическая часть, вынужденная выкладывать вопиющие документы, все же признает, что да, и беспринципный Черчилль, и беспринципный Рузвельт пытались заткнуть рот честным польским шляхтичам, но им это не удалось — правда победила! И правительство Польши в эмиграции через подчиненную себе Армию Крайову методично и успешно вдалбливало в головы поляков, что пленных польских офицеров убили советские жида. Вопрос — а почему, действительно, союзники так обеспокоились, почему Черчилль даже на завтрак пригласил этих польских подонков, чтобы уговорить их замолчать?

Тут надо понять, что без участия поляков эффект от этого геббельсовского удара не стоил бы ни гроша. У Геббельса, кстати, были еще заготовки — могилы с расстрелянными румынскими гражданами под Одессой, украинскими в Виннице и т.д. Но он не пустил их в дело, поскольку вне гитлеровского блока вопли по этому поводу никто не поддержал бы. Ведь всем понятно, что идет война и пропаганда воюет, всем понятно, что немцам на своей территории ничто не мешало создать какие угодно могилы, а подчиненные немцам эксперты подпишут какие угодно акты. Без участия польского правительства в эмиграции этот геббельсовский блеф никто бы не заметил и никто бы в него не поверил.

280. Бригада Геббельса уверяет нас, что СССР порвал с этими подлецами отношения из-за того, что они в один день с немцами обратились в МККК. Да при чем тут это? Вы прочтите, что именно польское правительство сообщило миру накануне (16 марта 1943 г.) в своем коммюнике:

"17 сентября 1940 г. официальный орган Красной Армии, «Красная Звезда», заявил, что во время боев, имевших место после 17 сентября 1939 г., советской стороной была захвачена 181 тысяча польских военнопленных. Из них 10 тысяч были офицерами регулярной армии и запаса.

Согласно информации, которой обладает польское правительство, в СССР в ноябре 1939 г. были сформированы три лагеря польских военнопленных: 1) в Козельске, восточное Смоленска, 2) в Старобельске, около Харькова, и 3) в Осташкове, около Калинина, где концентрировались части военной полиции.

В начале 1940 г. администрация всех трех лагерей информировала заключенных, что лагеря собираются расформировать, что военнопленным позволят вернуться к семьям и что якобы с этой целью были составлены списки мест, куда отдельные военнопленные могли вернуться после

освобождения.

В это время в лагерях содержались: 1) в Козельске — около 5000, из которых 4500 были офицерами; 2) в Старобельске — около 3970, в числе которых было 100 гражданских лиц, остальные были офицерами, причем некоторые военно-медицинской службы; 3) в Осташкове — около 6570, из которых 380 человек были офицерами.

5 апреля 1940 г. было начато расформирование лагерей, и группы людей от 60 до 300 человек каждые несколько дней перемещались из них до середины мая. Из Козельска их отсылали в направлении Смоленска. И только 400 человек из всех трех лагерей были переведены в июне 1940 г. в Грязовец, в Вологодскую область.

Когда после заключения польско-советского договора 30 июля 1941 г. и подписания военного соглашения 14 августа того же года польское правительство приступило к формированию в СССР польской армии, то ожидалось, что военнопленные из упомянутых выше лагерей сформируют младшие и старшие офицерские кадры в формирующейся армии. В конце августа 1941 г. группа польских офицеров из Грязовца прибыла в Бузулук, чтобы присоединиться к польским частям; однако не появился ни один офицер из депортированных в других направлениях из Козельска, Старобельска и Осташкова. В целом, следовательно, пропало около 8000 офицеров, не считая других 7000 полицейских, солдат и гражданских лиц, находившихся в этих лагерях, когда их расформировывали.

Посол Кот и генерал Андерс, обеспокоенные таким положением дел, обратились к компетентным советским органам с просьбой выяснить и сообщить о судьбе польских офицеров из вышеупомянутых лагерей.

В беседе с господином Вышинским, народным комиссаром иностранных дел, посол Кот 6 октября 1941 г. спросил, что случилось с пропавшими офицерами. Господин Вышинский ответил, что все военнопленные были освобождены из лагерей и, следовательно, в настоящее время свободны.

В октябре и ноябре в беседах с премьером Сталиным, господами Молотовым и Вышинским посол время от времени возвращался к вопросу о военнопленных и настаивал на предоставлении ему списков [военнопленных], которые велись советским правительством тщательно и детально.

3 декабря 1941 г. во время своего визита в Москву премьер-министр Сикорский в беседе с премьером Сталиным также сделал акцент на необходимости освобождения всех польских военнопленных, и, не получив списки с ними от советских властей, вручил по этому поводу премьеру Сталину предварительный список из 3845 офицеров, который успели составить содержащиеся вместе с ними военнопленные. Премьер Сталин заверил генерала Сикорского, что указ об амнистии носил всеобъемлющий характер, что он распространялся как на военных, так и на гражданских лиц, и что советское правительство освободило всех польских офицеров. 18 марта 1942 г. генерал Андерс вручил премьеру Сталину дополнительный список из 800 офицеров. Тем не менее, ни один из упомянутых офицеров не вернулся в польскую армию.

Кроме посреднических переговоров в Москве и Куйбышеве, судьба польских военнопленных была предметом нескольких дискуссий между министром Рачинским и послом Богомолловым. 28 января 1942 г. министр Рачинский от имени польского правительства вручил ноту советскому послу Богомоллову, привлекая его внимание к тому болезненному факту, что тысячи польских офицеров еще не найдены.

Посол Богомоллов проинформировал министра Рачинского 13 марта 1943 [1942] г., что в соответствии с Указом Президиума Верховного Совета СССР от 12 августа 1941 г. и в соответствии с официальными заявлениями от 8 и 19 ноября 1941 г., амнистия была полностью воплощена в жизнь, и что она распространилась как на гражданских, так и на военных лиц.

19 мая 1942 г. посол Кот направил в НКВД меморандум, в котором выразил свое сожаление относительно отказа представить ему списки военнопленных, а также обеспокоенность их судьбой, подчеркивая огромную ценность, которую эти офицеры имели бы в военных операциях против Германии.

Ни польское правительство, ни польское консульство в Куйбышеве никогда не получало ответа о приблизительном местонахождении пропавших офицеров и других заключенных, которых депортировали из трех упомянутых выше лагерей.

Мы привыкли ко лжи германской пропаганды и понимаем цель ее последних разоблачений. Однако ввиду обильной и детальной германской информации касательно обнаружения тел многих тысяч польских офицеров под Смоленском и категоричного утверждения, что они были убиты советскими властями весной 1940 г., возникла необходимость расследования обнаруженных массовых захоронений компетентным международным органом, таким как Международный Красный Крест.

Таким образом, польское правительство обратилось к Красному Кресту, чтобы он направил делегацию туда, где, как считается, были казнены польские военнопленные" [45].

281. Как вы видите, поляки сходу и полностью подтвердили версию немцев о том, что пленных расстреляли Советы. Даже не попытавшись запросить своего союзника Советский Союз, даже не попытавшись дождаться хотя бы каких-то сообщений из Катыни, они немедленно примкнули к пропагандистской акции Германии.

Что еще изумляет своей беспрецедентной подлостью, это то, что поляки без согласия советской стороны сообщили о сути конфиденциальных разговоров в Кремле и именно этим сообщением они подтвердили версию Геббельса.

Еще пример исключительной подлости. Поляки пишут, что «ввиду обширной и детальной германской информации», «польское правительство обратилось к Красному Кресту». А почему не к советскому правительству? Ведь оно могло бы, «припертое к стенке немецкими доказательствами», сообщить полякам, что это оно расстреляло трусливых подонков, сдавшихся в плен вместо того, чтобы защищать Родину. Зачем тогда надо было бы обращаться к Красному Кресту? Не за тем ли, что Геббельс для поддержания постоянного интереса к этому делу требовал: «Вообще отовсюду должны быть посланы полуофициальные личности или комиссии, лучше всего, конечно, Красный Крест или какие-нибудь благотворительные организации» [46]. И польское правительство в эмиграции послушно обращается в Красный Крест и согласовывает своим сторонникам в Варшаве посылку в Катынь на немецкое шоу верениц «подофициальных личностей».

282. Сколько убитых добавила Второй мировой войне эта польская подлость, страшно считать. По российским данным, только в немецкую армию поступили добровольцами 1,8 млн. человек со всех стран Европы. А сколько европейцев не дезертировало, а послушно влилось в армии Румынии, Словакии, Венгрии, Хорватии, Италии — союзников немцев? Пусть половина из этих идиотов, шедших защищать свой народ от смерти жидобольшевизма, попала в плен, но ведь половину пришлось убить! А по итогам войны соотношение между убитыми советскими солдатами и солдатами противника примерно 1:1. Следовательно, столько же погибло и советских солдат. Уже только по этой статье счет польской подлости нужно вести на миллионы убитых людей. Австрийский историк С. Карнер, специалист по германским пленным в СССР, отмечает еще один аспект польской подлости. Сообщая об эффекте действия двух советских пропагандистских организаций по разложению немецких войск, он пишет: "... обе эти организации с их призывами переходить на сторону противника не имели особого успеха среди немецких и австрийских солдат.

Кроме того, нацистская пропаганда сознательно раздувала страх перед советским пленом, дополнительно подкреплявшийся, например, сообщением международной врачебной комиссии от 30 апреля 1943 г. об убийствах в Катыни".

А чем ожесточеннее дрались немцы, тем больше приходилось их убивать и тем больше гибли советских солдат. Тем дольше затягивалась война, тем больше рейдов делала англо-американская авиация на немецкие города, тем больше гибли уже мирных немцев. На что вести счет польской подлости по этой статье — на миллионы или «всего лишь» на сотни тысяч убитых? А на кого прикажете списать смерть вот этих детей и стариков?

283. "Доклад заместителя наркома внутренних дел, уполномоченного НКВД СССР по 1-му Белорусскому фронту Ивана Серова наркому Л. П. Берии от 5 марта 1945 года. Совершено секретно. "В связи с возобновившимся наступлением войск 1-го Белорусского фронта путем проверки немецких населенных пунктов, занятых частями фронта, установлено, что в населенных пунктах остается лишь незначительное количество жителей, главным образом старики, дети, женщины.

Среди оставшегося населения распространена агитация немцев, что Красная Армия будет всех поголовно истреблять, в связи с чем отмечены случаи самоубийства...

В деревне Болиц Бранденбургской провинции немец Мюллер, пытаясь покончить жизнь самоубийством, перерезал себе вены на руках.

В том же селе немец Гринвуд побросал в колодец жену и детей в количестве девяти человек, а сам пытался покончить самоубийством.

Будучи задержан, Гринвуд в разговоре с нашим офицером заявил, что немцы понимают, что за все разрушения и убийства, которые произвела немецкая армия на русской территории, они должны нести ответственность. Боясь этой ответственности, они решают покончить жизнь самоубийством.

В гор. Зольдин опергруппой СМЕРШ 2-ой танковой армии в течение пяти дней зафиксировано 35 случаев самоубийства местных жителей-немцев, преимущественно членов фашистской партии.

Так, например, на своей квартире застрелился бывший майор немецкой армии, вышедший в

отставку по болезни, фон Клебст, 65 лет, предварительно застрелив свою жену — старуху 60 лет.

Также покончила жизнь самоубийством заведующая учебным отделом уездной фашистской организации Лякнер Марта. Последняя предварительно убила двух своих детей пяти и трех лет, перерезав им артерии.

По ул. Шуцен на чердаке дома № 9 обнаружены повесившимися члены фашистской партии Цимпель Отто — учитель, Грайнер Пауль — купец, около которого висели также жена и ребенок пяти лет и ряд других в количестве девяти человек.

Задержанные члены фашистской организации на заданный вопрос о причинах большого количества самоубийств заявляют, что руководством фашистской партии была гарантирована эвакуация вглубь Германии всего партийного актива. В связи с быстрым продвижением Красной Армии эвакуация не удалась, поэтому они приняли решение кончить жизнь самоубийством, зная, что части Красной Армии все равно их расстреляют..." [48].

Поляки на службе III Рейху

284. Академическая часть бригады Геббельса нагло и без тени юмора пишет, что Сталин разорвал отношения «с одним из активных участников антигитлеровской коалиции». Это поляки-то «активные участники»? Да СССР в тысячу раз больше было бы разорвать отношения с Новой Зеландией, все же это государство двумя дивизиями дралось с немцами тогда, когда поляки, возглавляемые Сикорским, прятались по всем щелям как тараканы. Единственный фронт, где они проявляли активность, это Восточный фронт немецкой армии, где поляки в составе вермахта убивали советских людей и грабили Советский Союз. Тут им немцы прятаться не давали. Посмотрите на данную выше таблицу пленных, ведь попавших в плен поляков больше, чем попавших в плен официально воевавших с СССР итальянцев. Но это и близко не все польские пленные!

285. Уже упомянутый мною австрийский историк Стефан Карнер после работы с учетными карточками военнопленных в российских архивах утверждает, что во Второй мировой войне в плен к Красной Армии попало около 5 млн. военнослужащих вражеских армий [49], но в самых полных списках Управления по делам военнопленных и интернированных (УПВИ) числится около 4,1 млн. [50] Он объясняет причину разницы: карточки заводились сразу после взятия в плен, во фронтовых лагерях, а УПВИ учитывало только тех, кто попал к ним в рабочие лагеря. Карнер считает, что эту разницу следует отнести к умершим, но сам же, видимо, не замечая, поясняет, куда они делись: «Первые репатриации из советских лагерей для военнопленных были осуществлены еще во время войны. Были отпущены, среди прочих, 1500 французов, переданных Национальному комитету освобождения Франции; 56 665 румын, которых использовали для формирования двух румынских дивизий. Обе дивизии впоследствии успешно сражались против гитлеровских войск. Кроме того, среди первых репатриированных находились бывшие солдаты союзнических Гитлеру армий Польши, Чехословакии, Венгрии и Югославии» [51].

286. А российское статистическое исследование расширяет Карнера: репатриация не только началась во время войны, но и отпущено было прямо из фронтовых лагерей минуя УПВИ около 600 тысяч пленных [52]. Таким образом, баланс по пленным сходится, но возникает вопрос, куда были отпущены эти 600 тысяч? Да все туда же — в формируемые на территории СССР войска Польши, Чехословакии, Румынии. А чего на них смотреть как на чудо морское? Воевали против СССР, пусть повоюют и против немцев. Получается, что взятые в плен 60 тыс. поляков немецкой армии — это скорее те, кто был взят в плен до 1943 г. — до момента, когда СССР начал формировать 1-ю дивизию будущего Войска Польского. После этого не исключено, что пленные поступали на формирование польских частей минуя стационарные лагеря УПВИ. Судя по всему, поляков в немецкой армии было огромное количество, поскольку они упоминаются в воспоминаниях ветеранов и в донесениях разведки по ходу всей войны. Так, к примеру, 10 ноября 1941 г. старший лейтенант госбезопасности Мошенский докладывал в разведсводке: «5) Среди немецких частей в можайском направлении больше стали встречаться чехи, австрийцы, финны и поляки...» [53]. А вот ветеран вспоминает бой на Украине в ночь на 15 сентября 1943 г.: «... Каждому казалось, что сердце бьется не в груди, а где-то под кадыком. Вдруг остановка. Впереди тихая возня. Лейтенант ведет двоих с поднятыми руками. Один из них полушепотом повторяет: „Я поляк, я поляк“, — делая ударение на первом слоге, а второй: „Я хорват“. Эти вояки были в дозоре и уснули на мягких снопах. Очнулись, когда лейтенант уже овладел их оружием» [54].

Правительство Сикорского, примкнув к геббельсовской провокации, загнало в ряды немецкой армии на смерть в составе миллионов граждан других стран и сотни тысяч своих граждан — граждан Польши. У некоторых читателей может возникнуть вопрос, а что же было делать Сикорскому после

того, как немцы сообщили о «найденных» ими захоронениях?

287. Если бы правительство Польши в эмиграции состояло из порядочных людей, то ему не потребовались бы и советы Черчилля — такие вещи делаются автоматически. Если вас ранили в левую руку и из нее потекла кровь, то правая рука автоматически зажмет рану, и точно так же обязаны были поступить и поляки.

Вне зависимости от того, кто на самом деле расстрелял тех офицеров, правительство Сикорского должно было немедленно обвинить в этом немцев и до победы над ними этого мнения не менять и в дискуссии не вступать. Одновременно тайно просить американцев и англичан гарантировать, что как только Красная Армия освободит Смоленск, СССР пригласит туда поляков или международную комиссию для следствия по этому делу. СССР безусловно согласился бы, ведь он и так следствие по Катынскому делу в начале 1944 г. вел в присутствии журналистов из всех стран-союзников. И снова, вне зависимости от того, к какому выводу придут поляки, они должны утверждать до победы, что пленных убили немцы. Если кто не понял, то еще раз поясню: делать это они должны для того, чтобы сократить потери среди граждан Польши, поскольку любое правительство должно вначале заботиться это, а уж потом — как на шее этих граждан паразитировать.

Придет победа, и тогда можно будет начинать любые публичные разбирательства. Никто правительство Польши не осудил бы, даже если бы оказалось, что убили русские, — убитых все равно уже не поднимешь, а сохранение жизни живым согражданам оправдало бы и ложь. Оправдал бы даже Папа Римский, если бы, конечно, он не был поляком, поскольку даже в христианских законах ложь во спасение — не грех.

Только на идиотизм не похоже

288. На первый взгляд Катынское дело является вроде бы ярким примером идиотизма членов правительства Сикорского. Ведь они, примкнув к провокации Геббельса, совершили самоубийство. Польский народ в должности их не избирал и не назначал, и правительство Сикорского было законным постольку, поскольку так считали для себя полезным союзники. Причем, для правительства Сикорского было главным, чтобы его считал правительством Польши Советский Союз, поскольку именно ему назначено было освобождать Польшу. Правительство — это власть, а власть — это сила, а силой будет Красная Армия. Поэтому в тех странах, которые подлежали освобождению войсками союзников, будущим правительством могли стать только те, против кого, по крайней мере, не возражал союзник, освобождающий данную страну.

289. Возьмем, к примеру, Чехословакию. Когда немцы в октябре 1938 г. захватывали по Мюнхенскому сговору чешские Судеты, то потребовали изгнать из Чехословакии ее законного президента Эдуарда Бенеша. А в июле 1940 г. Англия, оставшись один на один с немцами, из различных чешских деятелей за границей создала правительство Чехословакии в эмиграции во главе с Бенешем. Чехи тоже были те еще гуси лапчатые, но они все же умнее поляков и быстро сообразили, кто именно будет освобождать Чехословакию от немцев. Умный Бенеш в декабре 1943 г. съездил в Москву и заключил договор не только о дружбе, но и о послевоенном сотрудничестве! В результате, как только в апреле 1945 г. в Чехословакию вошла Красная Армия, в нее немедленно было вызвано из Лондона через Москву чешское правительство в эмиграции, которое также немедленно начало легализоваться само и легализовать свои структуры. И как только оно реально взяло власть в стране, Советский Союз вывел свои войска из Чехословакии [55]. Было это в ноябре 1945 г. В принципе немцы могли бы убить и сколько-нибудь чешских офицеров и тоже выдать это за жидобольшевистские зверства, но Бенеш, при всей его ненависти к коммунистам, холуем у немцев не был и с ним бы такие шутки не прошли. (Он оставался президентом Чехословакии до 1948 г.).

290. Поэтому как только СССР прервал отношения с гитлеровскими прихвостнями правительства Сикорского, они стали никем для всех. Соединенные Штаты вынуждены были для публики делать вид, что признают их за правительство Польши, поскольку у Рузвельта было около 5 миллионов избирателей-поляков, кроме того, поляки — католики, а у Рузвельта было полно избирателей итальянцев и ирландцев. Черчилль, естественно, поддерживал Рузвельта, но поляки Сикорского приобрели для него явственный образ «гнуснейших из гнусных». Вот такой пример.

В преддверии президентских выборов в США в 1944 г. Рузвельту и Черчиллю было очень важно объявить миру новые границы будущей Польши и такие, чтобы поляки в США были довольны. Понимая, что после Катынского дела говорить со Сталиным о восточных границах Польши было

бессмысленно, они предложили Сталину расширение границ Польши на запад так, чтобы у будущей Польши было около 150 миль побережья Балтийского моря. Сталин думал. Но тут в начале января 1944 г. из Москвы возвращался упомянутый Бенеш, а Черчилль заболел и лежал с лихорадкой в Тунисе. Зная, что Бенеш должен был говорить со Сталиным и о границах будущей Польши, Черчилль просит Бенеша заехать к нему. Переговорив с чехословацким президентом, Черчилль радостно телеграфирует Рузвельту:

Премьер-министр — президенту Рузвельту, 6 января 1944 года "Бенеш был здесь. Он с большой надеждой взирал на русскую ситуацию. Он может принести чрезвычайно большую пользу, попытавшись убедить поляков быть благоразумными и примирить их с русскими, доверием которых он издавна пользуется. Он привез новую карту с карандашными пометками Дяди Джо, показывающими восточную границу от Кенигсберга до линии Керзона; в соответствии с этой картой полякам отходят районы Ломжи и Белостока на севере, но без Лемберга (Львова) на юге. В качестве польской западной границы он предлагает линию Одера, включая основную часть Оппельна. Это дает полякам прекрасное пространство для существования размером более 300 миль в длину и столько же в ширину вместе с 250 милями Балтийского побережья. Как только я попаду домой, я приложу все усилия, чтобы добиться согласия польского правительства на это или на нечто аналогичное. Если поляки согласятся, они должны будут объявить о своей готовности выполнить роль оплота на Одере против новой германской агрессии в отношении России и должны будут до конца и всеми силами поддерживать заключенное соглашение. Это будет их долгом перед европейскими державами, которые дважды спасали их. Если я сумею наладить это в начале февраля, их визит к вам завершит дело.

Русские вполне благосклонно относятся к тому, чтобы Бенеш получил старую, домюнхенскую границу с незначительными изменениями по военным соображениям вдоль северных вершин гор и небольшую территорию на востоке, соединяющую их с Россией" [56].

291. Обратите внимание вот на что. Эта телеграмма наверняка должна была быть прочитана и в Конгрессе США, т.е. и сторонниками, и политическими противниками Рузвельта. Поэтому Черчилль уверяет, что он будет встречаться с поляками и уговаривать их, т.е. создает видимость того, что считает их за представителей Польши. На самом деле он уже на следующий день телеграфирует в Британское министерство иностранных дел:

"1. Я не думаю, что нужно приглашать поляков, но я сообщу вам об этом в течение ближайших двух суток.

2. Я бы глубоко задумался, прежде чем сообщать миру о том, что мы объявляем войну за Польшу и что польская нация достойна иметь лучшую территорию, тем более, что мы никогда не брали на себя обязательств защищать существующие польские границы и что жизни 20-30 миллионов русских дают право на гарантированную безопасность западных границ Польши.

3. Более того, без русских армий Польша была бы уничтожена или низведена до рабского положения, а сама польская нация стерта с лица земли. Но доблестные русские армии освобождают Польшу, и никакие другие силы в мире не

смогли бы этого сделать. Сейчас Польше отводится положение великой независимой нации в сердце Европы, с прекрасным морским побережьем и лучшей территорией, чем та, которую она имела прежде. И если она не примет этого, Британия снимает с себя все свои обязательства и пусть поляки сами договариваются с Советами.

4. Я не думаю, что мы можем давать хоть какие-то авансы на дальнейшую помощь или признание до тех пор, пока они не выразят своей искренней поддержки решения, к которому мы пришли вместе с нашим советским союзником. Они должны быть очень глупы, воображая, что мы собираемся начать новую войну с Россией ради польского восточного фронта. Нации, которые оказались не в состоянии защитить себя, должны принимать к руководству указания тех, кто их спас и кто предоставляет им перспективу истинной свободы и независимости" [57].

Как вы понимаете, негоже джентльмену встречаться с подонками без крайней необходимости, и Черчилль не только не собирается встречаться с поляками, но и еще не решил, надо ли с ними встречаться джентльменам из Британского МИДа. Еще недавно, чтобы убедить поляков не примыкать к провокации Геббельса, Черчилль приглашал их на завтрак, а сейчас считает, что обсуждение границ будущей Польши это не такая уж крайняя необходимость для встречи джентльменов с поляками. Оцените степень презрения: с Бенешем и Сталин, и Черчилль границы будущей Польши обсуждают, а с поляками — нет.

292. О том, как поляков презирали немцы, можно и не говорить, поэтому я приведу только упрек немецкого губернатора Варшавы в адрес Берлина в том, что Берлин не принимает мер, чтобы поляки

любили немцев еще сильнее: "Нет нужды обещать полякам, что уже теперь они будут шире привлекаться к сотрудничеству в низовой администрации, хотя бы эти обещания и оказали, несомненно, хорошее действие. Несмотря на это, подобные мероприятия не являются решающими.

Гораздо важнее, чтобы в германской пропаганде окончательно прекратилась диффамация польского населения

сопоставлением «евреев, поляков и цыган». Такое приравнивание поляков с евреями и цыганами добропорядочная часть польского населения по праву воспринимала как унижение и оскорбление. Если бы в этом отношении со стороны империи последовало бы демонстративное изменение политики, то это соответствовало бы настроению населения" [58]. (Мне одно непонятно — что такого цыгане сделали немцам, что те их поставили в этот список на последнее место?)

293. Ну что же — скажете вы, — вот такие поляки идиоты, могут из-за собственного идиотства по обыкновению нанести вред не только народу Польши, но и лично себе. А я в данном случае в их идиотство не верю, и вот почему. Идиотство предусматривает, что эти польские идиоты «фанатично возжаждали правды», как только услышали, что пленные польские офицеры убиты. Но завопили поляки по команде немцев в марте 1943 г., а узнали о том, что пленные офицеры убиты, в декабре 1941 г.

Польский историк Ромуальд Святек, занимавшийся Катынским делом, но не входивший в бригаду Геббельса (были и такие), обосновывая свою версию, сообщает такой факт: «В действительности ни для кого не является неожиданным, что немцы делали все возможное для того, чтобы посеять семена недовольства между поляками и русскими, так как они опасались их объединения против Германии. В подтверждение тому, что такой немецкий заговор действительно существовал, я привожу отрывок из рассказа „Салус“ Зджислава Бау, опубликованного в „Парыска культура“ (Ns 4/367/1978), где утверждается, что в начале декабря 1941 года в штаб генерала Андерса в Бузулуке явилось четыре человека, которыми занимался лейтенант Шатковский. Они заявили, что прибыли из Польши и принадлежат к подпольной организации под названием „Мушкетеры“, принесли с собой микропленку, а также слухи о том, что исчезнувшие польские офицеры были убиты где-то под Смоленском. Содержание микропленки осталось неизвестным, вероятно, потому, что эта четверка в то время в Польше работала в гестапо и была направлена с целью посеять разногласия в польской армии и недоверие к русским. Подобного рода провокации со стороны немцев были обычным явлением и еще раз подтверждали то, что фашисты не остановятся ни перед чем, чтобы разжечь ненависть между поляками и русскими, помешать объединению славян» [59].

294. В данном случае нам интересно то, что не заинтересовало Р. Святека, — почему Андерс и Сикорский, которые в этом же месяце надоедали Сталину розыском этих офицеров, сразу же не обратились к советскому правительству за разъяснениями? Ведь если бы Сталин знал, что есть такие сведения, то он дал бы приказ разведке и партизанам выяснить, что произошло, и тогда бы советская пропаганда ударила по немцам Катынью и тем нечем было бы отвечать, поскольку раскапывать могилы через два зимних месяца после расстрела и выдать их за могилы 1940 г. они не могли. Так почему поляки, зная о том, что офицеры уже в могилах, молчали об этом до команды Геббельса в 1943 г.? Это что — идиотизм или все же предательство?

295. Далее. В зиму на 1944 г., сразу же после освобождения Смоленска, могилы польских офицеров исследовала советская комиссия, а НКВД провело следствие в присутствии иностранных журналистов и дипломатов. Естественно, сразу же выяснилось, что пленных поляков расстреляли немцы осенью 1941 г. Вот тут бы правительству Польши в Лондоне и завопить. Причем, завопить что угодно. Они смело могли кричать, что НКВД под страхом смерти заставило свидетелей оклеветать честнейших немцев из гестапо, что присутствующий на следствии секретарь британского посольства Джон Мэлби — идиот, а журналист и дочь госсекретаря США Кэтлин Гарриман — дура [60], и т.д., и т.п. Не важно, что они говорили бы, главное, что возвращали бы Европу к сообщению, что пленных поляков все же пристрелили немцы. И тут выясняется, что «фанатично жаждущее правды» польское правительство постановило «не реагировать на сообщение» [61] из Катыни. Еще недавно так кричали, что ни

Черчилль, ни Рузвельт им пасть не могли заткнуть, а тут притихли, как и требовалось Геббельсу. Случайно?!

296. Теперь давайте рассмотрим еще пару фактов, которые нам опять предоставили польские историки, но на этот раз из бригады Геббельса.

"22 апреля 1943 года, Полевая ставка. Гиммлер Риббентропу по вопросу приглашения генерала Сикорского в Катынь.

По делу в катынском лесу преследует меня мысль, не поставили бы мы поляков в ужасное

положение, если бы пригласили через Испанию господина Сикорского прилететь в Катынь (предоставив ему гарантии безопасности) с подобранными им сопровождающими, чтобы он лично удостоверился в фактах.

Это всего лишь моя мысль, которую, может быть, невозможно осуществить. Я хотел, однако, ею с тобой поделиться. Подписано: Гиммлер" [62].

Рейхсфюрер Гиммлер — шеф государственных разведывательных и контрразведывательных служб Германии, т.е. по своей должности человек очень информированный. И он предлагает не пропагандистский трюк в газетах с приглашением Сикорского (иначе бы он обратился к Геббельсу), а действительно через нейтральную Испанию привезти Сикорского в Катынь. Англичане, конечно, никуда бы Сикорского не отпустили, поэтому Гиммлер и обращается к министру иностранных дел Риббентропу, чтобы тот по дипломатическим каналам тайно договорился с Сикорским. Обратите внимание на уверенность Гиммлера в двух вопросах.

Он почему-то уверен, что Сикорский подчинится требованию немцев и приедет, если сам приезд можно организовать.

Второе. Он почему-то уверен, что Сикорский подтвердит версию немцев. Ведь Сикорский в Катыни может сказать, что убили русские, а вернувшись в Англию заявить, что первое заявление было вынужденным, а теперь он заявляет, что убили немцы. И тогда конец всей немецкой провокации. Но Гиммлер такого поворота не боится — он уверен в Сикорском. Почему?

Не потому ли, что Сикорский агент немцев и как агент нанес союзникам огромный ущерб, которым немцы теперь его шантажируют и заставляют делать то, что они требуют?

297. Не менее примечателен и ответ Риббентропа:

"26 апреля 1943 года, Фушль. Ответ Риббентропа Гиммлеру по вопросу приглашения генерала Сикорского в Катынь. Секретно.

Сердечно благодарю за твое письмо от 22 апреля, в котором ты выражаешь мысль, не стоит ли нам пригласила господина Сикорского прилететь в Катынь. Признаюсь, что эта мысль с пропагандистской точки зрения сначала представляется соблазнительной, однако существует основная установка относительно трактовки польской проблемы, которая делает для нас невозможным любой контакт с главой польского эмигрантского правительства, причем она настолько существенна, что ею нельзя пренебречь в пользу возможно весьма привлекательной в настоящее время пропагандистской акции. Подписано: Риббентроп" [63].

И Риббентроп, как видите, несколько не сомневается в Сикорском, и Риббентроп уверен, что Сикорский не подведет. Но тайный от союзников (без их разрешения) приезд Сикорского в Германию не может не скомпрометировать его в глазах союзников, и вот это для немцев почему-то недопустимо. Причем, истинную роль Сикорского знает только Гитлер, поскольку «установку» любого другого лица в Германии Риббентроп не посмел бы утаить от Гиммлера. Риббентроп сообщает Гиммлеру, что Сикорский предназначен Гитлером для других дел, еще более важных, чем усиление с его помощью пропагандистской клеветы по Катыни.

Если Сикорский не предатель, сидящий на крючке у немцев, то тогда и Гиммлер, и Риббентроп идиоты, поскольку без оснований рассуждают о своем враге так, как будто он их агент. Но ведь Гиммлер и Риббентроп не поляки.

298. Тех читателей, кто удивится тому, как Сикорский мог водить за нос англичан, успокою — вскоре после раскрытия Катынского дела Сикорский вылетел на инспекцию польских войск на Ближний Восток, на английской военной базе в Гибралтаре его самолет поднялся со взлетной полосы и тут же упал в море. Часть людей, находившихся на борту, спаслась, но Сикорский благополучно утонул. Англичане все это списали на несчастный случай, но результаты расследования этой катастрофы засекретили [64]. Таким образом, то ли действительно случай, то ли случай по просьбе англичан, не дали Гитлеру и Риббентропу внедрить в жизнь «основную установку» с помощью Сикорского.

Если это действительно сделал Черчилль, то спасибо ему, но лучше было бы, если бы он утопил в Ла-Манше всю лондонскую шляхту еще в 1940 г., когда они плыли из Анжера в Англию.

Уничтожение польским эмигрантским правительством польских партизан — Армии Крайовой и Гвардии Людовой

299. Оставшись без Сикорского, «гнуснейшие из гнусных» лучше не становятся, и эмигрантское правительство дает команду Армии Крайовой поднять восстание в

Варшаве 1 августа 1944 года. К этому моменту в своем наступлении советские войска уже 40 дней вели бои, прошли с ними от 600 до 700 км*,* и в районе Варшавы были контратакованы крупными силами немцев, снятыми с юга. Польское правительство даже не предупредило Москву о восстании, а

ведь надо было согласовать свои действия с ней. Зная, что в Варшаве бои, обессиленные советские войска, не успевая перешить узкую колею железных дорог на широкую и не имея подвоза, напрягли последние силы и заняли на правом берегу Вислы Прагу — пригород Варшавы, а части Войска Польского даже зацепились за левый берег, но Армия Крайова в Варшаве не оказала им помощь и немцы сбросили эти части в Вислу. Немцы утопили это восстание в крови, 200 тысяч варшавян было убито, Варшава разрушена. Никакой реальной помощи это восстание союзникам не оказало, а немцам не нанесло сколь-нибудь существенного ущерба.

300. Существует официальное и общепринятое всеми историками объяснение того, почему правительство Польши в Лондоне дало приказ на это восстание. Это, дескать, было сделано для того, чтобы при входе Красной Армии в Польшу власть в ней уже находилась в руках сторонников лондонских поляков, и таким образом, дескать, Польша должна была возродиться как «свободное» государство, т.е. без коммунистов. Эта версия как будто легко подтверждается враждой Запада к коммунистам и легко разделяется всеми, в том числе и я до написания этой книги считал ее правильной. Но при ближайшем рассмотрении у этой версии появляется несколько неустранимых «но».

301. Во-первых. А что мешало начать это восстание не тогда, когда советские войска обессилили в своем наступлении, а чуть позже — тогда, когда они форсировали бы Вислу, нависли с востока и запада над Варшавой и заставили бы немцев из Варшавы бежать? Что мешало полякам поступить так, как французы в Париже или чехи в Праге? У которых, подчеркнем, восстания прекрасно удались. Зачем надо было поднимать восстание так, чтобы оно непременно было разгромлено?

302. Во-вторых. А что мешало заранее предупредить советское командование об этом восстании и согласовать с ними сроки его прямо или, скажем, через англичан? Восставшая Варшава все равно была бы в руках Армии Крайовой, но в случае неудачи вся вина падала на голову Советского Союза — дескать, знал, но не оказал помощи. Не потому ли не предупредили СССР, что разгром восставших и был целью этого восстания?

303. В-третьих. Я ставлю себя на место польского эмигрантского правительства, и мне становится непонятна его цель в этом восстании. Ну положим, что они согласовали с СССР сроки восстания, подождали, когда Красная Армия форсирует Вислу, подождали, пока немцы побегут, дали команду Армии Крайовой и удачно захватили Варшаву. Предположим, что Черчилль сбросил их на парашютах в Варшаву, вымыл руки и облегченно вздохнул. А что дальше? Это историки могут об этом не задумываться, а на месте министра этого правительства сто раз задумаешься. Польшу освобождает Войско Польское в союзе с Красной Армией. У Войска Польского есть правительство в Люблине, признанное СССР. Это правительство назначило в должности всех генералов Войска Польского, всех офицеров, и это войско подчиняться будет только правительству в Люблине. Следовательно, по всей территории Польши местная власть будет назначаться только люблинским правительством и подчиняться она будет только ему.

Получается, что по всей Польше власть будет принадлежать правительству Польши в Люблине, а в Варшаве власть будет принадлежать лондонскому правительству. Хорошо. Давайте на месте лондонского правительства попробуем решить самую элементарную проблему. В Варшаве несколько сот тысяч жителей и несколько десятков тысяч партизан отрядов Армии Крайовой, и у всех есть недостаток — им регулярно кушать хочется. А продовольствие поставляет в Варшаву местная власть. Как вы у нее это продовольствие возьмете? Пошлете отряды Армии Крайовой из Варшавы? «А ху-ху не хо-хо?» — как говорилось в одном советском фильме. Красная Армия своего союзника, правительство Польши в Люблине, в обиду не даст, и посланные отряды уничтожит как гитлеровских пособников.

304. С другой стороны, если бы правительство поляков в Лондоне дало команду АК помогать Красной Армии ударами из немецкого тыла, то АК автоматически стала бы союзником и СССР, и правительства Польши в Люблине, следовательно, правительство Польши в эмиграции стало бы союзником Советского Союза и Советский Союз уже не смог бы не формально, а по существу формировать власть в Польше без лондонских эмигрантов, поскольку у них был бы уже авторитет и в Польше, и за рубежом. То есть, полякам в Лондоне было выгодно не восстание в Варшаве поднимать, а реальную помощь СССР оказать, но они этого не сделали.

305. Сталин, безусловно, был умнее всех поляков вместе взятых, как прошлых, так и нынешних. Какими бы гнусными они ни были, но он не отказывался от диалога с ними и искал компромисс. Но в попытках договориться с сидящими в Лондоне польскими идиотами преуспел не больше, нежели Черчилль и Рузвельт. На конференции союзников в Ялте 6 февраля 1945 г. он предварил рассмотрение вопроса о Польше своим видением этого вопроса и целями СССР в Польше. Стенографист записал его выступление так.

"Сталин говорит, что, как только что заявил Черчилль, вопрос о Польше для британского правительства является вопросом чести. Сталину это понятно. Со своей стороны, однако, он должен сказать, что для русских вопрос о Польше является не только вопросом чести, но также и вопросом безопасности. Вопросом чести потому, что у русских в прошлом было много грехов перед

Польшей. Советское правительство стремится заглавить эти грехи. Вопросом безопасности потому, что с Польшей связаны важнейшие стратегические проблемы Советского государства.

Дело не только в том, что Польша — пограничная с нами страна. Это, конечно, имеет значение, но суть проблемы гораздо глубже. На протяжении истории Польша всегда была коридором, через который проходил враг, нападающий на Россию. Достаточно вспомнить хотя бы последние тридцать лет: в течение этого периода немцы два раза прошли через Польшу, чтобы атаковать нашу страну. Почему враги до сих пор так легко проходили через Польшу? Прежде всего потому, что Польша была слаба. Польский коридор не может быть закрыт механически извне только русскими силами. Он может быть надежно закрыт только изнутри собственными силами Польши. Для этого нужно, чтобы Польша была сильна. Вот почему Советский Союз заинтересован в создании мощной, свободной и независимой Польши. Вопрос о Польше — это вопрос жизни и смерти для Советского государства.

Отсюда крутой поворот, который мы сделали в отношении Польши от политики царизма. Известно, что царское правительство стремилось ассимилировать Польшу. Советское правительство совершенно изменило эту бесчеловечную политику и пошло по пути дружбы с Польшей и обеспечения ее независимости. Именно здесь коренятся причины того, почему русские стоят за сильную, независимую и свободную Польшу.

Теперь о некоторых более частных вопросах, которые были затронуты в дискуссии и по которым имеются разногласия.

Прежде всего, о линии Керзона. Он, Сталин, должен заметить, что линия Керзона придумана не русскими. Авторами линии Керзона являются Керзон, Клемансо и американцы, участвовавшие в Парижской конференции 1919 года. Русских не было на этой конференции. Линия Керзона была принята на базе этнографических данных

вопреки воле русских. Ленин не был согласен с этой линией. Он не хотел отдавать Польше Белосток и Белостокскую область, которые в соответствии с линией Керзона должны были отойти к Польше.

Советское правительство уже отступило от позиции Ленина. Что же вы хотите, чтобы мы были менее русскими, чем Керзон и Клемансо? Этак вы доведете нас до позора. Что скажут украинцы, если мы примем ваше предложение? Они, пожалуй, скажут, что Сталин и Молотов оказались менее надежными защитниками русских и украинцев, чем Керзон и Клемансо. С каким лицом он, Сталин, вернулся бы тогда в Москву? Нет, пусть уж лучше война с немцами продолжится еще немного дольше, но мы должны оказаться в состоянии компенсировать Польшу за счет Германии на западе.

Во время пребывания Миколайчика в Москве он спрашивал Сталина, какую границу Польши на западе признает Советское правительство. Миколайчик был очень обрадован, когда услышал, что западной границей Польши мы признаем линию по реке Пейсе. В порядке разъяснения нужно сказать, что существуют две реки Пейсе: одна из них протекает более к востоку, около Бреславля, а другая — более к западу. Сталин считает, что западная граница Польши должна идти по Западной Пейсе, и он просит Рузвельта и Черчилля поддержать его в этом.

Другой вопрос, по которому Сталин хотел бы сказать несколько слов, — это вопрос о создании польского правительства. Черчилль предлагает создать польское правительство здесь, на конференции. Сталин думает, что Черчилль оговорился: как можно создать польское правительство без участия поляков? Многие называют его, Сталина, диктатором, считают его не демократом, однако у него достаточно демократического чувства для того, чтобы не пытаться создавать польское правительство без поляков. Польское правительство может быть создано только при участии поляков и с их согласия.

Между лондонскими и люблинскими поляками была устроена встреча. Наметились даже некоторые пункты соглашения. Черчилль об этом должен помнить. Затем Миколайчик уехал в Лондон с тем, чтобы очень скоро вернуться в Москву для завершения шагов по организации польского правительства. Вместо этого, однако, Миколайчик был изгнан из польского правительства в Лондоне за то, что он отстаивал соглашение с люблинским правительством. Нынешнее польское правительство в Лондоне, возглавляемое Арцишевским и руководимое Рачкевичем, против соглашения с люблинским правительством. Больше того: оно относится враждебно к такому соглашению. Лондонские поляки называют люблинское правительство собранием преступников и бандитов. Разумеется, бывшее люблинское, а теперь варшавское правительство не остается в долгу и квалифицирует лондонских

поляков как предателей и изменников. При таких условиях как их объединить? Он, Сталин, этого не знает.

Руководящие лица варшавского правительства — Берут, Осубка-Моравский и Роля-Жимерский — не хотят и слышать о каком-либо объединении с польским правительством в Лондоне. Сталин спрашивал варшавских поляков:

на какие уступки они могли бы пойти? Ответ был следующий: варшавские поляки могли бы терпеть в своей среде таких лиц из числа лондонских поляков, как Грабский и Желиговский, но они и слышать не хотят о том, чтобы Миколайчик был премьер-министром. Сталин готов предпринять любую попытку для объединения поляков, но только в том случае, если эта попытка будет иметь шансы на успех. Что же делать? Может быть, пригласить сюда варшавских поляков? Или, может быть, пригласить их в Москву и там с ними поговорить?

В заключение Сталин хотел бы коснуться еще одного "опроса, очень важного вопроса, по которому он будет говорить уже в качестве военного. Чего он как военный требует от правительства страны, освобожденной Красной Армией? Он требует только одного: чтобы это правительство обеспечивало порядок и спокойствие в тылу Красной Армии, чтобы оно предотвращало возникновение гражданской войны позади нашей линии фронта. В конце концов, для военных довольно безразлично, какое это будет правительство; важно лишь, чтобы им не стреляли в спину. В Польше имеется варшавское правительство. В Польше имеются также агенты лондонского правительства, которые связаны с подпольными кругами, именующимися «силами внутреннего сопротивления». Как военный, Сталин сравнивает деятельность тех и других и при этом неизбежно приходит к выводу: варшавское правительство неплохо справляется со своими задачами по обеспечению порядка и спокойствия в тылу Красной Армии, а от «сил внутреннего сопротивления» мы не имеем ничего, кроме вреда. Эти «силы» уже успели убить 212 военнослужащих Красной Армии. Они нападают на наши склады, чтобы захватить оружие. Они нарушают наши приказы о регистрации радиостанций на освобожденной Красной Армией территории. «Силы внутреннего сопротивления» нарушают все законы войны. Они жалуются, что мы их арестовываем. Сталин должен прямо заявить, что если эти «силы» будут продолжать свои нападения на наших солдат, то мы будем их расстреливать.

В конечном итоге, с чисто военной точки зрения варшавское правительство оказывается полезным, а лондонское правительство и его агенты в Польше — вредными. Конечно, военные люди всегда будут поддерживать то правительство, которое обеспечивает порядок и спокойствие в тылу, без чего невозможны успехи Красной Армии. Покой и порядок в тылу — одно из условий наших успехов. Это понимают не только военные, но даже и невоенные. Так обстоит дело" [66].

306. То есть, лондонские поляки вполне могли решить вопрос о власти со Сталиным и с патриотически настроенными поляками из Люблина путем переговоров. Отсюда версия о том, что польское правительство в эмиграции подняло восстание, чтобы взять власть в Польше, это такой бред, что его невозможно списать даже на традиционную болезнь шляхты — на идиотизм! Но если лондонскому правительству поляков это восстание даже в случае его успеха ничего не давало, то зачем оно его подняло, да еще и так, чтобы восстание непременно окончилось поражением?

Думаю, что ошибка всех исследователей в том, что они рассматривают это событие исключительно с точки зрения лондонских поляков. Одни считают их идиотами, другие — романтиками европейской цивилизации, третьи — «гнуснейшими из гнусных», но все полагают, что правительство Польши в эмиграции преследовало какие-то свои интересы, и ищут эти интересы. Вот в этом ошибка. Не было у них в это время своих интересов — они послушно делали то, что приказывали немцы. Вот давайте теперь посмотрим на Варшавское восстание 1944 г. с позиции немецких интересов.

307. Дело в том, что Белорусскую операцию, приведшую к разгрому немецкой группы армий «Центр» и выходу советских войск к пригородам Варшавы, начали белорусские партизаны за три дня до удара по немцам соединений регулярной Красной Армии. Пауль Карелла пишет:

"Начало было положено партизанами. В ночь на 20 июня на территории за линией фронта партизаны провели широкие диверсионные операции. К рассвету 10500 взрывов полностью вывели из строя железнодорожные коммуникации в районе между Днепром и Минском и к западу от этого города. Стратегически важные мосты были взорваны. Подвоз снабжения был приостановлен во многих случаях больше чем на сутки.

Парализованными оказались не только железные дороги: сеть телеграфной и телефонной связи, тянувшаяся вдоль дорог, также была выведена из строя. Движение железнодорожного транспорта почти полностью прекратилось, что сыграло существенную роль в трагических событиях последующих 48 часов.

Когда начальник транспортного управления группы армий «Центр» полковник Теске облетел подведомственную территорию на своем самолете, он воочию убедился в масштабах катастрофы. Все железнодорожные станции и разъезды были забиты составами. Паровозы передвигались со скоростью улиток. В тех немногих местах, где поезда еще ходили, вагоны и даже паровозы были облеплены людьми — по большей части беглецами из районов, оказавшихся под угрозой партизан" [67].

308. Белорусы свою работу по уничтожению гитлеровцев исполнили. Теперь пришла очередь поляков. А у них, как известно, основные силы партизан были объединены Армией Крайовой (АК) под руководством правительства Польши в Лондоне и незначительные силы прокоммунистических партизан — Гвардия Людова (ГЛ). И, как вы понимаете, при последующем наступлении советских войск правительство поляков в Лондоне не могло не дать приказ АК ударить по тылам немцев. Иначе это было бы уже явным предательством союзников, да и отряды АК могли вступить в бой даже без приказа, иначе ведь им не объяснить, чего это они, такие боевые, всю войну от немцев прятались. А немцы не способны были собрать войска, чтобы занять ими всю западную Польшу и этим предотвратить удары многочисленных отрядов АК по своим тылам. Поэтому немцы были и в Польше обречены подвергнуться такому же разгрому, как и в Белоруссии, и советские войска с помощью АК могли в одном броске ворваться в Берлин. Что делать немцам, что для них было бы наиболее выгодным?

Только одно — если бы правительство Польши в Лондоне сдало им Армию Крайову — стянуло все отряды АК в одно место и дало бы немцам их разгромить. И «гнуснейшие из гнусных» скрупулезно исполняют то, что требуется немцам.

309. Они дают команду АК, и та стягивает в Варшаву 40 тысяч бойцов, чрезвычайно слабо вооруженных. Дальше я обопрусь на донесение непосредственного участника подавления восстания губернатора Варшавского округа СА-группенфюрера Фишера генерал-губернатору Польши рейхсминистру Франку. Фишер гражданский администратор и плохо понимает, что делали военные власти, поэтому он, к примеру, с осуждением говорит о том, что военный комендант за неделю до начала восстания, 23 июля 1944 г., издал приказ, «в котором предлагалось всему женскому персоналу военных учреждений в тот же день покинуть Варшаву», что, по мнению Фишера, вызвало панику среди немцев [68]. В то же время, когда восстание началось, все немецкие учреждения «немедленно заняли круговую оборону, как это было предусмотрено в случае нападения, и начали защищаться». [69] В результате: «Только немногие немецкие учреждения сдались в результате круговых атак врага, как, например, гарнизон здания, где размещалось руководство Варшавского округа. В основном все немецкие учреждения продержались до подхода подкреплений» [70]

310. Как видите, немцы были предупреждены и прекрасно подготовились — и лишних людей заблаговременно эвакуировали, и планы обороны своих кварталов разработали. В результате, хотя численность АК в Варшаве вдвое превышала численность немцев, но взять Варшаву восставшие не смогли, правда, безоружных евреев и украинцев в Варшаве они вырезали [71]. Но это само собой — как бы мы еще узнали, что это поляки восстали? Затем подошедшие немецкие подкрепления начали методично, огнем тяжелого оружия и авиации уничтожать всех и все подряд — дом за домом. Какую помощь союзникам в борьбе с немцами оказали восставшие? Вырезали безоружных украинцев и евреев? А не мало ли этого?

311. Нет сомнений — правительство Польши в Лондоне организовало на прощание бойню польских патриотов и варшавского обывателя. В результате, во всех мемуарах и воспоминаниях, которые я читал, никто из советских ветеранов, освобождавших Польшу, не вспоминает, чтобы АК в этом деле хоть как-то помогла Красной Армии. Есть, правда, воспоминания, как аковцы стреляли в спины советских солдат. Польские подонки в Лондоне служили Германии до конца, а советскому народу за освобождение Польши пришлось отдать жизни свыше 600 тыс. своих сынов и дочерей.

312. Несколько моментов, связанных с этим восстанием.

Осенью 1941 г. советский инженер Каминский возглавил отряды подонков на службе у немцев, которые их использовали в целях противопартизанской борьбы. Затем в эти отряды стали мобилизовывать мужчин с оккупированной территории СССР, и Каминский назвал свое войско «Русской освободительной народной армией» (РОНА). Из-за такой комплектации немцы эту армию к фронту подпускать боялись, да и в борьбе с партизанами успехи ее были невелики, к примеру, в Белоруссии из рядов РОНА сбежало к партизанам две трети состава. Но остались отборные негодяи численностью в бригаду с такой крепкой дисциплиной, что немцы приняли бригаду РОНА в СС с целью в будущем развернуть ее в 29-ю гренадерскую дивизию СС, а Каминского наградили Железным Крестом 1-го класса и присвоили ему звание бригаденфюрера и генерал-майора войск СС [72]. И вот

оцените ум немцев. Они пустили бригаду Каминского подавлять Варшавское восстание, разрешив ей грабить население, т.е. предметно показали полякам, какой вид имеют русские. А затем вывели бригаду Каминского из Варшавы, ее личный состав отдали Власову, а бригаденфюрера Каминского судили и расстреляли за плохое обращение с поляками [73]. Умны были немцы, сказать нечего. Такого врага почетно было уничтожать, мать бы их!

313. Изумляет и то, до чего же искусны поляки в деле торжественной сдачи в плен. Советский Союз в этом плане был нецивилизованным — руки вверх и скажи спасибо, что живой! А немцы понимали тонкую душу шляхтича. Но чтобы вы поняли, о чем я, предварю мысль цитатой С. Куняева: "Писатель и журналист Александр Кривицкий, друг Константина Симонова, бравший у Андерса интервью в декабре 1941 года в гостинице «Москва», вспоминает:

"Генерал Андерс стоял передо мной во весь рост уже во френче, застегивая поясной ремень и поправляя наплечный. Он пристегнул у левого бедра саблю с замысловато украшенным эфесом — наверное, собирался на какой-то прием. Его распирало самодовольство.

— Пока русский провозится с кобурой и вытаскивает пистолет, поляк вырвет из ножен клинок и...дж-и-ик! — Лидере картинно показал в воздухе, как легко и быстро он управится с саблей и противником.

— Но, господин генерал, — по возможности спокойно сказал я, — несмотря на такое ваше преимущество, мы давно воюем, а вы еще держите саблю в ножнах, — он метнул на меня взгляд из серии тех, какие должны убивать" [74].

Так вот, как только немцы зажали АК в Варшаве, поляки предложили немцам взять себя в плен. Начался этап торговли, который главнокомандующий поляков Бур-Комаровский тянул с 29 сентября по 2 октября. Как неременное условие поляки уторговали у немцев право польских офицеров оставить себе холодное оружие (что же это за шляхтич без сабли?), а этих офицеров в Варшаве было 1200 человек. Представляете эту красочную картину: идут с поднятыми руками 1200 польских офицеров, а на боку у всех сабли!

И в сентябре 1939 г., когда польский гарнизон численностью в 97425 солдат и сержантов и 5031 офицера [75] сдавал Варшаву немцам, поляки тоже так же долго и склочно торговались за свои сабли, пока не довели дело до самого Гитлера. Тот разрешил [76].

314. Но не только о польской чести были заботы, но и о желудке. Прежде чем сдать в плен, восставшие послали делегацию осмотреть лагерь для военнопленных — есть ли удобства, как кормят, приходят ли продуктовые посылки из Красного Креста и т.д. И только после этого гордо и несломленно шляхта сдалась. (Гвардия Людова пробилась из Варшавы, о ее судьбе — дальше). Упомянутый губернатор Фишер докладывал генерал-губернатору Франку: «Представители генерала Бура, осматривавшие лагерь, как указано выше, 29 сентября 1944 года, установили то же, что и делегаты Международного Красного Креста. Неожиданно хорошее впечатление, которое произвел Прушковский лагерь на представителей генерала Бура, по-видимому, сильно повлияло на принятие восставшими решения о прекращении восстания, поскольку они стали уверены в том, что с каждым из них будут обращаться гуманно» [77]. Кстати, Черчилль, в уме которому отказать невозможно, заметил как-то, что пленный — это враг, который хотел тебя убить, но у него это не получилось, поэтому он теперь требует, чтобы ты относился к нему гуманно. По сути, это точно, но на войне все же выгоднее брать в плен, нежели уничтожать. И польская армия в этом смысле просто подарок для любого противника. Главное — лагерь для военнопленных хорошо оборудовать и никакого черного хлеба.

315. И наконец хотелось бы еще раз обратить внимание на то, какой эффект на население Польши произвело раскручивание «гнуснейшими из гнусных» Катинского дела. В докладе Фишера есть раздел «Поведение польского населения во время восстания». С одной стороны, он, конечно, мог и приукрасить последствия своего мудрого правления поляками, но с другой стороны, положение Германии было столь тяжелым, что вряд ли губернатор Варшавского округа в секретном докладе осмелился бы сильно приукрашивать ситуацию. Фишер пишет:

"При анализе восстания в Варшаве напрашивается еще один вывод огромного политического значения. Речь идет о поведении всего населения. Когда польская Армия Крайова начала борьбу, ее вожди твердо рассчитывали на то, что они увлекут за собой широкие массы варшавского населения и что тогда восстание в Варшаве явится сигналом для присоединения к нему всех поляков.

В этом предположении вожди Армии Крайовой полностью ошибались.

Прежде всего следует констатировать, что в самой Варшаве широкие массы населения с первых же дней отнеслись к восстанию отрицательно и, по крайней мере, не поддержали его. Во всяком случае, это относится к первым десяти дням восстания, когда гражданское население не оказывало никакой

добровольной помощи восставшим и участвовало в строительстве баррикад только тогда, когда было принуждено к этому угрозами со стороны аковцев; это подтверждается показаниями пленных и гражданскими лицами.

Общее поведение варшавского населения временно изменилось в период с 10 по 20 августа, когда казаки Каминского, вторгнувшись в Варшаву, выступили также против польских женщин и детей. Тогда Армии Крайовой удалось повлиять на население, причем в агитации утверждалось, что так будут обращаться со всеми польскими женщинами и детьми. Многие после этого вступили в Армию Кракову или поддерживали восстание другим способом.

Когда войска Каминского были выведены из Варшавы вследствие того, что их поведение не отвечало дисциплине немецкой армии, широкие массы населения также быстро отвернулись от Армии Крайовой и с этого момента заняли пассивную позицию.

В последнее время большая часть населения все настойчивее требовала прекращения восстания. Это доказано не только показаниями поляков, но, прежде всего, показаниями немцев, попавших в плен к повстанцам.

Еще яснее было поведение сельского населения. Оно не поддерживало восстания с первого и до последнего дня. Это доказывается тем, что оно отклоняло практическую помощь и даже строило вблизи Варшавы оборонительные укрепления, направленные в большей своей части против повстанцев.

Кроме того, сельское население доказало свое отрицательное отношение к восстанию тем, что когда часть аковцев бежала из Варшавы во время специальных мероприятий и пробилась в степи Кампинос на юг, то оно не оказало никакой поддержки этим 1600 солдатам, вследствие чего эти повстанцы могли быть установлены и уничтожены в течение 24 часов*.

Подобное поведение проявило польское сельское население в отношении всех пропагандистских напештываний о присоединении к восстанию, об организации восстания в сельской местности или, по меньшей мере, об организации банд и ударе по немцам с тыла. За эти месяцы из сельского населения не было создано ни одной банды, а также не было проведено ни одного акта саботажа. Больше того, сельское население, а также городское население в сельских округах именно в эти месяцы точно и лояльно исполняло немецкие приказы.

Ярче всего это проявилось при строительстве оборонительных рубежей, несмотря на то, что количество убитых и раненых ежедневно доходило до 40. Несмотря ни на что, поляки провели работы по строительству укреплений в непосредственной близости фронта и частично под ежедневным обстрелом.

Такое поведение практически является лучшим и ясным доказательством того, что широкие массы польского населения совершенно отвергли восстание в Варшаве.

Эта общая позиция польского населения подтверждена, кроме того, показаниями пленных из польской дивизии Берлинга. Дивизия Берлинга представляет собою воинское соединение большевистской армии, укомплектованное исключительно поляками. Военнопленные из этой дивизии на допросе неизменно показывали, что польское население при вступлении их в Варшавский округ не только не приветствовало их как освободителей, наоборот, встречало чрезвычайно холодно и сдержанно и частично даже враждебно. По данным этих военнопленных, польское население на их удивленные вопросы всегда объясняло, что хотя немцы с ними обходились строго, но они все же постоянно заботились о работе и хлебе для населения и что поэтому поляки не скучали по большевикам.

Это лишний раз подтверждает наше мнение о том, что широкие массы польского населения из внутренних убеждений отклоняют все попытки замены немецкого господства в Польше" [78].

316. Заметим, что поляки «советского господства» не видели, они до немцев 19 лет жили при «гнуснейших из гнусных», видимо, поэтому им и немецкая власть была в радость. Но вообще-то эта характеристика поляков удручающа. Возможно, одним из первых обратил внимание на это обстоятельство В. Кожин: «К странам с мощным Сопротивлением причисляют еще и Польшу, но при ближайшем рассмотрении приходится признать, что и здесь (как и в отношении Франции) есть очень значительное преувеличение (подкрепленное, между прочим, целым рядом ставших широко известными блестящих польских кинофильмов о том времени). Так, по сведениям, собранным тем же Б. Ц. Урлани-сом, в ходе югославского Сопротивления погибли около 300 тысяч человек (из примерно 16 миллионов населения страны), албанского — почти 29 тысяч (из всего 1 миллиона населения), а польского — 33 тысячи (из 35 миллионов) [3]. Таким образом, доля населения, погибшего в реальной борьбе с германской властью, в Польше в 20 раз меньше, чем в Югославии, и почти в 30 раз меньше, чем в Албании!..» [79]

317. Вот этот перечень действий польского правительства в эмиграции и подводит к выводу, что министры Сикорского сразу же после войны с Германией в сентябре 1939 г. заключили с ней соглашение о своем возвращении в Польшу после победы Германии и удобном устройстве на шее у поляков. Взамен они в чем-то предали Гитлеру Англию и предали очень сильно, настолько сильно, что раскрытие этого предательства привело бы к тому, что англичане повесили бы всех членов этого правительства во главе с Сикорским.

Что это могло быть за предательство? У меня такая версия. В начале 1940 г. англичане начали в глубокой тайне готовить десантную операцию по захвату нейтральной Норвегии — операции, которая бы имела огромное значение и повернула бы ход войны решающим образом. Польская бригада подгальских стрелков была накануне подготовлена к десантированию [80], и это дает основания полагать, что Сикорский был в курсе британских планов. С другой стороны, немецкие мемуаристы отмечают, что в первоначальном плане войны на западе нападение на Норвегию не было предусмотрено, план захвата Норвегии и Дании созрел у Гитлера внезапно, а готовили этот план в сверхпожарном порядке. В результате немцы опередили англичан в захвате чуть ли не на несколько часов. (Англичане, узнав, что немцы в Норвегии уже высаживаются, чтобы собрать свой флот для боя у берегов Норвегии с немецким флотом, в английском порту Росайт буквально согнали с крейсеров 1-й эскадры десант для высадки в Норвегии, даже не дав десанту сгрузить с крейсеров свое оружие) [81]. Немцы победили англичан и укрепились в Норвегии, и если это результат предательства правительства Сикорского, то тогда безусловно немцы всю войну могли шантажировать поляков раскрытием этой измены и заставляя их делать все, что немцы прикажут.

Без этой гипотезы для поведения польского правительства в эмиграции невозможно найти мотивов даже в случае использования такого универсального для шляхты мотива, как идиотизм.

318. Еще для пары первых поступков Сикорского идиотизм можно присуммировать к психологии гиены — это когда Сикорский увел армию Андерса на Ближний Восток и дал команду АК прекратить войну с немцами. Упомянутый губернатор Варшавы Фишер о том времени написал: «Генерал-губернаторство и даже миллионный город Варшава до конца 1942 г., как это без преувеличения установлено, являлись вполне умиротворенными областями» [82]. В этом случае еще можно считать, что поляки забились в угол, ожидая, когда можно будет отхватить кусок от уже мертвой добычи. Но дальше нет и такого мотива. Повторю.

1. В 1941 г. они узнают, что пленные офицеры убиты, но не сообщают это правительству СССР. Идиоты?

2. 1943 г. начинают вопить о смерти этих офицеров, обеспечивая немцам главную пропагандистскую кампанию войны. Опять идиоты?

3. В 1944 г. узнают, что пленных убили немцы, но молчат. Снова идиоты?

4. Стягивают силы АК в Варшаву и отдают их на разгром немцев. Еще раз идиоты?

5. Рейхсфюрер Гиммлер считает Сикорского своим послушным агентом. Гиммлер тоже идиот?

6. Риббентроп с Гитлером с помощью Сикорского собираются осуществить «основную установку» по польской проблеме. И эти сошли с ума?

Знаете, тут я должен не поверить даже мною же приглашенному эксперту маршалу Пилсудскому и заявить, что в истории освобождения Польши с идиотизмом перебор даже для шляхты, а уж идиотизм немцев совершенно невероятен. После того, как в преддверии войны поляки столько раз предали Францию и Англию, что же невероятного в том, что они продолжали предавать союзников? Наоборот. Если бы эти «гнуснейшие из гнусных» вели себя честно, то вот это и было бы невероятно!

Но если стать на вскрытую данным исследованием точку зрения, то без малейшего покушения на природный идиотизм шляхты, ее предательство союзников логически взаимосвязывает все события войны.

319. Подводя итог под исследованием истории польских армий и правительств Второй мировой войны, должен остановиться еще на одном аспекте Катынского дела.

2 сентября 2000 г. в Катыни выступил председатель Совета Министров Республики Польша Ежи Бузек по поводу открытия военного кладбища той части польских офицеров, сдавшихся в сентябре 1939 г., которую немцы перестреляли в Катынском лесу. Пан Бузек сказал: «Я обращаюсь еще раз к офицерам и солдатам Войска Польского: Вы — наследники тех, кто был убит. Поляки всегда относились к своей армии с величайшим уважением и почтением. И я убежден, что наследие, переданное вам погибшими здесь офицерами, для вас не утратило своего значения и вы всегда будете хранить его» [83].

Я не имею на это ни малейшего права, тем не менее, без колебаний это право беру и от имени всех

народов бывшего СССР заявляю:

Многоуважаемый пан Бузек! Вашими устами, да мед пить! Поскольку Польша уже в НАТО, то ваши бывшие союзники, советские люди, ничего так искренне не желают, как того, чтобы нынешнее Войско Польское бережно хранило наследие польской армии образца 1939 года.

Многоуважаемый пан Бузек! Передайте, пожалуйста, Войску Польскому. Даже нынешняя хилая Россия, без сомнения, выполнит евроремонт во всех лагерях для военнопленных польских офицеров, продуктовые посылки Красного Креста будут приходить туда с точностью восхода солнца, а каждому пленному польскому офицеру будет выдано по сабле.

Глава 6 Итоги расследования обвинений в агрессии

Агрессивные замыслы и агрессия СССР

Хотел бы облегчить участь читателя следующим советом. У бригады Геббельса нет никаких доказательств своих версий, и она топит их отсутствие в обилии разных сведений, которые не имеют ни малейшего отношения к делу, но должны убеждать всякого, что бригада Геббельса работала очень тщательно и все расследовала очень добросовестно. К примеру, сначала в 1995 г. в польском толстенном официальном сборнике документов по Катынскому делу [1], а затем и в 1999 г. в российском сборнике [2] дается аксонометрический чертеж нар, на которых спали польские военнопленные в нашем плену, с указанием их размеров, площади и т.д. Как эти нары доказывают, что СССР совершил агрессию против Польши, или как они доказывают, что пленных поляков в СССР расстреляли? Никак. Но бригада Геббельса с этими нарами расстаться не может, поскольку без этих прекрасных нар и подобных «доказательств» она останется только со своими тупо сколоченными фальшивками. И вот таких «доказательств» у бригады Геббельса море, в котором, по замыслу этой бригады, должен утонуть всякий, кто попытается понять, на чем же основаны ее утверждения.

Поэтому пробуйте вычленять из ее пустопорожнего потока слов, цифр, дат и фамилий те узловые моменты, которыми бригада Геббельса «доказывает» свое обвинение. «По Нюрнбергскому счету» схема «доказательств» вины СССР и обоснование представления обвинения по Уставу МВТ в писаниях геббельсовцев таковы.

1. По законам России судить нельзя, так как мертвых не судят и нет соответствующих законов (3).
2. Судить надо по Уставу МВТ, так как в нем предусмотрены наказания за планирование агрессии и за агрессию (3).
3. СССР планировал агрессию тем, что подписал с Германией секретный протокол о разделе Польши (тексты геббельсовцев).
4. СССР совершил агрессию тем, что его войска 17 сентября 1939 г. вошли в Польшу, а на ее территории в этот день еще бегали не только разрозненные толпы польских войск, но и члены польского правительства, так что это было еще государство, совсем как настоящее {тексты геббельсовцев}.
5. Доказательством того, что члены польского правительства и главнокомандующий польской армией 17 сентября все еще бегали по Польше, служит факт отказа польского посла в Москве Гжибовского принять ноту и его утверждение, что польское правительство еще в Польше, а польская армия еще сражается (тексты геббельсовцев). Других доказательств, что польское правительство 17 сентября еще было в Польше, бригада Геббельса не представляет. Она, бедная, даже приказ Рызд-Смиглы «Советы вторглись», который раньше был датирован 18 сентября, вынуждена сама передатировать на 17 [3].

Вот это узловые моменты «доказательств», вся остальная болтовня геббельсовцев — кто командовал войсками, какие номера имели армии, что было написано в приказах и т.д. — ничего не доказывает. Простите, но если на никем не управляемой территории грабят и убивают мирное население остатки какой-то армии, то какая разница, какие приказы давало своей армии государство, взявшее под свою защиту эту территорию?

Итак, давайте еще раз сжато рассмотрим узловые моменты обвинения СССР бригадой Геббельса.

1. По законам России судить можно кого угодно и за что угодно. Я не буду напоминать читателям статью Уголовно-процессуального кодекса (5), просто напомню, что наш Верховный Суд провел суды по реабилитации 1,5 млн. человек, в том числе по решению ГВП от 23 апреля 1996 г. реабилитировал

командира казачьей дивизии СС немецкого генерала фон Панвица, повешенного в 1946 г.* Так какие проблемы нашему Верховному Суду провести заседание суда и реабилитировать Гитлера с Геббельсом?

2. Почему невозможно судить руководителей СССР по Уставу МВТ, я написал (4).

3. Считать, что секретный протокол к договору о ненападении между СССР и Германией от 23 августа 1939 г. является доказательством того, что СССР планировал напасть на Польшу с целью ее расчленения и раздела с Германией, может только тот, кто не способен этот протокол прочесть. А утверждать, что этот протокол доказывает агрессивность планов СССР, может только подонок. Снова кратко поясню почему.

а) Раздел сферы влияния между СССР и Германией проходил по линии рек Нарев-Висла-Сан, которую и немцы, и французы считали рубежом, на котором любая армия сможет долго удержаться, а русские генералы еще в Первую мировую войну укрепили эту линию крепостями. Это доказывает, что СССР хотел политическим путем защитить суверенитет Польши, т.е. если армия Польши потерпит поражение к западу от этой линии — немцы не могли без конфликта с СССР форсировать эти реки. (135-136)

б) То, что это так и не иначе, доказывается тем, что после полного развала Польши войска СССР не вышли на эту линию, а между СССР и Германией, причем по инициативе СССР, 28 сентября был заключен новый протокол, согласно которому была проведена новая линия сфер влияния. То есть, после того, как правительство Польши сбежало из Польши, СССР и Германии пришлось снова договариваться с учетом новых реалий — с учетом предательства народа Польши его правительством и армией. СССР по новой договоренности вводил в сферу своего влияния Литву и передавал в сферу интересов Германии польские воеводства к востоку от линии Нарев-Висла-Сан [4].

в) Вторая сторона, подписавшая протокол, Германия, в ноте от 21 июня 1941 г. об объявлении войны СССР выставляет СССР агрессором именно за то, что он присоединил к себе часть государств внутри своей сферы интересов, тогда как эта сфера предусматривала только политическое и коммерческое влияние. И то, что это действительно так, подтверждает, что сами немцы даже 7 сентября 1939 г. не собирались захватывать всю Польшу, в их предложении о перемирии на эту дату предусматривалось присоединение к Германии только западных областей Польши по Краков. (134)

г) То, что СССР не планировал раздела Польши, подтверждает то, что он не привел войска в готовность даже в простом организационном плане (не были созданы фронтовые объединения) не только до 1 сентября, но и до 10 (207), и начал вводить свои войска в Польшу, когда война уже окончилась и немцы выводили из Польши свои ударные силы. Американский историк, а в то время корреспонденту. Ширер, пытавшийся 17 сентября 1939 г. проехать из Данцига в Берлин, записал в дневнике: «Дороги забиты колоннами германских моторизованных частей, возвращающихся из Польши» [5]. А то, что СССР хотел помочь Польше сохранить суверенитет, подтверждает отвод накануне 1 сентября советских войск от восточных границ Польши. (137)

д) То, что СССР не планировал напасть на Польшу и с началом ее войны с Германией, подтверждает то, что он 3 сентября 1939 г. продал ей стратегический материал — хлопок, идущий на производство пороха и взрывчатки. Какому будущему противнику такое продают, да еще и в начале войны, когда этот хлопок успеет переработаться в пироксилин и использоваться против тебя? (153)

4. СССР технически не мог напасть на государство «Польша» 17 сентября 1939 г., поскольку такого государства не существовало уже с 7-10 сентября, когда правительство Польши перестало ею управлять, а главнокомандующий польской армией дал войскам команду удирать в Румынию. То, что государства «Польша» не существовало с этих дат, подтверждает следующее.

а) Гибель Польши была смертельной для Франции, но для французов было бы безумием атаковать немцев, если Польши уже нет. Французы отказались от активных действий на своем фронте 8 сентября.

б) То, что удирающее правительство Польши, которое 17 сентября «еще было на территории Польши», не объявило войну СССР.

в) То, что главнокомандующий польской армией, который 17 сентября «еще был на территории Польши», не дал приказ войскам на отражение агрессии. (Кстати, защищаясь, им легче было бы отойти и в Румынию).

г) То, что союзник Польши от агрессии СССР, Румыния, не усмотрела в действиях СССР агрессии и не объявила ему войну.

д) То, что союзники Польши Франция и Великобритания не предъявили СССР ультиматум отвести свои войска за пределы границ Польши.

е) То, что Лига наций не исключила СССР из своих членов и даже не призвала мир к его экономической блокаде.

5. (Он же подпункт "е" пункта 4). Поведение посла Гжибовского, отказавшегося принимать ноту для своего государства (179-184), доказывает, что на 17 сентября никакого государства у посла Польши уже не было, поскольку любое государство своего посла за такую наглость в тюрьме бы сгноило. Гжибовский либо не имел представления, где находится правительство Польши, либо знал, что оно уже интернировано в Румынии и не способно исполнять даже таких простых функций, как принятие ноты.

Вот так обстоит дело с узловыми моментами обвинения СССР в планировании и осуществлении агрессии против Польши. Вы, читатели, судьи, и вам решать, какие доводы весомее — мои или бригады Геббельса.

Польша как пособник европейских стран оси

Первоначально странами оси, странами, заключившими Антикоминтерновский пакт — договор, направленный против СССР как страны Коминтерна, — были Германия и Италия, затем к ним примкнули ряд других стран. Однако по мере того, как хищнические аппетиты стран оси росли, в число противников антикоминтерновского пакта кроме СССР отошли Франция и Великобритания. Отошли не по идейным соображениям и не из врожденного миролюбия, а из страха перед растущей и ничем не ограниченной гегемонией Германии на Европейском континенте. Все их попытки объединением сил обуздать алчность Германии без войны были сорваны Польшей. Ни одной агрессии, даже против себя, Польша не пропустила в плане помощи агрессору или соучастия. Таким образом, Польша, наряду с Германией, является виновницей развязывания Второй мировой войны и, следовательно, гибели в этой войне 55 млн. человек.

Доказывается это не словами, а следующими событиями:

1. Польша развязала конфликт с Литвой в момент аншлюса Австрии (63-64).
2. Вопреки настоянию своего союзника Франции, Польша отказалась вступить в оборонительный союз «Восточный пакт», предложенный в 1934 г. министром иностранных дел Франции Л.Барту (38).
3. Польша прямо предала Францию и заставила этим Францию предать Чехословакию, когда в 1938 г. отказала Франции в просьбе заключить оборонительный союз с Чехословакией и отказалась помочь Франции, если та ввяжется в войну с Германией за Чехословакию (65-66). А затем в 1938 г., Польша совершила прямой акт агрессии против Чехословакии, который, в отличие от немецкого акта агрессии, даже не был согласован с Великобританией и Францией, — отторгла у Чехословакии Тешинскую область (72).
4. Польша предала обоих своих союзников Англию и Францию тем, что вопреки их настоянию отказалась заключать оборонительный союз против Германии с Румынией в 1939г. (74).
5. Польша предала своих союзников Англию и Францию тем, что вопреки их настоянию отказалась заключать военный союз с СССР, а отказом пропуска советских войск через свою территорию не дала заключить оборонительный союз СССР — Франция — Великобритания против Германии еще в 1939 г. (77-93).
6. Как следует из секретного протокола к пакту Гали-факс-Рачинский, даже за несколько дней до войны польское правительство думало не об обороне, а о том, как захватить Литву и ограбить Румынию (139-148).

Если бы Польша поступила честно по отношению к своему старинному союзнику Франции хотя бы по одному из первых пяти пунктов, можно с уверенностью сказать, что Второй мировой войны не было бы. Все же шесть пунктов вместе доказывают, что Польша осмыслено не только планировала, но и развязывала Вторую мировую войну, а то, что у ее правителей не хватило ума понять, как война будет протекать и с кого начнется, сути дела не меняет.

Начавшуюся Вторую мировую войну можно было бы быстро закончить военным поражением Германии, если бы Польша в пятый раз не предала своих союзников — если бы ее трусливая армия во главе с трусливым правительством с первых дней войны не начала удирать от немцев в Румынию (161, 167-169, 175-177, 185-199).

Польша совершила и первый во Второй мировой войне варварский акт геноцида против мирного населения — поляки устроили массовое убийство польских граждан — немецких женщин и детей польских городов Быдгощ (Бромберг) и Шулитце (207-208).

По Уставу Нюрнбергского международного военного трибунала руководители Польши и их пособники обязаны были сидеть на скамье подсудимых, ибо кровь 55 млн. убитых по вине Польши взывала к отмщению. Но, к сожалению, МВТ не был судом ни в каком смысле этого слова — это была расправа победителей над побежденными — и все подонки, успевшие в ходе войны переметнуться на сторону победителей, суда избежали. Но вина их по Уставу МВТ не исчезла и не стала меньше! Оттого, что подлая шляхта избежала суда, десятки миллионов убитых не встали из своих могил!!

Но и это не все.

Проклятая польская шляхта, образовавшая за границей правительство Польши в эмиграции, сделала все, чтобы Вторая мировая война протекала в самой тяжелой и кровавой форме. Ибо немедленно предала Францию, Англию, а затем и СССР, оставшись подлой пособницей европейских стран оси. Это доказывается следующим:

1. Польша в ноябре 1939 г. объявила войну СССР и начала партизанские действия на его территории — убивая советских людей, противников стран оси и будущих освободителей Польши от войск стран оси (230-232).

2. С нападением европейских стран оси на СССР Польша прекратила партизанскую войну против немцев (253,318).

3. Польша увела от войны с немцами обмундированную и снаряженную СССР армию Андерса и не подводила ее к фронту до тех пор, пока не стало ясно, что союзники войну выиграют и без вонючей шляхты (230-233).

4. Польша обеспечила немцам организацию стержневой пропагандистской кампании, вызвавшей ожесточение войны и дополнительные смерти миллионов людей, для чего:

— скрыла от СССР в 1941 г., что польские пленные убиты (293-294);

— подключилась к пропагандистской кампании Геббельса по Катынскому делу (279-281);

— замалчивала результаты расследования Катынского дела советской комиссией (295).

5. Накануне освобождения советскими войсками Польши шляхта собрала в Варшаве и отдала немцам на уничтожение в Варшавском восстании тех польских патриотов, кто мог бы помочь Красной Армии в освобождении Польши (299-311).

Вот так. Ваша честь. Взвешивай, читатель, доказательства «за» и доказательства «против» и решай, кого должен был вешать американский палач при Нюрнбергском международном военном трибунале: советское правительство или шляхту?

Кстати, об этом. Представим, что вся бригада Геббельса перенесена во времени на шесть десятков лет назад, в послевоенное время, и доказывает то, что доказывает сегодня. Ведь чего геббельсовцы добиваются? Они утверждают, что СССР в сентябре 1939 г. совершил агрессию, следовательно, бригада Геббельса очень хочет, чтобы 17 сентября 1939 г. СССР не переходил границы Польши, а накануне не подписывал с немцами протокол о разделе сфер влияния. И что бы было? Германия получила бы дополнительно к своим ресурсам 20 млн. украинцев, белорусов, литовцев, латышей и эстонцев сначала на два года как трудовой ресурс, а затем как мобилизационный, который можно оценить в 2 млн. человек. И эти миллионы воевали бы с союзниками, и союзникам надо было бы их убить, потеряв своих 2 млн. То есть, бригаде Геббельса, кровавым ублюдкам, мало 55 млн. убитых во Второй мировой войне, им надо еще и еще.

Как бы национальные трибуналы после войны решили судьбу нынешней бригады Геббельса за это? Напомню, что после победы все страны, включая Францию и Англию, повесили своих журналистов, работавших на Геббельса. Повесили бы и этих «фанатично жаждущих правды».

И кто бы уронил по этим подонкам хоть одну слезу?

Часть II. Фальсификация Катынского дела

Хотели как лучше, а получилось как всегда.

В. Черномырдин

Глава 7. Привходящие обстоятельства, мотивы и почерк преступления в Катыни

Два раза повторять не имеет смысла

320. Как я уже писал, это не первая моя работа по Катыни. В узких кругах Польши и России, кормящихся от фальсификации Катынского дела, моя работа хорошо известна, и фамилия моя в трудах

геббельсовцев встречается часто. При этом делается все возможное, чтобы обычный читатель не узнал, что в этой работе написано. Вот, к примеру, в Интернете, на сайте «Катынь», геббельсовец Ю. Красильников пишет о моей книге «Катынский детектив»: «Эта книга, по мнению группы польских парламентариев, изложенному спикеру Государственной Думы РФ, „полна лжи и ненависти к Польше и полякам“. Вкратце говоря, эта книга рассчитана на людей, которые не в курсе подробностей Катынского дела, и практически все приведенные в ней „доказательства“ виновности немцев держатся либо на умолчании фактов, либо на не очень умелом вранье».

Но так ведь для вас, геббельсовцев, это хорошо: разберите мой «Катынский детектив», расскажите о фактах, которые я замолчал, разберите мое вранье, как я ваше. Тем более, что этот автор заканчивает свою мысль так:

«Вообще же книгу Мухина интересно читать параллельно с каким-нибудь серьезным исследованием Катынской проблемы — сразу становятся заметными все недоговоренности и передергивания в ней, и книжечка эта в итоге может годиться лишь на что-то типа самоучителя на тему „Как не надо лгать“, <http://katyn.codis.ru/>».

Прекрасно, у вас на сайте «серьезные исследования», поместите рядом с ними в десятки раз меньший по объему текст «Катынского детектива» и вам будет «интересно читать». Однако что угодно на сайте помещают, но только не текст «Катынского детектива».

321. Академическая часть бригады Геббельса в своем «научном труде» пишет: «Но, к сожалению, и сегодня в России еще появляются „труды“, напроочь отрицающие факт уничтожения польских граждан по прямому указанию советского политического руководства. В наиболее сконцентрированном виде эта позиция изложена в „монографии“ Ю. Мухина „Катынский детектив“ (М., 1995)». Но в тексте сопроводительных статей нет ни малейших попыток разобрать или оспорить доводы моей «монографии».

322. Получается, что в плане выяснения истины по этому делу, в плане дискуссии с оппонентами я разговариваю с глухими. А русская поговорка учит, что для глухих два раза обедню не служат, следовательно, и мне нет никакого смысла снова вести расследование того, кто именно убил поляков, — я это уже сделал в «Катынском детективе». Нет смысла снова к данному расследованию возвращаться даже с учетом недоработок, имеющихся в «Катынском детективе», и появлением новых фактов по этому делу.

В настоящей книге я займусь очередным в Катынском деле вопросом — мы будем расследовать, как бригада Геббельса фальсифицировала это дело. В ходе этого расследования нам все равно придется рассмотреть практически все факты, доказывающие, что пленных поляков убили немцы, но нам придется несколько по другому построить расследование. Если бригада Геббельса всегда начинает расследование с момента взятия польских офицеров в плен и вымышленного расстрела их НКВД (точно так же и я вел расследование в «Катынском детективе»), то теперь мы начнем с 1943 г. — с начала фальсификации этого дела Геббельсом при непосредственном контроле Гитлера. Но сначала рассмотрим несколько обстоятельств, важных для понимания и нынешней обстановки, и обстановки тех времен.

Достаточно одного.

323. У бригады Геббельса «фактов» о том, что пленных польских офицеров убили русские, не просто много, а очень много. А она все ищет и ищет новые «факты». В Генеральной прокуратуре РФ этих «фактов», думаю, уже не менее 160 томов, уже сами следователи не способны упомянуть, какие факты они по этому делу насобирали и кому эти «факты» нужны, тем не менее следователи и прокуроры дело не заканчивают, в суд его не передают, а продолжают и продолжают собирать все новые и новые «факты». Прямо не следствие (оно идет уже 14 лет), а какой-то «перпетуум-мобиле» — безразмерная титька по отсасыванию денег из казны России прокурорской сволочью.

Между тем, если следствие хочет найти истину, то оно поступает не так, оно не запутывает дело никому не нужными «доказательствами», а предоставляет одно-два доказательства, но весомых — таких, которые невозможно опровергнуть, и таких, которые понятны и тем людям, за счет налогов с которых и содержится все это следствие.

324. В качестве примера возьмем то, как были проведены следствия для открытых процессов 1937-1938 гг. Из всей имеющейся доказательной базы следствие предоставило суду единственное — признание всех обвиняемых. И этого доказательства достаточно было тогда и достаточно сегодня. Французский писатель Леон Фейхтвангер, присутствовавший на одном из процессов, так писал о необходимости одного, но весомого доказательства (выделено мною):

"Кроме нападок на обвинение слышатся не менее резкие нападки на самый порядок ведения

процесса. Если имелись документы и свидетели, спрашивают сомневающиеся, то почему же держали эти документы в ящике, свидетелей — за кулисами и довольствовались не заслуживающими доверия признаниями?

Это правильно, отвечают советские люди, на процессе мы показали некоторым образом только квинтэссенцию, препарированный результат предварительного следствия. Уличающий материал был проверен нами раньше и предъявлен обвиняемым. На процессе нам было достаточно подтверждения их признания... Подробное изложение документов, свидетельских показаний, разного рода следственного материала может интересовать юристов, криминалистов, историков, а наших советских граждан мы бы только запутали таким чрезмерным нагромождением деталей. Безусловное признание говорит им больше, чем множество остроумно сопоставленных доказательств. Мы вели этот процесс не для иностранных криминалистов, мы вели его для нашего народа.

Так как такой весьма внушительный факт, как признание, его точность и определенность, опровергнут быть не может, сомневающиеся стали выдвигать самые авантюристические предположения о методах получения этих признаний.

В первую очередь, конечно, было выдвинуто наиболее примитивное предположение, что обвиняемые под пытками и под угрозой новых, еще худших пыток были вынуждены к признанию.

... Советские люди только пожимают плечами и смеются, когда им рассказывают об этих гипотезах. Зачем нужно было нам, если мы хотели подтасовать факты, говорят они, прибегать к столь трудному и опасному способу, как вымогание ложного признания? Разве не было бы проще подделать документы?" [1]

И действительно, как вы увидите ниже, бригаде Геббельса документы подделать технически ничего не стоит, ее беда только в том, что у нее для подделки этих документов не хватает мозгов. Но сейчас не об этом. Я хочу еще раз подчеркнуть мысль Фейхтвангера — нормальным людям, да и нормальному суду, обилие малозначащих и сомнительных доказательств ни к чему — человеку достаточно порой одного факта, чтобы понять суть дела или чтобы поверить в виновность или невиновность. Мне, чтобы понять, что поляков расстреляли немцы, тоже достаточно было одного факта, но обо мне ниже.

325. Когда я писал «Катынский детектив», мне пришлось в Алма-Ате разговаривать с одним полковником КГБ, который, как оказалось, об этом деле что-то слышал по своей линии, причем тогдашний председатель КГБ Крючков и среди своих работников уже распустил слух, что поляков убил НКВД, а те своему начальнику, естественно, тогда верили. Я, полагая, что полковник должен быть знаком хотя бы с основными доказательствами по Катынскому делу, начал излагать ему косвенные моменты, которых он, по моему мнению, мог не знать. Он слушал меня со все нарастающим раздражением на лице, а потом прервал: «Не надо этой чепухи. Скажи сразу — из какого оружия убиты поляки, и все станет ясно». То есть для него, профессионала по расследованию преступлений, это обстоятельство было главным и по сравнению с ним остальные доказательства мало что стоили, — чьим оружием поляки были убиты, тот и убийца! Одного доказательства достаточно. Поняв, что Крючков своих работников подло дезинформировал, я не стал спешить: «Но ведь немцы уже захватили горы нашего оружия, поэтому они вполне могли убить поляков и из наганов». Почувствовав мою «слабину», полковник еще больше взбодрился: «Не надо увиливать — из чьих пистолетов они были убиты: наших или немецких?» Пришлось ему ответить: "Из немецких пистолетов калибра 7,65 и 6,35 мм патронами немецкой фабрики «Геко». У полковника от удивления вытянулось лицо...

То есть, для человека основным и убедительным доказательством часто является то, с чем он свыкся, то, что он считает безусловным. А мы, русские, столь отличаемся от поляков и вообще от людей Запада, что просто не учитываем, что для них главным доказательством по этому делу является то, о чем мы, в силу своей национальной особенности, просто не подумаем. Вот об этой разнице в национальных образах мысли стоит специально поговорить.

Образ мыслей русского человека и человека Запада

326. Следует обратить внимание и помнить, что территория России по климатическим и географическим условиям заселялась позже, чем остальная Европа и юг Азии. Посмотрите на карту — за столетия движения на Восток Россия почти не приобрела земель, более удобных для жизни человека, чем, скажем, Киевская, Харьковская, Рязанская или даже Московская области. Крым, немного земель на юге Средней Азии да немного на Дальнем Востоке. Все остальное — огромный холодный континент с

резко континентальным климатом и с очень суровыми условиями жизни. Если вы посмотрите на карту Канады, то не найдете там сколько-нибудь крупных городов севернее 53-градусной широты. А у нас за этой параллелью не только Ленинград, Москва, Свердловск и Новосибирск, но и Казань, и Рязань, и Тула, и Минск.

Северная граница США (без Аляски) проходит по широте намного южнее Киева, Вашингтон построен примерно на одинаковом расстоянии между северной и южной границами США, но и он расположен на такой широте, что Ташкент по сравнению с ним город северный. Кроме того, и США, и Канада омываются двумя океанами, в этих странах очень мягкий климат. Сейчас у нас показывают много американских фильмов, и можно обратить внимание на стены индивидуальных домов американцев, да и вообще, как эти дома построены. В большинстве случаев они деревянные, но не в нашем понимании — они не из бревен. Стены — из досок внахлест. У нас так не каждый хозяин рискнет построить холодный сарай. Но их климат им это позволяет.

327. Пустынность России предопределяла, что на протяжении многих веков Россия хронически испытывала недостаток в людях. Кроме того, известно, какие опустошения среди русского населения делали кочевники — предки наших еще недавних братьев, а теперь суверенных соседей. Хоронить не успевали, приходилось трупы топить в реке, что для набожных русских невероятно. Ведь Дмитрий Донской после победы над Мамаем не побежал радостный в Москву, а стоял «на костях» на Куликовом поле, пока всех не предал земле. Несколько позже, когда новый хан Орды Тохтамыш обманом взял и сжег Москву, Дмитрий приказал подобрать и похоронить убитых. За это он платил по рублю за погребение 80 трупов, издержав на это 300 рублей. То есть только незахороненных трупов, трупов, у которых не осталось ни родственников, ни знакомых, Тохтамыш оставил в Москве 24 000 за один набег. А сколько похоронили родственники? А сколько он увел с собой?

Если к началу шестнадцатого века в германских княжествах и в Италии жило уже по 11 миллионов человек, во Франции 15 миллионов, то к концу семнадцатого века население России составляло всего 4,8 миллиона человек, да плюс 0,8 миллиона в присоединившейся Левобережной Украине. А у Речи Посполитой и без Украины на тот момент население составляло 11,5 миллионов.

Людей катастрофически не хватало, и люди очень ценились. Их зазывали в Россию практически на протяжении всей ее истории, применяя порой комические способы.

328. Например, после упоминавшегося уже взятия Данцига пленных французов, присланных в помощь Ле-щинскому, вывезли в Россию в так сказать лагерь для военнопленных. Война кончилась, пленных предстояло организованно доставить в балтийские порты и вернуть французской короне. Но императрица Анна Иоанновна, упреждая это, посылает в лагерь знающего французский флотского капитана Полянского с тайным приказом коменданту помочь пленным бежать из лагеря, «...понеже из них есть мастеровые люди, и буде они будут уходить, то тот их побег к лучшему нашему интересу воспоследует, чего ради не токмо б их от того удерживать, но еще по крайней возможности в том им способствовать и к тому приговаривать...» [2]. Императрица считала, если они побегут во Францию неорганизованно, то многие из них по дороге останутся в России, да и знающий французский Полянский должен был послужить агитатором в деле прибавления населения России.

Приглашали в Россию жить всех, кого можно было. Греков, сербов, немцев — национальность не имела значения. Любимец Петра I негритенок Абрам, обучившись во Франции, стал генералом инженерных войск русской армии. Наверняка на первых порах всех удивляло, что он черный, но, что он русский генерал, вряд ли русским казалось необычным. Кстати, его внука — А. С. Пушкина — недоброжелатели из высшего света шельмовали как могли, но никому в голову не могло придти оскорбить его тем, что он «нигер». Русские бы просто не поняли, в чем тут оскорбление.

329. Вот эта ценность человека как такового определяла ценность его жизни вне зависимости от того, кто он был. Убийство пленного было экономическим идиотизмом, а не просто грехом. Пленных берегли, это была самая ценная добыча — ясак, — но берегли не для рабства, а для заселения пустынных земель. Взятыми в плен на западе поляками, литовцами, немцами заселяли восток, и в дружине Ермака, шедшего усмирять сибирского хана Кучума, до половины казаков были именно такими бывшими пленными. Да о чем говорить — сама Москва началась с поселения пленных венгров.

Сохраняя пленному жизнь, русские не делали его рабом, а ставили в равное с собой положение. На огромной территории Сибири и по сей день живут народы, которые в момент заселения этого края русскими насчитывали едва несколько сот человек с культурным уровнем тогдашнего индейца. Тем не менее эти народы живы и многочисленны до сих пор, в отличие, скажем, от североамериканских индейцев. Кроме того, после прихода в Сибирь русских эти народы никогда не были рабами и даже крепостное право за Уралом никогда не устанавливалось.

Это особый русский образ мыслей, непонятный Западу и презираемый им. Русские не только никогда не убивали пленных, но даже не делали из них источника доходов, поскольку русский образ мыслей, русский менталитет не позволял это делать.

330. В Первую мировую войну уже к 1916 году в армию было призвано 14 миллионов крестьян, село осталось без работников самых производительных возрастов. С. Г. Кара-Мурза пишет об этом: «В 1915 г. правительство, чтобы смягчить нехватку рабочей силы, стало распределять по хозяйствам военнопленных (всего 266 тысяч) за небольшую плату. Их охотно брали кулаки и помещики. А крестьяне отказывались, как они говорили, „пользоваться дешевым подневольным трудом военнопленных“. В центре России в среднем на 1000 работников у крестьян работало 3 военнопленных, а у частных владельцев — 270!» [3]

Ко Второй мировой войне мало что изменилось. Уже упомянутый исследователь советских лагерей для военнопленных австрийский историк С. Карнер пишет: «Несмотря на принятые меры к использованию контингента осужденных военнопленных, лагеря до самого их расформирования оставались убыточными» [4]. Т. е. не в менталитете русских было заставлять пленных работать столько, сколько они сами работают, а тем более — больше себя. В главе «Корректировка образа врага» С. Карнер пишет: «Важным моментом для тех, кто были вынуждены работать в Советском Союзе, был контакт с русским гражданским населением. Опыт совместной работы в промышленности, сельском хозяйстве и на шахтах в большинстве случаев вносил существенные изменения в образ „русского“, созданный нацистской пропагандой. В особенности резко пропагандистскому образу врага противоречат взволнованные, доброжелательные рассказы бывших военнопленных о жизни и о значении русской женщины в семье и в обществе, а также о „простых русских“. В памяти многих навсегда остались и каша, которой с ними делились русские, и предложенная папироска или еще какой-нибудь поступок — все это создавало новый для многих образ „русского“, который даже в экстремальной ситуации, будучи сам на грани жизни и смерти, когда нет ничего лишнего, делится последним» [5].

331. Примерно о том же пишет С. Г. Кара-Мурза в другой своей книге, передавая рассказ не простого немца, а лауреата Нобелевской премии.

"Да вот маленький эпизод: рассказ Конрада Лоренца в изложении его английского биографа А. Нисбетта о том, как он попал в плен под Витебском в июне 1944 года. Он брел ночью, стараясь выйти из окружения и ориентируясь по направлению огня советских войск. После того, что он видел в оккупированных областях Белоруссии, попадать в плен к русским ему не хотелось. Наконец впереди показалась траншея, откуда стреляли по русским. Значит, там немцы. Биограф пишет:

"... Он побежал к ней, крича: «Nicht schissen! Deutscher Soldat!» — и люди в траншее прекратили огонь. Глубоко вздохнул и подбежал к траншее — и тут увидел, что на солдатах, которые его приветствовали, советские каски. Русские стреляли друг в друга. Опять бросился бежать, пуля ударила ему в левое плечо. В конце концов оказался на пшеничном поле и, не выдержав напряжения, заснул. Разбудили его советские солдаты, которые кричали: «Komm heraus, Kamerad!» («Выходи, приятель!») «Со мной обошлись очень хорошо», — вспоминает Лоренц. Один из солдат, который был в последней траншее, узнал его и объяснил, что произошло: русские сделали бросок, чтобы не дать немцам просочиться из окружения, и концы клещей сомкнулись так быстро, что люди не разобрались и начали стрелять друг в друга.

...В лагере для военнопленных советские не проявили враждебности к Конраду... По его мнению, советские никогда не были жестокими по отношению к пленным. Позже он слышал ужасающие рассказы о некоторых американских и особенно французских лагерях, в то время как в Советском Союзе не было никакого садизма. Лоренц никогда не чувствовал себя жертвой преследования и не было никаких признаков враждебности со стороны охранников".

Вообще, записки Лоренца о плене очень поучительны — он видел у нас то, чего не видели и не понимали, мы сами. Людям свойственно судить по внешним признакам, и слишком часто мы не видим того ценного, что имеем. На фронте Лоренц был врачом, и когда его взяли в плен, то в прифронтовом лагере назначили помогать советскому врачу. Шли тяжелые бои, раненых было много, и Лоренц с горечью увидел, что советский врач отказывается делать ампутации немцам. Понятно, подумал Лоренц, он их обрекает на смерть — за то, что они натворили в Белоруссии. И даже признал это естественным. Через какое-то время он с удивлением увидел, что эти раненые, которым по нормам немецкого врача полагалась ампутация, выздоравливают. Он выбрал момент, объяснился с врачом и узнал, что в советской медицине такие ранения должны излечиваться без ампутации. Для него это было потрясением, побудившим к важным размышлениям о разных типах общества и отношения к человеку.

Правда, английский биограф к этому рассказу дал свой комментарий, который никак из рассказа Лоренца не следовал. Он объяснил это отличие советского подхода к ампутации тем, что русские привыкли жить в грязи, и поэтому их раны устойчивы против нагноения. Это объяснение нелогично, поскольку в лагере для пленных вылечивались без ампутации нежные цивилизованные немцы" [6].

Я пишу это вот зачем. Представим себя в 1940 г., когда мы, русские, еще ничего не знали о том, какой на самом деле этот «культурный, гуманный и цивилизованный Запад». И представим, что нам бы сообщили, что советские пленные где-то в Польше или в Германии убиты. Какова была бы реакция русских людей на такое сообщение? В те годы в это никто бы не поверил: ведь все судят по себе. Раз мы не убивали пленных, то как поверить в то, что кто-то это сделал?

332. А вот у Запада, к которому имеет сомнительную честь принадлежать и Польша, менталитет другой. Европа без СССР перенаселена уже очень давно, уже очень давно люди там мало чего стоят. Оттого на Западе и столько крику о приоритете человеческой жизни над всеми ценностями, что на самом деле западный человек чужую человеческую жизнь в грош не ставит.

Даже сегодня многие русские изумляются, глядя, как армии США и НАТО, трусливо уклоняясь от боя с противником, безжалостно бомбят мирное население не только в Азии или в Африке, а уже и в центре Европы. А удивляться здесь нечему — это менталитет Запада. Вот, к примеру, май 1940 г. — начало боевых действий между Германией, с одной стороны, и Англией и Францией, с другой. 10 мая немецкие войска атакуют позиции союзников во Франции, а 11 мая английская авиация наносит массированный бомбовый удар не по немецким войскам, а по мирным жителям немецкого города Фрейбург [7]. И далее всю Вторую мировую войну англосаксы вкладывали в тяжелые бомбардировщики больше средств, чем в остальные рода войск, и бомбили, и бомбили мирное население Германии и Японии, закончив это сбросом атомных бомб на Хиросиму и Нагасаки. Они уверяют, что делали это для подрыва экономики противника, но еще Фуллер показал, что эти бомбардировки не только не снизили роста вооружений Германии, но не снизили и темпов этого роста. Единственный результат этой «цивилизованной» войны: «3600 тыс. домов было разрушено или сильно повреждено, что составило 20% всего жилого фонда Германии, 7,5 млн. человек осталось без крова, около 300 тыс. было убито и 780 тыс. человек ранено» [8].

333. Несколько выше Конрад Лоренц рассказывал, как жестоко относились к немецким военнопленным во французских и американских лагерях. Лоренц, видимо, не знал, что немецкие статистики не могут найти 1 млн. немецких военнопленных, которые в плен сдались, но домой не вернулись [9]. Стефан Карнер, хотя и свел баланс немецких военнопленных в СССР, тем не менее, как истинно западный человек приписывает этот миллион убитых немцев нам -дескать, это кровожадные русские их убили. Я не против, чтобы нам приписали еще миллион поверженного противника, но все же не решаюсь, поскольку Карнер в конце книги в примечаниях в конце концов написал: «В связи с этим следует упомянуть дискуссию о „потерянном миллионе“ немецких военнопленных. Джеймс Бак (James Bacque) и другие авторы полагают, что они погибли в американском и французском. заключении, прежде всего в лагерях „Рейнвизен“ (лагеря, находившиеся на берегах Рейна)» [10].

И думаю, что в этой дискуссии Д. Бак все же прав — этих немцев прикончили французы с американцами, это на них похоже: вполне по-европейски.

334. Поляки, повторю, вполне западные люди, и им в удовольствие убить безоружных и беззащитных, а шляхта этим даже хвастается, как вы видели в первой части этой книги. Пока Польша считалась нашей сестрой, об этой особенности поляков советская пропаганда молчала, но сегодня наконец об этом пишет не только С. Ку-няев, но и прорежимная пресса России:

"Массовые расстрелы российских пленных в 1919-1920 гг. — это не пропагандистская выдумка, как стремятся представить дело некоторые польские СМИ. На сей счет имеются свидетельства самих поляков. Так, А. Велевейский в популярной «Газете выборной» (от 23 февраля 1994г.) писал о приказах генерала Сикорского (будущего премьера) расстрелять из пулеметов 300 российских военнопленных, а также генерала Пясецкого не брать живыми в плен российских солдат. Есть информация и о других подобных случаях.

На основании имеющихся документов можно сделать следующие подсчеты: всего в польском плену оказались не менее 120-130 тыс. человек. Из них репатриировались только 69 тыс., перейти в «белые» формирования 5 тыс., остались в Польше на постоянное место жительства — 1 тыс., умерли в лагерях — получается огромная цифра — 50-60 тыс. чел." [11].

Ко Второй мировой войне поляки ни на гран не изменились. Вот строки из уже цитированного мною доклада И. Серова от 5 марта 1945 г.:

"Со стороны военнослужащих 1-й польской армии отмечено особенно жестокое отношение к

немцам. Имеется много фактов, когда взятых в плен немецких солдат и офицеров не доводят до сборных пунктов, а расстреливают их по дороге. Например: на переднем крае 2-го пехотного полка 1-й пехотной дивизии было захвачено 80 немецких солдат и офицеров. При конвоировании их на сборный пункт к месту доставлено всего лишь два военнопленных, остальные расстреляны. Оставшихся двух военнопленных успел допросить только командир полка, когда же он отправил их на допрос к своему помощнику по разведке, то по пути и этих двух расстреляли.

Зам. по политчасти командира 4-й пехотной дивизии подполковник Урбанович в присутствии офицера разведотдела дивизии расстрелял девять военнопленных, добровольно перешедших на нашу сторону" [12].

335. А вот теперь представьте, что весной 1940 г. от польских пленных офицеров в советских лагерях перестали приходиться письма. Для нас, русских, это ничего не значит, поскольку в те годы наказание лишением свободы очень часто сопровождалось наказанием в виде лишения права переписки. Нам и в голову не придет, что сидящий в лагере заключенный убит. А поляку?

Повторюсь, что нормальному человеку хватает одного, но веского доказательства. Но что может быть весомее для поляков, без колебаний убивающих беззащитных, чем то, что от пленных нет писем? Раз их нет, значит, русские их убили, поскольку сами поляки такого бы случая убить не упустили. Поэтому вся эта книга для Польши и поляков бесполезна — им и так все ясно. Честный вор поверит, вор честному — никогда!

Пятая колонна

336. Есть еще одно обстоятельство, которое следует разобрать прежде, чем подойти к расследованию геббельсовских фальсификаций. С течением времени и под воздействием пропаганды резко меняются приоритеты в обществе. Раньше молодые и даже хорошо образованные люди не знали, что означает французское слово «минет», но зато все знали, что означают слова «пятая колонна». Сегодня все наоборот: мне не раз приходилось сталкиваться с достаточно образованными людьми, для которых слова «пятая колонна» — пустой звук. Поэтому придется задержаться на рассмотрении этого понятия.

337. Восходит оно ко времени начала гражданской войны в Испании в 1936 году. В середине 30-х годов в Испании обычным парламентским путем победили левые партии и начали ряд социальных преобразований, в частности, аграрную реформу. Капиталистическому (самоназвание — «свободному») миру это крайне не понравилось, и этот мир подбил на мятеж испанскую армию. Мятеж начался в Испанском Марокко, затем мятежные войска высадились собственно в Испании и двинулись на Мадрид четырьмя колоннами. В это время сторонники мятежников в республиканском правительстве Испании и в его войсках подняли восстание против республики в поддержку мятежников. Командовавший мятежной армией генерал Франко назвал этих предателей республики своей пятой колонной. С тех пор этот термин прочно вошел в обиход для названия предателей внутри какой-либо страны или организации. Что касается Испании, то там мятежники победили в 1939 г. в ходе кровавой войны благодаря этой «пятой колонне», которая, кстати, включала в себя троцкистов, которых было много и в СССР.

Это не значит, что такого явления, как предательство и поддержка врага, до Испанских событий не было. Оно было всегда, просто Франко дал этому явлению принятый миром термин. (Правда, иногда «пятую колонну» называют «квислингами», по имени предателя норвежского народа сторонника нацистов Квислинга, но испанское имя все же более употребительно).

338. Раньше «пятую колонну» в своей стране ненавидели жители всего мира и с ней обязательно вели жестокую борьбу: если не могли обезвредить ее до войны, то уж с началом войны с нею расправлялись обязательно (если успевали).

Так, например, изобретателями концлагерей смерти считаются англичане, которые создали их еще в начале прошлого века в ходе англо-бурской войны в Южной Африке. В эти лагеря заключали семьи буров — боровшихся с Британией голландских колонистов этого государства. Семьи буров заключали в лагеря, чтобы лишить войска буров разведывательных данных и продовольствия. И это не прихоть, не какая-то особая злобность английского правительства, вы просто прикиньте, сколько жизней британских солдат, да и жизней самих буров, вынужденных сдать, было сохранено этой мерой. Это долг, это обязанность каждого правительства, действительно заботящегося о своем народе.

339. Французы в этом плане еще более решительны. Когда в начале Первой мировой войны немцы подошли к Парижу, то французы безо всякого суда, просто по указанию агентов парижской полиции, всех воров, мошенников и даже хулиганов расстреляли во рвах Венсенского форта [13]. Ко Второй мировой ничего не изменилось, с ее началом во Франции были арестованы и помещены в лагеря все

немцы, даже антинацисты, и все подозрительные по связям с ними.

340. То же было и в Великобритании. «Пятую колонну» нацистов отслеживали. Черчилль пишет: «Было известно, что в то время в Англии имелось двадцать тысяч организованных германских нацистов. Яростная волна вредительства и убийств как прелюдия к войне лишь соответствовала бы их прежнему поведению в других дружественных странах» [14]. На самом деле Черчилль имеет в виду только собственно английских сторонников Гитлера, организованных в партию «Британский союз фашистов» миллионера Освальда Мосли. Членство в этой партии было тайным, но полиции было известно, что в ней около 400 низовых организаций численностью в среднем по 50 человек [15].

Вслед за ними в лагерь отправилось 74000 выходцев из стран, враждебных Великобритании [16], а своим болтунам и паникерам англичане заткнули пасть железной рукой:

«Граждане Великобритании тоже подвергались драконовским наказаниям. 17 июля 1940 года один человек был приговорен к месяцу тюрьмы за то, что прилюдно заявил, что у Великобритании нет шансов победить в этой войне. Человек, посоветовавший двум новозеландцам: „Какой вам смысл погибать в этой кровавой бойне?“ — получил три месяца тюрьмы. Женщина, назвавшая Гитлера „хорошим правителем, лучшим, чем наш мистер Черчилль“, была приговорена к пяти годам тюремного заключения. Английские газеты получили предупреждение остерегаться опрометчивых высказываний. Редакторам весьма недвусмысленно дали понять, что правительство не потерпит „безответственной“ критики; причем оно само будет решать, какая критика ответственная, а какая нет» [17]. — жалуется Лен Дейтон.

341. Ни в какой мере не собирались терпеть у себя «пятую колонну» и американцы. После нападения Японии на США, газета «Los Angeles Times» в редакционной статье писала: «Гадюка остается гадюкой, где бы она ни снесла свое яйцо. Так и американец, рожденный от родителей-японцев, вырастает для того, чтобы стать японцем, а не американцем» (Цит. по газете "Workers World, Nov. 29, 2001, p. 5). Грубо, но опасение американцев передает точно. Через полтора месяца после начала войны США с Японией Рузвельт приказал и американская армия задержала и посадила в лагерь всех американских граждан с японской кровью, причем, чтобы попасть в лагерь, такой крови хватало и 1/8. Таких было 112 тысяч человек [18].

342. Так поступают все правительства, служащие своему народу, а народы с правительствами, которые «пятую колонну» не дают, дорого за это расплачиваются. В Норвегии, к примеру, в момент высадки немцами десанта «пятая колонна» парализовала работу государственного аппарата и не дала провести мобилизацию, Квислинг выступил по радио как глава нового правительства, вызвав замешательство в стране и армии. Норвежская армия отдала слабому немецкому десанту Норвегию почти без боя [19]. Да что нам Норвегия, мы что — не видели, как Запад разрушил и ограбил СССР? Если бы у Брежнева хватало ума и воли репрессировать всех этих Горбачевых, Яковлевых, Шеварднадзе, Кравчуков и их пособников, то советский народ сегодня даже в материальном плане жил бы минимум в четыре раза богаче, чем живет сегодня.

343. Это прикинуть не очень сложно. По данным «Российского статистического ежегодника», в 1990 г. в Советской России проживало 148 млн. человек [20], а валовой внутренний продукт составлял 1102 млрд. долларов США (число занижено, но возьмем его — официальное!) [21]. На душу советского населения Советской России приходилось 7446 долларов. А в Южной Корее в этом же 1990 г. — 5917 долларов [22]. То есть средний гражданин РСФСР был богаче среднего южного корейца на 26%. А в 1993 г. средний душевой валовой продукт ограбляемой «пятой колонной» России составил 1243 доллара — в шесть раз ниже, чем в 1990 г. и уже в шесть раз ниже, чем в Южной Корее в 1993 г.! По данным ЦРУ (теперь уже завышенным), в 1999 г. душевой валовой продукт России — 4200 долларов [23], а Южной Кореи — 13300 [24]. Если бы Россия оставалась советской и в составе СССР, то нет оснований полагать, что соотношение 1990 г. сильно бы изменилось не в пользу СССР. То есть, сегодня у среднего российского гражданина душевой валовой внутренний продукт был бы на четверть выше, чем у Южной Кореи, или в пределах 16000 долларов, а это в четыре раза больше, чем сегодняшние 4200. Надеюсь, понятно, за что ни в одной стране «пятую колонну» не любят?

344. А перед Второй мировой войной правительство СССР было истинно народным и допустить безнаказанное существование в СССР «пятой колонны», естественно, не могло. Американский посол в СССР в 1937-1938 гг. Джозеф У. Девис после нападения Германии на СССР записал в своем дневнике (7 июля 1941 г.): «...Сегодня мы знаем, благодаря усилиям ФБР, что гитлеровские органы действовали повсюду, даже в Соединенных Штатах и Южной Америке. Немецкое вступление в Прагу сопровождалось активной поддержкой военных организаций Гелена. То же самое происходило в Норвегии (Квислинг), Словакии (Тисо), Бельгии (де Грелль)... Однако ничего подобного в России мы

не видим. „Где же русские пособники Гитлера?“ — спрашивают меня часто. „Их расстреляли“, — отвечаю я. Только сейчас начинаешь сознавать, насколько дальновидно поступило советское правительство в годы чисток» [25].

345. Увы, Девис перехваливает советское правительство: да, «пятая колонна» была разбита, но полностью уничтожить ее к началу войны не успели. Мощнейший ущерб обороноспособности нанес впоследствии прощенный будущий маршал Мерецков, грубо искаживший мобилизационный план СССР, в связи с чем Красная Армия вошла в войну с недостатком автотранспорта, дивизионной артиллерии и пр. Предвоенные руководители ВВС оставили авиацию Красной Армии без радиосвязи и, соответственно, без наработанных способов управления авиацией в бою. Предатель, командующий Западным фронтом, генерал Павлов со своим штабом подставил под удар немцев в Бресте три дивизии, не привел войска фронта в боевую готовность, что предопределило тяжелейшие потери советских войск на направлении главного удара немцев в 1941 г [26]. Потери советского народа от вредительства этих бойцов «пятой колонны» должны исчисляться в миллионах человек.

Можно вспомнить и мелких фигурантов. Выше я уже писал об инженере Каминском, создавшем для немцев бригаду СС, «отличившуюся» при штурме Варшавы осенью 1944 г. А ведь Каминского перед войной вычислили как члена «пятой колонны» и даже посадили, но ненадолго — перед войной он был освобожден [27]. Оцените, во сколько тысяч человек — убитых советских солдат и поляков — обошлось СССР и Польше эта «гуманность» советского суда. Насколько гуманнее для советского народа было бы уничтожение Каминского и его добровольцев еще до войны, а не тогда, когда немцы уже вооружили их.

346. В СССР членов «пятой колонны» искали и обезвреживали, разумеется, непрерывно начиная с гражданской войны. Высшая мера наказания по государственным преступлениям в СССР имела две категории: первая — расстрел, вторая — высылка за границу. Долгое время, вплоть до начала 30-х годов, «пятую колонну» стремились выслать за границу [28].

Но затем к власти в Германии пришел откровенный враг СССР Гитлер, и высылка «пятой колонны» за границу начала принимать вид мобилизации для Гитлера иностранных легионов. Членов «пятой колонны» начали сажать, а когда в 1936-1937 гг. верхушка «пятой колонны» попыталась совершить переворот с целью последующего расчленения СССР, то верхушку уничтожили и провели то, что американский посол Девис назвал «чисткой» страны. Советское правительство не могло не понимать, что при таком количестве «генералов пятой колонны», осужденных на открытых процессах в Москве, в стране должны были быть десятки тысяч офицеров и солдат армии предателей.

347. Ликвидировали эту армию так. Ни народным судам, ни военным трибуналам, надежность которых из-за их многочисленности проверить было нельзя, репрессии «пятой колонны» не доверили. Были созданы специальные суды из людей, в честность и порядочность которых, казалось бы, можно было верить. Суды эти состояли из трех человек и назывались тройками. Укомплектованы тройки были высшими руководителями республики или области, в которой она создавалась. Сначала члены тройки, судя по некоторым данным, назначались персонально, но в их состав обязательно входил секретарь обкома и начальник НКВД, а затем их состав был определен в виде должностей: председателем был начальник Управления НКВД области (нарком республики); членами — первый секретарь обкома (ЦК республики) ВКП(б) и прокурор области (республики). Тройкам предлагалось рассмотреть имевшиеся в НКВД дела на лиц, подозрительных по принадлежности к «пятой колонне», и осудить их. При этом приказом наркома ВД Н. Ежова тройки ограничивались в репрессиях предельным количеством членов «пятой колонны», выше которого они не имели права осуждать, и ориентировочным количеством изменников, которых тройки имели право осуждать к расстрелу.

348. Однако беда была в том, что члены «пятой колонны» редко были рабочими или крестьянами, ведь все изменники это, как правило, люди, жаждущие власти, славы, или денег, которые опять-таки дает власть. Члены «пятой колонны» обсели партийные, судебные, прокурорские и следственные органы, т.е. положение было точно таким же, как и сегодня в России. И члены троек во многом были скомплектованы именно «пятой колонной». В результате достаточно большому количеству членов «пятой колонны» от репрессий удалось ускользнуть, но зато вместо них тройками было осуждено большое количество либо невиновных, либо тех, кого не следовало репрессировать. Когда правительство СССР это поняло и когда наконец поставило во главе НКВД Л. Берия, то тройки были упразднены, а против многих членов этих троек были возбуждены уголовные дела, закончившиеся расстрелом этих судей. Кстати, первый секретарь Московского горкома ВКП(б) Н. Хрущев набивался в члены этой тройки, но его почему-то не включили, возможно, из-за занятости. Поскольку при Берии практически всех членов московских троек расстреляли, то, конечно, жаль, что Хрущева не было в их

числе. Без Хрущева история СССР была бы другой, более светлой. Но вернемся к теме.

349. Сначала нам нужно было бы оценить количество подпавших под репрессии, но сделать это непросто. Дело в том, что когда в годы «перестройки» «пятая колонна» разрушала СССР, то она заявляла и 40, и 60 миллионов расстрелянных в «годы репрессий», т.е. в 1937-1938 гг. Поэтому геббельсовцы выдают из архивов цифры разрозненные, кусками, чтобы невозможно было представить общую картину. Так, к примеру, в 1997 г. даже обществу «Мемориал» — боевому отряду «пятой колонны» — были даны цифры репрессий не по всему СССР и даже не по всему РСФСР, а лишь по части областей и республик [29]. Но найдя численность этих регионов в других источниках [30], я произвел соответствующие расчеты и получил, что репрессиям планировалось подвергнуть в среднем менее 2-х человек из тысячи населения, из которых расстрелять менее 5 человек из десяти тысяч. Пересчитанные на весь СССР, эти числа выглядят как примерно 340 тысяч репрессированных, из которых расстреляно около 80 тысяч.

Как я только что написал выше, в Великобритании была репрессирована «пятая колонна» численностью примерно в 94 тысячи человек, а при населении Великобритании того времени в 47 млн., это тоже составляет 2 человека на 1000 жителей. В США, при населении в 140 млн., это число менее 1, но надо понимать, что ни США, ни Великобритания не испытали накануне потрясений, связанных с гражданской войной и обобществлением земли, и там, конечно, потенциально злобных противников было меньше.

350. Следует учесть еще два момента. Приказ наркома внутренних дел Ежова № 00447 от 30 июля 1937 г., задающий число подлежащих репрессиям членов «пятой колонны», требовал: "3. Утвержденные цифры являются ориентировочными. Однако наркомы республиканских НКВД и начальники краевых и областных управлений НКВД не имеют права самостоятельно их превышать. Какие бы то ни было самостоятельные увеличения цифр не допускаются.

В случаях, когда обстановка будет требовать увеличения утвержденных цифр, наркомы республиканских НКВД и начальники краевых и областных управлений НКВД обязаны представлять мне соответствующие мотивированные ходатайства" [31].

И такие ходатайства подавались и удовлетворялись. Кроме этого, в это же время страна чистилась и от немецкой, польской и японской разведывательно-диверсионных сетей: арестовывались немцы, поляки и харбинцы, подозреваемые в членстве в «пятой колонне». Поэтому фактическое число репрессированных должно быть больше, чем ожидалось в первоначальном приказе Ежова.

Но какие конкретно были итоговые цифры, нынешняя «пятая колонна» до сих пор скрывает. Мне уже приходилось делать прикидку по данным (возможно, преувеличенным), сообщенным бывшим бургомистром Смоленска при немцах Меньшагиным. Экстраполируя данные Смоленской области на весь СССР, получаем общее число репрессированных по стране в 960 тысяч человек [32]. Из которых было расстреляно (если пропорция, заданная в приказе Ежова, сохранилась) около 240 тысяч. Эта цифра также подтверждается экстраполяцией по Москве и Московской области, в которых число репрессированной «пятой колонны» задавалось в приказе в 35000 человек, а это более 10% всех репрессированных по Советскому Союзу. Всего с, 1935 по 1953 г. в Москве и Московской области было расстреляно (причем, часть и из других мест СССР) 27508 человек, в 1937-1938 гг. — 20675 человек [33]. Если экстраполировать это число на весь СССР, то получится, что с 1935 по 1953 год в СССР было расстреляно около 270 тысяч человек, а в 1937-1938 гг. примерно 210 тысяч.

351. Следует добавить, что в США и Англии в число репрессированных членов «пятой колонны» входили и граждане национальности противника. В СССР таких не сажали ни в лагеря, ни в тюрьмы — их просто переселяли на Восток. Вы уже видели, что именно так поступили с семьями польских офицеров, когда Польша объявила СССР войну, — их не стали, как семьи буров, сажать в лагеря, а затратив изрядные деньги переселили. В результате получился итог довольно обидный для русских, украинцев, белорусов и многих других народов СССР. Именно эти народы вынесли на своих плечах всю тяжесть войны с немцами, их погибло на фронтах и под оккупацией свыше 26 миллионов, у них случился в 1941-1945 гг. страшный демографический провал, отзвывавшийся и сорок лет спустя. А в это время советские немцы плодились на Алтае и в Казахстане. И если их в 1939 г. в СССР было 1,2 млн., то уже в 1959 г. стало на треть больше — 1,6 млн. [34]

352. И, наконец, интересен итог чисток. Поскольку по предателям и изменникам в «пятой колонне» его трудно выразить в числах, то давайте сделаем сравнение по уголовникам. 10 июля 1937 г. Хрущев сообщил в ЦК ВКП(б), что в Москве и Московской области учтено 33436 уголовников, особо опасные из которых тоже репрессировались вместе с «пятой колонной». Хрущев запросил репрессировать из общей массы уголовников 11772 человека, из которых просил расстрелять 6000 [35].

Мне неизвестно, что решило ЦК, поскольку в последовавшем приказе Ежова от 25 июля Хрущеву разрешалось репрессировать всего 35000 человек, из которых расстрелять не более 5000. Как бы то ни было, интересен итог такой борьбы с уголовной преступностью.

В 1998 г. в России с около 140 млн. населения в результате преступлений погибло 64545 человек, 81565 ранено [36].

Через три года генерал-полковник Л. Ивашов сообщил: «...в минувшем, 2001 году, в результате убийств погибли 83 тыс. человек, десятки тысяч скончались позже в больницах после покушений на их жизнь, около 70 тысяч сгинули без вести» [37].

А в 1940 г. (после «чистки» 1937-1938 гг.) при численности населения в 190 млн. человек, в СССР было всего 6549 убийств [38]. Если сегодня повторить репрессии 1937 года и добиться показателей 1940, то только в плане уголовной преступности убыль населения с лихвой компенсируется через 5 лет за счет сохранения жизни порядочных людей. Но ведь еще будет прекращено разворовывание и разрушение России, а это ведь тоже немало.

353. Что еще важно вам, читателям на месте судей, отметить и запомнить. Если в США и Великобритании репрессии проводились без разбора — раз дедушка японец, значит, в лагерь до конца войны, — то в СССР ни один человек не попадал ни в лагерь, ни к стенке без тщательной оценки его личной опасности для общества. Никого не сажали и не расстреливали только лишь потому, что он поляк, что он офицер и что он немец. Из обращения Хрущева в ЦК ВКП(б) вы видели, что даже уголовников намечали к репрессированию не всех, а только тех, о ком НКВД имело данные, что они не раскаялись. По крайней мере и ЦК ВКП(б), и нарком НКВД Н. Ежов в своих приказах требовал тщательного рассмотрения степени опасности каждого подозреваемого в принадлежности к «пятой колонне». По приказу Ежова № 00447 от 30 июля 1937 г. подлежали репрессиям бывшие кулаки и социально опасные элементы, состоявшие в повстанческих, фашистских, террористических и бандитских формированиях, отбывшие наказание, скрывшиеся от репрессий или бежавшие из мест заключения и возобновившие свою преступную деятельность. Члены антисоветских партий (эсеры, грузмеки, мусаватисты, иттихадисты и дашнаки), бывшие белые, жандармы, чиновники, каратели, бандиты, бандоспособники, переправщики, реэмигранты, скрывшиеся от репрессий, бежавшие из мест заключения и продолжающие вести активную антисоветскую деятельность. Изобличенные следственными и проверенными агентурными материалами наиболее враждебные и активные участники ликвидируемых в то время казачье-белогвардейских повстанческих организаций, фашистских, террористических и шпионско-диверсионных контрреволюционных формирований. Наиболее активные антисоветские элементы из бывших кулаков, карателей, бандитов, белых, сектантских активистов, церковников и прочих, которые содержались тогда в тюрьмах, лагерях, трудовых поселках и колониях и продолжали вести там активную антисоветскую подрывную работу. Уголовники (бандиты, грабители, воров-рецидивисты, контрабандисты-профессионалы, аферисты-рецидивисты, скотоконокрады), ведущие преступную деятельность и связанные с преступной средой [39].

Четвертый раздел приказа гласил: "1. На каждого арестованного или группу арестованных заводится следственное дело. В процессе следствия должны быть выявлены все преступные связи арестованного.

2. По окончании следствия дело направляется на рассмотрение тройки.

К делу приобщаются: ордер на арест, протокол обыска, материалы, изъятые при обыске, личные документы, анкета арестованного, агентурно-учетный материал, протокол допроса и краткое обвинительное заключение" [40].

Остальные приказы по смыслу повторяли приказ № 00447, тем не менее и в них требовалось вести тщательную следственную работу и тщательно рассматривать дела на тройках, либо на Особом совещании при НКВД, либо на комиссиях, состоящих из главы областного или республиканского НКВД и прокурора области или республики.

354. Скажем, выполняя приказ Ежова № 00485 от 11 августа 1937 г. о ликвидации польской шпионско-диверсионной сети, работники НКВД арестовали будущего маршала СССР, а тогда комдива, К. К. Рокоссовского, поляка по национальности. В этом приказе предписывалось: «Одновременно с развертыванием операции по арестам начать следственную работу... Для ведения следствия выделить специальную группу работников» [41]. Следователи этой специальной группы больше двух лет вели следствие, пытаясь подтвердить полученные ранее оговоры, но никаких доказательств причастности Рокоссовского к «пятой колонне» не нашли и он был без суда освобожден, восстановлен в звании и должности с компенсацией за время нахождения в тюрьме всех видов полагавшегося ему денежного и

вещевого довольствия.

Вот это надо отметить — Москва при репрессиях всегда требовала тщательного рассмотрения индивидуальной вины и никогда не давала огульных приказов. На местах и следователи, и судьи, чтобы отличиться или с враждебными намерениями, могли подойти к делу формально или умышленно репрессировать невиновных. Таких следователей и судей было достаточно, и их потом расстреляли вместе с их начальником — наркомом НКВД Н. Ежовым, но правительство СССР формальный подход к судьбам людей запрещало, поэтому никаких подобных документов от него не могло исходить. Я прошу вас отметить это потому, что в дальнейшем, при рассмотрении фальшивок, сострелянных бригадой Геббельса, нам это поможет.

Мотивы расстрела пленных польских офицеров

355. В предыдущем разделе тема репрессий «пятой колонны» была поднята специально, чтобы получить исходные данные для рассмотрения мотивов расстрела польских офицеров. В конце 80-х и в начале 90-х годов прошлого века бригада Геббельса причину якобы расстрела органами НКВД пленных поляков объявила именно эту — репрессии. Причем причина называлась именно так — «репрессии», а не «репрессии пятой колонны». Ныне покойный, а тогда очень видный передовик бригады Геббельса Ю. Зоря писал: «Факт уничтожения органами НКВД польских граждан является одним из элементов политики репрессий, проводившейся в предвоенные годы в Советском Союзе не только против ее граждан, но и граждан других стран» [42]. Причем, что касается лично его, Зори, то он мог тогда в написанное им искренне верить.

356. Дело в том, что в 1953 г. группой партийных заговорщиков был, вероятнее всего, отравлен, а затем (что уже безусловно) убит неоказанием медицинской помощи И.В. Сталин, а после этого генералы Москаленко и Батицкий заманили в засаду и убили Л.П. Берия, который явно продвигался вперед в расследовании убийства Сталина. Я понимаю, что те читатели данной книги, которые не знакомы с моей предыдущей работой «Убийство Сталина и Берия», сильно озадачены, поскольку уверены, что Сталин умер своей смертью, а Берия не убили, а расстреляли по приговору суда. В данном случае это не важно: если вы не можете это сообщение воспринять, то и не надо — в данном случае важно не это, а то, что сотни высших партийных и государственных работников об этих убийствах догадывались (в случае со Сталиным) или определенно знали (в случае с Берией), но предпочли молчать и поддерживать заговорщиков. Мотивом такого поведения было несогласие с тем, что настоянием Сталина в конце 1952 г. на XVIII съезде ВКП(б) партия изменила Устав и, занявшись только пропагандой и воспитанием кадров, должны была отойти от государственной власти в СССР, оставив ее Советам, как это и определено было Конституцией СССР. Партноменклатура в этом вопросе со Сталиным согласиться не могла, но чтобы эта идея Сталина не была воспринята народом самостоятельно, хрущевские партийные органы начали тотальное очернение Сталина. В плане его очернения чистка страны от «пятой колонны» была представлена как репрессии сами по себе, народу внушали мысль, что Сталин и Берия от скуки занялись уничтожением своего невинного народа.

357. Ведь посмотрите, что происходит. После репрессий «пятой колонны» в 1937-1938 гг. прошло более 60 лет, а подлинные документы с суммарными цифрами репрессированной «пятой колонны» до сих пор не опубликованы, если не уничтожены. Я выше сделал оценку по опубликованным отрывочным данным о репрессиях. Взял число репрессированных по Смоленской области, абсолютно точные числа ее жителей и жителей СССР и рассчитал, что общее количество арестованных было не более 1 млн., а расстрелянных — в пределах 240 тыс. Затем я проверяю этот свой счет: беру долю репрессированных по Москве и Московской области и абсолютно точную цифру расстрелянных здесь в 1937-1938 гг. Снова получаю число расстрелянных по СССР — теперь уже около 210 тысяч, но 210 и 240 тысяч — это числа не просто одного порядка, а прекрасно сходящиеся при таком ориентировочном счете. Это и есть истинное число расстрелянных в СССР членов пятой колонны (а в их числе и невиновных или маловиновных) в 1937-1938 гг.

А теперь дам слово С.Г. Кара-Мурзе: "Один из политических активистов перестройки Рой Медведев тоже писал в 1988 г.: «В 1937-1938 гг., по моим подсчетам, было репрессировано от 5 до 7 миллионов человек... Большинство арестованных в 1937-1938 гг. оказалось в исправительно-трудовых лагерях, густая сеть которых покрыла всю страну». На деле численность заключенных в лагерях, «покрывших страну густой сетью» (всего было 52 лагеря), за 1937 г. увеличилась на 175 486 человек, в том числе осужденных по 58 статье — на 80 598 человек. В 1938 г. число заключенных в лагеря подскочило на 319 тыс. — из них осужденных за контрреволюционные преступления — на 169 108. При этом Рой Медведев публиковал свои измышления в массовой прессе уже тогда, когда он мог получить надежные и проверенные исследователями данные. И это был человек, приближенный к М.С.

Горбачеву, Народный депутат СССР.

Более того, член Комитета партийного контроля при ЦК КПСС и Комиссии по расследованию убийства С.М. Кирова и политических судебных процессов 30-х годов О. Г. Шатуновская писала в массовой прессе («Аргументы и факты») в 1990 г.: «С 1 января 1935 г. по 22 июня 1941 г. было арестовано 19 млн. 840 тыс. „врагов народа“. Из них 7 млн. было расстреляно. Большинство остальных погибло в лагерях». Таким образом, деятель КПСС весьма высокого ранга сознательно преувеличивает масштаб репрессий более чем в десять раз — в то время как истинные данные были уже достаточно широко известны даже в обществе, а уж она была обязана их знать по своему партийному положению члена Комиссии, которая этим вопросом занималась. По ее словам, 7 млн. было расстреляно, а большинство из остальных 13 млн. «врагов народа» погибло в лагерях, между тем как доподлинно известно, что с 1 января 1934 г. по 31 декабря 1947 г. в исправительно-трудовых лагерях ГУЛАГа умерло 963 766 заключенных, из коих большинство были не «врагами народа», а уголовниками. И основное число смертей приходилось на годы войны" [43].

В данном случае нам важны не числа репрессированных, а кто именно внушал народу клевету — это не шпионы, не диссиденты, а партийные чиновники КПСС высочайшего ранга, «лица, приближенные к Горбачеву». И как же мог рядовой геббельсовец Ю. Зоря им не верить?

358. Но на сегодня мотив «репрессий» бригада Геббельса уже не использует, по той причине, что она сама доказала его несостоятельность, бездумно опубликовав море документов, опровергающих ее же первоначальную версию. Дело в том, что репрессии против «пятой колонны» в сталинском СССР не прекращались никогда: не прекращались они и после 1938 г., и после того, как при Берии из следственных изоляторов, лагерей и из ссылки только в 1939 г. вернулись на свободу 837 тыс. человек [44], и после того, как были расстреляны или осуждены те следователи и судьи, которые фабриковали дела и приговаривали невиновных к лагерям и расстрелам в 1937-1938 гг.

Поэтому как только в плен к СССР попали польские офицеры, следователи НКВД немедленно начали среди поляков поиск тех, кто имел особые заслуги перед СССР и коммунистическим движением: кто вооружал и посылал с территории Польши банды для разбоя в советских Украине и Белоруссии, кто убивал украинцев и белорусов в самой Польше, кто убивал в Польше коммунистов. Вы должны помнить, что министр иностранных дел Польши Ю. Бек 6 января 1939 г. рапортовал министру иностранных дел Германии И. Риббентропу, что Польша «делает все, чтобы сотрудничать» с Германией «против Коминтерна в области полицейских мер», но, наверное, не совсем представляете себе, что это означало на практике. В биографии Пилсудского об этом упоминается:

"Коммунисты наиболее часто подвергались репрессиям... Уже по дороге в Брест, — писал историк и социалистический деятель Адам Прухник, — конвой не скупился на угрозы и вульгарные клички для арестованных. По отношению к Либерману конвой не остановился на угрозах, а перешел к делам. Автомобиль, которым его везли, был остановлен за Седльцами. Либерману приказали выйти и ударами прикладов загнали в лес. Сопровождавший комиссар полиции дважды ударил его в подбородок и повалил на землю; на его голову, которую обвернули плащом, уселся один из конвоиров, с лежащего сняли одежду и с оскорблениями и криками: «Ты смеешь оскорблять Чеховича*, ты смеешь поднимать голос против пана Маршала** — его избили до потери сознания, нанеся более двадцати кровавых ран. Либерман потерял сознание, и в таком состоянии конвой затащил его в автомобиль и привез в Брест» [45].

А надо сказать, что Уголовный кодекс тогдашнего СССР очень неодобрительно смотрел на подобные «полицейские меры» вообще, но особенно — когда предметом полицейских забав оказывались коммунисты. В нем была такая статья:

"584. Оказание каким бы то ни было способом помощи той части международной буржуазии, которая, не признавая равноправия коммунистической системы, приходящей на смену капиталистической системе, стремится к ее свержению, а равно находящимся под влиянием или непосредственно организованным этой буржуазией общественным группам и организациям в осуществлении враждебной против Союза ССР деятельности влечет за собой -

лишение свободы на срок не ниже трех лет с конфискацией всего или части имущества, с повышением, при особо отягчающих обстоятельствах, вплоть до высшей меры социальной защиты — расстрела или объявления врагом трудящихся с лишением гражданства союзной республики и, тем самым, гражданства Союза ССР и изгнанием из пределов Союза ССР навсегда с конфискацией имущества" [46].

По этой статье виновными были и преступники из СССР, и преступники вне его. Вот этих преступников НКВД среди пленных постоянно искал, а найдя, из среды пленных изымал, помещал в

следственный изолятор, вел следствие, а затем суд и после него — лагеря или кладбище.

359. И нынешняя трудолюбивая бригада Геббельса опубликовала сотни документов, подтверждающих, что «политика репрессий» против преступников из Польши велась только так — индивидуально и через суд. Скажем, в бывшей столице Украинской ССР — в Харькове — велись следственные дела на борцов с Коминтерном и СССР среди попавших в плен к Красной Армии. Наиболее усердных борцов расстреляли и похоронили частью на еврейском кладбище Харькова, а частью на специальном. В Харькове таких было около 300 человек [47]. Тем же самым занимались Управления народного комиссариата внутренних дел и суды в Смоленске и Калинин, возле которого был специализированный лагерь польских полицейских и разведчиков. Так что, если долго копать на кладбищах Харькова, Смоленска и Калинина, то какие-нибудь пуговицы от польских мундиров можно найти, но это для бригады Геббельса не то: расстрела осужденных судом преступников СССР никогда и не скрывал. Бригаде Геббельса нужно свалить на СССР расстрел десятка тысяч тех польских офицеров, которых расстреляли немцы и к которым Уголовный кодекс СССР не имел особых претензий. А вот для их расстрела мотив «репрессий» сегодня уже не подходит именно потому, что то, как действительно производились репрессии, стало известно, а расстреливать поляков другим способом (массовым, без определения конкретной вины и в нарушение закона) СССР просто не стал бы.

К примеру, есть у польских геббельсовцев такой любимый свидетель — поручик Свяневич. Его в составе этапа военнопленных в конце апреля 1940 г. привезли на станцию Гнездово возле Смоленска, откуда военнопленные на автобусах направлялись в новый лагерь, а по геббельсовской фальшивке — прямо ко рвам, у которых их всех расстреляли. И этого Свяневича сталинские репрессии догнали как раз в Гнездово — его арестовали по подозрению в шпионаже и отправили в Москву для следствия. Там следователи больше года не могли найти достаточно доказательств, чтобы этого Свяневича отдать под суд и расстрелять, в результате в 1941 г. после заключения союзного договора между СССР и правительством Польши в эмиграции поручика Свяневича амнистировали и освободили [48]. И получается у геббельсовцев глупость, очевидная даже им самим: преступника, подлежащего расстрелу за шпионаж, почему-то больше года кормили и не расстреливали, а тех, кого ни в чем не обвиняли, вдруг взяли и расстреляли?

360. Поэтому как ни приятно было бригаде Геббельса жевать соплю «массовых репрессий», но нужно было искать какой-то другой мотив, а это невозможно. Поэтому академическая часть бригады Геббельса, прикинувшись дурачками, мотив расстрела поляков не рассматривает совершенно. А прокурорской части геббельсовцев хуже — пять лет учебы на юрфаке обязывают знать, что преступлений без мотива не бывает. И их эксперты в качестве мотива выдают такой шедевр.

«Рассмотрение причин и мотивов репрессирования показывает, что решался вопрос о лицах, большинство которых согласно международному праву должно было быть после окончания вооруженных действий распущено по домам. Однако сталинское руководство задержало в лагерях и тюрьмах значительную часть польского офицерского корпуса и административно-управленческого аппарата со всех территорий „ликвидированного“ Польского государства и было связано договоренностью с германскими властями о противодействии польскому освободительному движению (см. секретный дополнительный протокол к советско-германскому договору от 28 сентября 1939 г.). Освобождение этого контингента никак не входило в планы НКВД и сталинского руководства прежде всего из-за его противостояния сталинской политике в отношении Польши» [49].

Надо думать, что над этим текстом «эксперты» тужились очень долго, но вылезло что-то такое, что может устроить только шляхтича, и не только по степени косноязычия.

361. По какому такому «международному праву» военнопленные автоматически «распускаются по домам»? Война в США против талибов давно закончилась, что же это американцы держат пленных талибов, а не отпускают их по домам согласно «международному праву»?

Потом, если война закончилась в сентябре 1939 г., то почему румыны не «распустили по домам» Рыдз-Смиглы, Бека и прочую польскую правительственную и генеральскую шушеру?

Затем, о конце какой войны говорят «эксперты», если правительство Польши в эмиграции не только продолжало делать вид, что воюет с Германией, но и объявило войну СССР?

Упомянутый «секретный протокол» к договору от 28 сентября 1939 г. вполне может быть фальшивкой геббельсовцев, но и он гласит:

"Нижеподписавшиеся Уполномоченные при заключении советско-германского договора о границе и дружбе констатировали свое согласие в следующем:

Обе стороны не допустят на своих территориях никакой польской агитации, которая действует на территорию другой страны. Они ликвидируют зародыши подобной агитации на своих территориях и

будут информировать друг друга о целесообразных для этого мероприятиях" [50].

Тут, как вы видите, нет ни слова не только о расстреле пленнх, но и о противодействии «польскому освободительному движению», как об этом нагло уверяют нас геббельсовские «эксперты».

Речь идет только о противодействии недружественной агитации. Ничего большего стороны на себя не брали. И для Германии, и для СССР речь шла только об одной польской агитации — о присоединении западных областей Украины и Белоруссии к Польше, вопреки ясно выраженной воле подавляющего числа населения. Таким образом, обязательства по этому протоколу налагались только на Германию, поскольку польской агитации внутри СССР технически быть не могло — это уже была бы антисоветская агитация. Получается, что геббельсовские эксперты уверяют нас, что СССР расстрелял польских военнопленных потому, что боялся их польской агитации в лагерях военнопленных. Шедевр кретинизма, конечно, но для поляков сойдет. Они же ведь не зададут себе вопрос, а зачем этих пленнх надо было расстреливать, если проще было передать их немцам, добавив их к тем 42492, которых немцам передали? [51]

362. Единственно, в чем безусловно можно согласиться с геббельсовскими «экспертами», так это в том, что польские военнопленные офицеры в своей массе противостояли «сталинской политике в отношении Польши». Это точно, и это мы уже видели в первой части книги. Но и это не все.

В 1940 г., в котором, по уверениям геббельсовцев, Сталин дал команду расстрелять польских офицеров, он на самом деле дал другую команду — начать работу по формированию Войска Польского из военнопленных поляков. И уже 2 ноября 1940 г., проведя длительную агитацию среди пленнх, Берия докладывал Сталину:

«Во исполнение Ваших указаний о военнопленных поляках и чехах нами проделано следующее...», — и далее он сообщал, какая работа проведена, сколько выявлено добровольцев, предлагал штаб польской дивизии разместить «в одном из совхозов на юго-востоке страны», и т.д. и т.п. [52]

Это и была «сталинская политика в отношении Польши» — воссоздание суверенной Польши, для чего ее, естественно, требовалось отвоевать у немцев. Но трусливая польская шляхта боялась немцев как огня, всю Вторую мировую войну от них пряталась и этим действительно противостояла «сталинской политике».

363. Итак, сам Геббельс мотивом расстрела польских офицеров объявил месть евреям за европейский антисемитизм. Не Бог вещь какой мотив, но хоть что-то мало-мальски разумное. Сегодняшний состав бригады Геббельса этим мотивом, естественно, воспользоваться не может. Взяв на вооружение, как им казалось, универсальный мотив «сталинских репрессий», геббельсовцы через несколько лет с этим мотивом совершенно обкакались, поскольку сами доказали, что репрессировались поляки индивидуально, строго по процессуальным законам и не всегда приговаривались к расстрелу. На сегодня в качестве мотива у них остался такой бред, что академическая часть геббельсовцев даже стесняется о нем упоминать.

364. И, наконец, естественен вопрос: а были ли у немцев мотивы убить польских офицеров? Бригада Геббельса об этом дружно и упорно молчит, как будто это вопрос о непорочном зачатии, который даже выслушивать грешно. Но поскольку я не последыш Геббельса, то мне этот вопрос интересен.

Если речь идет не о нас сегодняшних, словами Т. Шевченко, «славных прадедов великих правнуках поганых», а о русских в их истории, то русские были одним из самых, если не самым свободолюбивым народом Европы. Вот смотрите: и история России, и история Польши за последние несколько столетий полны различными восстаниями по самым различным поводам. Но в России эти восстания (от Пугачева до различных губернских и уездных) всегда были восстаниями крестьян. Русские дворяне (которых, кстати, было по отношению к остальному народу — 1%) способны были на дворцовый переворот, но они никогда не были инициаторами бунтов. В Польше наоборот — я не помню там народных бунтов, там всегда бунтовала шляхта (которой по отношению к остальному народу было 10%). Она убеждала народ взяться за оружие, а затем сбегала, оставляя народ разбираться с карателями.

Придурковатым писателям и поэтам, путающим свободу с личной вседозволенностью, это может быть непонятно, но реальным государственным деятелям рабская подчиненность шляхте сразу же бросается в глаза. Вспомните слова Кропоткина о том, как русский император элементарно выбил табуретку из-под взбунтовавшей Польшу шляхты, всего лишь справедливо наделив польских крестьян землей. И Гитлер, которому шляхта неожиданно отдала всю Польшу, естественно, не мог этого не видеть. Отсюда возникал естественный вывод: держать поляков в покорности можно, если душить

шляхту. (Кстати, по этой самой причине и с учетом того, что Польша была у главного и самого страшного врага СССР — Гитлера, Сталину нельзя было уничтожать шляхту — ее разрушительная для Польши роль была как нельзя кстати).

365. Повторю, бригада Геббельса глухо молчит на тему: а были ли у немцев мотивы убить поляков? Геббельсовцы всячески уверяют нас, что в Катынском деле они хотят узнать «правду», а правда всегда объективна. Вспомним, и Геббельс требовал от немецких журналистов, освещавших катынское дело, чтобы они в своих выступлениях упирали именно на этот аспект: «Это не пропагандистская битва, а фанатичная жажда правды... Вообще нам нужно чаще говорить о 17-18-летних прапорщиках, которые перед расстрелом еще просили разрешения послать домой письмо и т.д., так как это действует особенно потрясающе». А вот в исследовании немецких мотивов убийства у бригады Геббельса что-то не видно той «фанатичной жажды правды», что завещал им их учитель. Поэтому у нас есть основание самим прислушаться к тому, что в Рейхе говорили о Польше и поляках и что планировали.

На исходе польской кампании Гитлер дает указание Кейтелю: «Жестокость и суровость должны лежать в основе расовой борьбы для того, чтобы освободить нас от дальнейшей борьбы с Польшей». Чуть позже он заявил: «У поляков должен быть только один господин — немец. Не могут и не должны существовать два господина рядом, поэтому все представители польской интеллигенции должны быть уничтожены. Это звучит жестоко, но таков закон жизни» [53].

Но Гитлер не только говорил, а и действовал. По сведениям Д. Толанда: «К середине осени (1939 г. — Ю.М.) были ликвидированы три с половиной тысячи представителей польской интеллигенции, которых Гитлер считал „разносчиками польского национализма“. „Только таким путем, — утверждал он, — мы можем заполучить необходимую нам территорию. В конце концов, кто сейчас помнит об истреблении армян?“ Террор сопровождался безжалостным выселением более миллиона простых поляков с их земель и размещением там немцев из других частей Польши и Прибалтики. Это проходило зимой, и при переселении от холода погибло больше поляков, чем в результате казней» [54].

Ну и как же такой вопрос может обойтись без Геббельса? Он писал:

«Нам не нужны эти народы, нам нужны их земли... Суждение фюрера о поляках — уничтожающее. Скорее звери, чем люди, совершенно тупые и аморфные... На поляков действует только сила. В Польше у же начинается Азия. Культура этого народа ниже всякой критики. Только благородное сословие покрыто тонким слоем лака. Оно — душа сопротивления. Поэтому его надо у брать... Фюрер полностью разделяет мою точку зрения на еврейский и польский вопрос... Польская аристократия заслужила свою гибель... Вермахт. обращается с польскими офицерами слишком мягко... Поляки этого не понимают. Я приму меры» [55].

Вот вам и мотивы. Разве немцы их скрывали? Они налицо: Польши нет и никогда не будет, для этого нужно уничтожить интеллигенцию и, в ее числе, офицеров.

Поэтому когда немцам под Смоленском попали в руки лагеря с польскими военнопленными офицерами, да еще и числящимися за СССР, то им просто грех было упускать такой случай...

А то, что геббельсовцы мотива расстрела поляков немцами совершенно не рассматривают, является доказательством того, что дело не расследуется — оно фальсифицируется.

Разделение пленных на три категории

366. В «Катынском детективе» я обращал внимание на место преступления в Катыни как на почерк немцев, но со времени написания той книги бригада Геббельса накопила (в том числе и в полном смысле этого слова) много других данных, и место преступления как почерк преступника отодвинулось на второе место, в связи с чем о нем мы поговорим ниже. Но прежде чем говорить о почерке, необходимо обширное введение в курс дела.

367. Вспомним, что в сентябре-октябре 1939 г. в руки СССР сначала как интернированные, а с ноября 1939 г., после объявления правительством Польши в эмиграции войны СССР, как военнопленные попали до десятка тысяч офицеров армии бывшей Польши и чуть меньше жандармов, полицейских, разведчиков, тюремных работников и т.д. Весной 1940 г. они были разделены на три части.

Первая часть — преступники — была арестована, осуждена, часть осужденных, получивших сроки, отправлена в исправительно-трудовые лагеря, а приговоренные к расстрелу расстреляны в тюрьмах Смоленска, Харькова и Калинина и там же и похоронены. Судя по тем данным, что геббельсовцы невзначай сообщают, расстрелянных было от сотни до нескольких сот в каждой из означенных тюрем, а в сумме их было вряд ли больше чем 1000 человек. Об этом не пришлось бы гадать, если бы геббельсовцы не уничтожали в архивах России дела по этим преступникам, а

опубликовали их.

Вторая часть, которая должна была обозначать польских военнопленных для немцев и общественности — около 400 офицеров (без поступивших впоследствии из Литвы и Латвии) — в конце концов оказалась в лагере военнопленных в Грязовце, откуда и поступила в 1941 г. на формирование армии Андерса. Тут надо понимать, что и немцы, и весь мир знал, что СССР должен был иметь военнопленных, вот он их и имел в Грязовце — они переписывались с родными, из Грязовца возвращались в Германию польские офицеры немецкой национальности и никто не мог упрекнуть СССР, что он совершил недружественный акт по отношению к Германии и отпустил этих поляков на свободу.

Самая большая часть армейских офицеров и жандармов с полицейскими попала в руки немцев вот каким путем. Я уже писал, что Польша от имени своего правительства в Лондоне объявила войну СССР и начала силами подчиненной себе Армии Крайовой боевые действия. Выпускать поляков на свободу в таких условиях было нельзя. Союзники против немцев войны почти не вели, и все склонялось к тому, что они и дальше будут ее затягивать, подкармливая польское эмигрантское правительство. Вставал вопрос, что с этими офицерами (возможными кадрами Войска Польского на случай, когда немцы нападут на СССР) делать? Выход был найден: решением специализированного судебного органа — Особого Совещания при НКВД СССР — подавляющая масса польских офицеров была признана социально опасной и направлена в исправительно-трудовые лагеря ГУЛАГа на сроки от 3 до 8 лет.

Тут может быть непонятно — какой смысл в переводе из одного лагеря в другой?

368. В лагерях военнопленных Управления по делам военнопленных и интернированных (УПВИ) НКВД они были военнопленными, а согласно Женевским конвенциям офицеров вообще нельзя было заставлять работать, а унтер-офицеры могли использоваться как надсмотрщики за работой военнопленных солдат. Особое Совещание, признав их социально опасными, делало из них простых заключенных, которые от работы отказаться не могли. Но и не это главное, главное, что пребывание польских офицеров в лагерях получило какой-то осмысленный срок, а не бессрочность, как в ситуации, которую создало эмигрантское правительство Польши. Кроме этого, как осужденных, поляков легко было и амнистировать. Т.е., в случае международного скандала с немцами им можно было объяснить, что тот или иной офицер, обнаруженный немцами на свободе, на самом деле не выпущен из лагеря военнопленных, а является преступником, который отсидел свой срок наказания в Главном управлении лагерей (ГУЛАГе) НКВД и теперь на свободе по закону. СССР находил выход из положения, которое создали трусливые подонки польской правительственной шляхты.

Но вам, судьям, следует отметить, что после рассмотрения его дела на Особом Совещании военнопленный исчезал из отчетности УПВИ, переставал быть военнопленным и попадал в отчетность ГУЛАГа как заключенный, лишенный, естественно, права переписки, поскольку окруженному враждебными государствами СССР отнюдь не улыбалось объяснять различным комиссиям, на каком основании военнопленные стали заключенными, отбывающими наказание. В этом плане характерно местопребывание этой части пленных — Смоленская область. До решения Особого Совещания они все находились в лагерях военнопленных на востоке от Смоленска, а когда они стали заключенными, то их как бы подвезли на запад, к границе с бывшей Польшей. Само собой, что если бы СССР решил их расстрелять, то их, посадив в вагоны, вывезли бы за Урал и расстреляли в таком месте, в котором их и через 100 лет не нашли бы. А под Смоленском они были на виду: форму им оставили, конвой, что в УПВИ, что в ГУЛАГе, одинаков — поди разберись, заключенные они или военнопленные?

А то, что они работают, тоже имело объяснение — пленного офицера нельзя заставить работать, но сам он работать мог, если хотел. Польский офицер немецкого происхождения Р. Штиллер, отправленный в 1941 году в Германию, писал в своем отчете в гестапо о пребывании в советских лагерях для военнопленных в Козельске и Грязовце: «Питание вначале было совершенно хорошим, правда, ухудшилось вместе с заполнением лагеря; во время финской кампании оно было неудовлетворительным и весной снова улучшилось». В Грязовце: «Размещение и питание можно назвать хорошим. Питание — даже слишком хорошим для тех, кто добровольно изъявил желание работать на строительстве дороги, что мы, немцы, делали все без исключения» [56].

369. В случае, если бы война между Германией и союзниками затягивалась и пленных офицеров (теперь уже заключенных) надо было бы выпускать из лагерей в связи с окончанием срока, то их направляли бы к семьям, которые советское правительство в начале лета 1940 г. переселило на восток страны. Если бы началась война с Германией, поляков из лагерей было бы легко призвать в Войско Польское, союзное СССР, поскольку семьи офицеров уже были на востоке в некотором смысле заложниками честного поведения самих офицеров. Это решение правительства СССР было не только

лучшим для СССР, но и вообще единственно возможным в той идиотской ситуации, которую создала правительственная шляхта Польши. Конечно, сами польские офицеры вряд ли были в восторге, но у них был выбор — они могли в сентябре 1939 г. сражаться с немцами за Польшу и умереть за нее. Им этот выбор категорически не нравился: они предпочли любой плен — как немецкий плен (с саблями), так и советский, румынский, венгерский, литовский и латышский (без сабель). Они свой выбор сделали...

Об эксгумациях праха польских военнопленных

370. Но события развивались не так, как предполагало правительство СССР. Предал командующий Белорусским особым военным округом генерал Павлов, ставший с началом войны командующим Западным фронтом. Немцы окружили его войска под Минском, а затем броском окружили советские войска под Смоленском уже 10 июля 1941 г. — через 18 дней после начала войны; А договор между эмигрантским правительством, Польши и СССР был заключен только 30 июля, т.е. поляки находились еще в лагерях ГУЛАГа и эти лагеря под Смоленском немцы захватили, а поляков расстреляли.

371. Следует отметить, что польских пленных сначала расстреливали, судя по всему, в нескольких местах и вместе с советскими гражданами. На том месте в Катынском лесу под Смоленском, на котором ныне принято проводить шоу по поводу героических польских офицеров, немцы зарыли свои жертвы в общем числе около 37 тыс. человек, из которых только 12 тысяч поляки, а остальные — советские военнопленные и граждане СССР [57].

372. Далее, в 1943 г., как я уже написал в первой части, у немцев возникла жизненная необходимость использовать эти трупы для своей главной пропагандистской акции. Как только оттаяла земля, они извлекли из могил 5 тыс. тел поляков, причем часть их завезли к этому месту из других мест, и как могли очистили их карманы от документов с датами после мая 1940 г., поскольку никакими другими фактами невозможно было доказать, что эти трупы лежат здесь не с осени 1941 г. Затем трупы вновь зарыли и стали завозить «комиссии» для показа им «еврейских зверств». При этих «комиссиях» трупы вырывались из земли, извлекались из карманов их одежды документы и т.д. Но когда число вырытых трупов превысило 4 тыс., немцы всю работу свернули, хотя сами утверждали, что в Катыни лежит 12 тыс. поляков; и поведение немцев понятно: далее шли необработанные ими трупы с документами до осени 1941 г.

Однако осенью 1943 года Смоленск освободила Красная Армия, и комиссия по расследованию немецких зверств в присутствии английских и американских представителей и корреспондентов начала раскапывать остальные могилы и, естественно, нашла и документы с датами 1941 г.

Польские гиены были загнаны в угол, но признать, что офицеров в Катыни убили немцы, они никак не могли. Это было равносильно признанию участия в войне на стороне немцев. И польская шляхта за границей продолжала упорно фальсифицировать это дело, благо наступила холодная война и клевета на СССР стала прибыльным делом. Но возникла и проблема.

373. Если польские геббельсовцы согласились бы с немецким числом похороненных в Катыни поляков в 12 тысяч, то тогда получалось, что их убили немцы, поскольку советская следственная комиссия нашла и трупы с документами 1941 г. И польские геббельсовцы выкручиваются следующим образом: они начинают утверждать, что в Катыни лежит не 12 тысяч, как это утверждают немцы (безусловно, знающие, скольких они там убили), а чуть больше 4 тысяч. Но тогда возникал вопрос — а куда делись еще 8 тысяч? Пока геббельсовцам были недоступны архивы СССР, они фальсифицировали этот вопрос как могли. К примеру, конгресс США, оказывая дружескую услугу СССР, отложил свои дела, создал Специальный Комитет и занялся расследованием Катынского дела, в ходе которого этот Комитет в 1952 г. «не допуская и тени сомнения» установил, что поляков безусловно убили Советы, а польские полицейские, в частности, «были погружены на баржи и затоплены в Белом море» [58]. (Польский идиотизм, надо сказать, вещь заразная).

374. Но с приходом к власти в СССР капээсэсовцев по главе с Горбачевым дело у польских геббельсовцев пошло со свистом. Теперь к бригаде Геббельса подключились главные разрушители СССР — Политбюро ЦК КПСС и КГБ СССР. Факты показывают, что именно в КГБ Крючкова созрела в принципе простая идея фальсификации Катынского дела.

Как я написал несколько выше, в Харькове и в Калининске расстреливали и хоронили преступников, в том числе и поляков. А военнопленные поляки отправлялись в лагерь ГУЛАГа под Смоленском через управления НКВД этих областей (где им сообщалось о решении Особого Совещания), на что в архивах

имелось сотни подтверждений. Таким образом, если хорошо покопаться в местах захоронения расстрелянных преступников в Харькове и Калининe, то можно найти и черепа с пулевыми отверстиями, и кое-какую польскую атрибутику: пуговицы от мундиров, ордена, портсигары и т.д. И объявить, что под Харьковом и в поселке Медное Калининской области и похоронены еще 10 тысяч польских офицеров и полицейских. Мысль эта была жиденькой, не было сомнений, что и исполнение будет убогим, но подонки Главной военной прокуратуры охотно за эту мысль ухватились. И в 1991 г. они вместе с толпой поляков перекопали экскаваторами харьковские и калининские кладбища в местах, указанных КГБ.

О результатах этого гробокопательства «эксперты» Генеральной прокуратуры сообщают: «В ходе работ в 6-м квартале лесопарковой зоны Харькова (25 июля — 9 августа 1991 г.), проводившихся на площади 97х62х143х134 м, было сделано 49 раскопов и 5 зондажей. Было обнаружено не менее 167 останков поляков. В Медном работы проводились 15-25 августа 1991 г. на площади пятиугольника 37х108х36х120х120 м. Было сделано 30 раскопов и 5 дополнительных зондажей. Обнаружены останки не менее чем 243 поляков» [59].

Поскольку эти результаты нам нужны для сравнения почерка убийц, придется рассказать и об этих эксгумациях, тем более, что об этом все равно надо сказать.

О чем рассказало кино

375. Если вы обратили внимание на даты, то работы велись во время, когда СССР был уже в агонии, но еще был. Точно сказать, убьет ли его «пятая колонна», либо он, оправившись, убьет «пятую колонну», было нельзя. Прокуроры и следователи Главной военной прокуратуры еще боялись нагло фальсифицировать дело: боялись подбрасывать в него «улики», боялись фабриковать «подлинные документы», и в то время фальсификация шла по линии лжесвидетельств, утайки документов и извращенного их толкования. (Только когда СССР пал и Ельцин сменил руководителей архивов на своих негодяев, геббельсовцам стало привольно и просторно). Поэтому надо быть крайне наивным, чтобы слепо верить тому, что сегодня говорят геббельсовцы о находках под Харьковом и в Медном. У нас есть два свидетельства, сделанных почти сразу после этих раскопок, и оба они исходят от геббельсовцев.

376. Раскопки следователи ГВП фиксировали на видеопленку и почти сразу же смонтировали часовой фильм «Память и боль Катыни» с помощью некоего ТОО «Лад-Фильм». Авторы фильма нам неинтересны, поскольку такого беспринципного мусора среди московской «творческой интеллигенции» хоть пруд пруди — не они, так нашлись бы другие. Интересны научные консультанты фильма, указанные в титрах, — цвет (махровый) Главной военной прокуратуры, юстиции: генерал-лейтенант Л. Заика, генерал-майор В. Фролов, полковники Н. Анисимов, А. Третьцкий, С. Раевич, подполковник В. Граненов, майор С. Шаламаев — почти все фальсификаторы Катынского дела.

Фильм крайне подлый в каждом метре пленки. Смотрите, с одной стороны, еще идет следствие, с другой — в фильме уже утверждается как абсолютная истина, что поляков убил СССР. Но тогда зачем же вы перекапываете кладбища? Отдавайте дело в суд! По советским законам запрещено было разглашать материалы следствия до суда, а здесь показывается официальная видеозапись допроса свидетелей, да еще с «наездом» дикторского текста на показания свидетеля, т.е. так, что свидетель глушится, как только начинает говорить не в пользу обвинения СССР. Мошеннически передергивается видеоряд. Говорится о письме Кобулову за подписью Сталина, а показывается письмо в ЦК за подписью Берии, на котором резолюция членов Политбюро, и в том числе, Сталина. Весь фильм — это нытье о бедных поляках, которых поселили в страшных условиях — в доме отдыха им. Горького. Диктор длинно канючит письмо, которое написали Сталину якобы польские дети на русском языке с просьбой отпустить из плена их отцов. Лучше бы почитал, пусть и на польском, письмо деток к пану Сикорскому прекратить войну с СССР, перестать посылать боевиков АК убивать советских людей, иначе как же может Сталин отпустить их отцов? Но вот чего в фильме нет, так это доказательств того, что поляков убил НКВД. Поскольку считать таковыми показания свидетелей, которые требуется корректировать самим следователям, — нельзя. Вопрос — тогда зачем же в таком пустом фильме, кроме прочих, семь штук только генералов и старших офицеров юстиции? Тем более, что фильм от очевидной дурости такое количество консультантов не спасло: в фильме, к примеру, заместитель наркома Потемкин назван Покровским.

Ответ прост. Среди консультантов есть и С. Станкевич, который прославился тем, что брал взятки

и давал на них расписки, а потом скрывался от российского правосудия в Польше, ныне страдалец реабилитирован. И работники прокуратуры, надо думать, в плане взяток были умнее этого «нового поляка», поэтому прямо брать взятки за фальсификацию Катынского дела боялись. А как консультантам фильма им, надо думать, полагался «барашек в бумажке», вот они в этот фильм и набились. Какие взятки?! Никаких взяток от поляков не получали, это был гонорар за творческую работу консультантами! Это, конечно, моя догадка, но боюсь, что она верная.

377. Так вот, в этом фильме, снятом по горячим следам, показаны результаты эксгумаций под Харьковом и в Медном. Но не показано ни единое доказательство того, что ГВП были разрыты могилы поляков — ни пуговицы с польского мундира, ни католического крестика, ни медальона, ни пряжки, только сгнившая одежда, сгнившие кости и черепа. Некоторые черепа с пулевыми повреждениями, но кому они принадлежат: полякам? пленным немцам? советским преступникам?

Как это понимать? Семь голов генералов и полковников юстиции забыли режиссеру подсказать, что найденные ими в ходе эксгумации доказательства надо в фильме обязательно показать? И я должен верить в то, что они это забыли?

Главное то, что в этих могилах под Харьковом и Медным действительно должно находиться нечто подобное, поскольку несколько сот преступников-поляков тут все же похоронены. Но отсутствие в фильме этих вещдоков доказывает, что тогда, когда проходили раскопки, следователи не нашли никаких доказательств того, что найденные ими черепа и кости принадлежат полякам, т.е. не нашли даже того, что там должно было быть, и только поэтому никакие вещдоки в фильм не попали.

378. Однако после этих раскопок прошло 4 года власти ельциноидов в России, и в деле о Катини вдруг появляется масса «вещественных доказательств», якобы извлеченных из могил именно тогда — в 1991 г. Чудеса?

Поэтому давайте обратимся к другому источнику — святому. Бригаду геббельсовцев из Главной военной прокуратуры на эксгумациях под Харьковом и Медным духовно окормлял американско-польский ксендз Здислав Пешковский. После чего ксендз издал две книжки, в которых описал и что это были за раскопки, и что нашли. Надо сказать, что ксендз прислал мне их в «Дуэль», за что я ему искренне благодарен, хотя одну из них мне уже до этого дали в посольстве Польши. Я тем более благодарен ксендзу, что он не стал меня призывать по примеру своего коллеги из «Золотого теленка»: «Опомнитесь, пан Козлевич!» Людей, видимо, знает неплохо.

Следственные чудеса от Римско-католической церкви

379. Ксендз Пешковский — типичный американец по деловитости: в его книжках масса толковых деталей, которые он дал подробно, как американец, и не думая, зачем он их дал, как поляк. Кроме того, то, что ксендз американец, видно по его жизненному принципу: «Реклама — двигатель торговли». Из 85 пронумерованных фотографий в тексте и двух на обложке в книге ксендза «...И увидел ямы смерти» на 29 фото изображен сам ксендз во всех позах, ракурсах, компаниях и интерьерах: то он с Папой Римским, то с другим ксендзом сует что-то в рот стоящему перед ними на коленях Леху Валенсе, то у креста и т.д. и т.п. Кроме того, изрядная часть страниц посвящена текстам проповедей ксендза, сказанным по случаю Катынского дела (большой частью гнусным, надо сказать).

380. Теперь по поводу того, как были организованы раскопки. Я скорее циник, нежели лирик, практическому результату отдаю предпочтение перед даже красивой болтовней и считаю, что здравый смысл должен возглавлять любые традиции. Поэтому сам факт перекопки кладбищ меня не тревожит: надо — значит надо. Но мне не нравится другое: эксгумация трупов — это следственное действие, которое должны проводить специалисты, которых следователи письменно предупреждают об уголовной ответственности за правильность и точность их работы. В данном случае — чтобы ничего лишнего не попало в могилы и ничего из них не исчезло. А, как описал ксендз, раскопки производила толпа поляков, заведомо заинтересованных в том, чтобы обвинить СССР в этом убийстве и истребовать с России денег. На раскопки были присланы тогда еще советские солдаты для земляных работ, и мне непонятны строки из книги ксендза:

«Экскаватор под руководством доцента Глосека на полном ходу. Он стремится во что бы то ни стало исследовать всю территорию» [60]. Кто мне поручится, что найденные в этих могилах вещественные доказательства действительно там были, а не выпали случайно из карманов доцента Глосека?

381. Повторю, что из фильма, снятого сразу после раскопок, следовало, что в ходе эксгумации

следственная бригада ничего не нашла такого, что бы указывало на то, что побеспокоенные ею трупы принадлежат полякам. А из изданной в 1995 г. книги ксендза Пешковского следует, что в могилах хранились целые клады. Для примера опишу, какие предметы, по ксендзу, были найдены у поселка Медное: «Икона с изображением Божьей Матери с Младенцем, золотой медальон с изображением Матери Божьей Ченстоховской,.. награды, фрагменты поясов, коробочек, мундштуков, очков, кошельков,.. и к моей радости — религиозных знаков — медальонов и четок,.. пуговиц с орлами,.. огромное количество личных вещей, гребешков, зубных щеток, кисточек, остатков для бритья, мыльниц, бумажников, монет, очков. Есть также катушка ниток, различные ключи, авторучки, черпак, деревянные ложки, много разных наград... золотая десятирублевая монета 1899 года. Есть крестики, один железный с изображением Иисуса Христа. Нашлось несколько очень красивых шахматных фигур, очки, зеркальца, объектив фотоаппарата „Лейка“,.. несколько свечей. Все эти вещи довольно хорошо сохранились, если учесть их пятидесятилетнее пребывание в земле» [61].

Достаточно посмотреть в фильме и на фото в книге, из какой иссиня-черной жижи доставали солдаты то, что осталось от трупов, — только крупные кости, ошметки того, что могло быть одеждой, да более менее сохранившую форму дубленную кожу сапог, — чтобы глубоко усомниться в том, что эти описанные ксендзом хорошо сохранившиеся вещи как-то связаны с раскопками в Медном и под Харьковом. Тем более, что основная масса вещей, как зачем-то сообщает ксендз, оказывается, была не из могил, а из каких-то отдельных от могил ям и в Харькове, и в Медном. Получается, что палачи отобрали у поляков эти вещи, поляков расстреляли и положили в одни могилы, а для их вещей выкопали отдельные могилки и там похоронили никому не нужную чепуху типа десятирублевой золотой монеты. Можно, конечно, считать меня за наивного человека, но не до такой же степени! Скажите прямо — на раскопках могил работали сотни солдат и они, извлекая из могил останки, этих вещей не видели! Поэтому и приходится выдумывать про отдельные ямки, на которых, видимо, раньше были столбики с табличкой: «Геббельсовцам копать здесь», — да потом местные жители эти столбики на дрова унесли.

382. Но это не самое смешное в этих раскопках, поскольку через пять лет после эксгумации выяснилось, что в могилах, оказывается, было найдено и огромное количество писем, удостоверений, списков расстрелянных и, главное, много газет с первой страницей, по которой было ясно, что пленных расстреляли до лета 1940 г. Понимаете, в могилах от костей ничего не осталось, а список из 46 пленных полицейских с указанием не только их имени, но и имени отца, года рождения, места службы и должности, 50 лет пролежал в черной жиже, а читается весь до буквы, и так, как будто вчера написан [62]. Но особо трогает находка большого количества газет — видать, НКВД с целями коммунистической пропаганды закопало вместе с казненными и избу-читальню с подшивками центральных газет за последние годы.

383. Как я уже писал, ксендз в своем рекламном буклете не все 87 фотографий посвятил себе, любимому, есть среди них и несколько фотографий вещественных доказательств. Нормальных — две: на этих фотографиях запечатлены и таблички, поставленные следователем рядом с данным вещдоком и позволяющие связать это вещественное доказательство с конкретным эпизодом уголовного дела. На обеих фотографиях по черепу: один с огнестрельным ранением [63], другой целый [64]. Причем ксендз, увлеченный собственной персоной, не обратил внимания, что одно фото сделано с обернутого негатива, т.е. надписи на табличках надо читать справа налево. Есть несколько фото ксендза, запечатленного рядом с вещественными доказательствами, но насколько это можно увидеть, среди этих доказательств и близко нет того, что перечислил в тексте книги ксендз — орденов, ладанок, документов, газет, нет даже пуговиц с мундиров, а ведь латунь должна была сохраниться. И наконец есть два интересных фото. На одном 3. Савицкий, поляк, исполняющий какие-то функции на эксгумации, с очень напряженным лицом показывает ксендзу какой-то нательный крестик, похожий на православный [65]. Подпись к фотографии, по идее, должна была бы гласить, что этот крестик взят с останков в могиле, но она и через 4 года звучит уж очень дипломатично: «Здислав Савицкий показывает найденный в земле крестик». Поскольку земля довольно обширна, то понимай эту подпись, как знаешь. И, наконец, есть фото пуговиц, крестика, иконок, цепочек [66], но снято это без таблички, т.е. не видно, что это отнесенные к данному уголовному делу вещдоки, более того, непонятно и где они сфотографированы — в СССР или в Польше.

384. Мне могут сказать, что эта моя подозрительность ни к чему, ксендз — человек духовный и в мирских делах некомпетентен, поэтому у него и фотографии такие, и текст юридически небезупречен. Как бы не так. Стоит почитать, как он торговался с таксистом, его оценки ресторанов, радость, что он, благодаря спекулятивному курсу, купил торт менее чем за доллар. Кроме того, в сентябре 1939 г. он

был подхорунжим и храбро удирал от немцев, пока не попал к нам в интернированные. Затем записался в армию Андерса, вместе с ней храбро удрал в 1942 г. в Иран и встретил победу в Палестине. Т.е. это настоящий польский герой Второй мировой войны и не только в духовном, но и в военном деле человек не посторонний. А что касается следственной темы его книги, то текст произведения Пешковского на русский язык переводил Степан Радевич, а следователя Главной военной прокуратуры РФ, ведущего Катынское дело, звали Степан Радевич, так что книга ксендза вполне может быть официальной справкой ГВП, если издатели ошиблись в написании фамилии переводчика. В связи с этим, как прикажете понимать следующее.

385. Все найденное в могилах и имеющее хоть какое-то отношение к полякам являлось вещественными доказательствами по уголовному делу. Согласно Уголовно-процессуальному кодексу РСФСР (ст.ст. 84 и 85) эти вещдоки должны быть, во-первых, сфотографированы, затем (с принятием мер против их порчи) упакованы и опечатаны и должны храниться при уголовном деле до суда и раздаваться только после вступления в законную силу приговора. Тогда как понять такие навязчивые «откровения» ксендза Пешковского, старательно переведенные на русский язык то ли полковником юстиции С. Радевичем, то ли С. Радевичем: «К счастью, мне удалось видеть все добытые предметы вблизи и хорошо к ним присмотреться. Ведь моим соседом по номеру является полковник Здислав Савицки, который не только с особой тщательностью исследует все предметы, но и очень заботливо упаковывает их перед доставкой в Польшу. Он занимается этим в гостиничном номере вместе с Енджеем Тухольским, историком из нашей группы. Должен признать, что они работают целыми ночами, чтобы справиться с этим заданием» [67].

"...Найден памятный перстень офицера 52-го пехотного полка. Особенно ценными доказательствами оказались деревянная коробочка для табака с надписью: «Старобельск...1939», а также газеты, ни одна из которых не была датирована позднее 5 апреля 1940 года.

В последние дни многие из этих предметов мне удалось осмотреть вблизи, в нашем номере, где Здислав Савицки с Ярославом и Енджеем Тухольским тщательно упаковывали в картонные ящики и коробочки. Все это должно быть отправлено самолетом в Польшу" [68].

«...Этот документ — это путь многих военнопленных. Сегодня найдены еще две бесценные записки, которые ночью, в гостинице, возле открытых дверей балкона (запах!) прочитал господин Енджей» [69].

Если все эти вещи и документы действительно были найдены в могилах, то в связи с чем следственная бригада ГВП (тогда СССР) раздавала эти вещдоки полякам? И зачем полковнику Радевичу, которого ксендз в начале книги благодарит за помощь в написании книги [70], надо было несколько раз подчеркнуть, что следственная бригада нагло попирала процессуальный закон? У вас есть варианты ответа? Тогда мой вариант: Радевич и ксендз специально вставили в книгу моменты о вывозке вещдоков из страны, чтобы на вопрос: «А почему в 1991 г. не было никаких вещественных доказательств», — ответить: «А их поляки в Польшу увозили. А теперь вот привезли».

Ну и что же я должен думать, глядя на это полное отсутствие вещественных доказательств в момент эксгумационных работ в 1991 г., а затем на их чудесное появление в огромном количестве через 4 года? Наверное, то, что и вы.

386. Ксендз Пешковский считал извлеченные из могил под Медным черепа, пока наконец 29 августа 1991 г. не записал: «Это последний обнаруженный в Медное череп — 226-й» [71]. И он, и Радевич, описывая эксгумацию в Медном, глухо молчат о том, сколько из этих черепов имели пулевые пробоины, — ведь если на черепе пулевых ранений нет, то это явно не польский череп. А надо понять, какое кладбище раскапывали следователи ГВП с ордой поляков. На нем хоронили не только уголовников и членов «пятой колонны», расстрелянных в тюрьме Калинина. Всю войну в доме отдыха НКВД Калининской области был госпиталь, и на этом кладбище хоронили наших умерших воинов, следовательно, поляки ворошили экскаватором именно их останки [72]. У Пешковского в книге есть такое фото: он стоит возле всех найденных в Медном черепов. Часть из них, у которых есть пулевые пробоины головы, выставлены перед ксендзом на столе, и в пробоины вставлены прутики, показывающие траекторию полета пули [73]. Остальные черепа (без прутиков) лежат на земле. Перед ксендзом 12 черепов с огнестрельными ранениями, т.е. перекопав кладбище наших умерших воинов, следственная группа нашла, возможно, два десятка (часть стола выпала из кадра) черепов казненных, которых при очень большом желании можно было бы посчитать за польские. Теперь все эти черепа, естественно, снова захоронены и поставлен памятник об убийстве русскими и захоронении здесь более 6000 бедных поляков.

387. При эксгумации под Харьковом, которая была раньше эксгумации под Медным, бригада

геббельсовцев скрыть количество черепов просто умерших (без пулевых ранений) не могла, возможно, пресса уже успела что-то сообщить, и Пешковский с Радевичем вынуждены были об этом написать открытым текстом. Сообщу, на каком кладбище орудовали гробокопатели под Харьковом. На нем хоронили не только расстрелянных уголовников и членов «пятой колонны», но и пленных немцев, умерших в инфекционном лагере неподалеку [74]. В результате, как пишет ксендз, под Харьковом найдено 169 черепов, а «на 62 черепах из 169 исследованных обнаружены следы огнестрельных ранений» [75]. И под Харьковом, разумеется, теперь стоит крест на «месте захоронения» более чем 4000 тыс. поляков, убитых русскими*.

388. Заканчивая с эксгумациями, обращу внимание на главное, что в ходе этого следственного действия должно было быть получено. Поляков в Катыни немцы не подумавши расстреляли немецким оружием, и нынешним геббельсовцам было очень важно найти хотя бы пульку, хотя бы гильзочку от немецкого патрона под Харьковом и Медным с тем, чтобы объединить все эти три могилы в одно целое. Но не получилось. Выше я специально дал из книги ксендза полный перечень всех предметов, найденных под Медным. В нем, если вы обратили внимание, есть даже несколько шахматных фигур, но нет главного — пуль. А по идее, они должны были быть найдены. Но и ксендз, и Радевич о них молчат. Почему?

Потому, что все расстрелянные, останки которых они исследовали, были расстреляны советским оружием. Другие геббельсовцы — энтузиасты общества «Мемориал» — этот вопрос изучили достаточно и установили: «...обычно это был пистолет системы „наган“, который они считали самым точным, удобным и безотказным». Совсем обойти этот вопрос ксендз не мог, но опять-таки, данные об оружии дал только по Харькову — по раскопкам, которые делались по времени еще до ГКЧП: "При расстрелах применялись боеприпасы трех видов: малокалиберные, винтовочные и к револьверам системы «Наган» [78]. Во всей книге нет ни слова ни об одном найденном немецком патроне или пуле.

Теперь давайте поговорим о почерке этих расстрелов.

Почерк

389. Обратите внимание (специфика дела такова, что на это придется обращать внимание крайне часто) на крайнюю подлость геббельсовцев. Под Харьковом было найдено всего 62 черепа с пулевыми ранениями, а эксперты прокурорской части бригады Геббельса пишут: «обнаружено не менее 167 останков поляков». Это как понять — 62 расстреляли, а остальные с перепугу умерли? Под Медным останков с пулевыми ранениями головы было столь мало, что ксендз даже постеснялся упомянуть их число, а «эксперты» не моргнув глазом утверждают: «обнаружены останки не менее 243 поляков». Брешут нагло — глядя в глаза!

Молодое дарование геббельсовцев, сменивший полковника юстиции С. Радевича той же юстиции подполковник А. Яблоков, в 1999 г. уже абсолютно нагло и уверенно пишет:

"С 25 июля по 7 августа 1991 г. в районе 6-го квартала лесопарковой зоны г. Харькова, на территории дач УКГБ по Харьковской области, расположенной на расстоянии 73 м восточнее Белгородского шоссе, с участием представителей польских правоохранительных органов, судебно-медицинских экспертов и других специалистов было проведено извлечение останков не менее чем 180 людей из 49 мест захоронения. Многочисленные предметы польской военной формы и другой польской военной атрибутики, письма, квитанции, обрывки газет с датами весны 1940г., отдельные предметы с записями о Старобельском лагере, а также офицерские удостоверения и жетоны шести военнопленных Старобельского лагеря, найденные в ямах, бесспорно свидетельствовали о массовом захоронении расстрелянных в 1940 г. польских военнопленных, ранее содержавшихся в Старобельском лагере НКВД СССР. По заключению комиссии судебно-медицинских экспертов, смерть этих военнопленных наступила от огнестрельных повреждений — выстрелов в затылок и верхний отдел задней поверхности шеи из огнестрельного оружия, имеющего калибр от 5,6 до 9 мм.

С 15 по 29 августа 1991 г. в дачном поселке У КГБ по Тверской области, в 2 км от поселка Медное, также с участием представителей польских правоохранительных органов, судебно-медицинских экспертов и других специалистов, была проведена вторая эксгумация.

В 30 откопанных ямах были обнаружены костные останки, принадлежащие не менее чем 243 трупам людей. Многочисленные найденные в ямах предметы (части польской полицейской формы и различной полицейской и военной атрибутики, письма, квитанции, обрывки газет с датами весны 1940 г., отдельные предметы, списки военнопленных Осташковского лагеря, полицейские удостоверения и

жетоны) позволили идентифицировать 16 польских полицейских и пограничников. Они служили доказательством наличия массового захоронения расстрелянных в 1940 г. польских военнопленных, ранее содержавшихся в Осташковском лагере НКВД СССР. Комиссия судебно-медицинских экспертов записала в своем заключении, что смерть наступила также от огнестрельных повреждений — выстрелов в затылок и верхний отдел шеи из огнестрельного оружия, имеющего калибр от 7 до 8 мм. Обнаруженные в отдельных черепках пули калибра 7,65 мм подтверждают, что огнестрельные ранения головы могли быть причинены выстрелом из пистолета системы «Вальтер» [79].

390. Вот тут уже следует обратить внимание не на брехню геббельсовца, а на то, что они установили — на то, что палачи НКВД старались стрелять не в голову, а в шею. Почему они стреляли в шею, сказано в этой же книжке геббельсовцев чуть дальше: «...выстрелы в 60% случаев производились не в затылок, а в голову через верхний позвонок, что обеспечивало меньшее кровотечение и облегчало уборку помещений» [80]. Геббельсовские подонки и тут пытаются извратить суть дела, ведь задача палача быстро убить приговоренного, а не уважать труд уборщиц. Так что в шею под голову, в первый позвонок, палачи НКВД стреляли по иной причине, нам в этом сообщении важно число — в 60% случаев палачи НКВД стреляли приговоренному именно так. Но сначала немного о них.

391. Нигде не встречал автора, который бы попробовал исследовать странное отношение русских к смерти; С одной стороны, какое-то безразличие, которое, казалось бы, исходит к обыденности смерти. Ведь на протяжении многих столетий смерть от татарской или польской сабли, смерть от голода в осажденном городе, смерть от неурожаев была постоянным спутником русского человека. В осажденном немцами Ленинграде умер, по сути, каждый третий, и не было ни малейшего бунта с требованием сдать немцам, и коммунизм здесь ни при чем. За 330 лет до этого в осажденном поляками Смоленске к лету 1611 года из 80 тысяч жителей города осталось 8 тысяч, но город не сдался, и не сдавались именно жители города, поскольку воевода Шеин уже, по сути, воевал со своим царем (бояре в Москве успели посадить на царский трон польского королевича Владислава). Это одна сторона вопроса.

С другой стороны, у русского человека какой-то панический страх (неудачное слово, но я не подберу другого) перед лишением человека жизни вне зависимости от того, кто этот человек. Русский человек не любит этого процесса, не любит о нем говорить, на него смотреть и старается об этом молчать, хотя прекрасно понимает необходимость убийства определенных людей.

392. Вот, к примеру, мой опыт. Газета «Дуэль» завела рубрику «Только один бой», в которой приглашает ветеранов Великой Отечественной войны рассказать об одном своем победном бое, по сути о том, как они во время войны убили немца или немцев. И поразительное дело — даже фронтовики из пехоты, кто действительно убивал, во многих случаях пытаются говорить о чем угодно, но не об этом.

393. Публичные казни в России отошли в прошлое со смертью Петра (смертной казни вообще долго не было), в XIX веке уже казнили без зевак и только в присутствии тех, кому полагалось по должности. А во Франции, к примеру, публичные казни запретил Гитлер, пораженный многочисленностью желающих получить удовольствие от этого зрелища. До стольпинских казней восставших крестьян и боевиков эсеров (1905-1907 гг.), потребовавших большое количество дополнительных палачей, у России был один палач, который получал по 100 рублей за одевание петли на каждого осужденного, кроме этого находящийся в данном городе для осуществления казни палач ел и пил бесплатно — хозяева трактиров и ресторанов счета отсылали жандармскому управлению. Заметим, что в 1906 году средний русский крестьянин потреблял продовольствия на 20 рублей 44 копейки в год! [81] Но желающих быть палачом не было. Единственного палача приходилось возить из города в город. Гражданская война требовала казней, а положение с палачами было примерно таким же. Князь Трубецкой, попавший во время гражданской войны за подготовку мятежа против большевиков в следственный изолятор Москвы, писал, что в то время палачами у большевиков были уголовные преступники, сами приговоренные к смертной казни, которым она откладывалась, пока они исполняли эту работу. При этом, «палачи сидели в камерах всегда одни, несмотря на переполнение тюрьмы. Никто не хотел жить с ними, и тюремная администрация в мое время к этому не принуждала» [82].

394. Но палачи нужны, и все люди это понимали и понимают. И в сталинском СССР стать палачом уговаривали, убеждали, требовали считать это партийным долгом. Палач — не убийца, убийцы те прокурорско-судейские мерзавцы, кто приговаривает невиновного к смерти. Но насколько несправедлива толпа — люди шарахались не от этих прокурорско-судейских ублюдков, а именно от палача! Если судом убит невиновный, то палач-то тут при чем? Поэтому профессия палача в СССР всегда была тайной, даже от членов его семьи. Все понимали, что палач морально очень уязвим, и старались его уберечь. В те годы палачи назывались служащими коменданта Управления Внутренних

дел, а сам комендант организационно входил в Административно-хозяйственный отдел Управления. Из-за трудностей в поисках палача их было не много. Скажем, на Москву и Московскую область команда коменданта состояла из 12 человек [83]. Кроме этого они, судя по всему, приводили приговоры в исполнение и в других городах. Опубликован, к примеру, приказ Наркома ВД Берии, командующий палача 18 октября 1941 г. в запасную столицу СССР г. Куйбышев для расстрела 25 изменников Родины [84].

395. К своей работе палачи относились очень ответственно, что отмечают даже геббельсовцы. Палачи делали все, чтобы по их вине ни один невиновный не пострадал. Общество «Мемориал» пишет: "Непосредственно перед расстрелом объявляли решение, сверяли данные. Делалось это очень тщательно. Наряду с актами на приведение в исполнение приговоров, в документах были обнаружены справки, требующие уточнения места рождения, а нередко и имени-отчества приговоренного.

При той поспешности, с которой велось тогда следствие, не приходится удивляться, что в Бутово для исполнения приговора могли привезти одного брата вместо другого или человека, приговоренного не к расстрелу, а к 8 годам заключения; причиной приостановки казни могло еще служить отсутствие фотографии, по которой сверялась личность приговоренного. Во всех этих случаях исполнение приговора откладывалось, людей возвращали назад в тюрьму. Эта скрупулезность на месте казни иногда действовала в интересах людей, но случаи отмены «высшей меры» были крайне редки" [85].

396. А у ксендза Пешковского есть такие примечательные строчки: «...раскоп № 22 оказался нетронутым. Здесь очень мало ценных предметов, единственное — немного одежды, когда-то прекрасная кожаная куртка с большими военными пуговицами. Видимо, во время расстрела она оказалась залитой кровью и ее не сняли» [86]. Судя по этим мыслям, посетившим ксендза, сам бы святой отец снял эту куртку с того, кого он убивает, но в Харькове палачами были не польские ксендзы, а работники НКВД, а они до мародерства не опускались. Следователь А. Яблоков снисходительно пишет, что палачи НКВД были двуногими зверьми, полностью морально выродившимися [87], к Яблокову в фильме «Память и боль Катыни» присоединяются и семь генералов и полковников юстиции, упирая на то, что палачи НКВД, дескать, занимались этой работой потому, что им после расстрелов давали водку. Должен сказать, что к такому выводу могли придти только те, кто сам за водку согласен убить кого угодно, если безнаказанность будет обеспечена.

397. А что касается темы морального вырождения, то к вопросу о том, кто в те годы являлся двуногими зверьми — палачи или прокуроры, — есть характерный пример. Несколько выше я касался темы убийств Сталина и Берии. По распространенной хрущевцами фальшивке, Берия, якобы, организовал заговор против партии, его арестовали в июне 1953 г., затем арестовали его пособников, Генеральный прокурор СССР Руденко, якобы, вел следствие, которое, якобы, закончилось тайным судом, по приговору которого Берию и заговорщиков расстреляли. На самом деле Берию подло убили в июне 1953 г., о чем Хрущев открыто говорил за границей, потребовалось это убийство скрыть, для чего прокуроры сфабриковали «заговор» и в качестве «заговорщиков» арестовали невинных людей, суда над ними, естественно, не было и подонки-судьи просто подписали бумажку под названием «Приговор». Но эта бумажка, правильно оформленная, являлась официальным приказом палачам убить этих невинных. Однако хрущевцы даже не пытались к этому делу привлечь палачей Москвы — хрущевцам было ясно, что это честные люди и они этого преступления не совершат, даже если оно обставлено всеми необходимыми бумагами. Так вот, догадайтесь, кто взял в руки пистолеты и убивал невинных? Правильно: судья и прокурор! Приглашенные сначала для этой цели генералы Советской Армии отказались убивать, а судейско-прокурорские подонки охотно взялись! Кобулова, Меркулова, Мешика, Влодзимирского, Деканозова и Гоглидзе лично убили судья Лунев и заместитель Главного военного прокурора Китаев [88]. Так где работали двуногие звери — в команде коменданта МВД СССР или в Главной военной прокуратуре СССР?

398. Нынешняя прокурорская часть бригады Геббельса злорадствует — многие из палачей НКВД впоследствии застрелились. Да, застрелились! Как еще эти честные и совестливые люди могли воспринять хрущевские вопли о том, что при Сталине, дескать, убивали невинных? Палачи ведь расстреливали преступников, в чем их уверяли бумаги, подписанные судьями и прокурорами. А при Хрущеве вся пресса начала кричать, что эти преступники были невинны. Что палачи должны были чувствовать, какой Шекспир опишет их переживания и муки?

Но кто ответит на вопрос, а сколько застрелилось тех подонков-прокуроров, которые требовали для невинных смертной казни, сколько застрелилось судей, подписывавших смертные приговоры невинным? Дождетесь вы этого от двуногих зверей!

Прокуроры, которые фабриковали дела на невинных, стали при Хрущеве фабриковать теперь

уже реабилитационные дела на тех, кого они убили, а те же самые подонки-судьи, выносившие смертные приговоры, скажем, председатель военной коллегии Верховного суда А. Чепцов, начали посмертную реабилитацию [89, 90]. Твари без чести и совести!

399. Но вернемся к почерку. Дело в том, что выстрел в голову, в мозг, как правило смертелен, хотя у этого правила есть и поразительные исключения. Смерть даже от сквозного прострела мозга не обязательна и, что в данном случае главное, наступает не сразу, а через несколько минут. В бою это не имеет значения — солдату главное попасть, а через какое время уже обезвреженный противник умрет, не важно. Поэтому, если казнью занимается любитель, которому к тому же наплевать на муки казнимого, то любитель будет стрелять прямо в заднюю часть головы, в череп — так удобнее, так быстрее и не надо выворачивать руку с пистолетом.

400. Однако палачам из НКВД было не все равно, сколько после их выстрела будет еще жить приговоренный, они не хотели, чтобы по их вине дополнительно мучился пусть даже и преступник. И они стреляли под череп, в шею снизу вверх, целясь в первый шейный позвонок. В этом месте находится нервный узел, соединяющий мозг со всем телом, и при его разрушении смерть наступает мгновенно.

401. Процедура казней в СССР была такой. Приговоренного сначала вводят в комнату, в которой находятся палач и прокурор, надзирающий за приведением приговоров в исполнение. Прокурор сверяет анкетные данные приговоренного с приговором, чтобы по ошибке не казнить не того. Затем прокурор сообщает приговоренному и — это главное — палачу, что данный преступник приговорен к смертной казни судом, имеющим на это право, а все законные прошения приговоренного о помиловании отклонены тем органом власти, который имеет на это право. В 30-е годы, когда расстрелов было много, эту процедуру проводили со всеми приговоренными перед казнью, а потом начиналась собственно казнь. Палачей берегли от чрезмерного нервного напряжения, и расстрелы каждый день не проводились. Даже в пик чисток и даже в Москве расстрелы проводились от 1 до 15 дней в месяц, в среднем 7-8. (В сентябре 1937 г. было 15 «расстрельных» дней, в сентябре 1938 — 1).

После того, как палач убеждался, что никаких ошибок и неясностей нет, его помощники вели приговоренных в камеру собственно расстрелов, где палач делал преступнику смертельный выстрел. Утверждают, что приговоренный к смерти часто впадает в ступор и не сопротивляется. В этом случае палач имеет возможность прицелиться и выстрелить снизу вверх в первый шейный позвонок. Если приговоренный бьется в руках помощников, то тогда, конечно, палачу не до прицеливания и выстрел следовал прямо в голову, чтобы прекратить мучения приговоренного. Затем врач убеждался в том, что у казненных остановилось сердце.

402. Таким образом, безусловным почерком палачей НКВД был выстрел в шею — в первый шейный позвонок. И именно такой выстрел отметила следственная бригада ГВП в Харькове и Катюни, причем в Харькове они эксгумировали останки на кладбище, где безусловно хоронились преступники, расстрелянные НКВД, а не немцами. А до Медного немцы вообще не дошли. Нынешние геббельсовцы дали нам и число — 60% выстрелов в шею были безусловным почерком НКВД. А в 1943 г. немцы, эксгумируя тела поляков в Катюни, тоже сделали данное исследование и зафиксировали число [91]. Давайте теперь численные данные сведем в табличку и посмотрим, что получится.

Место расстрела
Оружие
Выстрел, %
В голову
В шею
Харьков и Медное
Советское
40,0
60,0
Катюнь
Немецкое
98,5
1,5

Теперь давайте посмотрим на последнюю колонку и на то, чьим оружием производился расстрел, и оценим собственное мнение. Какое оно у вас? Если бы я расследовал не фальсификацию этого дела Генпрокуратурой и архивистами России, а вопрос, кто убил польских офицеров в Катюни, то, дойдя до этого места, всю работу бросил бы; зачем? Что — не ясно, кто этих поляков в Катюни убил? Но я расследую другое дело...

Давайте как-то систематизируем рассмотренное. Не знаю, какое убеждение сложилось у вас, судей, возможно, вы знаете какие-то факты, которых не знаю я, или у вас есть собственные логические схемы, которые я не рассмотрел в этой главе. Но мое убеждение таково.

Какой-либо диалог с поляками бесполезен. Даже польскому народу ситуацию не просто объяснить, поскольку поляки уже европейцы и немотивированное убийство пленных им понятно и для них абсолютно вероятно. Но мы и не доберемся до польского народа, поскольку между нами и им стоит и нынешний режим России, и польская шляхта, которая алчно, подло и нагло фальсифицирует это дело и превращает его в предмет разжигания ненависти поляков к русским.

Я уже писал, как мне сообщили в посольстве Польши, что 800 тысяч поляков мечтает получить с России денежную компенсацию за Катынь, и это не просто алчный обыватель, возмечтавший о халяве. Это организация, союз «Катынских семей», имеющая свое управление, знамена, хоругви [92]. Это вам не какая-то Польская объединенная рабочая партия, тут люди запах денег чуют.

Далее, бригада Геббельса за 60 лет не смогла придумать мотива убийства пленных польских офицеров Советским Союзом. Поступившие в ее распоряжение архивы СССР не помогают: от лучших умов геббельсовцев в этом вопросе толку нет. А это убеждает, что и в дальнейшем они уже ничего не придумают. В то же время мотив убийства поляков немцами настолько открыт, ясен и ими же и подтвержден документально, что бригада Геббельса и вспоминать о нем боится.

Бригада Геббельса в своей безмозглой деловитости собрала неопровержимые численные доказательства, что почерк расстрела поляков в Катыни кардинально отличается от почерка расстрелов палачей НКВД. С учетом того, что палачи НКВД расстреливали приговоренных советским оружием, а в Катыни поляки убиты немецким, этот факт неопровержимо свидетельствует, что поляков в Катыни убили немцы. Но поскольку нам этот вопрос уже не интересен, оценим то, что делала следственная бригада Главной военной прокуратуры СССР, а затем — России.

Вместо определенной Уголовно-процессуальным кодексом эксгумации останков только специалистами, предупрежденными об уголовной ответственности, следственная бригада ГВП на советских кладбищах устроила антисоветское пропагандистское шоу с массовыми гуляниями, разве что без танцев. По могилам не топтался и не собирал сувениры разве что ленивый. Обязанный наблюдать за законностью эксгумации полковник Третьцкий правил вместе с ксендзом католические богослужения [93], а в это время поляки имели возможность тащить из могил или подкладывать в них все, что угодно.

Тем не менее, свидетельства, сделанные непосредственно с мест эксгумации (фотографии ксендза Пешковского, кадры фильма «Память и боль Катыни», заверенные двумя генералами, тремя полковниками, подполковником и майором ГВП РФ, доказывают, что следственная бригада не нашла никаких доказательств даже того, что на обследованных кладбищах похоронены хоть какие-нибудь поляки.

Происхождение появившихся через несколько лет «вещественных доказательств» сомнительно, поскольку, по заверенным полковником Радевичем показаниям Пешковского, они не приобщались к уголовному делу, а все увозились в Польшу. Найденные «документы и газеты», пролежавшие в болотной жиже грунтовых вод 50 лет — явная фальшивка, и то, что ГВП этими фальшивками оперирует, говорит о том, что ГВП дело не расследует, а подло фальсифицирует.

Об этом говорит и то, что ГВП нагло брешет в своих официальных документах: найдя всего 62 простреленных и неизвестно чьих черепа, прокуроры утверждают, что обследовали 167 останков поляков. Найдя до двух десятков простреленных черепов, пишут, что обследовали 243 останка поляков. Явная и подлая ложь каких-либо сомнений в ее умышленности не оставляет.

И еще один моментик. По свидетельству ксендза Пешковского, в разрытых могилах было много ценностей — обручальных колец, цепочек, нательных крестов, орденов, золотых зубных коронок. Поскольку только незначительная часть могил могла быть польскими, то, следовательно, крайне незначительная часть этого золота и антиквариата оформлена следственной группой как вещественные доказательства по уголовному делу

№ 159. А куда прокуроры дели остальные ценности, кому продали, заплатили ли налоги? Это вопрос!

Но оставим на время нынешних геббельсовцев и займемся тем, как фальсифицировал Катынское дело их предшественник и учитель — доктор Йозеф Геббельс под руководством Адольфа Гитлера.

Глава 8. Фальсификация Катынского дела немцами и поляками в 1943 г.

Бригада Геббельса в 1943 г.

403. Напомню, что для немцев Катынское дело было решающим пропагандистским сражением войны, благодаря которому немцы объединяли вокруг себя Европу под знаменами борьбы с жидобольшевизмом. Показывая тогдашним европейцам трупы других европейцев — польских офицеров, — немцы вкладывали в сознание жителей Европы страх того, что с ними будет, когда вслед за русскими казаками, английскими сипаями и американскими неграми в Европу ворвутся и русские, английские и американские евреи с мстью за предвоенный европейский антисемитизм.

404. Поэтому немцы к этому делу подходили ответственно: им лично руководил Гитлер, Геббельс сам руководил кампанией прессы в освещении Катынского дела, Риббентроп руководил внешнеполитической стороной этого вопроса и, в частности, подбором за рубежом тех лиц, кого можно было пригласить оттуда на осмотр трупов. В их числе были и писатели, и журналисты, и судмедэксперты, и прочие, кто за деньги способен был написать для немцев в прессе нужный пропагандистский материал. Однако это были не просто желающие — специально оговаривалось, что это должны быть люди антибольшевистских или антисемитских убеждений [1].

405. Но это одна сторона вопроса. Ненавистью к евреям подбор кадров не ограничивался — в Смоленске тщательно готовились и те, кому полагалось встречать делегации. Место, которое до прихода немцев в Смоленск было излюбленным местом гуляний смолян, было обнесено колючей проволокой, сделаны ворота. Помимо того, что его охраняла жандармская часть, укомплектованная поляками в немецкой форме, дополнительно были присланы и чисто немецкие жандармы [2]. В Катыни действовала немецкая рота пропаганды и специальные офицеры, к которым Геббельс предъявлял высокие требования. На уже упомянутых инструктажах он приказывал: «Международный Красный Крест, приглашенный не только нами, но и поляками, не может более уклоняться от этого приглашения, иначе мы обрушимся на Красный Крест. Мы должны принять его очень вежливо, безо всякой пропагандистской тенденции. Мы скажем: „Нам нужна правда!“ Немецкие офицеры, которые возьмут на себя руководство, должны быть исключительно политически подготовленными и опытными людьми, которые могут действовать ловко и уверенно. Такими же должны быть и журналисты, которые будут при этом присутствовать. Министр, между прочим, считает целесообразным, чтобы присутствовал кто-то из круга министерской конференции, чтобы в случае возможного нежелательного для нас оборота дела можно было соответствующим образом вмешаться. Некоторые наши люди должны быть там раньше, чтобы во время прибытия Красного Креста все было подготовлено и чтобы при раскопках не натолкнулись бы на вещи, которые не соответствуют нашей линии. Целесообразно было бы избрать одного человека от нас и одного от ОВК, которые уже теперь подготовили бы в Катыни своего рода поминутную программу» [3].

Вы видите, что будучи умным человеком, Геббельс не скрывал от подчиненных, что Катынское дело это фальшивка. Не скрывал, чтобы позволить подчиненным действовать осмысленно, не заблуждаться и тем самым не допустить ошибки. Он прекрасно понимал, что «кадры решают все» (ему, кстати, принадлежат и слова: «Я не Сталин, но я им стану») и требовал отобрать для Катыни самых умных офицеров и журналистов, дать им время на осмысление ситуации и на подготовку к тому, что нужно делать, если при раскопках рее эти комиссии наткнутся «на вещи, которые не соответствуют нашей линии». А то, что там такие вещи есть, Геббельс, как видите, не сомневался. Главное было, чтобы на них не наткнулись. И заметьте, никакой самостоятельности для приезжающих комиссий не допускалось — программа их пребывания должна была быть расписана даже не по часам, а по минутам — посмотри на то, что тебе показывают «ловкие офицеры», и будь здоров!

406. Как вы помните из первой части этой книги, гестапо послало гонцов сообщить полякам армии Андерса о том, что польские офицеры расстреляны русскими, еще в декабре 1941 года. У нас обязан возникнуть вопрос — а почему немцы не растрюбили об этом на весь мир уже тогда, в конце 1941-го? Причем, если бригада Геббельса об этом факте молчит, то уж о следующем молчать не может.

407. Могилы с польскими офицерами немцы закопали так небрежно, что их даже зимой, в январе 1942 г., нашли поляки, служившие в немецкой армии [4]. Убедившись, что это могилы польских офицеров, поляки поставили на них кресты. Надо представить и обстановку в Катыни. Здесь

дислоцировался штаб немецкой группы армий «Центр», и был построен командный пункт Гитлера на Восточном фронте. То есть, район Катыни был перенасыщен немецкими войсками и штабными частями. И вот польские солдаты вермахта в начале 1942 г. сообщили о находке немецкому командованию. И что? Ничего! Польский геббельсовец Ч. Мадайчик пишет о немцах, что «они не проявили к этому особого интереса» [5]. А почему? У них что, все министерство пропаганды в декретный отпуск ушло во главе с Геббельсом? С 5-го декабря 1941 г. по 20 августа 1942 г. как раз на группу армий «Центр» шли непрерывные атаки советских войск. Гитлер дал войскам группы «Центр» приказ «Ни шагу назад!», названный самими немцами «Стоп-приказом». 15 января 1942 г. Гитлер снял за отступление командующего 9-й армией генерал-полковника Штрауса. Кейтель об этой страшной зиме пишет: "...катастрофы удалось избежать только благодаря силе воли, настойчивости и беспощадной твердости Гитлера. Если бы продуманный план поэтапного отступления в том виде, в каком его желала осуществить в своем узколобом, эгоистическом и диктуемом бедственной ситуацией ослеплении тяжело теснимая и страдающая от жутких холодов (этой причины апатии) группа армий «Центр», не был перечеркнут неумолимым, бескомпромиссным противодействием и железной энергией фюрера, германскую армию в 1941 г. неизбежно постигла бы судьба наполеоновской армии 1812 г. Это я как свидетель и участник событий тех страшных недель должен сказать совершенно определенно! Все тяжелое оружие, все танки и все моторизованные средства остались бы на поле боя. Сознавая возникшую таким образом собственную незащищенность, войска лишились бы также ручного оружия и, имея за своей спиной безжалостного преследователя, побежали бы.

...К началу января 1942 г. на всем Восточном фронте удалось изменить существовавшую до начала декабря группировку войск и создать более или менее упорядоченный фронт обороны. Ни о каком зимнем покое не могло быть и речи. Русские проявляли себя крайне активно и переходили в наступление во многих местах чрезвычайно ослабленного потерями и удерживаемого чуть ли не одними боевыми охранениями растянувшегося тонкой линией фронта. Инициатива находилась в руках врага — мы были вынуждены перейти к обороне и расплачивались за это ощутимыми потерями.

... Сухопутные войска потеряли за первые месяцы зимы более 100 тыс. человек, в декабре 1941 г. и начале 1942 г. — вдвое больше. Армия резерва отдала всех новобранцев, включая контингент 1922 г. рождения" [6].

И немцам, чтобы усилить стойкость своих солдат в этой ужасной для них обстановке, не потребовался устрашающий пример того, что русские делают со взятыми в плен?!

408. Причина молчания немцев единственна и она, разумеется, в другом. Если немцам в январе 1942 г. закричать, что русские расстреляли поляков, то придется тут же раскрыть могилы. А польских офицеров немцы расстреляли осенью 41-го, тела лежали в могилах только 3-4 зимних месяца, они сохранились, как в морге. Они никак не были похожи на тела, которые лежали в могиле с мая 1940 г., т.е. два лета. Никто бы не поверил, что они лежат так долго. Вот это единственная причина, почему немцы в Катыни спотыкались о кресты, поставленные на могилах польских офицеров, но до весны 1943 г. ни звука не испустили по этому поводу. Но это, разумеется, и неопровержимое доказательство того, что поляков в Катыни расстреляли немцы, настолько неопровержимое, что нынешние геббельсовцы предпочитают о нем молчать либо лепетать нечто идиотское, типа лепета Ч. Мадайчика про отсутствие у немцев «интереса».

409. Но вот с начала весны 1943 г. в Катыни начинается работа комиссии под председательством немецкого профессора Г. Бутца. Специалист он замечательный: его не только ценил доктор Геббельс и гестапо, о нем высоко отзывается и весь нынешний состав бригады Геббельса.

Вместе с ним работали столь же высокопрофессиональные специалисты судебной медицины из всех вассальных Германии стран, а также из Испании и Швейцарии, тщательно отобранные Риббентропом по принципу наличия антисемитских взглядов.

410. Правда, немцы не всегда церемонились. Среди членов геббельсовской комиссии был чехословацкий профессор судебной медицины Ф. Гаек, и он так описывал в 1952 году принцип формирования комиссии: «Тогдашнее министерство внутренних дел протектората передало мне приказ гитлеровских оккупантов направиться в Катынский лес, указывая при этом, что если я не поеду и сошлюсь на болезнь (что я и делал), то мой поступок будет рассматриваться как саботаж и в лучшем случае я буду арестован и отправлен в концентрационный лагерь». Строга была бригада Геббельса. И вот эта «международная комиссия» с угрозой концентрационного лагеря «в лучшем случае» приступила к написанию отчета со «своими» выводами по Катынскому делу. «Небезынтересно, — пишет Гаек, — происходило также составление тогдашнего отчета с подписями судебно-медицинских экспертов из оккупированных европейских стран. Некоторые не владели в такой степени немецким языком, чтобы

суметь написать научный отчет. Написал его и стилизовал немецкий врач из Бреславля Бутц...» [7].

411. Не менее интересно происходило и подписание отчета, о чем свидетельствует уже другой член международной комиссии, болгарский судмедэксперт Марко Марков. Утром 1 мая 1943 года международная комиссия, побыв в Катыни 2 дня и вскрыв 9 трупов, вылетела обратно, но вместо Берлина самолет неожиданно приземлился на глухом уединенном аэродроме. «Аэродром был явно военным, — рассказал доктор Марков. — Там мы обедали, и сразу после обеда нам предложили подписать экземпляры протокола. Нам предложили их подписать именно здесь, на этом изолированном аэродроме!» [8]

412. Правда, нынешняя бригада Геббельса этим членам международной комиссии уже категорически не верит.

Вот, к примеру, Мадайчик пишет: «...правдоподобность изменения мнения М. Маркова умяляет тот факт, что в 1944 году он вошел в конфликт с болгарской народной властью, был арестован и должен был идти под суд „за участие в провокационном катынском деле“. Но после того как он поставил под сомнение свою подпись под протоколом международной медицинской комиссии, его освободили» [9].

Правдоподобность повествования самого Мадайчика сильно умяляют следующие факты.

Во-первых. Помимо общего протокола каждый член комиссии писал свое собственное заключение на родном языке. Марков в этом заключении не сделал выводов о том, что поляки убиты в 1940 году, и, несмотря на то, что впоследствии немцы сильно на них настаивали, он не сделал их и впоследствии.

Во-вторых. По этой причине «народная власть» не могла иметь претензий к Маркову, и он сам явился в софийский суд с заявлением о катынском деле в январе 1945 года, когда в Болгарии была власть многопартийного Отечественного фронта. Коммунисты пришли к власти в Болгарии только в 1946 году.

413. А профессор Гаек выпустил в Праге брошюру «Катынские доказательства» в 1945 году, в правление чешского аналога польского Сикорского, но только более умного, — Бенеша. В Чехословакии, кстати, в это время находились не только советские войска, но и американские. причем наши покинули Чехословакию раньше американцев.

414. Итак, эта комиссия подготовила рукой Бутца акт и подписала его на неизвестном аэродроме. На основании этого акта немцы опубликовали в 1943 г. в своей прессе «Официальный материал», от которого нынешняя бригада Геббельса в восторге. «Проводимые с немецкой дотошностью эксгумационные работы...» [10] — хвалят геббельсовцы профессора Г. Бутца, нимало не смущаясь, что медицинские выводы Бутца были сделаны на основе околонуточного бреда, о чем геббельсовцы нам через 200 страниц тоже сообщают: «Предложенный венгерским профессором Ф. Оршосом метод псевдокаллуса (датировка по солевым отложениям на внутренней поверхности черепа) не нашел достаточного последующего подтверждения медицинской практикой» [11].

Противопоставляя эту замечательную по своей научной бредовости работу тому, что впоследствии расследовала в Катыни советская комиссия под руководством академика Бурденко, «эксперты» прокурорской части геббельсовцев так оценивают изделие Г. Бутца: «1. „Официальный материал...“ имеет вполне ясную структуру изложения и фактически приводит относительно полные данные о характере тех действий, которые были осуществлены в ходе эксгумации в апреле-июне 1943 г.. дает протокол исследования массовых могил и выводы экспертизы, которые подписали участники международной комиссии врачей» [12].

А польские профессора различных наук, которые провели «экспертизу» заключения комиссии Бурденко и нашли его фальшивым [13], даже и в мыслях не держали проанализировать на этот счет и «Официальный материал...» немцев — как можно! Жена Цезаря — вне подозрений!

415. Все «расследование» немцев, помимо бредовых медицинских выводов, было построено на сборе у трупов документов и утверждении, что среди этих документов нет бумаг с датами позже мая 1940 г. Эти бумаги то ли в 9-ти, то ли в 14-ти ящиках числом 3184 единицы перевозились на двух грузовиках [14]. Поскольку исполнены катынские документы были на польском и русском языках, то наверняка немцы где-нибудь какую-нибудь дату упустили и мы можем немцев уличить, если посмотрим эти документы заново. Черта с два!

При наступлении советских войск немцы эти документы перевезли из Кракова под Дрезден, а когда стало ясно, что поражение Германии неминуемо, как пишет известный геббельсовец Ч. Мадайчик, «здесь начальник железнодорожной станции при приближении советских войск сжег в соответствии с распоряжением документы» [15]. Как вам это нравится. Бригада Геббельса пытается сделать вид, что ничего особого не произошло — дескать, это обычное дело, когда подсудимый уничтожает оправдывающие его документы. И те читатели, кто с этим согласен, может идти в

посольство Польши и требовать себе польский паспорт — он поляк! Я же до такого состояния еще не дошел и утверждаю, что немцы сожгли эти документы именно потому, что в них содержалось доказательство их вины. И этих доказательств было много.

416. К примеру. Фотокопии части найденных в могилах документов немцы опубликовали в 1943 г. в книге «Официальные материалы о массовом убийстве в Катynie». До захвата советских архивов геббельсовцами в 1991 г. директором Центрального государственного особого архива СССР, в котором хранились документы на польских военнопленных, был В.Н. Прибытков. И он пишет об этих «Официальных материалах...» немцев:

«...Решающий документ, приведенный в книге, представляет собой свидетельство о гражданстве, выданное капитану Стефану Альфреду Козлинскому в Варшаве 20 октября 1941 г. (с. 330). То есть этот документ, содержащийся в официальном немецком издании и извлеченный из катынской могилы, полностью перечеркивает версию гитлеровцев о том, что расстрелы были произведены весной 1940г., и показывает, что расстрелы производились после 20 октября 1941 г., то есть немцами» [16].

Немцы имеют репутацию людей, которые все делают очень тщательно, и если уж у них подобные документы попали даже в итоговые «Официальные материалы...», то сколько же их было в этих 14 сожженных ящиках?

Уничтожение свидетелей немецко-польскими геббельсовцами

417. Ну хорошо, вещественные доказательства немцы уничтожили, но ведь еще остался профессор Бутц. Он-то после войны что показал о расследовании дела, которое возглавлял? Нынешние геббельсовцы об этом молчат, даже не обращают внимания на своего старого брехуна Л. Ежовского, который по обыкновению врет, что Бутц, дескать, погиб под бомбежками авиации союзников [17]. Поскольку польский историк Ромуальд Святэк этот вопрос высветил: профессора Бутца убили не союзники, а сами немцы в 1944 г. [18] А это как вам нравится? Вещественные доказательства уничтожили, главного свидетеля — убили!

418. В 1943 г. в Катynie по принуждению немцев давали лживые «свидетельские» показания приезжающим «международным комиссиям» Годезов и Сильвестров. Интересно, а какие показания они дали после освобождения Смоленска? Никаких. Юстиции подполковник Яблоков в этом случае лапидарен: «Как показало расследование, Годезов и Сильвестров внезапно умерли в 1943 г.» [19]. И все. Как вы понимаете, если бы им помог умереть НКВД, то Яблоков употребил бы для воплей все свое косноязычие. А тут молчит. Не хочет порадовать нас подвигами гестапо.

419. Ну ладно, главного свидетеля фальсификации Г. Бутца и часть местных свидетелей геббельсовцы убрали. Но ведь были и еще лжесвидетели: 73-летний П. Киселев и 28-летний И. Кривоцерцев. В 1943 г. в Катynie эти свидетели тоже рассказывали различным немецким «полуответственным» комиссиям, как НКВД расстреливало поляков. Когда наши войска освободили Смоленск, Киселев явился в НКВД и повинился в том, как не устоял перед гестапо и оклеветал Родину. А Кривоцерцев сбежал с немцами, т.е. остался тверд в своих показаниях. Неплохо было бы послушать его послевоенные рассказы. Не получится. Следователь ГВП подполковник А. Яблоков так об этом сообщает: «Именно так поступили с важнейшим свидетелем Иваном Кривоцерцевым (псевдоним — Михаил Лобода), который дал немцам показания о том, что в Катынском лесу сотрудники НКВД расстреляли польских военнопленных, и указал места их захоронения. Как было установлено, осенью 1946 г. в составе 2-го танкового корпуса Кривоцерцев прибыл в Великобританию. В октябре 1948 г. британские власти в ответ на запросы польской армейской разведки сообщили, что Кривоцерцев умер в 1947 г., но отказались сообщить подробности. Ходили слухи, что Кривоцерцев повешен или сам покончил жизнь самоубийством» [20].

Предварительно замечу, что по словам тех, кто знал Яблокова по работе в ГВП, этот подполковник крайне туп и косноязычен. Поэтому хотя он и ссылается, что приведенные им факты занесены в тома 2/54 и 25-й уголовного дела № 159, но нельзя гарантировать, что они занесены именно так. По Яблокову получается, что Кривоцерцев боролся с фашизмом в рядах британской армии, а потом какая-то польская армейская разведка захотела с ним переговорить. (Интересно, сообщил ли начальник этой армейской разведки польскому генштабу, что он вошел в контакт с британским правительством, или, по мнению Яблокова, это излишне?) И, как видите. Главная военная прокуратура убеждена, что ее дело № 159 рассматривать будут либо идиоты, верящие, что у каждого русского крестьянина кроме имени, отчества и фамилии был еще и запасной паспорт с псевдонимом, либо подонки, которые будут делать вид, что вот эта яблоковская галиматья — это и есть то, что называют расследованием уголовного дела.

Упомянутый мною геббельсовец Леопольд Ежовский не знал, что Яблоков о Кривоцерцеве будет

брехать именно так, поэтому и написал, как происходило дело. Кривоцерцев удирал с немцами и сдался американцам, те вместо того, чтобы выдать его СССР, переправили его в Италию, во 2-ой польский корпус армии Андерса, поляки сделали ему фальшивый паспорт на украинскую фамилию Лобода и вывезли с собою в Лондон. И вот когда это обнаружилось, Кривоцерцева и нашли повешенным [21]. Как видите, не только немцы уничтожали свидетелей фальсификации, но и поляки. Кстати, все свидетели Катинского дела, кем бы они при немцах ни служили, попав в руки советского правосудия остались в живых. Бургомистр Смоленска Меньшагин, повторю, умер в глубокой старости в возрасте 82 лет, находясь на полном пансионе в доме престарелых.

Но продолжим проскрипционный список бригады Геббельса.

Убийство прокуроров

420. Хотя со временем становится лучше видно, но со временем и многое забывается. В этом плане о фальсификации немцами и поляками Катинского дела нам многое могли бы рассказать тогдашние прокуроры. К примеру, советский прокурор, который должен был представить это дело суду на Нюрнбергском процессе, помощник советского обвинителя Николай Димитрович Зоря. Но в ходе этого процесса, 22 мая 1946 г., Н. Зоря в Нюрнберге был найден убитым в своем номере гостиницы. Расследование его смерти привело следователей к выводу, что это «неосторожное обращение с оружием» [22].

421. Сын его, Ю. Н. Зоря, к старости стал передовиком бригады Геббельса, он один из «экспертов» прокурорской ее части. Я с ним беседовал, и когда он мне сказал, что уверен в том, что его отца убило в Нюрнберге НКВД по приказу Берии, мне стало его просто жаль, несмотря на естественное отвращение к геббельсовцу, — нельзя же быть таким идиотом!

Ведь даже самоубийство помощника главного советского обвинителя Нюрнбергского процесса — это страшнейший скандал, это дискредитация и советского обвинения на процессе, и СССР! Кто бы в СССР такое разрешил?! Если бы Н. Зорю хотели убрать, его бы просто отозвали в Москву, скажем, «за новыми доказательствами», там осудили и, если требовалось, — расстреляли.

422. Вот, к примеру, А. Яблоков плачет о судьбе своего брата по совести и чести, одного из тогдашних «генералов Калугиных», собравшегося сдать американцам советских разведчиков.

"Тех же сотрудников НКВД, которые не сумели сохранить тайну, безжалостно уничтожали. В ходе расследования было поднято архивное уголовное дело в отношении В.Д. Миронова. Миронов, как и майор госбезопасности В.М. Зарубин, являлся кадровым сотрудником первого управления НКГБ СССР. В 1939-1940 гг. подобно тому, как Зарубин в Козельском лагере, он работал в Старобельском лагере. Оба они среди польских военнопленных вербовали агентуру для нужд внешней и внутренней разведки. В 1941-1944 гг. оба работали в США, где Миронов, заподозрив Зарубина в связи с иностранной разведкой, сообщил об этом своему руководству, после чего был отозван из США и приговорен к пяти годам лишения свободы.

Для организации побега из заключения Миронов решил прибегнуть к помощи американского посольства в Москве, пообещав в обмен на свое освобождение выдать совершенно секретные сведения о польской и советской агентуре в США и другие государственные тайны. В Бутырской тюрьме он познакомился с бывшим польским офицером А.М. Калиньским, которому рассказал о себе и своей работе, сообщив, что большинство польских военнопленных в Катинском лесу расстреляло НКВД и что из их числа была завербована агентура для работы в США, которая ему известна. Он просил Калиньского передать после освобождения письмо в посольство США. Калиньский отнес это письмо администрации тюрьмы. Миронов согласно статьям 58-1 "а" и 58-10 УК РСФСР за измену Родине был на основании постановления особого совещания от 28 июля 1945 г. расстрелян. Разумеется, история Миронова была скорее исключением, чем правилом" [23].

(Я понимаю, что вы не поняли, почему посадили доносчика Миронова, только впоследствии оказавшегося подонком-предателем. Я тоже не понял, но не удивляюсь, поскольку для работы в Генеральной прокуратуре России нынче нужна только подлость, умственные способности излишни).

Вот случай, казалось бы, аналогичный случаю с Н. Зорей — некто за рубежом предал. Причем такая мелкая сошка, что ее смерть заметили бы только в тогдашнем ЦРУ США. Но ведь и Миронова не убивают и не инсценируют ему самоубийства — его отзывают в Москву. Как же могли убить Н. Зорю, если его портреты тогда печатали все газеты мира? Бред!

423. Однако по мере того, как я просматривал все, что мне попадалось по Катинскому делу, у

меня начало возникать подозрение в том, что нашего прокурора в Нюрнберге действительно могли убить. Но кто? Тот, у кого был мотив, но не было возможности убрать Н. Зоря с процесса иным способом, нежели убийство.

Дело в том, что в 1946 г. было два правительства Польши — одно законное, находящееся в Варшаве, и одно самочинное, подкармливаемое англичанами в Лондоне по случаю начала холодной войны с СССР. Первое правительство имело на Нюрнбергском процессе свою официальную и признанную Трибуналом делегацию. Второе, естественно, не имело. И тогда лондонские поляки сварганили очень обширный документ: «Отчет о кровавом убийстве польских офицеров в Катынском лесу: факты и документы» и через английского обвинителя попытались протолкнуть его в Трибунал [24]. Но в Трибунале Катынским делом занимался Н. Зоря, следовательно, этим документом должен был заняться он.

А у польской шляхты специфические особенности ума, и ей, главное, надо не мешать говорить. Поскольку шляхта живет в своем мире, она плохо понимает, что говорит и как это воспринимается. Ведь мой «Катынский детектив» вызвал в Польше столько злобы не потому, что я нашел какие-то новые факты, а потому, что я проанализировал факты, собранные самой шляхтой.

Отсюда возникает такая версия убийства Н. Зори. Остальные прокуроры Трибунала на этот документ лондонских поляков не обратили внимания, а Н. Зоря обязан был его проанализировать. И если он был неплохим юристом, то, судя по всему, он мог найти в нем прямо противоположное тому, что хотела шляхта, — он мог найти в нем неопровержимые доказательства, что Катынское дело сфабриковано немцами. Он мог по наивности сообщить это британскому прокурору Х. Шоукроссу, а тот — полякам. И у поляков появлялась необходимость не дать Зоре выступить на Трибунале с анализом их галиматьи. Но как они могли это сделать иначе, нежели убить его? То есть, мотив убийства Н. Зори был только у лондонских поляков. И даты хорошо совпадают: в апреле произведение лондонских поляков издается в Лондоне, потом передается в Нюрнберг, а 27 мая гибнет Н. Зоря.

Еще один довод в пользу этой версии. Упомянутое произведение «Отчет о кровавом убийстве...» специальный комитет лондонских поляков стряпал больше года, но сегодняшние геббельсовцы о нем молчат. И я бы о нем ничего не знал, если бы геббельсовцам не потребовалось обругать обвинителя от СССР Р. Руденко за то, что он не дал защитнику адмирала Деница на Трибунале этот шедевр огласить [25].

Таким образом, версия убийства Н. Зори поляками — единственная, которая имеет обоснованный мотив, но, может быть, и не стоило бы уделять ей внимание, если бы Н. Зоря был единственным убитым прокурором Катынского дела.

424. Нынешние геббельсовцы убийство еще одного прокурора излагают так. «Планируемая комиссией Вышинского „подготовка польских свидетелей и их показаний“ встретила на своем пути значительные затруднения. Прокурору специального уголовного суда в Кракове Р. Мартини было поручено соответствующее задание. В ответ на его запрос в декабре 1945 г. он получил письменную экспертизу немецкого заключения, подписанную судебно-медицинскими экспертами профессорами Я. С. Ольбрахтом и С. Сегалевичем. Тщательно рассмотрев текст, они указали на его пробелы, ошибки и неточности, некоторые выводы назвали недостаточно доказанными. С одной стороны, они посчитали излишней немецкую обстоятельность (химический анализ под микроскопом, фотографирование в инфракрасных лучах и т.п.), а с другой — слишком кратким срок в 67 дней. Выводы членов международной комиссии были оценены как неполные и расходящиеся друг с другом. И уж совсем невыигрышным для использования в целях подкрепления выводов комиссии Бурденко было утверждение, что датировка убийства невозможна ни на основании судебно-медицинской экспертизы, ни при помощи анализа документов, которые легко подделать: Дальнейшие действия Р. Мартини невозможно предугадать, как и установить результаты его расследования. Однако точно известно, что через пять дней после заседания комиссии Вышинского и поручения готовить польских свидетелей и показания для Нюрнберга Р. Мартини был убит в своей квартире. Показания с членов Технической комиссии ПКК стал снимать генеральный прокурор Е. Савицкий. Эта его работа не привела к решению поставленной задачи» [26].

Итак, переведем написанное геббельсовцами на понятный язык. Оказывается, в плане подготовки к рассмотрению Катынского дела на Международном военном трибунале в Нюрнберге польский прокурор Р. Мартини должен был найти свидетелей преступления немцев. Таких еще было много. Когда в 1941 г. немцы захватили советские лагеря с польскими военнопленными офицерами, то не все офицеры стали радостно ждать немецкого плена. Часть, желающая сражаться, бежала, часть ушла с охраной этих лагерей. В основном это были польские офицеры-евреи, над которыми поляки, кстати, и в

советских лагерях издевались, называя, в частности, «курляями» [27]. И эти польские офицеры-евреи в 1946 г. еще не успели все выехать из Польши, поскольку еврейский погром в Кракове, в ходе которого поляками был убит по советским данным 291 еврей, а по израильским около 1000. прошел только осенью 1945 г. [28] Кроме офицеров-евреев были и офицеры-поляки, ушедшие из катынских лагерей. Такие свидетели на Нюрнбергском процессе имели бы, безусловно, огромное значение. А в том, что поляков убили немцы, Р. Мартини, как вы видели, не сомневался — профессора Ольбрахт и Сегалевич доказали, что заключение комиссии Бутца — это бред.

425. Однако Мартини не успел подготовить свидетелей, поскольку, как сообщают нам геббельсовцы, прилетели какие-то неизвестные геббельсовцам марсиане и убили прокурора Мартини, а заменившему его прокурору Савицкому приказали снимать никому не нужные показания с членов польского Красного Креста, от которых обвинению заведомо толку было как от козла молока. Таким образом, убив Мартини, марсиане не дали Польше выступить с обвинением в Нюрнберге.

Осталось выяснить, кем были эти марсиане. Когда советские войска освободили Польшу, то часть армии Крайовой влилась в Войско Польское и сумела хотя бы так послужить Польше. А часть осталась верной польскому правительству в эмиграции — осталась на нелегальном положении и сохранила с ним связь. Убил Мартини 30 марта 1946 г. солдат 16-й роты группы «Жильберт» именно этой части АК. Этот солдат с 1945 г. легально работал милиционером [29]. Было ему 19 лет, звали его С. Любич-Врублевский. Врублевский убил прокурора в паре со своей подружкой 17-летней И. Слапянкой [30]. (Это к вопросу, зачем поляки возили детей показывать черепа в разрытых могилах под Харьковом). Интересно и то, насколько сильны были тогда банды АК. Убийцы пытались выдать свое преступление за убийство с целью ограбления, когда через неделю их все же поймали, а через несколько дней сторонники АК дали Врублевскому бежать из тюрьмы Кракова. На свободе Врублевский сколотил свою собственную банду АК и был снова пойман только в декабре 1946г. [31]

Таким образом, если еще можно колебаться в вопросе того, убили ли Н. Зорю лондонские поляки или действительно имел место несчастный случай, то с убийством Мартини все ясно. Причем и Мартини был убит в то время, когда лондонские поляки просовывали на Трибунал свою фальшивку.

426. В 1943 г. на эксгумации трупов в Катини работала комиссия польского Красного Креста (ПКК). Считается даже, что она сама вела расследования, подсчитывала количество вырытых трупов и устанавливала их личность. Людей в этой комиссии было много, кроме того, множество побывавших в Катини прислали в ПКК свои отчеты. В результате у ПКК, фактически подчинявшемуся правительству Польши в эмиграции, накопился довольно приличный архив, собранный из показаний не только геббельсовских мерзавцев, но и порядочных поляков.

Поскольку вы уже должны были присмотреться к тому, что собой представляет бригада Геббельса, то угадайте с трех раз, сможем ли мы ознакомиться с документами архива ПКК? Правильно, вы угадали! Уже упомянутый мною геббельсовец Ч. Мадайчик пишет об этом так: «Документы Польского Красного Креста были уничтожены во время Варшавского восстания 1944 года, хотя имеется предположение, что часть их уцелела и пока не обнаружена» [32]. Теперь догадайтесь сами, поскольку геббельсовцы об этом молчат, по чьему приказу уничтожены или спрятаны эти архивы, если в ходе Варшавского восстания власть в Варшаве принадлежала ставленникам польского правительства в эмиграции?

427. По идее у нас для расследования фальсификации немцами Катинского дела в 1943 г. должен был быть огромный объем документов, включающий личные документы убитых; переписку немецких пропагандистских органов; отчет Бутца; список убитых пленных, опубликованный в Германии в 1943 г. и в Швейцарии в 1944; различные протоколы и отчеты ПКК; показания главных фальсификаторов; соображения ведущих следствие прокуроров. И ничего этого нет! Документы умышленно уничтожены немецкими и польскими геббельсовцами, важные свидетели убиты ими же, один прокурор точно убит геббельсовцами, второй — предположительно. Но, как и требовал от них Геббельс, все перечисленные злодеяния нынешние геббельсовцы называют «фанатичной жаждой правды».

428. Так что же у геббельсовцев осталось от 1943 г., кроме их болтовни? Они утверждают, что остались в Лондоне отчеты 1943 г. двух председателей комиссии ПКК в Катини: К. Скаржинского и М. Водзинского. О подлинности этих отчетов и спрашивать не приходится...

В сборнике документов 2001 г. геббельсовцы отдали предпочтение «фрагментам» из отчета Скаржинского, хотя «фрагменты из отчета» Водзинского очень невелики. Видимо, у Водзинского им не нравится излишняя для геббельсовца точность формулировок, типа "все пулевые ранения были произведены из пистолета при использовании боеприпасов фабричной марки «Geco 7,65D» или «почти в 20 процентах случаев у жертв руки были связаны за спиной плетеным шнуром» [33].

Поскольку геббельсовцы дали отчет Скаржинского, то и я его дам, но только в полном виде, а не в виде «фрагментов».

Бригада Геббельса о Катыни весной 1943 г. Отчет Технической комиссии Польского Красного Креста о ходе работ в Катыни

17 апреля 1943 года комиссия с временным составом из 3 человек приступила к работе, распределение которой было следующим:

- 1) г-н Ройкевич Людвик — исследование документов в секретариате тайной полиции;
- 2) г-н Колодзейский Стефан и Водзиновский Ежи — розыск и сохранение документов, обнаруженных на останках в катынском лесу.

В этот день, однако, в работе наступил перерыв в связи с приездом польской делегации, состоящей из офицеров-военнопленных, находящихся в офицерских лагерях в Германии. Прибыли:

- 1) подполковник кавалериц Моссор Стефан — офлаг П Е/К № 1449
- 2) капитан Цыльковский Станислав — офлаг П Е/К № 1272
- 3) подпоручик Ростовский Станислав — офлаг ПВ № 776/П/В.
- 4) капитан Клебан Эугениуш — офлаг П D №
- 5) подпоручик авиации Ровиньский Збигнев — офлаг П С № 1205/П/В
- 6) капитан танковых войск Адамский Константин — офлаг П С № 902/Х1/А.

Члены комиссии Польского Красного Креста имели возможность совместно осмотреть рвы, а также документы.

Поведение польских офицеров по отношению к немцам было сдержанным и достойным. В ходе короткой беседы в стороне они с явным удовлетворением приняли к сведению, что ПКК занимается исключительно технической стороной эксгумационных работ, полностью отмежевавшись от политической стороны.

19 апреля члены комиссии пытались связаться с поручиком Словенником, чтобы детально обговорить условия работы. Однако в тот день из-за отсутствия транспортных средств эти попытки окончились ничем. 20 апреля, после бесплодного ожидания до 14 час., Людвик Ройкевич, не имея другого выхода, отправился пешком в находящийся в 10 километрах секретариат тайной полиции, чтобы установить контакт со Словенником, но вернулся, поскольку по дороге встретил машину, в которой ехали новые члены комиссии ПКК в составе: 1) Кассур Хуго; 2) Яворовский Грациан; 3) Годзик Адам.

Вышеупомянутые члены комиссии выехали из Варшавы 19 апреля в 12.15 вместе с делегацией иностранных журналистов, в состав которой входили: швед, финн, испанец, бельгиец, фламандец, итальянец, чех и русский эмигрант из Берлина, а также пребывающий в Берлине профессор Леон Козловский, бывш. премьер правительства Речи Посполитой, и трое чиновников из отдела пропаганды в Берлине.

Техническую комиссию ПКК возглавил Хуго Кассур. В переговорах со Словенником были затронуты следующие проблемы:

- 1) размещение членов Технической комиссии ПКК;
- 2) место для работы;
- 3) средства передвижения для членов Комиссии ПКК;
- 4) организация работы Комиссии;
- 5) хранение документов;
- 6) выбор места для братских могил.

По причине удаленности Катыни от Смоленска (14 км) и отсутствия транспортных средств, члены Технической комиссии были размещены в отдельном бараке в деревне Катынь в имении Борек, до войны 1914-1918 гг. принадлежавшем пану Лед-ницкому и находящемся в 3,5 км от Козьих Гор, где были убиты польские офицеры. В то время там находился полевой госпиталь организации Тодта. В этом имении члены Технической комиссии пробыли с 15 апреля до 20 мая, после чего их переселили в помещение сельской школы возле станции Катынь, где они проживали с 20 мая по 7 июня 1943 г. По договоренности со Словенником полный дневной рацион они получали на месте из офицерского клуба организации Тодта, причем рацион был такой же, как у частей в прифронтовой полосе. Следует отметить, что питание членов комиссии было удовлетворительным.

Из-за отсутствия подходящих помещений в лесу, работа по изъятию и изучению документов была вынужденно распределена следующим образом: изъятие документов и повторное захоронение останков производилось на месте, то есть в катынском лесу, а предварительное изучение документов — в секретариате тайной полиции, находящемся в 6 км от катынского леса по направлению к Смоленску.

Пор. Словенчик считал, что ПКК должен прислать в Катынь собственные средства передвижения. Когда ему объяснили, что все машины ПКК давно реквизированы, транспортная проблема была решена следующим образом:

а) для проезда в катынский лес, расположенный в 3,5 км от места проживания, членам комиссии разрешалось останавливать на шоссе военные машины. То же касалось возвращения;

б) для проезда в бюро секретариата тайной полиции, находящееся в 10 км, присылали мотоцикл.

Распределение обязанностей между членами комиссии было следующее:

а) 1 член — при эксгумации трупов;

б) 2 члена — при обыске трупов и изъятии документов;

в) 1 член — при проверке порядковых номеров трупов перед перенесением их в братские могилы;

г) 1 член — при повторном захоронении трупов;

д) 2-3 члена — при прочтении документов;

е) с 28 апреля, т.е. с момента прибытия членов комиссии — Водзинского Мариана, Куприяка Стефана, Миколайчика Яна, Круля Франтишека, Бучака Владислава, Плонки Фердинанда, — судмедэксперт доктор Мариан Водзинский с помощью лаборанта из краковского анатомического театра производил детальный осмотр трупов, которые не удавалось идентифицировать по документам.

Последовательность работ была следующей:

а) откалывание и извлечение на поверхность останков,

б) изъятие документов,

в) осмотр врачом неидентифицированных останков,

г) захоронение останков.

Время работы было установлено с 8 до 18 часов с полуторачасовым перерывом на обед.

Комиссия отмечает, что извлечение останков было сопряжено с большими трудностями, так как они были сильно спрессованы, хаотически сброшены в рвы, частью с руками, связанными за спиной, частью со снятыми и наброшенными на голову шинелям; причем шинели были на шее стянуты шнурами, руки же связаны за спиной и также подвязаны шнуром, который был прикреплен к шнуру, стягивающему шинель на шее. Так связанные трупы находились главным образом в специальном рве, залитом грунтовыми водами, из которого извлечено только членами комиссии ПКК 46 жертв. Немецкие военные власти в связи с тяжелыми условиями при эксгумации такого рода хотели вообще этот ров засыпать. Только в одном из рвов найдено около 600 трупов, уложенных ровными рядами лицом к земле.

Большую трудность представляло отсутствие достаточного количества резиновых перчаток. Извлечение трупов производилось окрестными жителями, которые были мобилизованы германскими властями.

Вынесенные на носилках из рвов трупы укладывали в ряд и приступали к поиску документов таким образом, что каждый труп отдельно обыскивали двое рабочих в присутствии одного члена комиссии ПКК. Рабочие разрезали все карманы, извлекали содержимое, вручая все найденные предметы члену комиссии ПКК. Как документы, так и найденные предметы вкладывались в конверты, носящие очередной номер, причем тот же номер, выбитый на металлической пластинке, прикреплялся к трупу. С целью более тщательного и детального поиска документов распарывали даже белье и обувь. В случае обнаружения каких-либо документов или памятных предметов вырезались монограммы (если таковые имелись) с одежды или же белья.

Члены комиссии, занятые поиском документов, не имели права их просмотра и сортировки. Они обязаны были только упаковывать следующие предметы:

а) бумажники со всем их содержимым;

б) всевозможные бумаги, найденные россыпью;

в) награды и памятные предметы;

г) медальоны, крестики и пр.;

д) погоны;

е) кошельки;

ж) всевозможные ценные предметы.

При этом они могли убирать: отдельные банкноты, газеты, мелкие монеты, мешочки с табаком, бумагу для свертывания сигарет, портсигары деревянные и жестяные. Такое распоряжение было дано немецкими властями с тем, чтобы не перегружать содержимого конвертов. Наполненные таким образом конверты, перевязанные проволокой или бечевкой, в порядке номеров укладывали на подвижном столе, специально предназначенном для этой цели, затем их принимали немецкие власти и отправляли

мотоциклом два раза в день, то есть в полдень и вечером, в бюро секретариата тайной полиции. Если документы не умещались в одном конверте, их помещали во второй, имеющий тот же номер.

В бюро секретариата тайной полиции документы, доставленные военным мотоциклистом, вручали германским властям. Предварительное изучение документов и установление фамилий проводилось при участии трех немцев и представителей Технической комиссии ПКК. Вскрытие конвертов проводилось в присутствии поляков и немцев. Документы, в том состоянии, в котором они находились при останках, тщательно деревянными палочками очищались от грязи, жира и гнили. В первую очередь делался упор на поиск тех документов, которые дали бы неопровержимую возможность установить фамилию и имя жертвы. Эти данные получались из документов, удостоверяющих личность, или из паспортов, служебных удостоверений, мобилизационных карточек либо свидетельств о прививках в Козельске. При отсутствии такого рода документов исследовались другие, такие, как:

корреспонденция, визитные карточки, записные книжки, листки с записями и т. п. Бумажники и кошельки с банкнотами эмиссии Польского Банка сжигались, банкноты в иностранной валюте, кроме русской, так же, как все монеты и золотые предметы, складывались в конверты. Установленные фамилии, так же, как и содержимое конверта, записывал на отдельном листе бумаги немец на немецком языке под тем же номером. Комиссия разъясняет, почему первоначально списки составлялись только на немецком языке. Немецкие власти заявили, что списки с фамилиями будут немедленно отсылаются в Польский Красный Крест, как и документы после их использования. В связи с вышеизложенным у комиссии не было повода составлять второй список, тем более что в начальной фазе работы персонал Технической комиссии ПКК был очень малочисленным. Если возникали трудности с расшифровкой анкетных данных, то под очередным номером записывалось «личность не установлена», однако найденные документы перечислялись. Такие документы пересылались немецкими властями в специальную химическую лабораторию для более детального исследования. В случае получения положительного результата фамилия жертвы вносилась под тем же номером, но в дополнительный список. Следует также отметить, что среди убитых были и останки без всяких документов либо памятных знаков. Однако и они снабжались порядковым номером и примечанием в списке «личность не установлена».

После записи на листе бумаги о содержимом конверта документы либо предметы вкладывались в новый конверт, снабженный тем же номером, на конверте также перечислялось его содержимое. Эту операцию выполняли немцы. Таким образом, просмотренные, рассортированные и пронумерованные конверты складывались в порядке нумерации в ящики. Они оставались в исключительном распоряжении германских властей. Списки, напечатанные немцами на машинке на немецком языке, не могли быть сверены комиссией с черновиком, так как она уже не имела к ним доступа. По такой системе работы производились от № 0421 [до] № 794 в присутствии г-на Людвика Ройкевича. При установлении личности №№ 795-3900 присутствовали члены Комиссии Цупрыяк Стефан, Яворовский Грациан и Миколайчик Ян. Способ работы вышеназванных лиц был практически такой же, с той лишь разницей, что списки они составляли уже на польском языке и по мере возможности пересылали их в Гл[авное] управление ПКК. От № 3900 до № 4243 присутствовал г. Водзиновский Ежи, сохраняя ту же самую методику работы. Идентификация тел №№ 1-112 и 1-420 до прибытия Комиссии ПКК производилась исключительно немцами. Одновременно комиссия подчеркивает, что при изучении документов дневники, воинские приказы, некоторые письма и т. п. забирались германскими властями для перевода на немецкий язык. Все ли они были возвращены и вложены в соответствующие конверты, комиссия утверждать не может.

Во время работы Технической комиссии ПКК в Катынском лесу в период с 15 апреля по 7 июня 1943 года эксгумировано всего 4243 трупа, из которых 4233 изъято из семи могил, находящихся на небольших расстояниях одна от другой и раскопанных в марте 1943 года германскими военными властями. Из упомянутых семи могил извлечены все останки.

Восьмая могила, находящаяся на расстоянии примерно 200 метров на юг от первой группы могил, была обнаружена 28 июня 1943 года, и из нее извлечено только 10 трупов. Они были захоронены в открытой тогда еще шестой братской могиле. Принимая во внимание летнее время, германские власти отдали распоряжение о перерыве в работах по эксгумации до сентября 1943 года, в связи с чем восьмая могила после извлечения упомянутых выше останков была засыпана.

Очень тщательно и на всей территории проведенное немцами зондирование в связи с тем, чтобы объявленная пропагандой цифра в 12 тысяч трупов не слишком расходилась с действительностью, позволяет предполагать, что больше могил уже не будет. В восьмой могиле, судя по ее установленным размерам, число трупов не должно превышать нескольких сотен. Это зондирование территории

обнаружило ряд массовых захоронений русских в различной степени разложения трупов вплоть до скелетов.

Общее число эксгумированных трупов в количестве 4241 было захоронено в шести новых братских могилах, выкопанных вблизи от рвов, где производились расстрелы. Останки двух генералов захоронены в отдельных одиночных могилах. Могилы расположены на высоком сухом месте с песчаным грунтом. Территория по обеим сторонам братских могил низкая и сырая. Величина и глубина отдельных могил неодинакова в связи с условиями местности и техническими трудностями, возникающими в процессе работы. Дно всех могил совершенно сухое, и каждая могила в зависимости от длины, ширины и глубины включает по нескольку рядов трупов, а каждый ряд — по нескольку слоев. Верхние слои укладывались по меньшей мере на глубине одного метра ниже окружающей местности так, что после засыпания могил до уровня одного метра выше окружающей местности верхние слои останков будут присыпаны двухметровым слоем земли. Все могилы имеют плоскую форму, одинаковую высоту, а их боковые откосы укреплены дерном.

Над каждой братской могилой установлен деревянный струганный крест высотой в два с половиной метра, а под крестом посажено немного полевых цветов. На поверхности братской могилы выложен большой крест из дерна. Могилы пронумерованы в порядке их создания для сохранения порядковых номеров учета извлеченных останков. Останки укладывались по порядку номеров головами к востоку один возле других, голова — несколько выше, а руки — сложены на груди. Каждый слой останков присыпан землей в 20-30 см. В могилах I, II, III и IV тела были уложены вместе, начиная с правой стороны, поскольку в могилы их вносили с левой стороны. Номера тел записывались в том порядке, в каком их укладывали. Список номеров тел, погребенных в каждой могиле, прилагается к данному отчету [список не найден — прим. изд.], как и план расположения кладбища, занимающего пространство 60 x 36, т.е. 2160 кв. м.

В день отъезда из Катыни последних членов Технической комиссии ПКК (то есть 9 июня 1943 года) ими был повешен на самом большом кресте IV могилы большой металлический венок, выполненный из жести и проволоки одним из членов комиссии. Этот венок, несмотря на то, что он был изготовлен вручную и в полевых условиях, выглядел эстетично. Он покрашен в черный цвет, в центре находится терновый венец из колючей проволоки, а в центре венца к деревянному кресту прибит крупный металлический польский орел с офицерской фуражки. Возложив на могилу венок, члены Комиссии почтили память расстрелянных минутой молчанки и молитвой. Они простились с ними от имени Родины, семей и своего собственного. Покидая кладбище. Комиссия выразила благодарность за сотрудничество пор. Словенжику, подпор. Воссу, немецким унтер-офицерам и солдатам, русским рабочим за крайне тяжелый двухмесячный труд при эксгумации останков.

Резюмируя вышеизложенное, комиссия констатирует, что:

1) извлеченные из рвов останки находились в стадии разложения, поэтому их опознание было просто невозможно. В то же время мундиры сохранились довольно хорошо, особенно все металлические части, такие, как знаки различия, награды, орлы, пуговицы и т. п.;

2) причиной смерти был выстрел, направленный в область основания черепа;

3) из документов, найденных на трупах, следует, что убийство имело место в период с конца марта до начала мая 1940 года;

4) работа в Катыни проходила под постоянным контролем германских властей, которые установили пост при каждой группе работающих членов комиссии;

5) вся работа была выполнена членами Технической комиссии ПКК, германскими властями и жителями окрестных деревень, число которых в среднем составляло 20-30 человек в день. Присылаемые также большевистские пленные в количестве по 50 человек в день использовались исключительно при выкапывании и засыпке могил и планировке территории;

6) общие условия работы были очень тяжелыми и нервно изматывающими. Кроме драматичности самого факта, разложение тел и отравленный в результате этого воздух создавали тяжелую и нервную атмосферу работы;

7) частые приезды различных делегаций, ежедневное посещение территории значительным количеством военных, вскрытие трупов, проводимое военными врачами-немцами и членами прибывающих делегаций, осложняли и так трудную саму по себе работу.

Поскольку председатель Технической комиссии г-н Хугон Кассур после отъезда 12.V. 1943 года не смог возвратиться в Катынь, функции председателя Технической комиссии ПКК до окончания работ исполнял г-н Ежи Водзиновский.

Несколько слов пояснений к приведенному выше отчету:

требования немецкой пропаганды очень затрудняли работу Технической комиссии. Уже за два дня до выезда какой-либо важной делегации работы фактически прерывались, поскольку для их выполнения прибывало всего 7-10 рабочих. Объясняли это тем, что жители окрестных деревень не явились на работы, несмотря на полученный приказ.

Когда в Катынь съехались профессора медицины из Германии и государств, сотрудничающих с «осью», им для осмотра и вскрытия были предоставлены тела офицеров высших рангов, либо тех, кто кроме смертельного огнестрельного ранения получили также колотые штыковые раны или были связаны. На неоднократные настойчивые просьбы председателя Комиссии по этому вопросу внимания не обращали. Именно потому, что с важностью работы Комиссии недостаточно считались, при погребении останков во второй братской могиле появились пробелы в порядковой нумерации. Вскрытия, производимые иностранными профессорами, проходили без согласования с комиссией, что неоднократно затрудняло идентификацию. Комиссия избежала большей путаницы в работе благодаря тому, что часто самовольно забирала и хоронила останки, которые откладывали немцы.

Немецкие части, занимающие центральный участок фронта, получили приказ посетить Катынь. Ежедневно сотни людей осматривали место преступления. Вмешательство комиссии привело к тому, что эти посещения были ограничены определенными часами и были выделены поддерживающие порядок жандармы. О контроле немцев при поиске документов и их прочтении в целях идентификации я уже упоминал. Был случай, когда от члена Комиссии г-на Цуприяка потребовали показать записи, которые он делал в своем блокноте при расшифровке документов.

Нельзя умолчать и о том инциденте, который произошел между г-ном Кассуром и поручиком Словенжиком. Этот последний явился однажды в начале эксгумационных работ и заявил, что до немецких властей дошли сведения, что некоторые польские офицеры были немецкой национальности, так называемые «фольксдойче», и потребовал для них отдельной могилы, или по крайней мере — особого места в братских могилах. Ему ответили, что все убитые были офицерами польской армии, что определить их национальность невозможно и что г-н Кассур может дать согласие только на общие могилы, без всяких исключений. Поручик Словенжик согласился с этими аргументами,

По пулям, извлеченным из трупов офицеров, а также по гильзам, найденным в песке, можно констатировать, что выстрелы производились из пистолетов калибра 7,65 мм. Представляется, что они могут быть немецкого происхождения. Опасаясь, как бы большевика не использовали этого обстоятельства, германские власти тщательно следили за тем, чтобы ни одна пуля или гильза не была спрятана членами комиссии ПКК. Это распоряжение было наивным, а контроль невыполнимым: впрочем, доверенные сотрудники НКВД, проводившие катынский расстрел, могли иметь пистолеты любого происхождения.

До сего времени Главное правление Польского Красного Креста не получило результатов исследования останков в Катыни, проведенного доктором Водзинским. Из его доклада после извлечения первых 1700 трупов следует, что, несмотря на гнилостный распад трупов из верхних слоев, благодаря песчано-глинистой почве, частичной мумификации и произошедших в трупах более глубоких слоев так называемых жировосковых изменениях, удалось в 98 процентах случаев констатировать огнестрельное ранение черепа с входом в области затылка и выходом в лобной части, темени или на лице, в 0,4 процента — двойное огнестрельное ранение черепа сзади, в 1,5 процента случаев — огнестрельное ранение шеи.

По всей вероятности, цифры окончательных результатов не будут далеко расходиться с приведенными выше. Будут заслуживать внимания данные о количестве трупов со связанными шнуром руками и шей, а также числе заколотых штыками.

Отчет Технической комиссии только вскользь упоминает о том, что члены комиссии собственноручно эксгумировали 46 трупов из рва, заполненного водой. Речь идет о рве, который я сам видел, будучи в Катыни. Он находился у нижнего края одной из семи больших могил, которая террасами спускалась вплоть до низинной местности. Его заполняли подпочвенные воды, на поверхности торчали части трупов. Для эксгумации немцы обещали дать насос, и ров оставался заполненным до последних дней работы. Однажды г-н Водзинский увидел, что русские рабочие засыпают этот ров. Он тут же остановил их работу. Поручик Словенжик сказал ему, что по причине постоянных советских налетов и связанных с ними повышенных требований противопожарной готовности, насос армия предоставить не может; а требовать от рабочих проведения эксгумации в таких условиях невозможно. Тогда пятеро членов Технической Комиссии ПКК во главе с г-ном Водзиновским спустились в ров и собственноручно в течение 17-ти часов работы извлекли из воды 46 тел польских офицеров.

Чувствуя себя обязанным подчеркнуть этот благородный поступок членов нашей Технической комиссии, приведу в заключение отчета об участии Польского Красного Креста в работах по эксгумации в Катыни цитату из речи председателя Главного правления Польского Красного Креста на собрании представителей польской общественности в Варшаве:

«Могилами отмечена история Польши..., такой могилы еще не было...» Казимеж Скаржиньский, Варшава, июнь 1943 года. [34]

Современная бригада Геббельса о фальсификации Катынского дела в 1943 г.

Прокурорская часть бригады Геббельса. Первыми о захоронениях польских офицеров в Катынском лесу Смоленской области узнали от местных жителей летом 1942 г. польские рабочие из команды «Годт», занимавшиеся ремонтом железнодорожных путей. Они установили на этом месте два березовых креста. В феврале 1943 г. могилами заинтересовалась немецкая тайная полиция. 13 апреля 1943 г. радиостанции германского рейха передали в эфир сообщение об «обнаружении в окрестностях Смоленска могил польских офицеров, убитых ГПУ».

16 апреля 1943 г. Совинформбюро опубликовало опровержение. В нем сообщалось, что якобы польские военнопленные, которые находились на строительных работах западнее Смоленска, летом 1941 г. попали в руки к немцам и были ими расстреляны. Эта версия стала официальной, хотя время расстрела называлось по-разному.

17 апреля 1943 г. польское правительство в изгнании обратилось к Международному комитету Красного Креста с просьбой о посылке делегации под Смоленск для эксгумации трупов из захоронений. С аналогичным обращением выступило правительство Германии. МККК согласился содействовать в установлении истины при условии, что к нему обратятся все заинтересованные стороны, то есть и СССР. Однако сталинское руководство отказалось сделать это, обвинило Польшу в пособничестве фашистской Германии и расторгло дипломатические отношения с польским правительством.

В Катынском лесу с 29 марта по 7 июня 1943 г. (3 июня были засыпаны прежние могилы, 7 июня закончилось перезахоронение останков) велись работы по эксгумации трупов польских военнопленных, которые с 15 апреля практически осуществляла Техническая комиссия Польского Красного Креста под наблюдением немцев. Были вскрыты 7 могил полностью, восьмая — частично; доказано нахождение в могилах по немецким данным — 4.123 трупов, по польским — 4.243 трупов; большую часть из них (2.730) удалось идентифицировать. Они были снабжены согласно списку жетонами и уложены по порядку. Обширная коллекция вещественных доказательств была передана немцам по их требованию (однако две копии детальных протоколов и часть вещественных доказательств полякам удалось сохранить и они находятся в настоящее время в Кракове, сохранены также дневники и записки военнопленных, 20 из которых опубликованы).

В апреле 1943 г. для придания международного резонанса в Берлине была создана Международная комиссия по расследованию обстоятельств Катынского дела. В нее вошли эксперты из 12 европейских стран. 28-30 апреля комиссия провела работу по осмотру извлеченных из могил по выбору ее членов 9 трупов и подготовила судебно-медицинскую экспертизу, не беря на себя решение других вопросов, хотя ей была предоставлена возможность выслушать свидетелей и осмотреть вещественные доказательства.

Венгерский профессор судебной медицины и криминологии Ф. Оршос выдвинул гипотезу, что расстрел имел место в 1940 г.

10 июня 1943 г. информбюро Германии опубликовало «Официальный материал по делу массового убийства в Катыни», в котором делался вывод о том, что в могилах обнаружены захоронения польских офицеров, расстрелянных в 1940 г. органами НКВД. Геббельсовская пропаганда широко использовала катынское злодеяние для «сохранения боевого духа» немецких солдат — и запугивания подобными перспективами в случае сдачи в плен.

В июне 1943 г. генеральный секретарь Польского Красного Креста К.Скаржиньский подготовил «Доклад из Катыни. Отчет для служебного пользования Польского Красного Креста. Отчет Технической комиссии Польского Красного Креста о ходе работ в Катыни», в котором виновный прямо не определялся, но приводились многочисленные документы и другие доказательства, предполагающие датировку расстрелов концом марта — началом мая 1940 г. В докладе определялись количество и локализация могил, число жертв (с указанием на то, что в не до конца обследованной восьмой могиле число трупов, судя по ее размерам, не должно превышать нескольких сотен). Подчеркивалась проведенная идентификация трупов. Факт использования немецкого оружия не был признан определяющим для установления вины той или иной стороны. ПКК не дал втянуть себя в орбиту гитлеровской пропаганды и решительно отказался сообщить немцам свое заключение о дате расстрела

(документ был опубликован лишь в 1989 г.). (Б.А. Топорнин, А.М. Яковлев, И.С. Ямборовская, В.С. Парсаданова, Ю.Н. Зоря, Л.В. Беляев) [35].

***

Академическая часть бригады Геббельса. Тем временем германские оккупационные власти продолжали начатые работы по эксгумации тел в сотрудничестве с прибывшими 14 апреля из Варшавы в Катынь представителями Технической комиссии Польского Красного Креста (см. № 199). После того как Международный Красный Крест отказался проводить расследование по этому делу, немецкие власти пригласили экспертов из 11 подконтрольных им стран и Швейцарии, чтобы подтвердить их авторитетом свой главный вывод: убийство польских офицеров было совершено в марте-апреле 1940 г. органами НКВД СССР. 28 апреля патологоанатомы прибыли в Катынь и в течение двух дней провели осмотр 9 тел, подписали заключение и разъехались. 4 мая протокол этой комиссии был опубликован в «Фолькишер беобахтер», но не произвел большого впечатления. Комиссия была распущена. Среди международных экспертов был и болгарский патологоанатом М.А. Марков, вынужденный после занятия страны советскими войсками под угрозой судебной расправы заявить, что он подписал протокол под нажимом со стороны немцев и с оговоркой в специальном протоколе. Марков, привлеченный просоветским режимом в Болгарии в качестве обвиняемого на процессе «болгарских участников катынского и винницкого дел», в поощрение за его лжесвидетельство был оправдан болгарским судом.

Всего же в Катынском лесу в апреле-июне 1943 г. были вскрыты 8 могил. С помощью советских военнопленных и мобилизованных местных жителей были извлечены останки 4143 человек из 7 могил; 2730 из них были идентифицированы. Все они ранее содержались в Козельском лагере. В последней могиле находилось еще 180-200 тел, но ввиду наступления Красной Армии, приближавшейся к Смоленску, и из-за жары в июне все работы в Катынском лесу были прекращены. В сентябре 1943 г. Германское информационное бюро опубликовало «Белую книгу» — «Официальные материалы о массовых убийствах в Катыни». В ней содержался и список идентифицированных тел польских офицеров. (Над этим текстом трудились: Н.С.Лебедева, Н.А.Петросова, Б.Вошинский, В.Матерский, Э.Росовска, под управлением редакционной коллегии: с российской стороны — В.П.Козлов (председатель), В.К.Волков, В.А.Золотарев, Н.С.Лебедева (ответственный составитель), Я.Ф.Погоний, А.О.Чубарьян; с польской стороны — Д.Наленч (председатель), Б.Вошинский, Б.Лоек, Ч.Мадайчик, В.Матерский, А.Пшевожник, С.Снежко, М.Тарчинский, Е.Тухольский). [36]

Современная бригада Сталина о фальсификации Катынского дела в 1943 г.

429. Как сообщили нам прокурорские геббельсовцы, отчет Скаржинского был опубликован лишь через 46 лет после его написания, и это свидетельствует о том, что раньше в бригаде Геббельса люди были поумнее нынешних. Вспомните в текст Скаржинского — разве это отчет об исследовании того, кто убил польских офицеров? Нет, это подробное описание циркового номера под названием «Доктор Геббельс и его комнатные поляки». Ведь комиссия ПКК в 1943 г. в Катыни «обозначала» поляков из Красного Креста и только. Немцы привозили иностранных журналистов и показывали им достопримечательности окрестностей: «Это сосны, это могилы, а это бегают поляки из Красного Креста, расследуют, кто убил их офицеров».

430. Ведь немцы не давали полякам сделать ничего самостоятельно: поляки только снимали вещи с трупов не глядя, а затем читали польские фамилии, если немцы им их показывали. Самое ответственное, что немцы (видимо, после долгих колебаний) поручали полякам делать — это деревянными палочками счищать грязь с вещей. Все доказательства геббельсовцев строятся на том, что на документах, снятых с трупов польских офицеров, не было дат позже мая 1940 г., а хорошо питающимся полякам из ПКК не было показано ни единого документа! Все было немцами изъято и даже в конверты немцы укладывали документы сами, не доверяя полякам эту интеллектуально напряженную работу. Поразительно, но Скаржинский даже не понимал, что немцы над ними просто издевались!

Заметьте, когда должны были приехать иностранные комиссии, немцы уже за несколько дней не пускали на раскопки местных работников, чтобы те невзначай этим комиссиям не сказали то, что, по словам Геббельса, «не соответствует нашей линии». А за поляков никто не беспокоился — эти ручные, безвредные. Не мудрено, что умные геббельсовцы столько лет делали все, чтобы об отчете Скаржинского никто не знал.

431. Теперь о комментариях нынешних геббельсовцев. Как видите, они глухо молчат не только о том, что все документы были уничтожены немцами, что ими же был убит и Бутц и т.д. и т.п., они как будто и не видят того, что описал Скаржинский — явной фальсификации «расследования». А между тем, эксперты по уголовному делу, в том числе и по уголовному делу № 159, — это люди, несущие уголовную ответственность, согласно статье 307 УК РФ, за заведомо ложное заключение. Наказание — лишение свободы на срок до 5 лет, а заведомо «ложное заключение эксперта состоит в неправильном изложении фактов (искажение фактов или умолчание о них), либо в неверной оценке фактов, либо в неверных выводах» — сообщают Генеральный прокурор РФ Ю.И. Скуратов и Председатель Верховного Суда РФ В.М. Лебедев [37]. А вы посмотрите, как эти «эксперты» даже не лгут, а нагло брешут. Они не только молчат о том, что немцы уничтожили все документы, снятые с трупов в Катыни, но и дерзко врут, что «часть вещественных доказательств полякам удалось сохранить и они находятся в настоящее время в Кракове, сохранены также дневники и записи военнопленных, 20 из которых опубликованы». Это наглая брехня, за которую и 5 лет мало, поскольку Ч. Мадайчик пишет (и в этом-то ему можно верить), что все документы, в том числе и эти пресловутые дневники, были сожжены немцами, но, по геббельсовской легенде, «упомянутые дневники и записи были переписаны до этого в четырех копиях и спрятаны в разных местах, а разведка Армии Крайовой передала их содержание в Лондон. В 1990 году 15 из них были опубликованы. Из оставшихся семи найдены в последнее время шесть» [38].

Прокурорские ублюдки врут, что есть оригиналы, а на самом деле поляки наплодили какие-то «копии», причем одни и те же копии, но в разных местах, имеют и разное содержание.

432. А ведь копия в данном случае — это доказательство фальсификации и только. Посудите сами. Вот труп, на нем найден дневник, который погибший вел каждый день. В дневнике на каком-то числе записи обрываются, а дальше идут еще несколько чистых страниц, т.е. владелец дневника мог еще писать, но записей нет. О чем это может говорить? О том, что кто-то забрал у него дневник, а перед смертью вернул, но это может также говорить о том, что данный человек был убит на следующий день после дня последней записи. Но это только в том случае, если у вас подлинник дневника.

А о чем может сказать копия дневника своей последней записью? Да только о том, что переписчику было лень переписывать его дальше, либо тот, кто дал дневник для переписывания, дал его переписать только до этой даты. И все! А давали «разведке Армии Крайовой» переписывать дневники и записки в гестапо, оно, следовательно, и проследило, до какой даты «разведчики» могли дневники переписать. Смешно, но те геббельсовцы, которые кормятся от Катынского дела самостоятельно, пишут: «В Гуверовском институте в Калифорнии сохранились потрясающие документы — заверенные копии текстов из записных книжек и календарей, найденных на трупах убитых в Катыни польских офицеров» [39]. Заметьте, там хранятся не просто копии, а заверенные копии. Поскольку краковские нотариусы вряд ли взялись бы заверять копии документов, украденных в гестапо, то получается, что гестапо их и заверило — больше некому, если понимать смысл слова «заверить копию документа».

Но начальник гестапо в Кракове был какой-то разгильдяй. Для Ч. Мадайчика он заверил такую копию последних строк дневника майора Адама Сельского: «Привезли в какую-то рощу, похожую на дачное место. Здесь проведен тщательный досмотр. Отобрали часы, на которых было 6.30 (8.30), меня спрашивали об обручальном кольце, отобрали рубли, пояс, перочинный нож» [40].

А по просьбе Гуверовского института такую: «Привезли куда-то в лес, что-то вроде дачной местности. Тут тщательный обыск. Забрали часы, на которых было 6.30/8.30, спрашивали про обручальное кольцо, которое (забрали), рубли, портупею, перочинный нож» [41].

Ну, а для музея в Кракове, для разнообразия — такую: «Еще. не рассвело. День начинается как-то странно. Перевоз в „вороне“ (страшно!). Привезли куда-то в лес. Похоже на летний дом. Здесь снова осмотр. Забрали часы, на которых было 6.30, спросили об образке, который... Забрали рубли, ремень, перочинный нож» [42].

ОБОЗНАЧЕНИЯ: (1.) Дорога от железнодорожной станции Гнездово, находящейся в 4 километрах к востоку. (2.) Лесная тропа. (3.) Высокие сосны. (4.) Густой участок Катынского леса, который с 1936 года был огорожен и окружен табличками, запрещающими вход, а в 1940 году охранялся вооруженной охраной с собаками, чтобы предотвратить проникновение посторонних лиц. (5.) Узкая и извилистая грунтовая дорога в глубине леса, по которой в апреле-мае 1940 года возили в «черных воронах» польских военнопленных к месту казни — в среднем по 118 человек в день. Всего было расстреляно 4143 человека. (6.) Место казни. Заключенных выводили по одному из задней двери «ворона» и убивали выстрелом в голову. Для маскировки на могилах впоследствии были посажены молодые деревья. (7.) Ближайшее к могилам здание (1 километр от места казни), в котором в 1940 году жила пожилая

супружеская пара пчеловодов. Эти пчеловоды впервые рассказали полковнику Аренсу о выстрелах и криках, доносившихся из Катинского леса весной 1940 года. (8.) Дача НКВД. С июля 1941 года здесь находился штаб немецкого полка связи. Немецкие военные постоянно ездили по лесной дороге, но обнаружили могилы только после рассказа местных жителей. (9.) Река Днепр.

433. Как видите, текст «подлинного» дневника бедного Адама Сельского бригада Геббельса еще не сфабриковала в окончательном виде. На 2001 г. согласовали только изъятие перочинного ножика, часов и время на часах. Остальные детали честнейшая бригада Геббельса нам сообщит позже. Ждите ответа. Кстати, к большому успеху в плане фабрикации этого дневника относится то, что наконец согласована дата: сегодня бригада Геббельса договорилась считать датой последней записи Сельского в дневнике 9 апреля 1940 г., поскольку она хорошо согласовывается с теми датами, что фабрикует советская часть бригады Геббельса. Но раньше дата была другая, мало подходящая для геббельсовцев. 15 мая 1943 г. правительство Польши в Лондоне получило телеграмму, в которой был такой пункт: «8. В присутствии автора этого доклада из одежды Сельского был изъят дневник, который велся до 21 апреля. Составитель дневника заявляет, что из Козельска заключенных в вагонах для военнопленных отправили в пункт назначения, а затем переправили в Смоленск, где они провели ночь: в 4 часа утра отзвучала утренняя побудка, после чего их погрузили в машины. На участке леса их оттуда выгрузили и в 6.30 завели в находящееся там здание, где им приказали отдать свои часы и драгоценности. На этом месте дневник обрывается» [43].

434. И вот весь этот нагло фабрикуемый маразм в бригаде Геббельса считается центральным «доказательством» того, что польских офицеров убил НКВД СССР. А как же, ведь у Сельского изъяли в каком-то до сих пор не обнаруженном здании дачной местности то, что запрещалось иметь заключенным советских трудовых лагерей: предметы военной амуниции, деньги, драгоценности, ценные вещи, оружие. (Поскольку поляков лишили права переписки, то, надо думать, несколько позже отобрали и дневник). А раз у Сельского все это отобрали, значит, его расстреляли!

435. Если бы нам это было нужно, то содержание дневника Сельского могло бы служить бесспорным доказательством того, что 9 (или 21) апреля 1940 г. Сельский и его товарищи безусловно не были расстреляны. Смотрите: его везли в «воронке» без окон, все, что он видел, он видел уже на месте прибытия. А видел он вокруг, т.е. на удалении не более полукилометра, дачную местность, т.е. большое количество коттеджей с небольшими приусадебными участками, и здание (надо думать — лагерной администрации), в котором у него изъяли все то, что заключенному не полагается иметь. А там, где поляков расстреляли, была маленькая сторожка пионерского лагеря, а вокруг лес и никаких дач.

436. Надо же понимать, что статус военнопленного и заключенного резко отличались. Скажем, польские генералы и полковники в плену в СССР в 1939-1940 гг. даже жили не в лагерях, а на квартирах, и имели денщиков. Старожилы Старобельска, где был один из офицерских лагерей пленных поляков, сообщают, что и польские офицеры не в лагере сидели, а почти целый день торчали на базаре Старобельска, торгуя разным барахлом. Утверждают, что от них сильно воняло, видимо, лагерная администрация прикладывала немало сил, чтобы уничтожить польских вшей. (Странно, что поляки до сих пор еще этим невинно убиенным вшам ни одного памятника не установили).

А у заключенных, которыми польские офицеры стали на основании решения Особого совещания, был совершенно иной статус, и порядки в ГУЛАГе были иные. Э.Г. Репин, который досконально исследовал положения и инструкции, действовавшие в пенитенциарной системе СССР, пишет о том, как принимали осужденного в местах заключения:

"Любой человек при поступлении в места нахождения под стражей или отправляемый в другие места заключения подвергается самому тщательному обыску. У него изымаются и хранятся у администрации мест заключения не только любые предметы, которые при желании могут быть использованы для нанесения повреждения другим людям или средствами членовредительства или самоубийства. Безусловному изъятию подлежат не только документы и деньги, но и любые письменные материалы, включая чистую бумагу и средства письма. Изымаются не только кольца и перстни, но и нательные кресты и образки, ибо, как считается, их цепочки могут быть использованы как орудие смерти или материальная ценность, могущая послужить преступным целям. Во всех «цивилизованных странах», а в СССР и России как правило, у осужденных людей изымается в обязательном порядке личная одежда и заменяется на униформу мест заключения.

...Процедура:

1. Индивидуальный опрос с целью установления данных на прибывшего (Ф.И.О., возраст, место рождения и проживания и т.д. и т.п.). Одновременно производилась сверка сообщаемых сведений с указанными в сопроводительных документах идентификационными данными. Заполнялась учетная

карточка. Данные вносились в алфавитный список и покамерные ведомости.

2. Обыск. Человек раздевается догола. Контролерами тщательно просматривается его одежда с целью обнаружения «запрещенных предметов». Тщательно осматривается тело, включая не просматриваемые внешне внутренние места.

3. Одежда и другие вещи упаковываются в личный мешок или пакет. Список вещей подписывается контролером и их владельцем. Вещи передаются в тюремную или лагерную кладовую". [44]

Ну и чем рассказ Сольского отличается от принятой в ГУЛАГе процедуры?

437. А теперь, если вы вернетесь к отчету Скаржинского, то обратите внимание на то, что исследованные в могилах Катюны трупы были буквально набиты ценностями, деньгами, в том числе и рублями, военной амуницией. А Г. Бутц, которого геббельсовцы нынче стесняются, в своем отчете писал: «Установлены: польские орлы на пуговицах, войсковые степени, ордена и знаки отличия, полковые знаки, обозначения рода войск, фасон сапог, головные уборы офицеров и рядовых, портупей и ремни, походные фляги, алюминиевые кружки, штемпеля на белье... Все пуговицы на верхней одежде и белье были застегнуты. Подтяжки и поясные ремни на месте... На одном из трупов был найден спрятанный перстень с изумрудом, на других попадались изделия из благородных металлов (главным образом серебряные портсигары). Ни золотые коронки, ни мостики искусственных зубов не были изъяты. На многих трупах были найдены под бельем иконки, крестики, золотые цепочки и т.д. Как правило, у убитых кроме небольших денежных сумм (польские банкноты, разменная монета) были также и крупные суммы польских злотых в пачках» [45].

Геббельсовцы у нас народ простой. Задай им вопрос: если в дневнике А. Сельского написано, что «тут тщательный обыск», то откуда на трупах в Катюны оказались деньги и все изъятое при обыске вещи, включая портупей? — и они тебе ответят, что это энкавэдисты сначала офицеров обыскали, затем расстреляли, а уж потом залезли в могилы и во все трупы рассовали ранее изъятые вещи. А доблестные следователи ГВП РФ найдут выжившего из ума ветерана КГБ, которому (ныне покойный) другой ветеран рассказывал, что у него служил шофер (ныне покойный), который в Катюны в могилах на трупы офицеров портупей одевал и ремни затягивал. И разве можно такому свидетелю не поверить? А если кто-то все же засомневается, то наш Генпрокурор свистнет в Польшу Снежко, заму тамошнего Генпрокурора, и тот быстренько настрругает еще десяток таких «подлинных» документов. Липа в Польше растет.

438. Но если художества прокурорской части бригады Геббельса в области фальсификации просят кисти художника, то художества академической части геббельсовцев, словами Шебаршина, требуют молотка скульптора. Они же мало того, что подонки, так ведь их же и об уголовной ответственности никто не предупреждал.

Вот они, к примеру, пишут, что профессор судебной медицины из Болгарии в своих показаниях на Нюрнбергском трибунале «лжесвидетельствовал». А что именно он сказал такого, что было «лжесвидетельством»? Об этом ни слова, и неспроста — в показаниях Маркова принципиально ничего нельзя назвать ложным. Но об этом позже. Сейчас же больший интерес представляет гнусная брехня академических геббельсовцев о том, что в изданной в Германии в 1943 г. «Белой книге» «содержался и список идентифицированных тел польских офицеров». Это вам, геббельсовцы, так бы хотелось.

439. Надеюсь, вы, читатели, поняли из писаний геббельсовцев, что как только немцы в начале июня 1943 г. выгнали с раскопок Катюны поляков, они тут же состряпали и издали уже в июле 1943 г. книгу «Официальные материалы о массовых убийствах в Катюны». Немцы спешили, и поэтому в книге оказалась масса документов, явно доказывающих, что они Катюнское дело сфальсифицировали.

К примеру, вот немцы на стр. 327 приводят удостоверение о вкладе майора Г. Немца (H. Niemiec) в Варшавскую почтово-сберегательную кассу 30 января 1936 г. [46] Претензий к документу нет, поскольку в его правом верхнем углу стоит штамп сберкассы с датой. Вы же сами понимаете, что без такого штампа этот документ — не документ, поскольку без даты неизвестно, с какого времени начислять по этому вкладу проценты. А на стр. 326 дан точно такой же документ о вкладе Ф. Бирнацкого (F. Biernacki), но штампа сберкассы на нем нет [47]. Однако без штампа это не документ, и возникает вопрос, а зачем же тогда Бирнацкий эту бумажку хранил? Ответ один — на этом документе дата была, но это была дата или 1940 или 1941 г., и она немцев не устраивала, в связи с чем ее с документа стерли.

И такие вот махинации, проводимые немцами в спешке, привели к накладкам. Ведь немцы в Катюны описывали найденные документы на немецком языке, а сами документы были в основном на польском. Когда немцы помещали фотокопии этих документов в книгу «Официальные материалы...»,

подписи к ним делал немец, руководствуясь первичными описаниями этих документов, сделанными на родном языке. В результате получилось, что, к примеру, со свидетельства о гражданстве капитана Козлинского перед помещением его в книгу одни немцы стерли дату выдачи свидетельства, а старательный немец, делающий надписи к документам, добросовестно переписал ее из первичного описания, и в результате получилось: «Bild 57: Hauptmann Kozlinski, Stefan Alfred, aus Warschau M. XII, Eherfrau Franziska Rozalji, Warschau, 20, October, 1941. Leg. des Oberbürgermeisters von Warschau». (Фото 57: Капитан Козлинский, Стефан Альфред из Варшавы, М. XII, жена Франциска Розали, Варшава, 20 октября 1941 г. Засвидетельствовано обербурггомистром Варшавы) [48].

440. И подобное в этих «Официальных материалах...» сплошь и рядом. Скажем, в числе более 4 тыс. офицеров немцы расстреляли и двух генералов. А по геббельсовской легенде, в 1943 г. они на все откопанные трупы сразу вешали порядковые номера, т.е. тела с маленькими номерами по легенде эксгумировались раньше, с большими — позже. Какова вероятность, чтобы при раскопках первым было откопано тело генерала? Примерно 1/4000. А вероятность того, что и вторым тоже будет откопан генерал? Примерно 1/16000000. Тем не менее, при такой мизерной вероятности немцы сразу откопали обоих генералов и они стоят в их списках под номерами 1 и 2! [49] Сами понимаете, что такие чудеса могли быть только в случае, если немцы знали, в каком месте они этих генералов закопали. Либо, что более вероятно и подтверждается свидетельскими показаниями, они сначала выкопали все эти 4-5 тыс. польских трупов, проверили даты документов, найденных на трупах, подложили им в карманы новые документы и снова закопали, чтобы извлекать их потом в присутствии «международных комиссий разных полу ответственных лиц».

441. Если ты не следователь ГВП РФ, то у тебя возникнут вопросы немедленно, как только откроешь список расстрелянных польских офицеров в немецких «Официальных материалах...». Ведь считается, что немцы с поляками в апреле-июне 1943 г. эксгумировали 4143 тела и номеров в этом списке столько же. А уже на первой странице списка из 48 номеров отсутствуют 18, а из первых трех сотен изъято 85 номеров! То есть, после № 9 идет № 11, после № 17 идет № 23 и т.д.* На последней странице после № 4130 идет № 4143 [50]. Это не значит, что отсутствуют те, чьи имена не удалось установить, такие занесены в список просто как Hauptmann, Leutnant, «Uniformierster» или «Zivilist». Как тут ни ломай голову, а получается, что в последнюю минуту немцы просто убрали из уже готового набора книги часть строк с фамилиями убитых польских офицеров. Г. Бутц в тексте «Официальных материалов...» пишет, что идентифицировано 2815 трупов, а в списке таких всего 2724. Почему?

Дело в том, что даже после такой чистки списка немцами уже тогда оказалось, как вы увидите ниже, что по меньшей мере часть офицеров в нем не могла быть расстреляна НКВД весной 1940 г., поскольку в Польше знали, что они арестовывались гестапо на территории Польши вплоть до зимы 1941 г. То есть, немцы под Катынью расстреляли не только тех, кто находился в наших лагерях, но и тех, кого они привезли для этого под Катынь из Польши. Когда поляки на службе у Гитлера это увидели и предупредили немцев, то немцы уже не успевали переделать в книге весь список и просто убрали из него тех, кого они, по их предположениям и подсказкам поляков, привезли для расстрела из Польши. Становится понятно, откуда в могилы под Смоленск попали документы, датированные в Варшаве 20 октября 1941 г.

Это подтверждается и случаем с упомянутым выше Франциском Бирнацким. На его документе о вкладе в Варшавскую сберкассу немцы стерли дату и фото этого документа поместили в «Официальные материалы...», подписав ниже, что они тело Бирнацкого эксгумировали 19 апреля 1943 г., то есть чуть ли не в первый официальный день начала раскопок. Но фамилии Франциска Бирнацкого нет ни в начале списка, ни в его объеме. Чем это объяснить? Только тем, что кто-то из поляков подсказал немцам, что в Варшаве множество людей знает, когда Бирнацкий действительно был убит, и немцы в последний момент убрали его фамилию из списка, а фото его документа в книге либо не заметили, либо не посчитали нужным убирать. Вот и получилось, что согласно помещенному в «Официальных материалах...» документу Франциск Бирнацкий расстрелян в Катыни, а согласно списку в этих же «материалах» — нет.

Само собой, что в списках погибших офицеров в «Официальных материалах...» нет и капитана Стефана Альфреда Козлинского (Kozlinski), а фото его свидетельства о гражданстве — есть. Между прочим, это говорит о том, что часть польских офицеров пыталась бежать из лагерей после того, как их осенью 1941 г. захватили немцы, и последним приходилось их ловить даже в Польше и, разумеется, это говорит о том, что «Официальные материалы...» немцев откровенная фальшивка. По этой причине нынешние геббельсовцы стараются не упоминать о том, что содержится в этих «Официальных материалах...», но еще сильнее они стесняются другого геббельсовского шедевра — некоего изданного

в Швейцарии «Алфавитного списка» расстрелянных польских офицеров, в котором, как я подозреваю, содержится более 8 тыс. фамилий. Я, к примеру, не смог его найти, так как геббельсовцы не дают никаких исходных данных для поиска: ни точного названия, ни даже языка, на котором этот список был напечатан.

442. Ч. Мадайчик, описывая основные документы по Катынскому делу, понимает, что у любого человека при слове «список» автоматически возникает вопрос: а сколько человек в этом списке? И Ч. Мадайчик понимает, что что-то о количестве сказать надо, но как сказать, чтобы ничего не сказать? И смотрите, как этот геббель-совец выкручивается. Он, упоминая «Официальные материалы...» делает сноску и внизу страницы очень мелким шрифтом пишет: «На них основываются „Алфавитный список останков, откопанных в массовых могилах в Катыни“ (Женева, 1944) и частично „Катынский список. Военнопленные лагерей Козельск-Старобельск-Осташков, погибшие в Советской России“, составленный А. Мощинским (Лондон, 1949). В третьем издании книги (Лондон, 1988) он дополнил список, перечислив 5309 фамилий военнопленных из Козельска, 3319 из Старобельска (83%) и 1260 из Осташкова (19%). Всего было известно тогда 9888 фамилий, или 2/3 содержащихся в этих лагерях. Благодаря кропотливой работе Енджея Тухольского установлено около 14 тысяч фамилий. 13 апреля 1990 года Президент СССР М. С. Горбачев передал Президенту Республики Польша В. Ярузельскому полный перечень списков поляков, вывезенных из Козельска и Осташкова к месту казни, и список жертв из Старобельска» [51].

Как видите, из этого «разъяснения» мы узнали очень много полезного и о Горбачеве, и о Ярузельском, и о многих других прекрасных людях, и даты, и проценты, и доли, но только Ч. Мадайчик не сказал нам того, что обязан был сказать — сколько фамилий было в немецком алфавитном списке? И глядя на эту изворотливость, становится ясно, что в немецком алфавитном списке польских фамилий гораздо больше, чем немцам и полякам удалось идентифицировать в 1943 г.

443. А отсюда возникает вопрос, на который геббельсовцы уже 60 лет даже не берутся ответить: а откуда немцы узнали фамилии тех, кто был уложен в могилах Катыни, но не был идентифицирован? Ведь ответ единственный: немцы могли узнать эти фамилии только в том случае, если сами этих поляков и расстреляли. Геббельс с публикацией этого списка ничего особенно не терял, поскольку как только этот вопрос возник, немцы сразу заявили, что они в Смоленске захватили архивы НКВД, а в них нашли списки расстрелянных — и поди немцев опровергни в ходе войны. Но нынешние геббельсовцы так заявить уже не могут, поскольку стало известно, что в руки немцев попал только архив Смоленского обкома ВКП(б), а НКВД свой архив из Смоленска вывез. К тому же, к несчастью нынешних геббельсовцев, архив Смоленского обкома попал в руки американцев, изучен на сегодня вдоль и поперек и, естественно, в нем никаких списков не было, да и не могло быть. Доктору Геббельсу с апреля 1945 г. уже на все наплевать, а вот для его нынешних вырожденков этот алфавитный список как шестидюймовый гвоздь в зад.

И еще полбеда, что эти списки безоговорочно доказывают, что поляков расстреляли немцы. Немцы могли, расстреливая поляков, записывать их имена, но они этого не делали -ленились. Доказывается это очень просто — в немецком списке оказалось довольно много фамилий тех офицеров, кого расстреляли сами немцы в Польше [52], как это показано выше, и даже живых [53]. В связи с этим ответ на вопрос о немецких списках перетекает в очень большую для геббельсовцев область — немцам негде их было взять, кроме как в лагерях под Смоленском, в которых и находились поляки до прихода немцев.

Вы же уже видели, какую боевую силу представляли собой эти польские офицеры. С началом войны они ставили перед собой только две задачи: куда удрать и кому сдаться в плен с саблей и на хорошие харчи. Один из польских офицеров в нашем плену, С. Любодзецкий, так описывал настроение своих коллег: «Ненависть к Советам, к большевикам — скажем откровенно, — в целом ненависть к москалям была так велика, что эмоционально порождала стремление выбраться куда угодно, хоть из-под дождя, да под водосточный желоб — под немецкую оккупацию. Не было иллюзий, что немцы будут мягко обраиуопься с польскими офицерами; допускалось, что большинство, а может быть и всех, немцы отправят в лагерь для военнопленных; однако считали, что они будут обходиться с ними в соответствии с принятыми международными нормами...» [54].

Поэтому когда наши войска в июле 1941 г. прорывались из окружения под Смоленском, то администрация лагерей с поляками не смогла увести их с собой — поляки взбунтовались. С москалями лагерной охраны ушли лишь немногие, может чуть больше удрали в Польшу. Остальные остались ждать обхождения «в соответствии с принятыми международными нормами». Вскрыли кладовые лагерей, разобрали свои вещи, деньги и ценности, принарядились и стали в нетерпении выглядывать за

околицу. «Водосточный желоб» не замедлил явиться, посмотрел-посмотрел на поляков, вытащил пистолет калибра 7,65 мм и показал им, как в натуре выглядят международные нормы для таких офицеров, как они. Ведь то, что и поляки называли себя офицерами, для немецких офицеров было просто оскорблением.

Но к сильным чертам немцев относят то, что они, дескать, никогда никакие документы не выбрасывают, а все складывают в архивы. Расстреляв поляков, они лагерную документацию отправили в архив. А когда Геббельс начал эту пропагандистскую битву, они ее подняли из архива и на основе лагерных документов составили свои списки, но, возможно из-за спешки, не стали вникать, кого из числящихся в лагерной картотеке они действительно расстреляли, кого на тот момент в лагерях уже не было, а кто удрал. Поэтому и получилось, что у них в списках расстрелянных НКВД в 1940 г. под номером 1105 числится Р. Бежанек [55], а он на самом деле благополучно пережил и Катынский лагерь, и войну.

444. Бригада Сталина имеет несомненное преимущество в том, что ей не требуется фальсифицировать факты: если этот факт действительно является фактом, т.е. если он правдив, то он безусловно ляжет в обоснование версии Сталина. У бригады Геббельса в этом отношении большие проблемы: они сфальсифицируют факт, а потом выяснится, что они его сфальсифицировали неправильно, тогда они лепят новую фальшивку, но она снова не такая и т.д. и т.п.

Вот выше я показал, сколько имеется вариантов фальшивок «заверенной» копии дневника майора Сольского, последний вариант я взял из сборника документов 2001 г., в котором геббельсовцы торжественно клянутся: «Все документы, за исключением двух обширных документов на польском и английском языках (№№ 199 и 226), публикуются... полностью, без купюр» [56]. И действительно, если речь идет об информационном мусоре, то такие документы даются полностью, без купюр, чтобы книжка была толще и создавалась видимость кропотливой работы. Но вот геббельсовцы цитируют последнюю запись из дневника Сольского, в которой 37 слов, включая предлоги. И вырывают из нее часть текста: «Спросили об образке, который [...]». То есть, уже, казалось бы, сделали фальшивку как надо, но стали печатать на русском языке и заопасались — на всякий случай что-то еще убрали. А ведь не сложно и догадаться, что именно они выбросили. Что-нибудь типа «...забрали в кладовую» или что-то в этом роде. Я уже писал о геббельсовском издании этих дневников в тех вариантах, которые хранятся в Гуверовском институте в Калифорнии. И тут полно купюр, порой смешных. Скажем, в дневнике В. Вайды, которого, по геббельсовской брехне, якобы расстреляли НКВД 12 апреля 1940 г., есть запись за 8 апреля, т.е. за 4 дня до «расстрела»: «Сегодня нам дали паек... на целый месяц» [57]. Поскольку щей на месяц выдать не могли, то, значит, выдали то, что хорошо хранится. А пленным выдавали: табак, папиросную бумагу, спички, чай, сахар (35 г. в день), мыло (300 г в месяц) [58]. При публикации геббельсовцы застеснялись написать, что именно выдали военнопленным на месяц вперед, и вышперечисленное довольствие вычеркнули. Действительно, напишешь, что военнопленным за 4 дня до расстрела выдали месячную норму мыла, и сразу возникнет вопрос: а зачем? Чертей подмывать?

У бригады Сталина таких вопросов не возникает, поскольку такая нетипичная выдача пайка диктовалась хозяйственной необходимостью. Старый лагерь военнопленных упразднился, а у него на складах оставались запасы продовольствия. А в новом лагере, только создающемся, снабжение еще не налажено. И чем с одного лагеря в другой централизованно перевозить тонны табака, чая, сахара и мыла, лучше рассовать все это по вещмешкам пленных, и они сами довезут свое довольствие. А лагерная администрация на новом месте им ничего не будет должна почти месяц.

***

Геббельсовцы уверяют, что и они, и отец их родной доктор Геббельс исключительно честно расследовали в 1943 г., кто убил пленных польских офицеров. Я дал все, и даже больше (доклад Скаржинского дал весь, а они — с купюрами), что геббельсовцы написали по этому поводу в своих итоговых писаниях. Вы им верите? Вы верите, что ГВП РФ просто по глупости или недосмотру «верит» геббельсовским фальшивкам? Если да, то я вас поздравляю: у вас, наверное, никогда не болит голова.

Глава 9. Разоблачение геббельсовской фальсификации Катынского дела в 1944 г.

Поведение бригады Сталина

445. Нет смысла подробно останавливаться на персональном составе бригады Сталина: поскольку геббельсовцам по поводу разоблачения их фальсификации в 1944 г. нужно что-то писать, а писать нечего, поэтому они подробно описывают разные несущественные детали, и все необходимые фамилии вы узнаете из их писаний. Я же должен остановиться вот на чем.

446. Сегодняшний режим РФ, будучи холуем Запада, беззастенчиво низкопоклонствует перед ним. Скажем, когда в октябре 2002 г. чеченские боевики захватили в Москве зрителей мюзикла «Норд-Ост» в заложники, то и штаб по освобождению заложников, и все каналы ТВ в первую очередь переживали о том, можно ли спасти иностранцев, а свои граждане были как-то на заднем плане.

Для правительства Сталина такое было немыслимо — в его время заботились в первую очередь о советских людях. Поэтому когда после освобождения Смоленска туда приехали члены комиссии по расследованию немецких злодеяний во главе с Бурденко, то они в первую очередь занялись не могилами поляков, а выяснением того, сколько немцы убили советских людей. Как вы увидите дальше, бригада Геббельса об этом тоже вынуждена была написать, правда, не упоминая, о чем речь. А эта, более важная часть работы комиссии Бурденко, вошла в обвинительное заключение Нюрнбергского трибунала как «Документ СССР-48»:

"...Материалы следствия, количественная характеристика трупов в раскрытых ямах-могилах и изучение участков территории массовых погребений — делают возможным вывод, что в обследованных пунктах г. Смоленска и его окрестностей количество трупов советских граждан, умерщвленных и погибших в период временной оккупации немцами, превышает 135 000, распределяясь следующим образом:

1. На территории бывшей Смоленской радиостанции у с. Гедеоновка до 5000 трупов.
2. На территории станции Магаленщина — Вязовенька до 3500 трупов.
3. На территории плодоовощного хозяйства у сел. Реадовка до 3000 трупов.
4. На территории Пионерского (соснового) сада до 500 трупов.
5. На территории Дома Красной Армии до 1500 трупов.
6. На территории Большого концентрационного лагеря № 126 до 45000 трупов.
7. На территории Малого концентрационного лагеря № 126 до 15000 трупов.
8. На территории Медгородка Западной железной дороги до 1500 трупов.
9. На территории деревни Ясенная до 1000 трупов.
10. На территории бывшего немецкого госпиталя для военнопленных и общежития студентов Мединститута по Рославльскому шоссе до 30 000 трупов.
11. На территории лесопильного и ликерно-водочного заводов до 500 трупов.
12. На территории концентрационного лагеря у дер. Печорской до 16 000 трупов.
13. На территории селения Ракитня до 2500 трупов.
14. На территории авиазавода № 35 в районе станции Красный Бор, совхоза Пасово, дер. Александровской, ГЭС, пос. Серебрянка и Дубровенька до 12 000 трупов.

...Давность погребения эксгумированных трупов, судя по результатам судебно-медицинских исследований, должна быть отнесена преимущественно ко второй половине 1941 года, 1942 году и только в четырех местах захоронения — к 1943 году.

При судебно-медицинском исследовании в отношении 567 трупов получены данные, свидетельствующие о том, что причиной смерти были механические повреждения: огнестрельные ранения головы и грудной клетки — 538 случаев; множественные переломы костей черепа от удара тупым твердым предметом — 29 случаев.

Огнестрельные ранения были констатированы у 431 мужчины, 100 женщин и у 7 детей и подростков. Входные отверстия ранения, как правило, располагались в затылочной области головы или на задней поверхности шеи; в некоторых отдельных случаях — в теменных, височных и лобных областях, а также на передней поверхности грудной клетки и на спине. Повреждения головы тупым твердым тяжелым предметом были у 24 мужчин, 4 женщин и 1 подростка.

При исследовании 606 трупов не обнаружено причин смерти травматического характера, при этом в одной части случаев основываясь на судебно-медицинских данных следует считать, что причиной смерти послужило голодание или острые инфекционные болезни. В отношении другой части трупов далеко зашедшие гнилостные изменения лишают возможности с определенностью судить о причине смерти.

Эксгумация и исследование трупов показали, что в могилах на территории быв. Смоленской

радиостанции, Пионерского сада, Железнодорожной больницы, дер. Ясенной и Дома Красной Армии находятся лишь трупы, имеющие огнестрельные ранения с ясно выраженными их признаками..." [1].

447. Даю этот документ, чтобы вы обратили внимание на то, что немцы практически не прятались и уничтожали советских граждан там, где им было удобнее, — чуть ли не в центрах городов и населенных пунктов. Это вызывало беспокойство даже самих немцев. Из «Документа СССР-293» следует, что командир 528-го пехотного полка немцев майор Резлер уже в январе 1942 г. доносил о том, что массовые расстрелы проводятся на виду не только немецких солдат, но и гражданского населения. К этому донесению Резлера, отправленному в Берлин начальнику комплектования немецкой армии, было дописано его командиром: «Если подобные действия будут происходить открыто, то они станут известны на родине и будут подвергнуты обсуждению» [2].

448. Но надо понять и немецкие айнзацкоманды — они боялись проводить массовые расстрелы вне расположения своих войск. И вот почему.

На Нюрнбергском процессе заместитель Главного обвинителя от СССР Ю.В. Покровский огласил суду документ № СССР-311, который был составлен из документов полиции безопасности и СД по Житомирской области, касающихся расследования преступной халатности работников этой полиции в декабре 1942 г., в результате чего «унтершарфюрер СС Пааль и унтершарфюрер СС Фольбрехт подверглись нападению заключенных и были убиты из их собственного оружия». Я приведу выдержки из этих документов, из которых станет ясно, что произошло.

Штурмшарфюрер СС и криминаль-оберсекретарь Ф. Кнопш на допросе показал:

"С середины августа я являюсь руководителем Бердичевского отделения полиции безопасности и СД в городе Житомире. 23 декабря 1942 г. заместитель командира гауптштурмфюрер СС Кальбах обследовал местное отделение воспитательно-трудового лагеря, находящегося в ведении вверенного мне учреждения. В этом воспитательно-трудовом лагере с конца октября находятся 78 бывших военнопленных, которые в свое время были переведены туда из стационарного лагеря в Житомире вследствие нетрудоспособности..."

...Находившиеся в здешнем лагере 78 военнопленных были исключительно тяжелораненые. У одних отсутствовали обе ноги, у других — обе руки, у третьих — одна какая-нибудь конечность. Только некоторые из них не имели ранения конечностей, но они были так изуродованы другими видами ранений, что не могли выполнять никакой работы. Последние должны были ухаживать за первыми.

При обследовании воспитательно-трудового лагеря 23 декабря 1942 г. гауптштурмфюрер СС Кальбах отдал распоряжение, чтобы оставшиеся в живых после имевших место смертных случаев 68 или 70 военнопленных подверглись сегодня же «особому обращению»... Подготовку экзекуции я поручил сегодня ранним утром сотрудникам местного управления унтершарфюрерам СС Фольбрехту и Паалю и ротенфюреру Гессельбаху.

...Из оружия они имели немецкий пистолет-пулемет, русскую самозарядную винтовку, пистолет ОВ и карабин. Хочу еще подчеркнуть, что я намеревался дать в помощь этим трем лицам гауптшарфюрера СС Венцеля, но это было отклонено унтершарфюрером Фольбрехтом, заметившим при этом, что они втроем вполне справятся с этим делом.

По поводу обвинения. Мне не пришло в голову обеспечить проведение обычной экзекуции более многочисленной командой, так как место экзекуции было скрыто от посторонних взоров, а заключенные не были способны к бегству ввиду их физических недостатков".

А оставшийся в живых ротенфюрер СС Ф. Гессельбах показал следующее:

"Сегодня в 8 часов утра мы, гауптшарфюрер СС Бергер, унтершарфюрер СС Пааль, унтершарфюрер СС Фольбрехт и я, приехали на взятой на кожевенном заводе машине с шофером, который был украинцем, на участок, находившийся примерно в одном-полтора километрах за лагерем, с восемью заключенными нашей тюрьмы, чтобы выкопать могилу..."

...Первая группа состояла, по распоряжению Пааля, почти исключительно из безногих.

После того, как я расстрелял первых трех заключенных, вдруг услышал наверху крик. Так как четвертый заключенный был как раз на очереди, я быстренько прихлопнул его и, взглянув затем наверх, увидел, что у машины происходит страшная суматоха. Я до того уже слышал выстрелы, а тут увидел, как пленные разбежались в разные стороны. Я не могу дать подробных данных о происшедшем, так как находился на расстоянии 40 — 50 метров. Я только могу сказать, что я увидел моих двух товарищей, лежащих на земле, и что двое пленных стреляли в меня и шофера из добытого ими оружия. Поняв, в чем дело, я выпустил оставшийся у меня в магазине четвертый патрон по заключенным, обстреливавшим нас, вставил новую обойму и вдруг заметил, что пуля ударила совсем рядом со мной. У меня появилось такое ощущение, будто бы в меня попали, но потом я понял, что ошибся. Теперь я

объясняю это нервным шоком. Во всяком случае, я расстреливал патроны второго магазина по беглецам, хотя не могу точно сказать, попал ли я в кого-нибудь из них".

Проводивший следствие по этому делу констатировал:

"Таким образом, из двадцати восьми заключенных четыре были застрелены в могиле, два — при побеге, остальные двадцать два бежали.

Немедленно принятые ротенфюрером СС Гессельбахом меры для поимки беглецов при помощи команды находившегося вблизи стационарного лагеря были целесообразны, но безрезультатны..." [3].

449. Из-за страха немецких айнзацкоманд далеко удаляться от своих войск почерк их расстрелов и в этом плане резко отличается от почерка расстрелов НКВД. Палачи из НКВД расстреливали только в тюрьмах, а хоронили либо на кладбищах, либо так, чтобы могилы преступников трудно было найти и сделать объектом памяти или поклонения. Даже исключения из этого правила характерны скрытностью от посторонних глаз и казни, и захоронения. Так, общество «Мемориал» полагает, что в 1937-1938 гг., когда казней членов «пятой колонны» было особенно много, то их расстреливали и хоронили на Бутовском полигоне под Москвой. В доказательствах этой версии много противоречий, но даже если согласиться с «Мемориалом», то тогда характерно место казней и захоронений.

Уже с начала 20-х годов это место было недоступно посторонним, поскольку здесь, в имени бывшего коннозаводчика Зимины, в 18 км от Москвы, была сельхозколония осужденных уголовных преступников. А с 1935 г. — стрелковый полигон НКВД. Только забором было обнесено 200 га, а запретная зона с колючей проволокой простиралась гораздо дальше [4]. Поэтому ни выстрелы, ни проезды автомобилей никого из местных жителей никогда не волновали — стрельбище есть стрельбище.

А немцев, в противовес этому, никогда не волновали местные жители — чем больше они знают, тем больше будут бояться. Немцы ведь и поляков в Катюны зарыли так небрежно, что те, напомним, были обнаружены немедленно и чуть ли не под снегом.

450. Но вернемся к поведению бригады Сталина. Сразу отметим, что в отличие от польско-немецкой бригады Геббельса, у бригады Сталина не пропало ни одно вещественное доказательство, не был уничтожен ни единый документ, не был убит ни один свидетель или прокурор. Правда, все это до момента, пока геббельсовцы во главе с Горбачевым и Ельциным не захватили власть в СССР, поскольку теперь геббельсовские подонки творят с архивами, что хотят.

451. Сегодня бригада Геббельса утверждает, что следствие, которое в 1943-1944 году провела в Катюны комиссия Бурденко, полностью сфальсифицировано НКВД и НКГБ. То есть, НКВД и НКГБ откуда-то притащили в Смоленск 1000 трупов, переодели трупы в польскую военную форму, сфабриковали в Москве разные документы с датами после мая 1940 г., рассовали эти документы по карманам трупов, затем трупы зарыли, пригласили на эксгумацию иностранных корреспондентов и стали им демонстрировать эти трупы и эти документы. Разумеется, запугали всех свидетелей и т.д. и т.п. Давайте для начала согласимся в этом вопросе с геббельсовцами. Но тогда обязательно должно быть следующее.

452. Во всей секретной переписке высших чиновников СССР (посвященных по характеру своей службы в детали Катюнского дела) должно прямо говориться об его фальсификации. Это невозможно — говорить об одном деле, а делать другое. Прессе, разумеется, можно врать что угодно, но работники, делая дело, между собой говорят откровенно. Ведь Геббельс не стеснялся говорить откровенно даже с незначительными чиновниками своего ведомства. В газетах приказывал писать одно, но им-то, непосредственным фальсификаторам, зачем «мозги пудрить»?

453. Представьте себе, что сегодня начало 1944 года, вы — Бурденко, вас торопят с результатами, но у вас вдруг возникло опасение. Вы уже рассовали по карманам трупов документы с датами лета и осени 1940 г., но вас осенила мысль, а вдруг немцы заявят, что СССР расстрелял поляков весной 1941 г.? Поскольку вы в Смоленске сфабриковать такие документы не можете, то вам их нужно запросить изготовить в Москве. Что вы напишете начальству по поводу этого своего опасения? Наверное, что-то в таком роде: «Товарищ Меркулов! Мы уже рассовали по карманам трупов в польской форме разные бумажки с датами 1940 года. А теперь, пожалуйста, пришлите нам документы с датами 1941 г.». А что еще тут напишешь?

И у настоящего Бурденко такая мысль возникла, и он действительно 24 января отправил наркому Государственной безопасности В.Н. Меркулову записку, в которой оправдывался в задержке окончания эксгумационных работ следующим образом:

"Глубокоуважаемый Всеволод Николаевич! Позвольте Вам сообщить следующее по поводу Вашего разговора с тов. Колосниковым. В разговоре о найденных документах тов. Колосников сказал:

«Уже найденными документами до конца 1940 года полностью опровергнута версия немцев о том, что поляки убиты русскими весной 1940 года. Но надо иметь в виду, что они могут выдвинуть новую версию о том, что массовый расстрел поляков мог быть произведен позже, скажем, в начале 1941 года».

Поэтому он и сказал, что очень важно, если мы найдем документы более позднего периода. Таковые, к счастью, и найдись.

Ни у одного из членов Комиссии не получилось ложного впечатления.

Уважающий Вас, Бурденко" [5].

Где в этой записке видно, что Бурденко и Меркулов не искали доказательства, а фальсифицировали следствие?

454. Вот геббельсовцы, как вы увидите чуть дальше, начинают свою писанину со слов: «22 сентября 1943 г., за три дня до освобождения Смоленска, начальник Управления пропаганды и агитации ЦК ВКП(б) Г. Ф. Александров обратился к кандидату в члены Политбюро ЦК ВКП(б), начальнику Главного политического управления Красной Армии А. С. Щербакову с предложением своевременно создать комиссию в составе представителей от Чрезвычайной государственной комиссии по расследованию немецко-фашистских злодеяний (ЧГК) и следственных органов и направить ее в район военных действий» [6]. Но ведь Щербаков был в двадцатке высших руководителей СССР, а Александров, минимум, в первой полусотне. Ну зачем им друг перед другом дурачками прикидываться? Почему прямо не написать, что подходит пора дать задание Меркулову изготовить вещественные доказательства и тексты показаний будущих свидетелей?

В связи с этим я дам не тот текст работы советской комиссии, который был дан в газетах, а затем в 1943 г. выпущен отдельной брошюрой, а текст «Справки», которую под грифом «Совершенно секретно» подготовили для советского правительства нарком госбезопасности В. Н. Меркулов и первый заместитель наркома внутренних дел С. Н. Круглов. Причины, по которым я питаю к данному документу доверие, следующие.

455. В условиях такой известности, которая к 1944 г. была у Катынского дела, сфальсифицировать его — задача гораздо более трудная, чем просто расследовать. При расследовании дознаватель или следователь просто записывают показания свидетелей. А если дело фальсифицировать, то нужно найти человека, согласившегося быть «свидетелем», продумать, что тому говорить, да еще и так, чтобы это не противоречило другим свидетелям, заставить «свидетеля» выучить свою легенду и т.д. и т.п. Поэтому за фальсификацию должны следовать более высокие награды, чем за простое расследование, и если бы она была, то Меркулов и Круглов обязательно бы сообщили правительству о своих заслугах в этом деле. Они бы сообщили, что «подобрали» свидетелей, «разработали им логически взаимосвязанные легенды», "изготовили «вещественные доказательства», «подготовили трупы к демонстрации». Подчиненный никогда не стесняется рассказать начальнику о своих заслугах, тем более, что в то время эти заслуги должны были реально спасти жизни миллионов советских солдат.

456. Читателям нужно понять, что в условиях идущей войны такая фальсификация, даже если бы она и была, ни в коей мере не была бы преступлением, а безо всяких кавычек была бы подвигом. И я это утверждаю не от себя или своих эмоций — так требовал тогдашний Уголовный Кодекс, статья 13 которого гласила: "Меры социальной защиты не применяются вовсе к лицам, совершившим действия, предусмотренные уголовными законами, если судом будет признано, что эти действия совершены ими в состоянии необходимой обороны против посягательства на Советскую власть, либо на личность и права обороняющегося или другого лица, если при этом не было допущено превышения пределов необходимой обороны.

Меры социальной защиты не применяются, когда те же действия совершены для отвращения опасности, которая была неотвратима при данных обстоятельствах

другими средствами, если причиненный при этом вред является менее важным по сравнению с предупрежденным вредом. (6 июня 1927г. (СУ № 49, ст. 330))" [7].

В последующих кодексах это положение стало еще более выпуклым — преступление во спасение общества не являлось преступлением. Даже в Уголовном кодексе нынешней России это положение утверждено ст. 39 [8]. Если бы фальсификация Катынского дела требовалась, то она предотвращала бы такой вред СССР, что ее иначе, нежели подвигом, назвать нельзя. Ни Меркулову, ни Круглову, ни кому-либо из участвовавших в ней не было бы никакой необходимости стесняться этой фальсификации, да еще и в документах с грифом «Совершенно секретно». Но они ничего о фальсификации не пишут! Более того, они даже не пытаются увеличить свои заслуги умолчанием того, что масса свидетелей сама разыскала НКВД и НКГБ, чтобы рассказать о том, как немцы расстреливали поляков.

457. Безусловно, и Меркулов, и Круглов знали то, что знало и правительство СССР, — что

военнопленные поляки в 1940 г. были переквалифицированы Особым совещанием в социально-опасных преступников, знали, что это противоречит Женевским конвенциям, понимали, что если сведения об этом просочатся, то СССР понесет большие людские потери из-за увеличения упорства немцев в сопротивлении. И в их Справке «свидетель» Ветошников — это скорее всего лицо вымышленное, о чем я уже писал в «Ка-тынском детективе» и не буду повторяться. Но и тут Меркулов и Круглов не врут правительству ни о каком «свидетеле Ветошникове» (так он фигурировал в опубликованных в 1944 г. материалах о Катынском деле), они просто сообщают, что у них в деле есть его рапорт. Это единственный «деликатный» момент Справки, основанный на понимании, что во время войны никаких свидетелей осуждения военнопленных являть миру нельзя.

458. Меркулов и Круглов еще и потому не могли лгать, что на основе их Справки правительство принимало очень ответственные решения — объявляло о создании Специальной комиссии и приглашало в Катынь иностранцев. Предположим, соврали бы Меркулов и Круглов о том, что свидетели настоящие, а те возьми и брякни иностранным корреспондентам что-то не то, или вещдоки будут грубо сработаны и иностранцы это заметят. С кого правительство головы посрывает: с корреспондентов или с Меркулова и Круглова?

459. И, наконец, я потому верю этой Справке, что она была опубликована не нынешними подонками Генпрокуратуры и архивов, которые без зазрения совести фабрикуют и уничтожают документы, а еще генералом Филатовым в «Военно-историческом журнале» в далеких 1990-1991 гг., т.е. нет оснований сомневаться, что этот документ по своему происхождению подлинный. Я публикую эту справку так, как ее дал тогда журнал, за исключением моего выделения цитат курсивом.

Расследование бригады Сталина: Справка о результатах предварительного расследования так называемого «Катынского дела»

Совершенно секретно.

Вскоре после освобождения Красной Армией Смоленска от немецко-фашистских захватчиков (25 сентября 1943 г.) в период с 5 октября 1943 года по 10 января 1944 года по распоряжению Чрезвычайной комиссии по расследованию зверств немецких оккупантов специальная Комиссия из представителей соответствующих органов провела расследование сфабрикованного немецко-фашистскими захватчиками провокационного дела «О расстреле большевиками в Катынском лесу военнопленных польских офицеров».

Было допрошено 95 свидетелей, проверено 17 заявлений, поданных в Чрезвычайную комиссию, рассмотрены и изучены различные документы, относящиеся к делу, проведена необходимая экспертиза, осмотрено место расположения катынских могил.

В результате расследования установлено:

I. Описание места расположения катынских могил и режима, применявшегося в районе Козьих Гор до захвата этого района немцами. Местность Козьи Горы расположена в 15 км от Смоленска по шоссе Смоленск — Витебск. С севера она примыкает к шоссе, с юга подходит вплотную к реке Днепр. Ширина участка от шоссе до Днепра около одного километра. Козьи Горы входят в состав лесного массива, называемого Катынским лесом и простирающегося от Козьих Гор к западу и востоку. В двух с половиной километрах от Козьих Гор по шоссе к востоку расположена железнодорожная станция Западной железной дороги Гнездово. Далее на восток расположена дачная местность Красный Бор.

В Козьих Горах на крутом берегу Днепра до войны находился дом отдыха УНКВД Смоленской области: обширное двухэтажное здание с соответствующими хозяйственными постройками. От дома отдыха к шоссе Смоленск — Витебск пролегает извилистая проселочная дорога протяжением около одного километра. Могилы польских офицеров находятся в непосредственной близости к этой дороге на расстоянии по прямой менее 200 м от шоссе и 700 м от дачи.

Эскизный план местности прилагается.

Многочисленными свидетельскими показаниями устанавливается, что район Козьих Гор был местом отдыха для трудящихся Смоленска и был доступен для всего окружающего населения.

Так, например, Чепиков Л. Т. — учитель Невещанской школы Катынского с[ельского] с[овета] на допросе 14 октября 1943 года показал: «До войны с немцами в Козьих Горах я бывал очень часто. Ходил я туда не один, там бывало все население деревни Гнездово, никто нас там никогда не задерживал, ни о каких расстрелах людей в то время мы не слышали».

Жительница деревни Новые Батеки, полька по национальности, Чернис К. И. в своем заявлении от 24 ноября 1943 г[ода] пишет: «До прихода немцев Козьи Горы были местом гулянья, сбора грибов и дров. Оно было открыто для всех жителей как нашей, так и других деревень».

Ученик ремесленного училища связи Устинов Е. Ф. показал: «Перед войной в Катынском лесу...

находился пионерский лагерь Облпромкассы, и я был в этом пионерском лагере до 20 июня 1941 года... Я хорошо помню, что до прихода немцев никаких ограждений в этом районе не было и всем доступ в лес и в то место, где впоследствии немцами демонстрировались раскопки, был совершенно свободный».

«В лесном массиве Козьи Горы раньше, до занятия немцами Смоленска, была дача НКВД, однако проживавшие там люди никогда не запрещали нам, местным жителям, ходить в этот лес по ягоды и грибы. Мимо этой дачи мы ходили купаться на реку Днепр» (из показаний Кривозерцева М. Г., жителя деревни Новые Батеки, от 22 ноября 1943 г.).

Аналогичные показания дали также Орлова Вера, учительница Гнездовской начальной школы, Киселева М. К., проживавшая на хуторе у Козьих Гор, Солдатенков Д. И., колхозник дер[евни] Борок Смоленского района, Сергеев Т. И., дорожный мастер, и др[угие].

В официальной справке от 3 января 1944 [года] за № 17 смоленский городской Совет депутатов трудящихся удостоверяет, что «район Козьих Гор и прилегающих к нему Катynского леса и Красного Бора являлся местом отдыха трудящихся города Смоленска, местом маевок и общественных гуляний и никогда, вплоть до захвата города Смоленска немцами (16 июля 1941 г.), не подвергался никаким ограничениям и запретам в смысле передвижения населения по всей указанной территории».

Смоленская областная промстрахкасса в своей справке за № 95 от 5 января 1944 года удостоверяет, что район Козьих Гор и прилегающей к нему местности «являлся местом организации пионерских лагерей, принадлежавших системе промстрахкассы по Смоленской области».

Могилы польских офицеров, как указано было выше, расположены менее чем в 200 м от шоссе Смоленск — Витебск. Невозможно допустить, чтобы в такой близости от оживленной трассы могли быть в мирное время расстреляны несколько тысяч человек без того, чтобы об этом стало известно населению. Только фашистско-немецкие мерзавцы, не стеснявшиеся в применении различных способов уничтожения людей, могли, воспользовавшись обстоятельствами военного времени, совершить такое преступление.

Таким образом, придуманная немцами легенда о том, что Катynский лес при Советской власти тщательно охранялся и был огражден проволокой, так как якобы являлся местом расстрела органами НКВД советских граждан и военнопленных поляков, не выдерживает никакой критики.

П. Режим, установленный в районе Козьих Гор немцами после захвата ими этого района. Свидетельскими показаниями устанавливается, что именно немцы вскоре после своего прихода в этот район установили в Катynском лесу строжайшую охрану, никого не допуская близко к этому месту под угрозой расстрела.

На бывшей даче У НКВД в Козьих Горах разместился штаб какого-то немецкого учреждения. Работавшая на кухне при этом штабе Алексеева А. М., 1916 года рождения, уроженка дер[евни] Борок Катynского с[ельского] с [овета], показала: «Дача в Козьих Горах осенью 1941 года усиленно охранялась вооруженными немецкими солдатами, вход в дачу со стороны леса был строго воспрещен, всюду были повешены таблички о запрете прохода в лес с предупреждением о расстреле на месте за нарушение. Специальный пост был и у Днепра, с тыловой стороны дачи. Нам, русским, работавшим на даче в Козьих Горах, разрешалось проходить только по основной дороге, шедшей от шоссе Смоленск — Витебск. Мы даже не имели права самостоятельно возвращаться с работы. Когда мы уходили с дачи домой, до шоссе нас обычно сопровождали один-два немца».

Проживающий на хуторе в Катynском лесу Киселев Л. Г. на допросе 9 октября 1943 года показал: "Через некоторое время после прихода немцев Катynский лес вблизи Козьих Гор был взят под охрану. Местное население было оповещено, что каждый человек, появившийся в лесу, будет расстрелян. Я лично читал одно из таких объявлений, вывешенное на столбике на шоссе. В этом объявлении было написано: «Кто сойдет с шоссе в сторону леса на сто шагов, будет расстрелян без окрика».

Упомянутый выше Кривозерцев, 1904 года рождения, плотник на ст[анции] Красный Бор, показал: «Немецкая охрана леса Козьи Горы и ведущих к нему проезжих дорог и пешеходных стежек была установлена с июля месяца 1941 года и до марта месяца 1943 года».

Бывший начальник железнодорожной станции Гнездово, расположенной в двух с половиной километрах от Козьих Гор, работавший при немцах сторожем на переезде, Иванов [С. В.] на допросе 15 ноября 1943 года показал: «Не только в этот лес, но даже близко к нему нельзя было подойти, так как стоявшие часовые держали всегда наготове автоматы и мы хорошо знали, что пустить их в ход им ничего не стоит».

Аналогичные показания дали быв[ший] дежурный по станции Гнездово Савватеев И. В., быв[ший] полицейский Кутейников Е. Н., учитель Невещанской школы Катynского сельского с[овета] Чепиков Л. Т., священник Оглоблин А. П., колхозник дер[евни] Борок Смоленского р[айона] Алексеев М. А.,

жительница деревни Новые Батеки Чернис К. И. и др[угие].

III. Где находились военнопленные поляки в период до и после начала военных действий с Германией. Немцы в своих сообщениях утверждали, что польские военнопленные офицеры были расстреляны большевиками якобы весной 1940 года.

Между тем официальными документами Управления по делам военнопленных и интернированных НКВД СССР устанавливается, что в районах западнее Смоленска до начала военных действий с Германией находились три лагеря особого назначения, именовавшиеся лагерь № 1-ОН, лагерь № 2-ОН и лагерь № 3-ОН, в которых содержались пленные поляки, использовавшиеся на строительстве и ремонте шоссейных дорог вплоть до начала военных действий с немцами.

Лагерь № 1-ОН находился на 408-м км от Москвы и на 23-м км от Смоленска, на магистрали Москва — Минск.

Лагерь № 2-ОН находился в 25 км на запад от Смоленска по шоссе Смоленск — Витебск.

Лагерь № 3-ОН находился в 45 км на запад от Смоленска в Красненском районе Смоленской области.

После начала военных действий в силу сложившейся обстановки лагеря не могли быть своевременно эвакуированы, и все военнопленные поляки, а также часть охраны и сотрудников лагерей попали в плен к немцам, и судьба их до опубликования немцами своих сообщений по «Катынскому делу» была неизвестна.

Начальник лагеря № 1-ОН лейтенант госбезопасности Ветошников В. М., давая объяснения о судьбе порученного ему лагеря, в своем рапорте на имя начальника Управления по делам военнопленных и интернированных НКВД СССР от 12 августа 1941 года пишет: "После того, как я получил от Вас указание подготовить лагерь к эвакуации, я принял к этому необходимые меры.

Охрана и пленные поляки были мною предупреждены.

Я ожидал приказа о ликвидации лагеря, но связь со Смоленском прервалась. Тогда я сам с несколькими сотрудниками заехал в Смоленск для выяснения обстановки. В Смоленске я застал напряженное положение. Я обратился к начальнику движения Смоленского участка Западной железной дороги тов. Иванову с просьбой обеспечить лагерь вагонами для вывоза военнопленных поляков. Но тов. Иванов ответил, что рассчитывать на получение вагонов я не могу. Я пытался связаться также с Москвой для получения от Вас разрешения двинуться пешим порядком, но мне это не удалось.

К этому времени Смоленск уже был отрезан немцами от лагеря, и что стало с военнопленными поляками и оставшейся в лагере охраной, я не знаю".

Опрошенный инженер Смоленского отделения движения Западной железной дороги тов. Иванов С. В. подтвердил, что в июле месяце 1941 года к нему обращались (он не помнит кто) с просьбой предоставить вагоны для вывоза военнопленных поляков, но в силу сложившейся на участке обстановки он этого сделать не имел возможности.

Присутствие в указанных выше районах польских военнопленных подтверждено многочисленными показаниями свидетелей, наблюдавших военнопленных поляков на протяжении 1940-1941 гг. как до оккупации Смоленска немцами, так и в первые месяцы после оккупации, до сентября месяца 1941 г[ода] включительно.

После этого срока никто военнопленных поляков в этом районе не видел.

Так, например, дежурный на станции Гнездово Сав-ватеев И. В. на допросе 16 октября 1943 года показал:

"Мне известно, что польские военнопленные, следовавшие в 1940 году через станцию Гнездово, использовались на дорожных работах в нашем районе. Я лично несколько раз в 1940 и 1941 гг. видел, как работали на шоссе польские военнопленные..."

После прихода немцев в Смоленский район я встречал группы польских военнопленных в августе — сентябре 1941 года, под конвоем направлявшиеся к лесу Козьи Горы".

Священник Городецкий В. П. на допросе 30 ноября 1943 г[ода] показал: «Я лично видел осенью 1941 года, как немцы гнали по шоссе группы военнопленных поляков, их сопровождал усиленный конвой».

Свидетельница Базекина А. Т., бухгалтер отделения Госбанка в Смоленске, на допросе 21 ноября 1943 года показала: «Вскоре после занятия Смоленска немцами я видела польских солдат и офицеров, которые работали по очистке и ремонту дорог, они были одеты в польскую форму, и их охраняли немецкие солдаты. Я их видела партиями человек по 30. Это относится к периоду осени 1941 года, и потом я их не встречала».

Учительница школы в поселке Катынь Ветрова Е. Н. на допросе 29 ноября 1943 года показала:

«Осенью 1941 года, когда нас принудительно немцы выгнали для работы на шоссе Смоленск — Витебск, мне приходилось видеть, как на грузовых машинах провозили военнопленных поляков. Их форма совпадала с формой виденных мною расстрелянных поляков в Козьих Горах...»

Аналогичные показания о том, что военнопленные поляки находились в районе Смоленска не только перед оккупацией Смоленска немцами, но и в первые месяцы после оккупации, дали свидетели: быв[ший] начальник станции Гнездово Иванов С. В., житель гор[ода] Смоленска Бычков И. И., священник Оглоблин А. П., жительница гор [ода] Смоленска Ляпунова С. В., проживавшие на хуторе в районе Козьих Гор Киселева А. А. и Киселева М. К. и многие другие.

Таким образом, из приведенных выше показаний и документов устанавливается:

1. Что район Козьих Гор и прилегающих к нему Ка-тынского леса и Красного Бора до захвата немцами Смоленской области не являлся запретной зоной, а стал таковой только вскоре после прихода в этот район немцев.

2. Что военнопленные поляки, прибывшие весной 1940 года в районы Смоленска, находились в этих районах на дорожно-строительных работах в 1940-1941 гг., вплоть до начала военных действий с Германией.

3. Что военнопленных поляков видели также в первые месяцы после захвата немцами гор [ода] Смоленска, в августе-сентябре 1941 года.

4. Что после этого срока военнопленных поляков больше никто не видел,

IV. Как осенью 1941 г [ода] в районе Козьих Гор немцы расстреляли военнопленных поляков. Что же произошло с военнопленными поляками, находившимися осенью 1941 г[ода] в районах западнее Смоленска?

Ясный ответ на этот вопрос о трагической судьбе военнопленных поляков дают нижепомещенные документы и показания свидетелей, полученные Комиссией по расследованию зверств немецких оккупантов.

Как было сказано выше, в Козьих Горах разместилось какое-то немецкое учреждение, деятельность которого тщательно немцами конспирировалась.

В средних числах августа 1941 года по требованию немцев староста деревни Борок, расположенной от Козьих Гор в четырех километрах, Солдатенков Д. И. направил в распоряжение указанного немецкого учреждения для работы на кухне трех жительниц дер[евни] Борок-Алексееву А. М., 1916 года рождения, Михайлову О. А., 1924 года рождения, и Конаховскую З. П., 1925 года рождения.

По прибытии в Козьи Горы им через переводчика был поставлен ряд ограничений: было запрещено вовсе удаляться от дачи и ходить в лес, заходить без вызова и без сопровождения немецких солдат в комнаты дачи, оставаться в расположении дачи в ночное время. Приходить и уходить на работу разрешалось по строго определенному пути и только в сопровождении солдат.

Это предупреждение было сделано Алексеевой, Михайловой и Конаховской через переводчика непосредственно самим начальником немецкого учреждения обер-лейтенантом Арнесом, который для этой цели поодиночке вызывал их к себе.

По вопросу о— личном составе немецкого учреждения Алексеева А. М. показала: «На даче в Козьих Горах постоянно находилось около 30 немцев, старшим у них был обер-лейтенант Арнес, его адъютантом являлся обер-лейтенант Рекст. Там находились также лейтенант Хотт, вахмистр Люмерт, унтер-офицер по хозяйственным делам Розе, его помощник Изике, обер-фельдфебель Греневский, ведавший электростанцией, фотограф обер-ефрейтор, фамилию которого я не помню, переводчик из немцев Поволжья, имя его, кажется, Иоганн, но мы его называли Иваном, повар немец Густав и ряд других, фамилии и имена которых мне не известны».

Вскоре после своего поступления на работу Алексеева, Михайлова и Конаховская стали замечать, что на даче совершаются какие-то темные дела.

Алексеева А. М. на допросе 23 декабря 1943 года показала: "...переводчик Иоганн от имени Арнеса нас несколько раз предупреждал о том, что мы должны «держат язык за зубами» и не болтать о том, что видим и слышим на даче.

Кроме того, я по целому ряду моментов догадывалась, что на этой даче немцы творят какие-то темные дела...

В конце августа и большую часть сентября месяца 1941 года на дачу в Козьи Горы почти ежедневно приезжало несколько крытых грузовых машин.

Сначала я не обратила на это внимания, но потом заметила, что всякий раз, когда на территорию дачи заезжали эти машины, они предварительно на полчаса, а то и на целый час останавливались где-то

на проселочной дороге, ведущей от шоссе к даче.

Я сделала такой вывод потому, что шум машин через некоторое время после заезда их на территорию дачи утихал. Одновременно с прекращением шума машин начиналась одиночная стрельба. Выстрелы следовали один за другим через короткие, но примерно одинаковые промежутки времени. Затем стрельба стихала, и машины подъезжали к самой даче.

Из машин выходили немецкие солдаты и унтер-офицеры. Шумно разговаривая между собой, они шли мыться в баню, после чего пьянствовали. Баня в эти дни всегда топилась.

В дни приезда машин на дачу прибывали дополнительно солдаты из какой-то немецкой воинской части. Для них специально ставились койки в помещении солдатского казино, организованного в одной из зал дачи. В эти дни на кухне готовилось большое количество обедов, а к столу подавалась удвоенная порция спиртных напитков.

Незадолго до прибытия машин на дачу эти солдаты с оружием уходили в лес, очевидно, к месту остановки машин, так как через полчаса или через час возвращались на этих машинах вместе с солдатами, постоянно жившими на даче.

Я, вероятно, не стала бы наблюдать и не заметила бы, как затихает и возобновляется шум прибывающих на дачу машин, если бы каждый раз, когда приезжали машины, нас (меня, Конаховскую и Михайлову) не загоняли на кухню, если мы находились в это время на дворе у дачи, или же не выпускали из кухни, если мы находились на кухне.

Это обстоятельство, а также то, что я несколько раз замечала следы свежей крови на одежде двух ефрейторов, заставило меня внимательно присмотреться к тому, что происходило на даче. Тогда я и заметила странные перерывы в движении машин, их остановки в лесу. Я заметила также, что следы крови были на одежде одних и тех же людей — двух ефрейторов. Один из них был высокий, рыжий, другой — среднего роста, блондин.

Из всего этого я заключила, что немцы на машине привозили на дачу людей и их расстреливали. Я даже приблизительно догадывалась, где это происходило, так как, приходя и уходя с дачи, я замечала недалеко от дороги в нескольких местах свеженабросанную землю. Площадь, занятая этой свеженабросанной землей, ежедневно увеличивалась в длину. С течением времени земля в этих местах приняла свой обычный вид".

"Вопрос. Кого же, по вашему мнению, немцы расстреливали на даче?"

Ответ. Я твердо убеждена в том, что немцы расстреливали военнопленных поляков. Это убеждение сложилось у меня еще тогда же, осенью 1941 года, и основывалось на следующих моих наблюдениях.

Были дни, когда машины на дачу не прибывали, а тем не менее солдаты уходили с дачи в лес, оттуда слышалась частая одиночная стрельба. По возвращении солдаты обязательно шли в баню и затем пьянствовали.

И вот был еще такой случай. Я как-то задержалась на даче несколько позже обычного времени. Михайлова и Конаховская уже ушли. Я еще не успела закончить своей работы, ради которой осталась, как неожиданно пришел солдат и сказал, что я могу уходить. Он при этом сослался на распоряжение Розе. Он же проводил меня до шоссе.

Когда я отошла по шоссе от поворота на дачу метров 150-200, я увидела, как по шоссе шла группа военнопленных поляков, человек 30, под усиленным конвоем немцев.

То, что это были поляки, я знала потому, что еще до начала войны, а также и некоторое время после прихода немцев я встречала на шоссе военнопленных поляков, одетых в такую же форму, с характерными для них четырехугольными фуражками.

Я остановилась у края дороги, желая посмотреть, куда их ведут, и увидела, как они свернули у поворота к нам на дачу в Козьи Горы.

Так как к этому времени я уже внимательно наблюдала за всем происходящим на даче, я заинтересовалась этим обстоятельством, вернулась по шоссе несколько назад и, укрывшись в кустах у обочины дороги, стала ждать. Примерно через минут 20 или 30 я услышала характерные, мне уже знакомые одиночные выстрелы.

Тогда мне стало все ясно, и я быстро пошла домой.

Из этого факта я также заключила, что немцы расстреливали поляков, очевидно, не только днем, когда мы работали на даче, но и ночью, в наше отсутствие. Мне это тогда стало понятно еще и потому, что я вспомнила случаи, когда весь живший на даче состав офицеров и солдат, за исключением часовых, просыпался поздно, часам к 12 дня.

Несколько раз о прибытии поляков в Козьи Горы мы догадывались по напряженной обстановке,

которая царила в это время на даче...

Весь офицерский состав уходил с дачи, в здании оставалось только несколько караульных, а вахмистр беспрерывно проверял посты по телефону...".

Михайлова О. А., 1924 года рождения, на допросе 24 декабря 1943 г[ода] показала: "В сентябре месяце 1941 года в лесу Козьи Горы очень часто раздавалась стрельба. Сначала я не обращала внимание на подъезжавшие к нашей даче грузовые автомашины, крытые с боков и сверху, окрашенные в зеленый цвет, всегда сопровождавшиеся унтер-офицерами. Затем я заметила, что эти машины никогда не заходят в наш гараж и в то же время не разгружаются. Эти грузовые автомашины приезжали очень часто, особенно в сентябре 1941 года.

Среди унтер-офицеров, которые всегда ездили в кабинах рядом с шоферами, я стала замечать одного высокого, с бледным лицом и рыжими волосами. Когда эти машины подъезжали к даче, то все унтер-офицеры как по команде шли в баню и долго в ней мылись, после чего сильно пьянствовали на даче.

Однажды этот высокий рыжий немец, выйдя из машины, направился в кухню и попросил воды. Когда он пил из стакана воду, я увидела кровь на обшлагае правого рукава его мундира.

Замечала я и такую вещь: пока унтер-офицеры мылись в бане, их шоферы постоянно чистили и смазывали оружие. Особенно бросалось в глаза то, что закрытые грузовые автомашины приезжали к даче всегда вскоре по окончании стрельбы в лесу на Козьих Горах".

Конаховская З.П., 1925 года рождения, на допросе 23 декабря 1943 года показала: «...через несколько дней после моего поступления на работу в Козьи Горы я начала замечать, что на территории дачи приезжают какие-то крытые грузовые машины. Обычно в это время из леса слышались выстрелы. Минут через 40-50 фургоны подъезжали к даче, и ехавшие в кабинах шоферов немцы уходили в баню. В эти дни нам на кухне доставалось много работы. Повар Густав заставлял чистить большое количество картофеля, в котел закладывалась удвоенная, а иногда утроенная порция продуктов, а Розе по несколько раз на день забегал на кухню, справляясь у повара, все ли в порядке. Было еще одно обстоятельство, благодаря которому дни приезда фургонов мне особенно хорошо запомнились: мне, Алексеевой и Михайловой при появлении крытых машин на территории дачи приказывали немедленно уходить на кухню и ни в коем случае не выходить во двор...»

Работавшие у немцев на даче в Козьих Горах Михайлова О. А. и Конаховская З.П. один раз лично видели, как были расстреляны два военнопленных поляка, очевидно, бежавших от немцев и затем пойманных.

Михайлова об этом на допросе 24 декабря 1943 года показала: «Однажды, как обычно, я и Конаховская работали на кухне и услышали недалеко от дачи шум. Выйдя за дверь, мы увидели двух военнопленных поляков, окруженных немецкими солдатами, что-то разъярявшими унтер-офицеру Розе, затем к ним подошел обер-лейтенант Арнес и что-то сказал Розе. Мы спрятались в сторону, так как боялись, что за проявленное любопытство Розе нас изобьет. Но нас все-таки заметили, и механик Глиневский* по знаку Розе загнал нас на кухню, а поляков повел в сторону от дачи. Через несколько минут мы услышали выстрелы. Вернувшиеся вскоре немецкие солдаты и унтер-офицер Розе оживленно разговаривали. Я и Конаховская, желая выяснить, как поступили немцы с задержанными поляками, снова выйти на улицу. Одновременно с нами вышедший через главный вход дачи адъютант Арнеса по-немецки что-то спросил Розе, на что последний также по-немецки ответил: „Все в порядке“. Эти слова я поняла, так как их немцы часто употребляли в разговорах между собой. Из всего происшедшего я заключила, что эти двое поляков расстреляны».

Аналогичные показания по этому вопросу дала также Конаховская З.П.

Напуганные всем тем, что происходило на даче, Алексеева, Михайлова и Конаховская решили под каким-нибудь удобным предлогом оставить работу на даче. Воспользовавшись снижением им «зарплаты» с 9 марок до 3 марок в месяц, в начале января 1942 г[ода] по предложению Михайловой они не вышли на работу. За ними в тот же день вечером приехали на машине, привезли на дачу и в наказание посадили в холодную: Михайлову — на 8 суток, а Алексееву и Конаховскую — на 3 суток.

После того как они отсидели этот срок, их всех, к их большой радости, уволили.

За время своей работы на даче Алексеева, Михайлова и Конаховская боялись делиться друг с другом своими наблюдениями обо всем том, что на даче происходило. Лишь будучи арестованными, сидя в холодной, ночью они поделились об этом.

Михайлова на допросе 24 декабря 1943 года показала: «Здесь мы впервые поговорили откровенно о том, что делается на даче. Я рассказала все, что знала, но оказалось, что и Конаховская и Алексеева также знали все эти факты, но тоже, как и я, боялись говорить мне об этом. Тут же я узнала о том, что

немцы в Козьих Горах расстреливали именно польских военнопленных, так как Алексеева рассказала, что она однажды осенью 1941 года шла с работы и лично видела, как немцы загоняли в лес Козьи Горы большую группу военнопленных поляков, а затем слышала в этом месте стрельбу. Она же сообщила нам, что и в закрытых машинах, о которых я показала ранее, немцы привозили поляков».

Аналогичные показания об этом дали также Алексеева и Конаховская.

Сопоставив свои наблюдения, Алексеева, Михайлова и Конаховская пришли к твердому убеждению, что в августе и сентябре месяцах 1941 года на даче в Козьих Горах немцами проводились массовые расстрелы военнопленных поляков.

Показания Алексеевой подтверждаются показаниями ее отца Алексеева Михаила, которому она еще в период своей работы на даче осенью 1941 года рассказывала о своих наблюдениях по поводу творимых немцами на даче дел.

«Она мне долго ничего не говорила, только приходила домой и жаловалась, что на даче работать страшно и она не знает, как ей оттуда вырваться. Когда я ее спрашивал, почему ей страшно, она говорила, что в лесу очень часто слышится стрельба. Однажды, придя домой, она сказала мне по секрету, что в лесу Козьи Горы немцы расстреливают поляков. Выслушав дочь, я ее очень строго предупредил, чтобы она больше никому об этом не рассказывала, иначе узнают немцы и пострадает вся наша семья» (из показаний Алексеева Михаила от 24 декабря 1943г.).

По вопросу о том, что делалось осенью 1941 года на даче в Козьих Горах, заслуживают внимания показания Кривозерцева М. Г., 1904 года рождения, по специальности плотника.

На допросе 22 ноября 1943 года Кривозерцев показал: «Осенью 1941 года по распоряжению лесника Сурикова я был мобилизован на дровозаготовки, по крайней мере, мне так было объявлено. На самом деле с группой крестьян из разных деревень, мне лично незнакомых, я в течение шести дней работал по очистке леса Козьи Горы. Лес вырубался со стороны шоссе, и нам было ясно, что немцы вырубают лес, боясь партизанских налетов на шоссе. Все мы, работавшие в лесу, были зарегистрированы у немцев, и часовые пропускали нас в лес после того, как сверяли по документам нашу личность. Однажды лесник Суриков повел меня лесом показать новую делянку, и нам пришлось проходить с ним по дороге, ведущей с шоссе к лесной даче Козьи Горы. Примерно в 300 метрах от шоссе я у видел поляну шагов сорок в длину и столько же в ширину, обсыпанную песком. Никогда ранее ее на этом месте не было, она резко выделялась от общего тона земли. Видно было, что эта поляна, обсыпанная по поверхности песком, была устроена руками человека. Я спросил Сурикова, откуда и каким образом появилась на Козьих Горах эта поляна. Суриков сказал мне, что здесь зарыты люди, и, как я ни допытывался, он мне больше ничего не сказал и велел молчать, если я не желаю себе зла. Здесь же Суриков мне сказал, чтобы вокруг этой поляны я не вырезал лес. Этот разговор относится, как я теперь вспоминаю, к середине октября 1941 года. Поскольку эта поляна действительно производила впечатление какой-то свежевырытой и засыпанной большой ямы, которой никогда до прихода немцев в Смоленск я ранее не видел, я поверил Сурикову. Но так как Суриков не стал мне говорить, кто погребен в этой яме, то для меня стало ясным, что усиленная охрана немцами Козьих Гор не случайна, а здесь действительно закапываются трупы замученных немцами людей».

Кривозерцев представил Комиссии три стреляные гильзы калибром 7,65 мм немецкого образца с надписями на шляпках «GECO», «RWS» и «PWH 479 A».

По словам Кривозерцева, эти гильзы он нашел в катынских могилах весной 1943 года, когда он был привлечен немцами к работам на могилах.

О том, что во второй половине августа и в сентябре 1941 года в районе Козьих Гор постоянно слышались выстрелы, причем не автоматные очереди, а одиночные pistolетные выстрелы, следовавшие часто один за другим, показывают многочисленные свидетели, и в частности, ближе всего проживавший к району Козьих Гор у себя на хуторе Киселев П. Г. Последний на допросе 9 октября 1943 года показал: «Немного позже, в конце августа или начале сентября 1941 года, в район Козьих Гор стали прибывать на грузовых автомашинах под охраной группы польских военных. Кроме того, иногда в это место гнали поляков пешком группами по 30—40 человек. Какое количество поляков было доставлено немцами в Катынский лес, я не знаю. После прибытия машин в Козьи Горы я в разное время суток слышал из леса стрельбу».

Особо важное значение в вопросе о том, что происходило на даче в Козьих Горах осенью 1941 года, имеют показания профессора астрономии, директора обсерватории в городе Смоленске Базилевского Бориса Васильевича.

Профессор Базилевский в первые дни оккупации немцами гор [ода] Смоленска был насильно назначен ими (25 июля 1941 г.) заместителем начальника города (бургомистра), в каковой должности

состоял до 1 октября 1942 года. Начальником города (бургомистром) был назначенный немцами адвокат гор[ода] Смоленска Меньшагин, впоследствии ушедший вместе с ними, предатель, пользовавшийся особым доверием немецкого командования, и в частности коменданта города Смоленска фон Швеца. В доверительной беседе Меньшагин рассказал Базилевскому о планах немцев в отношении военнопленных поляков.

Базилевский Б. В., 1885 года рождения, на допросе 20 декабря 1943 года показал: "Вскоре после занятия Смоленска немецкими войсками, в августе 1941 года, в конце 1-й Красненской улицы был создан для русских военнопленных лагерь, известный под № 126, в котором содержалось несколько десятков тысяч военнопленных командиров и красноармейцев. Это был не лагерь, приспособленный к содержанию пленных в сколько-нибудь человеческих условиях, а, по общему отзыву, какой-то «загон», где люди жили в помещениях без окон и дверей, в условиях неопишуемой скученности. В числе находившихся в лагере и близких к гибели был и хорошо мне известный смоленский педагог (заведующий учебной частью 3-й смоленской средней школы) Георгий Дмитриевич Жиглинский.

В начале сентября 1941 года после своего очередного доклада Меньшагину по делам подведомственных мне отделов городского управления я обратился к нему с просьбой возбудить ходатайство перед немецким командованием об освобождении Жиглинского из лагеря, так как без ходатайства начальника города освобождение осуществлено быть не могло. Меньшагин после небольшого колебания согласился подписать ходатайство, но при этом заметил: «Что ж, одного спасем, а тысячи все равно погибнут».

В этой связи я высказал мысль, что хорошо бы поставить перед немецким командованием вопрос о разгрузке лагеря № 126 и создании в нем более человеческих условий, что он, Меньшагин, пользуясь определенным доверием немецкой комендатуры в лице коменданта города фон Швеца, может добиться в этом вопросе положительного результата. Это тем более необходимо, продолжал я, что лагерь является очагом распространения эпидемических заболеваний и потому представляет прямую угрозу для населения города, за судьбу которого мы с вами как лица, стоящие во главе городского управления, несем определенную ответственность.

Меньшагин задумался, а затем сказал: «Вы, пожалуй, правы. Об этом стоит поговорить с господином фон Швецем, так как лагерь представляет угрозу не только для населения города, но и для частей германской армии, размещенных в городе».

Через два дня Меньшагин вызвал меня к себе в кабинет и с некоторым раздражением сообщил: «Из-за вашей просьбы я попал в неудобное положение. Фон Швец отказался удовлетворить наше ходатайство об освобождении Жиглинского».

Он объяснил мне, что получена директива из Берлина, предписывающая неукоснительно проводить самый жесткий режим в отношении военнопленных, не допуская никаких послаблений в этом вопросе.

Я невольно возразил: «Что же может быть жестче существующего в лагере режима?»

Меньшагин странно посмотрел на меня и, наклонившись ко мне, тихо ответил: «Может быть. Русские, по крайней мере, сами будут умирать, а вот военнопленных поляков предложено просто уничтожить». «Как так? Как это понимать?» — воскликнул я.

— Понимать надо в буквальном смысле. Есть такая директива из Берлина, — ответил Меньшагин и тут же попросил меня «ради всего святого» никому об этом не говорить. Я заверил его, что сохраню этот разговор в тайне.

Вопрос. Вам известна дальнейшая судьба военнопленных поляков?

Ответ. Да, известна. Вопрос о поляках, признаюсь, меня очень мучил, и я никак не мог отвязаться от мысли о них. Недели через две после описанного выше разговора с Меньшагиным я, будучи снова у него на приеме, не удержался и спросил: «Что слышно о поляках?»

Меньшагин помедлил, а потом все же ответил: «С ними уже покончено. Фон Швец сказал мне, что они расстреляны где-то недалеко от Смоленска».

Видя мой растерянный вид, Меньшагин снова предупредил меня о необходимости держать это дело в строжайшем секрете и затем стал «объяснять» мне линию поведения немцев в этом вопросе. Он сказал, что расстрел поляков является звеном в общей цепи проводимой Германией антипольской политики, особенно обострившейся в связи с заключением русско-польского договора".

Объективным документальным подтверждением показаний Базилевского являются собственноручные записи Меньшагина, сделанные им в своем блокноте. Этот блокнот, содержащий в себе 17 неполных страниц, был обнаружен в делах Городского управления города Смоленска после его освобождения Красной Армией.

В числе различных заметок по хозяйственным вопросам (о дровах, об электрической энергии, торговле и проч.) имеется ряд записей, сделанных Меньшагиным, очевидно, для памяти, как указания немецкой комендатуры гор[ода] Смоленска.

Принадлежность указанного блокнота Меньшагину и его почерк удостоверены как показаниями Базилевского, хорошо знающего почерк Меньшагина, так и графической экспертизой.

Из этих записей достаточно четко вырисовывается круг вопросов, которыми занималось Управление города как орган, выполнявший все указания немецкого командования.

Судя по имеющимся в блокноте датам, его содержание относится к периоду от первых дней августа 1941 года до ноября того же года.

Из записей заслуживают внимания и представляют интерес следующие: "... 4. Весь город, кроме евр[ейского] квартала, должен быть до 16 часов 5.8 освобожден евреями.

5. Все евреи, которые после этого срока останутся в городе, будут арестованы и расстреляны.

6. Из района поселения евреи не имеют права выходить без особого разрешения, выдаваемого комендантом города или полицией.

7. Район евр[ейского] поселения должен быть огражден проволокой, и в дальнейшем должно быть выстроено массивное ограждение.

8. Квартиры, освобожденные от евреев, поступают в распоряжение начальника города для заселения...

11. Всем евреям Смоленска запрещено иметь непосредственное сношение с Управлением начальника города и равно и с русским населением. Эти отношения осуществляются лишь через Еврейский комитет.

12. Все евреи, достигшие 10-летнего возраста, обязаны нашить на одежду круглый знак из желтой материи диаметром 10 см. Эти знаки помещаются с правой стороны груди и на правой стороне спины. Евреи, обнаруженные после 16 часов 5.8 без указанных знаков, должны быть задержаны и препровождены в немецкую полицию (здание бывшей НКВД) для расстрела.

Объявить населению, что все жители старше 16 лет по указаниям комендатуры и Управления города подлежат трудовой повинности до распоряжения, причем отказ преследуется по законам военного времени.

VI. Немцев и лиц немецкого происхождения командировать в полицию.

VIII. О большевиках, комиссарах немедленно сообщить полиции.

О работе суда, прокуратуры, адвокатуры.

Всех бежавших поляков-военнопленных задерживать и доставлять в комендатуру.

Завод № 2. Анищенков Андрей — коммунист. Костенко Ефим — кандидат ВКП(б) и жена — депутат.

11. Борьба с партизанами и наблюдение за ними...

13. Ходят ли среди населения слухи о расстреле польских военнопленных в Коз[ьих] Гор[ах] (Умнову).

3. Священников, старосту, Алферчика и др[угих] командировать в СД и Буевича, ком. 218".

Приведенные выше две записи Меньшагина о поляках в сопоставлении с показаниями Базилевского с неопровержимой ясностью говорят о том, что немцы захватили в бывших лагерях НКВД и на строительных работах военнопленных поляков, что некоторые из поляков, видимо, бежали и затем были выловлены и к их поимке привлекалась русская полиция и что немецкое командование, обеспокоенное возможностью проникновения слухов о совершенном им преступлении в среду гражданского населения, специально давало указание о проверке этого своего предположения.

Умнов, который упоминается в записи, являлся начальником русской полиции гор[ода] Смоленска, был назначен на эту должность немцами в первые месяцы оккупации гор[ода] Смоленска и позже перешел на работу официальным сотрудником гестапо.

Фотоснимки с записей Меньшагина из его блокнота при этом прилагаются.

V. Как немцы весной 1943 года готовили свою провокацию о могилах польских офицеров в Катынском лесу. Расстрел немцами военнопленных поляков просто являлся, как сказано выше, одним из звеньев в их политике физического уничтожения «неполноценных» славянских народов.

Осенью 1941 года немцы не чувствовали политической необходимости заняться провокационными измышлениями в «Катынском деле». Но если они и пожелали бы этого, то практически не смогли бы в тот период начать провокацию: надо было выждать время для того, чтобы трупы, захороненные в Катынском лесу, достаточно разложились и имели вид давно захороненных, в соответствии с принятой немцами версией.

Зимой 1942/43 г. обстановка на фронтах изменилась не в пользу немцев, со дня на день усиливалась военная мощь Советского Союза, крепло единение СССР с союзниками. Немцам надо было постараться вбить клин между СССР и союзниками, как-нибудь опорочив для этой цели Советский Союз и, кстати, поссорить поляков с русскими. Из задач, поставленных немцами перед собой в «катынском деле», ими была решена только одна: поляки попались на удочку Гитлера, и польское правительство под воздействием прогитлеровских элементов среди поляков взяло линию на оказание помощи Гитлеру в «катынском деле», что, как известно, привело к разрыву договорных отношений между правительством СССР и польским правительством Сикорского.

Приступив к подготовке катынской провокации, немцы в первую очередь занялись поисками «свидетелей», которые могли бы под воздействием уговоров, подкупа или угроз дать требуемые показания о том, что военнопленные польские офицеры в Катынском лесу весной 1940 года расстреляны большевиками.

Внимание немцев привлек проживавший на своем хуторе ближе всего к даче в Козьих Горах крестьянин Киселев Парфен Гаврилович, 1870 года рождения.

Киселева вызывали в гестапо еще в конце 1942 года и, угрожая репрессиями, требовали от него дать вымышленные показания о том, что ему якобы известно, как весной 1940 года большевики на даче УНКВД в Козьих Горах расстреляли военнопленных поляков.

Киселев тогда дать ложные показания отказался, и его отпустили, предупредив, что вызовут еще.

Действительно, в феврале 1943 года Киселев был снова вызван в гестапо. Об этом на допросе 9 октября 1943 года он показал:

"Осенью 1942 года ко мне домой пришли два полицейских и предложили явиться в гестапо на станцию Гнездово. В тот же день я пошел в гестапо...

После непродолжительного разговора на эту тему офицер заявил, что, по имеющимся в гестапо сведениям, сотрудники НКВД в 1940 году в Катынском лесу на участке Козьих Гор расстреляли польских офицеров, и спросил меня, какие я могу дать по этому вопросу показания. Я ответил, что вообще никогда не слышал, чтобы НКВД производило расстрелы в Козьих Горах, да и вряд ли это возможно, объяснил я офицеру, так как Козьи Горы совершенно открытое многолюдное место и если бы там расстреливали, то об этом бы знало все население близлежащих деревень... Несмотря на это, офицер упорно настаивал, чтобы я дал ложные показания. Офицер убеждал меня, заявляя: «Германия ведет борьбу с большевизмом, и мы должны показать русскому народу, какие большевики звери...»

Я отказался это сделать. Тогда переводчик стал понуждать меня к этому бранью и угрозами. Под конец он заявил: «Или вы сейчас же подпишете, или мы вас уничтожим. Выбирайте!»

Испугавшись угроз, я подписал этот документ, решив, что на этом дело кончится".

В дальнейшем, после того как немцы организовали посещение катынских могил различными «делегациями», Киселева заставили выступить перед прибывшей «польской делегацией».

Киселев, забыв содержание подписанного в гестапо протокола, спутался и под конец отказался говорить.

Тогда гестапо арестовало Киселева и, нещадно избивая его в течение полутора месяцев, вновь добилось от него согласия на «публичные выступления».

Показания Киселева П. Г. о его вызове в гестапо, последующем аресте и избиениях подтверждаются проживающими вместе с ним его женой Киселевой Аксиной, 1870 года рождения, сыном Киселевым Василием, 1911 года рождения, и невесткой Киселевой Марией, 1918 года рождения, а также занимающим у Киселева на хуторе комнату дорожным мастером Сергеевым Тимофеем Ивановичем, 1901 года рождения.

Увечья, причиненные Киселеву в гестапо (повреждение плеча, значительная потеря слуха), подтверждены актом врачебно-медицинского обследования, произведенного 25 декабря 1943 года Комиссией в составе капитана медслужбы Цветкова, капитана медслужбы Шканаевой и врача Журавлевой.

В поисках «свидетелей» немцы в дальнейшем заинтересовались работниками железнодорожной станции Гнездово, находящейся в двух с половиной километрах от Козьих Гор.

На эту станцию весной 1940 года прибывали военнопленные поляки, и немцам, очевидно, хотелось получить соответствующие показания железнодорожников. В этих целях весной 1943 года немцами были вызваны в гестапо бывший начальник станции Гнездово Иванов С. В., дежурный по станции Савватеев И. В. и другие.*

Поиски «свидетелей» не ограничились названными лицами. Немцы настойчиво старались разыскать бывших сотрудников НКВД и заставить их дать нужные им ложные показания.

Случайно арестовав бывшего рабочего гаража УНКВД Смоленской области Игнатюка Е. Л., немцы упорно путем угроз и избиений добивались от него дать показания о том, что он якобы являлся не рабочим гаража, а шофером и лично возил на расстрел военнопленных поляков.

По этому вопросу Игнатюк Е. Л., 1903 года рождения, на допросе от 29 декабря 1943 года показал: "Когда я был в первый раз на допросе у начальника полиции Алферчика, он, обвиняя меня в агитации против немецких властей, спросил, кем я работал в НКВД. Я ему ответил, что я работал в гараже Управления НКВД Смоленской области в качестве рабочего. Алферчик на этом же допросе стал от меня добиваться, чтобы я ему дал показания о том, что я работал в Управлении НКВД не рабочим гаража, а шофером. Алферчик, не получив от меня нужных показаний, был сильно раздражен и вместе со своим адъютантом, которого он называл Жоржем, завязали мне голову и рот какой-то тряпкой, сняли с меня брюки, положили на стол и начали бить резиновыми палками.

После этого меня опять вызвали на допрос, и Алферчик требовал от меня, чтобы я дал ему ложные показания о том, что польских офицеров в Катынском лесу расстреляли органы НКВД в 1940 году, о чем мне якобы как шоферу, участвовавшему в перевозке польских офицеров в Катынский лес и присутствовавшему при их расстреле, известно. При моем согласии дать такие показания Алферчик обещал освободить меня из тюрьмы и устроить на работу в полицию, где мне будут созданы хорошие условия жизни, в противном же случае они меня расстреляют...

Последний раз меня в полиции допрашивал следователь Александров, который требовал от меня таких же ложных показаний о расстреле польских офицеров, как и Алферчик, но и у него на допросе я отказался давать вымышленные показания.

После этого допроса меня опять избили и отправили в гестапо...

В гестапо от меня требовали так же, как и в полиции, ложных показаний о расстреле польских офицеров в Катынском лесу в 1940 году советскими властями, о чем мне как шоферу якобы известно".

Таким образом, в результате поисков немцам удалось избиением и угрозами добиться ложных показаний фактически от одного упомянутого выше Киселева П. Г., которого они заставляли неоднократно выступать перед «делегациями», посещавшими по приглашению немцев раскопки катынских могил.

Показания Киселева о том, как происходили эти «выступления», приведены выше.

Фамилии других «свидетелей» немцы в своих сообщениях полностью не приводили, обозначая эти фамилии одной буквой, очевидно, для того, чтобы они не были сразу же разоблачены населением г. Смоленска и окружающих деревень как лица, явно подставленные немцами.

Так, например, в сообщении германского информбюро от 17 апреля 1943 года говорилось:

«Вместе с Киселевым в правильности этих слов клянутся и другие добровольно дающие свои свидетельские показания против большевистских зверей. Это Иван Г., Матвей С., Григорий С., Иван А. и др.».

Так как поиски достаточного количества «свидетелей» не увенчались успехом, немцы вынуждены были расклеить по городу Смоленску и деревням специальные объявления с приглашением за «вознаграждение» дать «показания» о «катынском деле», надеясь таким путем найти подходящих для себя лиц из числа предателей и изменников Родины.

В распоряжении Комиссии по расследованию имеется подлинный экземпляр такого объявления, текст которого гласит:

"Обращение к населению. Кто может дать данные про массовое убийство, совершенное большевиками в 1940 году над пленными польскими офицерами и священниками в лесу Козьи Горы около шоссе Гнездово — Катынь?

Кто наблюдал автотранспорты от Гнездово в Козьи Горы или

Кто видел или слышал расстрелы? Кто знает жителей, которые могут рассказать об этом? Каждое сообщение вознаграждается.

Сообщения направлять в Смоленск в немецкую полицию, Музейная улица, б, в Гнездово в немецкую полицию, дом № 105 у вокзала.

ФОСС, лейтенант полевой полиции, 3 мая 1943 года".

Аналогичное объявление было помещено также в издававшейся немцами в Смоленске газете «Новый путь» (№ 35 (157) от 6 мая 1943 г.).

О том, что немцы широко обещали крупное вознаграждение за дачу нужных им показаний по «катынскому делу», показали опрошенные Комиссией Соколова О. Е., ныне секретарь отделения Смоленского военторга, Пущина Е. А., Бычков И. И., Бондарева А. А., Устинов Е. Ф. и многие другие жители г. Смоленска и окружающих деревень.

Наряду с поисками «свидетелей» немцы приступили к соответствующей подготовке могил в Катынском лесу: к изъятию из одежды трупов всех случайно сохранившихся документов, датированных позже апреля 1940 года, т. е. той даты, когда, согласно немецкой версии, поляки были расстреляны большевиками; к изготовлению и вкладыванию в одежду трупов новых документов, подтверждающих дату расстрела или удостоверяющих личности польских офицеров, и т. д.

Как установлено расследованием, для этой цели немцами были использованы около 500 русских военнопленных, специально отобранных из числа наиболее физически здоровых, содержащихся в немецком лагере № 126, расположенном в г. Смоленске.

По этому вопросу Комиссия располагает многочисленными свидетельскими показаниями и заявлениями, из которых в первую очередь заслуживают внимания показания и заявления врачебного персонала лагеря № 126.

Так, например, врач Чижов А. Т., в дни оккупации немцами г. Смоленска работавший военнопленным врачом в лагере № 126, а ныне работающий врачом ППГ-725, показал на допросе 16 октября 1943 года:

«Примерно в начале марта месяца 1943 года из Смоленского лагеря военнопленных № 126 из числа наиболее физически крепких пленных было направлено несколько партий пленных общим количеством до 500 человек якобы на окопные работы. Но впоследствии никто из этих пленных в лагерь не возвратился...»

Врач Хмыров В.А., также работавший при немцах в лагере № 126, а ныне врач ППГ-725, на допросе 21 октября 1943 года показал:

«Кроме того, мне известно, что примерно во 2-й половине февраля месяца или начале марта 1943 г. из лагеря № 126 было отправлено в неизвестном мне направлении около 500 человек военнопленных красноармейцев. Отправлялись они партиями по 60-80 человек. Отправка этих пленных проводилась на якобы окопные работы, в связи с чем отбирались физически полноценные люди...»

Ленковская О. Г., медсестра Смоленской инфекционной больницы, на допросе 22 октября 1943 года показала:

"...В феврале или марте мес[яце] 1943 г., в лагере № 126 немцами было отобрано около 500 наиболее здоровых военнопленных и партиями направлено куда-то. Немцы говорили, что их направляют на окопные работы.

Из этого количества людей ни один в лагерь не возвратился..."

Аналогичные показания дали медсестра инфекционной больницы Тимофеева А. И., работавшая при немцах медсестрой в лагере № 126, сотрудница Катынской больницы Орлова П. М., кучер Красноармейского райисполкома г. Смоленска Кочетков В. Е., гр[аждан]ка г. Смоленска Добросердова Е. Г. и др.

Судьба этих военнопленных оказалась трагической: чтобы замести следы своей подлой работы и скрыть концы в воду, всех их расстреляли.

Об этом говорит тот факт, что по показаниям указанных выше свидетелей, врачей и медсестер, работавших в лагере № 126, никто из отобранных военнопленных не вернулся в лагерь, хотя обычно взятые для работ военнопленные в лагерь возвращались.

Кроме того, факт расстрела указанных военнопленных с неопровержимой ясностью доказывается показанием гр[аждан]ки Московской.

Гр[аждан]ка Московская Александра Михайловна, проживавшая на окраине г. Смоленска по Ново-Московской улице в доме № 6 и работавшая в период оккупации на кухне в одной из немецких воинских частей, подала 5 октября 1943 года заявление в Чрезвычайную Комиссию по расследованию зверств немецких оккупантов с просьбой вызвать ее для дачи важных показаний.

Будучи вызвана, она рассказала, что в марте месяце 1943 года перед уходом на работу, зайдя за дровами в свой сарай, находившийся во дворе у берега Днепра, она нашла в нем неизвестного человека, который оказался русским военнопленным.

Московская А. М., 1922 года рождения, 18 октября 1943 года показала:

"...Из разговора с ним я узнала следующее.

Его фамилия Егоров, зовут Николай, ленинградец. С конца 1941 года он все время содержался в немецком лагере для военнопленных № 126 в городе Смоленске. В начале марта 1943 года он с колонной военнопленных в несколько сот человек был направлен из лагеря в Катынский лес. Там их, в том числе и Егорова, заставляли раскапывать могилы, в которых были трупы в форме польских офицеров, вытаскивать эти трупы из ям и выбирать из их карманов документы, письма, фотокарточки и все другие вещи. Со стороны немцев был строжайший приказ, чтобы в карманах трупов ничего не

оставлять. Два военнопленных были расстреляны за то, что после того, как они обыскали трупы, немецкий офицер у этих трупов обнаружил какие-то бумаги.

Извлекаемые из одежды, в которую были одеты трупы, вещи, документы и письма просматривали немецкие офицеры, затем заставляли пленных часть бумаг класть обратно в карманы трупов, остальные бросали в кучу изъятых таким образом вещей и документов.

Кроме того, в карманы трупов польских офицеров немцы заставляли вкладывать какие-то бумаги, которые они доставали из привезенных с собой ящиков или чемоданов (точно не помню).

Часть военнопленных была занята тем, что откуда-то по ночам возила сотни трупов, которые складывались в могилы вместе с ранее выкопанными трупами. Для этой цели ямы расширялись.

Все военнопленные жили на территории Катынского леса в ужасных условиях, под открытым небом, и усиленно охранялись. Кормили плохо.

Егоров говорил о своих переживаниях, об ужасных ощущениях, когда возишься с трупами, дышишь их запахом. Он с ужасом думал, что не выдержит и сойдет с ума, и твердо решил при первом удобном случае бежать, о чем договорился с другими военнопленными, близкими товарищами по лагерю. Их было вместе с ним 5 человек. Они тщательно присматривались к обстановке, пытаясь найти возможность использовать какой-нибудь промах охраны и бежать. Однако это не удавалось.

Лишь в самую последнюю, в самую страшную ночь он бежал один. Дело было так:

В начале апреля месяца 1943 года все работы, намеченные немцами, видимо, были закончены, так как 3 дня никого из военнопленных не заставляли работать. Обессиленные, изголодавшиеся, они лежали группами на земле возле того места, которое было отведено им в Катынском лесу «для отдыха».

Вдруг ночью их всех без исключения подняли и куда-то повели. Охрана была усилена. Егоров заподозрил что-то неладное и стал с особым вниманием следить за всем тем, что происходило. Шли они часа 3-4 в неизвестном направлении. Остановились в лесу на какой-то полянке у ямы. Он увидел, как группу военнопленных отделили от общей массы, погнали к яме, а затем стали расстреливать.

Создалась крайне напряженная обстановка, военнопленные заволновались, зашумели, задвигались. Недалеко от Егорова несколько человек военнопленных набросились на охрану, другие охранники побежали к этому месту. Егоров воспользовался этим моментом замешательства и бросился бежать в темноту леса, слыша за собой крики и выстрелы. Напрягая силы, ему удалось скрыться от преследования.

Два или три дня Егоров скрывался в лесу. Видел неподалеку деревню, но не решился туда зайти, учитывая, что в окрестных селениях его будут особенно усиленно разыскивать. Потом ночью вышел из леса и пробрался в Смоленск.

После этого страшного рассказа, который врезался в мою память на всю жизнь, мне Егорова стало очень жаль, и я просила его зайти ко мне в комнату отогреться и скрываться у меня до тех пор, пока он не наберется сил. Но Егоров не согласился, сказав, что ему нельзя задерживаться и что он не хочет подвергать меня опасности, так как немцы, обнаружив его у меня на квартире, могут меня также расстрелять. Он сказал, что во что бы то ни стало сегодня ночью уйдет и постарается пробраться через линию фронта к частям Красной Армии или уйти к партизанам.

На прощанье Егоров сказал, что никогда не забудет меня и после войны, если будет жив, обязательно приедет в гости. Но в этот вечер Егоров не ушел. Наутро, когда я пошла проверить, он оказался в сарае. Как выяснилось, ночью он пытался уйти, но после того, как прошел шагов пятьдесят, почувствовал такую слабость, что вынужден был возвратиться. Видимо, сказалось длительное истощение в лагере и голод последних дней. Мы решили, что он еще день-два побудет у меня с тем, чтобы окрепнуть.

Накормив Егорова, я ушла на работу.

Когда вечером я возвратилась домой, мои соседи — Баранова Мария Ивановна и Кабановская Екатерина Викторовна сообщили мне, что днем во время облавы немецкими полицейскими в моем сарае был обнаружен пленный красноармеец, которого они увели с собой".

В связи с обнаружением в сарае Московского военнопленного Егорова она вызывалась в гестапо, где ее обвинили в укрывательстве военнопленного.

Московская на допросах в гестапо упорно отрицала какое-либо отношение к этому военнопленному, утверждая, что о нахождении его в сарае, принадлежавшем ей, она ничего не знает. Не добившись признания от Московской, а также и потому, что военнопленный Егоров, видимо, Московскую не выдал, она была выпущена из гестапо...

Факт завоза в катынские могилы в большом количестве трупов, расстрелянных немцами в других местах, подтверждается также показаниями инженера-механика Сухачева П. Ф. и бывш[его]

полицейского Егорова В. А.

Сухачев П. Ф., 1912 года рождения, инженер-механик системы «Росглавхлеб», работавший при немцах машинистом на Смоленской городской мельнице, подал 8 октября 1943 года заявление с просьбой о вызове.

Будучи вызван, он 20 октября 1943 года показал:

"...Как-то раз на мельнице во 2-й половине марта месяца 1943 года я заговорил с немецким шофером, слабо владевшим русским языком. Выяснив у него, что он везет муку в деревню Савенки для воинской части и на другой день возвращается в Смоленск, я попросил его захватить меня с собой, дабы иметь возможность купить в деревне жировые продукты. При этом я учитывал, что проезд на немецкой машине для меня исключал риск быть задержанным на пропускном пункте. Немецкий шофер согласился за плату. В тот же день в десятом часу вечера мы выехали на шоссе Смоленск-Витебск. Нас в машине было двое — я и немец шофер. Ночь была светлая, лунная, однако устилавший дорогу туман несколько снижал видимость. Примерно на 22-23-м километре от Смоленска, у разрушенного мостика на шоссе, был устроен объезд с довольно крутым спуском. Мы стали уже спускаться с шоссе на объезд, как нам навстречу из тумана внезапно показалась грузовая машина. То ли оттого, что тормоза у нашей машины были не в порядке, то ли от неопытности шофера, но мы не сумели затормозить нашу машину и вследствие того, что объезд был довольно узкий, столкнулись с шедшей навстречу машиной. Столкновение было несильным, так как шофер встречной машины успел взять в сторону, вследствие чего произошел скользящий удар боковых сторон машин. Однако встречная машина, попав правым колесом в канаву, свалилась одним боком на косогор, наша машина осталась на колесах, я и шофер немедленно выскочили из кабинки и подошли к свалившейся машине. Еще не доходя до нее, меня поразил сильный трупный запах, очевидно, шедший от машины. Подойдя ближе, я увидел, что машина была заполнена грузом, покрытым сверху брезентом, затянутым веревками. От удара веревки лопнули и часть груза вывалилась на косогор. Это был страшный груз. Это были трупы людей, одетых в военную форму. Трупы были, видимо, основательно разложившимися, так как издавали, как я уже сказал, сильный специфический запах.

Около машины находилось, насколько я помню, человек 6-7, из них один немец-шофер, два вооруженных автоматами немца, а остальные были русскими военнопленными, так как говорили по-русски и одеты были соответствующим образом.

Немцы с руганью набросились на моего шофера, затем предприняли попытки поставить машину на колеса. Минуты через две к месту аварии подъехали еще две грузовые машины и остановились. С этих машин к нам подошла группа немцев и русских военнопленных, всего человек 10. Общими усилиями все стали поднимать машину. Воспользовавшись удобным моментом, я тихо спросил одного из русских военнопленных: «Что это такое?» Тот так же тихо мне ответил: «Которую уж ночь возим трупы в Катынский лес».

Свалившаяся машина еще не была поднята, как ко мне и моему шоферу подошел немецкий унтер-офицер и отдал приказание нам немедленно ехать дальше. Так как на нашей машине никаких серьезных повреждений не было, то шофер, отведя ее немного в сторону, выбрался на шоссе, и мы поехали дальше.

Проезжая мимо подошедших позднее двух машин, крытых брезентом, я также почувствовал страшный трупный запах. '

Раздумывая об этом случае позже, после того как немцы начали известную кампанию о «катынском деле», я решил, что, очевидно, немцы расстреляли военнопленных поляков не только в Катынском лесу, а и в других местах, а затем, организовав катынскую провокацию, стали трупы всех расстрелянных ими поляков свозить в одно место, в Козьи Горы, может быть, потому, что в Козьих Горах, как известно, находился дом отдыха НКВД, что в глазах немцев придавало правдоподобность их версии о том, что расстрел поляков — «дело рук НКВД».

Показания Сухачева объективно подтверждаются показаниями Егорова Владимира Афанасьевича, 1924 года рождения, состоявшего в период оккупации на службе в полиции в качестве полицейского.

Егоров 15 декабря 1943 года показал, что, неся по роду своей службы охрану моста на перекрестке шоссе дорог Москва — Минск и Смоленск — Витебск, он несколько раз ночью в конце марта и в первые дни апреля 1943 года наблюдал, как по направлению к Смоленску проезжали большие грузовые машины, крытые брезентом, от которых шел сильный трупный запах. В кабинках машин и сзади поверх брезента сидело по несколько человек, из которых некоторые были вооружены и, несомненно, являлись немцами.

О своих наблюдениях Егоров доложил начальнику полицейского участка в деревне Архиповка

Головневу Кузьме Демьяновичу, который посоветовал ему «держать язык за зубами» и добавил: «Это нас не касается, нечего нам путаться в немецкие дела».

О том, что немцы перевозили трупы на грузовых машинах в Катунский лес, дал также показания Яковлев-Соколов Фрол Максимович, 1896 года рождения, бывш[ий] агент по снабжению столовых Смоленского треста столовых, а при немцах — начальник полиции Катунского участка.

Он показал, что лично видел один раз в начале апреля 1943 года, как с шоссе в Катунский лес прошли четыре крытые брезентом грузовые автомашины, в которых сидело несколько человек, вооруженных автоматами и винтовками. От этих машин шел резкий трупный запах.

VI. Организация немцами агитационной кампании «о зверствах большевиков над военнопленными поляками». В апреле 1943 года, закончив проведение всех «подготовительных работ», считая, что все «доказательства» собраны, все учтено и все меры приняты, немцы приступили к широкой кампании в печати и по радио, пытаясь обвинить Советскую власть в совершении зверств над военнопленными поляками.

В этих целях как один из методов агитации немцы применяли организацию поездок и «экскурсий» в Катунский лес на осмотр катунских могил как жителей города Смоленска и его окрестностей, так и «делегаций» из стран, оккупированных немцами или находившихся в вассальной зависимости от них.

Как правило, «экскурсия» местного населения проходила следующим образом. Сотрудникам различных учреждений г. Смоленска предлагалось в определенный день в обязательном порядке поехать в Катунский лес, для чего немцами предоставлялись автомашины или поезда до станции Гнездово.

По прибытии в Катунский лес экскурсантам предварительно показывались находящиеся в особом помещении в ящиках под стеклом различные «документы», якобы изъятые из одежды расстрелянных в Катунском лесу польских военнопленных: письма, фотографии, польские деньги, польские ордена и медали.

Затем, выстроив экскурсантов в шеренги по 3 или 4 человека, их проводили вокруг могил, не давая им останавливаться. Иногда при этом кто-либо из немцев через переводчика «объяснял», что в ямах лежат «замученные большевиками польские офицеры».

Все допрошенные участники экскурсий в своих показаниях единодушно указывают на тот факт, что виденные ими трупы польских офицеров очень хорошо сохранились: сохранилась одежда, обувь, кожные покровы, волосы и проч. Поэтому, по их убеждению, трупы не могли находиться в земле тот длительный срок, о котором говорили немцы (3 года)...

Телефонистка Смоленского отделения связи Щедрова М. Г. на допросе 3 декабря 1943 года показала:

"Нас построили в ряд и повели к раскопанным ямам. Я осмотрела две ямы, причем немцы долго останавливаться не разрешали, а можно было смотреть трупы, проходя мимо ям. Трупы лежали в ямах рядами, на земле около ям ч на стоявших недалеко от ям столах. Я обратила внимание на то, что трупы хорошо сохранились. Одежда на них была военная, шинели, сапоги или ботинки, которые также хорошо сохранились и имели довольно прочный вид. Пуговицы и пряжки от ремней были слегка поржавевшие, однако сохраняли блеск. У некоторых трупов руки были перевязаны веревкой, но какой, я рассмотреть не успела.

После осмотра трупов у меня создалось твердое убеждение в том, что немцы сами расстреляли поляков и с целью опорочить Советскую власть и скрыть свои преступления начали демонстрировать «катунские раскопки»...

Зубков К. П., 1908 года рождения, на допросе 18 ноября 1943 года показал:

"Лежавшие около ям на земле трупы были частично раздеты, без шинелей, в гимнастерках, брюках и в обуви.

Одежда трупов, особенно шинели, сапоги и ремни, были довольно хорошо сохранившимися, и даже местами серо-зеленый цвет шинели был отчетливым. В отдельных случаях сапоги, голенища которых были в виде лакированных, сохраняли свой блеск. Металлические части одежды, пряжки ремней, пуговицы, крючки, шипы на ботинках, котелки и прочее имели нерезко выраженную ржавчину и в некоторых случаях местами сохраняли блеск металла.

Веревки, которыми были связаны руки, сохранились хорошо, были витые, светло-желтого цвета. Распустившийся конец одной из таких веревок давал повод считать, что веревка сделана из бумаги, по-видимому, немецкого происхождения, так как бумажные веревки в Советском Союзе не делаются.

Ткани тела трупов, доступные осмотру, лица, шеи, рук имели преимущественно грязно-зеленоватый цвет, в отдельных случаях грязно-коричневый, но полного разрушения тканей гниением не было. В отдельных случаях были видны обнаженные сухожилия белесоватого цвета и

части мышц. В ряде случаев в головах трупов в области затылка или лба были видны круглые отверстия, сходные с отверстиями пулевых ран, и в тех случаях гниение тканей было выражено сильнее.

Во время моего пребывания на раскопках на дне большой ямы работали люди по разборке и извлечению трупов. Для этого они применяли лопаты и другие инструменты, а также брали трупы руками, перетаскивая их за руки, за ноги и одежду с места на место. При этом они действовали довольно грубо и решительно, но ни в одном случае не приходилось наблюдать, чтобы трупы распадались или отрывались их отдельные части, это указывало на сохранность и прочность тканей тела и одежды. Учитывая все вышеизложенное, я пришел к выводу, что давность пребывания трупов в земле не три года, как это утверждали немцы, а значительно меньше. Зная, что в массовых могилах гниение протекает быстрее, чем в одиночных, и тем более без гробов, что одежда и металлические части в таких случаях тоже менее устойчивы, и сопоставляя «выставленный» немцами срок давности события — три года — с тем, что удалось обнаружить на месте раскопок, я пришел к выводу, что массовый расстрел был произведен около полутора лет тому назад и может относиться к периоду осени 1941 года или весны 1942 года.

В результате посещения раскопок я укрепил мое твердое убеждение, что совершенное массовое злодеяние — дело рук немцев.

Я делился своим мнением среди близких мне врачей, среди которых был врач Шепетков Леонид Александрович, проживавший в то время в г. Смоленске и работавший вместе со мной. Он высказывал свои суждения по этому поводу, которые совпадали с теми доводами, которые высказывал и я".

Аналогичные показания дали: житель дер[евни] Зорок Алексеев М. А., житель дер[евни] Новые Батеки Кривоцерцез М. Г" дежурный по станции Гнездово Сав-ватеев, гр[аждан]ка г. Смоленска Пушина Е. А., врач 2-й больницы г. Смоленска Сидорук Т. А., врач той же больницы Кесарев Т. А., житель г. Смоленска Бычков И. К., работник смоленского духового оркестра Трыкин М. И., учитель Смоленской школы Хацкевич С.В., сторож станции Смоленск Чумак А. С., жительница г. Смоленска Бондарева А.А., сотрудница Смоленского телеграфа Шмидре М. А., врач г. Смоленска Соболев А. В. и многие другие.

Для осмотра катынских могил немцы по специальному выбору привозили в Смоленск «экскурсантов» из всех оккупированных областей, в частности с Украины.

В г. Нежине Черниговской области УССР арестован один из участников такой экскурсии — Симоненко Д. С., 1913 года рождения, работавший некоторое время у немцев надзирателем в нежинской тюрьме.

На допросе Симоненко показал:

«В г. Смоленск я выезжал в качестве члена „украинской делегации“, которая по заданию немецкого командования ездила для обозрения могил в Катынском лесу. После приезда в г. Смоленск мы сразу же были отвезены в дом пропаганды... В доме пропаганды нам отвели три комнаты для ночлега и организовали ужин с выпивкой... На второй день после завтрака, сопровождавшегося выпивкой, нас на грузовой машине повезли в Катынский лес...»

После того как в Катынском лесу «украинской делегации», и Симоненко в том числе, были показаны несколько трупов и в ящике под стеклом различные польские документы, их снова отвезли в Смоленск, устроили банкет с выпивкой, а затем отправили поездом в г. Нежин с предложением вести агитацию среди населения о том, что «большевики в 1940 году расстреляли 12 тысяч безоружных польских офицеров, а немецкое командование это дело вскрыло».

Для доказательства этого Симоненко была вручена пачка фотоснимков, на которых были засняты могилы в Катынском лесу, трупы, некоторые польские документы и проч.

По возвращении в Нежин всей «украинской делегации» опять был устроен банкет с обильной выпивкой.

Так, обрабатывая «делегатов» банкетами с вином, немцы пытались с их помощью заставить население оккупированных областей поверить в «большевистские зверства».

При этом немецкие пропагандисты, инструктируя своих помощников, почему-то забывали рассказать им, кем же и при каких обстоятельствах были обнаружены трупы польских военнопленных. Чтобы ликвидировать этот пробел, мы приводим еще два документа.

Ковальский Роман. Поляк. Работал в мастерской хозяина, поляка Рудничного, до 5 апреля 1943 года. Во время облавы был задержан на улице Варшавы и, так как не имел трудовой книжки (потому что работал в частной мастерской поляка), был схвачен и замкнут в комнате на бирже труда. Просидев там два дня, был посажен в вагон и отправлен в строительный батальон в Красный Бор, в Россию, близ Смоленска. 20 сентября вместе с По-тканским (см. его показания выше) сбежал и спрятался до прихода

частей Красной Армии. На Витебском шоссе был задержан и отправлен в лагерь военнопленных № 24.

Показал. "Началось это так: несколько русских военнопленных под конвоем немецких солдат были посланы в Катынский лес за песком. Копали песок, а выкопали несколько трупов польских офицеров. Я думал, что это было устроено нарочно, так как немцам нужно было, чтобы эти трупы обнаружили не сами немцы. Шофер-поляк по имени Казик (фамилии его я не знаю), который был при этом открытии, возвратился в батальон и рассказал о случившемся. Потом, когда отрыли могилы, поляков повезли показать трупы польских офицеров.

Трупы офицеров очень хорошо сохранились. Мы не верили, что они могли так долго пролежать в земле и не разложиться.

В одной могиле я увидел трупы офицеров, у которых руки были связаны бумажным немецким шпагатом.

Меня подтолкнули сзади товарищи, которые этим хотели обратить внимание на то, что этот шпагат является вещественным доказательством злодейского убийства польских офицеров немецкими бандитами".

VII. Преследование немцами лиц, выражавших сомнение в правильности немецкой версии «катынского дела». Однако организация экскурсий для обозрения «большевистских зверств» в Катынском лесу не дала немцам нужных им результатов: даже те, кто испытывал некоторые сомнения в существовании «катынского дела», побывав на могилах, убеждались в том, что перед ними налицо явная немецкая провокация.

Не верили в немецкую версию и некоторые из участников «делегаций», приезжавших в Катынский лес из других стран, в частности из Польши, хотя, вероятно, немцы тщательно подбирали состав таких «делегаций».

Так, например, Солдатенков Д. И., 1891 года рождения, работавший при немцах старостой в дер[евне] Борок, на допросе 29 декабря 1943 года показал:

"Польские врачи, прибывшие для осмотра могил в Козьих Горах, останавливались в помещении школы на ст. Катынь. Эта школа была приписана к нашей деревне. В июле или августе 1943 года, проходя мимо школы, я заметил двух неизвестных.

Я подошел к ним, сказал, что являюсь старостой, и спросил, кто они такие. Один из них на чистом русском языке ответил мне, что в школе помещаются польские врачи, прибывшие для обследования трупов, обнаруженных в могилах в Козьих Горах, сам он и его товарищ также являются польскими врачами. Мы разговорились...

Из разговора с польскими врачами я понял, что они сами не верят в то, что польские офицеры будто расстреляны советскими органами. Один из них, широкоплечий, белокурый (другой был среднего роста и черноволосый, у обоих на рукавах пальто были повязки с красным крестом), сказал мне прямо, что не верит в то, что русские расстреляли поляков. Врач также добавил, что при раскопках могил в лесу Козьи Горы там найдены немецкие патроны, вероятно, немцы сами расстреляли польских военнопленных офицеров, а вину хотят свалить на русских".

Слухи о том, что немцы расстреляли в Катынском лесу осенью 1941 года военнопленных поляков, а затем весной 1943 года пытаются приписать это преступление советским органам, усилились среди населения как г. Смоленска, так и окружающих сел.

Тогда немцы предприняли ряд мер к пресечению подобного рода слухов и стали преследовать лиц, высказывающих сомнение в правильности немецких утверждений о зверствах большевиков над военнопленными поляками.

Гестапо стало выявлять и арестовывать таких лиц.

Специальные указания были даны также по линии русской полиции.

Допрошенный [бывший] начальник полиции Катынского участка Яковлев-Соколов Ф. М., 1896 года рождения, на допросе 21 ноября 1943 года признался в том, что, выполняя указания немецкого командования, он проводил инструктаж подчиненных ему полицейских по вопросу репрессирования лиц, выражавших сомнения по «катынскому делу».

Комиссией был опрошен ряд лиц, подвергавшихся репрессиям со стороны немцев.

Зубарева М. С, 1905 года рождения, уборщица аптеки № 1 г. Смоленска, на допросе 20 ноября 1943 года показала:

"Я была арестована полицией и просидела 5 дней за то, что сказала правду о провокации немцев в Катынском лесу...

Во время читки газеты я сказала рабочим: «Не может быть, чтобы в течение трех лет сохранились трупы польских офицеров и документы, которые приводятся в газете. Они бы все истлели. Польских

офицеров расстреляли сами немцы и сваливают на Советскую власть».

Присутствующие при этом рабочие, фамилий которых я не знаю, со мной согласились...

Через несколько дней после этого разговора меня арестовали и посадили под стражу в караульное помещение полиции...

Меня арестовали 30 апреля 1943 года, предварительно вызвав в полицию повесткой, которую я случайно сохранила и передаю следствию. Эту повестку мне возвратил следователь при моем освобождении из тюрьмы с пометкой «Зубарева была задержана и содержалась под стражей с 29 апреля по 4 мая». Повестку мне выдали для представления на работу как объяснение причины моего отсутствия. Однако эта повестка осталась у меня, так как ее никто не спрашивал, зная, что я действительно была арестована».

Козлова В. Ф., 1922 года рождения, помощник санитарного врача Сталинского райздравотдела г. Смоленска, на допросе 23 ноября 1943 года показала, что в апреле месяце 1943 года она была арестована гестапо и содержалась в тюрьме 10 дней за то, что среди своих знакомых высказывала сомнения по поводу «катынского дела».

Фролова А. И., 1912 года рождения, домашняя хозяйка, работавшая при немцах прачкой в Катынской школе разведчиков, на допросе 4 декабря 1943 года показала:

"Меня уволили из немецкой школы разведчиков вскоре после того, как я, побывав на месте раскопок в лесу, именуемом Козьи Горы, имела неосторожность заявить, что не верю немцам, что Советская власть произвела расстрелы польских офицеров, зарытых где-то в лесу и якобы откопанных немцами..."

Как только администрации школы стало известно об этих моих разговорах, меня уволили. Причем как я ни добивалась узнать, за что меня увольняют, мне только сказали: «Надо иметь короче язык».

Однако не всегда высказывание сомнений по «катынскому делу» так легко сходило для сомневавшихся.

Комиссией выявлены два случая расстрела за это «преступление» — бывшего командира полицейского взвода при немцах Загайнова и работавшего по раскопке могил в Катынском лесу Егорова Александра Лукьяновича, 1924 года рождения.

(См. показания Королевича Ивана Матвеевича от 26 октября 1943 года, Черненко Михаила Ивановича от 30 декабря 1943 года и Егоровой Евдокии Ивановны от 27 декабря 1943 года).

VIII. Попытки немцев перед отступлением из Смоленска замести следы своего преступления в Катынском лесу. Грубая подтасовка фактов, допущенная немцами в «катынском деле», фальсифицирование свидетельских показаний и прочие примененные ими «мероприятия» могут быть объяснены тем, что немцы чувствовали себя в Смоленске достаточно твердо и не ожидали того, что им придется под натиском Красной Армии убираться из Смоленска.

Вынужденные к этому, немцы в последние дни своего пребывания в Смоленске стали наспех предпринимать меры к тому, чтобы замести следы своего преступления.

Так, покидая Козьи Горы, они сожгли дотла занимавшееся ими помещение дачи.

Немцы выслали в дер[евню] Борок людей с целью изъятия и увоза, а может быть и расстрела служивших на даче девушек: Алексеевой, Михайловой и Конаховской. Те спаслись только тем, что незадолго до этого в предвидении такой возможности скрылись в лесу.

Немцы разыскивали также своего главного «свидетеля» — Киселева П. Г. и его семью. Разыскивались также «свидетели»: бывший начальник станции Гнездово Иванов, дежурный по станции Савватеев и др.

Разыскивались в последние дни перед эвакуацией немцами г. Смоленска также профессор Базилевский, профессор Ефимов.

Всем этим лицам удалось избежать насильственной эвакуации лишь потому, что они своевременно скрылись с мест своего постоянного жительства, ожидая прихода Красной Армии.

Подробные показания о том, каким образом удалось спастись от немцев, дали как названные выше лица, так и другие, в той или иной степени знавшие и потому могущие разоблачить немецкую провокацию о «катынском деле».

«ВИЖ»: Далее в документе следуют выводы. Мы их не приводим, дабы дать возможность читателям и исследователям сформулировать их самостоятельно. ЦГАОР СССР, ф. 7021. оп. 114, д. 6. лл. 1 — 53. «Военно-исторический журнал» № 11, 1990 и № 4, 1991 г.

Нынешняя бригада Геббельса о разоблачении в 1944 году немецко-польской подлости

Прокурорская часть бригады Геббельса. 26 сентября 1943 г. Смоленск был освобожден от немцев.

В январе 1944 г. в связи с событиями на международной арене и развитием отношений с польским правительством в эмиграции Сталин был заинтересован еще раз подтвердить обвинения в его адрес путем возобновления разыгрывания «катынской карты».

После посещения Катыни заместителями наркома внутренних дел С. Н. Кругловым и В. Н. Меркуловым и инструктажа С. Н. Круглова (т. 3/55. Л.д. 91-110) 16-23 января 1944 г. в Ка-тынском лесу работала государственная комиссия во главе с академиком Н.Н.Бурденко, по результатам деятельности которой было опубликовано «Сообщение Специальной комиссии по установлению и расследованию обстоятельств расстрела немецко-фашистскими захватчиками в Катынском лесу военнопленных польских офицеров».

Версия комиссии строилась на основе доклада С.Н.Круглова, который «информировал» о размещении штаба германского 517-го стройбата на даче НКВД, о расстрелах как специальной функции этого подразделения, характеризовал действия немцев и настроения населения, называл свидетелей и приводил содержание показаний, утверждал о доставке трупов из других мест, о расстрелах находившихся на строительных работах поляков в конце августа — сентябре 1941 г. и т.д.

Задачи комиссии Н.Н.Бурденко, однозначно вытекавшие из ее названия, определялись в письме возглавлявшего Чрезвычайную государственную комиссию по установлению и расследованию злодеяний немецко-фашистских захватчиков и их сообщников председателя Президиума Верховного Совета Н.М.Шверника, посылавшего Н.Н.Бурденко для ознакомления немецкое заключение — «германскую фальшивку» — с рекомендацией открыто не полемизировать с нею (т. 3/55. Л.д. 1).

Обстоятельства и время создания комиссии, краткая продолжительность ее деятельности (С.Н. Круглов ориентировал на 4 дня — см.: там же. Л.д. 86, 91-105), определение задач, ход и методы работы говорят о чрезмерной спешке и предвзятости, невозможности получить убедительные результаты.

Работа велась в январе, когда проведение раскопок было чрезвычайно затруднено из-за морозов. Руководителями были четыре члена Минского комиссариата НКВД. Эксгумация проводилась до приезда комиссии. Экспертиза останков была повторной, но тщательное обследование, уточняющее предыдущие, было практически невозможно (оно исключалось и директивой Н.М.Шверника). Имевшаяся нумерация трупов (жетоны) была проигнорирована, идентификация личности погибших не проводилась. Комиссия не только не была международной, но даже не включала деятелей находившейся в СССР польской общественности (например. Союза польских патриотов) как представителей потерпевшей стороны.

Объем работ судебно-медицинских экспертов, руководимых директором НИИ судебной медицины, главным судебно-медицинским экспертом Министерства здравоохранения СССР В.И.Прозоровским, был принципиально иным, чем в экспертизе первичного исследования в 1943 г.: производилось полное секционное исследование всех извлеченных трупов (вскрытие полостей головы, груди, живота). В акте экспертизы 1944 г. было указано, что обследовано 925 трупов, а в сообщении комиссии — 1380 трупов. Установка была дана на изобличение определенного способа расстрела, якобы характерного для немецких палачей, на поиск опровержения выводов немцев.

Комиссия стремилась показать, что немцы якобы не проводили экспертных исследований, ограничиваясь осмотром трупов. Поскольку для определения причины смерти при наличии явного огнестрельного повреждения головы и очевидного отсутствия других повреждений на одежде и теле большинства погибших достаточно одного осмотра головы, можно оценить работу в ходе эксгумации в 1943 г. как вполне позволяющую ответить на возникшие вопросы. С этой точки зрения как явно пропагандистское воспринимается утверждение наркома просвещения В.П.Потемкина и других членов Специальной комиссии о якобы некачественном исследовании трупов немцами (следовательно, и поляками).

Следует подчеркнуть, что в материалах настоящего дела отсутствуют полные протоколы судебно-медицинских исследований останков экспертами комиссии Н.Н.Бурденко, «соответствующий материал для последующих микроскопических и химических исследований в лабораторных условиях» (см. «Акт судебно-медицинской экспертизы» сообщения). Упомянутые материалы не удалось обнаружить в различных архивах и в ходе настоящего следствия. В то же время именно эти документы должны были лечь в основу, на которой базировала бы свои выводы комиссия судебно-медицинских экспертов (в рамках комиссии Н.Н.Бурденко). В свою очередь, ряд основополагающих выводов комиссии Н.Н.Бурденко строились на выводах акта судебно-медицинской экспертизы.

Поскольку особое значение придавалось обоснованию версии о массовом расстреле именно в 1941 г., в заключении судебно-медицинской экспертизы (т. 3 /55. Л.д. 369), в показаниях профессоров В.М.Смолянинова (т. 10/62. Л.д. 69-72) и В.И.Прозоровского (там же. Л.д. 192) высказывались категоричные оценки зависимости состояния трупов от даты захоронения. Они обосновывали эти выводы в основном личным опытом, совершенно не учитывая конкретные условия разложения трупов в массовых захоронениях. Однако и в 1943 г., и в 1944 г. у экспертов — как международной комиссии врачей, так и Специальной комиссии под руководством Н.Н.Бурденко — не имелось объективных научных медицинских предпосылок (в частности, четкого знания каких-либо закономерностей вариантности развития поздних трупных явлений в условиях массового захоронения) для того, чтобы по исследованным ими конкретным судебно-медицинским способом трупам в Катынском лесу сделать заключение о дате захоронения с точностью, позволяющей отнести ее на 1940 или 1941 г. На невозможность определения дат захоронения в массовых могилах по исследованным трупам справедливо обращалось внимание еще в заключении Технической комиссии Польского Красного Креста. Да и в настоящее время по имеющимся описаниям того времени и последним исследованиям останков в Катыни, Харькове и Медном, с учетом достижений современной медицины, дать заключение о дате смерти и захоронения в этих пределах точности совершенно невозможно. В настоящее время российские и польские эксперты пришли по этому вопросу к идентичным выводам.

Видимо, по этим же причинам и международная комиссия врачей в 1943 г. не посчитала возможным дать судебно-медицинскую характеристику давности захоронения (расстрела) польских военнопленных, и в своих выводах они указывали лишь на то, что состояние трупов не противоречит дате расстрела в 1940 г., которая установлена только на основании документов, обнаруженных при трупах. Такую же позицию занимали и эксперты ПКК. В законченном в 1947 г. отчете эксперта ПКК М.Водзиньского о проведенной судебно-медицинской экспертизе констатировалось, что точно датировать смерть по состоянию гнилостного распада невозможно (на основании комплекса доказательств он принимал дату конец марта — начало мая 1940 г.). Судебно-медицинские эксперты комиссии Н.Н.Бурденко взяли на себя ответственность и на основании степени развития трупных явлений указали на давность расстрела — «около 2-х лет тому назад». При этом совершенно неясным остается вопрос о том, как эксперты под руководством В.И.Прозоровского учитывали (и учитывали ли вообще) факторы, влияющие на процесс развития поздних трупных явлений (например, состав почвы, ее влажность и температура, ранее, в 1943 г., проведенное извлечение трупов на воздух и длительность, их пребывания на воздухе, плотность уложения массы тел, глубину захоронения и многие другие факторы). С учетом того, что и в настоящее время эти закономерности не известны в той степени, чтобы дать столь точный ответ, как это сделали эксперты комиссии Н.Н.Бурденко, можно однозначно признать научно необоснованным вывод судебно-медицинских экспертов в 1944 г. о времени расстрела («около 2-х лет тому назад») польских военнопленных. Любопытна трансформация интерпретации времени расстрела в выводах комиссии Н.Н.Бурденко: в этой части они уже звучат вполне однозначно: «Данными судебно-медицинской экспертизы с несомненностью устанавливаются: а) время расстрела — осень 1941 года...».

Общая оценка имеющихся в материалах дела данных о судебно-медицинских исследованиях и выводах комиссий может быть выражена следующим образом:

1. «Официальный материал...» имеет вполне ясную структуру изложения и фактически приводит относительно полные данные о характере тех действий, которые были осуществлены в ходе эксгумации в апреле-июне 1943 г., дает протокол исследования массовых могил и выводы экспертизы, которые подписали участники международной комиссии врачей.

2. «Конфиденциальный отчет ПКК» в отношении судебно-медицинских данных (которые в отчете приведены весьма коротко и скупно) не содержит по отношению к «Официальному материалу...» каких-нибудь серьезных противоречий в судебно-медицинской информации. Из этого отчета следует, что все технические действия и работы в ходе эксгумации 1943 г. провели члены ПКК.

3. «Сообщение Специальной комиссии...» содержит в своем составе «Акт судебно-медицинской экспертизы», явившийся одним из оснований для выводов комиссии, но в то же время в этом документе отсутствуют материалы, которые можно было бы оценить как хотя бы относительно полно и достоверно отражающие технические аспекты проведенной в 1944 г. эксгумации, а «Акт судебно-медицинской экспертизы» упоминает исследовательскую часть (как основу своих выводов), но ее не содержит. Нет этой исследовательской части и в материалах настоящего дела.

Трактовка вещественных доказательств не была свободна от существенных искажений. Отрицая тщательность предыдущих осмотров, наличие разрезанных карманов одежды, обуви и т.п., члены

комиссии неоднократно пытались обвинить предшественников в фальсификациях, подкидывании документов и других вещественных доказательств, являвшихся основой для датировки захоронения весной 1940 г. На деле это было невозможно, так как документы извлекались из слипшихся трупов и в большом количестве, в присутствии многих свидетелей, на протяжении всего периода эксгумации 1943 г. Зато служившие подтверждению советской версии девять документов были обнаружены членами комиссии Бурденко только у шести из первой сотни останков, эксгумированных до приезда комиссии. При определении виновности немцев в расстреле польских военнопленных давались ссылки на несколько документов, которые потом больше нигде не предъявлялись, не публиковались и не исследовались (в частности, блокнот бургомистра Смоленска Б.Г.Меньшагина, почерковедческая экспертиза других его записей). Большинство документов (квитанции о приеме золотых вещей и денег, почтовые отправления из Польши с позднейшими датами — сентября 1940 г., бумажная иконка с датой «апрель 1941 г.») не могут служить доказательствами. Неотправленная почтовая открытка ротмистра С.Кучинского с датой 20 июня 1941 г. — явная подделка. Станислав Кучинский не содержался в Козельском лагере, а из Старобельского лагеря выбыл в декабре 1939 г. Свидетельские показания, якобы подтверждающие дату расстрела осень 1941 г. — также являются заведомо фальшивыми. Не выдержало проверки материалами Управления по делам военнопленных выдвинутое утверждение о содержании военнопленных в трех лагерях особого назначения № 1-ОН, № 2-ОН и № 3-ОН, как и показания свидетеля «майора Ветошникова», якобы начальника одного из лагерей. Как следует из справок МБ РФ, таких лагерей в 1940 г. и последующих годах не существовало. Так называемый майор Ветошников службу в системе госбезопасности не проходил и является вымышленной фигурой (т. ПО. Л.д. 23, 72). Соответственно, вещественные доказательства с адресом № 1-ОН являются фальсифицированными.

Датировка захоронений летом-осенью 1941 г. не получила достаточно обоснованного подтверждения. Даже до обнаружения корпуса документов НКВД убедительные доказательства даты (весна 1940 г.) содержались в многочисленных обнаруженных на трупах документах (газетах, дневниках и др.) с последним обозначением март-май 1940 г. (т. 35, 29, 109, 111). Это подтверждается двумя сохранившимися копиями протоколов с описанием вещественных доказательств (так называемый архив Я.З.Робея и С.Соболевского), хранящимися в Кракове.

Не пытаясь ответить на явные вопросы (соотнести с предыдущими эксгумациями на основании жетонов и т.п.), члены комиссии допускали явные передержки по другим позициям: Козьи горы изображались довоенной территорией народных гуляний, способ расстрела выстрелом в затылок представлялся как чисто немецкий, вносился элемент перевозки трупов из других лагерей с одновременным завышением количества погребенных в Катыни жертв до 11 тыс. и т.д.

Работа комиссии была закончена в спешке, выводы сделаны небрежно, без соблюдения необходимых требований и подтверждения серьезными доказательствами. Результаты были немедленно опубликованы, доложены на международной пресс-конференции, стали «советской официальной версией» Катынского дела на несколько десятилетий.

На основании материалов следствия в настоящее время можно со всей определенностью утверждать, что выводы комиссии Н.Н.Бурденко были звеном в цепи фальсификаций, предпринятых сталинским партийно-государственным руководством и органами НКВД для сокрытия правды о катынском злодеянии.

В течение нескольких десятилетий как в СССР, так и в Польской Народной Республике официально обязывала версия Специальной комиссии под руководством Н.Н.Бурденко. Все могущие пролить свет на каты трагедию сведения (не говоря о судьбах узников других лагерей и заключенных тюрем Западной Украины и Западной Белоруссии) были засекречены.

В конце 80-х годов версия комиссии Н.Н.Бурденко была поставлена под сомнение учеными двух стран по инициативе польской части смешанной советско-польской комиссии по ликвидации так называемых «белых пятен» в истории отношений между двумя странами.

Научно-историческая «Экспертиза „Сообщения Специальной комиссии по установлению и расследованию обстоятельств расстрела немецко-фашистскими захватчиками в Катынском лесу военнопленных польских офицеров“, произведенная профессорами Я.Мачишевским, Ч.Мадайчиком, Р.Назаревичем и М.Войчеховским» (апрель 1988 г.), была проведена на основе анализа обстоятельств заключения более 15 тыс. польских военнопленных в специальные лагеря и последующего выяснения их судеб на фоне развития советско-польских отношений. Она построена на тщательном сопоставлении основных положений «Сообщения Специальной комиссии...» и всей его системы доказательств с большим массивом накопившихся за более чем четыре десятилетия документов и материалов,

вещественных доказательств, а также обширной польской и западной литературой предмета.

В экспертизе учтены материалы Нюрнбергского процесса и свидетельства представителей Польского Красного Креста — М.Водзиньского и К.Скаржиньского.

При рассмотрении обстоятельств преступления был выделен вопрос о правомерности зачисления задержанных поляков в военнопленные: направление польских офицеров в лагеря и тюрьмы продолжалось после сентября 1939 г., из Львова в декабре 1939 г. после регистрации (широко проведенной и в других областях) было вывезено около 2 тыс. офицеров, находившихся до сентября 1939 г. как в кадрах армии, так и в запасе. В экспертизе охарактеризовано полное непоследовательности, противоречий и дезинформации поведение сталинского руководства при выяснении правительством Вл. Сикорского вопроса о судьбах польских офицеров после возобновления советско-польских отношений в 1941 г.

Были изучены аргументы и выводы комиссии Н.Н.Бурденко относительно сроков и виновников расстрела польских военнопленных, утверждения о содержании польских офицеров до сентября 1941 г. включительно в трех лагерях (№ 1-ОН, № 2-ОН, № 3-ОН) с использованием на дорожно-строительных работах, о проведении расстрелов «немецким военным учреждением, скрывающимся под условным наименованием „штаб 537-го строительного батальона“ во главе с обер-лейтенантом Арнесом», о количестве трупов в захоронении, якобы достигавшем 11 тыс., и др.

Не являясь специалистами в области судебно-медицинской экспертизы, занимавшей существенное место в «Сообщении Специальной комиссии...», авторы польской экспертизы сосредоточили внимание на анализе подбора и показаний свидетелей. Подбор свидетелей вызвал большие нарекания: в их числе не было ни одного польского офицера из каких-либо лагерей (группа вывезенных в Павлицев Бор — Грязовец осталась в живых), не были сняты показания с сотрудников НКВД из Козельского, Старобельского и Осташковского лагерей, а также лагерей № 1-ОН, № 2-ОН, № 3-ОН, кроме никому не известного майора Ветошника, показания которого вызвали большие сомнения.

Не внушило доверия утверждение об использовании офицеров всех рангов, в том числе отставников-инвалидов, на строительно-дорожных работах, в то время как в других офицерских лагерях (Павлицев Бор, Грязовец, Козельск-2) такой общей повинности не было, работа была добровольной. Отмечалось отсутствие вразумительного объяснения, почему офицеры весной 1940 г. выгружались на станции Гнездово (в 3 км от места казни в Катынском лесу). На основе тщательного анализа линии перемещения фронта и обстоятельств взятия г. Смоленска польская экспертиза оценила как путанную и противоречивую, «абсолютно неправдоподобную» версию о невозможности эвакуации лагерей, об их переходе в руки немцев без попыток самоосвобождения, бегства, возвращения на Родину. Само существование указанных лагерей «особого назначения», подчеркивали авторы экспертизы, не было доказано, поскольку полностью отсутствовала конкретная информация об их размещении, после войны не было попыток их продемонстрировать или представить какие-либо документы, подтверждающие их наличие.

Показания свидетелей о времени расстрела были охарактеризованы как отнюдь не вносящие ясности (август, август-сентябрь, конец сентября 1941 г.), было отмечено, что в итоговых документах комиссии Н.Н.Бурденко оно определялось также неоднозначно: в «Сообщении Специальной комиссии...» как осень 1941 г., в судебно-медицинской экспертизе — как время «между сентябрем-декабром 1941 года», без достаточного обоснования любой из этих дат. Советский свидетель на Нюрнбергском процессе Б.В.Базилевский назвал сентябрь 1941 г. сроком завершения расстрелов. Польские эксперты высказали предположение: произвольное смещение времени расстрелов было вызвано наличием теплой зимней одежды на трупах, что в январе 1944 года было замечено западными корреспондентами и вызвало стремление исключить август.

Польская экспертиза установила, что оснований для версии о нахождении в могилах 11.000 трупов комиссия Н.Н.Бурденко не имела. Было извлечено лишь 925 ранее обследованных трупов. Судя по обозначенным в «Сообщении Специальной комиссии...» размерам могил, была дана лишь общая локализация участка захоронения, могилы не вскрывались до дна. Никакие новые могилы найдены не были. Новые личные документы не были обнаружены. Таким образом, могила № 8, где эксгумация была комиссией ПКК приостановлена, не исследовалась до конца.

По мнению польских экспертов, реальных оснований для увеличения показателя количества трупов с 4.151 до 11.000 не было. Оно понадобилось для косвенного утверждения, что в Катынском лесу захоронены польские военнопленные, содержащиеся не только в Козельском, но и в Старобельском и Осташковском лагерях. Было обращено внимание на то, что попытки продолжить идентификацию не предпринимались, наличие металлических жетонов на трупах — результат

предпринятой ранее идентификации — было полностью проигнорировано.

Польская экспертиза 1988 г. констатировала, что детальный анализ содержащегося в «Сообщении Специальной комиссии...» утверждения о непосредственных виновниках расстрела в Катынском лесу и его рассмотрения в ходе Нюрнбергского процесса убедительно установили необоснованность версии о вине обер-лейтенанта Ф.Аренса (а не Арнеса) и руководимого им подразделения (537-го полка связи, а не стройбата). Ф.Аренс возглавил полк лишь в ноябре 1941 г. Польская экспертиза констатировала, что в Нюрнберге не получила подтверждение и версия о возможной ответственности за массовое убийство в Катыни оперативной группы "Б". В результате, несмотря на признание в приговоре Международного трибунала Германии виновной в преступлениях в отношении пленных, Катынское дело ей инкриминировано не было.

Польские эксперты отметили применявшийся в «Сообщении Специальной комиссии...» прием — обвинение немцев в фальсифицировании свидетельских показаний и повторные допросы оставшихся в живых находившихся на месте после освобождения Смоленской области свидетелей. Однако сравнения показаний они не проводили.

Эксперты высказались по поводу вещественных доказательств и их использования.

В связи с тем, что в «Сообщении Специальной комиссии...» содержалось утверждение об изъятии, уничтожении, замене немцами найденных на трупах документов, которое было направлено на отрицание доказательности материалов, свидетельствовавших в пользу весны 1940 г. как даты расстрела, польские эксперты сформулировали мнение, что состояние эксгумированной Технической комиссией Польского Красного Креста массы трупов, их слепленность противоречат этой версии, поскольку невозможно полностью фальсифицировать документы тысяч жертв.

В «Экспертизе...» был поставлен вопрос о подлинности сохранившихся вещественных доказательств (всего было собрано 3.194 документа, а также большое количество советских газет, датированных весной 1940 г., и, хотя ящики с ними были уничтожены, имеются детальные протоколы с описаниями вещдоков). Был проведен анализ ряда дневников и записей и установлена их подлинность. Эксперты признали установленной подлинность перечня фамилий идентифицированных жертв, несмотря на отдельные ошибки и фальсификации, подтвердили наличие в катынском захоронении трупов офицеров из Козельского лагеря.

Из приводимых в «Сообщении Специальной комиссии...» девяти вещественных доказательств, найденных на шести трупах из первой сотни, которые должны были подтвердить вину немцев при помощи датировки, польские эксперты однозначно отвергли неотправленную открытку. Было отмечено, что некие якобы использованные комиссией Н.Н.Бурденко документы (по показаниям В.И.Прозоровского в Нюрнберге), равно как и результаты патологоанатомических исследований, о проведении которых информировало «Сообщение Специальной комиссии...», никогда не были описаны, опубликованы или представлены польской стороне. Был поставлен вопрос о необходимости соотнести выводы судебно-медицинской экспертизы этой комиссии с выводами экспертизы Технической комиссии Польского Красного Креста.

Польская экспертиза доказательно выявила неубедительность аргументации, многочисленные пустоты, умолчания и недоговоренности, натяжки, неточности, внутренние противоречия и недостоверность выводов сообщения комиссии Н.Н.Бурденко. Советская часть двусторонней комиссии признала обоснованность его критики. Бесспорна состоятельность оценок этой экспертизы как подлинно научного исследования, вносящего важный вклад в выяснение судеб польских военнопленных и ставящего вопрос о необходимости выявления новых официальных советских документов, способных пролить свет на эти судьбы. (Б.А. Топорнин, А.М. Яковлев, И.С. Ямборовская, В.С. Парсаданова, Ю.Н. Зоря, Л.В. Беляев) [9].

***

Академическая часть бригады Геббельса. 22 сентября 1943 г., за три дня до освобождения Смоленска, начальник Управления пропаганды и агитации ЦК ВКП(б) Г.Ф. Александров обратился к кандидату в члены Политбюро ЦК ВКП(б), начальнику Главного политического управления Красной Армии А.С. Щербакову с предложением своевременно создать комиссию в составе представителей от Чрезвычайной государственной комиссии по расследованию немецко-фашистских злодеяний (ЧГК) и следственных органов и направить ее в район военных действий. Члены Комиссии должны были войти след за нашими войсками в Катынь, организовать охрану могил, собрать необходимые материалы,

опросить свидетелей и т. д. Опубликование «хорошо подготовленных материалов», разоблачающих немцев, имело бы весьма большое политическое значение, считал начальник УПА.

Идея пришла по душе сталинскому руководству. После освобождения Смоленска в Катынь сразу же выехала большая группа оперативных работников и следователей центрального аппарата НКВД и НКГБ. Совместно с сотрудниками УНКВД по Смоленской области они в обстановке строжайшей секретности приступили к подготовке фальсифицированных «доказательств» ответственности германских властей за расстрел польских офицеров и к уничтожению всех свидетельств вины НКВД СССР. Оперативники огородили место массовых захоронений, задержали многих работавших при немцах в Смоленске и близлежащих к Катынскому лесу деревнях людей. За сотрудничество с оккупантами арестованные попадали под действие Указа Президиума Верховного Совета СССР от 19 апреля 1943 г., который предусматривал высшую меру наказания — смерть через повешение. Естественно, на допросах они быстро давали согласие говорить все, что им было ведено людьми В.Н. Меркулова в период «работы» со «свидетелями», лишь бы им простили их вину. С 5 октября 1943 г. по 10 января 1944 г. следователи допросили 95 человек, «проверили» (вернее, инспирировали) 17 заявлений в ЧГК.

Была составлена "Справка о результатах предварительного расследования так называемого «катынского дела» и дополнения к ней, призванные служить основой для сообщения официальной комиссии. Эти документы подписали нарком госбезопасности В.Н. Меркулов и зам. наркома внутренних дел С.Н. Круглов.

Следователи Главной военной прокуратуры (ГВП) Российской Федерации в начале 90-х гг. самым тщательным образом изучили методы проведения предварительного расследования, предшествовавшие работе Комиссии Н.Н. Бурденко. Они доказали, что прибывшие из Москвы оперативники изготовили поддельные документы с более поздними датами, подложили их в извлеченные из могил останки, а также подготовили лжесвидетелей. Следователь ГВП А. Яблоков и ее эксперт И. Яжборовская писали в одной из своих статей: «В работе со свидетелями НКВД применялась жесткая, изощренная и избирательная практика запугивания и принуждения к даче ложных показаний, направленная на получение нужных показаний как от тех свидетелей, которые знали истинных виновников смерти поляков, так и от лиц, которые об этом ничего не слышали». Многие из людей, дававших показания в ходе этого «предварительного расследования», а затем и перед Комиссией Бурденко, будучи допрошены следователями ГВП, отказались от своих показаний, сообщив, что их принудили к ним.

Лишь после того, как дело было подготовлено работниками НКГБ и НКВД, 12 января 1944 г. ЧГК постановлением № 23 создала «Специальную комиссию по установлению и расследованию обстоятельств расстрела немецко-фашистскими захватчиками в Катынском лесу (близ Смоленска) военнопленных польских офицеров». По свидетельству наркома просвещения В.П. Потемкина, состав Комиссии был определен правительством. Ее состав должен был дать «гарантию общественному мнению полной беспристрастности, пожалуй, полной широты», — заявил на ее первом заседании Потемкин.

Председателем Комиссии был назначен член ЧГК, главный хирург Красной Армии, академик Николай Нилович Бурденко. По всей видимости, его назначение было связано с письмом, с которым выдающийся нейрохирург обратился 2 сентября 1943 г. к В.М. Молотову (см. № 201). Бурденко сообщил наркому иностранных дел, что методы расстрела советских граждан в Орле были идентичны способу казни польских офицеров. Высказывания Н.Н. Бурденко в ходе заседаний Специальной комиссии свидетельствуют о его искренней вере в то, что катынское преступление было совершено именно гитлеровцами.

В качестве членов Специальной комиссии были назначены: член ЧГК, академик, известный писатель А.Н. Толстой; член ЧГК, митрополит Киевский и Галицкий, экзарх Украины, высокопреосвященный Николай; председатель Всеславянского комитета генерал-лейтенант А.С. Гундоров; председатель Исполнительного Комитета Советских обществ Красного Креста и Красного Полумесяца (СОКК и КП) профессор С.А. Колесников; нарком просвещения академик В.П. Потемкин; начальник Главного военно-санитарного управления Красной Армии генерал-полковник медицинской службы Е.И. Смирнов; председатель Смоленского облисполкома Р.Е. Мельников.

На первом заседании Специальной комиссии, проходившем 13 января в здании Нейрохирургического института в Москве, были утверждены начальник отдела ЧГК В.Н. Макаров — в качестве секретаря, В.И. Прозоровский, В.М. Смольянинов, П.С. Семеновский, М.Д. Швайкова, Д.Н. Выропаев — в качестве судебно-медицинских экспертов.

В повестке первого заседания значились и два выступления — Н.Н. Бурденко и первого

заместителя наркома внутренних дел С.Н. Круглова. Председатель Специальной комиссии рассказал, что, будучи в Орле, он узнал от свидетеля, как немцы клали на землю советских граждан, стреляли им из револьвера в затылок и те мгновенно умирали. Эксгумация могил подтвердила это свидетельство, а обнаруженная немецкая газета с протоколом вскрытия тел польских офицеров показала тождество методов расстрела в Орле и Катыни. О том, что создается Специальная комиссия под его председательством, Бурденко известили лишь 12 января. Предваряя выступление Круглова, нейрохирург добавил: «Это трудная работа, которая проведена ими (т.е. работниками НКВД. — Сост.) в зимних условиях, и подготовка должна отличаться тщательностью и точностью». Фактически же Специальной комиссии надлежало придать убедительность и авторитетность версии, которая была сфабрикована людьми, руководившими расстрельной операцией в апреле-мае 1940 г.

Выступая перед членами Специальной комиссии, С.Н. Круглов охарактеризовал результаты предварительного следствия, сформулированные в его и Меркулова справке. Он подробно изложил и показания «свидетелей», в первую очередь тех, кого допрашивали ранее немцы и выслушивала международная комиссия экспертов — П.Г. Киселева, бывшего сторожа на даче НКВД в Катынском лесу, начальника станции в Гнездове С.В. Иванова, дежурного по этой же станции И.В. Савотеева и др. Было допрошено и много лиц, посетивших Козьи Горы с организованными немецкой администрацией экскурсиями. Они в один голос твердили, что тела прекрасно сохранились и, следовательно, офицеры не могли быть расстреляны весной 1940 г. Не ясно, правда, как несведущие в медицине люди типа уборщицы в какой-то конторе могли судить об этом. Практически каждый из экскурсантов повторял, что веревки, которыми были связаны руки у польских военнопленных, немецкие. Естественно, с далекого расстояния люди не могли рассмотреть эти веревки, да еще и определить их происхождение. Объяснение может быть одно: сами палачи знали, что они связывали руки пленных веревками, закупленными в Германии, так же как и то, что расстреливали немецкими пулями калибра 7.65 из «вальтеров».

Круглов рассказал и о некоем обер-лейтенанте Арнесе, командире 537 саперного батальона, который якобы в сентябре 1941 г. руководил расстрелом польских офицеров. Однако на Нюрнбергском процессе было доказано, что Арене (а не Арнес) прибыл в Козьи Горы лишь в ноябре 1941 г., 537-м батальоном он не командовал. Сама же 537-я часть была не саперным батальоном, а полком связи при командовании группы армий «Центр».

Митрополит Николай задал Круглову вопрос: «Какое количество военнопленных польских офицеров работало на строительных участках?» Ответ Круглова: «Около 8000 во всех трех лагерях». Как мы знаем, из Козельского лагеря в УНКВД по Смоленской области были направлены 4421 человек. По всей видимости, НКВД намеревалось приписать немцам и расстрел офицеров из Старобельского лагеря.

Отвечая на вопросы, заместитель наркома внутренних дел заявил, что Комиссии будет достаточно четырех дней, чтобы «в Смоленске заслушать достаточное число свидетелей, изучить собранные материалы, несколько раз побывать на могиле, посмотреть трупы, заслушать предварительный итог судебно-медицинских экспертов».

Бурденко же в заключение сказал: «Центр тяжести работы нашей комиссии лежит в установлении сроков и методов убийств... Методы убийства тождественны со способами убийств, которые я нашел в Орле и которые были обнаружены в Смоленске. Кроме того, у меня есть данные об убийстве психических больных в Воронеже в количестве 700 человек. Психические больные были уничтожены в течение 5 часов таким же методом. Все эти способы убийств изобличают немецкие руки, я это со временем докажу».

Вечером 13-го января в Смоленск выехали В.И. Прозоровский, В.М. Смольянинов, П.С. Семеновский и М.Д. Швайкова, 17 января — члены Комиссии.

Второе заседание Специальной комиссии состоялось 18 января уже в Смоленске, на нем присутствовал не только С.Н. Круглов, но и нарком государственной безопасности В.Н. Меркулов. Круглов и председатель Смоленского облисполкома Р.Е. Мельников рассказали о проделанной подготовительной работе: раскопки могил начались 14 января, на них работало 200 бойцов, были установлены 3 палатки для вскрытия трупов, велись поиски других могил в Катынском лесу, в Смоленск доставили всех «свидетелей». Бурденко указал, что необходимо точно определить глубину могил, уточнить число военнопленных польских офицеров, работавших на дорожном строительстве, и установить, содержались ли польские офицеры и солдаты при немцах в тех же лагерях.

18 января в 11 часов 50 минут Специальная комиссия в полном составе выехала в Катынский лес, где ознакомилась с порядком работы по эксгумации. Оказалось, что тела от могилы до палаток

экспертов доставляли волоком на брезентах. Всего к этому времени было вскрыто 225 трупов. Посещение членами Комиссии могил в Катынском лесу было заснято на пленку кинооператором А.Ю. Левитаном.

Возвратившись в Смоленск, члены Комиссии решили увеличить число судебно-медицинских экспертов и санитаров, чтобы можно было производить 400 вскрытий в день. Переноску тел постановили производить либо на санях, либо на носилках, запретив волочить на брезенте. После этого члены Специальной комиссии ознакомились с материалами предварительного следствия: протоколами допросов «свидетелей», заявлениями и «документами», собранными работниками НКВД и НКГБ в связи с катынским делом.

В тот же день в помещении Горсовета члены Комиссии допросили свидетелей П.Г. Киселева, Б.В. Базилевского, И.Е. Ефимова, С.В. Иванова, И.В. Саввотеева. В 23 часа 30 минут опрос был закончен и началось третье заседание, на котором происходило распределение обязанностей между членами Комиссии и отчет о работе экспертов. В заключение Бурденко сказал: «Мы должны собрать как можно больше материалов. Материал очень интересный, прямо убийственный для немцев». Обращаясь к В.И. Прозоровскому и П.С. Семеновскому, он подчеркнул, что поражен их работой, в ходе которой добывается «такой интересный материал», который «будет убийственным для немцев». Он предложил увеличить число рабочих и разрывать больше территории, чтобы «сделать великое политическое дело». «Нашли документ у одного офицера, где штампель отмечен ноябрем 1940 г. Чрезвычайно ценная находка», — сообщил председатель Комиссии.

В день прибытия Комиссии в Смоленск в центральной печати было опубликовано сообщение ТАСС, в котором говорилось о создании Специальной комиссии и указывалось, что она «заканчивает свою работу и в ближайшее время опубликует сообщение о результатах расследования». Тем самым оказывалось определенное давление на членов Специальной комиссии, только приступивших к своей работе.

В этот же день в «Известиях» было опубликовано заявление польского правительства от 15 января 1944 г. о готовности вступить в переговоры при посредничестве США и Великобритании с Советским правительством по всем основным вопросам, разрешение которых должно привести к дружественному и прочному сотрудничеству между Польшей и СССР. Однако ТАСС было уполномочено заявить, что советское правительство не может вступать в переговоры с правительством, с которым прерваны дипломатические отношения. «Советские круги напоминали», что эти отношения были прерваны из-за якобы активного участия польского правительства «во враждебной антисоветской клеветнической кампании немецких оккупантов по поводу «убийств в Катыни».

19 января в 9.15 Н.Н. Бурденко и С.А. Колесников выехали на могилы, где ими проверялась работа экспертов. В.П. Потемкин, митрополит Николай, А.С. Гундоров и Р.Е. Мельников допросили 11 «свидетелей». Вскоре из Москвы приехал А.Н. Толстой и начальник отдела ЧГК Д.И. Кудрявцев. В 16.10 начался допрос еще 11 «свидетелей»; после его завершения Комиссия выслушала отчет В.И. Прозоровского. 19 января было вскрыто 96 трупов.

20 января члены Комиссии допросили 13 «свидетелей», после чего Н.Н. Бурденко предложил приступить к составлению плана сообщения и систематизации свидетельских показаний, осуществлению записи основных «свидетелей» на пленку, обработке вещественных доказательств, найденных на телах, и обследованию места бывших лагерей польских военнопленных. Составление акта судебно-медицинской экспертизы Бурденко взял на себя совместно с Колесниковым. Обследование места расположения лагерей поляков и систематизация документов поручались А.С. Гундорову, составление плана сообщения и систематизация свидетельских показаний для включения в сообщение — А.Н. Толстому, В.П. Потемкину и митрополиту Николаю.

Получив подкрепление в лице врачей Бусоедова, Субботина, Садыкова и Пушкарева, эксперты смогли исследовать за 20 января 146 тел. В разрезанном кармане одного из них обнаружили письмо со штампом на конверте 26 сентября 1940 г. Во френче другого покойного офицера В.М. Смольянинов нашел слиток золота весом в 150 г.

21 января, на четвертый день пребывания Комиссии в Смоленске, Н.Н. Бурденко приступил к составлению акта судебно-медицинской экспертизы, а А.Н. Толстой, В.П. Потемкин, митрополит Николай и Д.И. Кудрявцев — к составлению плана сообщения. А.С. Гундоров работал над описью вещественных доказательств. Члены Комиссии обсудили порядок приема иностранных журналистов, которые должны были прибыть в Смоленск на следующий день.

Н.Н. Бурденко согласовывал каждый свой шаг с В.Н. Меркуловым. Накануне приезда корреспондентов он обратился к наркому госбезопасности «за указанием и советом, присутствие кого

из членов Комиссии» Меркулов считает «полезным и нужным» во время посещения Катинского леса журналистами. «По обыкновению, они задают много вопросов, на которые ввиду незаконченности работ трудно отвечать. Мне кажется, из членов Комиссии наиболее удовлетворительные ответы может дать тов. Колесников, и при том он как председатель Красного Креста имеет опыт в сдержанной информации корреспондентов», — писал председатель Специальной комиссии.

Меркулов посчитал целесообразным присутствие самого Н.Н. Бурденко, С.А. Колесникова и Р.Е. Мельникова.

22 января по прибытии в Смоленск иностранных журналистов, в числе которых была и дочь американского посла А. Гарримана Кэтлин, повезли в Катинский лес. Там их встретили Н.Н. Бурденко, С.А. Колесников, Р.Е. Мельников и В.Н. Макаров. В.И. Прозоровский давал объяснения о результатах судебно-медицинской экспертизы. Корреспондентам были показаны могилы и процесс эксгумации, черепа с огнестрельными ранениями. В их присутствии были вскрыты три трупа. После этого журналисты прошли на места раскопа новых могил, затем к сгоревшему зданию дачи НКВД, после чего уехали в Смоленск.

В 16.30 началась пресс-конференция, на которой присутствовали А.Н. Толстой, В.П. Потемкин, митрополит Николай, А.С. Гундоров. Проведением пресс-конференции руководил Потемкин. Он постарался создать впечатление, что Комиссия начала свою работу сразу после освобождения Смоленска, что Бурденко со своими сотрудниками лично явился в Смоленск, чтобы приступить к расследованию совершенных там немецкими захватчиками злодеяний. Он не врал — ЧГК действительно начала свою работу в этой области сразу после ее освобождения и Бурденко действительно принимал в ней участие. Однако расследовалось не катынское злодеяние, а фашистские преступления против советских граждан.

Нарком просвещения сообщил собравшимся, что работа Специальной комиссии в основном закончена и есть возможность ознакомить представителей печати с ее основными выводами. Они повторяли в главном справку Меркулова — Круглова и заключались в следующем: вплоть до июля 1941 г. Катинский лес был излюбленным местом отдыха жителей Смоленска, в нем располагался пионерский лагерь, жители собирали там

грибы и ягоды, пасли скот, рубили дрова; после прихода немцев лес был окружен проволочным забором, везде была поставлена немецкая охрана, в бывшем Доме отдыха разместился штаб 537 строительного батальона, офицеры и младшие командиры которого вместе с, сопровождавшими машины с поляками гитлеровцами участвовали в расстрелах польских офицеров. В.П. Потемкин сказал, что польские военнопленные были присланы в западную часть Смоленской области еще в 1939 г.(!), они были заняты на земляных работах на шоссе и оставались там до начала Великой Отечественной войны. Их не смогли вовремя эвакуировать из-за отсутствия вагонов и бомбежек станций, они продолжали некоторое время работать и при немцах, но в конце августа — сентябре их расстреляли в Катинском лесу, куда их отправляли партиями пешком и на грузовиках. В 1943 г. в Катинский лес на грузовиках якобы свозили и тела убитых в других местах людей, в апреле — июне 1943 г. устраивали экскурсии местных жителей, военнопленных, иностранцев на места массовых захоронений польских офицеров.

По окончании пресс-конференции корреспондентов познакомили с выставкой «документов» и «вещественных доказательств». В 21 час перед всеми членами Комиссии в присутствии корреспондентов давали показания свидетели: П.Г. Киселев, М.Д. Захаров, А.М. Алексеева, Б.В. Базилевский, К.П. Зубков и С.В. Иванов. Приезд иностранных корреспондентов на могилы, посещение ими выставки, пресс-конференция и вечернее заседание с допросом свидетелей были засняты на киноплёнку.

23 января члены Специальной комиссии рассмотрели и приняли план сообщения. В 10 часов утра Толстой, Потемкин, митрополит Николай, Колесников, Мельников и Кудрявцев приступили к его составлению. Генерал Гундоров уехал на осмотр «лагерей военнопленных поляков», Бурденко заканчивал работу над актом судебно-медицинской экспертизы. В 18 часов в Смоленск из Катини прибыли В.И. Прозоровский, П.С. Семеновский, В.М. Смольянинов и М.Д. Швайкова, после чего акт был окончательно отредактирован. В 20 часов члены Комиссии заслушали проект Сообщения. Было решено, что материал, собранный в Смоленске, достаточен и можно возвращаться в Москву. Эксперты должны были продолжить свою работу в Катини вплоть до подписания текста Сообщения.

В ночь с 23 на 24 января члены Комиссии специальным поездом выехали в Москву. На следующий день в 10 часов утра они собрались в салон-вагоне В.Н. Меркулова для окончательного редактирования Сообщения. 24 января в 21 час, уже в Москве, они закончили работу над Сообщением и

разъехались по домам. Утром секретарь Специальной комиссии В.Н. Макаров доложил об итогах работы секретарю ЧГК П.И. Богоявленскому, а затем и ее председателю Н.М. Швернику. В 24 часа 25 января Сообщение было подписано всеми его членами, а 26 числа опубликовано в печати. 30 января 1944 г. в Катынском лесу в присутствии представителей польского корпуса состоялось захоронение останков польских офицеров.

Сравнение справок НКГБ и НКВД о «предварительном расследовании» с текстом Сообщения свидетельствует о единообразии их структуры и выводов. Более того, как установили следователи ГВП, в этих документах совпадают даже ошибки в написании фамилий и инициалов свидетелей. (Н.С.Лебедева, Н.А.Петросова, Б.Вощинский, В.Матерский, Э.Росовска, под управлением редакционной коллегии: с российской стороны — В.П.Козлов (председатель), В.К.Волков, В.А.Золотарев, Н.С.Лебедева (ответственный составитель), Я.Ф.Погоний, А.О.Чубарьян; с польской стороны — Д.На-ленч (председатель), Б.Вощинский, Б.Лоек, Ч.Мадайчик, В.Матерский, А.Пшевожник, С.Снежко, М.Тарчинский, Е.Тухольский) [10].

Комментарий к умствованиям геббельсовцев

460. Думаю, что мне уже давно следовало обратить ваше внимание на то, что обе части нынешних геббельсовцев настолько плохо понимают, о чем же они, собственно говоря, пишут, что в их текстах русские слова участвуют в прямо-таки дебильных словосочетаниях. Как-то еще следовало бы махнуть рукой на академическую часть бригады Геббельса, изъясняющуюся с густым польским акцентом. Понятное дело: горбачевско-яковлевские паскудники доллары любят, а работать — нет, вот они и переложили свою работу по написанию текстов на бедных поляков. И чего уж там удивляться какому-нибудь «23-му самостоятельному стрелковому пехотному корпусу» [11] в составе Красной Армии. (Поясню специально для поляков: по-русски надо писать «отдельному», а не «самостоятельному». В наименованиях подразделений, частей и соединений Красной Армии слово «пехота» не употреблялось никогда).

461. Но от «экспертов» Главной военной прокуратуры ожидалось большего — не поляки все же. Однако и тут возникают вопросы. К примеру, «эксперты» пишут, что после освобождения Смоленска туда выехали заместители «наркома внутренних дел» Круглов и Меркулов [12]. Ошибка в должности Меркулова хотя и недопустима в документах такого уровня, но чепуховая, и я никогда не стал бы обращать ваше внимание на нее, если бы эта ошибка не показывала, что авторам «Экспертизы» недоступны для понимания элементарные вещи в области управления: никто не поручит одно дело двум замам одного министра, иначе потом за дело не с кого будет спросить. На самом деле весной 1943 г. НКВД был разделен на собственно НКВД (наркомом остался Л.П. Берия) и на Народный комиссариат государственной безопасности (НКГБ), который с 14 апреля возглавил В.Н. Меркулов. Осенью в Смоленск Меркулов выехал лично, а Берия послал своего первого заместителя — Круглова. Не два одинаковых зама руководили одними и теми же людьми, а два разных наркома в Смоленске определяли задачи своим подчиненным. Но положим, что это вопрос сложный для понимания академиков и профессоров.

Однако от них тут же следует такой перл: «Работа велась в январе... Руководителями были четыре члена Минского комиссариата НКВД» [13]. Какие «члены»? Какие «комиссариаты НКВД»? Минск был освобожден от немцев в июле 1944 г. Какие четыре «члена» приехали оттуда в январе 1944 г. руководить раскопками в Катыни? Упоминание Минска — это не описка. Как вы увидите далее из более ранних польских фальшивок по Катынскому делу, поляки были уверены, если не уверены и сегодня, что Смоленская область входит в состав Белоруссии. (Про то, в какое государство входит Белоруссия, они молчат, надо думать, исключительно из жалости к нам). Или вот, скажем, в «Экспертизе» начинается фраза: «Даже до обнаружения корпуса документов НКВД...» [14] Это на каком языке?

462. Вспомним. По официальной легенде следователь Главной военной прокуратуры подполковник А.Ю. Яблоков, ведущий уголовное дело № 159 о расстреле военнопленных поляков, в августе 1993 г. оказался неспособен понять (ввиду врожденной собственной дебильности), что именно написано по Катынскому делу в уже собранных им и остальными геббельсовцами юстиции 160 томах уголовного дела. Поэтому он по разным московским институтам нанял для этого «экспертов», чтобы они ему, придурку, объяснили, что там и к чему в этом чертовом уголовном деле № 159. Из этой же легенды следует, что корифеи умственного труда Топорнин, Яковлева, Яжборовская, Парсаданова. Зоря

и Беляев, предупрежденные Яблоковым об уголовной ответственности, эти 160 томов уголовного дела прочли, продумали и на общедоступном языке (но больше всего на пальцах) объяснили генералам и полковникам Главной военной прокуратуры, что проклятый СССР кругом виноват. (Напомню, что после того, как этот вывод российский режим утвердит, поляки начнут требовать деньги с каждого русского.) Заключение этих «экспертов» я в данной книге и перепечатаваю как документ прокурорской части геббельсовцев, а его «русский» язык и смысловый идиотизм мы как раз и обсуждаем.

463. А из анализа этого текста (незнания элементарных фактов, дикости построения фраз и применения несоответствующих смыслу слов) следует, что эта «Экспертиза» первоначально была написана на польском языке, а уж затем переведена на русский и подписана академиком Топорниным и остальной гоп-компанией «экспертов». (Кстати, тут много и говорить не о чем. Достаточно сравнить тот волапук, на котором пишут геббельсовцы, с прекрасным и понятным русским языком «Справки» Меркулова и Круглова).

464. Иногда видна и причина бессмысленности в документах геббельсовцев. Юристы часто пользуются в своей работе известными латинскими словосочетаниями, к которым, в частности, относится выражение *corpus delicti* (корпус деликти). В определенном контексте оно означает «состав преступления». И не исключено, что когда текст этой экспертизы был еще на польском языке, дурацкая фраза «Даже до обнаружения корпуса документов НКВД...» звучала по-польски вполне разумно: «Даже до обнаружения *corpus delicti* в документах НКВД...». Поскольку шрифт у поляков латинский, то переводчик, скорее всего, не понял латыни и перевел на русский язык только одно слово, понятное ему — «корпус», дописав дальше предложение так, как ему показалось разумным. Ничего, «эксперты» подписали.

465. То, что текст «Экспертизы...» писался поляками, подтверждается и тем, что «эксперты» ГВП вдруг ни с того, ни с сего взялись обсуждать какую-то «польскую экспертизу», которую четыре польских профессора, надо думать, за небольшие деньги, крайне глупо состряпали еще в 1988 г. для того, чтобы вызвать ненависть поляков к русским.

Обратите внимание: и в писаниях академических геббельсовцев, и в Экспертизе даже фамилии написаны не по-русски, а по-польски — с мягким знаком после "н" перед окончанием «-ский». Не Скаржинский, а Скаржиньский. Но мы-то, русские, должны писать Явлинский, а не Явлиньский. Да, Академия наук РФ должна гордиться своим членом Топорниным.

Нам-то от понимания того, что и эту «Экспертизу» подготовили тоже какие-то поляки, ни жарко, ни холодно: какая нам разница, подонки какой национальности клеветают на нашу Родину? Но ведь интересно знать, как широко поляки скупали в СССР и России по академиям и прокуратурам разную сволочь, чтобы клепать Катынское дело под своим контролем, и как дешево эта сволочь стоит.

466. А теперь присмотритесь, что именно обсуждают обе части нынешней бригады Геббельса. Если отсеять пустопорожный словесный мусор, то геббельсовцы старательно и нудно жуют такие вот «доказательства»:

— даты документов, найденных на трупах;

— заключения судмедэкспертов о дате убийства;

— свидетельские показания. Но если вы помните, то еще польские профессора Сегалевич и Ольбрахт, приглашенные убитым геббельсовцами польским прокурором Мартини как эксперты, заключили, что ни документы, ни заключения судмедэкспертов в данном деле доказательствами быть не могут. Давайте пойдем, почему.

467. Катынское дело необычно тем, что затрагивало и затрагивает пропагандистские интересы мощнейших организаций — государств. А эти организации способны и сфабриковать любые документы, и заставить экспертов утверждать то, что государства хотят. И уже тогда это все понимали. Показания свидетелей относятся к этому же классу — государство и свидетелей может заставить говорить то, что оно пожелает. Реально, конечно, у кого-то одного из государств и документы подлинны, и эксперты не врут, и свидетели говорят правду. Но как в этом убедить обывателя? Обыватель все равно будет думать — раз государства могли, значит сделали.

И нынешние геббельсовцы все расследование свели к базарной склоке: не верьте НКВД — там работали очень плохие люди! А верьте нам, очень честным и очень умным, следователям ГВП, и тем показаниям, которые лично мы выбрали из свидетелей!

А давайте мы встанем на позицию обывателя и не будем верить ни НКВД, ни ГВП — плюнем на эти три вида доказательств и тоже будем думать: раз могли сфальсифицировать документы, экспертизы и показания свидетелей, значит, сфальсифицировали и те, и другие!

468. Тем более, что и понять эти доказательства очень трудно даже неглупому человеку. Ну

скажите, как часто вы выкапываете трупы и оцениваете степень их разложения? Не приходилось? Тогда что же вы поймете из актов судмедэкспертов? Вот, к примеру, неглупый обыватель, корреспондент Би-Би-Си и британской «Санди тайме» А. Верт присутствовал при эксгумации трупов комиссией Бурденко в январе 1944 г. Посмотрите, с каким омерзением он пишет об обосновании выводов судмедэксперта: "Профессор Бурденко в зеленой фуражке пограничника деловито анатомировал трупы и, помахивая куском зловонной печени, нацепленной на кончик его скальпеля, приговаривал: «Смотрите, какая она свеженькая!» [15] Думаю, что многие из читателей, увидев такое в натуре, попадали бы в обморок. Верт в обморок не упал, но что от этого толку — Бурденко ему все равно ничего этой печени не доказал.

469. Хотя, с другой стороны, А. Верт попрекает русских за слабый профессионализм: «Надо сказать, что советские органы мало что сделали для опровержения доводов, выдвигавшихся „лондонскими“ поляками против советской версии. В частности, они даже не потрудились рассмотреть косвенные доказательства, которые, казалось, были благоприятны для них» [16].

Тут А. Верт умный, как и западные оппоненты Л. Фейхтвангера, — ему тоже хочется, чтобы в деле было очень много всяких «доказательств», чтобы потешить умствованиями узкий круг любителей детективного жанра. А у СССР задача была другая — ему нужно было дать одно или несколько доказательств, но таких, чтобы их понял обыватель и в СССР, и на Западе. Что могло служить такими доказательствами? Очевидно, то, что не могли сфальсифицировать ни Германия, ни СССР вне зависимости от того, кто именно из них поляков расстрелял.

470. Если поляков расстреляли не для последующего их выкапывания и использования в пропагандистских целях (а такое невозможно предположить исходя из обстоятельств дела), то доказательствами, которые не могли сфальсифицировать ни СССР, ни Германия были:

- место захоронения поляков;
- оружие, из которого их убили;
- шнуры, которыми у части поляков были связаны руки.

Характерно, что все эти доказательства были зафиксированы самими немцами, то есть, СССР в их фальсификации обвинить невозможно в принципе.

471. Надо сказать, что о Катынском деле я узнал очень давно из регулярных передач на эту тему «Голоса Америки» и «Свободы». И поскольку наша пропаганда глухо об этом молчала, то и я уверился, что поляков расстреляли мы. Уверился именно из-за этого молчания, думал — нечего сказать. Однако наступила перестройка, со всех щелей повылазила «пятая колонна» и геббельсовцы начали вопить о Катыни, все время добавляя и добавляя новые факты. Сначала мне не понравилась тенденциозность в подборе этих фактов, и это вызвало подозрение — правой стороне подличать незачем. А затем генерал Филатов опубликовал «Справку...», которую я дал выше. И как только я прочел, что поляки были закопаны на территории действовавшего пионерского лагеря (а с этого, как вы помните, «Справка...» начинается), мне все стало ясно и дальше можно было не читать. Видите ли, это нынешних дебилов можно легко убедить, что СССР той поры был страной маленькой — меньше княжества Монако, поэтому негде было насыпать полякам могильного холмика, кроме как между пионерскими палатками. А я хотя и не забирался на восток далее Новокузнецка, но знаю, что у СССР была такая территория, что на ней без труда можно было закопать не только 10 тыс. поляков, но и всю Европу, причем так, что ее бы до сих пор никто не нашел.

472. Вдумайтесь в то, что происходило. Шла война, сотни смолян сотрудничали с немцами и ушли с ними, масса смолян была у немцев в плену, а тут СССР публикует в газетах результаты своего расследования Катын-ского дела, а затем издает их книжкой. Да с немецкой стороны хлынули бы в эфир и прессу тысячи свидетельских показаний, что место, где похоронены поляки, дескать, еще с 30-х годов было обнесено колючей поволокой, что дескать туда никого не пускали. В самом Смоленске немедленно расползлись бы слухи, что Советское правительство врет, и эти слухи заполнили бы весь СССР, о них бы помнил каждый старик до сих пор. А ведь и немцы этот довод не опровергали, и в Смоленске все согласилось с тем, что это правда. Понимаете, если бы на месте расстрела немцами поляков действительно была бы запретная зона, а не пионерский лагерь, то СССР об этом просто промолчал бы, а ведь он говорил это открыто и не боялся, что его опровергнут. И его действительно никто не опроверг.

473. Место расстрела поляков в Катыни до прихода немцев было буквально истоптано жителями, и об этом пишут сами геббельсовцы (когда забывают вовремя захлопнуть пасть). Вот, к примеру, эмигранты-издатели «Воспоминаний» Меньшагина не удержались поумничать знанием советских реалий и в комментариях к словам Меньшагина «...поблизости от Красного Бора, в районе Гнездова»,

пишут: «Красный Бор в 10 км к западу от Смоленска. Здесь еще в 1920-30-х были сосредоточены дачи смолян, находились и находятся дома отдыха (в т.ч. У КГБ), пионерский лагерь и т.д. В Гнездове находились закрытый дом отдыха Смоленского горисполкома, где проходили тайные пьянки не самого высокого начальства, и „дачный поселок“ „для командного состава“ военного округа (СА; Командарм Уборевич. Воспоминания друзей и соратников. М., 1964, с. 203, см. также с. 183)» [17].

474. А вот уже упомянутый председатель комиссии Польского Красного Креста Водзинский описывает местность вокруг польских могил в Катыни: «Район Катынского леса представлял собой целый ряд холмов, между которыми находилась трясина, заросшая болотной травой. По гребнистым возвышенностям тянулись лесистые дорожки, расходящиеся в стороны от главной лесной дороги, идущей в направлении Днепра в сторону так называемой дачи НКВД. Лес был смешанным, хвойно-лиственным... В районе возвышенности, удаленной почти на 300 метров от шоссе, находились массовые могилы польских офицеров» [18].

Понимаете, в этом охраняемом месте, куда никого не пускали, по геббельсовской брехне, не то что тропинки, уже дорожки были натоптаны во всех направлениях. Пионеры-то были народом подвижным...

475. Давайте представим, что в 1990 г. у власти в СССР находились не подонки Горбачевы и Яковлевы, а порядочные люди. Представим, что в ответ на польские вопли они решили бы для себя еще раз проверить, кто убил поляков. Они поручили бы это дело ГВП и, естественно, тоже порядочным прокурорам и следователям (а такие в те годы в ГВП еще были). Что сделали бы эти порядочные прокуроры? Правильно: они бы дали в газетах Смоленска объявление с просьбой объявить себя всем пионерам 40-41 гг., отдохавшим в пионерлагере Смоленской областной промстрахкассы. Этим людям в 1991-м году было чуть больше 60 лет, и нашлось бы их сотни. И если бы эти пионеры 40-х годов показали, что их пионерлагерь находился не на месте польских могил, то тогда имело бы смысл начать расследование. Но если бы они подтвердили, что лагерь был именно там, то надо было дело немедленно закрывать и не тратить попусту государственные деньги. Поскольку ясно, что все остальные факты, которые будет собирать следствие (если их не фальсифицировать), будут подтверждать одно и то же — поляков расстреляли немцы.

Однако мы знаем, что в 1991 г. Катынское дело поручили в ГВП отъявленным негодьям. Они выехали в Смоленск, и это было вторым пришествием гестапо. Нет, они не стали давать объявлений и искать пионеров 40-41 гг., живших тогда рядом с будущими могилами польских офицеров. Они стали искать еще живых старух, которые давали свидетельские показания в 1943 г., объявлять им, что Горбачев уже признал вину НКВД, а значит уже точно установлено, что эти старухи в 1943 г. лжесвидетельствовали. Далее старух предупреждали о 2-х годах тюремного заключения за лжесвидетельство и требовали повторить показания 1943 г. Результат был блестящим.

476. Подполковник Яблоков бахвалится: «Важным лжесвидетельством стал допрос в НКГБ К.Е. Егуповой. В 1943 г. она якобы показала, будто бы ездила при немцах на эксгумацию катынских могил и убедилась, что трупы польских военнопленных очень хорошо сохранились. Это позволило ей как врачу считать, что они пролежали в земле не более двух лет, а это якобы давало основание подтвердить, что поляков расстреляли немцы. Прокурорам удалось отыскать Егупову, и 17 января 1991 г. она сообщила, что присутствовала на эксгумации захоронений, но к каким-либо определенным выводам о времени расстрела и виновных в нем не пришла. Однако до последнего допроса в январе 1991 г. никому об этом показаний не давала и ничего не подписывала. Откуда появился протокол ее допроса, будто бы проведенного сотрудниками НКВД в 1943 г., она не знает. Такая „забывчивость“ свидетелей типична, хотя были и явно сфальсифицированные показания. Например, со слов свидетелей С. А. Семеновы и М.А. Киселевой в 1944 г. записывались показания о том, что польских военнопленных расстреляли немцы. В ходе же настоящего следствия они заявили, что вообще не давали никаких показаний».

Видите, какой блестящий итог следственной работы? Вот только одно «но». «Прокурорам удалось отыскать Егупову», а мне — нет. Ни в «Справке...» Меркулова и Круглова, ни в проекте «Сообщения Специальной комиссии...», ни в окончательной редакции этого «Сообщения...» нет свидетельницы Егуповой. И, наверное, вполне естественно, что она «не знает», «откуда появился протокол ее допроса». Об этом, надо думать, знают только фальсификаторы из ГВП. И свидетельницы С.А. Семеновы ни в одном из этих документов тоже нет. Вы будете смеяться, но в этих документах много Киселевых, но свидетельницы Киселевой М.А. не значится. Есть Киселева Мария, но она в 1943 г. давала показания не о том, как немцы расстреляли поляков, а о том, как немцы избивали ее свекра — Киселева П.Г. Оцените подлую наглость «прокуроров» из ГВП. Это они так в Смоленске искали свидетелей по Катынскому делу...

477. Вы помните, что на даче НКВД в Катynie располагалась айнзацкоманда немцев, расстрелявшая поляков, а на кухне у них работали три молодые русские женщины и девушки. Вот одну из них, Алексееву А.М., теперь уже 75 лет, допросили в январе 1991 г. славные прокуроры ГВП, и геббельсовцы сообщают об этом так:

«А. М. Алексеева была допрошена работниками НКВД СССР осенью 1943 г. В качестве сотрудничавшей с немцами гражданки она подпадала под действие Указа Президиума Верховного Совета СССР от 19 апреля 1943 г., предусматривавшего суровое наказание, вплоть до смертной казни через повешение. Соответственно она подписала все, что ей было сказано, и затем повторила это перед Комиссией Бурденко и во время встречи с иностранными журналистами в Смоленске 22 января 1944 г...»

Вот ведь убудочки! Моя мать оставалась в оккупации и работала учительницей в сельской школе — сотрудничала с немцами. К ней приставал местный полицейский. Когда после освобождения Украины моего отца отпустили с фронта в отпуск повидать семью, он, узнав об этом полицейском, очень захотел с ним встретиться, но тот благоразумно спрятался, и отец его не нашел. (Слава Богу для меня, а то отправили бы отца в штрафной батальон, поскольку он очень спокоен только до тех пор, пока его не разозлят.) Но обратите внимание — не только к моей маме, которая работала при немцах, как и все, — жить-то надо было на что-то, но даже к сельскому полицейскому у Советской власти не было претензий. Да и как же иначе? Неужели освобождали для того, чтобы повесить? Какой же надо быть сволочью, чтобы написать, что девушкам, которых немцы заставили мыть посуду на кухне, грозила смертная казнь?

Однако геббельсовцы продолжают начатую мысль:

«...Будучи вызвана в военную прокуратуру, она 31 января 1991 г. отказалась от своих показаний. Алексеева заявила, что не видела и не знала ни о каких расстрелах. (См. I. Jazborowska, A. Jablokow, J. Zoria. *Katyn. Zbrodnia chroniona tajemnica panstwowa*. W-wa, 1998. S. 257-252» [20].

У меня вопрос. Алексеева и в 1943 г. не показывала, что она видела или знала о расстрелах. Она показывала, что видела немцев в крови, слышала выстрелы из леса, видела колонну пленных поляков, которых немцы вводили в лес. Зачем же вы, подонки, спрашивали ее об этом? Ведь иного ответа нет — затем, чтобы перед вступлением Польши в НАТО еще раз показать полякам кровожадность русских и необходимость спастись от них у ног американцев. Как иначе это понять?

Тем более, что прокуроры еще раз допросили Алексееву, и юстиции подполковник Яблоков сообщает: «Когда Алексееву 12 марта 1991 г. прокуроры допрашивали еще раз и ей были предъявлены показания, которые она давала в 1943-1946 гг., она испугалась и снова изменила свои показания, подтвердив то, что говорила в 40-е годы» [21].

Ага! Значит эта мужественная женщина все же плюнула вам в морду! Вопрос, а почему же вы об этом не написали в Польше? Потому, что поляки могли заколебаться со вступлением в НАТО?

Но еще раз подчеркнем, что и нынешние геббельсовцы даже не пытались опровергнуть первое объективное доказательство — то, что на месте расстрела и могил поляков еще в 1941 г. находился пионерский лагерь, а это начисто исключает геббельсовскую брехню.

478. Теперь об оружии, которым поляки были расстреляны. Это были немецкие пистолеты калибра 7,65; 6,35 и 9 мм. Марку пистолетов геббельсовцы упорно не хотят называть, хотя пули у них есть в наличии и по ним это сделать легко. Впрочем, я об этом достаточно написал в «Катынском детективе» и нет смысла повторяться.

Главное то, что оружие — это неопровержимое доказательство, и Советский Союз никак не мог это доказательство сфальсифицировать, поскольку его подтвердили сами немцы. Ну и как объясняют это нынешние геббельсовцы? Как видите, прокурорская часть бригады Геббельса об этом глухо молчит — типа, нет такого доказательства и ничего они об этом не знают! А академическая часть геббельсовцев вякнула, хотя лучше бы промолчала: "Объяснение может быть одно: сами палачи знали, что они связывали руки пленных веревками, закупленными в Германии, также и то, что расстреливали немецкими пулями калибра 7,65 из «вальтеров». Заметьте, 60 лет болтают на эту тему, но начиная от доктора Геббельса ни единого факта в подтверждение этой болтовни — ни бумажки, ни марки «вальтеров», которых фирма «Вальтер» выпускала только номерных 9 моделей и еще ПП, ППК и П-38, ни даты, ни цифры.

479. Болтовня насчет закупки в Германии «вальтеров» и веревки адресована настолько тупой части обывателей, что я вынужден привести образное сравнение. Смотрите, вот подонку Горбачеву для фальсификации Катынского дела потребовались подонки-прокуроры, подонки-следователи, подонки-историки, подонки-журналисты. Вы слышали когда-нибудь, чтобы кто-либо из обладателей

этих профессий объявлял себя гнусным подонком? Казалось бы, положение безвыходное и Горбачев должен был бы закупить хотя бы подонков-прокуроров за границей, скажем, на Гаити. Но ведь не стал тратить валюту, обошелся — нашел необходимую мразь в необходимом количестве в Главной военной прокуратуре СССР.

А в СССР только в 1918-1922 гг. было изготовлено 1,7 млн. наганов. Это хороший револьвер, надежный. Его и довоенная Польша выпускала в г. Радом до 1939 г. [22] А с начала 30-х годов в СССР ежегодно производилось примерно по 100 тыс. наганов и пистолетов ТТ. [23] Пока не поставили на производство ТТ, в Германии закупались пистолеты, но не фирмы «Вальтер», а фирмы «Маузер», и калибра они были трехлинейного, т.е. 7,62 мм. [24] Простая прикидка показывает, что к 1940 г. у СССР должно было быть около 4 млн. стволов наганов и ТТ только советского производства, не считая спортивных пистолетов калибра 5,6 мм и карманных ТК калибра 6,35 мм, не считая личного оружия, оставшегося от Российской Империи. Но к этому году численность Красной Армии все еще была менее 4 млн. человек [25], и если даже ее командный состав принять в 400 тыс. человек, то и тогда на каждого офицера приходилось по 10 пистолетов и револьверов. Ну кто бы при таком изобилии личного оружия стал бы его еще и импортировать?

480. Еще круче обстоит дело с импортом веревки из Германии. Ведь испокон веков Россия была экспортером пеньки, льна и самой простой продукции из них — шпагата, бечевы, веревок и канатов. Причем, Смоленская область была центром СССР по выращиванию конопли и льна, в самом Смоленске было несколько заводов по их переработке, а в Ярцево был построен современнейший по тем временам комбинат. Везти веревку в Смоленск, это все равно, что везти кофе в Бразилию. У меня для комментария нет слов. Цензурных.

481. Поэтому по поводу этакого экспорта дам высказаться поэту Станиславу Куняеву, человеку сдержанному. Он писал: "Польские офицеры в Катynie были расстреляны из немецких пистолетов немецкими пулями. Это факт, который не смогла скрыть или извратить даже германская сторона во время раскопок 1943 года.

Но для чего наши энкавэдэшники в марте 1940 года всадили в польские затылки именно немецкие пули? Ответ один: чтобы свалить это преступление на немцев. Но для этого наши «тупые палачи» должны были за 13 месяцев до начала войны предвидеть, что на ее первом этапе мы будем терпеть жестокое поражение, в панике сдадим Смоленск, немцы оккупируют район Катynie и долгое время будут хозяйничать там, появится прекрасная возможность списать расстрел на них, но для этого их надо будет разгромить под Москвой, Курском и Сталинградом, перейти в окончательное контрнаступление, создать перелом в ходе войны, вышвырнуть фашистов со Смоленской земли и, торжествуя, что наш гениальный план осуществился, вскрыть могилы расстрелянных нами поляков и объявить на весь мир, что в затылках у них немецкие пули!

Неужели этот безумный план советского руководства начал проводиться в действие уже в марте 1940 года? Неужели Сталин и Берия даже тогда, когда судьба войны в 1941-1943 годы колебалась на весах истории, словно греческие боги времен Троянской войны или великие шахматисты на мировой шахматной доске, хладнокровно рассчитывали и осуществляли продуманные на несколько лет вперед ходы истории?

Неужели растерянность Сталина в первые дни войны, приказ пг 227, призывы «Велика Россия, а отступать некуда», «За Волгой для нас земли нет» — это всего лишь навсего хорошо написанный и разыгранный спектакль для того, чтобы скрыть катынские преступления и пустить мировую общественность по ложному германскому следу?

Большого абсурда придумать невозможно" [26].

Вот видите, какой С. Куняев человек деликатный: употребляет слово «абсурд» там, где я не могу подобрать ничего другого кроме «идиотизм».

482. Итак. все три доказательства, которые невозможно сфальсифицировать, указывают на немцев — место расстрела, оружие и веревки. Причем, каждое из них является абсолютным, даже если бы остальные были иными.

В пионерском лагере могли расстрелять только немцы, даже если бы они сделали это из трофейных наганов, а руки связывали пеньковой бечевой со складов смоленских фабрик.

Если бы место расстрела было действительно глухим и оружие было трофейным — советским, но шнур — немецким, то это тоже расстреляли, безусловно, немцы.

Если бы место было глухим, бечева пеньковая, но калибр боеприпасов 7,65 мм, то и в этом случае расстреляли немцы.

Каждое из этих доказательств таково, что оно самостоятельно указывает на убийцу, а уж такая

совокупность из всех трех вместе делает ответ на этот вопрос безусловным — убили немцы.

483. Следующий вопрос, на котором целесообразно остановиться, это утверждение геббельсовцев о том, что они не могут найти никаких упоминаний о трех лагерях военнопленных польских офицеров под Смоленском. А как можно найти то, чего упорно искать не хочется?

Выше я уже написал, что неопровержимым подтверждением наличия лагерей с пленными поляками под Смоленском является факт того, что немцы опубликовали списки содержавшихся в этих лагерях офицеров еще в 1944 г., причем в этих списках были и живые на тот момент. Такое могло быть только в том случае, если немцы взяли фамилии польских офицеров из картотек советских лагерей, а это доказывает, что эти лагеря были.

484. Во всех документах, публикуемых геббельсовцами, указания на эти лагеря встречаются часто. Нужно только желание эти документы читать. Вот историк Сергей Стрыгин, анализируя всего лишь книгу В. Абарина «Катынский лабиринт» и один из документов [27] сборника геббельсовцев, который рассматриваю и я, пишет: «В 1940-41 г. в Смоленской области в районе пос. Катынь существовал Катынский лагерь, в котором содержались заключенные поляки, большая часть из которых была одета в польскую военную форму. Внешнюю охрану Катынского лагеря осуществлял 136-ой отдельный батальон КВ НКВД (кроме этого лагеря 136-ой отдельный батальон осуществлял внешнюю охрану Козельского и Юховского лагерей НКВД для военнопленных, а также тюрьмы в г. Смоленске). В начале июля 1941 г. для организации эвакуации „польского населения“ Катынского лагеря в пос. Катынь прибыли комбриг Любый и командир 252-го полка КВ НКВД майор Репринцев. 10 июля 1941 по приказу майора Репринцева в Катынь для проведения эвакуации заключенных лагеря был направлен конвой в составе 43 военнослужащих 252 полка под командованием мл. лейтенанта Сергеева».

485. Как видите, попытка эвакуировать пленных польских офицеров была. Но и это не все, что можно увидеть в книге В. Абарина. По геббельсовской брехне, польских офицеров расстрелял НКВД в мае 1940 г. и «доказательством» этого служит факт отправки их в «распоряжение НКВД по Смоленской области» в апреле-мае 1940 г. А вот что сообщает С. Стрыгин базируясь на «Катынском лабиринте»:

"Подпоручик Вацлав Новак (NOWAK WACLAW), 1912 г.р., этапированный из Козельского лагеря НКВД для военнопленных в распоряжение УНКВД по Смоленской области в апреле 1940 (№ 85 по списку 047/9) и официально числящийся захороненным в Катыни, этапировался конвоем 136 отдельного батальона КВ НКВД 30 декабря 1940 г. по маршруту Юхнов-Смоленск.

Этапированный в апреле 1940 г. из Старобельского лагеря НКВД для военнопленных в распоряжение У НКВД по Харьковской области поручик Антон Витковский (WITKOWSKIANTONIWACLAW), 1895 г.р., и официально числящийся захороненным под Харьковом, этапировался в декабре 1940 г. конвоем 136 отдельного батальона КВ НКВД по маршруту Юхнов-Смоленск.

Этапированный в апреле 1940 г. из Старобельского лагеря НКВД для военнопленных в распоряжение У НКВД по Харьковской области капитан Мариан Зембинский (ZIEMBINSKI MARIAN), 1893 г.р., официально числящийся захороненным под Харьковом, этапировался 23 декабря 1940 г. конвоем 136 отдельного батальона КВ НКВД по маршруту Юхнов-Смоленск".

Как же так? Ведь эти офицеры «казнены» под Харьковом и Смоленском в мае 1940 г. Они что, воскресли в декабре 1940? Разумеется, нет. Просто их никто не расстреливал: их забирали из лагерей под Смоленском для дополнительных допросов или вербовки, а в декабре вновь возвратили в их лагеря. А в «Комсомольской правде» от 3.04.1990 в статье «Молчит Катынский лес» С. Стрыгин нашел такой факт: «После оккупации Смоленской области немцами между Польшей и офицерами-поляками, сидевшими в Катынском лагере, было восстановлено почтовое сообщение (в частности, одно из дошедших до адресатов писем было отправлено в г. Гродзиск-Мазовецки из Катыни в сентябре 1941 г.)».

А это как может быть? По геббельсовской брехне, никаких лагерей с польскими офицерами под Смоленском не было, но, как мы видим, в сентябре 1941 г., уже после оккупации Смоленской области немцами, оттуда пошли письма в Польшу — из могил, что ли?

486. А вот еще пример из документов самой бригады Геббельса. Я уже рассказывал о докладе Берии Сталину в ноябре 1940 г. по поводу формирования Войска Польского в СССР. Доклад явно сфальсифицирован геббельсовцами путем сокращения текста, тем не менее, даже после этого начало оставшейся его части звучит так:

"Сов. секретно ЦК ВКП(б) товарищу Сталину

Во исполнение Ваших указаний о военнопленных поляках и чехах нами проделано следующее:

1. В лагерях НКВД СССР в настоящее время содержится военнопленных поляков 18297 человек, в том числе: генералов — 2, полковников и подполковников — 39, майоров и капитанов — 222, поручиков и подпоручиков — 691, младшего комсостава — 4022, рядовых — 13321.

Из 18 297 человек 11 998 являются жителями территории, отошедшей к Германии.

Военнопленных, интернированных в Литве и Латвии и вывезенных в лагеря НКВД СССР, насчитывается 3303 человека.

подавляющая часть остальных военнопленных, за исключением комсостава, занята на работах по строительству шоссейной и железной дорог.

Кроме того, во внутренней тюрьме НКВД СССР находятся 22 офицера бывшей польской армии, арестованных органами НКВД как участники различных антисоветских организаций, действовавших на территории западных областей Украины и Белоруссии.

В результате проведенной нами фильтрации (путем ознакомления с учетными и следственными делами, а также непосредственного опроса) было отобрано 24 бывших польских офицера, в том числе: генералов — 3, полковников — 1, подполковников — 8, майоров и капитанов — 6, поручиков и подпоручиков — 6.

2. Со всеми отобранными был проведен ряд бесед, в результате которых установлено:

а) все они крайне враждебно относятся к немцам, считают неизбежным в будущем военное столкновение между СССР и Германией и выражают желание участвовать в предстоящей, по их мнению, советско-германской войне на стороне Советского Союза..." [28]

487. Почему я считаю, что этот текст геббельсовцами сфальсифицирован? Видите ли, руководители такого ранга, как Берия, (министр) берут в руки ручку, чтобы написать текст документа, очень редко. Они это поручают замам, те — руководителям Управлений, те — начальникам отделов, те — какому-нибудь лейтенанту госбезопасности, который, обмокнув перо № 86 в чернильницу, написал черновик этого письма, обсчитав все цифры в нем. Черновик перепечатывается без ошибок, затем он, копия и лента пишущей машинки уничтожаются по акту, а текст письма идет на подпись к Берии по вышеуказанной цепочке должностных лиц и каждое лицо в ней тщательно вычитывает текст, чтобы в нем не осталось ни единой ошибки. Если таковые останутся и Сталин высмеет за них Берию, то потом за эту ошибку расплатятся все, кто готовил и вычитывал письмо (но особенно достанется, конечно, лейтенанту). То есть, в письмах такого уровня никаких глупостей не может быть изначально.

488. А вы посмотрите, что написано в этом письме. В нем пишется, что в СССР в лагерях НКВД находится два польских генерала и из этих двух путем тщательной фильтрации отобрано три генерала (Янушайтис, Борута-Спехович и Пржездецкий). В подлинном письме Берии Сталину такой глупости не могло быть принципиально.

489. Еще раз обращаю ваше внимание на то, что в то время у Берии в НКВД было два управления лагерей: лагеря ГУПВИ, в которых содержались люди, имевшие статус военнопленных, и ГУЛАГ, в которых заключенные имели статус преступников. После того, как в марте-апреле 1940 г. подавляющая часть пленных польских офицеров была признана Особым совещанием при НКВД социально опасными и им был назначен срок содержания в лагерях, они были из лагерей ГУПВИ переведены в лагеря ГУЛАГа. А в лагерях ГУПВИ остались упомянутые в письме 18297 человек, из которых 954 человека были генералами и офицерами.

Но Берия пишет, что это не все польские военнопленные, поскольку: «подавляющая часть остальных военнопленных, за исключением комсостава, занята на работах по строительству шоссейной и железной дорог». Но числились эти военнопленные заключенными и находились не в лагерях военнопленных, а в лагерях ГУЛАГа, причем на каком-то щадящем режиме, поскольку Берия пишет, что офицеры и генералы («комсостав») на строительстве дорог не работают. И в этих же лагерях ГУЛАГа под Смоленском находились и те генералы, из числа которых и были отобраны трое готовых сражаться с немцами вместе с Красной Армией.

490. Лагерь с польскими военнопленными офицерами был под Смоленском до августа 1941 г., но геббельсовцы из ГВП РФ уничтожают любые упоминания о них и не берут показания у тех свидетелей, кто видел этих пленных живыми и после начала войны. А такие свидетели даже сегодня есть. На что «Дуэль» малотиражна, но и нам эти свидетели пишут. К примеру, пишет полковник в отставке, бывший курсант Смоленского стрелково-пулеметного училища И.И. Кривой:

"На летний период обучения Смоленское стрелково-пулеметное училище выводилось в военный лагерь им. Ворошилова, находившийся между г. Смоленском и Гнездово, севернее железной дороги Смоленск-Минск.

Западнее нашего лагеря был лес, называвшийся Красный Бор, в котором в то время располагались

военные склады, и в первые дни войны немецкая авиация усиленно их бомбила, а расположение нашего училища, как ни странно, не бомбила. За Красным Бором на западе находился массив Катынского леса. Весь личный состав училища знал, что в Катынском лесу находятся лагерь польских военнопленных.

Дорога из нашего лагеря на Витебское шоссе пересекала железную дорогу Смоленск-Минск, и на переезде с одной стороны находился ж.д. пост, а с другой — контрольно-пропускной пункт (КПП) нашего училища, с которого хорошо просматривалось Витебское шоссе и железная дорога. На этом КПП постоянно дежурили курсанты нашего училища.

Южнее этого КПП на реке Днепр находилась купальня нашего училища, и там тоже дежурили курсанты. Местность ровная, и с купальни тоже хорошо просматривалось шоссе, которое как бы находилось под постоянным наблюдением курсантов. -

Нас из лагеря раз в неделю после обеда строем водили в баню в г. Смоленск.

В 1940 и в 1941 гг. я несколько раз нес службу на КПП и купальне и регулярно ходил в баню. И каждый раз я видел польских военнопленных, которых строем вели на ремонт Витебского шоссе или везли на машинах на работы или с работ в г. Смоленске, или на строящееся Минское шоссе.

С полной ответственностью и категоричностью заявляю, что я польских военнопленных видел несколько раз в 1941 г. и последний раз я их видел буквально накануне Великой Отечественной войны.

Я утверждаю, что польские военнопленные офицеры в Катынском лесу на 22 июня 1941 г. были еще живы, вопреки утверждениям Геббельса и Горбачева, что они были расстреляны НКВД в мае 1940 г". [29]

491. Пока геббельсовцы под давлением поляков не уволили с поста главного редактора «Военно-исторического журнала» В.И. Филатова, он тоже собирал таких свидетелей.

В 1991 г. один из редакторов «ВИЖ» подполковник А. С. Сухинин встретился со свидетелем Б. П. Тартаковским и записал его показания (вопросы Сухинина выделены полужирным шрифтом).

"Борис Павлович, расскажите, пожалуйста, когда впервые Вы столкнулись с Катынским делом.

С 1944 года я служил в польском корпусе, который формировался в Житомире. Как-то над нашим расположением пролетел немецкий самолет и разбросал листовки, в которых сообщалось, что русские расстреляли в Катыни тысячи польских пленных. Я в то время был строевым офицером и историей не очень интересовался, но все же этот факт меня заинтересовал.

Второй раз о Катынской трагедии я услышал уже на территории Польши. Нашей части пришлось освобождать Люблин и Майданек. В Люблине к нам пришло пополнение, состоявшее из польских граждан. Среди прибывших были два сержанта — польские евреи. Один из них — Векслер, фамилии второго, к сожалению, не помню. Из беседы с ними узнал, что они находились в 1940-1941 гг. в советском лагере для военнопленных, расположенном в Козьих Горах, в так называемом Катынском лагере. Сержанты рассказали: когда немцы подходили к Смоленску, начальник лагеря приказал эвакуировать всех военнопленных. Железной дорогой этого сделать не смогли, то ли вагонов не хватало, то ли по какой другой причине. Тогда начальник лагеря приказал идти пешком, но поляки отказались. Среди военнопленных начался бунт. Правда, не совсем бунт, но поляки оказали охране сопротивление. Немцы уже подходили к лагерю, были слышны автоматные очереди. И в этот момент охрана лагеря и еще несколько человек, в основном польские коммунисты, сочувствующие им и еще те люди, которые считали, что от немцев им ничего хорошего ждать не приходится, в том числе и эти сержанты, ушли из лагеря.

Оказавшиеся в тылу Советской Армии все были арестованы и направлены в Сибирь. Там они и жили где-то в деревне до мобилизации в армию Андерса.

Значит, часть польских военнопленных вместе с охраной лагеря оказались в нашем тылу!

Да, совершенно верно, по их рассказу, военнопленные ушли от немцев вместе с охраной лагеря. Будучи мобилизованными в армию Андерса, они прослужили в ней до момента вывода последней с территории СССР. Уходить в Иран с Андерсом они отказались, тогда многие поляки не ушли, причем добровольно. Не ушли и многие старшие офицеры, в том числе генерал Берлинг.

По второй мобилизации Векслер с товарищем были направлены вначале в первую польскую дивизию, а затем переведены в нашу часть, где прослужили до конца войны. Впоследствии оба уехали в Израиль.

Вы сейчас рассказали очень интересные факты. В этой связи хотелось бы уточнить вот что. Часть, в которой служили Вы и эти люди, была советская или Войска Польского?

Это была часть Войска Польского, и никакого отношения к Советской Армии не имела. Хочу рассказать еще об одном случае.

В Люблине я жил на квартире у одной женщины по фамилии Зелинская. Мы ее звали пани

Зелинская. Она одно время жила в России, работала медсестрой в Басманной больнице в Москве. Тут она оказалась в первую мировую войну, эвакуировавшись с родителями. В период гражданской войны выехала в Люблин, там же вышла замуж. Ее муж был судьей.

Однажды она меня познакомила со своим племянником. Он был солдатом Войска Польского в 1939 году, потом оказался в советском лагере. В 1941 году в момент подхода к лагерю немцев он с товарищами совершил побег.

Извините, что перебиваю, не говорил ли он Вам, в каком лагере находился? Вы не помните?

Помню, именно в Катынском. Об этом он рассказал мне сам. Я уже говорил, что тогда меня это дело мало интересовало, так что специальных каких-то уточняющих вопросов я ему не задавал.

Вы не знаете, жива сейчас пани Зелинская?

К сожалению, не знаю, но мне кажется, что это маловероятно. Ведь она уже в годы гражданской войны была взрослой.

А племянник был намного моложе пани Зелинской? Может быть, он сейчас еще жив?

Этого я тоже не знаю.

Не могли бы Вы вспомнить адрес, где проживала пани Зелинская?

Почтового адреса я не помню. Но если бы поехать в Люблин, то ее дом я сразу бы нашел. Постараюсь объяснить. Дом пани Зелинской находился недалеко от центральной площади, через которую проходила дорога на Варшаву. Второй или третий дом от центра, если идти по этой улице в сторону Варшавы, по-моему, она называлась Варшавская.

Хотелось бы рассказать вот еще о чем. Я в 1944 году служил в первом самоходном полку в должности командира взвода. Полк дислоцировался в Люблине. В это же время там находилось и правительство Польши (примерно до января 1945 года). Кажется, в октябре 1944-го представители польского правительства во главе с Осубко Моравским, тогдашним премьером, поехали в Катынь.

Мне было приказано сопровождать Моравского и его группу. Наш полк в то время подчинялся непосредственно Главному штабу Войска Польского. Мне приказали взять две-три машины для сопровождения группы Моравского в Смоленск. Так я оказался в Катынском лесу. В это время там работала комиссия, возглавляемая Бурденко. У меня, кстати, имеется акт, составленный комиссией. Лежит где-то среди бумаг.

Моравский со своей группой находился в Катыни около трех дней. Я жил в это время на квартире недалеко от Катынского леса. Как-то я разговорился с хозяйкой, и она рассказала, что расстреливали польских военнопленных немцы. И еще она рассказала, что одно время, когда Смоленск еще был оккупирован немцами, у нее в сарае прятался польский офицер, бежавший из лагеря. О том, что немцы расстреливали поляков, он ей и поведал.

И вот еще что. Во время пребывания в Катыни я подходил к рвам-могилам, видел, как эксгумировали трупы. Как потом мне стало известно, в карманах некоторых трупов (форма на них сохранилась) находили письма, написанные в октябре и ноябре 1941 года, т. е. тогда, когда в Смоленске хозяйничали немцы. Эти письма я видел и держал их в руках. Так что я полностью уверен, что Катынь — это их рук дело.

Вот, пожалуй, и все, что я могу рассказать о Катынских событиях, о которых узнал в период службы в Люблине.

Затем меня перевели в другую часть, которая участвовала в освобождении Варшавы. После освобождения польской столицы нашу часть разместили в Гродецк-Мазовецком, что приблизительно в 15 км от Варшавы. Мы были расквартированы на химическом заводе. В этот период я занимал должность помощника, а затем коменданта города. Кроме поляков в этом городе дислоцировались и советские части, поэтому был и советский комендант, с которым мы часто и успешно взаимодействовали.

В доме, где я жил, проживала польская женщина. Она плохо относилась к русским, говорила, что ее муж был польским офицером и его уничтожили русские. У нее сложилось такое мнение, как я понял, в результате деятельности АК. Людьми из АК на домах делались надписи: «Красная Армия — враг» и ей подобные. Будучи комендантом, я ближе познакомился с некоторыми деятелями из этой организации и понял, что это очень сомнительные люди.

Они собирали списки всех погибших, ходили по домам, в частности приходили и к этой женщине. Их интересовали анкетные данные людей, служивших перед войной в польской армии. Затем они составляли списки и говорили, что эти люди якобы погибли в Катыни. В эти списки вносили всех — и пропавших без вести, и погибших на территории Польши, и т. д. Издавались эти списки типографским способом и расклеивались на улицах города. В одном из этих списков оказалась и фамилия мужа этой

женщины. И вдруг, война еще, по-моему, не закончилась, к этой женщине является муж, цел и невредим.

Борис Павлович, Вы с ним лично разговаривали? Он подтвердил, что находился в Катынском лагере?

Когда он пришел домой, то собрались все родственники и соседи. Ведь все знали, что он погиб, и вдруг человек вернулся. Пришедшие расспрашивали о сыновьях, мужьях, родственниках, встречал ли он их, и т. д. Он рассказал, что прибыл из Карпат, где партизанил. К партизанам попал после побега из Катынского лагеря. А бежал он из лагеря в момент захвата его немцами. Видите, история практически повторяется, как и с теми поляками, что служили у меня в Люблине.

А еще Вы встречали людей, которые находились в Катынском лагере?

Да, встречал. Но это было уже после войны. Я в то время был зам. начальника танкоремонтной базы. У меня в подчинении были два сержанта-водителя. Хорошие люди. В Польше в это время начался период амнистий. Причем порядок амнистирования был упрощен до предела.

Например, вот как проходила одна из амнистий. Человек, претендующий на амнистию, писал рапорт по команде, к рапорту прикладывал автобиографию. Рядовые и сержанты амнистировались по решению командира части, получали справку об амнистии на руки и продолжали служить в этой части. Бывшие офицеры направлялись в отдел кадров вышестоящего штаба, им восстанавливали звание и направляли к новому месту службы.

Как-то вечером сижу в своем кабинете, раздается стук. Приглашаю войти. Входят два польских офицера, два бравых капитана в форме старого образца. Я посмотрел — бог мой! — так это же мои сержанты-водители. Я пригласил их присесть, каждому дал бумагу и предложил написать автобиографию.

Знакомясь с документами, узнал, что оба служили в старой польской армии, долго скрывали свое офицерское прошлое. Один из них находился в Катынском лагере. Правда, называл он его несколько по-другому: Козельский лагерь, который находился под Смоленском. Так же как и другие свидетели, он писал, что из лагеря бежал в период захвата его немцами.

Не могли бы Вы назвать его фамилию?

К сожалению, фамилии я не помню, Если бы я собирался исследовать эту проблему или предположил бы, что она так остро встанет в будущем, я бы непременно все записал. Но, увы..." [30]

492. В показаниях Тартаковского вызывает вопрос только сообщение последнего офицера о том, что он находился под Смоленском в «Козельском» лагере. Но если бы Тартаковский врал, то он бы этот момент в своем вранье обошел. А в остальном в показаниях этого свидетеля нет никаких внутренних противоречий. Свидетельство Тартаковского подтверждает, что сразу после войны в Польше было еще много офицеров, могущих подтвердить наличие лагерей с польскими военнопленными под Смоленском до прихода туда немцев. И мы можем понять, каких свидетелей готовил в 1946 г. польский прокурор Мартини и за что его убили польские геббельсовцы.

493. Не надо однако думать, что бригада Геббельса отказывается выслушивать свидетелей через 50 лет после катынских событий — наоборот. Свидетелей прокуроры ГВП РФ собрали столько, что складывается впечатление, будто они мобилизовали для дачи показаний пациентов всех психиатрических больниц запада России. В упомянутом уже фильме «Память и боль Катыни», который освятили своими консультациями два юстиции генерала, три юстиции полковника, юстиции подполковник и затесавшийся к ним юстиции майор, полякам с придыханием прочтут показания некоего Климова П.Ф., который рассказывает полякам, что в здании УНКВД Смоленской области был построен транспортер из «камер расстрелов» на улицу, чтобы трупы польских офицеров грузить механизированным способом прямо в кузова машин. Какой именно транспортер — ленточный, шнековый, тележечный и т.д. — не уточняется, поскольку для придурков достаточно самого этого слова «транспортер». На умственно неполноценных, уверял Геббельс, такое действует впечатляюще.

И это при том, что в самих административных зданиях УНКВД не только не расстреливали никого, но и не содержали заключенных. В этих зданиях было всего несколько камер для задержанных, которые после оформления ареста переводились в тюрьмы, там же, в тюрьмах. если их приговаривали к ВМН, их и расстреливали. Об этом геббельсовцам дал показания их ранее любимый свидетель бывший бургомистр Смоленска Меньшагин, который до войны работал адвокатом. Он в своих воспоминаниях подробно пишет о том, что приговоренные к расстрелу содержались в Смоленской тюрьме, а не в здании НКВД, и в тюрьме же их казнили.

494. Из фильма, состряпанного с помощью семи юстиции подонков из ГВП, поляки услышат холодящий душу рассказ большого Левченко о том, как один расстрелянный польский офицер ночью

очнулся и, вооруженный только дыркой в голове, захватил в тюрьме оружейную комнату и три дня отстреливался. Взять его не могли, попытались залить водой — не тонет, тогда отравили газом. (Шварценеггер и Рэмбо отдыхают). И все эти байки тщательно собирались прокурорами ГВП, присоединялись к уголовному делу № 159 и тут же переправлялись в Польшу, чтобы вызвать у поляков ненависть к русским перед вступлением Польши в НАТО.

495. Юстиции подполковник Яблоков из шкуры вылазит, чтобы доказать, что он в плане подлости и идиотизма юстиции генералам ни в чем не уступает. Он пишет: «Из беседы с майором госбезопасности Н.Н. Смирновым, который, в свою очередь, узнал об этом от участника расстрелов Мокржицкого, стало известно, что поляков расстреливали группами, заводили в специально огороженное дощатым забором место и устраивали переключку. В это время Стельмах, Мокржицкий и другие сотрудники комендантской команды, стоя на специальных подставках, стреляли сверху в голову. Это в основном подтверждает информацию, собранную в районе Катыни З. Козлинским. По его данным, группы пленных после переключки тесно усаживались на скамью у стены барака покурить. Позади них поднималась доска, и за спиной каждого оказывался расстрельщик, который синхронно с другими нажимал на спуск. Группы отгаскивались за кусты в ямы» [31].

Те, кто давали Яблокову и Козлинскому эти показания, были либо в глубоком старческом маразме, либо издевались над придурками-прокурорами. Интересно, что этим бредом о выстрелах сверху вниз прокурорские геббельсовцы опровергают самих себя — и результаты эксгумации под Харьковом и в Медном, и выводы 1943 г. профессора Г. Бутца, который писал, что траектория выстрела «проходит от затылка к области лба под углом 45°». Геббельсовцам и на это наплевать — главное, чтобы эти страшилки помогли втащить Польшу в НАТО. И Польша прочла этот бред практически сразу же в статье: Pyzel M. Polski patrol w Katyniu. (Dziennik polski, 17.IX.1991) [32].

496. Остался еще один вопрос, который выяснила комиссия Бурденко и который очень не хочется обсуждать геббельсовцам — это вопрос о том, что немцы сначала откопали польские трупы (в том числе и в других местах расстрела), затем почистили им карманы в плане изъятия документов с датами позже мая 1940 г., а затем снова их закопали и стали приглашать разные делегации, на глазах которых, якобы, раскопки производились впервые.

Повторю, что раньше у геббельсовцев любимым свидетелем был бургомистр Смоленска при немцах Б. Меньшагин. Он удрал вместе с немцами, его в 45-м поймали, дали 25 лет, которые Меньшагин отсидел во Владимирской тюрьме. Между прочим, сам он считал, что ему достаточно было дать всего 10 лет [33]. Геббельсовцы знали, что он жив, и их, видимо, удивляло, что СССР не использует его показания по Катынскому делу. В связи с этим они полагали, что он может дать показания против Советского Союза, и поэтому даже в тюрьме пытались с ним связаться. Когда Меньшагин вышел на свободу, то он геббельсовцам надиктовал на магнитофон свои воспоминания, не обманув их надежд (уж очень он любил деньги), но о том, что поляков расстрелял НКВД, он сказал как о своем предположении. И это все. Зато он, сам того не подозревая, надиктовал массу подробностей, доказывающих, что поляков расстреляли немцы.

497. А надо сказать, что Меньшагин хотя и глуповат, как все подонки, но обладал феноменальной памятью — он и через 50 лет. помнил фамилии, цитаты, даты, дни недели. Я усомнился в такой памяти и решил его проверить. Ниже в цитате он пишет, что 17 апреля 1943 г. было субботой. Проверил — точно! И ввиду такой памяти его показания становятся очень ценными. В данном случае нам интересен вот такой эпизод его воспоминаний.

498. "11 апреля 1943 года заведующий Красноборским дачеуправлением Космовский Василий Иванович сообщил мне, что поблизости от Красного Бора, в районе Гнездо-ва, открыты могилы расстрелянных поляков. Причем, что немцы выдают их за расстрелянных советской властью. 17 апреля в конце рабочего дня ко мне пришел офицер пропаганды немецкой — зондерфюрер Шулле — и предложил поехать на следующий день, значит, 18 апреля, на могилы на эти, чтобы лично убедиться, увидеть расстрелянных. И сказал, что, кого пожелаю, я могу взять из сотрудников управления.

Уже сотрудники почти все разошлись, так как это была суббота — короткий день, и я застал только Дьяконова и Борисенкова, которым сказал, что, если они желают, могут поехать. Они выразили согласие. На другой день к двум часам все собрались на Рославльском шоссе в помещении пропаганды. И оттуда на легковых машинах поехали по Витебскому шоссе в район Гнездова. Помимо меня, ездили сотрудники городского управления Дьяконов и Борисенков и главный редактор издававшейся немцами газеты — точно «Наш путь», кажется, нет, уже забыл, -Долгоненков и еще кто-то из работников пропаганды — русских.

Ну, когда доехали по Витебскому шоссе до столба с отметкой «15-й километр», свернули налево.

Сразу ударил в нос трупный запах, хотя ехали мы по роще сосновой и запах там всегда хороший, воздух чистый бывал. Немножко проехали и у видели эти могилы. В них русские военнопленные выгребали последние остатки вещей, которые остались. А по краям лежали трупы. Все были одеты в серые польские мундиры, в шапочки-конфедератки. У всех были руки завязаны за спиной. И все имели дырки в районе затылка. Были убиты выстрелами, одиночными выстрелами в затылок.

Отдельно лежали трупы двух генералов. Один — Сморовинский из Люблина, и второй — Богатеревич из Модлина, — около них лежали их документы. Около трупов были разложены их письма. На письмах адрес был: Смоленская область, Козельск, почтовый ящик — ох, не то 12, не то 16, я сейчас забыл уже. Но на конвертах на всех был штемпель: Москва, Главный почтамт. Ну, число трупов было так около пяти — пяти с половиной тысяч" [34].

По геббельсовской брехне, 18 апреля 1943 г. немцы еще не приступали ни к каким раскопкам (13 апреля немцы впервые сообщили о якобы нечаянном обнаружении ими польских могил) [35]. Но, как вы видите, 18 апреля на поверхности лежало около 5 тыс. трупов. А потом польское ПКК заявило, что оно с 20 апреля 1943 г. приступило к раскопкам «абсолютно нетронутых могил», но немцы, дескать, разрешили им эксгумировать всего 4243 трупа. Как видите, немцы трупы польских офицеров подготовили к демонстрации делегациям «полуответственных лиц» с большим запасом.

499. И вот тут возникает вопрос о прямом соучастии в геббельсовской провокации Польского Красного Креста или, по меньшей мере, его руководства. Скаржинский пишет, что они 17 апреля приступили к работе, но, правда, он же и пишет, что немцы их держали до 20 апреля в каком-то бараке и не говорит точно, когда же их допустили к могилам. Тем не менее, даже если немцы к 21 апреля и закопали все трупы, то поляки не могли не видеть свежую землю, не могли не видеть, что трупы закопаны недавно. Следовательно, поляки ПКК прямо пособничали немцам. И немцам (об этом даже с некоторой гордостью пишет Скаржинский) это пособничество поляков стоило недорого: они кормили поляков жрачкой не откуда попало, а из офицерского клуба. Этого полякам хватило! В сам клуб, само собой, их не пускали, но еду полякам носили все же не в помойном ведре, вот Скаржинский и счастлив до такой степени, что не упустил случая этим обстоятельством похвастаться перед соотечественниками.

500. И пара слов относительно того, какими угрозами следователи НКВД добивались признаний от свидетелей гитлеровского преступления в Катыни. Бургомистр оккупированного Смоленска о расстреле поляков немцами знал очень хорошо — не мог не знать. Как вы помните, у комиссии Бурденко был его ежедневник с записями, из которых было ясно, что немцы привлекали его к этой акции. Для прокуратуры СССР это был свидетель № 1. Более того, его семья была в СССР, самого его взяло НКВД в 1945 году. Уж кого-кого, а его обязаны были заставить разговариваться.

Но у бургомистра Меньшагина была альтернатива — не признаваться в том, что он что-то знал о расстреле поляков, и оставаться пусть и крупным, но просто пособником немцев, или признаться и стать вместе с ними военным преступником.

Вот что показывает Меньшагин по поводу приемов НКВД и НКГБ, которыми они заставляли его дать показания по катынскому делу в преддверии Нюрнбергского процесса: "Очень странно, что меня ни разу не спрашивали о Базилевском (заместителе бургомистра Смоленска, которому бургомистр Меньшагин рассказывал о расстреле немцами поляков — Ю.М.), хотя я находился в Смоленске с августа по 29 ноября 1945 года, потом в Москве, как я сказал, на Лубянке в одиночной камере. Ведь все следователи задавали мне вопрос, что мне известно о катынском деле? Я им говорил то же, что я сказал сейчас в начале своей беседы. А на вопрос: кто убил — отвечал, что я не знаю. Они мне говорили: «Мы к этому еще вернемся и тогда запишем ваши показания» [36]. И все.

Где здесь иголки, запущенные под ногти, где угрозы расстрелять семью, где обещания помиловать? Пальцем не тронули, угрожающего слова не произнесли. Предпочли свидетелем иметь Базилевского, чей пересказ рассказов Меньшагина, конечно, не имел такой убедительной силы.

Но если на такого важного свидетеля не было оказано никакого давления даже по данным бригады Геббельса, то где основания считать, что на 95 простых свидетелей, опрошенных в Смоленске, кто-то давил?

501. Еще момент. Следователи ГВП «неопровержимо доказали», что все документы, найденные на трупах польских офицеров комиссией Бурденко, поддельные. Я не буду давать те тексты об этом, в которых и сам следователь Яблоков не понимает, что пишет. Дам кусочек, который должен быть понятен даже ему. Вот он хвастается наличием у себя шерлок-холмсовской дедукции: «Последний документ, обнаруженный на трупе № 4 экспертом Семеновским, обозначен как почтовая открытка, заказная № 0112 из Тарнополя с почтовым штемпелем „Тарнополь 12.11.40 г.“. Рукописный текст и адрес обесцвечены, каких-либо следов текста не выявлено, но в почтовом штемпеле отчетливо читается

„Тарнополь 12. II. 1940 г.“, что в действительности соответствует 12 февраля 1940 г., так как даже из собранных и описанных в сообщении открыток следует, что в почтовых штемпелях в СССР в то время написание месяцев осуществлялось римскими цифрами» [37].

То есть, по Яблокову, найденную комиссией Бурденко на трупе польского офицера открытку, прошедшую через почтовое отделение Тарнополя, надо датировать не временем после «расстрела» — ноябрем 1940 г., а временем до «расстрела» — февралем 1940 г., поскольку месяца в советских почтовых штемпелях, оказывается, проставлялись, де, римскими цифрами, чего в НКВД не знали. И получается, что две единицы на оттиске штемпеля это не 11, а 2. Какая сила мысли! Правда, дураки-немцы не знали, что ГВП будет вешать российским налогоплательщикам лапшу на уши именно таким способом, поэтому в своих «Официальных материалах...» поместили на стр. 323 почтовую открытку из Польши со штемпелем советского почтового отделения, на котором четко читается дата «8.2.40», причем месяц четко обозначен не римской цифрой «II», а арабской "2", а ноль, чтобы он не пугался с восьмеркой, шестеркой и девяткой, обозначался прочерком, т.е. дата «8.2.40» выглядит как «-824-» [38]. И никаких римских цифр!

Думаю, что на этом обсуждение темы данной главы можно закончить.

***

Не знаю, как ситуация видится вам, судьям, но для меня она представляется следующим образом.

В 1943-1944 гг. следствие и комиссия Бурденко изобличили немецко-польскую провокацию полностью. Напомню, что несмотря на начавшуюся холодную войну, ни один из англосаксонских представителей и журналистов, присутствовавших в 1944 г. в Катыни, впоследствии не поменял своих взглядов и не обвинил в расстреле поляков СССР.

Нынешние геббельсовцы заключение комиссии Бурденко опровергнуть не способны, причем, по основным доказательствам — месту расстрела, оружию и шнуру, которыми связывали руки, — они либо просто молчат, либо пишут то, что С. Куняев деликатно называет абсурдом.

Вся критика геббельсовцев основана на «отсутствии» документов и доказательств, которые они сами же уничтожают, да на фальсификации геббельсовцами ГВП РФ свидетельских показаний и использовании показаний явных идиотов.

Причем, совершенно очевидно, что геббельсовцы это делали для того, чтобы вызвать ненависть поляков к русским накануне вступления Польши в НАТО.

Глава 10. Фальсификация Катынского дела в период между Геббельсом и Горбачевым

Бригада Геббельса о своих трудах от середины 40-х до начала 80-х годов

Прокурорская часть бригады Геббельса: Предпринятая на Нюрнбергском процессе в 1946 г. попытка советского обвинения в опоре на «Сообщение Специальной комиссии...» (принимались меры и для подготовки аналогичных польских материалов) возложить вину за расстрел польских военнопленных на Германию успеха не имела. Международный военный трибунал не признал выводы этого документа достаточно обоснованными, показания подготовленных свидетелей — убедительными и не вменил в приговоре это преступление в вину немцам. Это решение советским обвинением не оспаривалось и протест не вносился, хотя в других случаях несогласия советский представитель протест вносил. Вопрос об ответственности за катынское преступление Международный военный трибунал оставил открытым: предпочел не ставить под удар единство антигитлеровской коалиции.

В последующем представители официальной советской исторической и юридической наук не критически повторяли и популяризировали утверждение о виновности немцев в расстреле польских военнопленных, что якобы было установлено на Нюрнбергском процессе. При этом его материалы замалчивались или трактовались произвольно, фальсифицировались даже тогда, когда в конце 80-х годов были обнаружены документы НКВД СССР, свидетельствующие о прямой причастности этого органа к уничтожению польских военнопленных весной 1940 г.

В 1952 г. расследование катынской трагедии проводила специальная комиссия Палаты

представителей Конгресса США под руководством Р. Дж. Мэддена, которая провела опрос 81 свидетеля, рассмотрела сто письменных показаний свидетелей, не имевших возможности приехать, изучила вещественные доказательства. Эта комиссия также не признала достоверности выводов «Сообщения Специальной комиссии...» и обвинила в совершении преступления в Катynie СССР. (Б.А. Топорнин, А.М. Яковлев, И.С. Ямборовская, В.С. Парсаданова, Ю.Н. Зоря, Л.В. Беляев) [1].

Академическая часть бригады Геббельса: Выводы Сообщения Специальной комиссии советское руководство попыталось подкрепить авторитетом Международного военного трибунала в Нюрнберге. Будучи уверенными, что статья 21-я Устава МВТ обязывает суд принимать без доказательств доклады правительственных комиссий по расследованию злодеяний гитлеровцев, советские представители настояли на включении в обвинительное заключение тезиса о германской ответственности за расстрел польских офицеров в Катynie. Причем если в обвинительном акте, подписанном на английском языке, фигурировали 925 убитых, то в русскоязычном тексте этого документа — 11 тыс. человек. Однако на этот раз судьи пошли навстречу защите. 12 марта 1946 г. МВТ удовлетворил ходатайство защитника Г. Геринга О. Штаммера о вызове свидетелей по катынскому делу, что чрезвычайно встревожило Москву. Там уже работала Правительственная комиссия по Нюрнбергскому процессу. В инструкции, направленной Правительственной комиссией главному обвинителю от СССР Р.А. Руденко, предлагалось заявить протест от имени Комитета обвинителей, в случае отказа последнего — от своего имени, по поводу решения Трибунала от 12 марта (см. № 220). При оставлении Трибуналом своего решения в силе, главный обвинитель от СССР должен был заявить, что будет настаивать на вызове свидетелей обвинения.

Поскольку обвинители от США, Великобритании и Франции уклонились от участия в протесте по катынскому вопросу, 18 марта Руденко внес его от своего имени. 6 апреля Трибунал повторно рассмотрел вопрос и оставил свое решение в силе. Тем временем Правительственная комиссия по Нюрнбергскому процессу начала срочно готовить «свидетелей». В Болгарию был командирован сотрудник МГБ, чтобы «поработать» с Марко Марковым, проследить за этим должен был сам В.С. Абакумов, новый министр госбезопасности. Польских свидетелей поручили готовить прокурору СССР К.П. Горшенину, документальный фильм — А.Я. Вышинскому, за отбор документальных доказательств и подготовку свидетеля-немца отвечал В.Н. Меркулов.

Но даже эти меры сочли недостаточными. Решением той же московской комиссии от 24 мая 1946 г. группе в составе заместителя начальника управления контрразведки МГБ Л.Ф. Райхмана, помощника Р.А. Руденко Л.Р. Шейнина и члена-корреспондента АН СССР А.Н. Трайнина поручалось в 5-дневный срок ознакомиться со всеми материалами «о немецкой провокации в Катynie и выделить те из них, которые могут быть использованы на Нюрнбергском процессе». Со свидетелями, дававшими показания Комиссии Бурденко, надлежало работать Л.Ф. Райхману и одному из обвинителей на процессе — Л.Н. Смирнову. Относящуюся к этому вопросу документацию должны были подбирать Л.Р. Шейнин и А.Н. Трайнин.

Для участия в Нюрнбергском процессе были отобраны многие из «свидетелей», дававших показания перед Комиссией Бурденко: А.М. Алексеева, Б.В. Базилевский, П.Ф. Сухачев, С.В. Иванов, И.В. Савотеев и др. В качестве свидетелей намечались и патологоанатом В.И. Прозоровский, болгарский медик М.А. Марков и немец ст. ефрейтор Людвиг Шнейдер. Последний был помощником профессора Г. Бутца и должен был «показать», что по заданию оберштурмфюрера Хильберса и Бутца фальсифицировал данные лабораторных анализов, дабы доказать виновность в расстреле поляков органов НКВД.

Однако МВТ решил, что заслушает лишь по три свидетеля от защиты и обвинения. 1-3 июля Трибунал выслушал показания свидетелей защиты: полковника Фридриха Аренса, лейтенанта Р. фон Эйхборна и генерала Е. Оберхойзера. От обвинения Л.Н. Смирнов допросил на процессе бывшего заместителя обербургомистра Смоленска профессора-астронома Б.В. Базилевского, болгарского эксперта М.А. Маркова и В.И. Прозоровского. Судя по репликам членов МВТ от западных стран, они не поверили ни тем, ни другим. В результате в приговоре Международного военного трибунала катынский расстрел не фигурировал.

О жертвах катынского расстрела в СССР поспешили забыть, всякие упоминания о них изымались из исторических трудов и энциклопедий.

Как величайшая государственная тайна передавался пакет № 1 с письмом Берии Сталину и решением Политбюро ЦК ВКП(б) от 5 марта 1940 г. от одного генерального секретаря партии другому. Каждый из них знакомился с этими страшными актами и вновь запечатывал пакет. Дабы сведения о катынском расстреле не стали достоянием гласности, в марте 1959 г. А.Н. Шелепин рекомендовал Н.С.

Хрущеву уничтожить следственные дела расстрелянных в апреле-мае 1940 г. 21 857 польских офицеров, полицейских и узников тюрем, сохранив лишь небольшие по объему протоколы «тройки». Хрущев же предпочел уничтожить и дела, и протоколы заседаний «тройки», утверждавшей расстрельные списки.

В просоветской Польше само слово «Катынь» трактовалось как антигосударственное. За свечку, поставленную под крестом с такой надписью, грозили репрессии. Семьи мучеников вынуждены были прятать реликвии, оставшиеся от погибших. Но полувековая память об убитых, несмотря на ссылки, тюрьмы, лагеря, преследования, жила и кровоточила, разъединяя польский и советский народы. Лишь правда могла помочь преодолеть возникшую между ними пропасть.

Поляки же, оказавшиеся в эмиграции, по крупицам собирали сведения о катынском преступлении. Адам Мощинский, один из 395 офицеров, избежавших расстрела и переведенных в Грязовецкий лагерь, проделал после войны титаническую работу по составлению списка расстрелянных польских офицеров и полицейских. В 1948 г. в Лондоне под ред. генерала В. Андерса был издан сборник материалов «Катынское преступление в свете документов», выдержавший более 10 изданий. В 1951 г. вышла в свет книга Ю. Мацкевича «Убийцы из Катынского леса». Огромный вклад в научное освоение темы внес профессор Пенсильванского университета Януш Заводный. Его труд «Смерть в лесу», переведенный на многие языки, возродил интерес мировой общественности к катынской проблеме и дал мощный импульс новым исследованиям.

Наиболее известными из них стали четыре монографии английского исследователя Л. Фитцгиббона, опубликованные в 1970-1975 гг. и всколыхнувшие общественность западных стран. В Англии была развернута кампания по сбору средств на строительство в Лондоне обелиска в память о погибших. Би-Би-Си подготовила обширную программу, посвященную катынской трагедии. В палате общин Великобритании выступил бывший обвинитель на Нюрнбергском процессе А. Нив, потребовавший возобновить расследование по этому делу. 17 июля 1970 г. Палата лордов провела специальное заседание по катынской проблеме. В этом же месяце конгрессмен Р. Пучиньский призвал правительство США поднять вопрос на Генеральной Ассамблее ООН. В августе с аналогичным предложением выступил депутат австралийского парламента Кейн. В июле 1975 г. в здании английского парламента была проведена пресс-конференция, организаторы которой призвали Международный суд в Гааге «разобраться в этом деле».

В Швеции в ноябре 1975 г. на территории частного владения был открыт памятник жертвам Катыни.

Обсуждение катынской темы на Западе вызвало болезненную реакцию в Москве. В разгар холодной войны, в 1951 г., была создана специальная комиссия палаты представителей Конгресса США по катынскому вопросу. Ее председатель Р. Мэдден 27 февраля 1952 г. направил послу СССР в Соединенных Штатах письмо и резолюцию Комиссии. В ней правительство СССР официально приглашалось принять участие в расследовании катынского преступления и предоставить любые относящиеся к данной проблеме документы. 29 февраля правительство СССР направило ноту протеста в Вашингтон, в которой квалифицировало действия администрации США как нарушение общепризнанных норм международных отношений и как оскорбительные для Советского Союза. Вслед за советским правительством «решительно осудило» антисоветскую шумиху вокруг заседаний Комиссии Р. Мэддена и правительство Польской Народной Республики.

Комиссия Конгресса США, заслушав многочисленных свидетелей, исследовав относящиеся к делу документы (отчеты об эксгумации, найденные в могилах дневниковые и прочие записи и др.), пришла к выводу, что органы НКВД совершили массовые убийства польских офицеров и полицейских с целью устранения всех тех, кто мог помешать «полной комму-низации Польши».

В Москве продолжали следить за работой Комиссии Р. Мэддена, создав в МИДе свою комиссию по катынскому вопросу. В нее вошли заместители начальника договорно-правового управления МИД СССР, заместитель начальника следственного отдела Прокуратуры СССР, помощник Генерального прокурора СССР, а также патологоанатомы В.И. Прозоровский и В.М. Смольянинов. Членом этой комиссии являлся и представитель МГБ СССР полковник госбезопасности Д.В. Гребельский, постоянно информировавший свое начальство о ходе ее работы и следивший за тем, чтобы она не выходила за рамки официальной версии.

Взросший интерес общественности Запада к катынской теме побудил советское руководство проявлять большую активность в этом вопросе. 12 апреля 1971 г. министр иностранных дел СССР А.А. Громыко обратился к Политбюро ЦК КПСС. Он предложил поручить советскому послу в Лондоне сделать представление МИД Великобритании в связи с попытками «раздуть пропагандистскую

кампанию вокруг так называемого катынского дела». Высший партийный орган не замедлил принять соответствующее постановление. Аналогичные демарши предпринимались по решению Политбюро ЦК КПСС и в сентябре 1972 г., и в марте 1973 г., и в апреле 1976 г. Некоторые из них предпринимались по инициативе «польских друзей» Кремля, встревоженных реакцией польской и мировой общественности на катынское преступление.

Но в Советском Союзе имелись и люди, не желавшие мириться с правительственной ложью о судьбе польских офицеров и полицейских. Украинский поэт и публицист А. Кара-ванский, проведший 20 лет в советских тюрьмах, в 1969 г. обратился в ЦК КПСС и прокуратуру с требованием провести новое расследование по катынскому делу. Он ссылаясь при этом на имена двух охранников, участвовавших в расстрельной операции. В 1970 г. Караванский был приговорен за это к дополнительному 10-летнему сроку заключения и освобожден лишь в 1989 г. О катынском преступлении писал в III томе книги «Архипелаг ГУЛАГ» А.И. Солженицын.

В апреле 1980 г. в 40-летие катынского расстрела группа российских правозащитников — Л. Алексеева, А. Амальрик, В. Буковский, Б. Вайль, Т. Венцлова, А. Гинзбург, Н. Горбаневская, З. и П. Григоренко, Б. Ефимов, П. Литвинов, К. Любарский, В. Максимов, В. Некрасов и др. — опубликовали в журнале «Континент» пророческое заявление. В нем они выражали уверенность, что недалек тот день, когда наш народ воздаст должное всем участникам этой трагедии, как палачам, так и жертвам; одним — в меру их злодеяний, другим — в меру их мученичества. Подписавшиеся под документом заверили польский народ, что никто из них не забывал и не забудет «о той ответственности, которую несет наша страна за преступление, совершенное ее официальными представителями в Катыни».

В начале 80-х гг. катынская тема все настойчивее поднимается диссидентами и сторонниками «Солидарности» в Польше. В мае 1981 г. создается Комитет по сбору средств на памятник жертвам катынского расстрела, который в июле воздвигается на военном кладбище в Варшаве. Однако органы госбезопасности социалистической Польши сносят его ночью того же дня. Объявленное в декабре 1981 г. военное положение приостанавливает на время открытое выражение скорби по погибшим от рук сталинских палачей польских граждан. (Н.С.Лебедева, Н.А.Петросова, Б.Во-щинский, В.Матерский, Э.Росовска, под управлением редакционной коллегии: с российской стороны — В.П.Козлов (председатель), В.К.Волков, В.А.Золотарев, Н.С.Лебедева (ответственный составитель), Я.Ф.Погоний, А.О.Чубарьян; с польской стороны — Д.Наленч (председатель), Б.Вошинский, Б.Лоек, Ч.Мадайчик, В.Матерский, А.Пшевожник, С.Снежко, М.Тарчинский, Е.Тухольский) [2].

Судейская подлость

502. Приговор Нюрнбергского Международного Военного Трибунала бригада Геббельса считает своим очень важным косвенным доказательством. В этой бригаде специалистом по Трибуналу являлся ныне покойный советский кандидат военных наук Ю. Зоря, он же и «эксперт» прокурорских геббельсовцев. Дадим ему слово отдельно.

"...подробное обвинение по его пункту о катынском деле предъявил заместитель Главного обвинителя от СССР Ю.В. Покровский 13-14 февраля 1946 года. Его выступление содержало изложение материалов комиссии Н.Н.Бурденко. Заключение комиссии предъявлялось как документ обвинения, который, как официальный документ, согласно ст. 21 Устава Международного Военного Трибунала, не требовал дополнительных доказательств. Именно на эту статью делалась ставка при включении пункта о Катыни в обвинительное заключение.

Однако защита, несмотря на протест Главного обвинителя от СССР Р. А. Руденко, добилась согласия Трибунала на вызов дополнительных свидетелей — немцев.

Это обстоятельство весьма обеспокоило советское руководство, поскольку оно не предусматривало дискуссий по катынскому делу" [3].

503. Прочтя эти строки, читатель наверняка представляет себе такую ситуацию: сидят Сталин, Берия и Ю.Зоря и обсуждают вопрос о Катыни:

— Слушай, Лаврентий, — говорит Сталин, — а ведь нам не стоит соваться с катынским делом на Нюрнбергский процесс, а то там вскрыется, что это мы убили поляков.

— Ничего, товарищ Сталин, — успокаивает его Берия, — там у нас есть юридическая зацепка в виде 21-ой статьи в Уставе Трибунала. Она запрещает требовать доказательства, если мы представим свой официальный документ. На эту статью и сделаем ставку.

Разумеется, что кандидат военных наук Ю. Зоря весь этот разговор записывал, иначе откуда у него

такая наглая уверенность, что «именно на эту статью делалась ставка» советским правительством?

Давайте рассмотрим, в связи с чем в Уставе Международного Военного Трибунала появилась эта статья.

504. Во-первых. Преступления нацистской Германии были огромны, десятки стран и миллионы людей предъявляли ей обвинения в убийстве отдельных людей, слоев населения, в единичных случаях и в концентрационных лагерях, в тюрьмах и путем сожжения и расстрела целых населенных пунктов. Чтобы рассмотреть все эти эпизоды, Трибуналу понадобились бы столетия, прежде, чем он вынес бы приговор.

Во-вторых, руководители нацистской Германии, сидевшие на скамье подсудимых, лично не сделали ни одного выстрела и не одели петлю на шею ни одного человека. Они обвинялись в том, что это их политика привела к этим преступлениям. Обвинители должны были доказать связь между решениями по политическим вопросам руководства Германии и геноцидом. В случае с убийством польских граждан обвинители должны были доказать, что геноцид против поляков был официальной политикой и подсудимые Геринг, Гесс, Йодль и прочие о ней знали и ее одобряли. Поэтому страны-союзники, создав Международный Военный Трибунал и договорившись, что они проведут суд быстро и сурово, не нашли другого способа вести судебный процесс, как отказаться от доказывания самого факта совершения того или иного преступления.

Если, к примеру, в Трибунал поступит акт от американского бригадного генерала о том, что в таком-то лагере военнопленных были убиты 50 английских летчиков и обвинитель США предъявляет этот документ как официальный, то уже не требовалось доказывать, что эти летчики были убиты, а не умерли от гриппа, что они были убиты немцами, а не погибли от бомбежек или в пьяной драке. Трибунал не имел права рассматривать сам факт убийства, разбирать, кто персонально виноват, для него важно было, что руководители Германии хотели и допустили это.

Такое положение статьи 21 не означало, что союзники собираются простить кого-либо. В странах, чьи граждане были убиты, создавались свои трибуналы, прокуратура разыскивала конкретных убийц, их выдачи требовали у Германии или у тех стран, где они скрылись, их судили и, если они были виноваты, наказывали. Это была еще одна причина, по которой Трибунал не мог требовать доказательств по официальным документам об убийствах. В спешке он мог оправдать убийцу и тогда уже национальный суд не смог бы привлечь того к ответственности. И, повторяю, судили тех, кто сам лично преступлений не совершал, поэтому разбор конкретного преступления к ним не имел отношения.

505. Любой суд руководствуется законом, если это не так, то это уже не суд. Устав был законом для Международного Трибунала. Он обязан был соблюдать его, как бы ни давили на него правительства западных стран. А они давили. Требование трибунала доказательств по Катыни от СССР было недружественным и подлым актом и по отношению к своему союзнику — СССР, и по отношению к Польше. Взявшись рассмотреть это дело в подробностях, Трибунал не давал самой Польше это сделать.

506. Ладно, допустим, что во имя справедливости Трибунал нарушил Устав, но тогда он обязан был действительно провести судебное следствие по этому делу, найти конкретных виновных и вынести им приговор. Иначе как он мог решить, виновато ли правительство Германии в этом деле или нет, если не осудил или не оправдал конкретных исполнителей по нему, или хотя бы не объявил их розыск, или не осудил заочно, как Бормана?

Но Трибунал ничего этого не сделал, он сымитировал следствие, ограничив обвинение разрешением вызвать всего трех свидетелей, а затем просто исключил эпизод с Катынью из числа преступлений нацистской Германии. А поскольку обвиняемых в катынском деле двое, то этим своим решением он объявил виновным в этом преступлении Советский Союз.

507. Как вы помните, в 1943 г. показания советским следователям дали работавшие на кухне бывшей дачи НКВД в Катыни молодая женщина и две девушки. Трудно было от них требовать, чтобы они могли понимать разницу между воинскими званиями, полком и батальоном, саперами и артиллерией. Из их показаний у следователей НКВД сложилось первое впечатление, что расстрелом поляков занималась какая-то строительная часть с № 537. Списка немецких частей на тот момент Советский Союз еще не имел.

Но что безусловно заслуживало внимания. Эти свидетели работали на кухне, обслуживая немецкую айнзацкоманду, расстреливавшую поляков. Они дали численность ее: 30 человек под командой трех офицеров. Они рассказали о совершенно ненормальном режиме ее жизни — спали до 12 часов, после своей работы в лесу смывали в бане кровь с мундиров, им часто выдавалась водка и т.д. Но главное, женщины достаточно четко запомнили фамилии офицеров, их звания и даже должности: обер-лейтенант Арнес — командир, обер-лейтенант Рекст — его адъютант, лейтенант Хотт. Тут были

неточности в русском слышании фамилии Арнес — Арене, в созвучном обер-лейтенант (старший лейтенант) и оберст-лейтенант (полковник-лейтенант — подполковник). Но три фамилии офицеров в сочетании с номером части плюс правильная должность «адъютант», исключают какую-либо случайность или совпадение. То есть, если найти в немецкой армии часть с № 537 и окажется, что в ней служили три офицера с этими фамилиями и их звания были созвучны обер-лейтенант, лейтенант, да плюс один из них имел должность адъютант, то это значит, что, эти люди — основные подозреваемые в убийстве польских офицеров, они должны быть арестованы, опознаны свидетелями, и дать объяснения, чем они занимались осенью 1941 года на даче НКВД под Смоленском.

508. А что же сделал Трибунал? Ю. Зоря несомненно понимал все, что написано выше, поэтому, защищая непосредственных убийц от возмездия, он комкал в своем описании эту часть процесса.

"Оказалось малоубедительным для Трибунала и другое положение, на котором основывалось советское обвинение. Его начисто опроверг допрошенный в качестве свидетеля полковник вермахта Аренс, командир «части 537», тот самый, который, согласно советской версии, руководил карательным отрядом, расстреливавшим польских военнопленных. Аренс доказал, что летом 1941 года он вообще не командовал 537-й частью, которая на самом деле была полком связи при командовании группой армий «Центр».

Кроме этого, в распоряжении защиты были и другие заверенные надлежащим образом показания еще нескольких свидетелей, полностью подтверждавших показания Арнста" [4]. По этому эпизоду у Зори все.

Честно работая на Геббельса, Ю. Зоря пытается запутать вопрос и предельно его сократить, понимая всю дикость решения Трибунала. Зоря рассчитывает на придурков в такой степени, что они даже не догадаются задать себе такой вопрос: «А почему, если Арене не был командиром полка и служил в полку связи, то он не мог расстреливать поляков? Что ему могло помешать это сделать?»

509. Четыре профессора в своей «Экспертизе» более говорливы.

«...установлено, что оберстлейтенант Фридрих Аренс (а не Арнес, как в Сообщении) командовал 537-м полком связи и оказался на Смоленщине только в ноябре 1941 года. Обер-лейтенант Рекс был адъютантом полка, а лейтенант Хотт одним из командиров. Дававший показания в качестве свидетеля оберлейтенант Рейнхарт фон Айхборн, эксперт по телефонной связи в полку 537, штаб которого находился в Козьих Горах в Катыни, как и сам оберстлейтенант Аренс, разъяснили, что в Козьих Горах не было полка саперов (рабочего). Не доказано, что они знали о расстреле „пленных“ — польских офицеров. 537-й полк связи находился в подчинении генерала Е. Оберхойзера, который также давал показания в Нюрнберге. Он командовал связью в группе армий „Центр“, прибыл в Катынь в сентябре 1941 года. Тогда во главе полка стоял оберстлейтенант Беденк, пока в ноябре 1941 года его не заменил оберстлейтенант Аренс» [5].

Обратите внимание на логику бригады Геббельса. Убийца, уличенный свидетелями, нагло объявляет, что он не убийца, и четыре польских профессора на этом основании хором заявляют, что «не доказано, что они знали о расстреле...»

510. К массовым убийствам пленных, евреев и славянского населения немцы приступили только с началом войны с Советским Союзом. Вот здесь им и понадобились айнцацкоманды — люди, которые бы согласились заняться массовым убийством. В самих боевых частях вермахта, среди боевых офицеров и генералов эта работа не встречала энтузиазма. На Нюрнбергском процессе даже приводились протесты адмирала Канариса — главы разведки вермахта — о недопустимости в армии таких явлений. И в боевых частях были не ангелы — они могли без сожаления расстрелять обременяющих их пленных, повесить партизана или диверсанта и даже поиздеваться над ними, как они сделали это с Зоей Космодемьянской. Но стать профессиональным палачом фронтовикам не улыбалось. Им и так было где заслужить и погоны, и Железный Крест с дубовыми листьями к нему. Другое дело тыловики.

Полк связи, его штаб, обязан был всегда находиться при штабе группы армий, то есть не ближе чем в 100 км от линии фронта. В полку связи много орденов не выслужишь, не сильно отличишься. То есть полк связи — это такая часть, где найти добровольцев на палаческую работу гораздо легче, чем на фронте. Джон Толанд, исследуя нацизм в уже цитируемой мною раньше книге, писал: «Для осуществления массовых убийств Гейдрих и Гиммлер лично подбирали офицеров. В их число попадали протестантский священник и врач, оперный певец и юрист. Трудно было предположить, что они годятся для такой работы» [6]. Так ли уж трудно предположить, что, вербуя убийц в церкви и оперном театре, люди Гейдриха обошли вниманием и тыловой полк связи, где офицеры сгорали от честолюбия и отсутствия наград?

511. Если бы Трибунал действительно хотел истины, то он немедленно арестовал бы этих свидетелей и поручил бы следователям немедленно выяснить и документально подтвердить:

1. Правдиво ли утверждение Оберхойзера, что штаб группы армий «Центр», состоявший из десятков тысяч офицеров и солдат, в сентябре 1941 года разместился в крохотном поселке Катынь?

2. Где конкретно в это время размещался штаб 537-го полка связи?

3. Не были ли в это время откомандированы из полка на выполнение «спецзадания» офицеры Арене, Рекс и Хотт, или не были ли они освобождены от исполнения своих обязанностей?

4. Действительно ли Арене был назначен командиром полка в ноябре 1941 года и за какие заслуги?

Эти действия обязан был произвести Трибунал, раз уж он затеял судебное следствие. Но он этого не сделал и попросту покрыл непосредственных убийц.

512. Но дело даже не в этом. Мы прочли то, что написала бригада Геббельса о тех свидетелях, кто якобы доказал Трибуналу, что поляков убили русские. Но где конкретно в их показаниях эти свидетельства? Здесь есть только свидетельства, что убийцы служили не в 537-м строительном, а в 537-м полку связи. Как это доказывает невиновность немцев и вину СССР? Объяснил это кандидат военных наук Ю. Зоря, большой «специалист» по Нюрнбергскому процессу?

Это и были все «свидетели защиты», объявившиеся на процессе. Обвинение же представило таких свидетелей.

513. Первым был судмедэксперт профессор Прозоровский, участвовавший в комиссии Бурденко. На основании своих профессиональных выводов он сделал суду сообщение, почему он считает, что поляки были убиты в 1941 году, то есть немцами. Тут бригаду Геббельса клинит, она ничего не способна возразить Прозоровскому и вынуждена просто об этих показаниях ничего не сообщать, будто их и не было.

514. Вторым был болгарский судмедэксперт доктор Марков, подтвердивший заключение советского судмедэксперта с позиций «международной комиссии» 1943 года. Этому геббельсовские подручные пытаются оболгать и скомпрометировать, но мы уже об этом написали.

515. Третьим был заместитель бургомистра Смоленска Меньшагина профессор астрономии Базилевский. Он подтвердил, что поляки были убиты немцами в 1941 году. Подтвердил со слов Меньшагина и, разумеется, было бы лучше, если бы сам Меньшагин это сказал, но он в страхе за свою шею ото всего отказывался и его на процесс не взяли, хотя советские власти, без сомнения, могли заставить его говорить. Предатель есть предатель, за обещание жизни или сокращение тюремного срока он бы показал что угодно.

516. Скомпрометировать показания Базилевского бригада Геббельса доверила в конце 90-х годов Ю. Зоре. Он это делает так. Он дает показания своего правдивого и надежного свидетеля — Меньшагина: «...допрашивался мой заместитель — как начальника города Смоленска, — профессор астрономии Смоленского пединститута Борис Васильевич Базилевский. И этот Базилевский сказал, что об убийстве поляков он узнал от меня, что в 1941 году он узнал, что в плен попал и находится в немецком лагере его знакомый Кожуховский». (Здесь Ю. Зоря делает сноску: «В показаниях Базилевского называется фамилия Жиглинского»). Запомним это. Меньшагин продолжает: "Он просил меня, не могу ли я похлопотать об его освобождении. Я, дескать, охотно согласился на это, написал ходатайство и сам понес в комендатуру. Вернувшись из комендатуры, я сказал: «Ничего не выйдет, потому что в комендатуре мне объявили, что все поляки будут расстреляны».

Через несколько дней, придя оттуда, я снова ему сказал: «Уже расстреляны». Вот те данные, которыми располагал Базилевский.

Эти сведения, сообщенные Базилевским, совершенно не соответствуют действительности. Случай его ходатайства за Кожуховского действительно имел место в августе 1941 года. И я возбуждал ходатайство об его освобождении, и через дня три-четыре после этого ходатайства Кожуховский лично явился освобожденный, и находился в Смоленске после этого, имея свою пекарню все время немецкой оккупации города, а впоследствии я его видел в Минске в 44-м году, где он точно так же имел кондитерскую. Кожуховского этого я лично знал, так как он проходил свидетелем по делу хлебозавода № 2, разбиравшемуся Смоленским областным судом в марте 1939 года. Он проходил свидетелем по этому делу". [7]

Мы уже имели возможность восхищаться памятью этого свидетеля, она действительно изумительна, он помнит все: даже в каком месяце в 1939 году суд рассматривал дело хлебозавода № 2).

517. Какое впечатление у нас должно остаться от этого текста, который нам дает Ю.Зоря? Что на Нюрнбергском процессе запуганный НКВД Базилевский врал, что угодно, не сообразуясь ни с чем,

даже фамилию освобожденного правильно не запомнил и не запомнил, что его освободили, — в общем, НКВД его очень плохо подготовило как свидетеля, поэтому Трибунал ему не поверил. Был бы Зоря не в бригаде Геббельса, то он, конечно, дал бы слово и Базилевскому, а поскольку я не в этой бригаде, то мне ничего не помешало это сделать в главе 9, и вы можете прочесть его показания.

И вы видите, что Зоря имел резон не публиковать эти показания, так как сразу видна брехня Меньшагина. Ему нельзя признаться, что он был в такой доверии у фон Швеца, что тот делился с ним самыми тайными вещами, он хочет предстать в роли такого спасающего русских бургомистра, которого немцы в свои преступные дела не вмешивали. А Зоря, чтобы помочь Меньшагину, подгонял один текст к другому тем, что соединял фамилии Жиглинского и Кожуховского воедино — дескать, Базилевский из ума выжил и ничего не помнит. Ему надо было попробовать соединить и профессии пекаря с учителем, чтобы фальшивка была достовернее, и постараться сделать так, чтобы никто не знал, что в еженедельнике Меньшагина за август 1941 года под № 13 стоит, как вы помните, запись: «Ходят ли среди населения слухи о расстреле польских военнопленных в Коз(ых) Гор(ах) (Умнову)».

518. Но ведь судьи Международного Трибунала никаких показаний Меньшагина не знали, перед ними выступили три свидетеля обвинения и убедительно показали, что поляков в 1941 году расстреляли немцы, и были у Трибунала предполагаемые убийцы, которые «доказали» то, что не имело никакого значения — что они служили не в 537-м строительном, а в 537-м полку связи. Трибунал не привлек ни других экспертов, ни документов — ничего. У него было только это. Какие же у него были основания решать дело в пользу немцев? Какие были основания, начав, не продолжить расследования?

Мадайчик этого от нас не скрывает (в отличие от Зори) — в 1952 году американский член Трибунала Роберт Х.Джексон признался, что он получил соответствующее указание от своего правительства [8]. Того самого, надо думать, президента Трумэна, который в 1941 году, будучи сенатором, учил, что если будут побеждать немцы, то надо помогать русским, а если русские -то немцам. Вот вам и пресловутый американский суд, который «в правовой стране служит только закону».

519. И уж совсем маразмом выглядит «американская помощь» в этом вопросе — упоминаемая геббельсовцами комиссия Конгресса США. За два года работы этой комиссии ею был заслушан весь бред, учтены все фальшивки и отброшены все подлинные доказательства, но гора родила такую мышь, что нынешние геббельсовцы даже итоговый документ этой «гуманитарной помощи» постеснялись дать полностью, обкорнав его в своем пустословном Сборнике до полустраничного текста. Примечательно и то, как «собирались доказательства» этой комиссией.

520. В 1943 г. немцы возили на свое шоу в Катыни британских и американских военнопленных. Один из них, американский полковник Ван Влит, по возвращении из плена написал отчет, который, как утверждают польские геббельсовцы, американское правительство строжайшим образом засекретило (?). Но коварная советская разведка этот отчет украла и уничтожила. Правда, у геббельсовцев в США были коротки руки, чтобы убить Ван Влита, как они убили в Лондоне Кривозерцева. Поэтому Ван Влит снова написал свой отчет о пребывании в Катыни. И этот отчет снова исчез! Но этот Ван Влит оказался человеком упорным и добился, что в сентябре 1950 г. его отчет все же был опубликован [9]. Нам от этого нет никакой пользы, поскольку нынешние геббельсовцы, упоминая отчет Ван Влита [10], не дают из него ни строчки, в связи с чем нам должно быть понятно, что именно этот Ван Влит написал.

521. Венгерский судмедэксперт Орсос, которого немцы включили в свою международную комиссию и который изобрел бредовую теорию, по которой эта комиссия датировала время расстрела 1940 годом, после войны жил в американской зоне оккупации Германии во Франкфурте. Тем не менее, он в 1947 г. отказался от своих выводов 1943 г. и возложил вину за расстрел поляков на немцев. В 1952 г. представитель пресловутой Комиссии Конгресса США приехал в Германию к Орсосу и тот ему, якобы, снова подтвердил выводы 1943 г., но так, чтобы это «не появилось в газетах» [11].

522. А ведь надо вспомнить, что в 1950-1953 гг. на Корейском полуострове шла война, фактически между США и СССР. Тысячи американцев попадали в плен. В это время США просто необходимо было обвинить СССР в убийстве любых военнопленных, чтобы гарантировать сохранение жизни пленным американцам, попавшим в руки к северным корейцам. И вот Комиссия Конгресса сфабриковала нужный США вариант Катынского дела. Казалось бы, правительство США должно быть в восторге. Однако Леопольд Ежевский горестно сетует: «В этом заключении Комиссия рекомендовала правительству США передать дело в ООН для расследования. Но Вашингтон не посчитал возможным это сделать» [12]. Присоединимся к недоумению бедного Леопольда: «А почему?»

Дело в том, что правительство СССР, возможно, самым последним узнало о том, что находившиеся у него в плену и захваченные немцами поляки расстреляны. Правительство США об этом узнало еще в 1942 г. [13] И не надо было быть практичным американцем, и не надо было очень широко

раскидывать мозгами, чтобы понять, раз немцы молчат о смерти польских пленнх, значит они их и убили. То есть вопрос о том, кто убил поляков, для правительства США никогда не был секретом. И в 1952 г. Вашингтон оказался в положении нынешних геббельсовцев, боящихся нести дело в суд: правительству США было выгодно жевать это дело в прессе, но оно не могло допустить его судебного разоблачения в ООН. Это поведение США еще раз доказывает, между прочим, что поляков пристрелили немцы.

523. А в остальном в период между Геббельсом и Горбачевым польские геббельсовцы, не имея поддержки геббельсовцев из ЦК КПСС, варились в собственном идиотизме, т.е. фабриковали такие глупые фальшивки, что сегодня «серьезные геббельсовцы» из АН РФ или Генпрокуратуры РФ стараются о них не вспоминать, хотя мелкие геббельсовские отморозки все еще эти фальшивки жуют.

524. Скажем, по мере смерти судмедэкспертов немецкой комиссии 1943 г. поляками фабриковались их «подтверждения» прежних выводов. Вот некий Войцех Трояновский в 1980 г. опубликовал в Лондоне «интервью», которое он якобы взял в 1962 г. у датского судмедэксперта немецкой комиссии 1943 г. Х. Трансена [14]. Естественно возникает вопрос — а что же ты, Войцех, ждал 18 лет, пока Трансен умрет? Почему при жизни не опубликовал материал, который в условиях холодной войны любое западное издание приняло бы «на ура»? Надо думать, что потому и не публиковал, что Трансен был жив. О тексте нет смысла говорить: фальшивка очевидная. Подчеркнем только шляхетную лень Войцеха. По тексту Трансен, якобы, пять раз сообщает, что он был членом датского движения сопротивления и даже, якобы, послан был в эту немецкую комиссию по заданию датского сопротивления. При этом Трансен не называет ни единой фамилии действующих лиц этого сопротивления, что настоящий Трансен не преминул бы сделать с первого раза, если бы он действительно был в сопротивлении. Трояновскому, когда он фабриковал эту фальшивку, лень было узнавать имена датских героев — полякам и так сойдет!

525. А вот еще: "В 1957 году произошло событие, имевшее для выяснения катынской трагедии очень большое значение. 7 июля 1957 года западно-немецкий еженедельник «7 Tage» опубликовал копию и перевод документа, который был предоставлен редакции одним поляком, в годы войны работавшим в строительных отрядах Тодта. Этот документ, датированный 10 мая 1940 года, с грифом «совершенно секретно», за подписью Тартакова, начальника минского НКВД, был адресован его московскому начальству — генералам Зарубину и Райхману. Документ был найден в начале войны среди бумаг, оставленных в здании НКВД в Минске. Это была сжатая информация о ликвидации лагерей в Козельске, Старобельске и Осташкове. В рапорте упоминается некто Бурьянов, представитель центра НКВД, ответственный за проведение всей «акции». Кроме того, в нем отмечалось: ликвидацию «Козельска» осуществили под Смоленском части минского НКВД под прикрытием 190-го пехотного полка, ликвидацию «Осташкова» в районе Бологое — части смоленского НКВД под прикрытием 129-го пехотного полка, стоявшего в районе Великих Лук, «Старобельска» в районе Дергачей — харьковское НКВД под прикрытием 68-го пехотного полка запаса. Операция закончилась между 2 и 6 июня 1940 г. Ответственный за операцию — полковник Б. Кучков.

В 1957 году этот необыкновенный документ не привлек должного внимания" [15].

Сегодня об этом «подлинном» документе «серьезные» геббельсовцы стараются забыть — ведь по фальшивке сегодняшнего дня пленнх Осташковского лагеря расстреляли под Калинин, а не в «районе Бологое». Кроме того, все фамилии, кроме Райхмана и Зарубина, отсосаны из пальца. Зарубина зарубежные поляки знали, поскольку он вербовал в лагерях польских военнопленнх советских разведчиков, а Райхман работал с поляками Андерса в 1941-1942 гг. Между прочим, из этого «документа» понятно, откуда в Заключении «экспертов» ГВП РФ взялись «четыре члена комиссариата НКВД из Минска»: польско-геббельсовские придурки 50-х годов Смоленск включали в состав Белоруссии. Из этой фальшивки следует, что задумал операцию в Минске некий Тартаков, Кучков всех расстрелял под Смоленском, Харьковом и Бологое, а отчитались они в Закарпатье, поскольку Райхман до 1941 г. служил там.

526. Интересно, но особо придурковатым геббельсовцам этот «документ» до сих пор годится. К переводу с польского геббельсовского пасквиля «Katyn. Relacje, wspomnienia, publicystyka» сделано такое «научное» примечание к фамилии Тартакова в этой фальшивке: «Возможно, в этом документе речь идет о Д.С. Токареве (1902-1993), который, будучи в 1939 г. капитаном госбезопасности и начальником УНКВД СССР по Калининской области, назначается одним из руководителей операции по „разгрузке“ Осташковского лагеря. В 1992 г. Токарев (в ту пору — генерал-отставник) давал показания Военной прокуратуре о подготовке и проведении массового расстрела военнопленнх из Осташковского лагеря. Учитывая, что текст „рапорта Тартакова“ переводился на немецкий с русского, а

затем опять на русский язык, можно предположить, что фамилия автора рапорта подверглась искажению» [16].

Чувствуете игру польской мысли? При двойном переводе фамилия Токарев, оказывается, превратилась в Тартаков, а город Калинин — в Минск.

***

Да, тяжело было польским геббельсовцам, пока им в помощь не подключились подонки из КПСС.

Глава 11. Геббельсовская версия Катынского дела по состоянию на 2002 год

Капээсэсовские добровольцы бригады Геббельса

527. Коммунисты были людьми, посвятившими свою жизнь служению своему народу, и настоящие коммунисты были образцами Человека. Однако беда в том, что после взятия ими власти коммунисты стали занимать руководящие посты в государстве, а эти посты давали возможность использовать ресурсы государства в личных целях. И немедленно в партию коммунистов стали записываться негодяи, для которых целью были блага, даваемые госдолжностями, а не служение народу. Коммунисты боролись с этими людьми, большевики регулярно с привлечением беспартийных чистили свою партию, но алчная сволочь маскировалась и пролезала в руководящие органы и партии, и страны. Наконец в 1952 г. на XIX съезде ВКП(б) Сталин реорганизовал партию: он превратил ее в чисто идеологический орган, лишил ее государственной власти и, тем самым, восстановил действие Конституции СССР в полном объеме — теперь власть в СССР действительно принадлежала только избираемым всем народом Советам. Через три месяца Сталин был убит, спустя еще три месяца был убит Берия, пытавшийся дело Сталина продолжить. И хотя заговорщики во главе с Хрущевым пытались этими убийствами скрыть другое преступление, но вся партийная и государственная номенклатура (их в то время трудно было разделить) покрыли эти убийства именно потому, что не желали передавать свою власть Советам. Начиная с этого времени вся героическая история России и СССР эпохи Сталина начала фальсифицироваться в угоду партийной элите: Сталина представили деспотом, а Берия — его демоном. Но не это главное.

528. Главное то, что в КПСС стали сплошным потоком вступать негодяи, чьей целью были только госкормушки и ничего более. Никаких механизмов остановить этих мерзавцев у КПСС уже не было. Так во главе КПСС к началу перестройки оказался тот сброд подонков, руками которых Запад развалил СССР, сделав нищими большинство его народа. То, что все эти Горбачевы, Яковлевы, Шеварднадзе и Кравчуки — подонки, не суть важно, в данном случае важно то, что это люди с крайне убогим умственным развитием. Человек учится всю свою жизнь, и эти тоже учились. Но учились они не государством или областями управлять, а тому, как залезть в вождельные секретарские и министерские кресла. Это тоже наука, но для управления государством она без надобности.

Обратите внимание на такой пример. Во всем СНГ у Белоруссии самое тяжелое географическое положение (нет выхода к морю) и самое скудное обеспечение минеральными ресурсами — практически нет никаких полезных ископаемых. В России, Украине, Казахстане, Грузии, Азербайджане во главе государств стоят бывшие капээсэсовские секретари, т.е. партноменклатура, хорошо знающая, как пролезть к государственной кормушке. А во главе Белоруссии стоит человек с опытом председателя колхоза, т.е. человек, знающий, как управлять хозяйством. Запад ненавидит Лукашенко, Белоруссия практически в блокаде, но, тем не менее, в справочнике ЦРУ дан такой душевой доход валового национального продукта за 1999 год (в долларах США): Россия Ельцина — 4200; Украина Кравчука и Кучмы — 2200; Казахстан Назарбаева — 3200; Грузия Шеварднадзе — 2300; Азербайджан Алиева — 1770; Белоруссия Лукашенко — 5300 [1]. Почувствуйте разницу! То есть, когда я говорю, что все эти Горбачевы и Яковлевы умственно неполноценны, то я не пытаюсь их унижить — это медицинский факт.

529. И вот эти идиоты добрались до власти в СССР. Всю свою предшествующую жизнь они тупо исполняли команды Политбюро, не имея ни единой собственной государственной или хозяйственной мысли и никогда не думая об обществе или государстве. А теперь они сами стали Политбюро, нужно самим давать команды, но какие?! И эти придурки нашли себе начальников в лице Запада, стали

исполнять его советы «по улучшению жизни» в СССР. Доисполнялись. Прекрасной страны нет, а эти ублюдки на вонючей свалке истории вынуждены рекламировать пиццу, чтобы лишний раз показать по ТВ свою физиономию. Жалкие дегенераты!

Рецепты Запада предлагали «демократизацию» СССР, вместо которой Запад имел целью его декоммунизацию, но внешне это должно было выглядеть как отстранение парт-номенклатуры от власти и передача всей власти Советам. Того же хотел и Сталин в 1952 г., за это его, по сути, и убили. Но Сталин понимал, что делать и как это сделать. Если бы после 1985 г. перестройка пошла по пути Сталина, то СССР был бы цел, а сегодняшней находящейся у власти партноменклатуры КПСС не было бы. Способная только паразитировать, она не смогла бы удержаться у власти, тем более — увлечь народ своими идеями. Для паразитической верхушки КПСС перестройка страны по Сталину была ненавистна, но противопоставить ей капээсэсовцы могли только очернение самого Сталина и того самого славного периода истории СССР, который был при нем. Обвинение СССР в убийстве трусливых польских офицеров было для капээсэсовцев прекрасным способом демонизации Сталина и выставления сталинского СССР в негативном свете. В 1995 г. я позвонил по телефону бывшему Председателю КГБ СССР Крючкову и спросил, как он мог не реагировать на столь наглую фальсификацию Катинского дела в конце 80-х? На что он мне ответил, что Катинское дело было политическим, и повесил трубку. Вы не поймете, чем для верхушки КПСС были важны катынские события, на тот момент почти 50-летней давности, если не примете во внимание, что политикой последнего Политбюро ЦК КПСС было очернение перестройки 1952 года и недопущение того, чтобы страна пошла по пути Сталина, т.е. по пути превращения КПСС в идеологический орган страны при сохранении самой страны и структур Советской власти в ней.

Безмозглая верхушка КПСС начала «перестройку» страны, не понимая, что она хочет получить в конце, надеясь, что Тэтчер и Рейган плохого «другу Горби» не посоветуют. Но Тэтчер и Рейган и сами те еще мыслители — и хотели бы спасти Горбачева, да не по уму им такая работа. В результате, повторяю, сегодня «Горби» с частью своих придурков на свалке, СССР превратился в кучу «банановых республик», руководимых, вернее — разграбляемых олигархами, состоящими из все той же капээсэсовской элиты.

530. Я сделал столь длительное вступление, чтобы вы понимали то, что на первый взгляд кажется невероятным, — как могли руководители СССР участвовать в очернении своей страны клеветой! Но по их мысли, эта клевета была полезна, чтобы не допустить «возврата сталинизма». Возврата не произошло, «пятая колонна» победила, сдав СССР Западу на разграбление взамен на вожделенные доллары...

Что касается лично Горбачева и его братьев по разуму, серых как штаны пожарного, типа Лукьянова или Рыжкова, то трудно сказать, знали ли они, что Катинское дело фальсифицируется, либо были просто болванами в руках более подлых своих собратьев типа Яковлева, Фалина, Крючкова и прочих, и слепо верили уверениям Запада о том, что поляки были расстреляны НКВД. Учитывая их крайнюю умственную убогость, можно допустить, что их использовали «в темную», хотя такое допущение и трудно сделать.

531. Надо сказать, что сегодня все геббельсовцы, как академические, так и прокурорские, дружно утверждают, что КГБ им не помогало, а наоборот — отчаянно мешало «расследовать» Катинское дело. Но это легенда прикрытия самого КГБ. Ни один геббельсовец в своих стенаниях не упоминает ни единого конкретного случая того, чтобы КГБ кому-то из них реально помешал в этой фальсификации. Зато геббельсовцы постоянно проговариваются о том, что все их расследование проводилось по наводке КГБ.

Давайте рассмотрим такой момент. Начало 1989 г., «демократизируя» общественное сознание, в СССР уже два года работала Комиссия советских и польских ученых, пытающаяся очернить «белые пятна» советско-польской истории, в том числе и Катинское дело. Очернение не получалось — обвинить СССР в убийстве поляков эти «ученые» не могли, что вполне естественно. В Польше «ученые» продолжали жевать соплю злодея Тартакова: «Недавно Л. Мартини („Правда о Катини в свете документа“, „Тыгодник Повшехны“ №27, 1989) напомнил содержание ключевого для дела источника — рапорта о ликвидации Козельского, Осташевского и Старобельского лагерей от 10 июня 1940 года, подписанного начальником управления Минского НКВД Тартаковым. Многие свидетельствует о подлинности рапорта, и прежде всего сами обстоятельства его обнаружения, до недавних пор неизвестные» [2] — сообщал свежие катынские новости польский сборник, а в это время их советские братья по разуму и не собирались искать в Смоленске оставшихся в живых свидетелей немецких зверств. Прокуратура еще никаких дел по факту расстрела пленных не возбуждала и никаких

следственных действий не проводила. И в это время (22 марта 1989 г.) председатель КГБ СССР Крючков, министр иностранных дел Шеварднадзе и заведующий международным отделом ЦК Фалин сообщают в ЦК КПСС, что поскольку "советская часть Комиссии не располагает никакими дополнительными данными в доказательство «версии Бурденко» (что естественно, поскольку эти данные никто не искал), «то возможно, целесообразнее сказать, как реально было и кто конкретно виноват в случившемся, и на этом закрыть вопрос» [3].

Возникает вопрос к Крючкову — если ни единого нового факта к правде о Катynie, сообщенной в 1944 г. советской Специальной комиссией, не было получено, то в связи с чем эту правду начали называть «версией Бурденко»? В связи с чем вы стали брехливо намекать ЦК, что поляков, якобы, расстрелял СССР?

532. Крючков не мог так нагло брехать Центральному Комитету КПСС, если бы не был уверен, что на запрос ЦК не сможет предоставить что-нибудь в обоснование своей брехни. Следовательно, за полтора года до начала работы следователей ГВП в КГБ уже было подготовлено то, что прокуроры впоследствии «найдут». То есть, КГБ заранее были вычищены архивы и из них были изъяты все документы в подтверждение «версии Бурденко». Такой вот пример.

Геббельсовцы сообщают, что документы секретариата НКВД за 1937-1953 гг. изъяли органы КГБ и уничтожили [4]. Сначала о том, что это за «документы секретариата НКВД». Это книги учета писем, приказов и распоряжений, отправленных и полученных НКВД в те годы. В этих книгах нет содержания документов, есть только адрес, номер и дата и поэтому рядовому историку они и даром не нужны. Вопрос — зачем же КГБ эти книги уничтожил? А дело в том, что с помощью этих книг можно безусловно уличить сфабрикованную от имени НКВД фальшивку, а без этих книг фабриковать эти фальшивки становится более-менее безопасно. То есть, именно КГБ не только начал уничтожать архивы определенным образом, но он же и готовил почву для фабрикации фальшивок. Правда, геббельсовцы утверждают, что КГБ уничтожил книги учета секретариата НКВД, дескать, в 60-х годах. Но это, простите, сказка для дураков. До перестройки в архивы никого не пускали и фабриковать документы можно было как угодно, ведь проверять фальшивки было некому. Примером фальсификации в те годы может служить деятельность таких подонков от истории, как генерал Волкогонов и полковник Анфилов, не стеснявшихся публиковать под видом «документов» любую брехню в угоду власти предрежающим и при этом ссылаться на архивы как на источник своей брехни. Однако с перестройкой архивы стали доступны и для честных, независимых историков, и именно при Горбачеве возникла опасность, что брехню могут проверить. Поэтому-то в связи с открытостью архивов у КГБ и возникла необходимость подготовить почву для последующих фальсификаций.

533. О размахе уничтожения в архивах документов сообщает историк В.И. Алексеенко, который занимается, казалось бы, очень далекими от политики вопросами. Он пишет: "Я долго не мог найти источник, на который опирались многие авторы, когда писали, что перед войной у нас в строю было 1,5 тыс. самолетов новых типов. Вот и в 3-томнике «Воспоминаний и размышлений» Г. К. Жукова (М., «Новости», 1990, т. 1, с. 346) пишется, что в западных приграничных округах насчитывалось более полутора тысяч таких самолетов. Приводится ссылка на «Историю второй мировой войны 1939-1945 гг.». (М., Воениздат, 1975, т. 4, ее. 25, 26) с переадресовкой на новую ссылку: «Документы и материалы ИВИ МО РФ, фонд 244, оп. 100, д. 1 (39 листов)». Решил лично убедиться, и в результате поездки в ИВИ в октябре 1997 г. (по письменному обращению руководства ВНО при ЦД РА от 10 октября 1997 г., N 135) мне было заявлено в архиве, что все материалы этого фонда были уничтожены по указанию тогдашнего начальника Института военной истории генерала Д. Волкогонова по акту от 14.04.90 г. (входящий института N 231) " [5]. Но если подонки так уничтожали архивы, касающиеся техники, то что же они делали с архивами, хранившими политические документы?!

534. Сегодня геббельсовцы прямо указывают на «аналитиков» Крючкова как на тех, кто разработал схему фальсификации и кто указывал геббельсовцам, где надо искать. Смотрите. Еще в 1989 г. поляки полагали, что военнопленные полицейские из Осташковского лагеря расстреляны по приказу Тартакова под Бологое (а раньше комиссия Конгресса США «безусловно установила», что они утоплены в Белом море). То есть, и в 1989 г. ни польские, ни советские «ученые» еще не знали, что в архивах хранятся документы о том, что поляков из Осташковского лагеря для объявления им решения Особого совещания при НКВД направляли в «распоряжение УНКВД Калининской области». Но это уже узнали «аналитики» Крючкова, поработавшие в пока еще никому не доступных архивах СССР. И посмотрите, как КГБ направлял работу геббельсовцев.

Мемориалец С. Глушков в 2000 году хвастается: "Для нас, членов тверского «Мемориала», факт захоронения польских военнопленных в районе Медного стал известен буквально с первого месяца

существования нашего общества, вернее, тогда еще инициативной группы. "Уже на первом митинге памяти жертв репрессий 26 ноября 1988 года мы говорили об этом и даже называли цифру — 10 тысяч...

Откуда же пошел этот "слух «? Как ни странно, именно оттуда, где его долгое время не хотели признавать, — из управления КГБ по Калининской области. Наверное, еще не пришло время назвать имена тех теперь уже бывших сотрудников этого управления, которые передали эту информацию общественности» [6].

Таким образом, уже в 1988 году люди Крючкова стали наводить геббельсовцев на придуманную ими схему фальсификации. А когда в 1990 г. было возбуждено уголовное дело, они же стали наводить и подонков из ГВП.

«Когда на основании локальных данных было решено начать эксгумацию в Харькове, военные прокуроры сначала откопали захоронения советских граждан, а уже потом по ненавязчивым и как бы случайным подсказкам местных сотрудников госбезопасности „наткнулись“ на захоронения польских офицеров» [7] — пишет прокурорская часть геббельсовцев. «При проведении второй эксгумации, в Медном, сотрудники госбезопасности Тверской области сразу показали места, где следовало копать и где действительно были обнаружены массовые захоронения поляков» [8] — продолжают отдавать должное подонки ГВП подонкам КГБ. (Вы же, надеюсь, помните, что никаких массовых захоронений поляков ни под Харьковом, ни под Медным не обнаружено, но несколько десятков простреленных черепов все же откопали). И академическая часть бригады Геббельса отдает должное скромным героям из КГБ: «По данным одного из ветеранов органов госбезопасности, Н. С. Хрущев распорядился уничтожить не только учетные дела, но и протоколы „тройки“, а также акты о приведении приговоров в исполнение» [9] — выдают академики за доказательство болтовню анонимного «свидетеля». Но можно поверить, что этот «свидетель» действительно был из КГБ, поскольку уже до этого Крючков подготовил для дачи нужных «показаний» двух находящихся на пенсии генералов КГБ, о которых ниже.

Как видите, был ли Горбачев тупым болваном в руках Яковлева и Ко, или он этой компанией сам руководил, давая задания Крючкову и стараясь понравиться Рейгану и Тэтчер, но во главе капээсэсовской фальсификации Катынского дела явно просматриваются серые мышки из КГБ во главе с главной серой крыской.

535. Если КГБ СССР являлось, так сказать, штабом геббельсовцев, «мозговым центром» безмозглых подонков, то полки «историков» и журналистов, готовые за 10 рублей прославить любого генсека КПСС, а за 10 злотых облить его дерьмом, представляют в рядах геббельсовцев легкую кавалерию — что-то вроде иррегулярных сил, добровольно собирающихся вокруг предполагаемого победителя для мародерства на поле боя и обирания трупов.

А главную ударную силу капээсэсовских геббельсовцев, их фалангу гоплитов, предоставила сначала Ген-прокуратура СССР, а затем Генпрокуратура РФ. Внутри Генпрокуратуры дело было поручено Главной военной прокуратуре.

«В принципе, Генеральная прокуратура СССР могла поручить расследование этого дела любой прокуратуре, как военной, так и территориальной. Передача дела в ГВП, видимо, вызывалась не только требованиями закона о подследственности, но и стремлением поручить расследование наиболее послушному, дисциплинированному и умеющему хранить тайну структурному подразделению Прокуратуры СССР, со стабильным кадровым составом прокуроров и следователей» [10] — пишет бывший следователь ГВП, «расследовавший» Катынское дело, А.Ю. Яблоков, и надо сказать, что своим врожденным кретинизмом он порою вызывает умиление. Смотрите, книга, в которой на странице 307 напечатана эта сентенция, заканчивается Заключением экспертов ГВП, которое я перепечатаваю, а Заключение — словами:

"15. Эксперты констатируют, что данное заключение комиссии и постановление Главного управления Генеральной прокуратуры по делу № 159 "О факте расстрела польских военнопленных «должны быть опубликованы, аналогично предшествующим экспертизам по Катынскому делу» [11]. И это Заключение было немедленно опубликовано... в Польше!

Ни в истории СССР, ни в истории России еще не было такого структурного подразделения прокуроров, которое бы задолго до окончания следствия все порочащие Родину сведения из уголовного дела немедленно печатало во враждебной стране, намеревающейся примкнуть к нацеленному против России военному блоку. Каким же кретином надо быть, чтобы упоминать о «тайне» подобного следствия?

536. Теперь по поводу стабильности кадрового состава следователей Катынского дела из ГВП.

Сам подполковник Яблоков в ГВП уже не работает, а, не дождавшись звания генерала, пытается стяжать лавры Плевако в адвокатуре Москвы. Первым возглавивший следствие подполковник Третьцкий ушел сначала из следственной группы, затем из ГВП на преподавательскую работу, несмотря на полученный генеральский чин и блестящие перспективы для подонков в нынешней России. Теперь он на пенсии, ударился в поиски Бога. Общение с ксендзом Пешковским даром не прошло — загнал-таки ксендз заблудшую овечку в пастырское стадо. Крепок как пенек только начавший фальсификацию Катынского дела полковник Анисимов, теперь он генерал и вроде бы еще в ГВП. Одновременно с Третьцким и с началом фабрикации по Катынскому делу откровенных фальшивок ушел из следственной группы и из ГВП переводчик Пешковского полковник Радевич. Примечательно, что практически сразу же он скончался в возрасте 50-ти лет [12].

537. Раз уж я начал о безвременных кончинах геббель-совских «отступников», то следует сказать несколько слов о Ю.Н. Зоре, сыне помощника советского обвинителя Нюрнбергского трибунала Н.Д. Зори. В конце 80-х — начале 90-х он занимал видное место в рядах геббельсовцев и был из них чуть ли не самым выдающимся. Как вы виде-

ли, он является «экспертом» ГВП по Катынскому делу. В 1996 г. Ю. Зоря разыскал меня и попросил о встрече. Мы встретились, и я допустил ошибку — смотрел на него как на подонка и врага моей Родины. Между тем, он пытался, как я понимаю теперь, излить мне душу, но я своей враждебностью не дал ему этого сделать, указывая ему на явные фальсификации в его печатных работах. Он практически не оспаривал мои слова, он хотел сказать что-то другое, но единственное, что смог — посетовал, что полякам правда не нужна. Потом, оценивая этот разговор, я понял, что он искал путь, как уйти от геббельсовцев, но я ему, возможно — к сожалению, не помог. Судя по всему, он пытался уйти от геббельсовцев сам и геббельсовцы ему этого не простили. По крайней мере польский биограф Ю. Зори пишет: «12 мая 1997 г. в московском Доме кино в присутствии представителей польского Сейма состоялась презентация изданной фондом „Демократия“ книги под названием „Катынь“, содержащей большинство уже обнаруженных документов. Юрия Зоря на торжество не пригласили. В многочисленных примечаниях, а их несколько сот, его фамилия упоминается всего три раза, и то вместе с другими авторами, в связи с документами, не имеющими принципиального значения». А в 1998 г. Ю. Зоря умер, но поскольку ему уже шел 69 год, то его смерть, в отличие от смерти 50-летнего Радевича, никого, надо думать, не удивила.

538. Несколько больше интереса вызвала смерть последнего главного военного прокурора СССР генерал-лейтенанта юстиции А.Ф. Катусева. Выше вы видели, что Яблоков несколько даже удивился, что «расследование» Катынского дела Горбачев поручил ГВП во главе с Катусевым. А удивляться особенно нечему. Генерал-лейтенант юстиции Катусев как негодяй ярко выделялся на фоне остальных прокурорских негодяев, и кому как не ему могли доверить это «расследование»? Знающие его лично работники ГВП сообщают, что он был исключительным подонком, который не давал возбуждать уголовные дела против уже тогда воровавших генералов и маршалов Министерства обороны СССР, но беззастенчиво фабриковал дела против невиновных офицеров, опять таки, чтобы покрыть преступления высших чинов. Сегодня, когда вся пресса издевается над «расследованием» гибели «Курска», которое ведет ГВП РФ, кстати будет вспомнить, кто именно заложил в ГВП практику «расследований» таким образом. В конце концов оправданный вице-адмирал Н.Г. Мормуль вспоминает: "Дело против меня было сфабриковано прокурором Северного флота А.Ф. Катусевым. Он возбудил на флоте более 120 уголовных дел против офицеров, которые позже были прекращены по несостоятельности. Так как виновным я себя не признал, меня протащили через психушку, пять тюрем, камеру сифилитиков, лагерь и «химию». Вышел я на свободу через пять лет четыре месяца и пять дней идеологически раскрепощенным, и смог написать эту книгу.

Кстати, позднее главный военный прокурор А.Ф. Катусев прославился своими расследованиями событий в Карабахе и Тбилиси" [14].

Для геббельсовцев это был ценнейший кадр, абсолютно подлый и алчный, который делал все, чтобы убрать из ГВП всех мало-мальски порядочных работников. Такой вот случай, рассказанный очевидцем. У Катусева сын вор, практически профессионал, но ленивый — воровал там, где жил. Учитывая задатки сына, отец решил сделать ему карьеру по прокурорской части и устроил на службу в отдел судебной экспертизы. Сынок тут же украл фотоаппарат и магнитофон, после чего под давлением отца выгнали со службы майора, возглавлявшего этот отдел, за то, что тот посмел возмутиться Катусевым-младшим. Но когда сынок обворовал квартиру отца, то алчный Катусев все же заявил на него в милицию. Между прочим, невестка Катусева поступила более благородно: когда сынок Катусева в течение полугода после свадьбы дважды ее обворовал, она просто развелась с ним. Уже из этих милых

семейных разборок видно, насколько генерал Катусев был ценен для капээсэсовских геббельсовцев.

После уничтожения СССР Катусев занялся консультацией коммерсантов, под чем, скорее всего, следует понимать, что он был посредником при даче взяток Генпрокуратуре за прекращение уголовных дел. Иначе невозможно понять, с чего это он вдруг сказочно разбогател, переехав в комфортабельную квартиру с финской баней и построив загородный дом под Москвой. Но к концу 90-х его дела пошатнулись, видно, Генпрокуратура уже научилась брать взятки без посредников, Катусев наделал много «мелких» долгов. "В кругах, где вращался Катусев — пишет корреспондент «Коммерсант-Власть» Алена Антонова, — такими считались суммы до 30000 долларов".

Катусев считал себя хитрым и в начале 90-х приобрел себе убежище — купил дом в станице Голубицкая Краснодарского края. На первый взгляд, мысль правильная — Главному военному прокурору СССР за границей скрыться тяжело. А вот в глубинке плати по 20 долларов в месяц участковому милиционеру и тебя никакой Интерпол не разыщет. Однако когда летом 2000 г. он удрал из Москвы в свое убежище, то уже в конце августа его нашли в нем застреленным. Случай списали на самоубийство [15], что даже смешно, поскольку подонки никогда не сводят счеты с жизнью и цепляются за нее до последней возможности. Но если долги Катусева в его среде считались «мелкими», то тогда за что его могли убить и почему он прятался? У меня единственная версия — наделав долгов, он попытался шантажировать либо посольство Польши, либо Генпрокуратуру раскрытием того, как Катынское дело фальсифицировалось. Вот его и пристрелили или, словами Путина, замочили.

539. Сами геббельсовцы скорее всего догадываются об истинных причинах смерти Радевича, Зори и Катусева. Мой товарищ попытался связаться с Лебедевой, чтобы поговорить с ней о Катынском деле. Рекомендовал его Лебедевой ее близкий знакомый, но мой товарищ допустил ошибку — он передал Лебедевой визитную карточку, в которой в названии организации было слово «патриотический». Лебедева устроила истерику и порвала с этим своим знакомым отношения, обвинив его в том, что он подсылает к ней террористов. С чего бы такой страх?

540. Возможно, вам будет интересно мое общение с прокурорами в рамках Катынского дела. Как вы видели и увидите дальше, следственная бригада ГВП по уголовному делу № 159 любую сфальсифицированную ими улику немедленно передавала в прессу. А я тоже «пресса», причем, поскольку все шесть лет издания газета «Дуэль» шестую страницу посвящает истории, то я еще и специализированная «пресса», которой сам Бог дал заниматься Катынским делом. Давайте теперь прочтем переписку между газетой «Дуэль» и Генеральной прокуратурой России.

Главному военному прокурору Российской Федерации от редакции газеты "Дуэль "

(свидетельство о регистрации Л" 014311) исх. № С-007 от 13.08.2002

ЗАПРОС ИНФОРМАЦИИ

В производстве Главной военной прокуратуры Российской Федерации с сентября 1990 г. находится уголовное дело № 159, возбужденное по фактам массовых расстрелов польских военнослужащих, содержащихся в 1939-1940гг. в Козельском, Старобельском и Осташковском лагерях НКВД СССР для военнопленных (так называемое «Катынское дело»).

Газета «Дуэль» неоднократно публиковала материалы, посвященные «Катынскому делу», в том числе материалы, противоречащие выводам, к которым прийти следователи и эксперты ГВП на начальном этапе расследования данного дела в 1990-95 гг.

Учитывая большой интерес российской общественности и читателей нашей газеты к "Катынскому делу", редакция газеты "Дуэль" на основании статей 38 и 39 Федерального Закона «О средствах массовой информации» просит предоставить информацию о:

— современном процессуальном положении уголовного дела № 159,

— фактах, полученных в ходе расследования,

— выводах, к которым пришло следствие к настоящему времени,

для чего ознакомить нашего корреспондента с материалами дела и организовать его встречу с членами следственной бригады, занимающейся данным делом.

Главный редактор Ю.И. Мухин

Главному редактору газеты "Дуэль" Мухину Ю.И.

16.08.2002 № 5у-6818-90 на № С-007 от 13.08.2002 г.

Ваше письмо о предоставлении информации о результатах расследования т. н. "Катынского дела"

поступило в Главную военную прокуратуру и рассмотрено.

Следствие по делу продолжается, а поэтому в настоящее время не имеется возможности ответить на поставленные Вами вопросы.

Заместитель начальника 5-го управления ГВП

М.И. Гамалеев

Генеральному прокурору РФ Устинову В. В.

Исх. С-023 от 10.09.2002 г.

ЗАПРОС ИНФОРМАЦИИ

27 сентября 2002 г. исполняется 12 лет с момента принятия к производству Главной военной прокуратурой РФ уголовного дела 159 по захоронениям польских военнопленных, обнаруженным в Пятихатках, Медном и Катыни (так называемое Катынское дело). Учитывая большой интерес российской общественности к Катынскому делу, редакция газеты Дуэль планирует ознакомить читателей с современным состоянием данного расследования. 13 августа 2002 г. нами был послан в Главную военную прокуратуру запрос С-007 с просьбой о предоставлении информации.

16 августа 2002 г. в письме Зу-6818-90 на наш запрос заместитель начальника 5-го управления ГВП М.И.Гамалеев ответил отказом. (Прилагается)

Такая позиция Главной военной прокуратуры представляется весьма странной, так как в начале 90-х годов материалы этого дела широко предоставлялись руководством ГВП для публикации и комментирования в открытой печати, видеоматериалы оперативных съемок эксгумаций и допросов свидетелей использовались в ряде документальных фильмов (например, в фильме «Память и боль Катыни» производства ТОО Лад-фильм), передавались по радио, а также открыто демонстрировались в передачах общенациональных каналов телевидения (ОРТ, РТР, НТВ, ТВС и др.).

Более того, в середине 90-х годов копии всех материалов данного уголовного дела были переданы иностранному государству Республике Польша, где также широко публиковались, часто в искаженном и препарированном виде, в средствах массовой информации, использовались и продолжают использоваться в антироссийских целях. При таких обстоятельствах отказ российской газете в предоставлении информации является нелогичным и необоснованным.

С учетом вышесказанного на основании ст. 38 и 39 Федерального Закона «О средствах массовой информации» настоятельно просим предоставить информацию о:

— фактах, полученных в ходе расследования

— выводах, к которым пришло следствие к настоящему времени.

Приложения: по тексту 1 стр.

Главный редактор Ю.И. Мухин

Главному редактору газеты «Дуэль» Мухину Ю.И.

26.09.2002 № 5у-6818-90

Ваше повторное письмо о предоставлении информации о результатах расследования т. н. "Катынского дела" поступило в Главную военную прокуратуру и рассмотрено.

Как Вам уже сообщалось ранее, следствие по данному уголовному делу продолжается, решение по нему еще не принято и поэтому в настоящее время возможности ответить на поставленные вопросы не имеется.

В соответствии с п. 2 ст. 5 Федерального закона РФ "О прокуратуре Российской Федерации" прокурор и следователь не обязаны давать каких-либо объяснений по существу находящихся в их производстве дел и материалов.

Начальник управления надзора за исполнением законов о федеральной безопасности В. К. Кондратов

Как видите, в Главной военной прокуратуре Мухина знают и ни под каким видом допускать к результатам того, что они сфальсифицировали, не собираются: не поляк, обойдется! Ну что же, придется обойтись.

541. Следующим отрядом геббельсовцев капээсэсовского разлива являются работники архивов России. В СССР в архивах работало, по-видимому, слишком много честных людей, поэтому даже у таких геббельсовцев, как Горбачев и Яковлев, возникали трудности с легализацией состряпанных ими фальшивок: как вы видели в первой части, они даже сфабрикованный «пакт Молотов-Риббентроп» вынуждены были «найти» не в архиве МИДа, а почему-то в архиве ЦК. Но с уничтожением СССР для

геббельсовцев настало раздолье и они сразу же направили в архивы своих людей. Один из них, видный академический геббельсовец, выпустил книгу «Обманутая, но торжествующая Клио», которая рекомендуется читателю следующим образом: "Книга руководителя Федеральной архивной службы России члена-корреспондента РАН В. П. Козлова продолжает серию его исследований о подлогах письменных источников по истории России. Начало серии было положено работами автора о фальсификациях XVIII-XIX вв. В этой книге рассказано о подлогах XX в.

В специальной теоретико-методологической главе впервые дается развернутая типология подлогов и формулируются правила их выявления".

542. Таким образом, этот Козлов является теоретиком разоблачения фальшивок, поэтому его книга нам пригодится, когда мы начнем разоблачать фальшивки, им же и состряпанные. Я говорю об авторстве или соавторстве Козлова в фабрикации фальшивок по Катынскому делу так уверенно потому, что все эти фальшивки вышли из архива ЦК КПСС, а с этим архивом, как пишет сам Козлов, произошло следующее:

"Во время августовского путча 1991 г. Президент Российской Федерации издал два важных указа. Первым из них национализировались все архивы КПСС, а вторым предписывалось передать на государственное хранение архивы КГБ СССР. И те, и другие передавались в непосредственное ведение тогда мало кому известного Комитета по делам архивов при Совете министров РСФСР, бывшего в течение многих лет в тени аналогичной союзной структуры — Главного архивного управления при Совете министров СССР. За несколько месяцев до этого комитет возглавил специально приглашенный из Свердловска историк и археограф Р.Г. Пихоя. Молодой и энергичный, он сразу же начал создавать «команду», способную начать перестройку архивов России в соответствии с новыми общественно-политическими условиями.

Послеавгустовская эйфория не обошла стороной и автора книги. Размеренная академическая атмосфера Отделения истории Академии наук СССР, где он работал ученым секретарем, уже давно и изрядно тяготила его. Поэтому он не задумываясь принял предложение Пихои стать директором теперь уже бывшего Центрального партийного архива при ЦК КПСС, что возвышается на улице Большая Дмитровка... "

543. Как только в архивы СССР попала компания "Пихоя and К°", где «К°» — это Козлов, Коротков и их подельники, из архивов валом повалили фальшивки. Правда, Козлов уверяет, что всего три, но это те фальшивки, которые были разоблачены прокуратурой или иностранцами. А сколько же их гуляет таких, которые «Пихоя and К°» по прежнему выдают за подлинные? Поясню, о чем речь.

В газете «Московские новости» в № 25 от 21 июня 1992 г. дана подборка «подлинных документов» из архива, который возглавил Козлов. Подборка предваряется словами:

«Вам предстоит прочесть невыносимые документы, обнаруженные в президентском архиве экспертами Комиссии по приему и передаче архивов КПСС и КГБ Арсением Рагинским, Никитой Петровым и Никитой Охотиным. Это история реализации плана компартии по массовым убийствам 1937-1938 годов». И действительно, если вы ничего не подозревая прочтете эту подборку, то у вас сложится впечатление, что Сталин сошел с ума и требовал убивать и убивать тех, счастью которых он отдал всю свою жизнь.

544. Вот, к примеру, такое постановление Политбюро из этой подборки.

"Строго секретно. Всесоюзная Коммунистическая партия (большевиков). Центральный Комитет.

15 сентября 1938 г. тт. Ежову, Вышинскому, обкомам, крайкомам, ЦК Нацкомпартий

Выписка из протокола № 64 заседания Политбюро ЦК 22 — Вопрос НКВД.

Принять предложение НКВД о передаче оставшихся нерассмотренных следственных дел на арестованных по к.р. национальным контингентом, согласно приказов НКВД СССР №№ 00485, 00439, 00593-1937г. и №№ 302 и 326— 1938 г. на рассмотрение Особых троек на местах.

Особые тройки образуются в составе: первого секретаря обкома, крайкома ВКП(б) или ЦК Нацкомпартий, начальника соответствующего Управления НКВД и Прокурора области, края, республики...

Решения Особых троек по первой категории приводить в исполнение НЕМЕДЛЕННО. И. Сталин" [16].

Многие ли из вас заподозрили что-то неладное в этой выписке из протокола № 64? Многие ли увидели трюкотиче после второго абзаца постановляющей части? Так, например, ученые Дагестанского научного центра РАН, публикуя сборник «Репрессии 30-х годов в Дагестане», этих трех точек не

увидели и перепечатали весь вышеприведенный текст как одно целое [17].

А между тем, подонки фирмы «Пихоя amp; К0» выбросили из этого документа две трети текста и убрали, не сообщив об этом читателям, нумерацию пунктов. К счастью, как вы видите из рассылки, эта выписка направлялась всем обкомам, следовательно, она хранится и в местных архивах, до которых руки фирмы «Пихоя amp; К0» не дотянулись. В результате фотокопия этого документа появилась в Интернете, и его постановляющая часть выглядит так.

1. Принять предложение НКВД о передаче оставшихся нерассмотренных следственных дел на арестованных по к.р. национальным контингентом, согласно приказов НКВД СССР №№ 00485, 00439, 00593 — 1937 г. и №№ 302 и 326 — 1938 г. на рассмотрение Особых троек на местах.

2. Особые тройки образуются в составе: первого секретаря обкома, крайкома ВКП(б) или ЦК Нацкомпартий, начальника соответствующего Управления НКВД и Прокурора области, края, республики.

В Украинской и Казахской ССР и в Дальне-Восточном крае Особые тройки собираются по областям.

3. Особые тройки рассматривают дела в отношении лиц, арестованных только до 1-го августа 1938 года, и начинают работу в 2-месячный срок.

4. Дела на всех лиц указанных нац. к.р. контингентов, арестованных после 1-го августа 1938 года, направлять для рассмотрения в соответствующие судебные органы, по подсудности (Военные трибуналы, линейные и областные суды, Военную Коллегию Верховного Суда), а также на Особое совещание при НКВД СССР.

5. Предоставить право Особым тройкам выносить приговоры в соответствии с приказом НКВД СССР JV° 00485 от 25-го августа 1937 года по первой и второй категории, а также возвращать дела на доследование и выносить решения об освобождении обвиняемых из-под стражи, если в делах нет достаточных материалов для осуждения обвиняемых.

6. Решения Особых троек по первой категории приводить в исполнение НЕМЕДЛЕННО. И. Сталин ".

Как видите, подонки из архивов убрали из текста пункты о передаче дел в суды и требования Сталина к тройкам внимательно исследовать дела обвиняемых, а невиновных освободить.

И все «документы» в упомянутой подборке в «Московских новостях» точно такие: изуродованные выемкой значащих мест их текста. Ельцин даже по ошибке порядочных людей на должности не назначал, и архивная служба России доказала, что она достойна этого подонка.

Кретинизм как признак подлеца

545. Я уже писал, что подлецом редко становится человек умный как в плане общего развития, так и в плане освоения им его основной профессии. Умный и карьеру сделает, и зарабатывать будет достаточно без подлости. А для кретина подлость становится единственным способом карьерного роста. Из этого правила следует вывод, что, да, можно подонку поручить гнусное дело и он, к примеру, ради генеральских погон или должности академика РАН согласится это дело сделать, но гнусность эта должна быть проста и доступна пониманию кретина. Если же гнусное дело является сложным по своему объему либо разнообразию требуемых знаний, то подонки и стараться будет, а у него все равно ничего не получится. Катынское дело, вернее, фальсификация Катынского дела — это пример того, как подонки взялись за сложное дело и как они с ним обкакались.

Кретинизм капээсэсовской части бригады Геббельса является безголовым и безмозглым.

546. Под безголовостью надо понимать отсутствие у геббельсовцев действительного руководителя фальсификации — того, кто держал бы все дело в своей голове и давал соответствующие указания. Кто определял бы, какие документы печатать, а какие нет, какое содержание должно быть у фабрикуемых документов, что должны говорить «свидетели». Поживиться на фальсификации Катынского дела соглашались многие подонки, но по-настоящему она не интересует никого — всех интересуют только баксы или злотые. Уже только из-за безголовости результаты многолетней фальсификации должны вызвать подозрение и отвращение даже не у сильно умного читателя.

В самом деле. Академическая часть бригады Геббельса польско-российскими силами сфальсифицировала мемуары посла Гжибовского, чтобы они выглядели поубедительнее, а прокурорские геббельсовцы сообщают подлинный их текст. Академические геббельсовцы брешут с польским акцентом, что Алексеева отказалась от своих показаний 1943 г., а прокурорские геббельсовцы с тем же польским акцентом сообщают, что она их подтвердила. С другой стороны, прокурорские геббельсовцы брешут, что они в 1991 г. обнаружили под Харьковом захоронения более 4 тысяч расстрелянных польских офицеров, а ксендз Пешковский даже в 1995. г. беззаботно выбалтывает, что

под Харьковом найдено всего 169 черепов, но и из них только на 62 обнаружены пулевые ранения. Дурдом!

547. В результате эти убогие геббельсовцы смотрят на меня как на руководителя: я критикую и издеваюсь над их трудами по фальсификации Катынского дела, а эти ублюдки стараются указанные мною просчеты исправить, если это возможно, — обрадовались, сволочи, что нашелся хоть кто-то, кого интересует это дело, а не доллары. Такой вот пример моего чуткого руководства геббельсовцами. Воспроизведу часть своего текста из «Катынского детектива», тем более, что цитируемый в нем документ нам впоследствии пригодится.

Предварительно обсудим важный для нас момент, который следует понимать. На любого лишённого свободы человека имеется «дело», оно заводится теми, кто лишил его свободы. Без законных оснований лишение свободы незаконно, и эти основания указываются в документах, которые вместе составляют «дело». Если человека заключают в тюрьму следственные органы, то они заводят следственное «дело», в документах которого человек идентифицируется, то есть устанавливается, кто он, при необходимости прикладывается то, что помогает его опознать — фотографии, анкета, отпечатки пальцев, и документы, которые свидетельствуют, что он подозревается в совершении преступления, — доносы, протоколы допросов, показания свидетелей, улики и т.д.

Но как быть с военнопленными? Они ведь действовали по законам своей страны, и даже в стране пленения они не считаются преступниками, хотя и подлежат изоляции. На них в СССР заводилось «учетное дело», в котором было все для опознания этого человека, но не было документов, признающих этого человека преступником либо подозревающих его в этом. Учетное дело не было предназначено для передачи в суд и вынесения приговора, оно было только для учета военнопленного. На польских офицеров во время, когда они еще считались военнопленными и находились в лагере военнопленных, тоже заводилось «учетное дело». Н. Лебедева описывает, какие документы входили в него: кроме анкет там были фотографии всех офицеров и дактилоскопические карты [18]. Надо думать, что в таких «делах» были также различные жалобы и заявления этих пленных, доносы на них, их доносы, замечания людей, ведущих в лагерях агентурную работу. Но, повторяю, эти «дела» не были предназначены для рассмотрения в суде, факт, что ты военнопленный, не означает, что ты преступник.

548. Поэтому когда созрело решение признать военнопленных польских офицеров судом Особого совещания при НКВД социально опасными, на них срочно стали заводится другие дела — следственные, то есть такие же картонные папки с документами. Заметим, что и в учетных делах на военнопленных, и в следственных или уголовных делах на преступников были одинаковые документы — анкеты, фотографии, отпечатки пальцев.

Начальник УПВИ Сопруненко 10 сентября 1940 года, то есть через три месяца после «расстрела» военнопленных, дает распоряжение начальнику Старобельского лагеря (из которого военнопленные вывезены еще весной) о следующем: «Учетные дела Особого отделения на военнопленных, убывших из лагеря (кроме убывших в Юхновский), картотека учета, а также литерные дела с материалами на военнопленных должны быть уничтожены путем сожжения».

Казалось бы, все ясно, пленные расстреляны, а их дела сжигаются. Но прочтем, что Сопруненко пишет дальше: "До уничтожения материалов должна быть создана комиссия из сотрудников Особого отделения, которая обязана тщательно просмотреть все уничтожаемые дела с тем, чтобы из дел были изъяты все неиспользованные документы, а также материалы, представляющие оперативный интерес. Эти материалы ни в коем случае уничтожению не подлежат. Их надлежит выслать также в управление.

Как уничтожение, так и сдачу материалов в архив (в архив Харьковского УНКВД сдавались литерные дела конвойной части, охраняющей лагерь — Ю.М.), оформить соответствующими актами с приложением к ним подробных описей уничтоженного. Об исполнении донесите" [19].

Стоп! — скажем мы себе. Из этого распоряжения следует, что уничтожались не учетные дела на военнопленных, а картонная папка с надписью «Учетное дело на военнопленного...армии...» и только! Но если пленные уже убиты, то кому нужны документы на них!?

549. Я консультировался у разведчиков и контрразведчиков — если человек умер, то какие его документы могут представлять «оперативный интерес»? Только подлинный документ, удостоверяющий личность, — его можно подделать и снабдить им своего разведчика, все остальное от покойного никакого оперативного интереса не представляет. Но именно паспорта увозили с собой офицеры, уезжающие из лагерей военнопленных, и часть их была найдена в могилах Катюни. И именно этих документов не было в Старобельском лагере в папках с названием «учетное дело».

Ну, а если человек жив, то тогда какие документы из его дела могут представлять оперативный интерес? — снова спросил я специалистов. В этом случае этот интерес представляет все, с помощью

чего его можно отыскать, — фотографии, отпечатки пальцев, сведения о местах, где он может укрываться, а также его заявления или объяснения, с помощью которых его можно скомпрометировать и этим склонить к сотрудничеству.

550. Довольно обширный перечень, и не удивительно, что два сотрудника Особого отделения Старобельского лагеря просматривали 4031 учетное дело 45 дней (не более 50 дел на каждого в день) и только 25 октября составили акт о сожжении. Из него мы можем понять, что из документов учетных дел было оставлено: "...на основании распоряжения Начальника Управления НКВД СССР по делам военнопленных капитана Госбезопасности тов. Сопруненко были сожжены нижеследующие архивные дела Особого отделения:

1. Учетные дела на военнопленных в количестве 4031 дела согласно прилагаемому списку.
  2. Дела-формуляры в количестве 26 дел, список дел прилагается.
  3. Алфавитные книги учета военнопленных в количестве 6 книг по 64 листа в книге.
  4. Картотека из 4031 карточки.
  5. Справки на военнопленных — две папки: одна папка — 430 листов, вторая — 258 листов.
  6. Опросные листы на военнопленных: одно дело 231 лист.
  7. Дело-приказы Старобельского лагеря НКВД — на 235 листах.
  8. Книги регистрации входящей корреспонденции — 2 штуки.
  9. Фотокарточки военнопленных, вторые экземпляры — 68 штук.
- О чем составлен настоящий акт в двух экземплярах "2е Кстати, акт не имеет грифа секретности.

Судя по акту, исполнители консультировались по этому вопросу с Москвой и получили дополнительные разъяснения, так как сожжено значительно больше наименований документов, чем первоначально указывал Сопруненко (учетные дела и картотека), и в то же время сохранены литературные дела на военнопленных, хотя в первоначальном распоряжении их также предлагалось сжечь.

551. Но нам важно сейчас другое. Во исполнение приказа Сопруненко о сохранении материалов «неиспользованных и представляющих оперативный интерес», были сохранены 4031 фотокарточки военнопленных. Это следует из того, что комиссия отчиталась о сожжении только вторых экземпляров фотокарточек, а их в 4031 деле было всего 68 штук. Первые 4031 сохранены все.

Так доказывает ли это, что пленные на октябрь 1940 года расстреляны? Нет! Это доказывает обратное — они были живы и их новые уголовные дела ради экономии заполнялись документами из старых учетных дел. Об этом же свидетельствует и сохранение литературных дел.

Пока я в 1995 г. не написал вышеизложенные доводы, сожжение дел Старобельского лагеря было основным доказательством геббельсовцев, о котором они кричали на всех углах [21, 22], а после 1995 г. — заткнулись. И в самом полном сборнике документов по Катыни, изданном академическими геббельсовцами в 2001 г., этот акт, ранее «неопровержимое доказательство», уже отсутствует.

552. Но, откровенно говоря, даже если бы у нынешних геббельсовцев и был умный руководитель типа доктора Геббельса, то и он бы не справился с этой бандой тупых подонков. Они ведь не соображают, что публикуют, и не способны удержать в голове две мысли одновременно. Выше я показывал прокурорский идиотизм, когда следователи, с одной стороны, включают в дело факты, по которым пленных поляков в Катыни расстреливали выстрелом в голову снизу вверх, и тут же включают в дело показания маразматического свидетеля, показывающего, что поляков расстреливали выстрелом в голову сверху вниз.

553. Или вот милый пример прокурорского кретинизма. Я писал в начале книги, что бывший следователь ГВП Яблоков сообщает: «Более того, в сообщении утверждалось, что в результате избиений в гестапо Киселеву-старшему якобы были причинены увечья, что подтверждалось актом врачебного обследования, а из показаний Сергеева следовало, что от избиений в гестапо у П. Г. Киселева отказала правая рука. Но Киселев в своих первых показаниях ничего об этом не говорил, в акте не выяснялся вопрос о времени и механизме получения травмы плеча, а на подлинных фотографиях, сделанных немцами в 1943 г., Киселев во время выступления перед врачами международной комиссии свободно держит в правой руке микрофон. Поэтому следствие пришло к выводу, что травмы руки у П. Г. Киселева не было» [23].

При этом Яблоков не скрывает, что «следствие пришло к выводу, что травмы руки у П. Г. Киселева не было», на листах 195-200 тома 4/56 уголовного дела № 159 [24]. Однако на «подлинных фотографиях, сделанных немцами в 1943 г.», хорошо видно, что микрофон держит не Киселев, а стоящий за его спиной и не попавший в кадр немецкий радиореporter. Причем, он держит микрофон рукой в замшевой перчатке. Тень от его головы падает ему на руку, зачерняет кадр и не видно, что рука протянута из-за спины Киселева. Но предположить, что это рука Киселева, могли только кретины,

уверенные, что у смоленских крестьян в 1943 г. было в моде в мае месяце носить замшевые перчатки. Можно было бы предположить, что это просто очередной факт фальсификации, но ведь он разоблачается немедленно, поэтому не могли прокуроры эту «руку Киселева» вставить в уголовное дело осмысленно — это просто очередной идиотизм титанов мысли из ГВП и польских «профессионалов» во главе с замом генерального прокурора Польши С. Снежко. (Благословенная эта страна — Польша. В США этот Снежко был бы обречен всю жизнь носить портфель с документами за каким-нибудь адвокатом-евреем, специализирующемся на отсуживании штрафов за превышение скорости на автострадах. А в Польше он заместитель генпрокурора! Жаль только, что и в России сейчас, как в Польше).

По степени индивидуального кретинизма академические геббельсовцы от прокурорских далеко не ушли, да и не собирались.

554. Давайте рассмотрим пример, который вам пригодится при чтении остатков геббельсовской продукции. Дальше вы прочтете у академических геббельсовцев: «А 5 апреля Д.С. Токарев доложил В.Н. Меркулову: „Первому наряду исполнено № 343“. Это означало, что отправленные из Осташковского лагеря 343 военнопленных 5 апреля были расстреляны». У меня вопрос: почему слово «исполнено» означает «расстреляны»? А по кочану! — отвечают геббельсовцы. — Хотим так считать, вот и считаем!

Тут следует дать разъяснения. Через Особое совещание члены «пятой колонны» проходили следующим образом. Они сидели в следственных изоляторах в областях, а их дела областное УНКВД отправляло в Москву в 1-й спецотдел НКВД. В нем дела ставились на учет и передавались в секретариат Особого совещания, который готовил проект решения по данному вопросу и передавал дело на рассмотрение членам Особого совещания. Те принимали решение (к примеру — 3 года исправительно-трудовых лагерей), секретариат Особого совещания это решение оформлял и передавал в 1-й спецотдел НКВД СССР, а тот его отсылал обратно в УНКВД той области, в которой находился осужденный. Областное УНКВД объявляло осужденному решение Особого совещания и отправляло его из своего следственного изолятора в тот лагерь, который указывал 1-й спецотдел НКВД из Москвы. Из «Положения о секретариате Особого совещания...», утвержденного 26 ноября 1938 г., следовало, что секретариат (выделено мною): «5. Составляет протоколы заседаний Особого совещания и передает выписки из протоколов и рассмотренные дела в 1-й Спецотдел НКВД СССР для исполнения. 6. Осуществляет контроль за исполнением решения Особого совещания» [25].

Как видите, слово «исполнение» являлось стандартным и ни в малейшей мере не означало расстрела. Из-за стандартности этого слова, начальник УНКВД Калининской области Д.С. Токарев, получив от Управления по делам военнопленных из Осташковского лагеря партию поляков и переадресовав их под Смоленск в лагерь ГУЛАГа (объявляли пленным решение Особого совещания уже в этом лагере [26]), отчитывался перед Меркуловым словом, заданным инструкцией, — «исполнено».

А то, что поляки в УНКВД г. Калинина не расстреливались, а отправлялись из лагеря военнопленных в г. Осташкове в лагерь ГУЛАГа под Смоленск, сегодня может «не видеть» только негодяй, поскольку доказательства этому имеются не только в документах нынешних геббельсовцев, но и в «Официальных материалах...» немцев, изданных в 1943 г. Сергей Стрыгин пишет:

"Особенно показательна в этом отношении история с так называемой «могилой № 8». Эта могила находилась в 200 м к югу от первых семи вскрытых немцами могил, в ложбине, называемой теперь «Долиной Смерти». Немцы начали её раскапывать, извлекли 13 трупов, тут же прекратили раскопки и засыпали могилу. Как минимум, два трупа из этой могилы были опознаны — поручик Михаил Карпинский (Michael Karlinski) и помощник писаря Владислав Чернушевич (Wladislaw Czernuszewicz), об этом написано в отчете доктора Бутца («Amtliches Material zum Massenmord von KATYN», стр. 46). Но ни Карпинского, ни Чернушевича в официальном списке нет. Видимо, в могиле № 8 немцы сразу же после начала раскопок обнаружили кое-что противоречащее их версии и быстро решили раскопки прекратить. Причем настолько противоречащее, что ни одной фамилии опознанных трупов из этой могилы они в официальный список не включили. Что они там обнаружили — теперь уже вряд ли возможно выяснить, но на определенные размышления наводит извлеченный немцами из могилы № 8 овальный жестяной жетон из Осташковского лагеря УНКВД Калининской области с номером 9424. Внешний вид жетона подробно описан Бутцем на стр. 46, там же приводится и немецкий перевод надписи на жетоне: «Т.К. UNKVD К. О. 9424 Stadt Ostaschkow», — что, по-видимому, означает: "Тюремная кладовая Управления наркомата внутренних дел по Калининской области, № ячейки 9424, г. Осташков".

Дело в том, что обнаружение в Катынских могилах трупов поляков, содержащихся в Осташковском лагере и этапированных в апреле-мае 1940 г. в распоряжение УНКВД по Калининской области, камня на камне не оставляет от немецкой версии событий. Попасть в Смоленскую область из Калининской содержащиеся в Осташковском лагере поляки могли только в одном случае — если их в 1940 г. приговорили не к расстрелу, а к исправительно-трудовым работам, и перевезли в лагерь в Смоленской области! А значит, расстреляли их немцы! Кстати, комиссия Бурденко в январе 1944 обнаружила на трупе №46, эксгумированном из могилы №8. документы (квитанции) на имя Арашкевича Владимира Рудольфовича, 1896 г.р., этапированного 19 мая 1940 из Осташковского лагеря «в УНКВД Калининской области», а на трупе №101 — аналогичные документы на имя Леван-довского Эдуарда Адамовича, 1893 г.р., этапированного из Осташковского лагеря «в УНКВД Калининской области» 27 апреля 1940 г."

555. Поскольку в «Катынском детективе» я об этом ничего не писал, то слово «исполнено» до сих пор является любимой цацкой геббельсовцев — их «надежным доказательством». В своем капитальном труде «Катынь. Пленники необъявленной войны» академические геб-'бельсовцы пишут: "Учитывая, что российский читатель меньше знаком с катынской темой, чем польский, и что в последнее время появился ряд публикаций (книга Ю. Мухина «Катынский детектив», М., 1995, рецензия на нее в газете «Правда» от 28 марта 1996 г.), оспаривающих факт расстрела польских офицеров, полицейских и узников тюрем органами НКВД, редакция сочла необходимым поместить в разделе "Дополнение «фотокопии около 50 документов о реализации решения Политбюро ЦК ВКП(б) от 5 марта 1940 г., снабженных расширенной преамбулой. В связи с этим по соображениям объема издания снимаются б обширных документов, касающихся истории Козельского, Старобельского и Осташковского лагерей до того, как они стали спецлагерями, а также одна справка от 10 февраля 1940 г., касающаяся распределения военнопленных по территориальности, в соответствии со званиями. В этих случаях предшествующему документу присваивается двойной номер, чтобы не нарушать общую структуру книги, уже изданной в Варшаве на польском языке» [27].

Из этого текста следует, что геббельсовские подонки вынуждены были изъять из своих писаний какие-то очень ценные документы, чтобы поместить фотокопии 50 документов, неопровержимо доказывающих лично мне, что поляков расстреляло НКВД. И в этой кучке информационного мусора блистают 9 жемчужин — на 9 страницах помещены копии шифровок, весь значащий текст которых состоит из слов: «Первому наряду исполнен № 343. Токарев; 14.04. восьмому наряду исполнено 300. Токарев;...22 мая исполнено 64. Токарев» [28]. И в следующем сборнике этим токаревским "исполнено " забиты страницы.

556. Ну хорошо, вы, геббельсовцы, договорились, что этим «исполнено» будете компостировать людям мозги, убеждая их, что «исполнено» значит «расстреляны». Но зачем же вы, поместив на страницах 123-125, а затем и на странице 166 токаревские «исполнено», между ними на странице 142 поместили донесение начальника Осташковского лагеря Борисовца Токареву об отправке в адрес Калининского УНКВД 208 поляков? Ведь донесение звучит: «10 мая исполнено 208. Борисовой». И 13 мая Борисовец доложил Токареву: «11 мая исполнено 198» [29]. Вы что, геббельсовцы, не понимаете, что опровергли всю свою болтовню о том, что «исполнено» значит «расстреляно», подтвердив, что в данном контексте "исполнено " значит «переслано из одного пункта в другой». Зачем надо было публиковать донесения Борисовца? Беда с этими придурками! Вот умру, что они без меня делать-то будут?

557. В результате ситуация сложилась невероятная. Для бригады Сталина полностью исключено какое-либо самостоятельное получение фактов по Катынскому делу: вы же видели, как даже со мной, плюнув на Закон о печати, разговаривает Генеральная прокуратура. А бригада Геббельса вольна и подтасовывать, и фабриковать любые факты. Однако из-за своей безголовости и своей безмозглости она рядом со своими фальшивками дает все необходимое, чтобы эти фальшивки разоблачить. Ну такие они люди! Поэтому бригаде Сталина и ходить-то далеко не надо...

Порядочные усидеть не смогли

558. За КГБ Крючкова числится немало подлых дел, и Катынское, возможно, не самое главное. Комитет государственной безопасности СССР не обеспечил государственную безопасность СССР, и у меня нет ни единого хорошего слова в их адрес. Но зная, как подонки в структурах управления парализуют всю организацию, понимаю, что в самом КГБ было много и порядочных, и умных сотрудников, однако они оказались и разрозненными, и не бойцами. Они сдались и во множестве покинули КГБ, превращенный в ФСБ, оставив эту службу подонкам. То, что ФСБ укомплектована подонками, видно по результату, вернее, по его отсутствию. Нынче ФСБ ни на что не способна, для

отчета она сама провоцирует или фабрикует дела, но даже такие дела она не способна оформить до состояния, при котором это дело можно показать в суде людям. Приходится суды делать закрытыми и в качестве председателя суда приглашать наи-паскуднейшую суку. (Правда, выбор тут богатый).

В профессиональном плане ФСБ и КГБ просто невозможно сравнить. Скажем, ФСБ в «Норд-Осте» убила всех к тому времени уже беспомощных террористов — убила свидетелей. Наверное, они много знали, и это было первой причиной. Но нельзя полностью игнорировать вторую — живыми они были бы и подследственными, а смогли бы сотрудники ФСБ провести следствие? Хватило бы им ума выяснить каналы, по которым террористы вооружались и попадали в Москву? В противовес нынешней тупости ФСБ напомним совершенно пустяковый случай, хорошо характеризующий истинную мощь и возможности КГБ.

В 1962 г. правительство наградило в честь 80-летия Орденом Ленина сестру Ф.Э. Дзержинского. По этому поводу какой-то урод написал старушке крайне оскорбительное письмо. Написал измененным почерком и бросил его в почтовый ящик другого города. Сестра Дзержинского пожаловалась в Харьковскую прокуратуру, и это чрезвычайно трудное в раскрытии дело поручили следователю Шеховцову. Но за Феликса Эдмундовича очень обиделся и КГБ, и хотя такие дела неподведомственны ему, но местные чекисты, так сказать, в свободное от работы время быстро разыскали автора, и тот получил срок за злостное хулиганство. Это к вопросу о том, что значит наличие в организациях честных людей: когда они были — и КГБ раскрывало любые дела; не стало их — ФСБ уже не способна и на элементарные вещи, к примеру, подготовить в открытый суд ими же сфабрикованное дело.

559. Что касается Генеральной прокуратуры СССР и ее подразделения — Главной военной прокуратуры, — то в связи с Катынским делом честные прокуроры и следователи, прежде чем уйти или быть выгнанными, по-видимому, даже пытались дать бой подонкам, по крайней мере, кое-какие факты об этом свидетельствуют. Прежде всего сам Яблоков пишет о том (хватило ума!), как восприняли прокуроры и следователи ГВП поручение Горбачева сфальсифицировать Катынское дело: «О расследовании Катынского дела знали практически все сотрудники ГВП. Отношение к нему было неоднозначным. Многие считали его чисто политическим и к расследованию отнеслись отрицательно. Были и такие, которые считали, что движение к демократии иссякнет, сменится на обратный курс и тогда участники следственной группы сами могут быть подвергнуты репрессиям. В связи с этим некоторые прокуроры, которым первоначально было предложено работать в группе, от этого предложения отказались» [30].

560. Надо сказать, что следователи и прокуроры — это определенные профессии, такие же, как сантехник или таксист. И честному следователю и прокурору как профессионалу, точно так же как и сантехнику или таксисту, глубоко плевать, иссякнет ли «движение к демократии» или нет. Их задача — честно расследовать дело, и какая им разница, какой там градус демократии на дворе? Другое дело, если нужно не расследовать, а фальсифицировать дело в угоду этой самой «демократии», тогда, конечно, «движение к демократии» будет очень сильно беспокоить. Но беспокоить оно будет только подонка.

Из этого воспоминания Яблокова видно, что Главный военный прокурор Катусев сначала пытался найти подонков среди своих умных сотрудников, но когда оказалось, что подонков среди них нет, то он вынужден был набрать следственную бригаду из Анисимова, Третьяцкого, Яблокова и т.п. Кроме этого имеются данные, что честные люди в ГВП пытались оказать сопротивление подонкам. Я уже об этом писал в Катынском детективе, но об этом хочется вспомнить еще раз. Напомню, что все эти третьяцкие и анисимовы отлично понимали, что они делают, и, затем, они отлично знали, что фальсифицируют результаты следствия, извращают его и этим совершают в угоду Горбачеву преступление. Доказывается это следующим.

Честный человек не может иметь никаких нечестных прав на своего начальника. Понимаете, он может иметь заслуги и может просить за них вознаграждения или еще чего, но только в пределах того и так, как это предусмотрено законом. Но если он ради начальника пошел на преступление и начальник это знает, и это преступление скомпрометирует начальника, то тогда подчиненный вправе заставить начальника также преступить закон: может потребовать от начальника незаконных услуг. Хочет начальник этого или не хочет, но вступает в действие закон «рука руку моет».

561. Известно одно интересное письмо на бланке Главной военной прокуратуры за № 3-6818-90 от 3 сентября 1991 года от юстиции полковников Анисимова и Третьяцкого вкупе с подполковниками Радевнчем, Яблоковым, Граненовым и майором Шаламаевым — короче, от всей следственной бригады Главной военной прокуратуры по катынскому делу — Президенту СССР Горбачеву.

Письмо длинное, вкратце его содержание таково. У этой катынской бригады было два начальника: генерал-лейтенант юстиции Заика и генерал-майор Фролов, которые в курсе всех дел и сильно помогали

бригаде найти не какие-нибудь, а именно нужные результаты. Очень хорошие эти генералы — и посол польский их благодарил, и бишоп полевой руку жал, и римский Папа свое удовлетворение передал. Но есть в Главной военной прокуратуре и нехорошие генералы, и эти нехорошие генералы решили под видом реорганизации хороших генералов с должностей под зад коленкой, не исключено, что и именно за Катынское дело. Правда, бригада пишет не так откровенно, но именно это по сути, и, соответственно, жалуется: «...мы просим Вас, уважаемый Михаил Сергеевич, с пониманием и взвешенностью отнестись к выполнению функциональных обязанностей руководством Главной военной прокуратурой и не допустить неправильной оценки деятельности т. т. Заики Л. М. и Фролова В. С. на занимаемых должностях» [31].

562. Я понимаю, что не все читатели понимают всю замечательную наглость и самого письма, и содержащихся в нем требований. Поскольку это военная прокуратура, то все ее работники военнослужащие и на них распространяется действие Дисциплинарного Устава ВС, а это письмо аналогично тому, если бы группа рядовых написала генералу письмо, что их ротный командир решил заменить им сержанта, а они просят генерала сержанта оставить и в отношении командира роты, неспособного принять «взвешенное решение», в свою очередь, принять меры. А если еще короче, открытым текстом, то они пишут: «Мишка! Заика и Фрол с нами в деле, выгонят — и они начнут болтать лишнее!»

Здесь нагло попирается Дисциплинарный Устав, поскольку его 110-я статья запрещает военнослужащим обращаться куда-либо мимо своих прямых командиров, в данном случае — мимо Генерального прокурора, а статья 115 запрещает писать групповые жалобы либо ходатайствовать за кого-либо: каждый обязан обращаться только от своего имени.

563. Ну и что же главнокомандующий Горбачев? По-срывал погоны с наглецов? Нет, наоборот — полковник Анисимов стал генерал-майором. Покорился наглицам и Генеральный прокурор. 28 ноября 1991 года его старший помощник ответил аппарату Президента СССР:

«Действительно, возможная реорганизация органов военной прокуратуры может потребовать решения некоторых кадровых вопросов, в том числе и в отношении руководителей Главной военной прокуратуры. В этом случае указанные заявителем доводы будут, безусловно, учтены при оценке деятельности т.т. Заики и Фролова на занимаемых должностях» [32].

Вот так! Рука руку должна мыть, Горбачев это сообразил. Эти письма показывают, что и следователи, и Горбачев знали, что делали, не могли не знать, хорошо понимали, что то, что они делают, — преступно и что они в одной банде.

Теперь, после этого знакомства с польско-капээсэсовскими геббельсовцами, я дам их версию Катынско-го дела и те доказательства, которыми они эту версию обосновывают.

Окончательная версия геббельсовцев

Академические геббельсовцы (В скобках даны ссылки на документы их Сборника). Подготовка к «операции по разгрузке» лагерей и тюрем, как именовался во внутренней переписке органов НКВД предстоявший расстрел, началась сразу после принятия 5 марта 1940 г. рокового решения Политбюро ЦК ВКП(б) (см. № 1). С 7 по 15 марта был проведен ряд совещаний в Москве. На первом присутствовали 8-12 человек из центрального аппарата НКВД. Проводил его заместитель наркома внутренних дел СССР Б.З. Кобулов, член "тройки", на которую были возложены рассмотрение дел и вынесение решений о расстреле. На этом совещании присутствующим была предоставлена возможность прочесть выписку из протокола Политбюро от 5 марта, подписанную И.В. Сталиным.

Второе совещание проходило 14 марта в кабинете Б.З. Ко-булова. Присутствовали 15-20 человек, включая начальников УНКВД по Смоленской, Харьковской и Калининской областям, их заместителей, являвшихся одновременно начальниками Особых отделов военных округов, комендантов УНКВД, которые обычно осуществляли расстрелы заключенных. Докладывал о предстоявшей операции начальник Управления по делам о военнопленных (УПВ) НКВД СССР П.К. Сопрунен-ко. Б.З. Кобулов заявил: "По решению высшего руководства четырнадцать тысяч поляков, арестованных в сентябре 1939 г., должны быть расстреляны".

13 марта начальники Козельского, Старобельского и Осташковского лагерей и их особых отделений были вызваны в Москву (см. № 5), где 15 марта прошло совещание в УПВ НКВД СССР. По всей видимости, аналогичные совещания были проведены и с руководящими работниками НКВД УССР и БССР. Несколько ранее в Москву, в штаб конвойных войск были вызваны командиры бригад и дивизий, части которых несли внешнюю охрану трех спецлагерей и на которые была возложена обязанность конвоирования осужденных к месту расстрела.

В преддверии операции многие задействованные в ней лица были повышены в званиях: П.К.

Сопруненко, общевоинской майор, стал капитаном ГБ; начальник УНКВД по Харьковской области капитан госбезопасности П.Е. Сафонов — майором ГБ; звание старших лейтенантов госбезопасности были присвоены комендантам Харьковского УНКВД Т.Ф. Куприю, Калининского УНКВД А.М. Рубанову, Смоленского УНКВД И.И. Грибову, а также начальнику Козельского лагеря В.Н. Королеву, шефам особых отделений трех спецлагерей Г.А. Эйльману, М.И. Лебедеву и Г.В. Кобытову. Соответствующие приказы были отданы и наркомом внутренних дел СССР и БССР.

Начиная с 7 марта проводится интенсивная подготовка и к депортации семей тех, кого высшая партийная инстанция предписала расстрелять. Решение о проведении депортации приняли 2 марта 1940 г. и Политбюро ЦК ВКП(б), и Совет народных комиссаров (СНК) СССР. 7 марта Л.П. Берия направил наркомом внутренних дел СССР И.А. Серову и БССР Л.Ф. Цанаве приказ о подготовке к выселению семей польских офицеров, полицейских и заключенных тюрем (см. № 2). Депортацию следовало подготовить к 15 апреля, семьи выселять на 10 лет в Казахстан. Строжайше предписывалось провести операцию в один день, начав ее на рассвете.

Для более четкого проведения массового выселения семей тех, кто подлежал расстрелу, Л.П. Берия приказал П.К. Сопруненко срочно подготовить списки военнопленных трех лагерей с указанием состава семей и их адресов (см. № 3). Реестры следовало составлять по городам и другим населенным пунктам западных областей Украины и Белоруссии и направлять в НКВД СССР и БССР. Нарком приказал подготовить и списки тех, чьи семьи проживали на территории Польши, оккупированной Германией (см. №№ 3, 6). Если данные о проживавших на советской территории людях представляли практический интерес для органов НКВД СССР в связи с планировавшейся депортацией, то адреса тех, кто находился в ге — нерал-губернаторстве, не могли быть использованы ими. Не исключено, что списки живших в центральных польских воеводствах людей готовились по договоренности с Германией. Во всяком случае, одновременное проведение печально известной нацистской «Акции А-Б» по уничтожению польской интеллектуальной и государственной элиты и сталинских операций по расстрелу около 22 тысяч поляков и депортации 25 тысяч их семей весьма симптоматично.

7 марта П.К. Сопруненко во исполнение приказа наркома направил распоряжение начальникам Старобельского, Козельского и Осташковского лагерей о порядке составления списков с приложением его формы (см. № 4). Для организации этой работы в лагеря были направлены руководящие работники УПВ, которые со всей энергией взялись за выполнение «ответственного задания» (см. № 7). С предстоящей депортацией был связан и приказ Берии наркому внутренних дел Казахской ССР С.Н. Бурдакову (см. № 11).

16 марта начинается работа по составлению справок на военнопленных трех лагерей и заключенных тюрем, по которым в соответствии с решением Политбюро ЦК ВКП(б) от 5 марта 1940 г. «тройка» должна была принимать решение о расстреле военнопленного или заключенного. Справки на офицеров и полицейских должно было представлять Управление по делам о военнопленных, на заключенных — НКВД СССР и БССР. Форма справки поступила к Сопруненко от Кобылова 16 марта (см. № 8). В последнюю графу — «Заключение» следовало вписывать краткую формулу обвинения и статью УК РСФСР (для заключенных тюрем — УК СССР и УК БССР). В связи с этим из лагерей в Москву были отозваны сотрудники УПВ (см. № 9). Составлению справок придавалось огромное значение. Заказывать форму для них в типографиях категорически запрещалось ввиду сугубой секретности проводимых работ (см. № 15). Первые три графы справок заполнялись еще в лагерях, которые бросили все силы на выполнение этого задания. В одной из шифровок П.К. Сопруненко обращал особое внимание начальника Старобельского лагеря А. Г. Бережкова на необходимость отмечать во второй графе справок адрес семьи военнопленного с указанием названия населенного пункта, уезда, воеводства (см. № 15). 19 марта начальник Осташковского лагеря П.Ф. Борисовец сообщил в УПВ: «Работа начата 19-го. Дела будут доставлены 21-го нарочным». 20 марта П.К. Сопруненко предложил П.Ф. Борисовцу прекратить составление справок на тех военнопленных, в отношении которых были оформлены следственные дела (6050 таких следственных дел, в которых имелись обвинительные заключения, к 1 февраля 1940 г. были переданы на Особое совещание НКВД СССР). На остальных лиц следовало заполнить опросные листы и дополнения к ним, обратив особое внимание на пункт о служебной деятельности. В незаконченные следствием дела необходимо было вложить весь агентурно-оперативный материал на военнопленного и справку утвержденной Б.З. Кобыловым формы. 31 марта П.Ф. Борисовец доложил, что им посланы в Москву 345 дел с агентурным и иным оперативным материалом на тех лиц, по которым ранее следствие проведено не было. В Козельском и Старобельском лагерях справки-заключения составлялись на весь контингент, так как их дела ранее не готовились для передачи на Особое совещание и соответственно обвинительных

заклучений в отношении них не существовало. С 21 марта в УПВ стали поступать подготовленные в Козельском и Старобельском лагерях справки. В частности, из Старобельска в Москву к 23 марта были направлены материалы на 760 человек (см. № 14). 30 марта Сопруненко потребовал присылать справки в первую очередь на высший, затем на старший и средний офицерский состав, в последнюю — на врачей, учителей, агрономов, других гражданских лиц, на которых не имелся компрометирующий материал (см. № 18). Сопруненко пристально следил за тщательностью подготовки присылаемой из лагерей в УПВ документации. 29 марта он направил в Козельск шифровку: «[В] присланных личных делах пленных большая путаница. Искажены фамилии, имена [в] фотографиях и основных документах. Справки заполняются небрежно, [в] плохой редакции. Предлагаю обеспечить четкую работу [по] заполнению справок, уточнению всех вопросов на месте. Управлению высылать проверенные, уточненные учетные дела».

Наряду с оформлением материалов на контингент трех спецлагерей на местах принимались и другие меры по подготовке к операции. С 16 марта была запрещена переписка всех военнопленных. Начальство ужесточило пропускной режим, усилило охрану лагерей, сосредоточило па соответствующих железнодорожных станциях большое количество подвижного состава и т.д. Представитель центрального аппарата НКВД СССР в Старобельском лагере капитан госбезопасности И. Д. Безруков сообщал в Москву, что в Харькове все готово, а в Старобельске имеются вагоны (см. № 14).

Главное транспортное управление НКВД СССР во главе с его начальником комиссаром госбезопасности III ранга С. Р. Мильштейном разработало подробнейший план доставки военнопленных из лагерей к местам их казни. На протяжении полутора месяцев Мильштейн ежедневно, а иногда и два раза в день, направлял Берии и Меркулову сводки, фиксируя малейшие отклонения от плана перевозок, количества отправляемого порожняка, загружавшихся и разгружавшихся вагонов и т.д. (см. № 27).

Незадолго до начала операции в Старобельск выехали капитан госбезопасности М.Е. Ефимов, возглавлявший ранее оперативную бригаду центрального аппарата НКВД СССР в этом лагере, и В.Д. Миронов, работник 5-го отдела (ИНО) ГУГБ НКВД СССР, отвечавший за агентуру. В Козельский лагерь вновь прибыл майор госбезопасности В.М. Зарубин, в Осташковский — ст. лейтенант ГБ Д.К. Холичев.

В лагерях находились и представители Главного управления конвойных войск (ГУКВ) — И.А. Степанов (Козельск), А.А. Рыбаков (Старобельск), М.С. Кривенко (Осташков), ответственные работники Комендантского отдела АХУ, ГЭУ, ГТУ и др. подразделений НКВД СССР.

Тщательно готовился и расстрел узников тюрем западных областей УССР и БССР. 22 марта Л.П. Берия подписал приказ № 00350 «О разгрузке тюрем НКВД УССР и БССР» (см. № 13). Он был нацелен на то, чтобы централизовать расстрел заключенных, свести к минимуму число лиц, задействованных в операции. Для этого было решено сосредоточить заключенных, подлежащих расстрелу, в тюрьмах Киева, Харькова, Херсона и Минска, предварительно отправив из них заключенных в лагерь ГУЛАГа. Всю операцию по переводу заключенных из Львовской, Ровенской, Волынской, Тернопольской, Драгобычской, Станиславской, Брестской, Вилейской, Пинской и Барановичской областей в Киев, Минск, Харьков и Херсон следовало провести в 10-дневный срок. Для оказания помощи республиканским НКВД в Киев был направлен начальник Главного тюремного управления НКВД СССР майор госбезопасности П.Н. Зуев, в Минск — начальник отдела ГТУ НКВД СССР капитан госбезопасности А.А. Чечев. Перевозку заключенных украинских и белорусских тюрем должен был обеспечить нарком путей сообщения Л.М. Каганович (см. № 12).

Как и в лагерях военнопленных, в республиканских органах НКВД усиленно занимались подготовкой следственных дел и справок на заключенных. Начальники тюремных отделов составляли справки на заключенных, вносили уточнения в следственные дела и передавали их в 1-е спецотделы республиканских НКВД. Там заполнялась последняя графа справки — заключение. По мере готовности дел и справок они пересылались в 1-й спецотдел НКВД СССР, где и готовились списки-предписания на расстрел, которые затем штамповались «тройкой», или, как она называлась во внутренней переписке органов НКВД, Комиссией.

В ходе операции контингент заключенных тюрем продолжал пополняться. 4 апреля Л.П. Берия приказал И.А. Серову и Л.Ф. Цанаве арестовать в западных областях Украины и Белоруссии всех проводящих контрреволюционную работу унтер-офицеров бывшей польской армии, которые играли руководящую роль в подпольном движении. Остальных унтер-офицеров следовало взять на оперативный учет, обеспечив агентурным наблюдением за ними (см. № 22). В Киев и Минск свозились

и заключенные — в недавнем прошлом граждане Польши, находившиеся в тюрьмах других регионов страны. Их также ждал расстрел (см. №№ 33, 83).

Распоряжения приступить к операции поступили в Старобельский, Козельский и Осташковский лагеря в последних числах марта— 1 апреля. 28 марта П.К. Сопруненко отправил А.Г. Бережкову и М.М. Киршину телеграмму-молнию с распоряжением выехать в Ворошиловград и связаться с ним по ВЧ. Начальнику же Козельского лагеря В.Н. Королеву он приказал связаться с ним по телефону ночью 1 апреля.

К этому времени в трех спецлагерях находились 14857 человек, подавляющему большинству из которых был уготован расстрел (см. №№ 10, 34). Среди них — генералы, полковники, подполковники, майоры, капитаны, офицеры в других званиях, полицейские, пограничники, тюремные работники, а также ксендзы, помещики, крупные государственные чиновники и даже один лакей бывшего президента Польши... В процессе операции туда свозили все новых и новых выявленных в трудовых лагерях офицеров, полицейских, осадников, а также тех из них, кто находился в больницах и госпиталях (см. №№ 16, 38, 41, 48, 52, 77). Расстрелу подлежали и те, кого в конце февраля — первых числах марта отправили в УНКВД трех областей по директиве В.Н. Меркулова от 22 февраля 1940 г. (см. №№ 79, 80, 81).

Первые списки на отправку военнопленных из лагерей в распоряжение УНКВД (то есть на расстрел) начали поступать в Козельский, Старобельский и Осташковский лагеря 3-5 апреля, в тюрьмы — 20-23 апреля (см. №№ 19, 20). Список, как правило, содержал около ста фамилий. В каждом таком списке, подписанном П.К. Сопруненко, а в период его отъезда из Москвы с 14 по 29 апреля его заместителем И.И. Хохловым, содержалось предписание начальнику лагеря немедленно направить указанных в списке лиц в Смоленск, Харьков или Калинин в распоряжение начальника УНКВД. Аналогичные списки, но уже подписанные заместителем наркома внутренних дел В.Н. Меркуловым и адресованные начальникам УНКВД трех областей, до нас не дошли, однако об их существовании свидетельствует ряд документов (см., в частности, № 63). Эти списки, адресованные Е.И. Куприянову, П.Е. Сафонову и Д.С. Токареву, содержали предписание о расстреле. Списки заключенных тюрем, приговоренных «тройкой» к расстрелу, направлялись наркомам внутренних дел УССР и БССР.

В расстрельные списки-предписания были включены 97% всех офицеров, полицейских и других военнопленных, содержащихся в Старобельском, Козельском и Осташковском лагерях. Среди них были кадровые военные, резервисты и престарелые отставники; члены политических партий и абсолютно аполитичные люди; поляки и евреи, белорусы и украинцы. Врачей, исполнявших в армии свой гуманитарный долг, обрекали на расстрел наравне с жандармами и контрразведчиками. Практически речь шла не о том, кого осудить, а кому следует сохранить жизнь, включив в список на отправку в Юхновский лагерь. Долгие годы оставались неясными мотивы, по которым 395 военнопленным из Козельского, Старобельского и Осташковского лагерей сохранили жизнь. "Почему некоторые пленные избежали расстрела — этого мы никогда не узнаем", — писал польский исследователь Ежи Лоек. — «Мотивы, по которым этим трем процентам была сохранена жизнь, на мой взгляд, не менее загадочны мотивов, по которым остальные 97% были ликвидированы», — отмечал в своих воспоминаниях С. Свяневич (см. также №№ 64, 65).

Публикуемые в томе документы позволяют ответить и на этот вопрос (см. № 92). По ходатайству 5-го отдела ГУГБ НКВД СССР были оставлены в живых и отправлены в Юхновский, а затем в Грязовецкий лагерь 47 человек. Первые списки интересовавших ИНО людей представил заместитель начальника этого отдела П.А. Судоплатов еще 29 марта (см. № 17). Впоследствии ИНО сообщало и о ряде других лиц, которые могли быть ей полезны (см. №№ 28, 30). Эти военнопленные либо представляли для 5-го отдела интерес как источник информации, либо выражали готовность сражаться вместе с Красной Армией в случае нападения Германии на СССР, либо могли быть в будущем использованы для оперативной работы за рубежом. Примечательно, что семьи интересовавших 5-й отдел военнопленных не депортировались (см. № 29).

Другие 47 человек были направлены в Юхновский лагерь потому, что их разыскивало германское посольство. Среди них были не только лица немецкой национальности, но и те, кто никогда не был связан с третьим рейхом. За них ходатайствовали влиятельные европейские круги, прежде всего итальянские. Так, за известного художника, одного из основоположников польского импрессионизма графа Ю. Чапского просили граф де Кастель и графиня Палецкая. По запросу германского посольства была сохранена жизнь будущему министру юстиции в правительстве В. Сикорского — В. Комарницкому, адъютанту В. Андерса О. Слизеню, сыну главного дирижера Варшавского оперного театра Б. Млинарскому и другим. К германским запросам относились с таким пиететом, что в Юхнов

были направлены даже люди, традиционно считавшиеся врагами советской власти. Примером может служить крупный землевладелец В.А. Пи-онтковский, крайне враждебно относившийся к сталинизму, распространявший, как говорилось в лагерной характеристике, «контрреволюционную клеветническую пропаганду». Среди 24 лиц, переведенных в качестве немцев по национальности в Юхновский лагерь, были и ярые приверженцы Гитлера.

По запросам литовской миссии отобрали для отправки в «Павлищев Бор» 19 человек, в том числе трех бывших литовских разведчиков, сидевших ранее в польских тюрьмах за шпионаж.

Среди 91 военнопленного, оставленного в живых по личному указанию В.Н. Меркулова, были как те, кто представлял интерес в качестве источника информации, так и те, кто заявлял о своих коммунистических убеждениях, оказывал различные услуги администрации лагерей, не разделял патриотических чувств большинства своих товарищей по плену. В разряд «прочие» были зачислены 167 человек: те, кто не являлись офицерами или служащими карательных органов (рядовые, унтер-офицеры, подхорунжие, беженцы, юнаки), а также несколько десятков осведомителей, поставлявших особым отделением лагерей компромат на солдагерников (см. № 92). Им также сохранили жизнь.

4 апреля начальникам трех лагерей и представителям центрального аппарата НКВД СССР В.М. Зарубину, В.Д. Миронову и Д.К. Холичеву было передано задание В.Н. Меркулова: составить справки и характеристики на «доверенных лиц» и вместе с их делами направить в УПВ (см. № 23). Кроме того, предписывалось проверять все списки и в случае обнаружения в них фамилий агентов задерживать их в лагере до получения дополнительного указания.

Этому вопросу придавалось столь большое значение, что 7 и 12 апреля П.К. Сопруненко от имени В.Н. Меркулова вновь потребовал от начальников трех спецлагерей представлять Зарубину, Миронову и Холичеву на просмотр списки-предписания и оставлять в лагерях «их людей» (см. №№ 32, 39).

Дела остальных 97% военнопленных, по всей видимости, проходили следующим образом: из лагерей в УПВ поступали учетные дела и справки-заключения с незаполненной последней графой, а также списки следственных дел по порядку их номеров, которые сосредотачивались в 1-м спецотделе НКВД СССР. В Управлении справки и учетные дела проверяли и в случае недочетов отправляли на доработку в лагерь. УПВ требовало уточнить фамилии, которые по-разному писались в опросных листах и дополнениях к ним, прислать фотографии, если они отсутствовали в деле, уточнить даты рождения, имя, отчество, должности, которые военнопленные занимали в армии или полиции, место жительства и состав семьи, партийную принадлежность и т.д. (см. № 68).

Если все бумаги были в порядке, в УПВ готовили дело на доклад В.Н. Меркулову, записав рекомендацию в справку «кобуловской» формы. Затем дело передавалось в 1-й спецотдел, где их изучали под руководством заместителя начальника этого отдела капитана госбезопасности А.Я. Герцовского. В НКВД УССР и БССР дела намеченных к расстрелу готовили начальники тюремных отделов, над списками работали заместители начальников 1-х спецотделов республиканских НКВД.

Часть досье ставилась на контроль, решение по ним принимал лично В.Н. Меркулов. Они на «Комиссию» не передавались. Остальные фамилии включались в списки подлежащих расстрелу, которые передавались на утверждение «Комиссии», то есть «тройки» в составе В.Н. Меркулова, Б.З. Кобулова и Л.Ф. Баштакова. После утверждения списка фигурировавшие в нем военнопленные или заключенные считались осужденными к высшей мере наказания — расстрелу. Решения «Комиссии» оформлялись специальными протоколами (см. № 227). После этого списки-предписания на отправку, подписанные начальником УПВ или его заместителем, направлялись в Козельский, Старобельский и Осташковский лагеря; предписания о расстреле, подписанные Меркуловым, — начальникам УНКВД Смоленской, Харьковской и Калининской областей, а также наркомам внутренних дел УССР и БССР.

Первые три списка-предписания на отправку из Осташковского лагеря были подписаны П. К. Сопруненко еще 1 апреля и включали 343 человека (см. № 19). Именно столько людей были отправлены поездом Осташков-Калинин (см. № 24) и приняты от конвоя помощником начальника УНКВД по Калининской области Т.Ф. Качиным (см. № 25). А 5 апреля Д.С. Токарев доложил В.Н. Меркулову: «Первому наряду исполнено № 343» (см. № 26). Это означало, что отправленные из Осташковского лагеря 343 военнопленных 5 апреля были расстреляны.

1-2 апреля были подписаны и семь списков на отправку 692 офицеров в распоряжение начальника УНКВД по Смоленской области. Эти списки поступили в Козельский лагерь

3 апреля. Первые 74 человека были отправлены в распоряжение Смоленского УНКВД в тот же день, следующие 323 — 4 апреля, 285 — 5 апреля (см. № 79). Из Старобельского лагеря по шести спискам от 3 апреля были отправлены в Харьков 195 человек — 5 апреля, 200 — 6 апреля и 195 — 7 апреля (см. №81).

20-22 апреля были подписаны первые списки на расстрел 1070 заключенных украинских тюрем, 23-26 апреля — списки № 047, 048 и 049 на расстрел заключенных, сосредоточенных в минской тюрьме. Белорусские списки расстрелянных узников тюрем до сих пор не найдены. Крайне скудны и другие материалы, касающиеся проведения расстрельной операции на Украине и в Белоруссии.

9 апреля было подписано 13 списков на 1297 военнопленных. Мог ли орган внесудебной расправы рассмотреть за один день по существу почти 1300 дел? Ответ очевиден — это физически невозможно. Да этого и не требовалось: в задачу «тройки» входило лишь утвердить списки, как это делало и Особое совещание НКВД СССР.

18 апреля А.Я. Герцовский сообщил в УПВ, что дела 273 военнопленных не будут рассматриваться, а сами военнопленные подлежат переводу в Юхновский лагерь. Не рассматривались Комиссией и те дела, которые после поступления новых запросов со стороны ИНО, НКВД и др. дополнительно ставились на контроль (см. № 30, 31). В этом случае дела изымались из общей пачки подготовленных для отправки в 1-й спецотдел дел. Когда же дело ушло в 1-й спецотдел — вынималось из пачки, подготовленной для включения в расстрельные списки. Если же военнопленный был передан «на распоряжение УНКВД», сделать было уже ничего нельзя. Зачастую запросы германского посольства или литовской миссии поступали тогда, когда человека уже расстреляли.

Были и уникальные случаи, когда людей возвращали с этапа. Наиболее известный из них произошел с профессором Виленского университета, специалистом по экономике Германии и СССР Станиславом Свяневичем. Его включили в этап, отправляемый из Козельского лагеря 29 апреля, доставили вместе с другими на станцию Гнездово, что в 1,5 км от Катынского леса. После остановки поезда профессора увели в пустой вагон, где он мог через щель наблюдать за выгрузкой военнопленных и отправкой их в сторону леса в автобусах с закрашенными окнами. По завершении разгрузки вагонов С. Свяневича доставили во внутреннюю тюрьму Смоленского УНКВД и сразу после майских праздников отправили в Москву на Лубянку. Распоряжения о его задержании и последующем переводе в Москву в ведение 2-го отдела ГУГБ были отданы 27 апреля Меркуловым, 28 апреля — Берией (см. №№ 64, 65).

Были и другие случаи, когда лица, осужденные «тройкой» и включенные в предписания на отправку в распоряжение начальника УНКВД, задерживались и отправлялись в Юхновский лагерь (см. №№ 47, 79, 80, 81). Таким образом, военнопленным сохранялась жизнь не по решению Комиссии, а по указанию Меркулова, как правило, согласованному с Берией. Одновременно по мере изучения оперативных материалов часть из стоявших на контроле дел снималась с него и передавалась на рассмотрение Комиссии (см. №№ 44, 59).

УПВ потребовало от начальников лагерей докладывать о количестве отправленных в УНКВД и находившихся в Козельске, Старобельске и Осташкове военнопленных (см. № 35, 45). 15 апреля И.И. Хохлов отдал распоряжение В.Н. Королеву и А. Г. Бережкову незамедлительно выслать в Управление оставшиеся у них дела со справками; 22 апреля — срочно доставить дела и справки на находившихся в больницах и госпиталях военнопленных.

К этому времени операция уже вступила в завершающую стадию: большая часть «контингента» была направлена на расстрел. Подводя первые ее итоги, УПВ информировало руководство НКВД СССР о прохождении дел. Сообщалось, что на 3 мая лагерям были направлены предписания на 13682 человека. В 1-м спецотделе находилось 154 дела, готовившихся на Комиссию, на контроле стояло 609 дел, на исправление в лагеря отправлено 29 дел, в Юхновский лагерь перевели 200 человек, в работе находилось 49 дел, подготовлены для доклада Меркулову -185. Всего прошло дел на 14908 человек (см. № 68). Чтобы уточнить, не упустили ли они кого-то из виду, 5 мая Сопруненко распорядился сообщить, сколько военнопленных и кто именно еще находится в лагере (см. №№ 70, 71).

Администрация Козельского, Старобельского и Осташковского лагерей старалась выполнить каждое требование Москвы и в свою очередь обращалась туда за разъяснениями возникавших в ходе операции вопросов. Так, П.Ф. Борисовец доложил в УПВ, что в Осташковском лагере содержится полицейский Ф. Мастоляж вместе с 8-летним сыном, который временно помещен в Осташковский детдом. Он спрашивал, что делать с мальчиком в случае получения наряда на отправку его отца (см. № 46). Однако в центре судьба ребенка никого не взволновала. Там давно привыкли обрекать на сиротство сотни тысяч детей «врагов народа». В списке-предписании на отправку в распоряжение начальника Смоленского УНКВД № 058/3 в пункте 55 значился Мастоляж Феликс Янович, 1890 года рождения...

Много вопросов возникало у лагерного начальства по оформлению этапов, хранению списков-предписаний и другой документации на военнопленных. УРО Осташковского лагеря, в частности, не знало, что делать с учетными делами на тех, кто «массовым порядком по нарядам»

убывал из лагеря. Заводить ли картотеку убытия? Копировать ли для высылки в УПВ карточки формы № 2 на убывших? Где хранить списки, по которым сдают военнопленных? Как оформлять этапы? Ответы на эти вопросы УПВ постаралось дать в своем распоряжении от 11 апреля. В картотеке лагеря предписывалось отмечать «убыл по списку №... такого-то числа и месяца». Указывалось, что карточки ф. № 2 высылать в УПВ не следовало.

В случае какой-либо путаницы в списках-предписаниях начальники лагерей обращали на них внимание УПВ. 3 мая, например, В.Н. Королев сообщил И.И. Хохлову, что с 3 по 28 апреля согласно спискам отправлены в Смоленск 4235 человек, в Юхнов — 107 человек. Не были отправлены из лагеря по распоряжению В.М. Зарубина фигурировавшие в списках-предписаниях генерал Е. Волковицкий и капитан С. Синицкий, по распоряжению УПВ — Х. Чиж, М. Липский и А. Манн. Некоторые наряды были выданы на людей, которых не было в лагере, на четверых они выписывались дважды. В лагере оставались 265 человек, не считая 5 военнопленных, доставленных в Козельск из Ровенского лагеря. Начальники трех лагерей регулярно информировали и руководство УНКВД относительно выполнения нарядов на отправку (см. №№75,79,80,81).

Всего же по всем трем лагерям, в соответствии с итоговой справкой, составленной в УПВ в мае, были отправлены на расстрел 14587 человек (см. № 90), в соответствии со справкой от 3 декабря 1941 г. — 15131 человек (см. № 174), по данным А.Н. Шелепина — 14552 (см. № 227). Возможно, в справке от 3 декабря 1941 г., составленной для И.В. Сталина в день его встречи с В. Сикорским, были учтены результаты отправок в УНКВД трех областей тех военнопленных, которые ранее арестовывались и находились в тюрьмах или в трудовых лагерях, откуда их, минуя Козельск, Осташков и Старобельск, отправили непосредственно на расстрел. Известно, что 10 мая Сопруненко запретил начальнику криворожских лагерей впредь направлять военнопленных в Козельск, Старобельск и Осташков.

Среди отправленных на расстрел были 11 генералов, контрадмирал, 77 полковников, 197 подполковников, 541 майор, 1441 капитан, 6061 поручик, подпоручик, ротмистр и хорунжий, 18 капелланов и других представителей духовенства.

Те, кого отправляли «в распоряжение УНКВД», не догадывались о том, что их ждет. Комиссары лагерей сообщали С. В. Нехорошеву, а тот — трем заместителям наркома внутренних дел, что в связи с отправкой настроение военнопленных приподнятое. Лишь в те дни, когда отправок из лагеря не было, поляки проявляли беспокойство, опасаясь, что их могут не отправить, как они полагали, на родину. Люди обращались к лагерному начальству с просьбой ускорить их отправку (см. № 40, 53). Старшие офицеры рекомендовали своим коллегам, уезжавшим из лагеря с первыми партиями, делать в вагонах надписи с указанием конечной станции, чтобы последующие этапы знали, куда их везут. 7 апреля при возврате вагонов была обнаружена фраза на польском языке "«Вторая партия — Смоленск, 6.IV. 1940». Естественно, тут же был отдан приказ тщательно осматривать вагоны и все надписи смывать. Однако, судя по дневниковым записям, найденным в катынских могилах, некоторые послания своих предшественников офицеры все же прочли.

Приподнятое настроение в связи с отправкой наблюдалось и у большинства военнопленных из Осташковского лагеря. Почти все рядовые полиции были уверены, что едут домой. Некоторые, правда, сомневались в этом. При выходе из лагеря выбрасывали в спичечных коробках записки, что при осмотре перед отправкой ищут оружие; личные вещи и ценности не отбирают; принимаются все претензии; обращение вежливое, однако невозможно понять, куда их отправляют (см. №№ 40, 53).

Выводы политдонесений С.В. Нехорошева и комиссаров трех лагерей о том, что подавляющая масса военнопленных была уверена в своей отправке домой, стремилась поскорее уехать, что офицеры сами обращались к администрации с просьбой попасть в ближайший этап, подтверждаются и катынскими дневниками, и воспоминаниями тех, кому довелось уцелеть.

Подпоручик Анжей Ригер, включенный в наряд на отправку № 042/2, пункт 56, писал в своей записной книжке: «ЗЛУ. Убывает первый этап, более 70 человек. Теряемся в догадках: куда?... 5.IV. Скверно, холодно, все время этапы. Уезжает Мушинский. Играю в шахматы. Настроение подлое/.../. 6.IV... К нам приходит „Скит“. Как будто раздела Польши уже не существует. Дальнейшее море сплетен — куда едем — домыслы, дискуссии-переменчивое настроение... 10.IV. Скверно. Этапы не идут. Настроение безнадежное. Дискуссия на тему Норвегии, не играем в бридж и шахматы, так вот. 11. IV. Утром холодно, затем прекрасное солнце. Едет Станкевич... Безнадежно. Когда же, наконец, возьмут и меня? Уходит большой этап... 14. IV. Настроение слабое. Хотя бы шел этап!.. 17. IV. Грустно! Загораю. Почему же я еще не еду? Появляется надежда на выезд в нейтральное государство... 18.IV. Завтра этап — значит, есть надежда... 19.IV. Идет большой этап... Я упаковался тщательно. К сожалению, напрасно... 20. IV. День теплый, но туманный. Идет этап. Едет Вацек Южинский. Мне делается очень

муторно. Так бы хотелось уехать. Белье загрязняется. Что делать „вообще“? Я не уехал. Это меня взбесило... Осмелился посетить легендарного Александровича... 22. IV. Погода так себе. Временами солнце. Бреюсь. Выезд из Козельска. Обыск. Доезжаем до Сухиничей, где торчим до трех. Едем в ужасных условиях. 23.IV. Ночью дождь и гроза». Здесь записи обрываются...

Ю. Чапский в своих мемуарах отмечал, что в апреле, когда стали вывозить людей, многие верили, что едут на родину. Поскольку в этапы включали военнопленных разных возрастов, званий, профессий, политических убеждений, невозможно было понять принцип отбора. «Каждая новая партия сбивала нас с толку. Едины мы были в одном: каждый из нас лихорадочно ожидал, когда объявят очередной список уезжающих (может, в списке будет и моя фамилия). Мы называли это „часом попугая“, поскольку бессистемность списков напоминала карточки, которые в Польше вытаскивали попугаи шарматчиков. Комендант лагеря подполковник Бережков и комиссар Киришон официально заверяли старост, что лагерь ликвидируется, а мы направляемся на родину — на немецкую или советскую территорию». Те, кого отобрали в Юхнов, находились в Старобельске до 20-х чисел апреля, а некоторые:— до 12 мая. Как же они завидовали «счастливым», уехавшим от постылой проволоки в широкий мир! «Если бы они знали, кому завидовали», — добавляет Чапский.

Ожидание отправки обостряло тоску по родным и близким, с которыми военнопленные были разлучены уже десять месяцев. Добеслав Якубович писал в дневнике, обращаясь к жене: «2. IV. /.../Что-то висит в воздухе, милая Марыся. 3.IV. /.../Вывезли. От нас забрали Войцеховского. Эх, Марысечка... 4. IV. /.../' Неизвестно куда, зачем. Люблю тебя, Марысечка. 5. IV. Продолжают вывозить... Ничего не известно, куда нас опять везут... 6. IV. Сегодня вывозить прекратили — Марысечка, хоть бы письмо получить от тебя. 7. IV. Опять вывозят. Я видел плохой сон, Марысенька. У нас утром был молебен. 8. IV. Вывозят, Марысенька, моя милая, если бы я мог тебе сообщить, что тоже выезжаю, так жду от тебя письма. 9.1 V. Вывозят. Увезли всего 1287. Интересно, когда дойдет очередь до меня и куда я поеду, Марысенька. 10. IV. Перерыв. Ночью известие об оккупации Дании, боях в Норвегии с немцами. Посмотрим, что делать... 11.IV. Интересные новости, Марысенька, не известно, что я, как и куда, можно только предполагать, милая. 12.IV. Вывозят. Очень тоскую по тебе, дорогая Марысенька. 13. IV. Перерыв. Так хотелось бы у видеть тебя, любимая, с Боженкой... 14. IV. Перерыв. Хандра меня мучает, Марысенька, любимая, и плохо себя чувствую... 18. IV. Перерыв. Что сделаешь, Марысенька, может переживаешь за меня, любимая, дорогая. 19.1 V. Вывозят. Были письма, я не получил, Марысенька, прекрасная моя... 21. IV. Сегодня после обеда меня взяли — после обыска — автомобилем на левую железнодорожную ветку — в тюремные вагоны — в отделении вагона 15 человек за решеткой. 22.1 V. В 1. 30 поезд тронулся. 12 часов — Смоленск». И вновь записи обрываются. Увидеться с горячо любимой Марысей Добеславу Якубовичу так и не довелось.

В политдонесениях комиссаров лагерей и УПВ фиксировались также призывы военнопленных, их прощальные напутствия: «стойко держаться в будущих боях за великую Польшу; что бы с нами ни делали, Польша была и будет». В одном из блоков военнопленный зачитывал составленное им воззвание: «Держаться стойко за честь польского офицера, за будущую великую Польшу». С.В. Нехорошев сообщал, что к ним поступает большое количество заявлений с просьбой не отправлять их на территорию, контролируемую Германией, но оставить в СССР. Однако он преувеличивал: заявления подобного рода писали главным образом офицеры запаса еврейской национальности, понимавшие, какая судьба им уготована в рейхе. Комиссар УПВ вынужден был оговориться, что «кадровый офицерский состав польской национальности заявлений оставаться в СССР не пишет». Приводились и рассуждения поляков об их намерении отомстить СССР, участвовать в походе против него после разгрома Германии (см. № 40).

«Передовой отряд контрреволюции Запада» — польских офицеров, полицейских, чиновников, членов политических партий — следовало ликвидировать, ибо они были естественным и действенным союзником Англии и Франции, готовивших удар против СССР в районе Кавказа. Польские офицеры и полицейские намеревались развернуть повстанческое движение в присоединенных в 1939 г. к СССР землях — такова была, по-видимому, официальная аргументация, оправдывавшая расстрельную акцию в глазах ее исполнителей (см. № 40).

Из политдонесений явствует, что сами палачи в ходе «операции по разгрузке» лагерей и тюрем теряли человеческий облик, спивались, некоторые из них впоследствии кончали жизнь самоубийством.

В операции по расстрелу польских военнопленных и заключенных участвовало большое количество работников НКВД — его центрального аппарата (1-й спецотдел, 2-й, 3-й, 5-й отделы ГУГБ, ГЭУ, ГТУ, ГУКВ, УПВ), НКВД Украинской и Белорусской ССР, УНКВД трех областей, специальные расстрельные команды из Москвы и местных внутренних тюрем НКВД, конвойные части, войска

НКВД. Однако более 50 лет все эти люди хранили молчание. Никто из них не осмеливался, да и не желал поведать миру об этой страшной тайне. Ведь они были соучастниками этого злодейского военного преступления. Нам известно лишь об одном человеке, посмевшем нарушить приказ о сохранении в строжайшей тайне всего, что было связано с отправкой военнопленных из лагерей. Политконтролер (цензор) Старобельского лагеря Даниил Лаврентьевич Чехольский предпринял попытки сообщить женам польских офицеров об «убытии» их мужей из Старобельска (см. № 97). По приказу УПВ 23 июля он был уволен из лагеря. Дальнейшая судьба его неизвестна. Некоторые письма, отправленные Чехольским, дошли до адресатов, большую часть перехватила цензура.

До сих пор нам не удалось найти ни одного документа НКВД о процедуре самого расстрела. Однако об этом подробно рассказали в своих показаниях следователям Главной военной прокуратуры бывший начальник УНКВД по Калининской области Д.С. Токарев, а также работник Харьковского УНКВД М.В. Сыромятников.

Как показал Токарев, из Москвы для руководства расстрелом в Калинин была прислана группа ответственных работников НКВД. В нее входили зам. начальника ГТУ старший майор госбезопасности Н.И. Синегубов, начальник комендантского отдела АХУ НКВД СССР майор госбезопасности В.М. Блохин и начальник штаба конвойных войск комбриг М.С. Кривенко. Несколькими неделями раньше тот же Блохин расстреливал Исаака Бабеля, Всеволода Мейерхольда, Михаила Кольцова...

Военнопленных доставляли из Осташкова по железной дороге и размещали во внутренней тюрьме УНКВД, которую временно освободили от других заключенных. "Из камер поляков поодиночке вели в «красный уголок», то есть в ленинскую комнату, там сверяли данные — фамилия, имя, отчество, год рождения... Надевали наручники, вели в приготовленную камеру и бит из пистолета в затылок. Вот и все", — сообщил следователям военной прокуратуры Д.С. Токарев. Функции палачей в Калинин выполняли 30 человек (в двух других УНКВД — еще 23 работника комендантских отделов). В Калинин чаще всех расстреливал сам Блохин. Расстреливали за ночь от 200 до 350 человек из немецких пистолетов «Вальтер», которые Блохин привез с собой из Москвы. Ночью перед первым расстрелом в кабинет к Д.С. Токареву вошли В.М. Блохин, Н.И. Синегубов и М.С. Кривенко. Первый сказал: "Ну, пойдете, начнем". "Перед расстрелом Блохин надел спецодежду: кожаную коричневую кепку, длинный того же цвета кожаный фартук, такие же перчатки с крагами выше локтей. Я увидел палача... Через вторую заднюю дверь трупы выносили из камеры и бросали в крытые грузовики. Затем 5-6 машин увозили тела к месту захоронения в окрестностях села Медное. Это рядом с дачами УНКВД, с одной из моих двух дач. Место выбирал сам Блохин. Он же привез из Москвы двух экскаваторщиков", — давал показания все тот же Токарев. Немецкие войска никогда эту территорию не занимали, хотя само село Медное находилось несколько дней в их руках. Д.С. Токарев передал тайну захоронения поляков своему преемнику Сененкову, позднее ставшему заместителем заведующего отделом ЦК КПСС. Каждого нового начальника областного управления КГБ также посвящали в тайну, и он делал все, чтобы о ней не узнали.

В Харькове, как и в Калинин, польских офицеров расстреливали во внутренней тюрьме НКВД на улице Дзержинского, куда военнопленных доставляли «воронками» с железнодорожной станции. После идентификации личности военнопленному связывали руки за спиной и выводили в комнату, где выстрелом в затылок лишали его жизни. По мнению медицинских экспертов НКВД, в этом случае пуля проходит через позвоночный столб, вызывая спазм мышц и минимальное кровотечение. Тела расстрелянных с завязанными на головах шинелями вывозили на грузовиках в полночь и доставляли в 6-й район лесопарковой зоны Харькова, на территорию санатория НКВД, что в 1,5 км от села Пятихатки. Там их закапывали вблизи дач УНКВД, вперемешку с могилами советских граждан, расстрелянных теми же палачами ранее. Экзекуциями руководили как присланные из Москвы работники комендантского отдела АХУ НКВД СССР, так и начальник УНКВД по Харьковской области майор госбезопасности П.Е. Сафонов, его заместитель капитан Г.Б. П.Н. Тихонов и комендант УНКВД ст. лейтенант Г.Б. Т.Ф. Куприн. Они же, по всей видимости, руководили и расстрелом заключенных тюрем, доставленных в Харьков.

О последних часах жизни польских офицеров наиболее красноречиво свидетельствуют записи талантливого резчика по дереву 32-летнего поручика Вацлава Крука и майора Адама Сельского, найденные при эксгумации могил в Катynie.

В. Крук писал: «08. 04. Сегодня очередь дотла до меня. Утром я помылся в бане, постирал носки и платочки [...] вообще [...] до [...] с вещами». После сдачи казенных вещей обыскали повторно в 19-м бараке, а оттуда через ворота вывели к машинам, на которых мы доехали до небольшой станции, но не до Козельска (Козельск отрезан половодьем). На этой станции под строгим конвоем нас погрузили в

тюремные вагоны. В тюремном отсеке вагона, который я вижу впервые в жизни, нас 13 человек. Я еще не знаком с этими товарищами по плену. Теперь мы ждем отправки со станции. Если ранее я был настроен оптимистически, то теперь от этого путешествия не жду ничего хорошего. Хуже всего то, что [...] не известно, сможем ли мы определить направление, в котором нас повезут. Терпеливо ждем. Едем в направлении Смоленска. Погода [...] солнечная, но на полях еще много снега.

09. 04. Вторник. Ночь мы провели лучше, чем в давних вагонах для скота. Было немного больше места и не так ужасно трясло. Сегодня погода [...] вполне зимняя. Сыплет снег, пасмурно. На полях снега, как в январе. Невозможно ориентироваться, в каком направлении движемся. Ночью ехали очень мало, сейчас проехали станцию Спас-Деменское. Такой станции на пути к Смоленску я не видел. Опасаюсь, что мы едем на север или северо-восток... Вчера утром дали порцию хлеба и сахара, а в вагоне — холодную кипяченую воду. Сейчас приближается полдень, но еды не дают. Обращение с нами [...] также ординарное. Не разрешают ничего. Выйти в туалет можно лишь тогда, когда это вздумается конвоирам; ни просьбы, ни крики не помогают [...]

Теперь 14.30. Въезжаем в Смоленск [...] Уже вечер. Проехали Смоленск, доехали до станции Гнездово. Похоже, нас будут выгружать, вокруг много военных. До сих пор нам не дали ничего поесть. Со вчерашнего завтрака живем порцией хлеба и воды ". На этом записи обрываются. Вацлав Михал Крук был отправлен на расстрел по списку-предписанию № 029/2, пункт 73.

Чуть ли не на краю могилы кончил писать свой дневник майор Адам Сольский, значившийся под номером 41 в списке-предписании № 015/2:

"7.04. Встали рано. Вчера ходил к "скитовцам «. Паковал вещи! В 11.40 нас собрали в клуб на обыск... После обыска в 16.55 (по польскому времени в 14.55) мы покинули лагерь Козельск. Посадили нас в тюремный вагон. Подобных вагонов я раньше никогда не видел (говорят, что в СССР 50% вагонов предназначены для перевозки заключенных). Со мной едет Йозеф Кутиба, капитан Павел Шифтер и еще майор, полковник и несколько капитанов, всего 12. Мест же самое большое для семерых. 8.04. 3 часа 30 минут. Отправление со станции Козельск на запад. 9 час. 45 минут — на станции Ельня. 9.04. Несколько минут до пяти утра -ранний подъем в тюремных вагонах и подготовка к выходу. Нас куда-то повезут на машинах. Что дальше? 9.04. Еще не рассвело. День начинается как-то странно. Перевоз в „вороне“ (страшно!). Привезли куда-то в лес. Похоже на летний дом. Здесь снова осмотр. Забрали часы, на которых было 6.30. Спросили об образке, который [...] Забрали рубли, ремень, перочинный нож».

Судя по результатам эксгумации, привезенных на «черных воронах» в Катинский лес офицеров расстреливали группами над глубокими могилами, в мундирах, в орденах, стреляли в затылок с близкого расстояния. При расстреле использовались немецкие пули калибра 7,65 мм. В 20% случаев руки у военнопленных были связаны проволокой или плетеным шнуром. В одной из восьми могил находились тела, на головах которых были шинели, обмотанные на уровне шеи шнуром, который соединялся петлей со связанными руками. При этом каждая попытка человека двинуть рукой затягивала петлю на шею.

Скорее всего, часть офицеров доставлялась в Смоленск и расстреливалась во внутренней тюрьме НКВД. Подтверждением тому служит одна из могил, в которой тела лежали ровными рядами, лицом к земле, в отличие от других ям смерти, где расстрелянные находились в разных положениях. Эта гипотеза находит подтверждение и в донесениях С. Р. Мильштейна: разгрузка вагонов с поляками длилась иногда два дня и при этом именно на станции Смоленск. С. Свяневич, доставленный в Смоленскую тюрьму, обнаружил, что она полностью освобождена от других заключенных, что также говорит об обоснованности этой версии. Сотрудник Смоленского УНКВД Петр Климов в письме в Комиссию по реабилитации жертв репрессий Смоленской области описывал, как происходил расстрел: "В маленькой подвальной комнате был люк, канализационный. Жертву заводили и открывали люк, голову клали на его край и стреляли в затылок или в висок (по всякому)... Стреляли почти каждый Божий день с вечера и вывозили в Козьи горы, а возвращались к 2 часам ночи... Кроме шофера выезжали 2-3 человека и комендант... Расстреливали, из тех, кого помню, следующие: Грибов, Стельмах И.И., Гвоздовский, Рейнсон Карл...

Поляков на расстрел привозили в вагонах по железнодорожной ветке на станцию Гнездово. Охрану места расстрелов осуществлял конвойный полк НКВД". Между тем Климов отмечал, что часть польских священников была расстреляна в подвалах внутренней тюрьмы Смоленского УНКВД.

После окончания «операции по разгрузке» спецлагерей и тюрем Берия издал 26 октября 1940 г. приказ о награждении 125 работников НКВД, принимавших участие в операции по расстрелу польских военнопленных и заключенных — «за успешное выполнение специального задания» (см. № 128).

Российская редколлегия: В.П. Козлов (председатель), В.К. Волков, В.А. Золотарев, Н.С. Лебедева

(ответственный составитель), Я.Ф. Погоний, А.О. Чубарьян.

Польская редколлегия: Д. Наленч (председатель), Б. Вошинский, Б. Лоек, Ч. Мадайчик, В. Матерский, А. Пшевожник, С. Снежко, М. Тарчинский, Е. Тухольский [33].

Прокурорские геббельсовцы. С самого начала производилась тщательная селекция контингента спецлагерей, предполагавшая дифференцированный подход к их будущему. По представлению Л.П.Берии и Л.З.Мехлиса 2 октября 1939 г. Политбюро ЦК ВКП(б) приняло решение «О военнопленных», которое предписывало сосредоточить офицерский состав, крупных военных и государственных чиновников в Старобельском лагере Ворошиловградской области, а служащих аппарата управления — полицейских, жандармов, тюремщиков, а также разведчиков и контрразведчиков — в Осташковском лагере Калининской области. Рядовые и младший командный состав с отошедшей к Германии части Польши концентрировались для обмена военнопленными с немцами в Ко-зельском и Путивльском лагерях, около 25 тысяч оставалось для строительства дороги Новгород-Волынский-Львов до декабря 1939 г. Солдат, призванных с территории Западной Белоруссии и Западной Украины, предписывалось отпустить по домам.

Л.П.Берия конкретизировал поставленные перед Осташковским и Старобельским лагерями задачи в своих приказах начальнику УНКВД по Калининской области Д.С.Токареву и начальнику Осташковского лагеря П.Ф.Борисовцу № 4445/6 от 3 октября 1939 г. (т. 8. Л.д. 119-120) и начальнику Ворошиловградского УНКВД и Старобельского лагеря А.Г.Бережкову — № 4446 от 3 октября 1939 г. (т. 20. Л.д. 42-43), подчеркнув особую важность изоляции офицеров, полицейских и других выделенных в спецлагеря категорий военнопленных. Директива Л.П.Берии от 8 октября 1939 г. гласила, что эти лица не подлежат освобождению ни при каких обстоятельствах. Это противоречило Приложению к Гаагской конвенции, предписывающей освобождать военнопленных после окончания военных действий.

Директива детализировала функции особого отделения лагеря — «оперативно-чекистское обслуживание». Начальники особых отделений лагерей подчинялись начальникам особых отделов соответствующих военных округов, наркомам внутренних дел союзных республик и начальникам управлений НКВД. В задачи особых отделений входили создание агентур-но-осведомительной сети для выявления «контрреволюционных формирований и настроений», аресты военнопленных (с санкции начальника особого отдела и военного прокурора соответствующего округа) с последующим ведением следствия по делам «контрреволюционных групп и одиночек — шпионов и диверсантов, террористов и заговорщиков» особыми отделами. Приказы Л.П.Берии по содержанию военнопленных конкретизировал, дополнял и организовывал их исполнение начальник Главного управления по делам о военнопленных (и интернированных) П.К.Сопруненко. Из его распоряжений усматривается, что он принимал решения о размещении и перемещениях прибывавших и переполнивших Старобельский лагерь военнопленных, офицеров и государственных чиновников. Распоряжением от 22 октября 1939 г. № 2066422 (т. 8. Л.д. 229-230) П.К.Сопруненко предписывал: «Офицеров без моего распоряжения никуда не отправлять. Вопрос о них решится в ближайшее время». 25 октября 1939 г. за № 2066565 (там же. Л.д. 231) он приказал начальникам Осташковского, Вологодского, Грязовецкого, Оранского и Южского лагерей, где временно содержались офицеры и другие категории военнопленных, направить "офицеров, крупных военных и государственных чиновников в Козельский лагерь...". «Учитывая всю серьезность этих контингентов военнопленных, — инструктировал П.К.Сопруненко начальника Старобельского лагеря А.Г.Бережкова и начальника Козельского лагеря В.Н.Королева, -... надлежит установить порядок, при котором исключалась бы всякая возможность побега из лагеря» (т. 7/43. Л.д. 43-44).

По данным «Красной Звезды», в плен было взято более 230 тыс. поляков. В.М.Молотов 31 октября 1939 г. назвал цифру около 250 тыс. человек. По данным конвойных войск — 226397 человек. После проведенной регистрации в тюрьмы было заключено более 20 тыс. лиц аналогичных пленным категорий: более 1200 офицеров, более 5 тыс. полицейских и жандармов и т.д.

Согласно справке П.К.Сопруненко от 3 декабря 1941 г. (обновленной в декабре 1942 г.), в лагерях НКВД всего содержалось 130242 военнопленных и доставленных из Прибалтики интернированных. В 1939 г. было отпущено 42400 жителей западных областей Украины и Белоруссии, Германии передано 42492 человека — «изъявивших согласие выехать на оккупированную немцами территорию... жителей территории Польши, отошедшей к Германии». Следующая глухая графа справки — «Отправлено в распоряжение У НКВД в апреле-мае 1940 г. (через 1-й спецотдел) 15131 человек» — определяла количество военнопленных, содержащихся до этого времени в Козельском, Старобельском и Осташковском лагерях (т. 8. Л.д. 344-345).

По выявленным данным, на 29 декабря 1939 г. в них из 15105 человек офицеров было несколько

больше половины (56,2%), из их числа армейские офицеры кадрового состава составляли 44,9%, офицеры запаса — 55% (т. 3/39. Л.д. 199 и др.). Остальные 650 — отставники. В результате всеобщей регистрации и задержания всех военных в их числе оказались три инвалида без руки или без ноги.

Большинство офицеров составляли офицеры запаса, в основном проходившие срочное обучение в лагерях после мобилизации. Это были люди массовых гражданских профессий — многие сотни учителей, инженеров, врачей, юристов, священников. Среди них были журналисты, писатели и поэты, общественные и политические деятели. Здесь были десятки профессоров и доцентов высших учебных заведений, ученых с "Мировой славой — призванный на защиту Отечества цвет польской интеллигенции, польского народа.

Значительную часть обитателей лагерей составляли гражданские лица, также зачисленные в военнопленные. Во время немецкого наступления государственные служащие, чиновники всех уровней управления, местная администрация, полиция эвакуировались на восток страны. Известны предписания польской администрации об их явке в распоряжение советских частей (см.: *Zbrodnia katynska: Droga do prawdy*. Warszawa, 1992). После задержания их отправляли в лагеря военнопленных или тюрьмы. Наиболее массовую категорию из них составляли полицейские. Другие обычно перечисляемые для «классовой оценки спецконтингента» категории по статистике выглядят весьма скромно: на 26 декабря 1939 г. во всех трех лагерях было 5 разведчиков, 27 помещиков, 27 осадников, 6 «активных членов антисоветских партий» и т.д. (т. 3/39. Л.д. 180). Режим трех лагерей со «спецконтингентом» далеко не во всем соответствовал международным правилам содержания военнопленных. Несмотря на окончание военных действий, вопрос об освобождении и репатриации военнопленных из трех лагерей не решался. Действовала противоречащая нормам международного права система допросов и репрессивных мер. Это вызвало многократные обращения с запросами кадровых офицеров из Старобельского лагеря (осенью 1939 г. — генерала Ф.Сикорского на имя В.М.Молотова с попытками перевести вопрос о статусе и содержании польских военнопленных на уровень международного права, их освобождения; в начале января 1940 г. — военного юриста полковника Э.Ю.Саского и группы полковников на имя начальника лагеря с просьбой выяснить позицию советского правительства в отношении статуса задержанных: являются ли они военнопленными, арестованными или интернированными). Помимо ряда бытовых вопросов, поднимались проблемы соблюдения прав военнопленных: права обращения к посольству того иностранного государства, которое взяло на себя защиту интересов польских граждан, возможности действовать через Красный Крест, опубликования списка военнопленных, освобождения отставников и офицеров запаса, которые не были призваны и не участвовали в войне, старых и больных и т.д. (т. 13/49. Л.д. 186— 190). Вопрос об уточнении своего правового положения офицеры-военнопленные ставили и в Козельском лагере (см. дневник В.Вайды: *Pamitjtniki znalezione w Katyniu*. Paris-Warszawa, 1990. S. 151).

В ответ на запрос начальник Старобельского лагеря от 4 ноября 1939 г. П.К.Сопруненко и начальник учетного отдела И.Б.Маклярский разъяснили, что Женевская конвенция 1929 г. о военнопленных «не является документом, которым вы должны руководствоваться в практической работе. Руководствуйтесь в работе директивами Управления НКВД по делам военнопленных» (т. 7/43. Л.д. 57). Как известно, входивший в Лигу Наций СССР должен был соблюдать международные конвенции.

С завершением комплектования состава лагерей в ноябре 1939 г. режим в них стал еще более жестким, особенно после введения в действие приказом Л.П.Берии от 19 ноября 1939 г. «Временной инструкции о войсковой охране лагерей военнопленных (приемных пунктов) частями конвойных войск НКВД СССР» (т. 3/52. Л.д. 62-76).

Одновременно органы НКВД активизировали свою работу на территориях Западной Белоруссии и Западной Украины «в целях быстрейшего очищения от враждебных элементов» согласно приказа замнаркома внутренних дел СССР В.Н.Меркулова от 5 ноября 1939 г. за № 001353. Силами НКВД БССР и УССР проводились выявление, а затем аресты чиновников местных органов управления, служащих и чинов полиции, суда и прокуратуры, работников образования, священнослужителей и т.д. Они квалифицировались как агенты, провокаторы, диверсанты, резиденты, участники различных контрреволюционных организаций, держатели конспиративных квартир, контрабандисты, разведчики, контрразведчики и т.п. Эта кампания приобрела столь массовый характер, что местные тюрьма и лагеря вскоре были переполнены. Оперативные органы НКВД стали пересылать часть «следственного контингента» в лагеря для военнопленных, поскольку среди этих лиц были задержанные, в том числе содержащиеся в больницах больные и раненые офицеры, офицеры запаса и отставники, а в их числе — не призывавшиеся в армию и не участвовавшие в боевых действиях. При

аресте на них, как и на гражданских лиц (чиновников администрации — воеводских, т.е. областных, и ПОБИТОВЫХ, т.е. уездных, управлений, бургомистров, почтовых чиновников, прокуроров и судей, помещиков и др.), задержанных по «классовым мотивам», заводились дела с общим обвинением в «совершении контрреволюционных преступлений», но без указания на конкретные преступные действия. Как известно, содержание офицеров в следственных тюрьмах не соответствует международному праву.

П.К.Сопруненко ходатайствовал перед Л.П.Берией и его заместителями, чтобы арестованные «по классовым мотивам» не направлялись в лагеря. Как следует из его отношения на имя Л.П.Берии от 29 декабря 1939 г., он настаивал на их возвращении «по месту ареста», чтобы эти дела были там «закончены» (т. 13/49. Л.д. 27). Заместитель наркома внутренних дел В.В.Чернышев издал специальный приказ, запретивший пересылку арестованных в Западной Белоруссии и на Западной Украине без согласования с соответствующим управлением НКВД (там же. Л.д. 34).

Как следует из записки НКВД СССР И.В.Сталину от марта 1940 г., к тому моменту в тюрьмах западных областей Украины и Белоруссии содержалось 18632 арестанта, из которых 10685 составляли поляки, а количество офицеров достигало 1207 человек.

С ноября 1939 г. в лагерях широко развернулась работа особых отделений. По указанию особых отделов военных округов арестовывались и направлялись в их распоряжение в тюрьмы польские военнопленные, другие переводились из тюрем в лагерь. Дела рассматривались военным трибуналом армий (т. 3/39. Л.д. 87, 89, 95, 114; т. 6/42. Л.д. 46 и др.).

Заместитель начальника особого отдела Главного управления государственной безопасности обращался 23 декабря 1939 г. к заместителю наркома В.В.Чернышеву с предложением переслать поступивших ранее из тюрем Тарнополя и Ста-ниславова на Западную Украину в распоряжение соответствующих УНКВД «для дальнейшего следствия и привлечения виновных к ответственности» (т. 3/39. Л.д. 94-95). Аналогичным образом военнопленные передавались в особый отдел в Калинин (там же. Л.д. 96). Гарантированное международными конвенциями право на защиту, на участие в рассмотрении дела представителей государства-опекуна, на трехнедельный срок с момента его информирования о вынесении приговора о высшей мере наказания (Женевская конвенция 1929 г.) не соблюдалось.

Наиболее суровым был режим содержания в Осташковском лагере, где были сконцентрированы военнопленные — гражданские «классово чуждые элементы».

Работники Управления НКВД СССР по делам военнопленных занялись в этом лагере не только и не столько учетом, сколько подготовкой следственных дел для передачи на особое совещание. С начала декабря эта работа велась с большой интенсивностью, до поздней ночи, и была ориентирована на сжатые сроки (до конца января). Дела составлялись по упрощенной схеме, вместо анкеты арестованного на бланках опросных листов, при этом особое внимание уделялось заполнению дополнительного листа, где выяснялся вопрос об участии в войне 1920 г., сообщались сведения о родственниках и месте их проживания (т. 7/43. Л.д. 156).

На 30 декабря следственная группа из 14 человек оформила 2000 дел и 500 из них отправила на особое совещание (т. 3/39. Л.д. 57).

Для текущего рассмотрения дел была выработана процедура, которая просматривается на оформлении дела № 649 полицейского С.Олейника. На едином унифицированном бланке, свидетельствующем о массовом, поточном оформлении дел, по статье 58, пункт 13 УК РСФСР 1929 г. ему вменялась в вину «активная борьба против революционного движения» без конкретизации состава преступления. Дело было рассмотрено начальником особого отдела НКВД 7-й армии 29 декабря 1939 г. с постановлением направить на рассмотрение особого совещания при НКВД СССР и утверждено начальником Осташковского лагеря 6 января 1940 г. Олейник получил срок, но вскоре был расстрелян (там же). В тюрьмах Западной Украины и Западной Белоруссии применялись аналогичные статьи республиканских кодексов (см. дело Ю.Чурека по статье 54-13 УК УССР: там же. Л.д. 128). Применялись и другие пункты статьи 58 УК РСФСР. Например, С.Свяневичу инкриминировался пункт 6 той же статьи (шпионаж).

31 декабря 1939г. Л.П.Берия направил директиву за № 5866/6 П.К. Сопруненко и начальнику УНКВД по Калининской области Д.С. Токареву об ускорении подготовки на особое совещание следственных дел «на всех военнопленных-полицейских», чтобы в течение января оформление дел было закончено.

В начале февраля 1940 г. в Управлении НКВД СССР по делам о военнопленных был выработан порядок прохождения дел при «убытии» военнопленных. По инструкции от 8 февраля 1940 г., если они

отбывали "одиночками или группами (в том числе после рассмотрения их дел Особым совещанием при НКВД)", карточки на них высылались в управление (там же. Л.д. 68).

Масштабы селективно-репрессивных акций были столь велики, что не хватало лагерей и тюрем для размещения задержанных и арестованных. Обстановка осложнялась тем, что остро стоял вопрос о принятии новых контингентов жителей Западной Белоруссии и Западной Украины, в том числе поляков, передаваемых из Литвы и Латвии, Германии, Венгрии, Словакии, о чем Л.П.Берия непосредственноносился со Сталиным. Еще 9 ноября 1939 г. Политбюро ЦК ВКП(б) приняло постановление «О пропуске в СССР интернированных в Литве военнослужащих бывшей польской армии». Однако его выполнение затянулось до лета 1940 г.

Намерения в отношении сосредоточенных в лагерях военнопленных определились с самого начала. Не менялось стремление не распускать по домам, а изолировать как командный состав армии, включая офицеров запаса и отставников, так и чиновников аппарата управления различных уровней. Решив свои ведомственные оперативные задачи (интересы наркомата в основном сводились к допросам, вербовке и защите агентуры), руководство НКВД с логической неизбежностью приближало ликвидацию военнопленных как людей, на которых опиралась польская государственность и которые не собирались смириться с оккупацией своей страны, стремясь к возрождению Польши.

Кроме того, нагромождение внутри— и внешнеполитических проблем подталкивало к ускорению отработанной на советских гражданах практики массовых репрессий. Вопрос о судьбах узников трех лагерей польских военнопленных и следственных тюрем не предполагал политического решения, был как бы предрешен «ликвидацией» Польского государства и его армии, низведен до ведомственной проблемы НКВД. Перевод в русло привычных репрессий был делом времени и технического оформления соответствующего решения. В СССР реализовался курс на уменьшение бюджетных ассигнований, на сокращение централизованно снабжавшихся контингентов населения. В НКВД проводилась кампания по увеличению рентабельности лагерей. Если рядовой и младший командный состав польской армии отбывал трудовую повинность в лагерях Наркомчермета, на строительстве дорог и т.п., то в Козельском, Старобельском и Осташковском лагерях привлечение к работам ограничивалось в основном рамками самообеспечения лагерей. Содержание в них военнопленных было, естественно, убыточным и обременяло народное хозяйство дополнительными затратами. Доклад руководства Осташковского лагеря (П.Ф.Борисовца и И.А.Юрасова) П.К.Сопруненко подтверждает внимание Управления к этой проблеме и ее остроту (т. 11/47. Л.д. 118-122).

Новых помещений и трат требовало размещение в лагерях военнопленных в связи с советско-финской войной 1939-1940 гг.

Выискивая возможности для «разгрузки» переполненных лагерей, П.К.Сопруненко 20 февраля 1940 г. обратился к Л.П.Берии с предложением мер в отношении Старобельского и Козельского лагерей, охватывающих 1100-1200 человек (т. 13/49. Л.д. 44-45). Он выступил с инициативой «оформить дела для рассмотрения на Особом совещании при НКВД» на «около 400 человек» аналогичного с Осташковским лагерем контингента — пограничников, судейско-прокурорских работников, помещиков, офицеров информации и разведки и др. Тяжело больных, а также достигших 60-ти лет из числа офицеров он предлагал распустить по домам (около 300 человек), та же мера предлагалась в отношении офицеров запаса — жителей западных областей Белоруссии и Украины, 400-500 агрономов, врачей, инженеров, техников, учителей, на которых «не было компрометирующих материалов». Подготовку дел на особое совещание П.К.Сопруненко считал желательным провести в НКВД БССР и УССР, а «в случае невозможности сосредоточить всех перечисленных в Осташковском лагере, где и вести следствие».

Л.П.Берия вызвал в связи с предложением П.К.Сопруненко В.Н.Меркулова, который и дал 22 февраля директиву 641/6. В ней говорилось: "... По распоряжению народного комиссара внутренних дел тов. Берия предлагаю всех содержащихся в Старобельском, Козельском и Осташковском лагерях НКВД бывших тюремщиков, разведчиков, провокаторов, осадников, судебных работников, помещиков, торговцев и крупных собственников перевести в тюрьмы, перечислив их за органами НКВД.

Все имеющиеся на них материалы передать в следственные части УНКВД для ведения следствия" (т. 3 /39. Л.д. 136).

Дальнейшие указания о порядке прохождения этих дел должны были быть даны дополнительно. Таким образом, разбор дел «классово чуждых элементов» ускорился во всех трех лагерях, шли поиски оптимальной, с точки зрения руководства НКВД, процедуры. Распоряжение В.Н.Меркулова было продублировано П.К.Сопруненко и комиссаром Управления С.В.Нехорошевым 23 февраля 1940 г. (т. 10/ 46. Л.д. 141 — 142), принято к исполнению. Маховик репрессий продолжал раскручиваться.

Из самой формулы дополнительных указаний следовало, что практика пропуска дел через особые совещания, уже распространенная на дела из Осташковского лагеря, ставилась под сомнение.

Институт особых совещаний, созданный постановлением Президиума ЦИК СССР в 1934 г., с последующими дополнениями, был внесудебным, с правом рассматривать дела о так называемых контрреволюционных преступлениях и назначать за них высшую меру наказания — расстрел. Как особые совещания при НКВД, так и другие внесудебные органы, в том числе так называемые «тройки», позволили придать репрессиям еще более массовый характер. В 1938 г. были приняты меры для определенного упорядочения этого процесса. Приказом НКВД СССР от 27 мая 1938 г. «Об арестах, прокурорском надзоре и ведении следствия» был сохранен единый внесудебный орган — особое совещание при НКВД СССР, рассмотрения же дел «тройками» уже не предусматривалось.

В 1940 г. Особое совещание возглавлял Л.П.Берия. Однако даже упрощенная процедура особого совещания требовала проведения предварительного следствия, предъявления обвинения, составления обвинительного заключения, слушания дела, на котором должны были присутствовать нарком внутренних дел СССР или его заместитель, уполномоченный НКВД по РСФСР, начальник Главного управления Рабоче-крестьянской милиции, нарком внутренних дел союзной республики, на территории которой возникло дело, а также обязательно — прокурор СССР или его заместитель, с правом принесения протеста в Президиум ЦИКа СССР. Это не только затягивало процесс «разгрузки» лагерей, принимавшей крупные масштабы, но и препятствовало сохранению тайны, так как эта процедура выводила дело за ведомственные рамки НКВД и его решение могло быть опротестовано. Определенные трудности возникли бы с составлением обвинительных заключений, предъявлением обвинений и т.п. при оформлении дел на военнослужащих, являвшихся гражданами другого государства, хоть и объявленного несуществующим (на 28 декабря 1939 г., то есть после обмена пленными с Германией, 68,3% офицеров из Козельского и Старобельского лагерей были призваны с территорий, занятых немцами, так же, как и 58,3% других категорий военнопленных из трех лагерей. См.: т. 3/39. Л.д. 167). Не могли не вызвать вопросов мотивы массового репрессирования лиц гражданских профессий, самого пестрого социально-профессионального и возрастного состава.

Наконец, самое главное — репрессирование военнопленных было явным нарушением международного права и влекло за собой ответственность. В статьях 4, 7 Приложения к Гаагской конвенции указывалось: «Военнопленные находятся во власти неприятельского правительства, а не отдельных лиц или отрядов, взявших их в плен. С ними надлежит обращаться человеколюбиво. Содержание военнопленных возлагается на правительство, во власти которого они находятся...» Соблюдение даже такой видимости законности, какой было особое совещание, могло привести к просачиванию информации о вопиющем беззаконии — репрессировании военнопленных, мощным резонансом отозваться внутри страны и за ее пределами.

В течение двух недель был найден по согласованию со сталинским руководством упрощенный вариант процедуры, являвшийся возвращением к отработанной на сотнях тысяч советских граждан практике «троек», на базе внутренних структур НКВД, без предъявления обвинения и суда. Формально имеющий вид соблюдения хотя бы минимума законности, этот путь позволял ограничиться общим, огульным определением вины и наказания, совершить массовое убийство руками сотрудников НКВД СССР и УНКВД областей.

Направленная И.В.Сталину в начале марта записка Л.П.Берии в констатирующей части перечисляла по категориям всех содержащихся в трех лагерях военнопленных, в количестве 14736 человек, и арестованных, находившихся в тюрьмах западных областей Белоруссии и Украины, в количестве 18632 человек, с указанием, что поляки составляют из них большую часть — 10685 человек. В их адрес формулировалось общее обвинение, созвучное статье 58, пункту 13 УК РСФСР 1929 г., что «все они являются закоренелыми, неисправимыми врагами советской власти», "заклятыми врагами советской власти, преисполненными ненависти к советскому строю". Им приписывались соответствующие активные действия: "Военнопленные офицеры и полицейские пытаются продолжать контрреволюционную работу, ведут антисоветскую агитацию. Каждый из них только и ждет освобождения, чтобы иметь возможность активно включиться в борьбу против советской власти.

Органами НКВД в западных областях Белоруссии и Украины вскрыт ряд к[онтр] революционных повстанческих организаций. Во всех этих к[онтр] революционных организациях активную руководящую роль играли бывшие офицеры бывшей польской армии, бывшие полицейские и жандармы" (т. 115. Л.д. 13-16).

Специально указывалось, что среди содержащихся в трех лагерях поляков было 97%, среди находившихся в тюрьмах — значительно больше половины (57,3%, в то время как поляки составляли

около 1/3 населения Западной Белоруссии и Западной Украины). Из этого следовало, что принадлежность к польской национальности рассматривалась как обстоятельство, влекущее за собой негативные последствия само по себе.

Рассмотрение причин и мотивов репрессирования показывает, что решался вопрос о лицах, большинство которых, согласно международному праву, должно было быть после окончания вооруженных действий распушено по домам. Однако сталинское руководство задержало в лагерях и тюрьмах значительную часть польского офицерского корпуса и административно-управленческого аппарата со всех территорий «ликвидированного» Польского государства и было связано договоренностью с германскими властями о противодействии польскому освободительному движению (см. секретный дополнительный протокол к советско-германскому договору от 28 сентября 1939 г.). Освобождение этого контингента никак не входило в планы НКВД и сталинского руководства прежде всего из-за его противостояния сталинской политике в отношении Польши.

Документы, содержащиеся в деле, показывают, что именно это было основной чертой поведения польских военнопленных, а не «закоренелая враждебность к советскому строю», к советской власти.

Как следует из донесений, рапортов и докладов, настроения военнопленных контролировались постоянно и тщательно. В докладе руководителя опергруппы НКВД СССР Трофимова Л.П.Берии от 20 октября 1939 г. (т. 106. Л.д. 58-69) подчеркивалось, что «подавляющее большинство военнопленных офицеров открыто резко враждебно настроено по адресу Германии и скрыто враждебно по отношению к СССР». В Старобельском лагере, по данным его руководства, они заявляли:

«От одних врагов бежали, к другим попали»: «советское правительство проводит такую же агрессивную политику, как и Германия». Четко было выражено стремление прогнать немцев и возвратиться домой (т. 20. Л.д. 46-73). Через пять месяцев, 27 марта 1940 г., заместитель начальника отдела Главного экономического управления НКВД Безруков сообщил начальнику ГЭУ Б.З.Кобулову о тех же стойко сохранявшихся в лагере настроениях: "Настроение среди большинства военнопленных враждебное, хотя внешне они и держат себя спокойно. Агентура сигнализирует о том, что поляки считают, что «союзники победят, Германия будет поделена и Польша восстановлена» (т. 3/39. Л.д. 110). Поскольку среди пленных распространилось представление, что их скоро освободят, они, настроившись на отказ от выезда в оккупированную Германией Польшу, планировали переброску на Ближний Восток, чтобы продолжить борьбу с немцами.

В Козельском лагере также, согласно донесениям, «офицеры в большинстве своем настроены патриотически», они заявляли, что «Польша еще не погибла», к вступлению Красной Армии на территорию Польши относились негативно и считали это агрессией. Высказывали удивление по поводу расстрелов таких видных военных деятелей, как М.Н.Тухачевский (т. 11/47. Л.д. 285-296). В ответ на проводимую агитацию некоторые из них выражали готовность сотрудничать в антигитлеровской борьбе.

В Осташковском лагере было сильно пассивное сопротивление: агентура доносила, что военнопленные «уклоняются от бесед, ссылаясь на непонимание языка, уклоняются от работ, требуя выдачи фуфаек, высказывают недовольство качеством пищи и режимом содержания» (т. 11/47. Л.д. 7-20).

Эти настроения, оцениваемые как антисоветские, контрреволюционные, преобладали, несмотря на интенсивную политико-просветительную работу, привлечение средств наглядной агитации, показ кинофильмов, прославляющих советский образ жизни, чтение лекций как сотрудниками лагерей, так и представителями местного партийно-государственного актива. Агитационно-пропагандистская работа создавала необходимый фон для реализации плана агентурно-оперативных мероприятий по Старобельскому, Козельскому и Осташковскому лагерям военнопленных, утвержденному Л.П.Берией 27 октября 1939 г. с резолюцией: «Не разбрасываться. За многими не гнаться». Предписывалось: "Вызовы военнопленных как для предварительной беседы, так и в дальнейшем для вербовки обставлять таким образом, чтобы исключить расшифровку проводимой работы... В случае срыва вербовки военнопленного в общежитие не допускать, изолировав его под благовидным предлогом..." (т. 106. Л.д. 70-73).

Специальные уполномоченные и опергруппы искали в лагерях симптомы «контрреволюционной деятельности». Так, 25 ноября опергруппа докладывала Л.П.Берии, что ей удалось найти в Старобельском лагере «антисоветскую организацию военнопленных офицеров» — «офицерское подполье»: «Популярное дело создания культурно-просветительных кружков было успешно использовано для создания подпольной организации». Подвергшийся резкой критике комиссар М.М.Киршин отчитывался о налаживании сыскной работы в лагере в докладной записке о состоянии

режима — об обнаружении группы, созданной «с целью проведения контрреволюционной работы под видом культпросветработы», ее филиала "под названием «Касса взаимопомощи», о попытках организации молебна, развешивании крестов и икон, о беседах на темы «Экономика Польши», «О пчеловодстве», «Зоология», «Ботаника», о лекции «Психология плена». 24 декабря 1939 г. было выслезено совещание десяти человек, на котором «обсуждался вопрос о международном положении и мерах восстановления бывшего польского государства. Материалы об этом факте переданы О[собому] о[тделению] для дальнейшей разработки». Аналогичная информация касалась встречи группы военнопленных в общежитии, где «произносились контрреволюционные речи в защиту б[ывшей] Польши, б[ывшего] правительства и т.д.» (т. 7/43. Л.д. 245-247).

Записка Л.П.Берии в ЦК ВКП(б) И.В.Сталину содержала проект постановления Политбюро, который был автоматически превращен в постановление с датой 5 марта 1940 г., внесенное в протокол как «Вопрос НКВД СССР» под номером 144. На записке были собственноручные (подтвержденные графологической экспертизой) визы Сталина, Ворошилова, Молотова и Микояна и пометка «т. Калинин — за, т. Каганович — за» (т. 115. Л.д. 13-16). Подлинность записки и постановления Политбюро от 5 марта 1940 г. была подтверждена почерковедческой и криминалистической экспертизами.

НКВД СССР получал указание рассмотреть дела о находившихся в лагерях 14.700 польских военнопленных и содержащихся в тюрьмах 11.000 поляков (количество давалось округленно) «без вызова арестованных и без предъявления обвинения, постановления об окончании следствия и обвинительного заключения» — на основании справок Управления по делам военнопленных НКВД СССР и справок из дел, предоставляемых НКВД УССР и НКВД БССР.

Рассмотрение дел и вынесение решений возлагалось постановлением на «тройку» в составе руководящих работников НКВД СССР — заместителей наркома В.Н.Меркулова и Б.З.Кобулова, а также начальника 1-го спецотдела Л.Ф.Баштакова. Однако как рассмотрение дел, так и вынесение решений превращалось в чисто техническую ведомственную операцию, поскольку постановление предписывало "рассмотреть в особом порядке, с применением к ним высшей меры наказания — расстрела".

Это надправовое решение придавало минимальную видимость законности в глазах исполнителей расстрелов, поскольку об этом никто другой не должен был знать, так как акция проводилась в строжайшей тайне. Она была сугубо внутриведомственным делом, сведенным до технической процедуры исполнения. Сам состав «тройки», в которой Л.П.Берия был заменен Л.Ф.Баштаковым, занимавшимся оформлением документации на расстрелянных, говорит о снижении ее ведомственного уровня на порядок даже по сравнению с особым совещанием. По запросу заместителя начальника Управления по делам военнопленных НКВД СССР И.И.Хохлова от 11 марта 1940 г. со сроком исполнения 15 марта был составлен список содержащихся в лагерях священнослужителей (т. 3/39. Л.д. 102-103), которые были вывезены из лагерей и расстреляны. В Смоленске, по показаниям П.Ф.Климова, они расстреливались в подвале УНКВД (т. 15. Л.д. 82).

На основании постановления от 5 марта 1940 г. Сопрунен-ко формировал в апреле-мае 1940 г. из военнопленных команды по 90-260 человек, на которых оформлял списки-предписания (с единой нумерацией для всех трех лагерей) с приказами начальникам лагерей отправлять их в УНКВД Смоленской, Калининской и Харьковской областей (т. 6/42. Л.д. 112, 113; т. 7/43. Л.д. 104-107; т. 11. Л.д. 1-361 и др.).

С 1 апреля по 19 мая 1940 г. на основании составленных П.К.Сопруненко и его заместителем И.И.Хохловым списков из лагерей военнопленных железнодорожным транспортом под охраной конвоиров 236-го полка конвойных войск НКВД СССР (т. 1/50. Л.д. 9-370) во внутренние тюрьмы НКВД и на станцию Гнездово под Смоленском, в Катинский лес отправлялись команды военнопленных.

Расстрелы осуществлялись во внутренних тюрьмах УНКВД в специально оборудованных помещениях вечером и по ночам, поодиночке, в Катинском лесу — днем, партиями. Расстрелами и захоронениями поляков занимались сотрудники комендантской службы, тюремные надзиратели и водители УНКВД названных областей.

Вся непосредственная работа по отправке военнопленных на расстрел контролировалась Управлением по делам военнопленных НКВД СССР и лично П.К.Сопруненко и И.И.Хохловым, которые требовали неукоснительного соблюдения секретности и точности при отправке военнопленных в соответствии со списками-предписаниями, а также систематических докладов о ходе разгрузки лагерей (т. 11/47. Л.д. 118-122; т. 8. Л.д. 332; т. 7. Л.д. 227, 237; т. 7/43. Л.д. 103-107; т. 10/46. Л.д. 261-263; т. 20. Л.д. 39-40, 71-73, 117-118, 119). П.К.Сопруненко, в свою очередь, еженедельно составлял

для отчета перед руководством НКВД СССР о проведении операции сводки о наличии военнопленных в лагерях НКВД и справки о прохождении дел (т. 10/46. Л.д. 243-335). После завершения операции по указанию П.К.Сопруненко и С.В.Нехорошева значительная часть документации о военнопленных для сокрытия факта расстрела была сожжена (т. 7/43. Л.д. 109, 151-152). Поскольку в лагерь продолжала поступать корреспонденция и запросы от родственников расстрелянных поляков, было предписано возвращать их «за ненахождением адресата» (т. 13/49. Л.д. 250; т. 10/46. Л.д. 152).

Согласно записке КГБ при СМ СССР за подписью председателя КГБ А.Н.Шелепина от 3 марта 1959 г. всего было расстреляно 21.857 человек «лиц бывшей буржуазной Польши», в том числе в Катынском лесу военнопленных из Козельского лагеря — 4.421 человек, из Старобельского лагеря — 3.820 человек, из Осташковского лагеря — 6.311 человек (как место расстрела указывались лагеря). 7.305 человек были расстреляны в «лагерях и тюрьмах Западной Украины и Западной Белоруссии» (т. 115.Л.Д. 17-19).

Допрошенный в качестве свидетеля А.Н.Шелепин подтвердил подлинность записки и фактов, изложенных в ней.

Эти данные не совпадают с отчетными данными лагерей в сторону повышения численности расстрелянных.

При подсчете общего количества расстрелянных во исполнение постановления Политбюро ЦК ВКП(б) от 5 марта 1940 г. наиболее точными следует считать итоговые данные А.Н.Шелепина.

П.К.Сопруненко, допрошенный в качестве свидетеля с применением видеозаписи, подтвердил, что он был лично ознакомлен с постановлением Политбюро ЦК ВКП(б) о расстреле польских военнопленных. Претворяя это решение в жизнь, он руководил всей отправкой польских военнопленных в распоряжение УНКВД Харьковской, Смоленской и Калининской областей. Расстрелянных захоронили на территории дачных участков УНКВД указанных областей (т. 14. Л.д. 210-236).

Аналогичные показания дал бывший начальник УНКВД по Калининской области Д.С.Токарев, который, кроме того, пояснил, что в Калинин для организации расстрелов приезжали комендант НКВД СССР В.М.Блохин, начальник штаба конвойных войск НКВД комбриг М.С.Кривенко и начальник транспортного управления НКВД СССР С.Р.Мильштейн. К участию в расстрелах привлекались сотрудники комендантской службы, надзиратели внутренней тюрьмы и водители УНКВД Калининской области. Военнопленных расстреливали в подвальном помещении внутренней тюрьмы УНКВД Калининской области ночью, по одному, выстрелом в затылок из немецкого пистолета «Вальтер». Трупы захоронили на дачном участке УНКВД в поселке Медное Калининской области (т. 21. Л.д. 148-167).

Свидетель М.В.Сыромятников, служивший старшим по корпусу внутренней тюрьмы УНКВД Харьковской области, показал, что в мае 1940 г. в тюрьму привезли большое количество польских военнопленных, которых расстреливали по ночам, а затем вывозили хоронить в район дач УНКВД (т. 4. Л.д. 84-92; т. 22. Л.д. 38-45; т. 24. Л.д. 38-45). Работавший надзирателем в тюрьме УНКВД по Смоленской области К.Е.Бо-роденков также показал, что из разговоров с сослуживцами И.А.Гвоздовским, И.И.Стельмахом, И.М.Сильченковым, И.И.Грибовым в 1940 г. ему стало известно, что они расстреливали польских военнопленных и захоронили их в лесу в Козьих горах (в Катынском лесу) (т. 16. Л.д. 13-14).

Аналогичные показания о расстрелах весной 1940 г. польских военнопленных дали свидетели И.И.Титков (т. 16. Л.д. 5-7, 62—76), И.Ноздрев (т. 14. Л.д. 103-107; т. 16. Л.д. 43-61), П.Ф.Климов (т. 16. Л.д. 35-38), И.И.Дворниченко (т. 1. Л.д. 61-62; т. 19. Л.д. 28-33) и другие.

Проведенными в 1991 г. эксгумациями на территориях дачных поселков УКГБ по Калининской (Тверской) области (Медное), Харьковской области (д. Пятихатки) и Смоленской области (Катынский лес) подтверждается, что там имеются массовые захоронения польских военнопленных, убитых выстрелом в затылок (т. 31, 102).

Расхождения в цифрах в постановлении Политбюро и записке А.Н.Шелепина в сторону снижения с 11.000 человек до 7.305 человек, видимо, объясняются тем, что почти одновременно с подготовкой на Политбюро «Вопроса НКВД СССР» Л.П.Берия подписал приказ об отправке из тюрем Западной Белоруссии и Западной Украины после осуждения особым совещанием НКВД «перебежчиков» (то есть беженцев с занятых немцами польских территорий или перемещавшихся в зоне новой границы, или пытавшихся пробраться на территорию Венгрии, Румынии и Литвы местных жителей) в Севвостлаг НКВД (г. Владивосток). Согласно циркуляра временно исполняющего обязанности начальника конвойных войск НКВД Кривенко от 2 марта 1940 г., предполагалось сформировать 6-8 эшелонов

численностью по 1000-1500 человек — отправить таким образом «для отбытия срока наказания» через ГУЛАГ 6-12 тыс. человек.

Вслед за постановлениями Политбюро ЦК ВКП(б) В.Н.Меркулов 7 марта 1940 г. издал приказ № 00308, предписывавший организовать при помощи оперативных «троек» массовый вывоз (депортацию) семей всех обозначенных в записке Л.П.Берии категорий лиц, содержащихся в Козельском, Старобельском и Осташковском лагерях, а также поляков из тюрем и лагерей Западной Украины и Западной Белоруссии (т. 116).

Массовое умерщвление польских граждан держалось в строгой тайне. Однако после нападения Германии на СССР международная ситуация изменилась, были восстановлены советско-польские отношения и по соглашению 30 июля 1941 г. предполагалось создать на территории СССР польскую армию...

...Учитывая результаты работы советско-польской комиссии по истории отношений между двумя странами (так называемых «белых пятен»), Политбюро ЦК КПСС 31 марта 1989 г. поручило Прокуратуре СССР, КГБ СССР, МВД СССР, МИД СССР и ГАУ при СМ СССР провести тщательную проверку по факту массового расстрела польских военнопленных в районе Катыни и поиск сохранившихся материалов по этому вопросу (т. 115. Л.д. 142, 155). Все перечисленные ведомства к маю 1989 г. сообщили, что новых документов по Катынскому делу не обнаружено. Весной — в начале лета того же года в Особом архиве ГАУ при СМ СССР, в фонде Главного управления по делам военнопленных и интернированных при НКВД СССР группой советских историков были найдены тщательно скрываемые документы о польских военнопленных, включая списки содержащихся в лагерях НКВД в Старобельске, Козельске и Осташкове, которые весной 1940 г. были переданы в распоряжение управлений НКВД по Харьковской, Смоленской и Калининской областям соответственно. Кроме того, в Центральном государственном архиве Советской Армии, в фонде Управления конвойных войск НКВД СССР были найдены документы, касающиеся транспортировки польских военнопленных из перечисленных лагерей в район Харькова, Смоленска и Калининна. Обнаруженные документы однозначно свидетельствовали о причастности органов НКВД СССР к уничтожению около 15 тыс. польских военнопленных.

На основании документов Особого архива для международного отдела ЦК КПСС были составлены доклад и справка «Документальная хроника Катыни», а также подготовлена для печати статья по поручению советско-польской комиссии по истории отношений между двумя странами («белых пятен»), которые легли в основу доклада для Президента СССР от 22 февраля 1990 г. (т. 115. Л.д. 151-154; т. 15. Л.д. 130-186).

Стало очевидно, что правда вышла на свет вопреки строгой секретности хранения архивных документов и "особой папки.

14 апреля 1990 г. советская сторона в сообщении ТАСС признала виновность Берии и его подручных в расстреле польских военнопленных весной 1940 г. Польской стороне был передан М.С.Горбачевым ряд документов, включая именные списки расстрелянных из Козельского и Осташковского лагерей и списочный состав Старобельского лагеря.

В сентябре 1990 г. Главная военная прокуратура начала уголовное дело по факту расстрела польских военнопленных. Она выявила обширный комплекс ранее недоступных архивных документов, в том числе Управления по делам военнопленных и интернированных НКВД СССР, Управления конвойных войск НКВД СССР и др., сняла показания с участников и свидетелей преступления, провела эксгумации в местах массовых расстрелов польских военнопленных.

В ходе работ в 6-м квартале лесопарковой зоны Харькова (25 июля — 9 августа 1991 г.), проводившихся на площади 97х62х143х134 м, было сделано 49 раскопов и 5 зондажей. Было обнаружено не менее 167 останков поляков. В Медном работы проводились 15-25 августа 1991 г. на площади пятиугольника 37х108х36х120х120 м. Было сделано 30 раскопов и 5 дополнительных зондажей. Обнаружены останки не менее чем 243 поляков.

В эксгумационных работах также приняли активное участие польские специалисты под патронатом Генеральной прокуратуры в Министерстве юстиции РП. Они провели тщательное научное исследование полученного материала, идентифицировали часть останков и изучили вещественные доказательства, подтвердив нахождение в захоронениях 6-го квартала лесопарковой зоны Харькова трупов польских военнопленных из Старобельского лагеря, а в захоронениях Медного — из Осташковского лагеря (где немцев во время войны не было) (т. 31, 32).

Исследованиями установлена прямая закономерная связь между списками-предписаниями на отправку военнопленных в УНКВД Смоленской области и тем, в каком порядке трупы лежали в

катынских могилах весной 1943 г. Совпадение обоих списков говорит о достоверности идентификационного списка от 1943 г., который может рассматриваться как доказательственный документ. В этих могилах лежат польские военнопленные, отправленные из Козельского лагеря в распоряжение УНКВД Смоленской области в апреле-мае 1940 г.

В ходе следствия уже к концу 1990 г. были получены свидетельства того, что польские военнопленные подверглись уничтожению по решению Политбюро ЦК ВКП(б), подписанному И.В.Сталиным в первые месяцы 1940 г. Однако это решение удалось обнаружить лишь к октябрю 1992 г. При этом документально установлено, что представители высшего руководства СССР и ВКП(б)/КПСС в течение десятилетий скрывали документы, содержащие сведения о расстреле польских военнопленных.

Благодаря политической воле руководителей РФ и РП удалось подойти к завершению выяснения вопроса об умерщвлении польских военнопленных, содержащихся осенью 1939 г. — весной 1940 г. в Козельском, Старобельском и Осташковском лагерях НКВД. При подписании Договора о дружественном и добрососедском сотрудничестве 22 мая 1992 г. Президенты РФ и РП заявили о своей решимости преодолеть негативное наследие прошлого и строить качественно новые двусторонние отношения в будущем на основе позитивных ценностей в истории обоих народов и государств, а также международного права, демократии и соблюдения прав человека.

14 октября 1992 г. представитель Президента РФ Б.Н.Ельцина Главный государственный архивист Р.Г.Пихоя передал Президенту РП Л.Валенсе постановление Политбюро ЦК ВКП(б) от 5 марта 1940 г. о решении «в особом порядке» вопроса о судьбах польских военнопленных и заключенных в тюрьмах Западной Белоруссии и Западной Украины поляков. Были окончательно установлены уровень принятия решения, его содержание и характер.

Поэтому при юридической квалификации постановления Политбюро ЦК ВКП(б) от 5 марта 1940 г. и всех его последствий необходимо исходить из норм международного права.

Материал уголовного дела неопровержимо доказывает противоправный факт умерщвления путем расстрела в апреле-мае 1940 г. 14.522 польских военнопленных из Козельского, Старобельского и Осташковского лагерей НКВД, а также 7305 поляков — заключенных из тюрем и лагерей Западной Белоруссии и Западной Украины сотрудниками НКВД по постановлению Политбюро ЦК ВКП(б).

Какова должна быть правовая оценка этих действий и ответственность лиц, организовавших и совершивших это преступление?

В статьях 28, 32 действующей Конституции РСФСР; статьях 10,14 Декларации Верховного Совета РСФСР от 12 июня 1990 г. «О государственном суверенитете РСФСР»; статье 1 «Декларации прав и свобод человека и гражданина», принятой Верховным Советом РСФСР 22 ноября 1991 г., были провозглашены приверженность РСФСР общепризнанным нормам международного права и приоритет международных норм, относящихся к правам человека, перед законами Российской Федерации.

Скрыв при подписании советско-германского договора о ненападении от 23 августа 1939 г. факт и содержание секретного дополнительного протокола к нему от советского народа и верховных органов государства, И.В.Сталин и приближенные к нему члены руководства нарушили взаимные обязательства СССР и Польши, осуществили сговор, направленный на раздел Польского государства, встали на путь прямого нарушения международного права. Переданная в ночь на 17 сентября 1939 г. польскому послу нота с формальным уклонением от объявления войны противоречила нормам международного права. Реализуя вытекающую из советско-германского договора с секретным дополнительным протоколом договоренность, Красная Армия без объявления войны развернула наступательные действия, стремясь уничтожить и взять в плен вооруженные силы Польши. Советское руководство исходило из факта ведения войны и ликвидации Польского государства. Между тем это государство вело справедливую войну против гитлеровского агрессора. Этого не меняет объявление «освободительного похода» в защиту трудящихся Западной Белоруссии и Западной Украины.

В советско-германском Договоре о дружбе и границах от 28 сентября 1939 г. с конфиденциальным и двумя секретными протоколами к нему был закреплен раздел Польши, ликвидация польской государственности и польской армии, определены взаимные обязательства по недопущению изменения этого положения.

Из всех существующих правовых норм как внутреннего, так и международного права эти действия подпадают под определения, изложенные в Уставе Нюрнбергского международного военного трибунала от 8 августа 1945 г. В частности, в статье 6, пункте "а" преступлениями против мира признаются: «планирование, подготовка, развязывание или ведение агрессивной войны или войны в нарушение международных договоров, соглашений или заверений, или участие в общем плане или

заговоре, направленных к осуществлению любого из вышеуказанных действий».

Акции И.В.Сталина, В.М.Молотова и других членов сталинского руководства в нарушение действующих мирных договоров с Польшей, по договоренности с Германией спровоцировавшие вступление СССР в войну против Польши, в соответствии с названной статьей являются преступлением против мира, что влечет за собой уголовную ответственность.

В категорию военнопленных были включены плененные в ходе боевых действий или просто задержанные военнослужащие, интернированные и арестованные гражданские лица, в том числе обычно не подпадающие под эту категорию чиновники государственного и местного аппарата управления и др. Заключение в лагеря НКВД (Козельский, Старобельский и Осташковский) военнопленные, вопреки положению IV Гаагской конвенции (1907 г.) «О законах и обычаях сухопутной войны», главе II «О военнопленных» одноименного Приложения к конвенции о роспуске военнопленных и их репатриации после окончания военных действий, вопреки Женевской конвенции о военнопленных 1929 г., соблюдать которую органы НКВД отказались, в количестве 14.522 человек были умерщвлены по политическим («классовым») мотивам. Рассмотрение дел велось, согласно постановлению Политбюро ЦК ВКП(б), по упрощенной процедуре, «в особом порядке», «без вызова арестованных, предъявления обвинения, постановления об окончании следствия и обвинительного заключения». Они были приговорены этим постановлением к расстрелу как «закоренелые, неисправимые враги советской власти», ее «заклятые враги», которые «ведут антисоветскую агитацию» и только и ждут освобождения, чтобы «иметь возможность активно включиться в борьбу против советской власти». Таким образом, им инкриминировались настроения и намерения, а не действия, то, что их будущая активность направлялась бы на восстановление независимости своей родины.

Аналогичным образом в предшествующий период при вынесении дел польских военнопленных на особые совещания им предъявлялось обвинение по статье 58-13 УК РСФСР (или статье 54-13 УК УССР), предусматривавшей ответственность за «активные действия или активную борьбу против рабочего класса и революционного движения, проявленные на ответственной или секретной (агентура) должности при царском строе или [на службе] у контрреволюционных правительств в период гражданской войны», которая влекла за собой «высшую меру социальной защиты» — расстрел.

В связи с тем, что рамки действия этой статьи ограничиваются периодом до конца гражданской войны (т.е. до 1922 г.), следует признать, что она не могла применяться к польским военнопленным и другим гражданам, захваченным в 1939 г. Уже по этому основанию в действиях польских военнопленных отсутствует состав преступления, предусмотренный статьей 58-13 УК РСФСР. Более того, чем бы ни занимались до 1939 г. польские военнопленные или заключенные-поляки, эти действия являлись внутренним делом Польши и поэтому должны были оцениваться лишь по внутреннему польскому законодательству. Не менял ситуации факт изменения границ и подчинения военнопленных советской юрисдикции (жители Западной Белоруссии и Западной Украины становились советскими гражданами), так как к тому времени они уже находились в плену и пользовались соответствующими правами военнопленных. К ним не только не была применима обратная сила действовавших в СССР законов, но они в соответствии с Гаагской конвенцией в принципе не подлежали ответственности по суду (за исключением случая нарушения своего слова).

Из документов усматривается, что, несмотря на агитационно-пропагандистские усилия политического аппарата лагерей по воспитанию сочувственного или хотя бы лояльного отношения к советской политике, а также к советскому строю, большинство польских военнопленных не признавало уничтожения Польского государства, осуждало акцию СССР против Польши и готовилось к борьбе с гитлеровской Германией за свободу своей страны, что противоречило пониманию сталинским руководством интересов СССР, связываемых им с обязательствами по отношению к Германии.

Поскольку поляки в это время находились в плену и их намерения в практические действия не претворялись, следует признать, что в их поведении также отсутствовал состав какого-либо преступления.

Особые совещания были неправомочны принимать решения в отношении военнопленных, статья 58-13 УК РСФСР вообще была к ним неприменима.

Постановление Политбюро ЦК ВКП(б) следует квалифицировать как надправовое, ставящее свое решение и его исполнителей, включая органы НКВД, выше закона. Оно не распространяло на военнопленных принципы ни внутреннего, ни международного права.

Нельзя ограничиться его рассмотрением в свете норм уголовного кодекса РСФСР как только превышением власти (статья 171 УК РСФСР), приведшим к умышленному убийству (статья 102 УК РСФСР). Оно не может рассматриваться так в связи с явной несоразмерностью содеянных с целью его

претворения в жизнь преступлений и тех, которые предусмотрены статьями УК РСФСР; с особой масштабностью последствий этих злодеяний.

Оно не может рассматриваться только как игнорирование ответственности, вытекающей из IV Гаагской конвенции об обязательствах правительств в отношении военнопленных.

Есть все основания применить к нему пункт "б" статьи 6 Устава Нюрнбергского Международного военного трибунала, который относит к военным преступлениям нарушения законов или обычаев войны и, в частности, "убийства, истязания или увод в рабство или для других целей гражданского населения оккупированных территорий; убийство или истязание военнопленных...".

Под это определение полностью подпадают действия И.В.Сталина, В.М.Молотова, К.Е.Ворошилова, А.И.Микояна, М.И.Калинина, Л.М.Кагановича, Л.П.Берии, которые приняли постановление об уничтожении польских военнопленных; с разной степенью ответственности за принятие решений и их исполнение — членов особой «тройки» НКВД СССР В.Н.Меркулова, Б.З.Кобулова, Л.Ф.Баштакова, а также руководителей Управления по делам военнопленных П.К.Сопруненко и И.И.Хохлова, принимавших непосредственное участие в подготовке, рассмотрении вопроса, определении судеб польских военнопленных и стратегии их уничтожения; организаторов исполнения преступного решения работников НКВД В.М.Блохина, С.Р.Мильштейна, Н.И.Си-негубова, Д.С.Токарева и других начальников УНКВД, разработавших тактику уничтожения польских военнопленных и в той или иной мере принимавших в нем участие; а также рядовых исполнителей казни — комендантских работников, надзирателей тюрем, шоферов УНКВД Смоленской, Харьковской и Калининской областей.

Из постановления Политбюро ЦК ВКП(б) от 5 марта 1940 г., записки Л.П.Берии И.В.Сталину от марта 1940 г. и записки А.Н.Шелепина от 3 марта 1959 г. усматривается, что согласно этому постановлению были уничтожены также 7.305 поляков, в числе которых было большое число офицеров, которым полагался статус военнопленных, а также гражданские лица, приговоренные к высшей мере наказания по политическим и национальным мотивам. Умышленное уничтожение большой группы людей по национальному признаку ставило целью воспрепятствовать национально-освободительному движению за возрождение польской государственности. Это подтверждается мотивировкой расстрела в записке Л.П.Берии, перечислением категорий по классовому и социально-профессиональному признакам, по национальной принадлежности без указания на содеянное ими, какой-либо квалификации их действий или вообще на какую-либо конкретную вину. Категория «шпионы и диверсанты» носила в то время преимущественно идеологический характер.

"К этой части постановления применим пункт "в" статьи 6 Устава МВТ, который определяет преступления против человечности: «убийства, истребление, порабощение, ссылка и другие жестокости, совершенные в отношении гражданского населения до или во время войны, или преследование по политическим... мотивам с целью осуществления или в связи с любым преступлением, подлежащим юрисдикции трибунала, независимо от того, явились ли эти действия нарушением внутреннего права или нет...».

Действия сталинского руководства, распорядившегося уничтожить несколько тысяч гражданских лиц, содержащихся в тюрьмах и лагерях Западной Белоруссии и Западной Украины без суда, а также массовая депортация польского населения из этих областей вглубь страны полностью подпадают под это определение.

Согласно Конвенции о предупреждении преступления геноцида и наказания за него от 9 декабря 1948 г., ратифицированной СССР 18 марта 1954 г., под геноцидом понимаются действия, совершаемые с намерением полностью или частично уничтожить какую-либо национальную, этническую, расовую или религиозную группу как таковую. Государства договорились, что наказуемы геноцид, заговор с целью геноцида, подстрекательство к геноциду, покушение на геноцид и соучастие в геноциде. Виновные в этих деяниях лица подлежат судебной ответственности независимо от того, являлись ли они ответственными по конституции правителями, должностными или частными лицами.

В уничтожении 7.305 поляков имеются все признаки геноцида, ответственность за который ложится на Сталина И.В., Берия Л.П., Молотова В.М., Ворошилова К.Е., Микояна А.И., Калинина М.И., Кагановича Л.М., Меркулова В.Н., Кобулова Б.З., Баштакова Л.Ф. и других лиц, практически осуществлявших это преступление на местах.

В соответствии с Конвенцией о неприменимости сроков давности к военным преступлениям и преступлениям против человечества от 26 ноября 1968 г., ратифицированной СССР 11 марта 1969 г., на преступления геноцида не распространяются сроки давности независимо от времени их совершения.

В статье 1 Конвенции говорится: "Никакие сроки давности не применяются к следующим

преступлениям, независимо от времени их совершения:

а) военные преступления, как они определяются в Уставе Нюрнбергского Международного военного трибунала от 8 августа 1945 года... последующих решениях ООН и Женевских конвенциях 1949 года;

б) преступления против человечества, независимо от того, были ли они совершены во время войны или в мирное время, как они определяются в Уставе Нюрнбергского Международного военного трибунала от 8 августа 1945 года и последующих резолюциях ООН... даже если эти действия не представляют собой нарушения внутреннего законодательства той страны, в которой они были совершены ".

Статья 2 предусматривает следующее: "В случае совершения какого-либо из преступлений, упомянутых в статье 1, положения Конвенции применяются к представителям государственных властей и частным лицам, которые выступают в качестве исполнителей этих преступлений или соучастников таких преступлений, или непосредственно подстрекают других лиц к совершению таких преступлений, или участвуют в заговоре для их совершения, независимо от степени их завершенности, равно как и к представителям государственных властей, допускающих их совершение ".

Из статьи 4 следует, что государства — участники Конвенции обязуются принять все меры для обеспечения неприменения срока давности к судебному преследованию и наказанию за преступления, указанные в статьях 1 и 2 Конвенции, об отмене этого срока там, где он применяется к таким преступлениям.

Эти положения были подтверждены в резолюциях Генеральной Ассамблеи ООН № 2712 от 15 декабря 1970 г. «О наказании военных преступников и лиц, совершивших преступления против человечества» и № 3074 от 3 декабря 1973 г. "Принципы международного сотрудничества в отношении обнаружения, ареста, выдачи и наказания лиц, виновных в военных преступлениях и преступлениях против человечества ".

Таким образом, на форуме ООН было расширено и укреплено правило, гласящее, что любое лицо может быть привлечено к ответственности за нарушение международного права, в том числе за военные преступления, и что оно может быть наказано на основании международного права, независимо от того, предусмотрено ли во внутреннем праве наказание за деяние, которое является преступлением в свете международного права, независимо от места совершения преступления и гражданства лиц, совершивших преступление.

Итак, И.В.Сталин, В.М.Молотов, Л.П.Берия и другие члены сталинского руководства, члены особой «тройки» НКВД СССР В.Н.Меркулов, Б.З.Кабулов и Л.Ф.Баштаков, работники аппарата НКВД СССР П.К.Сопруненко, С.Р.Мильштейн, В.М.Блохин, Н.И.Синегубов, начальники УНКВД по Смоленской (Е.И.Куприянов), Харьковской (П.С.Сафонов) и Калининской (Д.С.Токарев) областям, исполнявшие преступные распоряжения коменданты, шоферы и надзиратели тюрем, другие лица, принимавшие непосредственное участие в расстрелах польских военнопленных из Козельского, Старобельского и Осташковского лагерей НКВД СССР, а также лиц польской национальности, содержащихся в тюрьмах и лагерях Западной Белоруссии и Западной Украины, совершили геноцид, военные преступления и преступления против человечества (человечности), на которые не распространяется срок давности.

В связи с тем, что в настоящее время из числа выявленных преступников в живых остались П.К.Сопруненко и Д.С.Токарев, надлежит решить вопрос об их ответственности, в частности об их аресте, привлечении к судебной ответственности, а в случае признания их виновными — наказании в России, не дожидаясь вынесения этого дела в Международный суд в Гааге, как предлагает польская общественность.

В действиях польских военнопленных и других польских граждан, содержащихся в 1939-1940 гг. в Козельском, Старобельском и Осташковском лагерях, в тюрьмах и лагерях западных областей Белоруссии и Украины и расстрелянных по постановлению Политбюро ЦК ВКП(б), отсутствует состав преступления, и они подлежат реабилитации как безвинные жертвы сталинских репрессий в соответствии со статьями 2 и 3 Закона Российской Федерации от 18 октября 1991 г., с дополнениями от 22 декабря 1992 г., «О реабилитации жертв политических репрессий».

Выводы

1. Материалы следственного дела содержат убедительные доказательства наличия события

преступления — массового убийства органами НКВД весной 1940 г. содержавшихся в Козельском, Старобельском и Осташковском лагерях НКВД 14.522 польских военнопленных, которые 3 апреля — 19 мая направлялись партиями к месту расстрела и были расстреляны (выстрелами в затылок) в Катынском лесу, в тюрьмах УНКВД Смоленской, Ворошиловградской и Калининской областей и захоронены в коллективных могилах в Козьих горах, с. Медное Калининской области и в лесопарковой зоне г. Харькова. Это было установлено в ходе проводимых Главной военной прокуратурой летом 1991 г. эксгумаций.

В ходе данной экспертизы также установлено, что охвативший 70% жертв катынский идентификационный список 1943 г. (составленный по результатам извлечения трупов из массового захоронения) с вероятностью 0,6-0,9 совпадает со списками на отправку польских военнопленных из Козельского лагеря в распоряжение УНКВД по Смоленской области в апреле-мае 1940 г. Это является основанием для утверждения, что эти военнопленные захоронены в районе Катынского леса.

Доказано также, что единым умыслом одновременно в тюрьмах НКВД Западной Белоруссии и Западной Украины были расстреляны 7.305 поляков, в том числе около 1.000 офицеров.

2. Расстрелы совершались на основании постановления Политбюро ЦК ВКП(б) от 5 марта 1940 г. по представлению НКВД СССР, а также статьи 58, пункта 13 УК РСФСР, статьи 54, пункта 13 УК УССР и иных, с нарушением как норм международного права, так и существовавшего тогда и требующего четкой правовой оценки весьма несовершенного внутреннего законодательства, не соответствовавшего международно признанным основам права, защищающим от преступлений против человечества. Совершенные деяния были санкционированы сталинским руководством партии и государства, являлись частью противоправных, преступных репрессивных акций тоталитарной системы, направленных в данном случае против граждан соседнего государства, в том числе и в значительной степени — военнопленных, особо защищаемых международным правом.

Адекватная правовая оценка этих преступлений, совершенных в рамках государственно-санкционированного террора, должна быть произведена на основе детально разработанных после Второй мировой войны принципов международного права, на базе системы особых норм материального и процессуального права, с признанием наличия геноцида, преступлений против человечества, без срока давности.

3. Выяснение причин и обстоятельств появления польских военнопленных на советской территории показало прямую логическую причинно-следственную связь развития советско-германско-польских отношений в августе-сентябре 1939 г. и военных действий Красной Армии против польской армии с выполнением обязательств, вытекающих из советско-германских договоров 23 августа и 28 сентября 1939 г. и дополнительных секретных протоколов к ним, предполагавших решение вопроса о судьбах Польского государства, его территории, армии и о противодействии освободительной борьбе польского народа.

В сентябре-декабре 1939 г. в категорию военнопленных были зачислены и помещены в лагеря военнослужащие, как взятые в плен в ходе боевых действий Красной Армии, так и выявленные в ходе последующей регистрации; в трех спецлагерях НКВД — Козельском, Старобельском и Осташковском — были сосредоточены более 15 тыс. человек, из которых лишь 56,2% составляли офицеры (из них офицеры срочной службы составляли 44,9%, офицеры запаса, проходившие после мобилизации обучение в лагерях, — 55%, кроме того, были отставники, в том числе инвалиды войны 1920 г.). Остальные были гражданскими лицами, прежде всего служащими центрального и местного уровней управления, полицейскими, судьями и прокурорами, таможенниками и т.д. Значительная часть содержавшихся в трех спецлагерях лиц была задержана и помещена в лагеря НКВД в качестве пленных без должных юридических оснований, как они сформулированы в Приложении к Гаагской конвенции.

4. Международному праву противоречил сам факт передачи лагерей военнопленных в ведение НКВД СССР. В Козельском, Старобельском и Осташковском лагерях не соблюдался ряд норм международного права, определяющих положение и содержание военнопленных. Изначально не предполагалось освобождать их после окончания военных действий, как того требует Гаагская конвенция. Одновременно с проведением органами НКВД в лагерях оперативной работы развернулась подготовка и массовая передача дел военнопленных на особые совещания. В начале весны 1940 г. уничтожение польских военнопленных с санкции Политбюро ЦК ВКП(б) стало осуществляться по упрощенной схеме и приняло тотальный характер.

Ускорение «разгрузки» трех специальных лагерей и следственных тюрем Западной Белоруссии и Западной Украины было тесно связано с рядом проблем сталинской внешней и внутренней политики. Осуществив «освободительный поход» в Западной Белоруссии и Западной Украине, развернув

форсированные «социалистические преобразования» и проводя «оптимизацию» социальной и политической структуры, сталинское руководство при помощи органов НКВД «отсеивало» «чуждые в классовом и национальном отношении элементы» в массовом масштабе.

Акции в Прибалтике и Финляндии сопровождались поступлением новых крупных контингентов пленных. Увеличение числа военнопленных и заключенных весьма обременило экономику. С конца 30-х годов велась «чистка» централизованно снабжавшихся категорий населения. Под нее попадали и лагеря и тюрьмы НКВД, в которых нельзя было расширить сферу применения разных видов принудительного труда.

5. Содержавшаяся в ставшей основой для принятия постановления от 5 марта 1940 г. записке Л.П.Берии в адрес ЦК ВКП(б), на имя И.В.Сталина, мотивировка рассмотрения «вопроса НКВД СССР» и принятия решения об умерщвлении 22 тыс. человек не была адекватна ни составу задержанных, ни их действиям, представляя собой наделе «наклеивание» идеологических «классовых» ярлыков для оправдания преступления. Среди офицеров преобладали (составляя 55%) лица массовых гражданских профессий, требующих высшего образования, — учителя, врачи, инженеры, журналисты, профессорско-преподавательский состав университетов и институтов и т.д., то есть значительная часть военнообязанной польской интеллигенции. Другая ее часть — гражданские лица, превращенные в военнопленных или задержанные и помещенные в тюрьмы за «контрреволюционную деятельность», являлись преимущественно служащими разного уровня — чиновниками администрации, суда, почты и т.д. Они были арестованы по «классовым мотивам», на деле — в ходе ликвидации Польского государства и его армии, как правило не за противоправные действия, а в связи с вероятностью включения в освободительную борьбу. Репрессирование по национальному признаку вытекает из записки Л.П.Берии со всей определенностью.

6. Уничтожение в апреле-мае 1940 г. 14.522 польских военнопленных из Козельского, Старобельского и Осташковского лагерей в УНКВД по Смоленской, Калининской и Харьковской областям и одновременно 7.305 заключенных следственных тюрем НКВД Западной Белоруссии и Западной Украины, за которым последовал массовый вывоз их семей вглубь СССР (депортация), явилось тягчайшим преступлением против мира, человечества и военным преступлением, за которое должны нести ответственность И.В.Сталин, В.М.Молотов и другие члены Политбюро ЦК ВКП(б), принявшие постановление об этом массовом умерщвлении невинных людей, Л.П.Берия, В.Н.Меркулов, Б.З.Кобулов, Л.Ф.Баштаков, П.К.Сопруненко и другие сотрудники НКВД СССР, НКВД УССР и НКВД БССР, которые на своем уровне принимали участие в подготовке и реализации решения, организовали непосредственное исполнение этой преступной акции; В.М.Бло-хин, С.Р.Мильштейн, Н.И.Синегубов и начальники УНКВД Смоленской, Харьковской и Калининской областей, их первые заместители, коменданты и сотрудники комендатур, шоферы и надзиратели, исполнявшие преступные распоряжения, тюремные надзиратели и другие лица, принимавшие участие в расстрелах польских военнопленных и заключенных-поляков следственных тюрем Западной Белоруссии и Западной Украины.

В соответствии с Конвенцией о неприменимости сроков давности к преступлениям против мира, военным преступлениям и преступлениям геноцида, виновные в уничтожении 14.522 польских военнопленных из Козельского, Старобельского и Осташковского лагерей НКВД СССР и 7.305 поляков, содержавшихся в тюрьмах и лагерях Западной Белоруссии и Западной Украины, указанные выше лица должны нести судебную ответственность согласно внутреннему законодательству, за противоправное превышение власти, то есть статья 171 УК РСФСР в ред. 1929 г., приведшее к умышленному убийству, то есть статья 102 УК РСФСР, в особо крупных размерах, которое должно рассматриваться как геноцид.

7. Все польские военнопленные, расстрелянные в УНКВД трех областей, как они записаны в списках, а также 7.305 поляков, расстрелянные без суда и вынесения приговора в тюрьмах Западной Белоруссии и Западной Украины, не совершили преступления, предусмотренного статьей 58, пунктом 13 УК РСФСР, или иного и подлежат полной реабилитации как невинные жертвы сталинских репрессий, со справедливым возмещением морального и материального ущерба.

С учетом всего комплекса обстоятельств массового расстрела около 22.000 польских военнопленных и заключенных весной 1940 г. необходимо дать как правовую, так и политическую оценку этому факту и ходатайствовать о вынесении соответствующего решения на уровне высших органов страны.

8. Проводившиеся ранее исследования на основе материалов эксгумации в Катынском лесу позволили установить наличие события преступления, но оставляли открытым вопрос об окончательном установлении его срока, виновников, причин, мотивов и обстоятельств.

9. Выводы экспертизы, приведенные в «Официальном материале по делу массового убийства в Катыни», можно признать достаточно обоснованными результатами проведенной эксгумации и судебно-медицинского исследования трупов. Выводы четко указывают на то, что давность событий расстрела установлена только на основании документов, изъятых из одежды трупов польских военнопленных, а судебно-медицинские данные не противоречат этой давности. По сути, такой же вывод делает и Техническая комиссия ПКК.

10. В настоящее время однозначно оценить, являются или нет научно обоснованными выводы комиссии Н.Н.Бурденко в своей судебно-медицинской части, нельзя, так как в материалах дела отсутствуют какие-либо документы, которые бы описывали исследовательскую часть работы судебных медиков в составе этой комиссии. Однако те данные, которые приведены в «Официальном материале...» и «Секретном докладе...», позволяют с большой долей достоверности утверждать, что у комиссии Н.Н.Бурденко не было никаких научных оснований для той точной датировки расстрела (сентябрь-декабрь 1941 г.), которую комиссия дала в своих материалах.

11. Все другие данные судебно-медицинского характера (о причине смерти, повреждениях и их происхождении) не расходятся по существу ни в одном из документов.

12. Достоверно установлено, что польские военнопленные из Старобельского и Осташковского лагерей были расстреляны весной 1940 г. и захоронены в 6-м квартале лесопарковой зоны г. Харькова и в Медном Тверской области.

13. Анализируя содержащиеся в материалах дела медицинские данные (результаты эксгумаций в Харькове и Медном и последующих исследований), можно лишь дополнить некоторые моменты, касающиеся расстрела польских военнопленных. Так, среди обнаруженных при эксгумации в Харькове и Медном черепов имеются свидетельствующие о том, что некоторые жертвы расстреливались несколькими (2-3-мя) выстрелами. При этом в отдельных случаях первый выстрел производился не в затылок, а в передне-боковые отделы черепа.

По судебно-медицинским данным эксгумаций в Харькове и Медном невозможно определить время наступления смерти погибших. Значительная давность событий и установленная в Медном значительная вариантность скорости протекания поздних трупных явлений не позволяют в настоящее время решить этот вопрос.

14. Сообщение Специальной комиссии под руководством Н.Н.Бурденко, выводы комиссии под руководством В.И.Прозоровского, проигнорировавшие результаты предыдущей эксгумации и являвшиеся орудием НКВД для манипулирования общественным мнением, в связи с необъективностью, фальсификацией вещественных доказательств и документов, а также свидетельских показаний, следует признать не соответствующими требованиям науки, постановления — не соответствующими истине и поэтому ложными.

Проведенный польскими экспертами анализ «Сообщения Специальной комиссии...» является полностью обоснованным с научно-исторической точки зрения и доказательно ставящим под сомнение состоятельность выводов Специальной комиссии под руководством Н.Н.Бурденко. Он оказался весьма полезным при критическом рассмотрении результатов ее работы на основе собранных в ходе следствия документов и свидетельских показаний.

15. Эксперты констатируют, что данное заключение комиссии и постановление Главного управления Генеральной прокуратуры по делу № 159 «О факте расстрела польских военнопленных» должны быть опубликованы, аналогично предшествующим экспертизам по Катынскому делу.

Эксперты:

Топорин,

Яковлев,

Яжборовская,

Парсаданова,

Зоря,

Беляев

(воспроизведены подписи)

Главная военная прокуратура.

Уголовное дело № 159. Т. 119. Л. 1-247. Подлинник.

Впервые опубликовано: Orz.ecz.enie komisji ekspertow//

Rosja a Katyn. W-wa, 1994;

Jazborowska I., Jablokow A., Zoria J. Katyn.

Zbrodnia chroniona tajemniczn panstwowa.

Глава 12. Разоблачение фальшивок капээсэсовских геббельсовцев

Основной метод «доказательств» геббельсовцев

564. Из предыдущих глав вы уже поняли, что польских военнопленных расстреляли немцы, поэтому искать доказательства того, что поляков расстрелял НКВД, — занятие изначально глупое с совершенно предсказуемым концом. Однако не исключено, что некоторые читатели, прочтя конец предыдущей главы, смутятся: уж очень бойко и уверенно геббельсовцы уверяют, что виноваты русские, уж очень обильно они ссылаются на разные документы, как на «неопровержимые доказательства». Так может быть действительно такие документы есть?

Если исключить пять «документов», сострепанных фирмой «Пихоя amp; К°» (о которых ниже, чтобы не лишать себя удовольствия), у геббельсовцев нет ни единого документа, ни единого надежного факта в подтверждение своей версии, что само собой разумеется. В жаргоне уголовников есть выражение «брать на понт», т.е. блефовать. Как и полагается уголовникам, геббельсовцы «берут на понт» своих читателей. Более внимательные из вас могли еще раньше и сами обратить на это внимание.

565. К примеру. Как я уже писал выше, геббельсовцы пытаются внушить своим лопоухим сторонникам, что в правительстве и НКВД СССР того времени все документы были чем-то вроде басен, написанных аллегориями.

Хотели, к примеру, дать команду «расстрелять», но давали команду «исполнить». А подчиненные уже сами догадывались, что нужно делать. И, главное, не ошибались. Вы видели выше, что академические геббельсовцы начали свои писания новой аллегорией: «Подготовка к „операции по разгрузке“ лагерей, как именовался во внутренней переписке органов НКВД предстоящий расстрел...» Как видите, по мнению геббельсовцев, аллегорией слову «расстрел» в НКВД было много, слово «разгрузка» это, оказывается тоже «расстрел». Но внимательный читатель должен был бы заметить, что прокурорские геббельсовцы, по обычаю игнорируя академических геббельсовцев, разъясняют читателям смысл слова «разгрузка» во «внутренней переписке». "Выискивая возможности для «разгрузки» переполненных лагерей, П. К. Сопруненко 20 февраля 1940 г. обратился к Л.П.Берии с предложением мер в отношении Старобельского и Козельского лагерей, охватывающих 1100-1200 человек (т. 13/49. Л.д. 44-45). Он выступил с инициативой «оформить дела для рассмотрения на Особом совещании при НКВД» на «около 400 человек» аналогичного с Осташковским лагерем контингента — пограничников, су-дейско-прокурорских работников, помещиков, офицеров информации и разведки и др. Тяжело больных, а также достигших 60-ти лет из числа офицеров он предлагал распустить по домам (около 300 человек), та же мера предлагалась в отношении офицеров запаса — жителей западных областей Белоруссии и Украины — 400-500 агрономов, врачей, инженеров, техников, учителей, на которых «не было компрометирующих материалов». Подготовку дел на особое совещание П. К. Сопруненко считал желательным провести в НКВД БССР и УССР, а «в случае невозможности сосредоточить всех перечисленных в Осташковском лагере, где и вести следствие».

То есть, на самом деле под словом «разгрузка» во «внутренней переписке органов НКВД» имелась в виду только разгрузка лагеря или тюрьмы от заключенных путем перевода их в более свободные лагеря или путем их освобождения. И никакого отношения к расстрелу это слово и близко не имело.

566. Геббельсовцы «берут на понт фраеров» чрезвычайно нагло. Вот, к примеру, документ геббельсовцев № 63. Это указание заместителя наркома внутренних дел Меркулова начальнику УНКВД по Калининской области Токареву от 27 апреля 1940 г.:

"Внесите следующие исправления в предписания от 20 апреля 1940 г.

1) Предписание №-037/1 § 90 в отношении Урбанского Яна Эдвардовича, 1906 г.р. — вместо дела №-5629 считать №-5692.

2) Предписание №-037/2 § 98 в отношении Замойского Францишека Павловича, 1899 г.р. — вместо дела №-118 считать №-838.

3) Предписание №-037/4 § 20 в отношении Маляж Станислава Юзефовича, 1901 г.р. — вместо дела №-3382 считать №-3282.

4) Предписание №-037/4 § 72 в отношении Мерника Юзефа Яновича, 1906 г.р. — вместо дела №-259 считать №-159.

5) Предписание №-038/3 § 80 в отношении Доляцинско-го Яна Францишковича, 1895 г.р. — вместо дела №-269 считать №-169.

6) Предписание №-038/4 § 30 в отношении Радецкого Людвиг Яновича, 1903 г.р. — вместо дела №-1903 считать №-2333" [1].

То есть, из Москвы были отправлены предписания на отправку в ГУЛАГ поляков, осужденных Особым совещанием, но машинистка, печатая списки, перепутала номера уголовных дел (сами эти списки геббельсовцы, уверен, в архивах уничтожили). И вот теперь заместитель министра отрывается от дел, чтобы дать указание исправить эти номера. А зачем, если по геббельсовцам эти поляки все расстреливались? Они что, в могилу бы не поместились, если у них в «списке на расстрел», к примеру, номер дела 5629, а не 5692? А сам факт того, что по такому ничтожному поводу велась переписка, свидетельствует, что поляков никто расстреливать не собирался. А теперь вспомните, как этот документ № 63 обыгрывают академические геббельсовцы:

«Аналогичные списки, но уже подписанные заместителем наркома внутренних дел В.Н. Меркуловым и адресованные начальникам УНКВД трех областей, до нас не дошли, однако об их существовании свидетельствует ряд документов. Эти списки, адресованные Е.И. Куприянову, П.Е. Сафонову и Д. С. Токареву, содержали предписание о расстреле. Списки заключенных тюрем, приговоренных „тройкой“ к расстрелу, направлялись наркомам внутренних дел УССР и БССР». Ну подумайте, как этот документ № 63 может свидетельствовать, что существовали какие-то списки приговоренных «тройкой» к расстрелу" [2].

567. А вот еще пара «неопровержимых доказательств» академических геббельсовцев: «В Киев и Минск свозились и заключенные — в недавнем прошлом граждане Польши, находившиеся в тюрьмах других регионов страны. Их также ждал расстрел». От этих строк перед глазами встают эшелоны бедных поляков, которых везут в Киев и Минск, а там расстреливают, расстреливают, расстреливают... Но давайте все же прочтем эти страшные свидетельства, изложенные, как утверждают геббельсовцы, в документах №№ 33, 83. Вот документ № 33:

"№ 001065, 8 апреля 1940 г..

Сов. секретно. Командиру 136-го батальона конвойных войск НКВД майору тов. Межову, г. Смоленск.

В дополнение в переданному распоряжению по телефону через старшего лейтенанта тов. Есипова комиссару батальона т. Снытко согласно распоряжениям зам. наркома внутренних дел БССР от 8 апреля с. г. немедленно отконвоируйте из тюрьмы гор. Полоцка в тюрьму гор. Минска особо опасного преступника Краковяка Ивана Францевича, 1906 г.р.

Отконвоирование произведите в тюремном вагоне планового конвоя маршрута № 71 Смоленск-Бологое-Калинин 9-13 апреля с.г., а затем по прибытии в Смоленск произвести пересадку в вагон планового маршрута № 60 и сдать в тюрьму гор. Минска.

Конвой назначьте в порядке приказа № 00389— 1939 г.

Исполнение донесите.

За начальника штаба бригады капитан Шуренков.

За начальника отделения службы ст. лейтенант Есипов" [2].

А вот документ № 83:

"Ns 25/4067, 19 мая 1940г.

Сов. секретно. Зам. начальника 1-го спецотдела НКВД СССР

Капитану госбезопасности тов. Герцовскому.

Военнопленный Пжемша Бронислав Шиманович фигурирует в предписании №03 3/2, порядковый № 46, — 19/II-1940 г. отправлен в Черниговскую тюрьму.

По сообщению УНКВД по Черниговской области следственное дело на Пжемша Б.Ш. за № 12060 сдано 20/II-1940 г. в следственную часть НКВД УССР.

Начальник Управления НКВД СССР

по делам о военнопленных

капитан госбезопасности Сопруненко" [3].

Ну и как из этих документов следует, что в Киев и Минск со всех тюрем свозились бывшие граждане Польши для расстрела? Кроме этого — понятное дело, что поляки на уроках географии изучают только «глобус Польши» и им без разницы, что Минск, что Калинин. Но наши-то академические придурки могли бы и знать, что Киев и Чернигов это разные города?

568. Как видите, бригада Геббельса своего читателя «берет на понт» наглейшим образом. Везде, где они пишут о «расстреле» поляков и «ссылаются на документы», в документах и намек нет на

расстрел. Более того, и что для геббельсовцев особенно неприятно: в тысячах документов 1940 г., связанных с поляками, нет ни малейшего намека на то, что в марте 1940 г. была создана какая-то «тройка», которая приговорила к расстрелу чуть ли не 26000 человек. Ну представьте, к примеру, что вы состряпали документ, что Сталин в 1941 г. назначил ксендза Пешковского заместителем Верховного Главнокомандующего Красной Армии. Фирма «Пихоя amp; К^o» подготовит текст, найдет бланк, поставит необходимые штампики и пометки, после чего «найдет» этот документ «в архиве ЦК КПСС». А специалисты КГБ нанесут на документ «подлинные» подписи Сталина и других членов Политбюро. ГВП найдет пяток «экспертов», которые за 100 долларов на всех засвидетельствуют под присягой на Библии, Коране, Талмуде и Программе КПСС одновременно, что этот документ «подлинный». Российские ТВ и пресса будут вопить о сенсационной находке. Все хорошо, одно плохо — если в сотнях тысяч документов той войны о Пешковском в качестве заместителя Сталина нет ни малейшего упоминания, то и придурку станет ясно, что этот «подлинный документ» — липа.

569. Такая вот ситуация получилась и с геббельсовцами. Они сфабриковали очень красивые «документы» о том, что поляков осудила к расстрелу некая «тройка», но в 1940 г. об этой «тройке» никто и слухом не слыхивал. И внимательный читатель мог заметить, как навязчиво академические геббельсовцы пытаются внушить мысль об еще одной аллегории НКВД: оказывается, и «тройку» в НКВД тоже называли не «тройкой», а «Комиссией». Именно так это слово по всему тексту пишут геббельсовцы — с большой буквы. Упоминают «Комиссию» часто, но ссылок на документы, в которых фигурирует эта «Комиссия», не дают. И только в конце осмеливаются на это: «Одновременно по мере изучения оперативных материалов, часть стоявших на контроле дел снималась с него и передавалась на рассмотрение Комиссии (см. №№ 44, 59)». Разумеется, что в документе № 59 нет и намека на слово «комиссия» [4], а в документе № 44 оно дано так: «Прошу снять с контрольного учета и представить на ближайшее заседание комиссии дела на...» [5] Но если учесть, что эта просьба исходит от заместителя начальника 1-го спецотдела НКВД СССР, в котором регистрировались поставленные на рассмотрение Особого совещания дела, то «комиссия» с маленькой буквы, это скорее всего 1-е отделение Секретариата Особого совещания, которое до представления дел на ОС: «Знакомится с содержанием материалов, проверяет соответствие обвинительного заключения этим материалам, составляет краткую справку по делу о подсудности его Особому совещанию и правильности оформления и представляет на заключение прокурору» [6].

До конца 1938 г., т.е. менее чем за полтора года до описываемых событий, при НКВД было два типа судебных органов: «комиссии», состоящие, согласно приказу Ежова № 00485 от 11.08.1937 г., из высших должностных лиц НКВД и Прокуратуры областей, республик и СССР [7], и «тройки», состав которых я уже давал выше. И в документах тех времен (в частности — в приговорах) эти два органа так и называются, к примеру: «Комиссией НКВД и Прокуратуры СССР от 30 апреля 1938 г. по обвинению в шпионаже и контрреволюционной националистической агитации назначена высшая мера наказания -расстрел; Тройкой при УНКВД СССР по МО от 2 сентября 1937 г. по обвинению в систематической контрреволюционной агитации назначена высшая мера наказания-расстрел» [8].

Так что и аллегорию «Комиссия — это тройка» геббельсовцы могут отправить вслед за остальными. Во внутренней переписке НКВД все называлось своими именами: расстрел — расстрелом, разгрузка — разгрузкой и совершенно исключено, чтобы любую «тройку» работники НКВД называли «Комиссией».

Таким образом, в документах из архивов СССР, которые собрали сами геббельсовцы и которые якобы «неопровержимо доказывают», что польских офицеров расстрелял НКВД, нет ни малейшего подтверждения этой версии.

И факт остается фактом — о пресловутой «тройке», которая, якобы, осудила поляков весной 1940 г. к расстрелу, не упоминается ни в едином документе, кроме фальшивок, состряпанных самими геббельсовцами. Но прежде чем заняться этими фальшивками, необходимо немного остановиться на том, как бригада Геббельса доказала, что поляков расстреляли немцы.

Первая победа геббельсовцев. Незасчитанная

570. Как я уже упоминал выше, по массе фактов видно, что во главе геббельсовцев стояло КГБ СССР. И скорее всего тамошние «аналитики» первыми осмотрели архивы и разработали план, как оклеветать СССР. Поскольку в архивах было полно документов, ясно свидетельствующих, что весной 1940 г. польские офицеры были осуждены судом Особого совещания при НКВД СССР, то оставалось

уничтожить ту часть документов, которая свидетельствовала о приговоре — о том, сколько лет лишения свободы каждый из офицеров получил. А после этого поди гадай — к трем годам его приговорило Особое совещание или к расстрелу. Схема фальсификации была очень проста и посему выглядела очень соблазнительно. Архивы «почистили» и в начале лета 1989 г. туда запустили геббельсовских «историков». Те, естественно, немедленно нашли документы, свидетельствующие об отправке дел поляков на рассмотрение Особым совещанием, и по страницам польской и советской прессы понеслось победное: «Хайль Геббельс!»

571. «Содержание перечисленных документов позволяет сделать вывод о возможности вынесения Особым совещанием при НКВД смертного приговора в отношении военнопленных...» [9] — спешил сообщить стахановец геббельсовского труда Ю. Зоря. «Итак, хранящиеся в фондах ЦГОА СССР и ЦГА СА архивные материалы доказывают, что дела польских офицеров и полицейских, находившихся в Козельском и Осташковском лагерях в декабре 1939 — марте 1940 года, готовились на рассмотрение Особым совещанием НКВД, в апреле-мае 1940 г. более 15 тысяч польских военнопленных — офицеров и полицейских — были вывезены из Козельского, Старобельского и Осташковского лагерей и переданы УНКВД Смоленской, Харьковской и Калининской областей. Таким был их последний маршрут, конечными пунктами которого стали Катынь, Медное и 6-й квартал лесопарковой зоны Харькова» [10] — пускала обильную слезу Н. Лебедева. Но ее перекрикивал Зоря, прорвавшийся на страницы «Военно-исторического журнала» и застолбивший там дялянку расстрела поляков по решению все того же Особого совещания при НКВД [11].

572. Вскоре к «историкам» подключились прокуроры ГВП, которые к документам об Особом совещании добавили и «свидетельские показания» о том, что поляки расстреляны по решению Особого совещания при НКВД. О главных «свидетелях» геббельсовцев, бывшем начальнике УПВИ П. Сопруненко и бывшем начальнике УНКВД по Калининской области Д. Токареве, и о их «показаниях» я достаточно написал в «Катынском детективе» и не видел смысла повторяться. Но читатель и мой оппонент внутри бригады Сталина Э.Г. Репин меня упрекнул: «Конечно, в „Катынском детективе“ есть мелкие частные погрешности, но они практически невидимы для читателя. Раздосадовало, что Вы, обладая вполне достаточным сарказмом, не смогли или не захотели более ярко показать прокурорский дебилизм Анисимова и Третьякова при допросе Токарева. Ведь Токарев с богатым чувством юмора буквально издевался над ними. В книге же этот эпизод получился бледным, проходным» [12]. Видите ли, Эдуард Георгиевич, я не писатель и не умею писать ярко, я просто стараюсь донести до читателя определенную мысль, а уж как этот текст получится, то так и получится.

На момент написания «Катынского детектива» я не был знаком с видеозаписью показаний Токарева и пользовался пересказом этой записи. А недавно мне принесли уже разобранный мною фильм «Память и боль Катыни», и я посмотрел на Токарева «вживую». Как я и предполагал в «детективе», Токарев не показания дает, а играет главную роль в короткометражном художественном фильме «Токарев и придурки из Генпрокуратуры». Что интересно — Токарев так переигрывал, что это видели и прокуроры, но они оказались не способны понять, что это значит: «Явная подготовленность к допросу, четкость и артистизм изложения показаний Токаревым в 1991 г. также подтверждают, что он стремился высказаться так, чтобы оправдаться в своих глазах и снять с себя ответственность за тягчайшее преступление или снизить степень своей вины, переложив ее на своих руководителей и подчиненных» [13] — радуется Яблоков. Ну титан мысли! А разве хоть что-то из «показаний» Токарева подтвердилось?

573. Сергей Стрыгин пишет: «Бывший начальник УНКВД по Калининской области Д. С. Токарев на допросе 20 марта 1991 г. 4 (четыре) раза настойчиво повторил, что на спецкладбище для расстрелянных рядом с селом Медное погребались только польские военнопленные в количестве 6295 чел. (плюс 1 советский гражданин — расстрелянный бандит, итого 6296 захороненных трупов). По утверждению Д. С. Токарева, прочих расстрелянных в Калинин органами НКВД советских граждан хоронили на другом кладбище. (Katyn. Dokumenty zbrodni. Tot 2. Warszawa, стр. 462, 471)». Но если вы помните, то в том месте, которое указал Токарев, прокуроры с поляками докопались чуть ли не до центра Земли, но нашли всего лишь с сотню черепов, из которых едва пару десятков с огнестрельными ранениями.

Еще момент. УПВИ осужденных Особым совещанием поляков адресовал «в распоряжение УНКВД», а УНКВД объявляло полякам решение Особого совещания и переадресовывало их в лагеря ГУЛАГа. Однако в любом случае слова «в распоряжение УНКВД» могли означать и лагерь, и областную тюрьму, и какую-нибудь стройку в ведении этого УНКВД. Но Токарев, увидев это «в распоряжение УНКВД по Калининской области», стал утверждать, что поляков (партиями от 200 до 350

человек) привозили именно в УНКВД, т.е. в административное здание, и тут же во «внутренней тюрьме» и расстреливали. Прокурорские придурки приобщили эти «показания» к делу, видеозапись этого идиотизма занимает центральное место в фильме. Токарев описывает такую «технологию» расстрела. Военнопленных завозили в здание УНКВД, в камеры «внутренней тюрьмы», одну из которых оборудовали в комнату расстрелов, для чего дверь в ней оббили кошмой, чтобы не было слышно выстрелов. Затем поляков по одному выводили в «красный уголок», в котором сверяли установочные данные, а затем вели в «камеру расстрелов».

Теперь прокурорам полагалось провести следственный эксперимент, т.е. пройти весь путь военнопленного поляка в здании УНКВД. И видеокамера в этом фильме попробовала нам это показать. И тут выяснилось, что войти во «внутреннюю тюрьму» можно только через центральный вход из вестибюля (через него выносили трупы?). Далее камера повела нас под арку вниз и налево, за дверью началась «внутренняя тюрьма». И картинка тут же исчезла, потому, что «внутренняя тюрьма» представляла собой коридор примерно 8х2,5 м, в одном торце которого была входная дверь, а в другом — окно на улицу. Справа в стене коридора две узкие закрытые двери в какие-то помещения, а что слева — прокуроры постеснялись показать. То есть, надо думать, что и там в лучшем случае две двери, а не окно на улицу. Если одна дверь вела в «комнату смерти», а другая в красный уголок, то где же размещались по 300 мужиков с вещами сразу? Ведь если и слева были две комнаты, то их общая площадь вряд ли могла быть более 40 м². Простите, но даже в вагоне метро в часы пик людей на квадратном метре столько не вмещается. А ведь Токареву ничего не мешало сказать, что поляков завозили в тюрьму Калинина и там расстреливали. Но не сказал! В конце жизни 89-летний генерал-майор КГБ Д.С. Токарев сунул свой жилистый и в рот прокурорам, и Крючкову, от которого, надо думать, и исходили уговоры этим ветеранам «рассказать то, что требуют политические интересы».

574. И конечно, Токарев подтвердил прокурорским геббельсовцам, что поляков расстреляли по решению Особого совещания при НКВД [14]. Результатом работы всех этих анисимовых, третецких и зорей явился апофеоз маразма государственной власти в СССР — письмо Генерального прокурора СССР Н.С.Трубина Президенту СССР М.С.Горбачеву N 1-5-63-91 от 17.05.91 г. Трубин, опираясь на «показания» свидетелей Сопруненко и Токарева, пишет: «Собранные материалы позволяют сделать предварительный вывод о том, что польские военнопленные могли быть расстреляны на основании решения Особого совещания при НКВД...» Итак, работа бригады Геббельса завершилась признанием на самом высоком уровне, что пленные расстреляны по решению Особого совещания. Остались так, какие-то формальные мелочи для подтверждения этого вывода, и Трубин далее пишет: «В связи с этим прошу Вашего поручения общему отделу ЦК КПСС проверить наличие архивных материалов (возможно, совместных решений ЦК ВКП(б) и СНК СССР) по у казанному вопросу и копии их передать в Прокуратуру СССР» [15].

575. Возможно, именно в это время геббельсовцам пришла в голову мысль обнародовать Положение об этом страшном органе сталинской расправы — Особом совещании, — а заодно и самим почитать, что в этом Положении написано. Нашли. Прочли:

ПОЛОЖЕНИЕ

Об Особом совещании при народном комиссариате внутренних дел

"1. Предоставить Наркомвнутделу в отношении лиц, признаваемых общественно опасными, ссылать на срок до 5 лет под гласный надзор в местности, список которых устанавливается НКВД; высылать на срок до 5 лет под гласный надзор с запрещением проживания в столицах, крупных городах и промышленных центрах СССР; заключать в исправительно-трудовые лагеря и в изоляционные помещения при лагерях на срок до 5 лет, а также высылать за пределы СССР иностранных подданных, являющихся общественно опасными.

2. Предоставить Наркомвнутделу право в отношении лиц, подозреваемых в шпионаже, вредительстве, диверсиях и террористической деятельности, заключать в тюрьму на срок от 5 до 8 лет.

3. Для осуществления указанного в п.п. 1 и 2 при народном комиссаре внутренних дел под его председательством действует Особое совещание в составе:

- а) заместителя народного комиссара внутренних дел;
- б) уполномоченного НКВД по РСФСР;
- в) начальника Главного управления Рабоче-крестьянской милиции;
- г) народного комиссара союзной республики, на территории которой возникло действие.

4. В заседаниях Особого совещания обязательно участвует прокурор или его заместитель, который в случае несогласия как с самим решением, так и с направлением дела на рассмотрение Особого совещания, имеет право протеста в Президиум ЦИК Союза ССР.

В этих случаях решение Особого совещания приостанавливается впредь до постановления по данному вопросу Президиума ЦИК СССР.

5. Постановление Особого совещания о ссылке и заключении в исправительно-трудовой лагерь или тюрьму каждого отдельного лица должно сопровождаться указанием причины применения этих мер, района ссылки и срока" [16].

576. Вы, наверное, перечитываете этот текст, пытаясь найти в нем что-нибудь про расстрел? Не надо, не ищите, в 1940 г. Особому совещанию НКВД не разрешалось приговаривать людей к расстрелу. Эту обязанность государственный комитет обороны возложил на Особое совещание при НКВД только в ноябре 1941 г. Вот и оцените этих «аналитиков» КГБ, прокуроров и академических геббельсовцев. Два года вопили, что поляки расстреляны по решению Особого совещания, и лень было этим козлам заглянуть в Положение о нем. Недаром Катусев пытался найти для этого дела умных прокуроров...

Особое совещание при НКВД СССР было законным, но вспомогательным органом судебной карательной системы (в те годы карательными органами называли не НКВД, а только суды). Свою историю в России особые совещания ведут с конца XIX века, когда при МВД Российской империи было впервые создано Особое совещание для борьбы, в основном, с революционерами, которых невозможно было представить суду ввиду отсутствия доказательств их вины. Полиция через агентуру прекрасно знала, что это враг империи, но этот враг был ушлый и никаких улик полиции не оставлял. Тогда Особое совещание под председательством министра внутренних дел принимало решение отправить такого врага империи в ссылку. К примеру, Сталина ни разу не судил суд, восемь раз его сослали на Север и в Сибирь по решению Особого совещания, которому прекрасно было известно, кто такой Сталин. И согласитесь, что Сталин ведь действительно был врагом империи и с позиции тогдашней России его было за что не только сослать, но и казнить. То есть, Особое совещание, назначая Сталину сроки, не ошибалось. Поэтому полезность Особого совещания большевикам была ясна как никому другому и Особое совещание было учреждено ими практически сразу же после революции.

Отличием от обычных судов было то, что не было никаких особых совещаний при областях и республиках, оно было одно и его председателем всегда был министр (нарком) внутренних дел. Особое совещание всегда контролировал Генеральный прокурор (Прокурор СССР), и если он считал решение Особого совещания незаконным, то жаловался законодателю СССР — Президиуму (ЦИК) Верховного Совета СССР.

При рассмотрении дел Особым совещанием подсудимый не вызывался, и это аналогично рассмотрению дел Верховным Судом, который тоже рассматривает дела в порядке кассации без подсудимого, только по материалам его дела. Но если Верховный Суд имел право оставлять в силе любые приговоры, то Особому совещанию при НКВД, как вы видели, разрешалось назначать наказания не более 8 лет лишения свободы.

Если Особое совещание и прокурор видели, что преступник, дело которого поступило к ним на рассмотрение, требует более сурового наказания, то они возвращали его дело следствию для сбора доказательств и передачи дела в суд, который дело рассматривал в подробностях и если считал законным, то выносил более суровый приговор.

Итак, к концу 1991 г. бригада Геббельса блистательно доказала, что поляков НКВД не расстреливал и, соответственно, доказала, что их расстреляли немцы. Если бы среди этой прокурорской и «научной» сволочи были хоть мало-мальски порядочные люди, то следствие в том году и было бы закончено. И то, что оно продолжается до сих пор, является неопровержимым доказательством, что следствия, в точном смысле этого слова, нет, что Генпрокуратура дерзко и безнаказанно фальсифицирует это дело.

Но теперь фальсификаторам весь собранный в архивах материал оказался ни к чему и даже вреден, теперь им потребовались откровенные, сверхподлые фальшивки. И их начали изготавливать.

Специалисты по подделкам

577. В бригаде Геббельса маститым специалистом по подлогам документов, является член-корреспондент нынешней Российской, так сказать, Академии Наук В. П. Козлов. Он до того маститый, что уже написал упомянутую выше монографию по подлогам и читает по этому поводу лекции в каком-то гуманитарном университете. Его научные открытия, представленные в монографии, относятся к классу «ежу понятно», но облечены наукообразными словами в трудночитаемую форму. Однако выводы Козлова прочесть все же надо, хотя бы главный: «Можно сказать, что подлог всегда

„фонит“ нестыковкой своего содержания с действительными фактами прошлого, известными из подлинных источников, спорными внешними признаками, неопределенностью камуфляжа, неоднозначной общественной реакцией после легализации. Наличие такого „фона“ является одним из признаков подлога. Собственно говоря, в ряде случаев именно этот „фон“ является основным доказательством подлога, поскольку нам не известно ни одного случая самопризнания автора фальсификации в совершенном подлоге, а примеры обнаружения авторизированных подготовительных материалов фальсификаций редки». [17],

578. Итак, Козлов правильно утверждает, что содержание фальшивки не стыкуется с «действительными фактами прошлого», но мне интересно, насколько сам «историк» Козлов способен выявить такую нестыковку. В своей книге он дает конкретный пример разоблачения фальшивки о том, что СССР, якобы, топил в Балтике отравляющие вещества. Козлов об этой фальшивке пишет:

«Оригинал» «Справки к записке» Л.Н.Зайкова о захоронении химического оружия и ее публикации в газете «Час пик».

"Сов. секретно рп-12/66

Справка к записке тов. Зайкова Л. Н.

С... г.* в акватории Балтийского моря силами частей и подразделений КБФ затоплено 356 872 тонны химических боеприпасов и контейнеров с химическими веществами. В том числе:

- 408 565 снарядов калибром 75. и 150мм, снаряженных ипритом,
- 71 459 авиабомб весом 250 кг, снаряженных ипритом,
- 17 513 авиабомб, снаряженных адамситом и арсенилом,
- 1564 контейнера весом в 1500 кг, загруженных ипритом,
- 10 420 химических мин калибром 100 мм,
- 7295 бочек с химическими гранатами,
- 7800 бочек с газом «Циклон»,
- 189 000 кг цианистой соли.

Затопление боеприпасов производилось на глубине от 100 до 150 метров в двух основных точках -70 км от базы ВМФ в Лиепае, а также в районе о-ва Борнхольм. Точные координаты точек затопления нанесены на навигационные карты ВМФ, утвержденные к пользованию приказом Главкома ВМФ от 12.07.1985 г. Учитывая прогноз специалистов Главного управления кораблевождения и вооружения ВМФ, НПО-4 «Тайфун» Госкомгидромета СССР, составленной штабом КБФ карте затоплений химоружия и анализ образцов, поднятых в 1983-1984 гг., считаю целесообразным провести дополнительные захоронения устаревших химбоеприпасов выпуска 1954-1962 гг. в точках старых затоплений в течение 1989-1990 гг. Общий вес боеприпасов, подлежащих утилизации, -112 523 тонны. Захоронение предполагается осуществить силами кораблей Калининградской и Лиепайской баз ВМФ. Также считаю целесообразным поручить командованию войск химической защиты провести проверку состояния боеприпасов, контейнеров и хранилищ боевых отравляющих веществ, находящихся на вооружении частей и подразделений войск химической защиты и Гражданской обороны. Ответственным назначить тов. Кунцевича А. Д. Подготовить корабли и суда сопровождения Калининградской базы ВМФ для проверки режима плавания и судоходства в районах захоронения химических боеприпасов.

Подготовить справку-план захоронения химических веществ и боеприпасов в акватории Балтийского моря для доклада на Центральном Комитете Коммунистической партии Советского Союза не позднее 14.11.1989 г.

Заведующий организационным отделом

ЦК КПСС В. Майданников

Зам. заведующего отделом оборонной работы ЦК КПСС

И. Письменник

19 октября 1989 г.

3 экз.

Исп. Архипова Д.С."

...Публикация повлекла за собой возбуждение уголовного дела, а ксерокопия «Справки» в официальном порядке была направлена в Росархив на экспертизу. Экспертизу проводили опытные сотрудники бывшего архива Общего отдела ЦК КПСС, много лет имевшие дело с документами, создававшимися в ЦК КПСС, и хорошо знакомые с порядком ведения делопроизводства. Уже 23 февраля 1993 г. ими был подготовлен акт делопроизводственной экспертизы «Справки», безупречно доказавшей ее фальсифицированный характер. Согласно акту, фальсификатор допустил, по меньшей

мере, семь ошибок, изготавливая подлог. Во-первых, в соответствии с содержанием документ должен был иметь высший гриф секретности — «Особая папка», а не «Совершенно секретно». Во-вторых, в делопроизводстве ЦК КПСС никогда не применялся делопроизводственный номер, подобный имеющемуся в «Справке». В-третьих, формула «Справка к записке» никогда в делопроизводстве аппарата ЦК КПСС не использовалась. В-четвертых, оказались недостоверными обозначения должностей и подписи. В 1989 г. в ЦК КПСС не было «организационного» отдела и «отдела оборонной работы», а имелись соответственно Отдел партийного строительства и кадровой работы ЦК КПСС и Оборонный отдел ЦК КПСС. В названных отделах и вообще в аппарате ЦК КПСС в 1989 г. ни Майданников, ни Письменник не работали. В-пятых, содержание опубликованного документа не соответствовало данному ему заголовку, поскольку в таком случае с ним должны были ознакомиться секретари ЦК КПСС, а значит, должен был, согласно правилам ЦК КПСС, стоять адресат — «ЦК КПСС». В-шестых, фальсифицируя документ, автор (или авторы) оказался невнимательным: в тексте дважды проскочило «считаю нецелесообразным», тогда как под документом имеются подписи руководителей двух отделов. В-седьмых, одна из фраз документа: «Подготовить справку-план... для доклада на Центральном Комитете Коммунистической партии Советского Союза...» совершенно не соответствовала ни делопроизводственной практике ЦК КПСС, ни устоявшимся в ней формулам: «справки-плана» как вида документа просто не существовало, так же как и раскрытой аббревиатуры ЦК КПСС" [18]. И по поводу разоблачения этой фальсификации — все.

579. То есть, вся эта «научная» экспертиза — это экспертиза делопроизводителей. А где же экспертиза историка, ведь Козлов числится таковым в ранге член-корра? Где анализ «противоречий содержания с действительными фактами прошлого»? Ведь то, что данная «Справка» является фальшивкой, прямо режет глаза не «раскрытой аббревиатурой ЦК КПСС», а совершенно идиотским содержанием, никак не соответствующим «действительным фактам». К примеру.

Ни одна из воюющих стран в обеих мировых войнах XX века не имела минометов калибра 100 мм, следовательно, в природе не могло быть и химических мин такого калибра.

«Грузите апельсины бочками» — давал телеграмму Остап Бендер и этим, видимо, надумил фальсификатора на «7295 бочек с химическими гранатами».

Газа «Циклон» не было никогда. В газовых камерах немецких концентрационных лагерей использовался инсектицид (средство для борьбы с насекомыми) «Циклон». Отравляющим веществом «Циклона» являются пары синильной (цианисто-водородной) кислоты. Для того, чтобы сделать «Циклон» безопасным для людей, синильной кислотой пропитывался мел и из него изготавливались гранулы, они и назывались «Циклоном». Использовался этот инсектицид в газовых камерах лагерей для протравливания одежды заключенных с целью уничтожения вшей и в сельском хозяйстве для борьбы с вредителями теплиц и оранжерей.

Цианистые соли являются ценнейшим сырьем промышленности. С их помощью цианируют стальные детали машин, при этом поверхность их становится твердой, а сердцевина — вязкой. Вторая область массового применения цианидов — добыча золота и серебра из руд. Мысль о затоплении цианистой соли могла прийти в голову только малограмотному кретину, тем более, что в качестве боевых отравляющих веществ их невозможно применить.

То есть, эту фальшивку готовил придурок со знанием истории в пределах фильма «Обыкновенный фашизм» и детективных романов низкого пошиба. И если член-корр Козлов не видит этого, то это значит, что и он такой же «историк». И «историки» именно его класса готовили тексты фальшивок по Катынскому делу после того, как геббельсовцы провалились с Особым совещанием.

Надо ли удивляться той глупости, с которой эти фальшивки состряпаны?

Изделия фирмы «Пихоя amp; К°»

580. Итак, после того, как капэээсовская часть бригады Геббельса даже с помощью тенденциозного отбора документов из архивов СССР сумела доказать только то, что польских офицеров расстреляли немцы, геббельсовцам осталось одно — самим изготовить нужные документы. И лучшие умы бригады Геббельса за это взялись. Эти лучшие умы стараются, чтобы об этом их подвиге никто не узнал, но так как фальшивки появились «из архива ЦК КПСС», то Пихоя и Козлов к этому преступлению явно причастны.

Сначала о том, откуда эти документы взялись согласно легенде геббельсовцев. Они утверждают, что «найденные» ими документы хранились в сверхсекретном пакете № 1, который передавался от генсека к генсеку. Но поскольку последний генсек — Горбачев — был не только жив, но и выброшен на помойку, то он со своей помойки не всегда спешил подтверждать версии своих удачливых конкурентов. Защитник на процессе по «делу КПСС», один из первых незаинтересованных людей, кто увидел эти

фальшивки, доктор юридических наук Ф.М. Рудинский пишет: «...заявление, что секретный пакет переходил от генсека к генсеку, точно не подтверждено. На этих документах имеются только подписи Сталина и Андропова (причем их не подвергали экспертизе). Самое главное: документов, удостоверяющих даты получения их Горбачевым и передачи Ельцину, нет. (Есть только интервью руководителя аппарата Президента СССР В. Болдина, который подтвердил, что Горбачев знал о них). Если следовать версии наших оппонентов, то Горбачев знал об этих документах с 1985 г. Он же сам заявлял в печати, что узнал о них только в 1991 г. Следовало бы также выяснить, почему Президент Б.Н. Ельцин скрывал их с декабря 1991 г. до октября 1992 г.» [19].

Позиция «отца демократии» Горбачева, который не спешил брехать в унисон со своими победителями, привела к тому, что геббельсовцы вынуждены были придумать другую версию появления этих фальшивок на свет: "В июле 1992 г. в Архиве Президента РФ тогдашний руководитель президентской администрации Ю.В. Петров, советник Президента Д. А. Волкогонов, главный архивист Р. Г. Пихоя и директор архива А. В. Короткое просматривали его совершенно секретные материалы. 24 сентября они вскрыли «особый пакет № I». Как рассказал Короткое, «документы оказались настолько серьезными, что их доложили Борису Николаевичу Ельцину. Реакция Президента была быстрой: он немедленно распорядился, чтобы Рудольф Пихоя как главный государственный архивист России вылетел в Варшаву и передал эти потрясающие документы президенту Валенсе. Затем мы передали копии в Конституционный суд, Генеральную прокуратуру и общественности» [20]. Как видите, по одной версии и признанию Горбачева, он знал об этих «документах» еще в 1991 г. и передал их Ельцину, однако этот алкаш уверяет, что впервые увидел их в сентябре 1992 г.

581. Но и в этом случае геббельсовцы не решились их обнаружить, а сначала показали «своим» — членам Конституционного суда, который как раз рассматривал «дело КПСС». И благодаря защитнику КПСС на этом процессе Ф.М. Рудинскому мы можем узнать не только о первоначальном виде этих фальшивок, но и о первоначальном их количестве. «К ходатайству в КС, подписанному С.М. Шахраем и А.М. Макаровым, было приложено 22 копии документов (именно копии, а не подлинники) на 60 страницах» [21] — пишет Рудинский. Поясню то, что подчеркнул Рудинский, — давать в суд копии равносильно оскорблению суда. Конституционный суд это сглотнул, но дело в том, что подлинников сострепанных геббельсовцами фальшивок не видел никто, даже Генеральная прокуратура, которая по закону имеет право изымать и приобщать к делу любые документы. Когда бывший председатель КГБ Шелепин, которого прокуроры склоняли подтвердить подлинность фальшивок, потребовал показать ему подлинник одной из фальшивок — якобы его письма, — то ГВП попробовала его получить. Но тогдашний директор Архива Президента РФ Коротков нагло заявил, «что подлинники документов ни при каких условиях выдаче из архива Кремля не подлежат» [21].

582. Между прочим, Шелепин, требуя подлинник, хотел сделать экспертизу «своего» письма. Ведь автор письма — это самый первый эксперт его подлинности. Но ему, как видите, подлинник не дали. И в этом плане хочу еще раз упомянуть о подлости Главной военной прокуратуры. Полемизуя с моей статьей в газете «Завтра», газета «Известия» опубликовала статью Н. Ермоловича «Сталина и его сподвижников могут впервые признать виновными в уголовном преступлении». Ермолович оспаривает мои утверждения, что катынские «документы» являются фальшивкой, и в разделе статьи с подзаголовком «Прокуратура ручается за достоверность» пишет: «Но, может быть, это ложные документы, фальсифицированные? Нет, отвечает генерал-майор юстиции Николай Леонидович Анисимов, начальник Управления надзора за исполнением законов о федеральной безопасности Главной военной прокуратуры. Полученные из архива ЦК КПСС документы, как, впрочем, и все остальные привлекаемые по катынскому делу, в обязательном порядке подвергаются самой тщательной экспертизе. Она установила, что они, вне всякого сомнения, подлинны».

Заметьте, как подло врет Анисимов — ГВП не то, что экспертам, она подлинник «письма Шелепина» даже Шелепину не смогла показать, а Анисимов нагло брешет о «тщательной экспертизе».

583. Из представленных Шахраем в Конституционный суд документов (вот уж насколько точно Бог наградил этот организм фамилией: «Шахрай» — по-украински «мошенник») большая часть была подлинной и, между прочим, из секретной переписки членов Политбюро ЦК КПСС от Брежнева до Андропова следует, что они безусловно считали, что поляков расстреляли немцы, т.е. из этих документов видно, что СССР в Катынском деле абсолютно нечего было скрывать. Но нам интересны не эти документы, а представленные Шахраем фальшивки. Рудинский точно назвал их количество и подробно описал, что это были за изделия:

1. «В пакете была совершенно секретная, на бланке НКВД, докладная записка Берии, адресованная „ЦК ВКП(б) -товарищу Сталину“ от 5 марта 1940 г. № 794/Б» [23].

2. «Следующий документ: выписка на 2 страницах из протоколов Политбюро, где за № 144 от 5.IV. 1940 г. значится: „Вопрос НКВД“, а затем полностью воспроизводится заключительная часть докладной записки Берии: от слов „Предложить НКВД“ вплоть до „состава тройки в лице Меркулова, Кобулова и Баштакова“. В конце приписка: „Выписка послана: тов. Берия“. На первой странице сбоку от руки черными чернилами написано: „ОП“ 4. III. 1970 в закрытый пакет. Согласовано с т. Черненко К.У.». Подпись неразборчива»; [24]

3. "Еще один документ (в двух экземплярах) на гербовой бумаге с надписью: «Строго секретно. Подлежит возврату в течение 24 часов во 2 часть особого сектора ЦК (пост. ПБ ЦК от 5.V.27 г. № 100 п. 5)». «Всесоюзная коммунистическая партия (большевиков) Центральный комитет». Затем на машинке — «тов. Шелепину» слева «1959 г.». Опять воспроизводится решение от 5.III.1940 г. Внизу подпись: «Секретарь ЦК И. Сталин», причем видно, что слова «И. Сталин» напечатаны другим шрифтом. Печать с надписью «ЦК. Коммунистическая партия Советского Союза» [25].

4. «Затем идет 2 экземпляр этой выписки из протокола, но без подписи Сталина. Нет слов „тов. Шелепину“, нет печати»; [26]

5. "И последний документ из сверхсекретного пакета: написанная от руки записка КГБ при СМ СССР на имя Н. С. Хрущева о материалах на польских военнопленных, подписанная А. Шелепиным 3 марта 1959 г. с приложением проекта постановления ЦК КПСС. На первой странице сверху штамп «Подлежит возврату 0680 9 марта 1965 в ЦК КПСС — общий отдел» [27].

584. И хотя члены Конституционного суда готовы раболепно служить любой власти, но эти фальшивки были изготовлены так гнусно и тупо, что даже КС вынужден был хоть и неявно, но откеститься от них. Этот провал геббельсовцев при первом же показе своих изделий привел к тому, что на сегодня:

- фальшивка № 1 геббельсовцами заново переделана;
- фальшивка № 2 так и не появилась в обращении и о ней молчат;
- фальшивка № 3 так и не появилась в обращении и о ней молчат;
- фальшивки № 4 и № 5 вместе с переделанной фальшивкой № 1 впервые были показаны публике только через три года — в 1995 году.

Таким образом, из всего комплекта фальшивок сегодня возможно рассмотреть только новую версию фальшивки № 1 и фальшивки № 4 и № 5.

Фальшивка № 1. Письмо Берии Сталину.

Новая версия

585. На сегодня эта фальшивка выглядит так. На бланке НКВД «Сов. секретно» написано:

"... марта 1940, № 794/6

ЦК ВКП(б)

Товарищу СТАЛИНУ

"В лагерях для военнопленных НКВД СССР и в тюрьмах западных областей Украины и Белоруссии в настоящее время содержится большое количество бывших офицеров польской армии, бывших работников польской полиции и разведывательных органов, членов польских националистических к-р партий, участников вскрытых к-р повстанческих организаций, перебежчиков и др. Они являются заклятыми— врагами советской власти, преисполненными ненависти к советскому строю.

Военнопленные офицеры и полицейские, находясь в лагерях, пытаются продолжать к-р работу, ведут антисоветскую агитацию. Каждый из них только и ждет освобождения, чтобы иметь возможность активно включиться в борьбу против советской власти.

Органами НКВД в западных областях Украины и Белоруссии вскрыт ряд к-р повстанческих организаций. Во всех этих к-р организациях активную руководящую роль играли бывшие офицеры бывшей польской армии, бывшие полицейские и жандармы.

Среди задержанных перебежчиков и нарушителей госграницы также выявлено значительное количество лиц, которые являются участниками к-р шпионских и повстанческих организаций.

В лагерях для военнопленных содержится всего (не считая солдат и унтер-офицерского состава) -14.736 бывших офицеров, осадников и разведчиков — по национальности свыше 97 проц. поляки.

Из них:

Генералов, полковников и подполковников — 295

Майоров и капитанов — 2.080

Поручиков, подпоручиков и хорунжих — 6.049

Офицеров и младших командиров полиции, пограничной охраны и жандармерии — 1.030

Рядовых полицейских, жандармов, тюремщиков и разведчиков — 5.138

Чиновников, помещиков, ксендзов и осадников — 144

В тюрьмах западных областей Украины и Белоруссии всего содержится 18.632 арестованных (из них 10.685 поляки), в том числе:

Бывших полицейских разведчиков и жандармов -5.141

Бывших офицеров -1.207

Шпионов и диверсантов — 347

Бывших помещиков, фабрикантов и чиновников — 465

Членов различных к-р и повстанческих организаций и разного к-р элемента — 5.345

Перебежчиков — 6.127.

Исходя из того, что все они являются закоренелыми, неисправимыми врагами советской власти, НКВД СССР считает необходимым:

I. Предложить НКВД СССР:

1) Дела о находящихся в лагерях для военнопленных 14.700 человек бывших польских офицеров, чиновников, помещиков, полицейских, жандармов, осадников и тюремщиков,

2) а также дела об арестованных и находящихся в тюрьмах западных областей Украины и Белоруссии в количестве 11.000 человек членов различных к-р шпионских и диверсионных организаций, бывших помещиков, фабрикантов, бывших польских офицеров, чиновников и перебежчиков

— рассмотреть в особом порядке, с применением к ним высшей меры наказания -расстрела.

II. Рассмотрение дел провести без вызова арестованных и без предъявления обвинения, постановления об окончании следствия и обвинительного заключения — в следующем порядке:

а) на лиц, находящихся в лагерях военнопленных — по справкам, представляемым Управлением по делам военнопленных НКВД СССР,

б) на лиц, арестованных — по справкам из дел, представляемым НКВД УССР и НКВД БССР.

III. Рассмотрение дел и вынесение решения возложить на тройку т.т. БЕРИЯ, МЕРКУЛОВА, БАШТАКОВА (начальник 1-го Спецотдела НКВД СССР).

Народный Комиссар Внутренних Дел Союза ССР (подпись Берии) [28].

586. Начнем с делопроизводственных признаков подделки этого «документа», тем более, что первые два из них настолько вопиющи, что, честно говоря, если бы мне поручили изготовить эту фальшивку так, чтобы подделка сразу же бросилась в глаза, то я не догадался бы внести эти признаки.

Первый признак воистину уникален. На развороте стр. 684-685 даны фотокопии четырех писем Сталину с его и других членов Политбюро резолюциями и росписями на первых листах: три письма подлинных и одно — подделка. Не пытайтесь читать эти документы, не надо в них всматриваться, можете даже отодвинуть книгу от себя так, чтобы были видны все четыре фотокопии сразу. Скажите — какой из этих документов подделка? Думаю, что многие сразу дадут правильный ответ — второй. А тот, кто не понял, почему второй, пусть не огорчается — просто он такой же наивный, как и я в молодости.

В книге приводятся соответствующие фотокопии.

587. Когда я из цеха перешел работать инженером-исследователем, то мне от моих начальников стали поступать для исполнения документы с их резолюциями. В то время меня сильно коробило, что директор, главный инженер и другие начальники свои указания и росписи исполняют на документе криво. По наивности мне казалось, что они выначиваются — не уважают подчиненных и хотят показать себя крутыми. Прошло время, и я, раньше чем ожидал, начал повышаться в должности и у меня самого появились подчиненные, которым я на документах давал свои указания в дополнение к указаниям моих начальников. Вот тут я, в пику последним, свои резолюции своим подчиненным начал писать ровненько. Но вся эта идиллия длилась до тех пор, пока я своих резолюций писал 1-2 в день, — пока у меня было время прочесть документ, обдумать его, принять решение, запомнить его, а затем развернуть документ параллельно правой руке и ровненько написать. Поскольку для того, чтобы писать ровно, нужно лист бумаги разворачивать более чем на 60° по отношению к перпендикуляру, идущему от груди. А для того, чтобы было удобно читать, документ должен лежать вдоль этого перпендикуляра. Шло время, я рос в должности и вместе с этим ростом увеличивалось количество бумаг, на которых я должен был ставить резолюции, и вот тут-то я понял, что занимаюсь дурацкой работой по верчению бумаги на столе, кроме того, я научился схватывать суть документа (понимать, кому его адресовать и

что поручить) с первого взгляда. Я понял, что единственно разумный путь -это держать документы прямо перед собой, чтобы их текст был удобочитаем, а писать так, как удобно правой руке. Но в этом случае твой текст и роспись на документе будут воспроизводиться косо и обязательно снизу вверх и слева направо.

И все начальники-правши всегда пишут и расписываются на документах только так! (Как пишут резолюции левши, я не встречал). Даю вам гарантию в 200%, что вы не встретите ни единого подлинного документа, на котором бы даже один руководитель расписался иначе, поскольку это невозможно.

588. А на фальшивке № 1 сразу четыре члена Политбюро расписались слева направо, но сверху вниз!? Это начисто исключено! Это не они расписывались, даже если их подписи воспроизведены с точностью до микрона. Чтобы так расписаться, нужно документ держать таким образом, что его строки будут перпендикулярны глазам и читать их будет невозможно. Зачем бы членам Политбюро это делать, тем более, что ни они и никто другой никогда ни раньше, ни позже подобного идиотизма— не делали? Это настолько явный, вопиющий признак подделки, что имеет смысл немного поразмышлять над тем, почему специалист по подделке почерков этот признак ввел в фальшивку.

589. Такие специалисты были только в КГБ СССР, поскольку в других ведомствах им нечего делать. Мой знакомый, который учился на курсах КГБ в 80-х, рассказывал о лекции такого специалиста. Тот вызвал к доске курсанта и предложил ему написать на доске несколько слов, которые специалист по подделке почерка надиктовал. Затем этот специалист минут 20 всматривался в эти слова, после чего под диктовку аудитории начал писать на доске любые тексты почерком того курсанта.

Именно такой специалист и воспроизвел надписи и подписи на геббельсовских фальшивках. Но возникает вопрос, а Правилось ли ему это задание? Подонки-геббельсовцы всех судят по себе и наверняка полагали, что если они дали этому спецу доллары, то тот обязан быть счастлив. Но был ли этот специалист доволен ролью предателя Родины? И вполне не исключено, что он, не имея возможности отказаться (его бы сразу убили), сделал свою работу так, что комар носа не подточит в части точности подписей, но одновременно и так, что подделка немедленно бросается в глаза любому, если он не геббельсовский придурок. Другого объяснения у меня нет.

Таким образом, левое расположение подписей членов Политбюро на геббельсовской фальшивке № 1 без малейших сомнений свидетельствует, что это подделка.

590. Теперь обратите внимание на то, что у этого письма есть номер, но нет даты. Вы скажете, что несколько выше один из первых, кто увидел фальшивку № 1 на заседании Конституционного суда, Ф.М. Рудинский, написал, что у этого «письма Берии» была дата — 5 марта 1940 г. Была да сплыла. После того, как защитник КПСС судья Слободкин и председатель КС судья Зорькин повозили геббельсовцев мордой по этой дате, те с перепугу переделали фальшивку № 1. Но об этом ниже, сейчас же мы рассмотрим эту версию фальшивки — с номером, но без даты.

Скажу сразу, что геббельсовцы метнулись из огня да в полымя: и дата «5 марта» указывала на фальшивку, но и без нее лучше не стало. Дело в том, что дата и номер письма — это одна запись, как серия и номер на денежной купюре, это две части одного целого. После того, как письмо отпечатано и завизировано, оно попадает на подпись тому, кто должен его подписать (в данном случае — Берии). Руководитель подписывает и кладет письмо в папку «Подписанные» у себя на столе.

Секретарь или референт периодически заходит в кабинет и извлекает документы из этой папки, затем несет их и сдает в канцелярию. Работник канцелярии раскрывает «Журнал регистрации исходящей корреспонденции» и вписывает в него очередной номер и адрес того, кому адресовано письмо, а затем дату и номер из журнала пишет на письме. Отныне это имя письма, по этому номеру и дате письмо будут называть, по ним его будут искать. Дату и номер работник канцелярии пишет одной записью, причем лично ему важнее записать дату, поскольку по ней судят о добросовестности его работы — задерживает он или нет у себя в отделе корреспонденцию начальника. Это невозможно, чтобы он забыл написать дату, но написал номер, — это выглядит так же, как если бы вы, вписывая в ведомость на получение денег свою фамилию, забыли бы написать ее первую половину.

Подлинный документ может не иметь номера, может не иметь и даты. Такое случается, когда начальник его подписывает, находясь вдали от своей канцелярии, скажем, в командировке. Но если есть номер, то значит письмо прошло через канцелярию, но тогда отсутствие даты — это явный признак фальшивки.

591. У геббельсовской фальшивки № 1 есть еще признаки подделки, которые следует отнести к делопроизводственным, хотя и более высокого уровня. Видите ли, документы такого уровня готовят чиновники очень опытные и перед тем, как их подписать, такие документы тщательно вычитывает

начальник. В таких документах изначально не может быть ни грамматической ошибки, ни смысловой глупости, иначе того же Берия выдерут на Политбюро за то, что он подписывает бумаги, не читая их. А в тексте фальшивки № 1 заложено несколько смысловых положений, которые не только Берия, но и простой чиновник никогда не допустил бы.

К примеру. В «письме Берии» в первой таблице дана численность польских офицеров в лагерях военнопленных с разбивкой по званиям.

Чиновник, а тем более военнотружущий (работник НКВД), сам имеющий звание, никогда их так по званиям не разобьет.

592. Чтобы было понятно, о чем речь, дам две справки о численности польских офицеров в лагерях УПВИ, которые подписал майор Сопруненко 2 и 3 марта 1940 г. [29, 30] Они нам пригодятся и позже, но пока обратим внимание на то, как разбивает пленных по званиям этот майор:

В лагерях содержится

2 марта

3 марта

А) Адмиралов

1 чел.

1 чел.

Б) Генералов

12

12

В) Полковников

82

82

Г) Подполковников

201

200

Д) Майоров

551

555

Е) Капитанов

1498

1507

Ж) Капитанов Морфлота

12

12

З) Капитанов Морфлота 1 ранга

2

2

И) Капитанов Морфлота 2 ранга

3

3

К) Поручиков, подпоручиков и хорунжих

6014

6049

ИТОГО

8376 чел.

8424 чел.

Из этих двух справок о численности видно, что сухопутный Сопруненко плохо разбирается, кто есть кто в военном флоте, особенно польском (американцы говорят, что для того, чтобы утопить польский военный флот, его нужно спустить на воду). Но Сопруненко не только не смешивает генералов с остальными офицерами, как он это сделал с поручиками, подпоручиками и хорунжими, но даже не объединяет их с адмиралом.

593. А что мы видим в «письме Берии»? В таблице строки укрупнены, что разумно и допустимо. Но чиновник никогда и ни в каком случае не объединил бы вместе генералов не то что с подполковниками, но даже с родственными им папахоносителями — полковниками. Даже если бы он подсчитал всех офицеров одним числом, то обязательно выделил бы из них генералов. Тем, кто меня

понял, объяснять ничего не требуется, а кто не понял, тому и трудно объяснить, что в глазах военного, да и просто чиновника, генерал — это такой штучный товар, что его с массовым товаром никогда не смешивают.

594. Еще один момент такого же рода. В «письме» написано, что 14736 офицеров и т.п., вместе с 18632 сидельцами тюрем «являются закоренелыми, неисправимыми врагами советской власти», но расстрелять предлагается не всех, а только «круглое число» из них:

14700 из 14736 офицеров и 11000 из 18632 заключенных. Не только реальный Берия, но и любой мелкий чиновник такую глупость никогда бы не подписал, поскольку это все равно, что самому напроситься на нагоняй в сопровождении ехидного вопроса: «Ты что, Лаврентий, 36 неисправимых врагов-офицеров и 7632 неисправимых преступников собрался у себя на даче и за свой счет содержать?» Ведь в письме не только определено, что они поголовно неисправимы, но и намека нет на то, как отбирать из этих «совсем неисправимых» «немного неисправимых». Реальный чиновник написал бы: расстрелять всех.

А фальсификаторы подыгрывали полякам. Дело в том, что в тюрьмах сидели не только поляки, а собственно поляков было как раз около 11 тыс. Если написать «всех», то получится просто «сталинский террор», одинаковый для всех, а полякам, чтобы отделить Польшу от России, очень важно было показать, что это не «сталинский террор», а «москальский», т.е. направленный только против поляков как таковых. И фирма «Пихоя amp; К°» этот польский заказ выполнила — и подчеркнула, что среди офицеров 97% поляки, и написала, что в тюрьмах предлагалось расстрелять только поляков. Получилось, как и ожидалось, глупо, но фирма «Пихоя amp; К°» старалась. Это видно.

595. Теперь давайте рассмотрим практический смысл «письма» Берии, ведь настоящий Берия обязан был что-то хотеть, если бы писал его. Цель очевидна — убить 25 тысяч поляков. Но средства?! Зачем для этого нужна эта «тройка», если, как утверждают геббельсовцы, Сталин и Берия что хотели, то и делали. Бригада Геббельса утверждает, что эта «тройка» решила расстрелять поляков, а на основе этого решения заместитель Берии Меркулов подписал и послал в Смоленское, Калининское и Харьковское УНКВД «списки-предписания», на основании которых поляков и расстреляли. Так зачем было этот забор с «тройками» городить — Берия что, сам не мог эти списки подписать? Ведь даже в 1937-1938 гг., когда приговоры «пятой колонне» выносили реальные «тройки», подписей членов этих «троек» никто не видел, поскольку они стояли только в протоколах их решений. А для исполнителей приговора посылался приказ, подписанный только председателем тройки, и выписки из приговора, заверенные делопроизводителем [31]. Для тех замыслов, которые геббельсовцы приписывают Сталину и Берии, создание каких-то «троек» бессмысленно, а бессмысленность письма — это признак его подделки: реальный Берия не стал бы подписывать бессмысленное письмо, а реальное Политбюро — его читать.

596. Следующее, что бросается в глаза, — Берия предлагает создать рабочий орган («тройку»), но не поручает ему никакой работы. Вот собралась эта «тройка» на свое заседание, а что ей на нем делать? Уголовного дела -нет, обвинительного заключения — нет, есть только справка [32]. Лебедева сообщает, что это такое: «В марте начинается интенсивная подготовка к осуществлению операции по полной „разгрузке“ Козельского, Старобельского и Осташковского лагерей. Их управления получили приказ срочно закончить оформление всех учетных и следственных дел и направить в УПВИ специальные справки-предписания. Форма их была получена 16 марта от заместителя наркома внутренних дел Б.З. Кобулова. Она была озаглавлена „Справка по личному делу № на военнопленного (фамилия, имя, отчество)“ и состояла из четырех граф. В них указывались год и место рождения человека, его имущественное и общественное положение, время взятия в плен, лагерь, где содержится, должность и чин в польской армии, полицейских, разведывательных и карательных органах. Последняя графа — „заключение“, по-видимому, предназначалась для внесения в нее решения по делу военнопленного» [33].

Ну и что «тройке» (суду) в этой справке рассматривать? «Тройке» остается только подписать списки, но это, как я написал выше, мог бы сделать и сам Берия. Ведь вспомните, когда 15 сентября 1938 г. Политбюро реорганизовало реальные «тройки», введя в них в обязательном порядке прокурора, то оно не забыло напомнить этим «тройкам» об обязанностях и правах: «Предоставить право Особым тройкам выносить приговоры в соответствии с приказом НКВД СССР № 00485 от 25-го августа 1937 года по первой и второй категориям, а также возвращать дела на доследование и выносить решения об освобождении обвиняемых из под стражи, если в делах нет достаточных материалов для осуждения». С такой задачей и правами это был работающий орган. А у «тройки», созданной в своей фальшивке геббельсовцами, нет ни работы, ни прав, поскольку она обязана убить всех поляков не глядя. Ни

реальный Берия, ни реальный Сталин такую чепуху и рассматривать не стали бы. Это выдумка дебильных геббельсовцев и очередной признак фальшивки.

597. А теперь вот такой момент. Представьте, что фирма «Пихоя amp; К°» нашла в архивах «секретный пакет № 2», а в нем, разумеется, «подлинное», письмо старого графа Ростова Пьеру Безухову с сообщением, что для решения о выдаче замуж дочери Натальи граф созвал семейный совет в составе: себя, графини и старшего конюха Сидора. Штампики, печати, подписи — все это фирма «Пихоя amp; К°» обеспечит и все это будет, как настоящее. В том, что для такого решения семейный совет может быть созван, сомнений нет, но закрадывается вопрос — а при чем тут конюх Сидор?

Вот таким «конюхом Сидором» в этой геббельсовкой «тройке» является Баштаков, майор госбезопасности. Заметим, что в этой «тройке» Берия имел звание комиссара госбезопасности 1-го ранга, что соответствовало армейскому званию «генерал армии», Меркулов был комиссаром госбезопасности 3-го ранга, что соответствовало званию «генерал-лейтенанта», а звание Баштакова соответствовало званию «подполковника». В это время в НКВД комиссар 1-го ранга был один, 2-го ранга — один (Гоглидзе), 3-го ранга — три и старших майоров госбезопасности, что примерно соответствовало званию «генерал-майор», было 10. Таких майоров госбезопасности, как Баштаков, было 65 [34]. Но дело даже не в мезальянсе этой «Тройки». Тут интересно понять, как бедный Баштаков попал к геббельсовцам на прицел.

598. Дело в том, что когда их пустили в архивы СССР, то они обнаружили, что лагеря военнопленных поляков, получив задание подготовить на пленных дела для рассмотрения на Особом совещании НКВД, все бумаги слали в 1-й спецотдел НКВД, которым и руководил Баштаков. Немедленно возникла версия, что 1-й спецотдел это самый тайный и самый страшный отдел НКВД, который занимается убийствами и казнями, а Баштаков, соответственно, очень крупная фигура в системе НКВД. Лебедева так описывает его роль в «расстреле польских офицеров»: «Хотя списки приходили от УПВИ, но составлялись они не им, а 1 спецотделом НКВД СССР, который фактически играл главную роль во всей операции (начальник отдела майор госбезопасности Л.Ф. Баштаков; его заместитель, непосредственно занимавшийся этой операцией, капитан госбезопасности А.Я. Герцовский). Сюда от УПВИ поступали следственные дела военнопленных и справки-заклучения, здесь их „готовили на доклад“ Особому совещанию НКВД и лично Меркулову. Тех, кто был „осужден“, включали в списки на отправку „на распоряжение“ УНКВД, давая последним соответствующее „предписание“. В этом же отделе был составлен и список тех, кто переводился в Юхновский лагерь, то есть, как оказалось впоследствии, остался в живых» [35].

599. То, что геббельсовцы объединили в одном коллегиальном органе генерала армии и подполковника, начальника и его подчиненного, было бы еще не так смешно, если бы Баштаков был начальником какого-либо из следственных отделов НКВД или был специалистом по планированию и проведению секретных операций. Но Баштаков занимал в НКВД самую безобидную должность, поскольку 1-й спецотдел был частью секретариата НКВД и занимался учетом и статистикой преступников в СССР, это была картотека НКВД. Поэтому лагеря и слали документы Баштакову, чтобы он мог провести изменения в карточках учета военнопленных, находившихся в этом отделе. Такое высокое звание Баштаков имел потому, что ему было вменено в обязанность обеспечивать центральный аппарат НКВД автомобилями: от персональных автомобилей для Берии до автозаксов перевозки заключенных [36]. А этих автомобилей было 682 единицы. Вместе с автодиспетчерами и картотетчиками его отдел был довольно внушительным — 358 человек, это и определяло его звание. Но его участие в «тройке» аналогично участию конюха Сидора в графском семейном совете.

600. Мы рассмотрели признаки подделки исходя из предположения, что было бы, если бы Берия действительно решил ликвидировать пленных при помощи «троек». Но дело в том, что он не мог этого решить, так как к тому времени все «тройки» в стране были публично упразднены навсегда.

«Ликвидировать судебные тройки, созданные в порядке особых приказов НКВД СССР, а также тройки при областных, краевых и республиканских управлениях РК милиции. Впредь все дела в точном соответствии с действующим законодательством о подсудности передавать на рассмотрение судов или Особого совещания при НКВД СССР» [37] — так записано в совместном Постановлении от 17 ноября 1938 г. Совета народных комиссаров СССР (правительства Советского Союза) и ЦК ВКП(б) — органа руководства партией, более высокого, нежели Политбюро. Это был закон, обязательный для всех в стране, включая Сталина и остальных членов Политбюро ЦК ВКП(б). Нарком внутренних дел Л.П. Берия уже 26 ноября 1938 г. своим приказом № 00762 обеспечил в НКВД исполнение этого Постановления, отменив все соответствующие приказы Ежова, своего предшественника [38]. И то, что в фальшивке № 1 фигурирует «тройка» — это признак тупой и вопиющей липы.

601. Мне могут сказать, что Сталин был диктатором и поэтому хотел — исполнял законы, а хотел — не исполнял. Вообще-то любой диктатор стремится к тому, чтобы все исполняли его законы, иначе он не диктатор. Скажем, итальянская мафия люто ненавидит Муссолини именно за то, что он и ее заставил исполнять законы Италии. Но допустим, что Берия и Сталин плевали на законы СССР — это называется «практикой применения законов». Давайте посмотрим на нее — нарушали ли Сталин и Берия законы в случаях, подобных случаю с польскими пленными.

602. Практически в то же время, когда в СССР решались судьбы пленных польских офицеров, потребовалось решить судьбу и советских пленных — тех, кто изменив присяге сдался в плен финнам в советско-финской войне. По окончании войны этих пленных обменяли на финских и Берия по поводу первых написал письмо Сталину. Поскольку поводы для написания писем одинаковы, то скорее всего подлинное письмо Берии по польским пленным было идентично нижеприведенному. Итак, 28 июня 1940 г. Берия доложил Сталину:

"В Южском лагере содержится 5 175 красноармейцев и 293 чел. начсостава, переданных финнами при обмене военнопленными. Оперативно-чекистской группой выявлено и арестовано 414 человек, избличенных в активной предательской работе в плену и завербованных финской разведкой для вражеской работы в СССР. Из этого числа закончено и передано прокурором МВО в Военную коллегия Верховного Суда СССР следственных дел на 344 чел. Приговорены к расстрелу 232 чел. Приговор приведен в исполнение в отношении 158 чел.

Бывших военнопленных в числе 4 354 чел., на которых нет достаточного материала для предания суду, подозрительных по обстоятельствам пленения и поведения в плену, — решением Особого Совещания НКВД СССР осудить к заключению в исправительно-трудовые лагеря сроком от 5 до 8 лет.

Бывших военнопленных в количестве 450 человек, попавших в плен, будучи ранеными, больными или обмороженными, в отношении которых не имеется компрометирующих материалов, — освободить и передать в распоряжение Наркомата обороны" [39].

Ну и где здесь пресловутая «тройка»?

603. Как видите, у Берии не было необходимости просить о ее создании даже тогда, когда речь шла о высшей мере наказания. Военные трибуналы работали быстро:

10 мая закончился обмен военнопленными, а к 28 июня уже 344 человека были осуждены, а 158 из них — и расстреляны. А повод написания письма — это согласование членами Политбюро осуждения Особым совещанием на срок заключения от 5 до 8 лет тех, кто бросил оружие, хотя мог сопротивляться.

604. Мне могут сказать, что тут надо было расстрелять немногих, поэтому Берия и не просил создать «тройку», а вот если бы те, кого надо было расстрелять, исчислялись тысячами, как в случае с поляками, то тут бы он без «тройки» не обошелся. Ну что же, в истории СССР был и такой случай, когда нужно было немедленно и перед строем расстреливать тысячи изменников и дезертиров, чтобы остановить у миллионов панику, пресечь дезертирство, измену, убийства и грабежи. 15 ноября 1941 г. Берия написал Сталину письмо именно по этому поводу. (Замечу, что и из этого письма геббельсовцы выдернули значительную часть):

"Совершенно секретно

Государственный Комитет Обороны

тов. СТАЛИНУ

В республиканских, краевых и областных органах НКВД по несколько месяцев содержатся под стражей заключенные, приговоренные военными трибуналами округов и местными судебными органами к высшей мере наказания, в ожидании утверждения приговоров высшими судебными инстанциями.

По существующему ныне порядку приговоры военных трибуналов округов, а также верховных судов союзных, автономных республик и краевых, областных судов входят в законную силу только после утверждения их Военной Коллегией и Уголовно-Судебной Коллегией Верховного Суда Союза ССР — соответственно.

Однако, и решения Верховного суда Союза ССР по существу не являются окончательными, так как они рассматриваются комиссией Политбюро ЦК ВКП(б), которая свое заключение также представляет на утверждение ЦК ВКП(б) и только после этого по делу выносится окончательное решение, которое вновь спускается Верховному Суду, а этим последним направляется для исполнения НКВД СССР.

В настоящее время в тюрьмах НКВД республик, краев и областей скопилось 10 645 человек заключенных, приговоренных к высшей мере наказания, в ожидании утверждения приговоров по их делам высшими судебными инстанциями.

Исходя из условий военного времени, НКВД СССР считает целесообразным:

1. Разрешить НКВД СССР в отношении всех заключенных, приговоренных к высшей мере наказания, ныне содержащихся в тюрьмах в ожидании утверждения приговоров высшими судебными инстанциями, привести в исполнение приговоры военных трибуналов округов и республиканских, краевых, областных судебных органов.

2. Предоставить Особому Совещанию НКВД СССР право с участием прокурора Союза ССР по возникающим в органах НКВД делам о контрреволюционных преступлениях и особо опасных преступлениях против порядка управления СССР, предусмотренных ст.ст.58-1а, 58-16, 58-1 в, 58-1 г, 58-2, 58-3, 58-4, 58-5, 58-6, 58-7, 58-8, 58-9, 58-10, 58-11, 58-12, 58-13, 58-14, 59-2, 59-3, 59—3а, 59-36, 59-4, 59-7, 59-8, 59-9, 59-10, 59-12, 59-13 Уголовного Кодекса РСФСР выносить соответствующие меры наказания вплоть до расстрела. Решение Особого Совещания считать окончательным" [40].

Как видите, и в этом случае нет и намека на реранимирование «троек», и здесь Берия обходится без них.

То есть, пресловутая «тройка» в фальшивке № 1 не подтверждается ни законодательно, ни с точки зрения судебной практики, следовательно, «письмо Берии» — это фальшивка безусловная.

605. То, что фальшивка № 1, словами большого специалиста по подделкам Козлова, «фонит» нестыковкой, противоречиями своего содержания с действительными фактами прошлого", это еще не так удивительно — такие уж «историки» в бригаде Геббельса. Но «письмо Берии» никак не стыкуется и с фактами Катынского дела.

Как я уже писал, сначала на этой фальшивке стояла дата — 5 марта, переделав «письмо Берии», геббельсовцы дату убрали и теперь пишут: «не позже 5 марта». Строго говоря, 5 век до н. э. это тоже «не позже 5 марта 1940 г.». Поэтому Лебедева, которая (по слухам) является доктором исторических наук Польши, решила этот вопрос исследовать. Но она, судя по нижеследующей цитате, не знает, почему эти фальшивки провалились в Конституционном суде, поскольку наивно пишет: «Решение Политбюро ЦК ВКП(б) от 5 марта 1940 г. было принято по инициативе И. В. Сталина и оформлено в соответствии с письмом Берии в его адрес. На записке наркома внутренних дел СССР были проставлены месяц, год, но отсутствовало число. Она была написана на бланке НКВД СССР и имела регистрационный номер. Именно этот номер помог нам датировать с точностью до одного дня — 3 марта — этот документ. См. подробнее: N. Lebediewa. Procespodejmowaniadecyzjikatynskiej//Europa nie growincjonalna. Warszawa-Londyn, 1999. S. 1155-1174» [41].

606. Прокурорская часть геббельсовцев более информирована и за эти изыскания шипит на бедного ополеченного «историка»: «Что касается датировки записки Берии Сталину с проектом решения, которую предлагает Н.С. Лебедева (3 марта 1940 г.), то она не может считаться „абсолютно“ доказанной. Направленные 2-3 марта Сопруненко руководству данные не полностью совпадают с приводимыми в ней. Копия документа с единственной фразой о передаче Берии Сталину служебной информации для Особого совещания не содержит сведений о том, к какому делу этот документ относится. Можно говорить лишь о рабочей гипотезе» [42].

Отсюда следует, что Лебедева определила дату «письма» не по номеру, что я сделаю позже, а по ссылке на этот номер в другом документе, причем в нем внятно было написано, что реальное письмо Берии содержало информацию не о «тройке», а об Особом совещании. Но интересен вопрос, почему прокурорские геббельсовцы так недовольны тем, что Лебедева пытается уточнить дату письма? Почему им надо, чтобы оно датировалось словами «не позже 5 марта»?

607. В «письме Берии» список офицеров по званиям дан укрупненными строками, а в приведенных справках от 2 и 3 марта — подробно. Давайте в этих справках тоже укрупним строки (просуммировав соответствующие числа) и посмотрим, что получится.

Справка от 2.03.40

Справка от 3.03.40

«Письмо Берии»

Генералов, полковников и подполковников

293

295

295

Майоров и капитанов

2066

2080

2080

Поручиков, подпоручиков и хорунжих

6014

6049

6049

Из сравнения чисел в этой таблице безусловно следует, что «письмо Берии» было подготовлено на основании данных справки УПВИ от 3 марта. А то, что Сопруненко готовил точно такую же справку с ориентировочными данными 2 марта, говорит о том, что справку о численности офицеров в лагерях (на 1 марта) он мог подготовить только к вечеру 3 марта (не буду объяснять, почему это так, чтобы не перегружать текст). Но в «письме Берии» содержатся и данные ГУЛАГа, и тюремного управления, и тот, кто их обрабатывал и суммировал, скорее всего делал это уже 4 марта. Следовательно, «письмо Берии» могло быть подписано 4-5 марта. То есть, первоначальная датировка этой фальшивки была в принципе правильной.

608. Но тут возникает второй вопрос. 4-5 марта это письмо зарегистрировано в НКВД, но нужно было дождаться спецпочты, эта почта должна была сдать письмо в экспедицию ЦК, там оно должно было полежать, пока его вскроют и регистрируют входящим номером, затем оно должно было полежать, пока его заберет помощник Сталина, затем Сталин должен был найти время его прочесть, ознакомить с ним остальных секретарей, они должны были решить рассмотреть его на Политбюро и это письмо поставить в очередь его (Политбюро) вопросов.

Можно оценить, сколько дней реально занимала в те годы эта процедура. 5 апреля 1940 г. Берия посылает проект Постановления СНК и его рассматривают 10 апреля, т.е. через 5 дней. 28 июня 1940 г. Берия посылает письмо о советских пленных, возвращенных из Финляндии. На заседание Политбюро 29 июня оно не попадает, 1 июля — тоже, 2-го — тоже и лишь 3 июля этот вопрос рассмотрен Политбюро [43]. То есть, опять 5 дней от подписания до рассмотрения.

Таким образом, если «письмо Берии» было подписано 4-5 марта, то оно могло попасть на рассмотрение Политбюро только 9-10 марта. А по геббельсовской брехне, Политбюро рассмотрело его 5 марта. Письмо, исходные данные для подготовки которого были готовы не ранее 3 марта, 5 марта на Политбюро не попало бы, и это доказывает его фальшивость. Почему прокурорские геббельсовцы и недовольны тем, что Лебедева пытается уточнить дату — эта дата их разоблачает: дашь дату 3 марта — письмо не успеваешь дойти до Политбюро, дашь дату раньше — не позволяет справка Сопруненко от 3 марта.

609. Но заседание Политбюро 5 марта 1940 г. было, и вопрос НКВД на нем был рассмотрен, следовательно, и Берия обратился в ЦК с этим вопросом, причем не исключено, что письмом с этим номером — 794/Б. Давайте оценим, когда реальный Берия подписал реально письмо № 794. Нумерация писем начинается с первого рабочего дня года и идет непрерывно. Аппарат НКВД примерно был постоянен, работал он примерно с одной интенсивностью, готовя письма Берии на подпись, следовательно, за день Берия подписывал в среднем одинаковое количество писем. Возьмем точку для отсчета. Вот, скажем, известно, что почти сразу же, 7 марта, Берия подписал письмо № 892 [44]. 7 марта — это 67-й календарный день года. Следовательно, в начале 1940 г. Берия подписывал письма с интенсивностью 892: $67 = 13,3$ письма в день. Теперь номер «письма Берии» (794) разделим на 13,3. Получим 59,6 календарных дней от начала 1940 г., т.е. 28-29 февраля. Между прочим, от этой даты до заседания Политбюро 5-го марта получается 5-6 дней, а это, как мы выяснили раньше, обычное время от подписания письма Берией до рассмотрения его на Политбюро. Но если письмо № 794 должно было быть подписано еще в феврале, то в него не могли попасть данные из справки Сопруненко от 3 марта. А это еще одно доказательство фальшивости этого письма.

610. Тут у геббельсовцев случилось горе от ума. Ведь их фальшивки не имеют никакой связи с документами тех лет. И они решили такую связь создать, замаскировав в «письме Берии» суммированием точные количественные данные из реальной справки Сопруненко о числе военнопленных, а потом эту связь «открыть». Получилось бы впечатляюще, если бы у них хватило ума понять, что от подписания письма Берией до его рассмотрения на Политбюро проходит 5-6 дней и эти дни нужно заложить в даты. Хотели как лучше... Но в связи с тем, как получилось, геббельсовцы теперь справку Сопруненко от 3 марта не печатают и полных данных из нее не дают. Поздно, партайгеноссе! Вы ее опубликовали в 1991-ом. Вам тогда злых сильно хотелось.

611. Но эта ошибка геббельсовцев достойна даже уважения, так как в ней видна попытка хоть какой-то умственной работы, что уже само по себе удивляет. Поскольку все остальные признаки подлога, оставленные в этих «документах» фирмой «Пихоя amp; К°», являются плодом невообразимой тупости.

Вы помните, что польские пленные офицеры фактически делились на три части: одних, врагов СССР, отдавали под трибунал; вторую часть в марте-апреле 1940 г. Особое совещание при НКВД признало общественно-опасными и отправило из лагерей военнопленных в лагеря ГУЛАГа; а третья часть (395 офицеров) была переведена в лагерь военнопленных в Грязовце, в котором продолжала обозначать военнопленных, давая возможность СССР отвечать на вопрос, куда польские офицеры делись, — вот они, в Грязовце! И о том, что четыре сотни пленных из теперь уже бывших советских лагерей военнопленных в Козельске, Старо-бельске и Осташкове отправлены в Грязовец, геббельсовцы знают с 1940 г. А теперь взгляните на «письмо Берии». В нем из 14736 офицеров предлагается (и Политбюро это «согласовывает») расстрелять 14700. А где же здесь те 395, которые переведены в Грязовец? Почему же вы, идиоты, не заложили в эту фальшивку известнейший факт Катынского дела?

Но не спешите умиляться глупости этих академиков РАН и генералов российской юстиции, это еще не самый выдающийся их маразм в деле кустарного изготовления «подлинных» документов. Поэтому, хотя о «письме Берии» еще можно говорить, но давайте перейдем к следующим изделиям артели инвалидов умственного труда «Пихоя amp; К°».

Фальшивка № 4

612. Выше я писал, что фальшивок № 2 и № 3, представленных в Конституционный суд в 1992 г., геббельсовцы ныне стесняются до такой степени, что по сей день не только не опубликованы фотокопии этих сенсационных «документов», но геббельсовцы и упоминать о них боятся. О причинах перепуга я расскажу в истории о рассмотрении фальшивок на Конституционном суде, а сейчас перейду к тому, что геббельсовцы все же опубликовать рискнули, — к фальшивке № 4, ко второму экземпляру выписки из протокола решений Политбюро ЦК ВКП(б). Выписка исполнена пишущей машинкой на бланке. Бланк начинается предостерегающей надписью: «Подлежит возврату в течении 24 часов во 2-ю часть Особого Сектора ЦК (Пост. ПБ ЦК от 5. V.27z., пр. 100 п.5)» и гриф «Совершенно секретно Из О. П.».

Выписка имеет такой текст:

"ВСЕСОЮЗНАЯ КОММУНИСТИЧЕСКАЯ ПАРТИЯ (большевиков) Центральный комитет
«№ П 13/144» «марта 1930 г.» Тов. Берия

Выписка из протокола №13 заседания Политбюро ЦК от 193г .

Решение от 5. III. 40 г.

144. — Вопрос НКВД СССР

I. Предложить НКВД СССР:

1) Дела о находящихся в лагерях для военнопленных 14.700 человек бывших польских офицеров, чиновников, помещиков, полицейских, разведчиков, жандармов, осадников и тюремщиков,

2) а также дела об арестованных и находящихся в тюрьмах западных областей Украины и Белоруссии в количестве 11.000 человек различных к-р шпионских и диверсионных организаций, бывших помещиков, фабрикантов, бывших польских офицеров, чиновников и перебежчиков -рассмотреть в особом порядке с применением к ним высшей меры наказания — расстрела.

II. Рассмотрение дел провести без вызова арестованных и без предъявления обвинения, постановления об окончании следствия и обвинительного заключения — в следующем порядке:

а) на лиц, находящихся в лагерях военнопленных — по справкам, представляемым Управлением по делам военнопленных НКВД СССР,

б) на лиц, арестованных — по справкам из дел, представляемым НКВД УССР и НКВД БССР.

III. Рассмотрение дел и вынесение решения возложить на тройку в составе т.т. Меркулова, Кобулова и Баштакова (начальник 1-го Спецотдела НКВД СССР).

Секретарь ЦК" [45]

613. Как видите, текст «решения» дословно соответствует тексту «письма Берии», следовательно, это уже само по себе признак и доказательство подделки и этого документа. Но у этого документа и у самого по себе есть забавные признаки работы топором фирмы «Пихоя amp; К°».

Как я полагаю, глядя на эти изделия, фирма «Пихоя amp; К°» глубоко уверена, что подлинный

документ это тот, на котором есть похожие подписи, росписи, резолюции, оттиски штампов и пометки секретарей. Содержание документов их, похоже, совершенно не интересовало, как и не интересовало, что именно должны означать те или иные оттиски штампов и пометки. Фирма «Пихоя amp; К°» фабриковала свои изделия так, чтобы они внешне выглядели «фирменными». А надо сказать, что Сталин, да и остальные члены Политбюро, очень внимательно, с карандашом в руках читали любые документы, поступившие в них. Поэтому внешним признаком того, что данный документ был на Политбюро, являются пометки и редактирование текста Сталиным. Смастерив «письмо Берии», фирма «Пихоя amp; К°» начала ковырять в носу — какую бы пометку или редактирование текста

Сталиным на этом «письме» учинить, дабы оно выглядело еще более подлинно? И догадались почерком Сталина вычеркнуть из состава «тройки» Берия и вписать вместо него начальника экономического управления НКВД Кобулова. И вы видите, что в «решении Политбюро» состав «тройки» с бубенцами изменен: наступила осень 1992 г. и маразм крепчал.

614. Давайте еще немного остановимся на судах как таковых. Кто это? Это один человек, часто очень сомнительных моральных качеств, но окончивший юридический факультет, в качестве председателя и два (СССР) или 12 (присяжные на Западе) обывателей, не несущих ответственности за правосудность приговора. А чем были создаваемые в 1937-1938 гг. Особые тройки? Это тоже суд, но персонально состоявший из отборных людей данного региона, людей, которые уже до этого своим трудом, умом и моральными качествами доказали, что им-то можно верить гораздо больше, чем обывателю. В те годы необходимо было быстро репрессировать «пятую колонну», но если бы это было доверено просто судам, то сколько бы невиновных убили бы обыватели в своем тупом раже выслуживания перед начальством? Ведь для обывателя и участковый милиционер — начальство! Суть Особых троек в том, что они обязательно комплектовались из самых высших руководителей разных ведомств данных областей и республик — из такого начальства, выше которого в данном крае уже никого не было, следовательно, на решение Особых троек повлиять никто не мог. Председателем всегда был только сам начальник УНКВД области либо нарком внутренних дел республики, если тройка была республиканской. Обязательным членом — первый секретарь обкома ВКП(б). Вторым членом был либо прокурор области, либо председатель областного суда (Верховного Суда республики), затем, как вы видели, только прокурор. Комиссия (или «двойка») состояла из главы НКВД и прокурора. Особое совещание при НКВД всегда возглавлял сам нарком, но и он был не всевластен, поскольку мог принимать только такие решения, с которыми был согласен Прокурор СССР, в противном случае дело передавалось для решения в Верховный Совет. Повторяю, смысл троек в том, что судьями в них были высшие руководители. Если бы не это, то тогда ничто не мешало рассматривать любое дело обычными судами: мелкие подонки-судьи штамповали бы приговоры с той скоростью, с которой им приказало бы это делать начальство.

615. Но вернемся к «решению Политбюро». Уже в «письме Берии» была несуразность в организации «тройки», поскольку только он имел право в ней состоять. Кроме этого, фирма «Пихоя amp; К°» не ввела в нее ни прокурора, ни прокурорского надзора, чего никогда в организации реальных троек не было. Но в состряпанном геббельсовцами «решении Политбюро» дело доведено до полного маразма — придурки вывели из состава своей «тройки» даже Берия! То, что в «тройке» нарушен принцип «первых лиц», это явный признак подделки фальшивки № 4.

616. Далее, после такого «решения» Берия должен был либо застрелиться, либо подать в отставку. Ведь что получилось: сам Берия, как председатель Особого совещания, может осудить преступника максимум на 8 лет тюрьмы, а его подчиненный майор Баштаков может приговорить подсудимого к расстрелу. Не бывает нигде и никогда, чтобы подчиненному давали права выше, чем у начальника, тем более подчиненному, который и близко не несет ответственности начальника. Предположим, Берия решит оставить в живых 200 офицеров для ведения разведывательной работы, а Баштаков скажет: «Фиг тебе, всех расстреляю!»? Каким же придурком надо быть, чтобы полагать, что Политбюро могло принять такое решение?

617. В «письме Берии» не говорится о председательстве в «тройке», но геббельсовцы могут отбрехаться, что Берия, дескать, в качестве председателя имел в виду самого себя. Но в «решении Политбюро» почему не назначен председатель «тройки»? Ведь повторю, именно ему и только ему разрешено подписывать предписания об исполнении приговора.

618. Убогость геббельсовцев такова, что они, похоже, совершенно не представляют, как была устроена система управления СССР, кто и кем руководил. Это мы увидим и позже. Сейчас же напомним, что высшим органом управления ВКП(б) был съезд. Он избирал около сотни членов Центрального Комитета для руководства ВКП(б) между съездами. А ЦК ВКП(б) избирал Политбюро из десятка

человек для руководства партией и страной между своими пленумами. ЦК ВКП(б) был начальником Политбюро, и Политбюро не могло принять решение, противоречащее постановлению ЦК. А ЦК, как я написал выше, ликвидировало все тройки, оставив только суды и Особое совещание. Даже если бы это геббельсовское «решение Политбюро» и было, то его ни один коммунист не исполнил бы, а почти все руководство в стране было коммунистами. Это еще одно доказательство того, что фальшивка № 4 — это фальшивка.

619. Вы видели, что на бланке решения Политбюро типографским способом отпечатано, что данное решение относится не просто к секретным, а к сверхсекретным, которые должны храниться в О.П. — особых папках.

Вообще-то любое решение Политбюро было секретным, так сказать, по определению. Официально СССР руководила Советская власть и назначаемое ею правительство. ВКП(б) формально в этом процессе не участвовала, поэтому любые государственные решения должны были исходить только от органов государственной власти, а то, что они предварительно принимаются Политбюро ЦК ВКП(б), никто не должен был знать, по меньшей мере, не должно было быть никаких доказательств этому. Это положение шло от начала СССР и при Сталине поддерживалось неукоснительно. Еще в 1922 г. 30 ноября Оргбюро ЦК РКП(б) протоколом № 77 п. 58 определило порядок работы с партийными постановлениями:

"А) 1. Круг лиц, коим должны рассылаться выписки из протоколов ЦК РКП, партийных комитетов и отдельные распоряжения секретарей ЦК и парткомов, определяется одним из секретарей ЦК и секретарями парткомов и адресуются ими персонально.

2. Безусловно воспрещается передача выписок и отдельных распоряжений ЦК и парткомов лицам, коим выписка или распоряжение не адресованы.

3. Выписки и отдельные распоряжения ЦК и парткомов надлежит хранить в особых личных делах, и ни в коем случае не допускается приложение их к советскому и профсоюзному делопроизводству.

4. Безусловно воспрещается копирование выписок и распоряжений ЦК и парткомов, а также письменная ссылка в советском и профсоюзном делопроизводстве на решения партии.

Б) 1. О всех случаях нарушений этих решений ЦК доводить немедленно до сведения Секретариата ЦК РКП или партийных комитетов для предания виновных строжайшей партийной ответственности" [46].

620. Заметьте, на решение Сталина не только нельзя было ссылаться, но нельзя было о нем и упоминать. И этот порядок исполнялся неукоснительно. Например, Ф. Раскольников, будущая «жертва сталинизма», рассказал в своих дневниках о таком случае. В 1927 г. Политбюро, которое не имело еще и доли того авторитета, который имело в 1940 г., приняло решение о назначении О. Шмидта послом в Италию. До момента, пока Италия не даст согласия, об этом не сообщалось. Но Раскольников, работая в НКВД, о назначении Шмидта узнал и похвастался всего лишь одному человеку этой своей осведомленностью. В результате Раскольникова почти сразу же вызвали на партийную коллегию Центральной Контрольной комиссии и поставили на вид за разглашение решения Политбюро. Одновременно наказали за болтливость и наркома (министра) просвещения А. Луначарского [47]. А ведь речь шла о пустяке. Отсюда можно представить, какие меры секретности принимались, когда речь шла о делах с грифом «особая папка». Тем более, что и гриф этот ставился очень ограниченных случаях. Скажем, в упомянутом протоколе № 13 Политбюро рассмотрело 229 вопросов, из которых гриф «О.П.» имеют всего 26.

621. Поэтому бланк выписки из протокола решения Политбюро с грифом «О.П.» и начинается выполненным типографским способом предупреждением: «Подлежит возврату с течением 24 часов во 2-ю часть Особого Сектора ЦК». И поскольку адресатом числился только Берия, то эта выписка могла существовать только в единственном экземпляре. Геббельсовцы, мастера свои фальшивки, проигнорировали эту запись и притащили на Конституционный суд две выписки. И обе, конечно, «подлинные». Потом спохватились и теперь стараются, если можно, про этот позор не упоминать. К примеру, поляки, публикуя документы по Катынскому делу, переводят из них на польский абсолютно все. Но опубликовав в своем сборнике это «решение Политбюро», они атрибутивную запись о возврате документа в Особый Сектор на польский не перевели [48]. Надо думать, чтобы у имеющих мозги поляков не возникало ненужных вопросов.

622. Но и это не все. На бланке слева вертикально расположено еще одно атрибутивное предупреждение. О нем все геббельсовцы дружно молчат. На фотокопии не видно начала этого предупреждения, на момент написания этих строк у меня не было такого бланка выписки из протокола Политбюро, чтобы эта запись читалась вся. Но исходя из того, что мне удалось восстановить, там написано следующее: "...документы, не может ни передавать, ни знакомить с ними кого бы то ни было,

если нет специальной оговорки ЦК.

Копировка указанных документов и делание выписок из них категорически воспрещается.

Отметка и дата ознакомления делается на каждом документе лично товарищем, которому документ адресован, и за его личной подписью.

Основание: Постановление Пленума ЦК РКП (б) от 18/УШ-24г."

А из этой предупреждающей записи следует, что если бы эта выписка была подлинной, то на ней стояла бы личная подпись Берии, свидетельствующая о том, что он с этим решением Политбюро ознакомлен. И хотя фирма «Пихоя amp; К°» смастерила целых две выписки, но подписей Берии ни на одну не поставила. Сильно торопилась...

623. Далее, из этого следует, что Берия не мог обрадовать Меркулова, Кобулова и особенно Баштакова известием о том, что они члены какой-то долбаной «тройки». Поскольку геббельсовцы забыли упомянуть их в адресе, а Берия, согласно Постановлению Пленума ЦК РКП(б) от 18.08.24 г., не имел права «знакомить кого бы то ни было» с этим документом. Интересно то, что только в своих сборниках документов геббельсовцы опубликовали до десятка подлинных выписок из протоколов Политбюро и во всех в адресе указаны все, кому надлежит это решение выполнять, вне зависимости, указаны они в самом решении или нет. А здесь решение нужно исполнять Кобулову, Меркулову и майору Баштакову, но именно от них это решение держится в тайне?

624. На фоне того, насколько секретными были решения Политбюро, просто умиляет «мастерство» прокуроров ГВП. Вот они гордо докладывают о своих успехах:

«Только после предъявления архивных документов и неоднократной демонстрации видеозаписи допроса Токарева, подтверждающих личное участие Сопруненко в катын-ских событиях, он дал важные показания о том, что лично видел и держал в руках постановление Политбюро ЦК ВКП(б) за подписью Сталина о расстреле более 14 тыс. польских военнопленных, содержащихся в Осташковском, Старобельском и Козельском лагерях НКВД СССР. Тем не менее и Сопруненко не рассказал всей известной ему правды об этом документе: скрыл, что в нем говорилось также о расстреле более 7 тыс. польских граждан в Западной Украине и Западной Белоруссии. Он не признал, что явился одним из организаторов и активных исполнителей решения, о расстреле более 14 тыс. поляков и что лично руководил „разгрузкой“ тех специальных лагерей и подписывал списки-предписания, на основании которых они были отправлены на расстрел в У НКВД Калининской, Смоленской и Харьковской областей» [49].

625. Следует напомнить, что Токарева и Сопруненко допрашивали раньше, нежели фирма «Пихоя amp; К°» смастерила фальшивки про «тройку», поэтому прокуроры требовали от них подтвердить, что поляков «расстреляли» не по решению «тройки», а по решению Особого совещания. Фактически в фильме «Память и боль Катыни» в видеозаписи Сопруненко по этому поводу, как я уже писал, ему вообще не дают говорить — во всем эпизоде говорит диктор, который заткнулся только для того, чтобы зрители услышали слова Сопруненко «стояла подпись Сталина». Но вот беда, на той «выписке из протокола», которую геббельсовцы осмеливаются показывать (фальшивка № 4), подписи Сталина нет, а ту «выписку», на которой геббельсовцы эту подпись поставили, они боятся людям показывать. Поэтому даже в фильме речь идет не о «постановлении Политбюро ЦК ВКП(б) за подписью Сталина», как сегодня брешут прокуроры ГВП, а о некоем письме Сталина, которое Сталин якобы написал Кобулову, Сопруненко и прочим. Но так как сфабриковать такое письмо фирма «Пихоя amp; К°» не рискнула, то зрителю показывают липовое «письмо Берии» Сталину с подписями Сталина, Молотова, Микояна и Ворошилова как бы левой рукой. Но, как видите, все эти манипуляции геб-бельсовских подонков мы должны воспринимать за признание Сопруненко в том, что он, дескать, видел «Постановление Политбюро» и этим, дескать, подтвердил его подлинность. Я даже не могу себе представить, до какой степени мы обязаны быть идиотами, чтобы блевотину прокурорских подонков воспринимать за правду.

626. Ведь суть проста: если решение Политбюро было адресовано только Берии, то никто, кроме него, это решение не мог видеть и не мог о нем знать. Когда я при встрече в посольстве Польши обратил на это внимание Ольшевского и Журавского, то они, нисколько не смущаясь, как и полагается полякам, заявили, что Сталин приказал Берии, а уж Берия своей властью создал «тройку». Но ведь это же была не Польша! Кто бы исполнил приказ Берии по такому поводу, зная, что решением правительства СССР и ЦК ВКП(б) все тройки ликвидированы?

627. Надо оценить, что это было за время. Берия к марту 1940 г. был на посту наркома внутренних дел чуть больше года, а его предшественника, славного наркома Ежова, 4 февраля 1940 г. расстреляли [50] именно за то, как эти Особые тройки сработали. Вместе с ним получил пулю в затылок и заместитель Ежова, организовывавший работу троек, командарм Фриновский [51]. Хотя Сталин еще в

20-х годах провел постановление, запрещавшее партийным и государственным деятелям иметь дачи больше чем в 4-5 комнат, предшественник Ежова на посту наркома внутренних дел Г. Ягода построил себе поместье в 20 комнат, и это пригодилось: теперь в его поместье палачи из НКВД добивали остатки «пятой колонны» НКВД, и в ее числе тех, кто особенно отличился в работе «троек» [52]. Начальник УНКВД Москвы и Московской области комиссар госбезопасности 1-го ранга С. Реденс, возглавлявший в 1937 г. Особую тройку, был расстрелян 2.01.40 г.; Л. Заковский, планировавший работу «троек», был расстрелян 29.08.38 г.; Г. Якубович, сменивший Реденса, был расстрелян 26.01.39 г.; помогавший Заковскому А. Постель, по сведениям «Мемориала», получил 15 лет, но это вряд ли — тогда давали или не больше 10, или расстрел; председатель «тройки» по уголовным делам М. Семенов расстрелян 25.09.39 г.; организовывавший расстрелы начальник АХО НКВД СССР И. Берг, расстрелян 7.03.39. [53] А теперь представьте, что в разгар этих разборок с членами «троек», Берия, плюнув на совместное постановление правительства и ЦК, вдруг приказал бы создать «тройку» для расстрела поляков. Да его связали бы без санкции прокурора и не дожидаясь приговора военного трибунала отвезли бы на дачу Ягоды! Придурки-геббельсовцы так смастерили фальшивку № 4, что заложенное в ней «решение Политбюро» неисполнимо ни с каких точек зрения.

Фальшивка № 5

628. Сфабриковав вышестоящие «документы», Геббельсовцы столкнулись с вопросом: если поляков расстреляли по решению «тройки», то где остальные ее документы? Где протоколы «троек», выписки из них, предписания палачам? Фабриковать эти документы фирма «Пихоя amp; К^о» не взялась. (А жаль, забавно было бы посмотреть, что бы у них получилось). Поэтому геббельсовцы сфабриковали некие «документы», которые, по их мнению, «доказывают», что все сопутствующее «решению тройки» материалы были в СССР уничтожены в 1959 году. Мысль, конечно, жиденькая, а уж исполнение получилось исключительно убогим. Видимо, фирма «Пихоя amp; К^о» фабриковала эти «документы» последними, поскольку к этому моменту окончательно растеряла свои и так небогатые умственные способности. Фальшивка № 5 — это «письмо» тогдашнего председателя Комитета госбезопасности А.Н. Шелепина тогдашнему первому секретарю ЦК КПСС и председателю совета министров Н.С. Хрущеву. Не на бланке КГБ, а на простой бумаге, от руки каллиграфическим почерком исполнен следующий текст с присовокуплением проекта постановления Президиума ЦК КПСС:

"Совершенно секретно Товарищу Хрущеву Н.С.

В Комитете государственной безопасности при Совете Министров СССР с 1940 года хранятся учетные дела и другие материалы на расстрелянных в том же году пленных и интернированных офицеров, жандармов, полицейских, осадников, помещиков и т.п. лиц бывшей буржуазной Польши. Всего по решениям специальной тройки НКВД СССР было расстреляно 21.857 человек, из них: в Катинском лесу (Смоленская область) 4.421 человек, в Старобельском лагере близ Харькова 3.820 человек, в Осташковском лагере (Калининская область) 6.311 человек и 7.305 человек были расстреляны в других лагерях и тюрьмах Западной Украины и Западной Белоруссии.

Вся операция по ликвидации указанных лиц проводилась на основании Постановления ЦК КПСС от 5-го марта 1940 года. Все они были осуждены к высшей мере наказания по учетным делам, заведенным на них как на военнопленных и интернированных в 1939 году.

С момента проведения названной операции, т.е. с 1940 года, никаких справок по этим делам никому не выдавалось и все дела в количестве 21.957 хранятся в опечатанном помещении.

Для Советских органов все эти дела не представляют ни оперативного интереса, ни исторической ценности. Вряд ли они могут представлять действительный интерес для наших польских друзей. Наоборот, какая-либо непредвиденная случайность может привести к расконспи-рации проведенной операции со всеми нежелательными для нашего государства последствиями. Тем более, что в отношении расстрелянных в Катинском лесу существует официальная версия, подтвержденная произведенным по инициативе Советских органов власти в 1944 году расследованием Комиссии, именованной: «Специальная комиссия по установлению и расследованию расстрела немецко-фашистскими захватчиками в Катинском лесу военнопленных польских офицеров».

Согласно выводам этой комиссии все ликвидированные там поляки считаются уничтоженными немецкими оккупантами. Материалы расследования в тот период широко освещались в Советской и зарубежной печати. Выводы комиссии прочно укрепились в международном общественном мнении.

Исходя из изложенного представляется целесообразным уничтожить все учетные дела на лиц,

расстрелянных в 1940 году по названной выше операции.

Для исполнения могущих быть запросов по линии ЦК КПСС или Советского правительства можно оставить протоколы заседаний тройки НКВД СССР, которая осудила указанных лиц к расстрелу, и акты о приведении в исполнение решений троек.

По объему эти документы незначительны и хранить их можно в особой папке.

Проект постановления ЦК КПСС прилагается.

Председатель Комитета государственной безопасности при Совете Министров СССР А.Шелепин 3 марта 1959 года, Н-632-Ш" [54].

Проект постановления таков:

"Совершенно секретно Постановление Президиума ЦК КПСС от _____ 1959 года

Разрешить Комитету Государственной Безопасности при Совете Министров СССР ликвидировать все дела по операции, проведенной в соответствии с Постановлением ЦК КПСС от 5 марта 1940 года, кроме протоколов заседаний тройки НКВД СССР" [55].

629. Справа вверху стоит штампик «Особая папка», из чего мы должны сделать вывод, что этот «документ» хранился в ЦК КПСС. Есть подпись, похожая как две капли воды на подпись Шелепина. Но нет ни малейших намеков на то, что это письмо поступило в ЦК КПСС. На «проекте Постановления» нет ни малейшей пометки, ни малейшего намека, что Хрущев его читал, а Президиум ЦК рассматривал. Но зато справа вверху есть очень красивый четкий штамп: «Подлежит возврату. 0680. — 9 марта 1965. 6-й сектор, в ЦК КПСС Общий отдел». А в конце страницы совершенно неясный штамп с числом «9485» и внесенными от руки записями «-59» и «20 III 65». Из того, что записано в этих штампах, получается, что письмо от председателя КГБ СССР до первого секретаря ЦК КПСС шло 6 лет и 6 дней. Что бы это могло означать еще, нежели не признак тупой подделки? Как вы видели из текстов обеих частей бригады Геббельса, они об этом глухо молчат. Объяснять ситуацию они доверили титану прокурорской мысли подполковнику бедной юстиции Яблокову. Когда еще живой тогда А. Шелепин ткнул его мордой в эти штампик, он бросился с рекламациями к изготовителям «письма Шелепина» — к фирме «Пихоя атр; К°». Те впарили ему «мульку», о которой Яблоков доверчиво сообщает:

«В тот день я по предложению Короткова связался по телефону с его заместителем А. С. Степановым, который пояснил, что в практике КГБ в 50-60-х и последующих годах существовал порядок изготовления особо важных документов в единственном экземпляре, рукописным способом и особо доверенными людьми. О том, что письмо исполнено таким образом, свидетельствует каллиграфический почерк, который явно не соответствует почерку Шелепина. Каждая буква текста выполнена отдельно и с особым старанием. На документе не проставлен ни номер экземпляра, ни их количество. Документ длительное время, с 3 марта 1959 г., не регистрировался, очевидно потому, что находился в сейфе у заведующего общего отдела ЦК КПСС Малина. Такое положение имело место с многими другими документами аналогичного значения. В 1965 г. Малин уходил с этой должности, и поэтому 9 марта 1965 г. под номером 0680 документы были зарегистрированы в текущем делопроизводстве ЦК КПСС, а 20 марта 1965 г. под номером 9485 переданы в Архив ЦК КПСС» [56].

630. Пытался ли Яблоков напрячь мозги и вдуматься в магические слова «были зарегистрированы в текущем делопроизводстве»? Это не в «текущем» делопроизводстве, это в делопроизводстве с уже совершенно высохшими мозгами регистрируют письмо от уже ушедшего с должности председателя КГБ Шелепина (ушел с этого поста в 1961 г.) к уже снятому с должности Хрущеву (снят с должности 14 октября 1964 г.). Любая регистрация документа является в своей сути всего лишь гарантией того, что данный документ будет передан тому, кому адресован. Ничего больше регистрация не означает. Кому должен был передать «письмо Шелепина» тот, кто поставил штампик на «письме» — конвоем вокруг дачи Хрущева? Какой архив мог принять эту бумажку, если на ней нет указаний об этом тогдашних должностных лиц? Простите, но за подброс фальшивки в архив можно было получить срок не меньше, чем за воровство из архива.

631. Понимаете, по идее, 9 марта 1965 г. канцелярист, поставивший этот штампик входящего номера, обязан был бы передать это письмо по меньшей мере адресату по должности — Брежневу. Но тут моментально встал бы вопрос — почему этот канцелярист скрывал от секретарей ЦК это сверхсекретнейшее письмо 6 лет и 6 дней? Ведь на письме нет ни малейших пометок, что его кто-то в ЦК видел. За такие шутки из тюрьмы можно было не выйти. Если бы канцелярист сослался на Малина, то Малину последовали бы те же вопросы, ведь он не выборный член ЦК, он всего лишь технический работник, по должности старше, чем канцелярист, но не более того.

Раз на «письме Шелепина» есть исходящий номер (Н-632-Ш), значит, его отправил секретариат КГБ и оно попало в секретариат ЦК, следовательно, на нем обязан был быть входящий номер ЦК, и этот

номер должен был иметь ту дату, которую, вероятнее всего, геббельсовские придурки и хотели проставить — 6 марта 1959 г. Отсутствие штампа входящего номера с совпадающей датой -это признак явной подделки.

632. Далее, по геббельсовской легенде, все фальшивки Катинского дела фирма «Пихоя amp; К°» нашла якобы в таком «секретном пакете № I», который лично вскрывал и лично запечатывал только генеральный секретарь ЦК КПСС. Как же архивисты Малина сумели это «письмо» засунуть в этот пакет без разрешения Брежнева?

Этот идиотизм имеет, на мой взгляд, совершенно простое объяснение. Дело в том, что на самих штемпелях выполняется зеркальное отражение оттиска, т.е. читать его нужно справа налево. Если Шелепин подписал письмо 3 марта 1959 г., то когда оно должно быть получено в ЦК КПСС и зарегистрировано? Правильно, через 3-5 дней. Вот фирма «Пихоя amp; К°» взялась лично выставить дату на штемпеле, и в результате верчения цифр "5" и "9" у них на оттиске получился не 1959, а 1965 год, поскольку на этом типе штампа "б" и "9" абсолютно идентичны в своем рисунке. И они этого не заметили! Подтверждение этой своей мысли я нахожу в том, что это «письмо» геб-бельсовцы носили в Конституционный суд без второго, нижнего штампика, поскольку Рудинский дважды описывает это письмо, но о штампике 20 марта 1965 г. не упоминает. Потом, сочинив версию про Малина, геббельсовцы сфабриковали и второй штамп, чтобы уверить, что в дате «1965» нет ничего удивительного.

633. Но это не все внешние признаки фальшивки. Дело в том, что на той «выписке из протокола», которую геббельсовцы сегодня прячут, есть более поздний адрес: «Шелепину». По геббельсовской легенде, Хрущев, дескать, вскрыл «пакет № 1», увидел эти «документы» и послал эту выписку Шелепину. А тот отдал эту выписку очень секретному сотруднику, и тот подготовил текст «письма Шелепина». То есть, мало того, что и Шелепин, бывший до этого вожак комсомола, и его «секретный» сотрудник прекрасно знали и систему управления партией, и ее историю, но они еще имели и «решение Политбюро ЦК ВКП(б)». Как же они, глядя на этот документ, могли написать «ЦК КПСС»? Как они могли спутать решение Политбюро с постановлением пленума ЦК, поскольку слова «Постановление ЦК КПСС» имеют в виду постановление всех 130 членов ЦК, а не 10 членов Политбюро. Это «историки» фирмы «Пихоя amp; К°» этого не знают, это для них что Политбюро, что ЦК — все едино, это они уверены, что название «КПСС» партия имела еще при Ленине, но как реальный Шелепин мог подписать такую глупость?

634. «Письмо Шелепина» не вяжется с «письмом Берии»: в последнем предлагается расстрелять после рассмотрения справок, а Шелепин пишет о рассмотрении «учетных дел». Чувствуется польское влияние — уж очень геббельсовцам хотелось показать, что расстреляны не преступники, а военнопленные. Но и тут надо было иметь все же немного своих мозгов, поскольку добавление куриных мозгов из Польши ситуацию усугубило. В «письме Шелепина» геббельсовцы написали, что на 1959 год в архиве хранится 3820 учетных дел на военнопленных Старобельского лагеря. У геббельсовцев не хватило ума вспомнить, что еще в 1990 г. они опубликовали (550) акт о сожжении этих дел 25 октября 1940 г. [57] Откуда же они могли взяться в архиве — из пепла восстали?

635. На несчастье геббельсовцев был еще жив Шелепин, и теперь его полагалось допросить в связи с «его» найденным «письмом». Как вы понимаете, в этом случае ни аудиозаписи, ни видеозаписи допроса не велось, а в протокол допроса Шелепин заставил Яблокова записать только правду. Поэтому повествуя о своих подвигах, Яблоков брешет то, на что его фантазии хватило, и в конце резюмирует:

«В целом, допрошенный в качестве свидетеля Шелепин подтвердил подлинность анализируемого письма и фактов, изложенных в нем. Он также пояснил, что лично завизировал проект постановления Президиума ЦК КПСС от 1959 г. об уничтожении документов по Катинскому делу и считает, что этот акт был исполнен». [58] Однако этот натужный оптимизм Яблокова «в целом» как-то плохо согласовывается с фактами допроса Шелепина.

636. Как я уже писал, Шелепин потребовал показать ему подлинник письма, но ему его не дали. Зачем Шелепину нужен был подлинник, понятно: это не только увидеть в натуре свою подпись, но и узнать фамилию исполнителя письма — того, кто письмо составлял. Дело в том, что по правилам секретного делопроизводства все, кто знаком с секретным документом, должны быть известны, чтобы в случае утечки секретной информации знать, среди кого искать предателя. Поэтому на обороте секретного документа пишется фамилия исполнителя и фамилия машинистки, если письмо отпечатано. Но это можно увидеть на подлиннике письма, а не на ксерокопии. Поскольку «письмо» прокуроры не показали, то Шелепин потребовал найти этого человека. Яблоков опять вынужден был обратиться на фирму «Пихоя amp; К°» с рекламацией.

«11 декабря 1992 г. я по телефону переговорил с начальником Центрального архива МБ РФ А. А. Зюбченко, которому также задал вопросы, поставленные Шелепиным. Зюбченко ответил, что по всем признакам письмо Шелепина Хрущеву составлено в единственном экземпляре. Это письмо готовил неизвестный ему сотрудник КГБ СССР из группы особо доверенных сотрудников секретариата председателя КГБ, которых знал только строго ограниченный круг должностных лиц КГБ. Он предложил для выяснения, кто именно составил это письмо, обратиться к министру безопасности РФ с письменной просьбой поручить провести опрос среди бывших сотрудников секретариата председателя КГБ. На наш запрос министру В.П. Баранникову поступил ответ, что этот сотрудник уже умер и опросить его не представляется возможным» [59] — пишет Яблоков. Обратите внимание на маразм: имя исполнителя неизвестно, но доблестный Баранников выяснил, что этот неизвестный уже умер.

637. В итоге, если из глупого словесного поноса Яблокова по поводу его допроса Шелепина вычленишь то, что Шелепин действительно сказал, то останется только: «О преступлении в Катини и других местах в отношении польских граждан он знает только то, что сообщалось в газетах» [60]. Что и следовало ожидать. Таким образом, это заявление Шелепина является еще одним доказательством того, что все эти геббельсовские «документы» — фальшивки.

638. Вот и посмотрите на фирму «Пихоя amp; К°». У них в распоряжении было все: возможность уничтожить дела в архивах, подменить в них документы на фальшивки, у них были образцы исполнения документов, образцы подписей, образцы штампов и номеров. И что в результате? Если бы Хрущев (сам по себе не Бог весть какой грамотный) увидел, как фирма «Пихоя amp; К°» исполнила очень простую работу, то наверняка, вспомнив выставку абстракционистов, завопил бы: «Пидарасы!!!»

Судебное апробирование фальшивок и ввод их в научный оборот

639. После того, как фирма «Пихоя amp; К°» смастерила такие великолепные «документы» по Катинскому делу, осталось их показать знающим людям с тем, чтобы они признали эти «документы» за подлинными, и убедить историков, что этими документами надо пользоваться при написании истории. Место апробирования геббельсовцы выбрали прекрасное — Конституционный суд, который лето и осень 1992 г. рассматривал так называемое «дело КПСС». Прекрасным это место было потому, что суды в России надежно укомплектованы негодьями, готовыми на любую подлость в угоду правящему режиму. Уже тот факт, что Конституционный суд принял к рассмотрению ксерокопии «документов», а не их подлинники, говорит об этом суде все. Даже выдающийся геббельсовский специалист по подделкам В. Козлов о таких случаях пишет: «Правило второе. Отсутствие возможности натурно-демонстрационного знакомства с источником в большей степени свидетельствует о его подложности, чем о подлинности» [61]. И в этом сомневаться не приходится.

640. Во-вторых, защитники КПСС на процессе, на мой взгляд, были вялые, и если не подыгрывали обвинению прямо, то скорее пассивно отбивались, нежели защищали партию. Кроме этого, никто из них раньше не слышал о Катинском деле, а Шахрай и Макаров вбросили в суд фальшивки о нем внезапно. То есть, геббельсовцы были обречены на успех — на признание подлинности своих фальшивок одним из высших судов России. Если бы, конечно, не исключительный идиотизм фирмы «Пихоя amp; К°», сфабриковавшей эту глупость. Дурость фальшивок была такова, что ни благожелательный суд, ни пассивная защита признать их за подлинные не смогли. Причем ни суд, ни защита даже не пытались вникнуть в суть документов, они просто посмотрели на их внешний вид и бросающиеся в глаза несуразности.

641. Уже цитированный мною защитник по «делу КПСС» Ф. Рудинский в своей книге Катинскому делу уделяет не много места, но даже того, что он восстановил по стенографической записи процесса, достаточно, чтобы понять, как воспринял суд эти шедевры. Рудинский пишет:

"Особое внимание мы обратили на документы из сверхсекретного пакета. «Я никогда в жизни таких документов не держал в руках, — говорил автор этих строк, -...нужно провести здесь почерковедческую экспертизу, — чьи это подписи». Речь шла о записке Берии Сталину от 5 марта 1940 г. Действительно ли это подписи Сталина, Ворошилова, Молотова, Микояна?

Ю.М. Слободкин поддержал эту точку зрения, заявив, что протокол заседания Политбюро, где за № 144 от 5 марта значится «Вопрос НКВД», по его мнению, сфальсифицирован. Он обратил внимание Суда, что нумерация заседаний Политбюро вызывает сомнение: № 136, потом вдруг сразу №144 от 5 марта. «Почему, если все это... велось по порядковым номерам, не идет 137 номер записи по порядку, а идет вдруг сразу 144 номер?» — спросил Юрий Максимович. Далее он сказал, что записка Берии

датирована 5 марта и указано, что заседание Политбюро тоже состоялось 5 марта, но «практически этого никогда не было».

...Затем мы поставили вопрос о необходимости исследования записки Шелепина Хрущеву в 1959 г. На бланке сверху написано «ВКП(б)», а внизу «КПСС», а слова «секретарь ЦК» дотпечатаны на другой машинке. Председатель КС, выслушивая наши замечания, также высказывал свои сомнения. «Обратите внимание, наверху две даты стоят: 40 какой-то год и 59 год, двойная накладка получается». Далее он заметил, что возникает вопрос насчет происхождения бланка, т.к. это бланки, относящиеся к 30-м гг. Ю.М. Слободкин обратил внимание на противоречивость содержания записки Шелепина: с одной стороны, он предлагает уничтожить учетные дела, которые могут стать достоянием гласности, а с другой — оставить решения троек и документы о приведении этих решений в исполнение. Но тогда что стоит само предложение об уничтожении этих учетных дел? — спросил он, также заметив, что его поражает, почему Хрущев, выступивший с разоблачением культа личности Сталина, никак не прореагировал на эту записку. В.Д. Зорькин не согласился с этим утверждением: «Но и у Михаил Сергеевича никакой реакции, он был родоначальником перестройки. Так мы не можем исследовать логику правителей того времени!» С.М. Шахрай немедленно реагирует: речь идет о выписке из протокола, из особой папки в 1959 г. и поскольку документ заверялся, внизу поставлена печать. Но он ничего не смог сказать, почему все это на бланках 30-х гг." [61].

(Здесь Рудинский или корректор его книги ошибся: речь шла не о «письме Шелепина Хрущеву», а о якобы посланной Хрущевым Шелепину выписке из протокола Политбюро, которую в настоящее время геббельсовцы скрывают) [63]. То есть, только взглянув на изделия фирмы «Пихоя amp; К°», защитники и председатель Конституционного суда В. Зорькин обнаружили пять доказательств того, что эти «документы» сфабрикованы, причем таких, что геббельсовцам совершенно нечего было ответить. В результате они вынуждены были снять дату с «письма Берии», а фальшивки №№ 2 и 3 вообще спрятать.

642. Они бы вообще спрятали все «доказательства» навсегда, если бы уже не раструбили о них во всем мире и не передали копии их полякам. Тут-то до геббельсовцев, возможно, дошло, что они ответственнейшее дело доверили наукообразным идиотам и что сразу показывать людям изделия фирмы «Пихоя amp; К°» нельзя — засмеют. Для геббельсовцев оставался один путь — не показывать эти фальшивки до тех пор, пока интерес к ним не остынет и когда их уже не будут воспринимать с подозрительным любопытством. Но вы сами понимаете, что говорить о документах, апеллировать к ним, доказывать ими и одновременно никому их не показывать и даже не цитировать, дело довольно трудное. Но тут пригодился опыт КГБ по распространению слухов за рубежом посредством специально создаваемых для этого, порой однодневных, печатных изданий.

643. С осени 1992 г., когда я впервые услышал о наличии этих «документов», я непрерывно пытался их найти, хотя бы в перепечатанном виде. Тщетно! У меня были партнеры, работавшие в Польше, я попросил их разыскать эти фальшивки там. Тщетно! Наконец в конце 1994 г. мне помогли — подарили сборник «Военные архивы России», выпуск 1 за 1993 г. Подарок сопроводили следующим сообщением: этот Сборник отпечатан тиражом 50 тыс. экземпляров, но весь тираж даже в 1994 г. лежал на складе. Из него только около 600 экземпляров было разослано в библиотеки Запада. Впоследствии я убедился, что это правда, поскольку в открытой продаже я этот сборник увидел только где-то в 1999 г. Я пытался несколько месяцев подряд дозвониться до редакции этого Сборника и бросил это занятие только тогда, когда понял, что телефоны редакции, как и ее адрес (ул. Новослободская, д. 50/1, кв. 72), — фальшивые. Разумеется, никаких последующих выпусков этого Сборника не последовало. Более того, в этом первом Сборнике вопреки законам не была указана типография, которая его печатала!

В этом Сборнике среди сотни (как и полагается) подлинных документов были опубликованы и тексты ка-тынских фальшивок. Но не всех, а только тех трех, которые геббельсовцы осмеливаются обсуждать и сегодня: «письмо Берии», «выписка из протокола решений Политбюро» (копия) и «письмо Шелепина с проектом постановления Президиума». Характерно то (как я это увидел позже), что в этих документах были тщательно убраны те признаки подделки, которые всплыли на Конституционном суде при первом явлении этих фальшивок общественности.

644. В Сборнике дан текст «письма Берии» и фотокопия подписи Берии. К документу дано пояснение редколлегии: «На первой странице документа подписи И. В. Сталина, К.Е. Ворошилова, В.М. Молотова, А. И. Микояна. М.И. Калинин и Л.М. Каганович на заседании отсутствовали, но высказались „за“. В пункте III фамилия Берия вычеркнута, вписана чернилами фамилия Кобулова» [64]. Это «пояснение» меня ввело в заблуждение — я полагал, что редколлегия честно сообщила обо всем, что было на документе. Потом, когда я увидел письмо, то понял и подлость геббельсовцев: они, во-первых, не дали в тексте ни номера письма, ни даты (настолько перепугал их Ю. Слободкин на

Конституционном суде), а во-вторых, не дали фотокопии того, как выглядят подписи членов Политбюро, хотя увидеть их подписи, сами понимаете, было важнее, нежели увидеть подпись Берии.

645. Фальшивка № 4 представлена воспроизведением бланка выписок из протокола Политбюро и текста. К ней тоже дано примечание составителей Сборника: «На выписке из протокола стоит резолюция: „Изъято из протокола „ОП“ 4. III. 197 0 года М. Закрытый пакет. Согласовано с т. Черненко К.У.“ Подпись неразборчива» [65]. Но геббельсовцы подло не воспроизвели и даже не упомянули о боковой атрибутивной надписи на бланке, запрещающей знакомить с текстом кого-либо, если он не указан в адресе.

646. Наконец, к «письму Шелепина и проекту постановления Президиума» не дано ни одного примечания, между тем из него убран исходящий номер КГБ и, естественно, не воспроизведен и не описан «входящий штамп» ЦК с датой «9 марта 1965 г.» [66].

647. Как видите, геббельсовцы убрали из Сборника две наиболее бросающиеся в глаза фальшивки и постарались убрать все делопроизводственные признаки подделки из остальных. Но смысл-то остался! Этот сборник и подвиг меня сесть и быстро написать «Ка-тынский детектив». В нем я кратко остановился и на странностях «Военно-исторического архива». Геббельсовцы по этому поводу почему-то не сочли нужным промолчать. В «Катынском синдроме...» геббельсовцы пишут: "Подготовленная для передачи польской стороне и в Конституционный суд подборка документов была передана для опубликования в научный журнал «Вопросы истории» [67].

Во-первых, геббельсовцы по обыкновению брешут — и в «Вопросах истории» фальшивки №№ 2 и 3 не опубликованы. Но к этой фразе есть сноска (20) и дано примечание:

"20 Секретные документы из особых папок/Подготовка публикации и вступительная статья к ней М.И.Семиряги// Вопросы истории. 1993. № 1. С. 7-22.

Одновременно с этой публикацией в печати появилась анонимная публикация: Катынское дело: Можно ли поставить точку? // Военные архивы России. Вып. 1. 1993. Публикуя те же документы «на коммерческой основе» в издании с мифическим составом редколлегии и фальшивым телефоном, без указания архива и без каких-либо легенд, автор (или авторы) не скрывают своей связи с «Военно-историческим журналом». Он ссылается на контакт с «Р. Святеком» (то есть с Хорынем-Святеком, автором вышедшей в 1988 г. в Лондоне очередной фальсификации в духе Сообщения комиссии Бурденко «Катынский лес») и в путаном, двусмысленном предисловии задается вопросом: кто же прав — авторы «советской версии» или их противники, «а может быть, и те, и другие?» При этом в «Военных архивах России» (уже прекративших свое существование) не было ни слова сказано о передаче документов по поручению Б. Ельцина в Варшаву, о корректировании «советской версии». Эта публикация вызвала негативную реакцию Р. Г. Пихои, С. А. Филатова, Д. А. Волгогонова и А. В. Короткова (об истории журналистского расследования см.: Максимова Э. Продавцы сенсаций из Архива Президента // Известия. 13 июля 1994 г.).

Постановление Политбюро ЦК ВКП(б) от 5 марта 1940 г., записка Л. Берии (НКВД СССР) И. Сталину от марта 1940 г. и записка А. Шелепина Н. Хрущеву от 3 марта 1959 г., хранящиеся в Архиве Президента РФ (Ф. 3. Пакет № 1), вошли в публикацию документов: Материалы «особой папки» Политбюро ЦК РКП(б)/ВКП(б) по вопросу советско-польских отношений. 1923-1944 гг. М" 1997. С. 100-103" [68].

648. Рассмотрим этот текст с конца. Как видите, и в 1997 г. из пяти исходных фальшивок публикуются только три. Во-вторых, из бригады Сталина назван только Р. Святек, но на самом деле «автор (или авторы) не скрывают своей связи» с видными геббельсовцами: Я. Заводским, С. Свяневичем и Ч. Мадайчиком [69]. Затем, как вы видели выше, подлинники фальшивок фирма «Пихоя amp; К°» не выдает ни прокуратуре, ни суду. Каким же образом составители Сборника могли получить их текст, если не с подачи «Пихоя amp; К°»? И наконец, как вы видите, следует упрек паршивым историкам вроде меня — вместо того, чтобы черпать факты из таких солидных и очень научных журналов, вроде «Вопросы истории», мы пользуемся какими-то пиратскими изданиями, которые «настоящие историки» типа Пихои, Волгогонова и Короткова побрезговали бы и в руки взять. Действительно, сегодня в больших библиотеках можно запросить и взять журнал «Вопросы истории» № 1 за 1993 г. и в нем есть тексты и фотографии этих трех фальшивок. И я бы признал этот упрек геббельсовцев, если бы не два «но».

649. Если фирма «Пихоя amp; К°» в середине ноября передала ксерокопии документов в «Вопросы истории», то редколлегия могла снять с номера ранее запланированные материалы и на этих страницах дать геббельсовские фальшивки, поскольку для того, чтобы «Вопросы истории» № 1 вышли в январе 1993 г., редколлегии надо было отдать номер в типографию для набора и верстки в начале декабря 1992

г. Берем журнал «Вопросы истории» № 1 за 1993 г. и смотрим последнюю 176 страницу, на которой напечатаны выходные данные типографии. А там написано: «Сдано в набор 22.XII.93.». То есть, этот номер не мог быть отпечатан ранее начала 1994 г., но «мог» еще не означает «был». А если и был отпечатан, то это еще не значит, что «Вопросы истории» № 1 за 1993 г. даже в 1994 г. поступил в библиотеки и подписчикам. В тех библиотеках, в которых я наводил справки, библиотекари помнят только то, что из-за гайдаровской экономической политики почти все журналы либо перестали приходить в библиотеки, либо приходили с большим опозданием, и в каком году пришел № 1 «Вопросов истории» за 1993 г., они вспомнить не могли. Но, возможно, с выходом этой книги библиотекари восстановят дату, когда они этот номер получили.

650. Но это не все. Моя книга «Катынский детектив» подписана в печать в августе 1995 г., а редакционная коллегия сборника «Органы государственной безопасности СССР в Великой Отечественной войне», состоящая из двух генерал-полковников, пятерых генерал-лейтенантов, вице-адмирала, генерал-майора, трех полковников, из которых три доктора наук и шесть кандидатов наук, два профессора и три доцента, подписали в печать первый том «Органов...» в конце апреля 1995 г., т.е. мы выпускали книги в одно и то же время. Я в «Катынском детективе» дал текст геббельсовских фальшивок со ссылкой не на «Вопросы истории», а на «Военные архивы России». Редколлегия «Органов...» тоже дала на стр. 153-156 «письмо Берии» и «выписку из протокола». И тоже дала со ссылкой на «Военные архивы России», а не на «Вопросы истории»! А это как понять? Я в Казахстане в том бардаке и в то время не получал не только журналов, но и газет, но этот-то взвод генералов и профессоров сидел в Москве, он-то уже обязан был в 1995 г. получить «Вопросы истории» № 1 за 1993 г.! Но не получил. Более того, редколлегия «Органов...» «письмо Берии» называет по номеру 794/Б, но в «Военных архивах России» этот номер не указан! Значит, авторы «Органов...» уже узнали номер от фирмы «Пихоя amp; К°», но на «Вопросы истории» все равно не сослались. Это почему? Ответ: и в начале 1995 г. № 1 журнала «Вопросы истории» еще не было ни в библиотеках, ни у подписчиков.

И вот то, что сами геббельсовцы боялись публиковать свои сенсационные фальшивки, безусловно доказывает, что это фальшивки.

О количестве признаков подделки

651. Маститый геббельсовский «ученый» В. Козлов не только блестяще исследует признаки подделки документов, но и учит считать их. Анализируя фальшивую записку Зайкову, он насчитал таких признаков целых семь. Придется и мне пересчитать те признаки фальшивки, которые характеризуют изделия фирмы «Пихоя amp; К°», — нельзя же пренебречь указаниями такого могучего специалиста. Не буду систематизировать их на делопроизводственные, смысловые и не соответствующие реалиям, просто дам их в том порядке, в котором они вскрылись при анализе.

652. Итак, эти «документы», которые фирма «Пихоя amp; К°» якобы нашла в архиве ЦК КПСС, фальшивы, поскольку:

1. В массиве остальных, действительно подлинных документов нет ни малейших признаков ни учрежденной в фальшивках «тройки», ни того, что поляков расстреляли. (569)

2. На «письме Берии» резолюция и росписи членов Политбюро нанесены так, что строки «письма» в момент нанесения подписей должны были быть в вертикальном положении. Так расписаться мог только специалист по подделке почерков, ни один реальный руководитель так не напишет. (588)

3. «Письмо Берии» имеет номер при отсутствии даты. В подлинном документе такое невозможно, поскольку это одна запись, как и серия и номер на банкноте. (590)

4. В «письме Берии» генералы объединены с подполковниками, чего в подлинном документе НКВД быть не могло. (593)

5. В «письме Берии» объявлены «неисправимыми врагами советской власти» 14736 офицеров и 18632 заключенных, но расстрелять предлагается 14700 одних и 11000 других без предложения, что делать с остальными «закоренелыми» врагами. В реальном предложении Берии такого быть не могло. (594)

6. В «письме Берии» создание «тройки» бессмысленно, поскольку то, что от нее требовалось, могло быть гораздо проще осуществлено без нее. (595)

7. В «письме Берии» «тройке» не дается никаких прав и не определяется работа, т.е. это фикция, которую реальный Берия никогда не предложил бы. (596)

8. В «тройке» как коллегиальном органе нарушен принцип равноответственных членов — к двум

высшим должностным лицам НКВД (наркому и его первому заместителю) добавлен начальник третьестепенного отдела. В реальных тройках было недопустимо участие подчиненных члена тройки. (598-599)

9. Берия не мог предложить создание «тройки», поскольку все тройки были накануне ликвидированы совместным постановлением правительства СССР и ЦК ВКП(б), т.е. она была невозможна с точки зрения судебного законодательства. (600)

10. «Тройка» была невозможна и с точки зрения судебной практики — после 1938 г. судебные тройки никогда больше не реанимировались, несмотря на сходные ситуации. (602-604)

11. «Письмо Берии» не могло быть написано ранее справки Сопруненко от 3 марта, следовательно, его не могли рассмотреть на заседании Политбюро 5 марта. (608)

12. Интерполяция даты по номеру письма показывает, что реальное письмо Берии с № 794 могло быть им подписано 28-29 февраля, следовательно, в нем не могло быть данных справки Сопруненко от 3 марта. (609)

13. В «письме Берии» не учтены те 395 военнопленных офицеров, которые одновременно с отправкой пленных в лагеря ГУЛАГа были отправлены в лагерь военнопленных в Грязовце. (611)

14. В «выписке из протокола Политбюро» при создании «тройки» нарушен основной принцип их создания -из первых лиц ведомств с обязательным участием прокурора. (614-615)

15. В «тройке» майор Баштаков получает права, которыми не был наделен даже нарком внутренних дел.(616)

16. В «тройке» не определена главная ее фигура — председатель. (617)

17. В «выписке» Политбюро превышает свои полномочия — принимает решение о создании «тройки», хотя ЦК их ликвидировало. (618)

18. Геббельсовцы сфабриковали две «выписки», хотя она могла быть только в одном экземпляре. (621)

19. На «выписке» обязана была быть роспись Берии о том, что он с ней ознакомился. (622)

20. В адресатах «выписки» не указаны главные действующие лица — Меркулов, Кобулов и Баштаков, — а без этого их никто не имел права с ней знакомить. (623)

21. «Решение», заложенное в «выписке», для Берии было неисполнимо. (626)

22. Никакой делопроизводитель не поставил бы на «письмо Шелепина», посланное в 1959 г., штампик входящего номера в 1965 г. (630)

23. «Письмо Шелепина» послано в ЦК КПСС почтой, поскольку имеет исходящий номер 1959 г., отсутствие входящей регистрации в 1959 году в ЦК КПСС -признак явной подделки. (631)

24. «Письмо Шелепина» не могло быть сдано в 1965 г. в архив без разрешения на то Л.И. Брежнева, а на «письме» нет ни малейших пометок ни одного секретаря ЦК КПСС. (631)

25. Описывая «решение Политбюро», которое должно было лежать у исполнителя «письма Шелепина» перед глазами, он написал «Постановление ЦК», чего не могло быть. (633)

26. Описывая «решение Политбюро ЦК ВКП(б)», исполнитель написал «ЦК КПСС» — дикая некомпетентность фальсификаторов! (633)

27. В «письме Шелепина» указаны на 1959 год целыми и хранящимися в архиве «учетные дела на военнопленных» Старобельского лагеря, которые были сожжены в октябре 1940 г. (634)

28. Шелепин не подтвердил своей переписки по этому поводу и заявил, что о Катынском деле он впервые узнал из перестроечных газет. (636)

29. Фальсификаторы никому не показывают подлинников этих «документов». (639)

30. Геббельсовцы не показывают ныне фальшивку № 2 — две страницы «протокола заседания», в котором номер повестки 144 идет сразу за № 136. (641)

31. В первом варианте «письма Берии» Геббельсовцы поставили дату «5 марта», но. в нынешних вариантах она уже стерта.(641)

32. Геббельсовцы не показывают ныне «выписку» с «подлинной подписью» Сталина, якобы адресованную Хрущевым Шелепину. (641)

33. На этой «выписке» текст отпечатан двумя машинками. (641)

34. Бланк «выписки» не соответствует годам, проставленным на ней. (641)

35. В первой публикации «документов» геббельсовцы не указали, вопреки правилам, их делопроизводственные особенности, в связи с тем, что эти особенности подтверждали фальшивость уж очень явно. (644-646)

36. О фальшивости свидетельствует и то, что впервые «документы» были представлены общественности через подставное периодическое издание — журнал «Военные архивы России»,

который после выпуска № 1 исчез. (643)

37. Журнал «Вопросы истории» № 1 за 1993 год, в котором якобы впервые были описаны эти «документы», описал только три из пяти фальшивок и до 1995 года не поступал подписчикам и в библиотеки. (650)

Фальшивки жестко связаны друг с другом, и любой признак подделки одной из них является признаком подделки и остальных.

653. Вы, судьи, видите, что дает даже неполный анализ подлинности этих «подлинных» документов, состряпанных геббельсовцами. А что они противопоставляют этому анализу? Известно что: заявление честнейшего прокурора генерала юстиции Н.Л. Анисимова: «Прокуратура ручается за достоверность этих документов!» Разве ему можно не поверить? Ведь точно так же, глядя на секретаря парткома честными-честными глазами, он ручался никогда не изменять делу Ленина. Точно так же, сжимая перед знаменем части автомат, ручался не изменять воинской присяге. Испытанной честности организм! Пробы негде ставить...

654. Еще и еще раз возвращаюсь к тому, что дебильность бригады Геббельса просто угнетает и не дает ни малейшего повода для мысли о том, что у правила «подонок не может быть умным человеком» могут быть какие-то исключения. Посмотрите на нынешний правящий режим России. Это воры, которые ее ограбляют. Хорошо. Но ведь богатого грабить выгоднее, нежели бедного! Я уже писал, что ныне средний русский живет в четыре раза беднее, чем мог бы жить в РСФСР, и все это от развала экономики. Если бы воровской режим России экономику не развалил, то и обворованные граждане России жили бы в четыре раза богаче, и правительственные воры украли бы раз в 10 больше (за счет разворовывания средств на армию и флот). Им, вора, выгодно было не обрекать Россию на нищенство, но они это сделали. Почему? А они этого не смогут объяснить — это умственно недоразвитые выродки: они не хотели, но у них так получилось! Они никогда не понимали и не понимают сейчас, что они делают в области государственного управления. Но посмотрите на них, когда они соберутся у какого-либо титана мысли на ТВ — у Сванидзе, Киселева или еще какого-нибудь Шавика Сустера — и начнут болтать «умные слова». Они же все гении! Но вот эти гении начали управлять мощнейшей экономикой страны, и теперь все, в том числе в среднем и они, живут в четыре раза хуже, чем могли бы жить.

Так и эти придурки-геббельсовцы. В кругу таких же придурков они и мудрые генералы, и выдающиеся академики — умнейшие люди страны. Но вот им поручили конкретное задание — сфальсифицировать уголовное дело № 159 — и что получилось? «По делам их, узнаете их». Ну кого еще, кроме идиотов, мы можем узнать в этих академиках и генералах по Катынскому делу?

655. Я понимаю, что многим читателям этой книги не нравится ни то, что я написал, ни то, как я это написал, ни выводы. И у них на языке вертится вопрос: «А ты, умник, сам бы смог сфальсифицировать это дело?» Увы, оно изначально дохлое из-за торопливости немцев. Им бы по уму надо было сэкономить боеприпасы и расстрелять поляков нашими трофейными наганами, руки им связать пеньковой бечевой, которой вокруг было полно. А им лень было искать, они воспользовались тем, что начальник тыла им доставил. В конце концов, они в 1943 г. могли бы не в Катынь трупы свозить, а наоборот — из Катыни в какое-либо глухое место, а там в могилы сыпануть побольше гильз от патронов к нагану. Но им, по большому счету, это и не надо было: поляки поверят — и достаточно. И теперь, исходя из того, что немцы сделали, что бы ни делать сегодня, а все равно идеально не получится. Но при тех возможностях, которые получили геббельсовцы в СССР с приходом Горбачева, и особенно после 1991 г., расследование геббельсовской фальшивки можно было чрезвычайно затруднить.

656. Вспомните, геббельсовцы имеют тысячи подлинных документов о том, что поляков судило Особое совещание при НКВД. Да, оно не имело права приговаривать к расстрелу. Когда геббельсовцы наконец это выяснили, то запаниковали и стали стряпать совершенно непотребные фальшивки про идиотскую «тройку». Не надо было паниковать. В 1940 г. Особое совещание права расстрела не имело, но ведь в 1941 г. оно его все же получило! И нужно было идти именно в этом направлении, т.е. сфабриковать (не так, разумеется, глупо) решение Политбюро от 5 марта 1940 г. о предоставлении Особому совещанию права расстрела пока только иностранцев, которых, напомним, в сталинском СССР мало праздновали. Такая фальшивка органически объединила бы весь ранее найденный массив документов и была бы логично связана с последовавшими событиями: в 1940 г. Особое совещание получило право расстрела иностранцев, а в 1941 г. — всех остальных. Учитывая, что все архивы у геббельсовцев, такую версию было бы очень трудно опровергнуть. Эта версия об Особом совещании просто кричит о себе, но не нашлось никого, кто бы подбросил в безмозглые головы фирмы «Пихоя

amp; K°» хотя бы ложку ума. Хотя бы чайную...

657. И, наконец, хотел бы сказать еще вот о чем. В польской «Газете wyborовой» печаталось несколько обширных статей о моем «Катынском детективе». В одной из них Марек Тарчинский, видный геббельсовец Польши, соболезнует мне: «Мухин, видимо, не является серьезным исследователем. Его база очень узка. Сомневаюсь, что он знаком с библиографией Катыни, использует только книги, напечатанные на русском языке. Их всего лишь 3-4». И того меньше — должен сказать я. Когда я писал «Катынский детектив», то по Катыни имел только «Катынскую драму», «Военные архивы России» и не более десятка статей из газет и журналов. В данной книге я расширил свою «базу»: по Катыни рассмотрел почти все документы.

И что, ляхи, вам это сильно помогло?

Послесловие

Напомню читателям, что текст данной книги является как бы стенограммой суда над фальсификаторами Катынского дела, и если бы такой суд состоялся, то каждый из читателей мог быть на этом процессе присяжным, то есть тем, кто определяет, виновен подсудимый или нет. В этой книге бригада Геббельса изложила результаты своего расследования и бригада Сталина их рассмотрела. Мне предстоит заключительная речь, и я буду краток.

Подытожим основные этапы фальсификации. Начали ее немцы, и причины для этого у них были жизненно важными. После сокрушительного поражения вермахта от Красной Армии на полях под Сталинградом для немцев остро встал вопрос уже не победы над СССР, а сохранения самой нацистской Германии и ее влияния хотя бы в западной Европе. Европу требовалось идейно сплотить вокруг Германии, и такой сплачивающей идеей был для европейцев страх расплаты за антисемитизм, страх того, что руководимые евреями орды Красной Армии, войдя в Европу, будут уничтожать европейцев миллионами. Европе требовалось наглядно показать, как будут выглядеть их будущие могилы. У немцев был безусловный мотив, чтобы разрыть могилы ими же убитых поляков и устроить в Катыни как можно более грандиозное и как можно более длительное пропагандистское шоу. Быстротечность изменения военной обстановки не давала немцам времени, а допуск к Катынскому делу только своих безусловных холуев «антибольшевистских или антисемитских» взглядов не требовал от них особо тщательной подготовки. Поэтому метод фальсификации был хотя и трудозатратен, но прост.

1. Могилы в Катынском лесу были вскрыты советскими военнопленными, трупы поляков извлечены, к ним добавлены трупы из могил других мест расстрела.

2. Проведена селекция документов в карманах трупов и из них были убраны документы с датами позже мая 1940г.

3. Затем трупы были вновь зарыты, к могилам начали приглашать комиссии и на их глазах немцы начинали вновь выкапывать эти трупы, показывая, что на них нет документов, датированных временем после мифического «расстрела их органами НКВД».

4. Заранее пытками и угрозами гестапо подготовило несколько «свидетелей», которые заучили придуманный немцами текст показаний и воспроизводили его перед комиссиями. Позже немцы и поляки предприняли меры, чтобы убить всех этих «свидетелей».

5. С начала этой пропагандистской акции к немцам открыто присоединилось польское правительство в эмиграции, которое, можно предполагать, будучи уверено в победе немцев, тайно сотрудничало с ними.

Спешка и неуважение к умственным способностям поляков и остальной европейской интеллигенции привели к тому, что в ходе фальсификации немцы допустили ряд небрежностей:

— не учли либо пренебрегли тем, что они «открыли» могилы в самом людном месте пригородов Смоленска, на территории пионерского лагеря, который действовал на этом месте до июля 1941 г.;

— не стали пересвязывать руки убитых пеньковой бечевой взамен немецкого шнура;

— не подсыпали в могилы гильз от патронов к нагану;

— очень поспешно опубликовали фотокопии документов из карманов трупов, в результате чего среди них попались и документы с датами после мая 1940 г.

Но поскольку пресса оккупированной Европы была у немцев в руках, а в западном мире всю прессу забивали пороссячи визги польского правительства в эмиграции, то в целом эта совместная пропагандистская акция была очень успешной — полякам и немцам удалось добавить к итогам Второй

мировой войны еще несколько миллионов убитых европейцев и солдат со всего мира, воевавших в рядах союзников.

После войны для польских шляхетских уродов, шивающихся за границей и готовых за мелкие подачки на что угодно, Катынское дело стало единственным оправданием того, почему они не воевали против немцев во Второй мировой и почему гадят Польше и после войны. Фальсифицируя Катынское дело, в своих собственных глазах эти польские подонки представляли этакими «борцами с тоталитаризмом», хотя благодаря им поляк как таковой в глазах всего мира превращался во все большего идиота. В это время фальсификация Катынского дела велась методом постоянно болящего нарыва, без попыток его вскрытия, т.е. в прессе это дело мусолилось, но до разбирательства во всех подробностях не доводилось.

В период от смерти Геббельса до воцарения Горбачева поляки совместно с Западом в боях «холодной войны» сумели провести следующие акции.

6. Затеяли рассмотрение Катынского дела на Международном Нюрнбергском военном трибунале, вопреки его Уставу, но дали СССР представить показания всего трех свидетелей.

7. Два года собирали «несомненные доказательства вины СССР» силами Комиссии Конгресса США, но для открытого разбирательства в ООН их не предъявили.

8. Силами польского интеллекта непрерывно фабриковали гнусные, но крайне идиотские фальшивки, до такой степени глупые, что сегодня стараются о них забыть даже поляки.

Приход в СССР к власти безмозглого Горбачева и его команды оставил Советский Союз без управления. Этот пятнистый кретин спилил сук, на котором сидел, а упав с вершины на помойку, делает вид, что он именно этого и хотел из-за своей приверженности «общечеловеческим ценностям» и своему новому «мышлению». Пытаясь доказать Западу свою «цивилизованность», он принял геббельсовскую версию катынского дела, даже не пытаясь вникнуть в нее. Соответственно, в его правление:

9. КГБ СССР силами своих «аналитиков» подготовил схему фальсификации Катынского дела при помощи подлинных документов архивов СССР. Из архивов были предварительно изъяты документы, свидетельствующие о том, что военнопленным польским офицерам судом Особого совещания при НКВД были назначены сроки наказания в 3-8 лет и они весной 1940 г. были посланы в лагеря ГУЛАГа под Смоленск. Но были оставлены все документы о направлении дел военнопленных на рассмотрение Особого совещания, и таким образом создавалось впечатление, что поляки были расстреляны по его решению.

10. Затем в архивы были допущены в основном крайне подлые, но частью просто глупые «ученые», которые при находке любого документа, связывающего Особое совещание и поляков, тут же публиковали его в Польше и поднимали вой о том, что пленные поляки осуждены Особым совещанием к расстрелу.

11. Чуть позже, осенью 1990 г., главный военный прокурор СССР Катусев из отъявленных негодяев ГВП собрал «следственную бригаду» для юридической фальсификации этого дела.

12. «Следователи» ГВП активно включились в фальсификацию, убирая из дела № 159 улики и показания, доказывающие невиновность СССР, и включая в него фабрикуемые фальшивки и любые гнусные измышления, лишь бы они «доказывали» вину СССР.

13. И «ученые», и «прокуроры» до 1992 года обосновывали «версию КГБ», т.е. что поляки расстреляны по решению Особого совещания, и сотнями документов полностью доказали, что дела поляков действительно были рассмотрены этим судебным органом.

То, что капээсэсовские геббельсовцы комплектовались исключительно из подонков, предопределило катастрофически низкий уровень умственного развития как юридической, так и академической частей бригады Геббельса. В результате вся их работа свелась на нет, поскольку они упустили из виду, что Особое совещание НКВД СССР до ноября 1941 г. не выносило приговоров о расстреле. То есть:

— к 1992 г. и «ученые», занимающиеся Катынским делом, и ГВП СССР доказали, что пленных польских офицеров расстреляли немцы.

Весной 1991 г. в СССР был проведен референдум, и его граждане ясно и безусловно выразили свою волю - СССР должен быть сохранен целым и единым. Но в декабре 1991 г. «пятая колонна» вопреки воле всего народа разорвала Советский Союз на части, уничтожив его. По сей день это не только незаконно, но и небезобидно. Поскольку Родиной всех советских членов «пятой колонны» был СССР, а все члены «пятой колонны» обжирали Родину как могли, то нарушать ее территориальную целостность и суверенитет в угоду США и НАТО не имели права. Статья 64 Уголовного Кодекса

РСФСР гласит:

"Измена Родине, то есть деяние, умышленно совершенное гражданином СССР в ущерб суверенитету, территориальной неприкосновенности или государственной безопасности и обороноспособности СССР: переход на сторону врага, шпионаж, выдача государственной или военной тайны иностранному государству, бегство за границу или отказ возвратиться из-за границы в СССР, оказание иностранному государству помощи в проведении враждебной деятельности против СССР, а равно заговор с целью захвата власти, -

наказывается лишением свободы на срок от десяти до пятнадцати лет с конфискацией имущества или смертной казнью с конфискацией имущества".

Для подельников Б.Н. Ельцина, эта «смертная казнь с конфискацией имущества» остается актуальной и сегодня, поскольку законной передачи власти, а вместе с ней и законного изменения законодательства на территории СССР не было, да и не могло быть, учитывая результаты референдума 1991 г. Поэтому, в случае замены в Кремле американских клевретов на национальную власть, «пятой колонне» придется срочно отбывать за границу и тут для них очень важным будет то, насколько сильна будет Россия в политическом и военном плане: сможет ли она их вернуть оттуда или нет. Поэтому с 1991 г. для «пятой колонны» главным является всемерное ослабление политической и военной мощи России, и Катынское дело, выпихивающее Польшу из числа военных союзников СССР в лагерь военных противников — НАТО, для захватившей власть в России «пятой колонны» было очень важным. Фальсифицировать его требовалось и ельцинскому режиму.

Отсюда ясно, что пришедшим к власти в России ельциноидам исход уголовного дела № 159, при котором ГВП объявит правду — то, что поляков расстреляли немцы, был не нужен. И начались новые этапы его фальсификации.

14. Была изменена схема фальсификации: теперь, дескать, Политбюро сначала хотело рассмотреть дела поляков на Особом совещании, а в начале марта 1940 г. передумало и решило расстрелять их по приговору специальной «тройки».

15. Было изготовлено пять фальшивых «документов», причем так тупо, что если сказать, что они были сработаны топором, то этим будут незаслуженно и смертельно обижены не только плотники, но и лесорубы.

Беспримечательный идиотизм геббельсовцев привел к следующему.

— первая же попытка явить эти фальшивки на Конституционном суде с треском провалилась: фальшивость их была опознана судьями и адвокатами даже при поверхностном анализе. И протитупствующий Конституционный суд, хотя и приобщил эти «документы» к делу, но в своем постановлении о них не упомянул;

— для геббельсовцев наступил тяжелый период, поскольку они уже объявили о своей «находке», а показать эти документы людям было нельзя. В результате, два «документа» из пяти фальшивок вообще никогда и нигде не публиковались, два «документа» из оставшихся трех были переделаны (в «письме Берии» стерли дату, а в «письме Шелепина» добавили еще один штампик), но и в переделанном виде их ксерокопии были обнародованы только через три года — в 1995 г.

Но в целом «пятая колонна» добилась прекрасных для себя результатов. Благодаря подлым и продажным СМИ удалось вызвать ненависть поляков к России и спровоцировать сначала выход Польши из Варшавского договора, а затем вступление ее в НАТО. Катынское дело было использовано «пятой колонной» СССР и России точно так же, как его использовали гитлеровцы со своими польскими холоуями начиная с 1943 г., т.е. для вызывания ненависти у европейцев к СССР и России. Это привело к тому, что даже развал СССР не изменил антироссийской ненависти — остальные восточноевропейские союзники СССР также вступили в НАТО, добавив американцам своими гражданами пушечного мяса на границах России. Этим, безусловно, внешней безопасности России был нанесен невиданный ущерб. Никогда еще в своей истории Россия не была так слаба перед лицом столь сильной военной коалиции.

Катынское дело прекрасно объясняет, почему накануне Второй мировой войны потребовались чрезвычайные тройки и почему так беспощадно уничтожалась «пятая колонна». Но это не значит, что в сегодняшней России действия геббельсовцев и их пособников с точки зрения законов РФ расцениваются по-другому. Мягче, конечно, но в целом так же, как и в 1937 г. Статья 275 нынешнего Уголовного Кодекса требует: «Государственная измена, то есть шпионаж, выдача государственной тайны либо иное оказание помощи иностранному государству, иностранной организации или их представителям в проведении враждебной деятельности в ущерб внешней безопасности Российской Федерации, совершенная гражданином Российской Федерации — наказывается лишением свободы на срок от двенадцати до двадцати лет с конфискацией имущества или без таковой».

Таким образом, все эти академические и прокурорские геббельсовцы — это преступники, это государственные изменники.

Опыт работы в «Дуэли» научил меня, что при подобных выводах обязательно найдутся умники, которые зададут «нокаутирующий» вопрос: «Если эти люди преступники, то почему же тогда прокуратура не возбуждает против них уголовное дело, а суд их не судит?» Отвечу и на этот вопрос: у нас в России нет ни правительства, ни прокуратуры, ни суда. Мы, русские, со своей надеждой на «авось», со своим принципом «моя хата с краю!» бездумно сующие бюллетени в урны для голосования, превратили свою Родину в дохлого медведя, по которому ползают жирные трупные черви чиновников, депутатов, судей, прокуроров. Не мудрено, что и Европейская гиена щелкает зубами в ожидании куска — она гиена, мы сегодня ее законная добыча, как и Ирак.

Вот «Газета.Ru» 21.11.2002 г. побеседовала с членом комиссии Госдумы по борьбе с коррупцией Сергеем Шашуриным, который в свое время был доверенным лицом тех, кто обворовывал Россию по-крупному, и они доверяли ему хранить украденное.

"Правда ли, что вы за семь лет собрали и храните множество доказательств финансовых спекуляций? Говорят, один список фамилий 17 страниц занимает.

Зачем мне это хранить? Все документы уже давно переданы в прокуратуру.

И что прокуратура? Хотите сказать, бездействует?

Да в этом-то все и дело... Смотрите, на протяжении многих лет со времен перестройки в стране происходят очень странные процессы. Громадные суммы ежегодно уходят за пределы России. Об этом знают те, кто должен противодействовать оттоку средств за границу. Но конкретных мер никто не собирается принимать. При этом известны счета, где находятся деньги, известны финансовые механизмы, по которым они уходят. Известны все высокопоставленные лица, которые принимали участие в расхищении государственных средств. Но на протяжении этих лет никаких действий в отношении них не принимается.

Когда наступило прозрение?

Четыре-пять лет назад. Я несколько раз встречался с бывшим замгенпрокурора Катышевым, а впоследствии и с Василием Колмогоровым. И все больше стал убеждаться, что эти люди имеют отношение к сокрытию преступлений. Я ему рассказал, Колмогорову, что его дочери, так сказать, пользуются плодами этого золота в Швейцарии и Англии.

То есть вы опять все знали, но молчали?

Тут такая история. Прежде чем встретиться с Василием Колмогоровым, я весной этого года в Думе в присутствии 400 депутатов сказал прокурору Устинову, что на моих счетах лежат 14 млрд долларов денег. Списка вела тогда заседание. А на следующий день я пришел к Устинову. И он спокойно предложил получить мне свою долю с этого золота. Но появлялось условие: я должен молчать про все остальные дела. Я отказался. И сказал ему, что пусть мою долю и все деньги вернут России".

Из этих показаний понятно, что прокуроры России являются активными членами «пятой колонны» и разворовывают Россию вместе с главными ворами — правительством РФ. И вы хотите, чтобы Генпрокуратура возбудила уголовное дело против своих поделщиков? Ворон ворону око не выклюет...

А вот абсолютно либеральная «Новая газета» (№ 93/2002) сообщает о крике другого депутата:

"Депутат Госдумы от КПРФ профессор Георгий Костин прислал в редакции ряда воронежских СМИ брошюру со сравнительным анализом капитализма и социализма. В сопроводительном письме зампред думского комитета предлагает журналистам организовать дискуссию на эту тему. Помимо аргументов и фактов в защиту социализма в брошюре написаны пером конкретные убийственные вещи про разгул коррупции в России. Ну, например: "Официальная стоимость взятки за занятие должности начальника отдела Верховного суда достигла величины 400 тысяч долларов, заместителя председателя Арбитражного суда г. Москвы - 1,3 млн., а заместителя министра Минэнерго — более 10 миллионов долларов. Это сколько ж надо украсть, чтобы восполнить такие постановочные «расходы»?"

...В правительстве Касьянова взяточничество и коррупция государственных чиновников поставлены на поток, введены расценки за оказание любых услуг начиная с визирования бумажек и кончая распродажей предприятий, трансфертов регионам, получения ссуд и кредитов. За все установлен процент. Доходит до курьеза: премьера в глаза называют «два процента», а желающему занять чиновную должность предъявляют преysкурант, в котором указана цена его назначения..."

И вы ожидаете, что эти судьи осудят «пятую колонну», а эти чиновники организуют с ней борьбу? И долго собираетесь ждать?

Нет, читатель, нет! Нет в России ни прокуроров, ни судей. Есть только мразь на судейских и

прокурорских местах. Никого, кроме тебя, читатель, не осталось, и судить геббельсовцев должен ты, и приговор выносить тебе. Больше некому.